

«Быть тебе в каталожке...»

	Суперфин Габриэль Гаврилович (р.1943) -
	филолог, историк, архивист, участник правозащитного движения
	В иностранном каталоге - Superfin, Gabriel

Сборник
к 80-летию
Габриэля
Суперфина

«БЫТЬ ТЕБЕ В КАТАЛОЖКЕ...»

«Быть тебе в каталожке...»

Сборник в честь 80-летия Габриэля Суперфина

Составители:

Ольга Розенблюм, Илья Кукуй



**ESTERUM
PUBLISHING**

Составление, редаKTура, корреKTура

Ольга Розенблюм, Илья Кукуй

Компьютерный макет, обложка

Михаэль Винкерт

Каталожная карточка (обложка)

Наталья Скворцова

Верстка

Илья Кукуй

Розенблюм О., Кукуй И. (сост.)

«Быть тебе в каталожке...»: Сборник в честь 80-летия Габриэля Суперфина. — Франкфурт-на-Майне: Esterum Publishing, 2023. — 572 с. — 2-е издание, исправл. — ISBN 978-3-910894-00-6.

Сборник архивных публикаций и научных исследований, посвященный 80-летнему юбилею замечательного специалиста по архивному делу, историка и филолога Габриэля Гавриловича Суперфина, охватывает большой диапазон тем и методов в соответствии с широтой интересов юбиляра — классическая русская литература, Серебряный век, история и культура советского времени, русско-немецкие культурные связи, биографика и др.

Отдельный раздел составляют материалы, посвященные самому юбиляру и его роли в диссидентском движении 1960–1970-х годов.

© Esterum Publishing, 2023

© О. Розенблюм, И. Кукуй — составление, 2023

© М. Винкерт — оформление, 2023

© Авторы и наследники — тексты, 2023

Фотоматериалы воспроизводятся с разрешения владельцев.

СОДЕРЖАНИЕ

Новая Габриэлиада

Мемуары, не сверенные с архивом: 1959–1970 (Москва — Тарту)	11
<i>Татьяна Кузовкина</i> Габриэль Суперфин в Тарту (1964–1970)	27
<i>Роман Тименчик</i> Архивные фрагменты	55
Мемуары, не сверенные с архивом: 1970–1983 (Москва — места вынужденного пребывания — Тарту)	89
Хроника дела Габриэля Суперфина <i>Сост. Алексей Макаров.</i>	111
<i>Энн Комароми, Филип Лекманов</i> О нескольких моментах западной кампании в защиту Габриэля Суперфина	123
<i>Томаш Глани</i> Вторичное политическое поле Романа Якобсона и Габриэль Суперфин	133
<i>Гриша Фрейдин</i> Обед и беседа с Генри Киссинджером осенью 1974 года	155
<i>Зорян Попадюк</i> Во Владимирской тюрьме	161

Мемуары, не сверенные с архивом: 1983–1984 (Мюнхен)
Беседа И. Кукуя и А. Шибаровой с Сюзанной Франк 165

Гасан Гусейнов
О Суперфине, его прямоте и щедрости, смешливости
и незаменимости. 183

Жозефина фон Цитцевитц
Работа с оригиналом 191

Татьяна Никольская
Незавешенные картинки 195

На полях классики

Михаил Безродный
Три заметки на полях классики 201

Александр Соболев
Еще раз о происхождении дырочки в библиотечной карточке . . . 205

На полях гумилевского «Шатра»: записи Д. А. Ольдерогге
Предисловие и публикация Александра Лаврова 231

Александр Парнис
Наши «пылкие годы». 249

Глеб Морев
Новонайденный автограф О. Манделъштама 299

Михаил Михеев, Лев Эрлих
Письма Шолохова — *женёнке*, или Диалектная лексика
в личной (эпистолярной) жизни писателя 305

Сплетения и разрывы: Россия и Германия

Константин Азадовский
О Григории Забежинском (из цикла «Русские рилькеанцы») 339

Рената фон Майдель
Сплетения и разрывы. К истории антропософского движения. 371

Йоханна Рената Дёринг
Momentum для муз (три эпохи одного мотивного комплекса) 389

Марина Бобрик
Узник и часовой: две надписи на русском языке
из Бухенвальда 403

Анна Шибарова
«А я, как всегда, уцелел...» Из семейного архива
Натали Струве. 415

(Вне)литературный быт

Илья Кукуй
Очерки народной жизни: из практики советского адвоката
Приложение: В. Ионас. Поселок Луза Кировской области 461

Никита Охотин, Лидия Семенова
Из переписки Фриды Вигдоровой и Глеба Семенова. 1964–1965. 473

Ольга Розенблюм
Общественный, народный, метафорический?
Суд над Иосифом Бродским в записи Фриды Вигдоровой 507

Московский ипподром середины 1960-х
Беседа О. Розенблюм с Павлом Литвиновым 537

<i>Сабина Хэнсген</i>	
Лианозово в Бремене	
Приложение: Игорь Холин. Био-Интер-Вью	
<i>Видеозапись С. Хэнсген</i>	547
<i>Ольга Розенблюм, Илья Кукуй</i>	
P. S.	563

Новая Габриэлиада

Мемуары, не сверенные с архивом: 1959–1970 (Москва — Тарту)

«Мемуары, не сверенные с архивом» — сводный текст, подготовленный на основе онлайн-разговора о Гарике Суперфине 2 марта 2023 г., в котором участвовали Александр Даниэль, Ирина Емельянова, Сергей Неклюдов, Марина Поливанова, Борис Равдин, Маша Слоним, Роман Тименчик и составители сборника. Мы публикуем здесь отрывки из того разговора, дополнив их воспоминаниями Георгия Левинтона, Павла Литвинова, Александра Осовата, Татьяны Чудотворцевой (Котрелевой), Лазаря Флейимана, выстроив эти воспоминания хронологически и поделив их на две публикации — до отчисления Суперфина из Тарту в начале 1970 г. и после, вплоть до его отъезда из СССР в 1983 году. Третьей публикацией с тем же общим названием стала запись беседы Ильи Кукуя и Анны Шибаровой с Сюзанной Франк о десятилетии с 1983-го по 1994 г., которое Суперфин прожил в Мюнхене, работая на радиостанции «Свобода». Надеемся, что публикация этих разговоров с нашими комментариями заполнит очевидную лакуну в сборнике — отсутствие биографии и библиографии юбиляра¹. — О. Р., И. К.

Сергей Неклюдов: Гарик всегда был таким человеком: он сводил людей. Через него устанавливался пароль — общие знакомые. Помню, когда я познакомился с Наташей Горбаневской, мы искали общих знакомых, это был, видимо, 1962 год. Мы сдавали «хвосты»: у нее был открепительный талон от Ленинградского университета, а у меня — просто передача какой-то общественной дисциплины. И вот мы сидели в коридоре еще в старом здании филфака МГУ, не зная друг друга

¹ Напомним также о биобиблиографической заметке Д. И. Зубарева, составленной к 65-летию Суперфина: <https://www.ruthenia.ru/document/545599.html>

по именам, но как-то поговорили и довольно быстро нашли первого же общего знакомого: это оказался Гарик, естественно.

Я с Гариком познакомился не позже 1960-го: может быть, в 1959 году — точнее сказать не могу... Пожалуй, что через покойного Сашу Сумеркина, это была такая предстуденческая или уже студенческая компания: покойный Юрий Гельперин, Гарик. Я познакомился с ним через Сашу и, по-моему, просто в его комнате, где собиралась вся наша компания того времени (он жил один). Саша Грибанов тогда еще не появился.

Ирина Емельянова: Впервые я услышала о Гарике от Бориса Леонидовича Пастернака, это было зимой 1959–1960 года. Он часто приходил в наше Измалково², один раз пришел такой оживленный, валенки отряхнул от снега и сказал: «У меня сегодня было три школьника...» Студенты Литинститута к нему приходили — это не было для него неожиданностью. Но школьники его все-таки приятно удивили: это были Юра Гельперин, Саша Сумеркин, а другой — он сказал: «А другой такой ма-а-аленький и не просто финн, а — Суперфин!» — вот это я хорошо запомнила. А уже впоследствии я эту троицу — Юру Гельперина, Сашку Сумеркина и Гарика — увидела на похоронах Пастернака. Они стояли рядом, Юра Гельперин очень хорошо читал любимые стихи Пастернака, а Гарик и Саша держали его за руки: «Мужайся, мужайся...» Таким образом Гарик вошел в мою жизнь.

Маша Слоним: По-моему, я с ним познакомилась — Сереж, у вас? Я с Надькой³ поступала вместе в университет.

Сергей Неклюдов: Да, она меня с тобой познакомила, это был 1965 год.

2 В это время Ирина Емельянова жила в Измалкове вместе с матерью Ольгой Ивинской.

3 Надежда Всеволодовна Эльская (1947–1978) — впоследствии ученица Оскара Рабина, участница «Бульдозерной выставки», в 1965–1966 гг. — жена Сергея Неклюдова.

Маша Слоним: Такое ощущение, что после этого мы не разлучались. Гарик у меня одно время не то что поселился, но как-то жил: я помню, и носки его, и платки носовые у нас по квартире гуляли всегда, Бася Григорьевна ему выдавала чистые, и я их с удовольствием использовала. Жили одной семьей с тех пор. И потихонечку какой-то самиздат пошел в моей квартире на Бутырском, и Наташа — Наташа через Гарика? нет, по-моему, через Павла⁴ — Наташа Горбаневская появилась в моей жизни. Господи, что рассказывать? Целая жизнь с 1965-го по мой отъезд. Его арест, мой отъезд...

Илья Кукуй: Вы сказали, что Гарик — это вся долгая жизнь. А что вам кажется в ней (и в нем) самым существенным?

Маша Слоним: Для меня в Гарике самое главное — теплое его присутствие в нашей жизни. Мама моя его любила как сына: у нее не было никогда сына, Гарик стал ей сыном, мне братом, ну, каким-то совсем родным. А все остальное — и эта его потрясающая деятельность, и самиздат, и «Хроника», и... Это, конечно, важно было — это красит его, — но для меня все-таки Гарик — это какой-то совсем неприкаянный, очень неуютный, а при этом — какой-то ужасно домашний. Это семья моя.

Татьяна Чудотворцева (Котрелева): Для меня слово «Гарик» — это сама жизнь. Как говорила моя крестная, которая книжку с таким названием написала, Наташа Трауберг, — «сама жизнь».

В самом начале знакомства Гарик был для меня человеком, с которым сопоставляется слово «Тарту». У меня есть фотографии — проводы Гарика в Тарту, где стоят на перроне Дима Борисов, Маша Слоним, Ира Одаховская, Саша Грибанов, Коля, Наташа Светлова с маленьким

4 Павел Михайлович Литвинов (р. 1940) — диссидент, составитель сборников «Правосудие или расправа? Дело о демонстрации на Пушкинской площади 22 января 1967 года» и «Процесс четырех», участник демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 г., двоюродный брат Марии Слоним.

своим сыном, покойным Митей. Это очень раннее фото, наверное, до моего появления в этой их жизни, до 1966 года.

Сергей Неклюдов: Он поступал в МГУ, его провалили на экзамене, с вполне таким антисемитским душком; сдавал литературу Радцигу, и тот под конец сказал: мол, ответ хороший, но вы человек слишком нервный, не сможете у нас учиться; впоследствии Гриня Ратгауз мне подтвердил: да, Радциг — «известный член Союза русского народа». Гарик вспылил, порвал экзаменационный билет; вообще потом с трудом извлекли через знакомых из приемной комиссии его документы; и Вячеслав Всеволодович <Иванов> написал Юрию Михайловичу <Лотману> в Тарту: есть такой способный молодой человек, не возьмете ли вы его? И Гарик отправился в Тарту и развил там кипучую деятельность, которая среди прочего сводилась к тому, что он активно участвовал в студенческих конференциях и просто организовывал их. Прошли уже годы, он уже там учился (да, по-моему, в 1965-м), и он прислал мне, — уже выпускнику (я как раз оканчивал филфак) — такое общее приглашение на студенческую конференцию; я поехал, взяв с собой почти весь фольклорный семинар Елеазара Моисеевича <Мелетинского>, в том числе — мою сокурсницу, покойную Лену Новик. С Ромой Тименчиком мы тогда познакомились, с покойной Леной Душечкиной, с Лазарем <Флейшманом>. У меня это было к тому же еще и свадебное путешествие — с моей первой женой Надей Эльской.

Лазарь Флейшман: Гарик с тартусцами — Сеней Рогинским и Леной Душечкиной — любил наезжать к нам в Ригу на уикенды (говорю о том периоде, середина 1960-х годов), и обычно они с поезда располагались у нас в квартире, в самом центре города. Моя мама тоже очень сильно полюбила его, «как сына». После ареста Гарика, когда мы были уже в Израиле, у меня с Басей Григорьевной восстановился и продолжался эпистолярный контакт, она посылала, хоть сдержанные и скупые, но новости, какие можно было. И в какой-то момент — сейчас не скажу, от нее ли самой пришел такой импульс-намеки или мы

с мамой сами решили направить ему вызов «по семейной линии», но моя мама отправила ему вызов — как племяннику, полагая, что в любом случае повредить это не может. После его выхода из лагеря мы такое приглашение оформляли снова, кажется, по сигналу, от кого-то полученному из СССР.



Илл. 1

*Л. С. Флейшман, Г. Г. Суперфин, С. Ю. Неклюдов.
Мичуринец, 1968 г. Собр. С. Ю. Неклюдова.*

Борис Равдин: С Гариком, как и большинство рижан, как Женя Тоддес, как Лазарь Флейшман, я познакомился через Рому Тименчика, который был первым ходоком из Риги в Тарту. Вслед за ним на тартуские студенческие конференции стали ездить и другие рижане, а я познакомился с Гариком чуть позднее, в 1965 году, после армии (или все же в конце 1964-го?). Что я тогда заметил и отметил: в отличие от ос-

новной компании, которая сложилась тогда в Тарту, Гарик занимался абсолютно всем: и историей литературы, и языкознанием (помню, как он восхищался какими-то изощренными фонемами одного из кавказских, что ли, языков), и общественным движением, и историей... Юрий Михайлович Лотман говорил не то Сене Рогинскому, не то Гарику (скорее, именно Гарику): стоит ли так разбрасываться? Но Гарик не учел этого замечания Юрия Михайловича.

Через какое-то время, лет так через пятнадцать после слов Ю. М., когда я как-то приехал в Тарту, он, по особенностям своей биографии, служил в газетном киоске (где, кстати, я, пользуясь «связями», затоварился дефицитными болгарскими сигаретами «ВТ»). Я попробовал посмотреть на покупателей газет, журналов, конвертов, марок и т. д. глазами «киоскера», через «глазок» киоска.

Александр Даниэль: Это после ссылки. Когда кто-то подошел к Гарику, к киоску и спросил: «Свежая „Хроника“ поступала?»

Борис Равдин: Киоск не киоск, но и после лагеря, после ссылки он не оставлял своего многоборья и по-прежнему занимался и копьём, и гранатой, и метанием молота, и кувалдой... Как-то мы оказались в Тарту вместе с Наташей Рогинской и в ожидании автобуса «вписались» к нему в дом. Чай-сахар, попутно Гарик сидит с учебником не то новогреческого, не то древнегреческого и время от времени, навёрстывая упущенное, что-то бормочет на одном из этих двух языков. Не знаю, занимается ли он сегодня греческим, но вот говорю на днях с Леной Стабуровой, рижским синологом, женой латышского поэта Улдиса Берзиньша, с которым Гарик был знаком. Лена припомнила: «Да, когда Гарик сидел, мы с Улдисом однажды зашли к его маме, смотрю — лежит на виду китайско-русский словарь. Не помню, что было дальше, но мама Гарика разрешила мне взять этот словарь. Взяла, но до сих пор побаиваюсь: если я расскажу об этом Гарику, он потребует вернуть ему словарь, вдруг у него по-прежнему существуют какие-то взаимоотношения с китайским языком». Может, Лена и права, всех научных страстей и пристрастий Гарика не уловить. Разве что представить себе впечатляющее число публики разных специальностей,

которой он подбрасывает разного рода ссылки, сноски, «записи и выписи». Вот, например, недавно Л.А., из московской цирковой семьи (папа — верхний пируэтист, мама работала «бассейн»), вспомнила при мне гастрольный «маршрутный лист», который мама время от времени напевала: «Чик-Чик-Коченево-Буготак-Толмачево-Омск-Томск-Челябинск-Сухум-Батум-Барабинск-Караганда-Чита-Чита...» Нет сомнений, Гарик знает, как и кому пристроить эту «речёвку», чтоб не пропадала. И это не только интересы людей из ближнего и дальнего его окружения, это в какой-то степени и отложенный по разным причинам его собственный спрос.

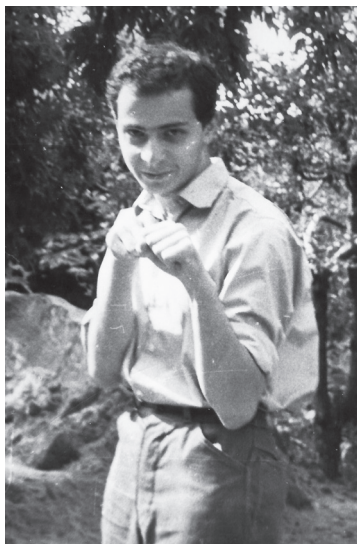
С Гариком мы вместе делали статью про Лидию Норд и отдельно занимались Агеевым, автором «Романа с кокаином». Ну, конечно, если не считать ленту разных библиографических справок и т. п. с его адреса в мой.

Марина Поливанова: Да, Гарик доказал, сопоставив список выпускников гимназии Креймана с героями повести, что «Роман с кокаином», об авторстве которого спорили 60 лет, в частности приписывая его Набокову, написал Марк Леви⁵.

Георгий Левинтон: Я познакомился с Гариком в Ленинграде, году в 1967-м, на филфаке ЛГУ, были Тименчик, Бешенковский и он, виделись совсем мельком. В 1969 году я на одни сутки приехал в Тарту и ночевал в его комнате. Гарик, который очень редко пил, в этот день напился и обстреливал апельсинами студенческое кафе, пришел в общежитие поздно и уже вменяемый, и мы говорили о теме, которой он больше не занимался, — легендах о кровосмесителе. В том же году он отдал мне

5 См.: Сорокина М. Ю., Суперфин Г. Г. «Был такой писатель Агеев...»: Версия судьбы, или О пользе наивного биографизма // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 16. М.; СПб.: Феникс-Атенеум, 1994. С. 265–289; 2-е изд.: Леви М. Роман с кокаином. М.: Согласие, 1999. С. 255–291. См. также: Тименчик Р. Супер // Звезда. 2008. № 9. — <https://magazines.gorky.media/zvezda/2008/9/super.html>.

свои черновики и курсовую работу по этой теме⁶. Работу потом потребовали на кафедре, и я не сообразил соврать что-нибудь и послушно ее отдал. Потом она, конечно, пропала. В 1969-м или в 1970 году Супер председательствовал на студенческой конференции, был доклад об Ахматовой (М. Кралина?). Гарик спросил, нет ли у меня бумаги, я дал оборот машинописи и сказал: «Пиши на моем черновике». Он блеснул глазами в ответ. На банкете в 1969 году мы сидели подряд, как кто-то заметил: Игорь Аполлониевич⁷, Габриэль Гаврилович и Георгий Ахиллович. Потом Ю. М. Лотман не мог избавиться от иллюзии, что меня зовут Габриэлем.



Илл. 2

Габриэль Суперфин. Ок. 1968 г. Собр. И. И. Емельяновой.

-
- 6 Суперфин Г. Русские тексты о кровосмесителе // Материалы двадцать первой научной студенческой конференции. Ч. 3. Филология. История. Педагогика. Психология. Тарту: Тартуский государственный университет, 1966. С. 31–32.
- 7 Об Игоре Чернове, ученике Лотмана, много лет преподававшем впоследствии в Тарту, в 1992–1997 гг. заведовавшем отделением семиотики Тартуского университета, см. слова его коллег: <https://ruthenia.ru/document/551737.html>

Александр Даниэль: Имя Гарика Суперфина я услышал за пару недель до того, как я с ним познакомился, — именно в Тарту, когда я приехал туда поступать в 1968-м. Я приехал в июле туда, а в августе познакомился с Гариком. По просьбе отца, который сидел тогда в лагере, я зашел к бывшему политзаключенному, он только-только освободился и жил в Тарту: Март Никлус, он и сейчас там живет, биолог. Я назвалса, он меня принял и в разговоре между делом сказал примерно такую фразу: «Тут ко мне приходили двое молодых людей: Арсений Борисович Рогинский и Габриэль Гаврилович Суперфин...» Сочетание «Габриэль Гаврилович» запомнилось сразу, и так я впервые услышал имя Гарика. А заходили они по просьбе Наташи Горбаневской: что-то ей для «Хроники» в этот момент было нужно узнать у Марта — что-то связанное, видимо, с мордовскими лагерями. А через пару недель уже в тартуской этой тусовке, в которой я на правах совсем младшего оказался в это время, я и с самим Гариком тоже встретился; то ли это было у Юрия Михайловича, то ли это было у Якова Абрамовича Габовича — тоже тартуский профессор, но не гуманитарий, а математик, он был одним из центров светской жизни города Тарту.

Ольга Розенблюм: В 1968-м в Тарту, в Риге хорошо было понятно, кто делает «Хронику»?

Александр Даниэль: Мне кажется, это был секрет Полишинеля, что «Хронику» делает Наташа Горбаневская. В Тарту, во всяком случае. Да и в Москве тоже, честно говоря.

Александр Даниэль: Что касается Гарикова диссидентства — так Тарту вообще был такой заповедник диссидентства, такое место, где диссидентам было привольно и хорошо. Гарик, как мне кажется, был самым отвязным в этой компании, но не единственным. Не ощущалось, что он там «белая ворона», скорее наоборот. Хотя в Тарту он тоже был, конечно, анфан террибль.

Илья Кукуй: А как Юрий Михайлович к этому относился?

Александр Даниэль: Не знаю. Я бы сказал, доброжелательно-иронически — как вообще Юрий Михайлович относился к своим друзьям-диссидентам, к активным диссидентам.

Роман Тименчик: Ответ на этот вопрос, Сань, содержался в песне Якова Абрамовича Габовича, в первых строчках этой песни: «Расскажу вам по секрету, что... — это на мотив „Тиритомбы“ — ...Расскажу вам по секрету, что наш Гарик продолжает куролЭсить, мне на улице Каштановой сказали: это здорово их бесит»⁸. Даже был припев: «Ай-да Гарик, ай-да Гарик! Ни за что и ни про что ты пропадешь! Как пожарик, как пожарик, свое счастье ты сожжешь...»

Марина Поливанова: Когда Гарик уже после ссылки и лагеря жил в Тарту (Машка как раз родилась, дочка), Лотман ежемесячно давал Гарику деньги, насколько я помню. Платил как стипендию, как пособие.

Борис Равдин: И еще раз о многообразии его интересов. Да, занимался он всем! Всем, кроме семиотики! Это в Тарту-то тех лет — кроме семиотики! Напомню по этому случаю соответствующий стишок Ромы Т.:

N.N. был зоосемиотик.
Сказать точнее — жил с козой.
И вместо душевных библиотек
Водил козу на водопой!

Набегает еще один стишок Гарика, «автометаописательный», что ли:

Что писать, как не стихи,
Если есть машинка в доме!

8 Ю. М. Лотман жил в Тарту на ул. Кастани (Каштановой).

Все равно что жить в Содоме
И не знать, что есть грехи!

Татьяна Чудотворцева (Котрелева): Когда мы с Колей поженились и стали жить в коммуналке на Сивцевом Вражке, Гарик появлялся ежедневно, если был в Москве. Я помню, я сидела за своим столом в коммунальной комнате и рисовала, а Гарик с Колей спорили о чем-то. И постоянно раздавался голос именно Гарика. Он все время над моей головой произносил два слова — «семантика» и «семиотика». Когда я повернулась с диким раздражением, чтобы они куда-то делись со своими «семантиками» и «семиотиками», Гарик, с удивлением глядя на Колю и на меня, сказал: «Какая ты необразованная!»

Борис Равдин: Вот еще один эпизод. Шел август 1968-го года, известные события. Я опасался, что меня заберут в армию, и решил, что лучше всего мне мотануть в Москву: там меня не уловят. Поехал, на вокзале меня ждали Гарик и Лазик <Флейшман>. Пошли в город — на Красной площади встретили Колю Котрелева с детской ванночкой — мне как-то странно было видеть это: ни в печати, ни в кино я раньше не видел, чтобы по Красной площади люди ходили с детской ванночкой. Вот только не помню, как Коля нес эту ванночку: под мышкой или как-то на голове? Довольно быстро Гарик куда-то отвалил. И я еще подумал: куда же он так быстро исчез под вечер в августе 1968 года? Мог бы и догадаться... Саш, он мог в августе 1968-го исчезнуть «по делу»? Наверное ведь, да?

Александр Грибанов: Наверное, мог. Но мог и без дела.

Лазарь Флейшман: Август 1968-го: помню, что мы с Гариком утром 21 августа вместе должны были куда-то ехать, — может быть, в тот же Мичуринец, — взяли такси, и шофер нам объявил, что введены войска — чтобы войска НАТО (или западногерманские реваншисты — такой жупел был тогда модным) не вторглись в Чехословакию.

Борис Равдин: Как-то раз мы с Гариком поехали к Диме Борисову, помню, были там еще Женя Бешенковский, Хенрик Баран — он принес две большие бутылки виски „Ballantines“, которые пришлось впору всем, кроме Гарика, он разве что язык в рюмке обмочил.

Потом он заперся в туалете и долго оттуда не выходил. А потом из туалета повалил дым. Мы заколотили в дверь, а оттуда раздались какие-то бормотанье и смех. Дверь, наконец, отворилась, стало понятно, что Гарик жег в туалете какие-то бумаги. Ситуация была какая-то цирковая: дым из туалета... Интересно, почему он предпочел жечь бумаги, а не порвать их в мелкие клочья и спустить в унитаз, как это было принято при разных опасениях? Ну, еще бумаги можно было варить в кастрюле, но что-то я такого в рассказах о Гарике не упомяну, разве что он сам рассказывал о чем-то близком. Нет, все же соврал я. Этот эпизод был не в 68, а спустя года 3-4. Но за дым из туалета ручаюсь!

Александр Даниэль: Я помню, захожу как-то к Гарику на Бронную, у него на кровати — гора книг, и он из какой-то книги выхватывает бумажку и говорит: «Смотри, знаешь, что это такое? Это, — говорит, — автограф Льва Толстого я нашел...» Ну, какая-то фраза на французском языке.

Илья Кукуй: А скажите, пожалуйста, что это значит: в биографической справке Дмитрия Зубарева сказано, что Суперфин в Тарту занимался по индивидуальному плану. Как мог быть индивидуальный план у студента, который числился на общих основаниях?

Сергей Неклюдов: Это было допустимо. И в МГУ было допустимо получить индивидуальный план в каких-то случаях. Это делалось по каким-то веским причинам, а уж в Тарту — тем более. Это, по-моему, зависело в основном от кафедры, а значит, утверждалось в деканате, скорее всего. Ну, Гарик в эти рамки как-то совсем не укладывался.

Илья Кукуй: Индивидуальный план означает, что студент сдает не те экзамены, которые сдают все?

Сергей Неклюдов: Я не помню сейчас точно. Тот нормативный минимум, который предписан был советскими учебными программами, министерскими и прочими, конечно, сохранялся; индивидуальный план не давал облегчения, индивидуальный план давал усложнение жизни, потому что появлялись дополнительные предметы, и, возможно, появлялись какие-то комбинации, может быть — перестановки во времени, например, сдачи. Что я точно помню: у Гарика был индивидуальный план, который он не выполнил, — в силу ряда обстоятельств, и личностных в том числе. Но такая институция существовала в советском высшем образовании. Это не было новацией Тартуского университета.

Александр Даниэль: Мне почему-то кажется, что и Арсений тоже занимался по индивидуальному плану у Юрия Михайловича.

Сергей Неклюдов: Про Сеньку не помню. Очень не исключаю, вполне может быть. Вообще там было больше вольностей, естественно, чем в Москве или в других местах.

Георгий Левинтон. Индивидуальный план Супера я читал⁹, не помню обстоятельств, но я видел его году, вероятно, в 1969-м (раньше я не бывал в Тарту, а позже Гарика уже отчислили — эксматрикулировали, как это называлось в Тарту. Машинописный текст, расписанный, кажется, по семестрам. Помню оттуда только один пункт — «Славянская палеография», что вызвало почтение и некоторую зависть (учебник палеографии Соболевского я прочел только через 30 лет).

Илья Кукуй: Гарика отчислили по запросу КГБ на 5-м курсе?

9 Левинтон Г. А. Заметки о зауми 1. *«Дыр бул щыл»* // Левинтон Г. А. Статьи о поэзии русского авангарда. Helsinki, 2017. С. 28.

Сергей Неклюдов: Ему не дали закончить в последний момент: у него было большое количество академических задолженностей, вполне реальных. Университет был вынужден под давлением, видимо КГБ, отчислить его по задолженностям: у них было формальное основание. Но ЮрМих тогда списался с Пугачевым¹⁰, была идея его устроить в Саратове, видимо, перевести, чтобы он доучился там. Я думаю, что и этого ему бы не дали, но это уж другой вопрос, — он и сам сделал все, чтобы ему этого не дали: он до Саратова, по-моему, так и не доехал ни разу. Документы его туда ушли, там и сгинули. Когда он уже в Бремене работал, в архиве, и этого самого диплома о высшем образовании ему на самом деле сильно не хватало — просто для положения его, для зарплаты, — сколько я ни пытался понудить его извлечь каким-то запросом, найти в архиве эти документы (видимо, можно было сделать так, чтобы была зачтена не выполненная программа, а сумма сданных предметов, которая сильно превышала количество того, что он должен был бы сдать по программе), он не хотел, фыркал, отругивался, и в конечном счете, так это дело и заглохло. Так его документы из Тарту где-то в архивах саратовского университета и находятся.

Илья Кукуй: Внимание КГБ к нему в конце 1960-х годов было в связи с «процессом четырех», да?

Александр Даниэль: Что-то подписал?

Ольга Розенблюм: «Письмо 170-ти».

Георгий Левинтон: В 1969 году после студенческой конференции — еще не отчисленный, насколько я понимаю, — Гарик поехал в Ленинград (он остановился тогда у Левы Васильева и Беллы Улановской) и лег в Бехтеревку — кажется, чтобы получить академотпуск (там за-

¹⁰ Владимир Владимирович Пугачев (1923–1998) — литературовед, ученик Ю. Г. Оксмана и Г. А. Гуковского, в 1960-е преподавал в Горьком, после волны арестов и увольнений 1968 г. вынужден был уехать из Горького и вернуться в Саратов.

ведовала отделением мать Миши Билинкиса, Милица Николаевна Бобровская, которая опекала многих тартусцев). По-моему, на конференцию 1970 года он приехал из Москвы, уже не будучи студентом.



Илл. 3

*Габриэль Суперфин. Весна 1964 г. Москва, Суворовский бульвар.
Фото Ю. Гельперина. Собр. М. М. Поливановой.*

Татьяна Кузовкина

Габриэль Суперфин в Тарту (1964–1970) ¹

Основные факты пребывания Габриэля Гавриловича Суперфина в Эстонии хорошо известны: в 1964 г. поступил на историко-филологическое отделение Тартуского государственного университета, в 1969 г. был отчислен за правозащитную деятельность, в 1980 г., по возвращении из ссылки, вновь поселился в Тарту, работал продавцом в газетном киоске, затем — реставратором в Историческом архиве, откуда был уволен в 1983 г.; под нажимом КГБ был вынужден эмигрировать.

Цель нашей публикации — представить в хронологическом порядке материалы о Суперфине — студенте Тартуского университета, которые накопились за время работы с архивом Юрия Михайловича Лотмана, подготовки выставки к его 90-летию (февраль 2012 г.), издания переписки Ю. М. Лотмана и Зары Григорьевны Минц с Борисом Федоровичем Егоровым, изучения истории кафедры русской литературы Тартуского университета. Во всех этих делах с 2011 г. участвовал и Габриэль Гаврилович: вначале как стипендиат Лотмановской стипендии Таллиннского университета, после — на протяжении учебного 2011/2012 года — как сотрудник Лотмановского архива Таллиннского университета, куратор выставки, затем (с 2013 г. и по сей день) как консультант нескольких исследовательских проектов. На протяжении всего этого времени мы могли наблюдать «метод Суперфина» в действии: его умение найти нужный архивный документ, истолковать его с учетом различных контекстов, способность установить контакт

¹ Статья написана при поддержке Исследовательского фонда Института гуманитарных наук Таллиннского университета. Автор сердечно благодарит за помощь в подготовке текста Зою и Маю Халтуриных.

с людьми разных поколений и политических взглядов. Здесь, конечно, на первом плане диалогичность, уважение и сочувствие к собеседнику, его жизненному опыту, связи с историей семьи, культуры, страны, способность увидеть мир и событие его глазами. Работая рядом с Гариком, поражаешься количеству фактов, сохраненных его памятью, и сетуешь на то, что они запоминаются тобою вскользь, отрывочно, что они склонны исчезнуть, не быть поставленными в логическую цепь интерпретации.

В статье использованы интервью Суперфина, документы его архива, включая электронную копию его следственного дела в КГБ (далее — Дело 1973), которую он разрешил нам скопировать, воспоминания и письма современников. Данная реконструкция не претендует на полноту, наша цель — продолжить диалог с героем публикации, услышать его замечания, дополнения, уточнения, которые помогут в дальнейшем создать полную и точную картину тартуского периода его жизни в контексте истории кафедры русской литературы Тартуского университета и биографии Ю. М. Лотмана.

Первые впечатления

Габриэль Суперфин первый раз приехал в Тарту из Пярну в августе 1963 г. Этому приезду предшествовали: дружба с Ириной Ивановной Емельяновой², участие в московском симпозиуме по семиотике 1962 г. в качестве слушателя, неудачная попытка поступить на отделение классической филологии в МГУ (современники называют причиной антисемитизм), обращение Ирины Емельяновой к своему другу — Вячеславу Всеволодовичу Иванову — с просьбой помочь Суперфину. 9 августа 1963 г. Вяч. Вс. Иванов написал Лотману:

2 Ирина Ивановна Емельянова (р. 1938) — дочь О. И. Ивинской, педагог, писательница, мемуаристка; см. ее воспоминания о знакомстве и дружбе с Г. Суперфином в наст. изд.

Обращаюсь к Вам со следующей просьбой: не могли ли бы Вы (и другие коллеги по университету, занимающиеся новыми методами в гуманитарных науках) содействовать приему в Тартуский университет весьма способного молодого человека — Габриэля Гавриловича Суперфина. Он обладает разносторонними знаниями в области русской, западноевропейской и античной литературы, участвовал (как внимательный слушатель) в нашем симпозиуме по семиотике. Ему не удалось поступить в Московский университет по причинам, которые не делают честь тем, от кого это там зависело. Очень хотелось бы ему помочь. Разумеется, понимаю, что сейчас уже поздно включаться в конкурсные экзамены, но если бы в этом случае можно было бы сделать исключение, я был бы очень за это признателен Вам и Вашим коллегам. Я просил передать Г. Г. Суперфину, который на неделю уехал отдыхать в Пярну, чтобы он на обратном пути заехал в Тарту и постарался Вас разыскать³.

Судя по тартускому почтовому штемпелю, письмо было получено 11 августа, а 16 августа Лотман ответил телеграммой: «Для определения возможностей необходимо личное присутствие Суперфина всеми документами Тарту случае моего отсутствия пусть обратится к доценту Смирнову⁴ попробуем сделать все возможное уважением Лотман» (Лотман 1997: 646).

Сам Суперфин вспоминал:

3 Рукописный отдел Библиотеки Тартуского университета (далее — РО БТУ). Ф. 135. Ед. хр. 551. Лл. 2–2 об.)

4 Савватий Васильевич Смирнов (1929–2002) — лингвист, выпускник ЛГУ (1953), на последнем курсе учился в Карловом университете в Праге, преподаватель, доцент, профессор (1979) кафедры русского языка ТГУ (1953–1983), заведующий кафедрой (1963–1975 и 1978–1980); сотрудник Института языка и литературы АН Эстонской ССР (1983–1991), профессор отделения русской филологии Таллиннского педагогического института (1991–1995), с 1996 г. жил в Санкт-Петербурге.

С Лотманом мы встретились — оказалось, он уже поговорил обо мне с ректором. К счастью, подавать документы уже было поздно, и я мог еще год протянуть в Москве. Мы условились о поступлении в будущем году и что пока я буду заниматься языком Семена Боброва, поэта начала XIX века. Я помню некоторые детали этой первой встречи. Крупноносый, усатый человек в белой непромокаемой куртке. Он казался старым, хотя, как мы знаем, ему едва исполнилось 40 лет. Лотман позвал меня домой и стал проверять, что я знаю. В квартире были высокие книжные полки: он взял стремянку, полез наверх, достал томик Гейне и дал мне переводить. В общем, понял, что мой немецкий такой же плохой, как и другие мои знания. Но он ничего не сказал, кроме того, чтобы приезжал через год.

(Суперфин 2020a)

В библиотеке автора статьи хранится случайно обнаруженный в депозитарии Эстонской национальной библиотеки⁵ экземпляр «Русской филологии 1: Сборника студенческих научных работ» (Тарту, 1963) с владельческой надписью «Суперфин». От кого он поступил, установить не удалось, но первый владелец описал на обратной стороне обложки обстоятельства его приобретения:

Кажется, этот экземпляр был куплен мной в 1963 г. в Тарту. В августе этого года я поступал на классич<еское> отд<елени>е МГУ и провалил (или сдал на тройки) вступит<ельные> экзамены. И был друзьями (художник Ал<ексан>др Рюмин, в дальнейшем известный...⁶) увезен из Москвы. В Пярну. Через несколько дней туда пришла телеграмма от моей мос<ковской> приятельницы, которая поговорила обо мне с ее приятелем. Это был

5 Одной из функций этого книгохранилища является хранение и перераспределение книг, поступающих от частных лиц и учреждений.

6 Александр Алексеевич Рюмин (р. 1944) — художник, член-корреспондент Российской академии художеств (2007).

Вяч. Вс. Иванов. Он связался с Лотманом, который пригласил меня явиться в Тарту. Тогда из Пярну я поехал...

И стало очень грустно оставаться в этом городке. Слава богу, ЮМЛ, поговорив с ректором сказал, что в этом году уже сроки пропущены и договорились о моем поступлен<ии> на след<ую>щий> год. Как я был рад умчаться отсюда! Правда, кое-что из книг я купил, вот эту, например. 27 июня 2016 гг.

В позднейших интервью при упоминании первых тартуских впечатлений повторяется характерная деталь: «Кафедра, весь город пропахли, знаете, такими брикетами, которыми топили, и этот невыносимый запах меня, ну... Мне хотелось быстрее уехать оттуда!» (Суперфин 2020б).

23 января 1964 г. Иванов писал Лотману: «Я давно уже собирался Вам написать, чтобы поблагодарить Вас за Вашу отзывчивость и старания помочь устройству Г. Суперфина, но не мог собраться — сперва из-за пережитого мной горя⁷, потом из-за последовавшей за ним болезни»⁸. Сразу по получении письма (31 января 1964 г.) Лотман отвечал:

Благодарить меня, к сожалению, за «устройство» Суперфина пока еще нечего: ничего еще не было сделано. На меня он произвел впечатление человека безусловно способного, вероятно, даже талантливого, но глубоко травмированного. Очень хочется ему помочь — пусть напишет мне весной, когда определятся условия приема этого года. Есть все основания полагать, что в этом году, как и в прошлом, будет приниматься группа без обязательного знания эстонского языка — тогда дело за ним: сдаст хорошо — поступит. Конкурсы у нас небольшие, а фокусов не бывает.

(Лотман 1997: 646)

7 15 августа 1963 г. умер отец Вячеслава Всеволодовича — писатель Всеволод Вячеславович Иванов.

8 РО БТУ. Ф. 135. Ед. хр. 551. Л. 4.

«Он все же принадлежит к незаурядной молодежи»

За год до поступления в Тарту Суперфин занимался в московских архивах поисками материалов о лингвисте Евгении Дмитриевиче Поливанове, результатом этих разысканий стала первая публикация (в соавторстве с Алексеем Алексеевичем Леонтьевым) в сборнике материалов межвузовской лингвистической конференции в Самарканде (Леонтьев/Суперфин 1964). Его устремленность к науке была сразу замечена Лотманом, который осенью 1964 г. сообщил Ларисе Ильиничне Вольперт: «У нас на первом курсе, кажется, серьезное приобретение, сильный филолог, Суперфин» (Вольперт 2008).

Сразу после успешной сдачи Суперфином вступительных экзаменов Лотман предложил ему участвовать в качестве слушателя в первой Летней школе по вторичным моделирующим системам в Кяэрику (19–26 августа 1964 г.). В протоколе одного из заседаний, сделанном рукой Зары Григорьевны, записаны вопросы, которые задавались Ю. М. Лотману после его доклада «О возможности построения порождающих моделей в литературоведении». Докладчик предлагал делить художественные явления на две группы: «<...> явления искусства класса тождества: фольклор. В читательское эстетическое ожидание входит ожидание того, что все будет так, как ждут» и «эстетические системы класса различия», «в них язык произведения вырабатывается в процессе читательского восприятия, и ожидание нового входит в читательское ожидание». В полемике после доклада участвовали Александр Моисеевич Пятигорский, Дмитрий Михайлович Сегал, Елена Владимировна Душечкина, Александр Яковлевич Сыркин, Борис Федорович Егоров, Георгий Александрович Лескисс, Борис Леонидович Огибенин. Суперфин спросил: «1) Относится ли пародия и пародируемое произведение к одному классу моделей; 2) идет ли отождествление у читателя по принципу связи с предыдущим творчеством данного автора или с каким-то более широким кругом явлений?» Зара Григорьевна записала и ответ Лотмана на первый вопрос: «Пародия обычно относится к др<угому> классу явлений. Но есть и пародия — трагедии, пародия на отд<ельное> произведение, не разрушающее системы.

В XIX в. пародия, как правило, пародирует не данн<ый> текст, а принцип. Она осмысляет одно явление в рамках иной системы взглядов»⁹.

С первого курса Суперфин включился в научную работу кафедры. Весной 1966 г. выступил на студенческой конференции с докладом «Русские тексты о кровосмесителях» (XXI Üliõpilaste 1966, 14) и на его основе сделал публикацию (Суперфин 1966).

В Тарту я посещал семинар Лотмана и на втором курсе писал у него курсовую по апокрифическим сказаниям и их отражению в русской повести XVIII века. Для меня это был ключ к тем же архивным занятиям, но уже на материале XVII–XVIII веков.

(Суперфин 2020a)

Быстро сходясь с людьми и умея обнаружить их таланты, он знакомился со многими литературоведами и архивистами, звал их в Тарту:

С первых месяцев тартуской жизни я стал дружить со старшими студентами, и эта дружба продлилась (бывало с перепадами), наверное, навсегда. Это Лена Душечкина, Сеня Рогинский, Светлана Семененко, Миша Билинкис, Анн Мальц. С февраля 1965-го мы подружились с Романом Тименчиком, Лазарем Флейшманом, Борей Равдиным, Женей Тоддесом. Последние (рижане) стали подтверждением известного феномена: боковая отрасль тартуского «ствола» обогнала тартускую «доминанту» и стала ведущей в историко-литературных исследованиях последующих десятилетий. Я познакомил их с моими московскими друзьями — Сергеем Неклюдовым, Наташей Горбаневской, Ирой и Сашей Грибановыми, Николаем Котрелевым, Леней Чертковым. Из нас и еще нескольких моих близких друзей (Витя Живов и его школьный друг Дима Борисов, оказавшийся приятелем Тименчика с начала шестидесятых) создался круг единомышленников-гуманитариев. Этот круг постепенно расширялся.

(Суперфин 2020a)

9 РО БТУ. Ф. 136. Ед. хр. 57. Лл. 22, 25.

Узнав, что студент ЛГУ Михаил Борисович Мейлах разбирает вместе с Яковом Семеновичем Друскиным архив обэриутов, Суперфин пригласил его в Тарту, где тот сделал доклад на кафедре и прочел неизвестные тогда тексты Александра Введенского. Появились планы публикации текстов обэриутов в сборнике 1967 г. «Русская филология». В этот же сборник планировалось включить и статью по материалам дипломной работы Натальи Евгеньевны Горбаневской о романе Ю. Н. Тынянова «Кюхля». Однако при обсуждении изданий кафедры русской литературы на заседании общеуниверситетской редколлегии (подробно описанном в письме к Б. Ф. Егорову от 23 февраля 1967 г.), где Лотману бросались упреки и в излишнем расходевании университетской бумаги, и в том, что он постоянно, минуя редколлегию, обращается к ректору, Горбаневскую и Мейлаха из сборника «изъяли железной рукой» (Лотман 2018: 260). Однако в том же 1967 г. публикация текстов Введенского, как и первая в СССР статья о творчестве Даниила Хармса, появились в «Материалах XXII научной студенческой конференции» (см. об этом Мейлах 2014).

Этот сборник, сданный в печать 18 марта 1967 г., Суперфин редактировал вместе с Арсением Борисовичем Рогинским, и в нем он опубликовал три статьи (см.: Суперфин 1967а, 1967б, 1967в). В Лотмановском архиве Таллиннского университета сохранился экземпляр с дарственной надписью рукой Рогинского «Дорогим учителям Заре Григорьевне и Юрию Михайловичу с любовью» и тремя подписями: «Сеня Рогинский, Лена Душечкина, Гарик Суперфин». А 30 марта Суперфин выступил на студенческой конференции с докладом «Определение понятия миф» (XXII Üliõpilaste 1967: 11).

В 1967 г., узнав от Б. Ф. Егорова, что возник замысел опубликовать в серии «Библиотека поэта» том поэзии Игоря Северянина и Николай Иванович Харджиев как руководитель проекта ищет студента, который бы помог ему в подготовке текста и комментировании, Лотман рекомендовал Суперфина. В письме от 3 сентября 1967 г. Егоров писал Лотману:

<...> Н. И. Харджиев <...> спрашивает, что из себя представляет Г. Суперфин относительно подготовки текста, комментирования

ния и проч. Я честно сказал, что С-н — знающий и работающий, но что касается текстологических его способностей — понятия не имею.

Нет ли у Вас или кого-нибудь из наших кафедралов точного мнения, + или –, о таковых данных Суперфина — очень прошу сообщить. Здесь даже дело не в чистой текстологии, а просто — насколько он был в курсовых работах аккуратен и точен в сносках, в цитировании и т. п.

(Лотман 2018: 274)

28 сентября 1967 г. Лотман отвечал: «Первое, о Суперфине — он парень разбросанный, но бесспорно очень способный, а сейчас и нуждающийся. В настоящее время он крупно берется за ум, и он мне клялся, что не подведет. Давайте все же рискнем — он все же принадлежит к незаурядной молодежи» (Лотман 2018: 280). Егоров рекомендовал Суперфина, и редакция «Библиотеки поэта» прислала ему письмо с предложением принять участие в этом проекте. Однако вскоре разразился скандал по поводу подготовленного Ефимом Григорьевичем Эткиндром двухтомника «Мастера русского стихотворного перевода», в котором были обнаружены тексты запрещенных Николая Гумилева и Владислава Ходасевича. Издание Северянина не состоялось (см. подробнее Лотман 2018: 275).

Архивные разыскания

Во второй половине своего пребывания в Тарту Суперфин больше внимания уделял литературе XX в. Писал работу о Михаиле Кузmine и Владимире Маяковском, просил прислать отношение в архив Ленинградской области, где в «делах градоначальника» намеревался найти материалы о «Бродячей собаке»: «<...> ибо очень много неясностей с ее закрытием (и с открытием тоже), — правда, здесь полицейские материалы ни к чему, а сложность тут, например, с названием: 1) как своеобразный эпиграф, взятый из Бодлера, о взаимоотношениях поэта и читающей публики («фармацевтов»); 2) дом, где помещалась „Собака“, как будто когда-то принадлежал купцу Собакину». Тему своей работы

для архивного требования он определил таким образом: «Из истории литературных и художественных объединений в 1910-ых гг. в Петербурге»¹⁰. В этом же письме Суперфин писал о своих научных планах — теме курсовой работы и диплома:

Я кидаюсь от темы «Жанр поэмы в русск<ой> лит<ерату>ре нач<ала> XX в.» до — «Мифологические мотивы там же» (ада-мизм, «тоска по мировой культуре» и т. д.), вернее не во всей русс<кой> поэзии, только в акмеизме.

Если действительно готовится «Блок<овский> сб<орник>», то я готовлю к нему письмо Блока Добужинскому, заметку типа «Рецепция Пушкина и его тв<орчест>ва у русских литераторов в годы революции (Блок, Сологуб, Маяковский и проч.)», «Дневник Е. П. Казанович (в чей альбом Блок записал „Имя Пушкинского Дома...“) как источник...», т. е. такие темы, которые диктуются прочитанным материалом¹¹.

В программе XXIV Студенческой конференции 30 марта 1969 г. значится доклад Г. Суперфина «„Дерево“ — „камень“ как символы поэтических универсумов О. Э. Мандельштама» (Программа XXIV 1969: 31).

Будучи в Москве и Ленинграде, Суперфин выполнял библиотечные просьбы тартуских преподавателей или сообщал им свои наблюдения (возможно, в продолжение предыдущих разговоров). См., например:

Юрий Михайлович, в ранних стихотв<орениях> Пастернака, по-моему, есть отрывок, где говорится, кажется, о книге, которая читается не то монахом, не то еще кем-то, и буквы убегают из-под его глаз и проч. Если я не ошибаюсь, то это перевод из

10 Недатированное письмо Суперфина Ю. М. Лотману и З. Г. Минц из Ленинграда. РО БГУ. Ф. 135. Ед. хр. 1401. Л. 2.

11 РО БГУ. Ф. 135. Ед. хр. 1401. Л. 2.

Рильке, как будто первого стихотворения из „Das Stunden-Buch“¹².

В работах Лотмана есть ссылки на найденные Суперфином факты и тексты. Так, например, в «Структуре художественного текста», анализируя строки Марины Цветаевой «Пора — пора — пора / Творцу вернуть билет», Лотман указывает на то, что Цветаева имела в виду слова Ивана Карамазова: «Не бога я не принимаю, Алеша, а только билет Ему почтительнейше возвращаю», которые были вольной переделкой фрагмента из письма В. Г. Белинского к В. П. Боткину (см.: Лотман 1970: 215). В примечании к этому фрагменту — благодарность Суперфину и опасное для тех лет упоминание книги американского слависта Саймона Карлинского:

Длительное знакомство М. Цветаевой в Праге с Е. Ляцким, издателем и комментатором писем Белинского, на которое мне любезно указал Г. Г. Суперфин, делает вполне вероятным предположение о знакомстве ее с этой цитатой. Он же обратил мое внимание на цитату: „The poem paraphrases the famous Schiller–Dostoevskij formula“ (S. Karlinsky, Marina Cvetaeva. Her Life and Art, Los Angeles, 1966, p. 98) (Лотман 1970: 377)¹³.

Помогал Суперфин и Заре Григорьевне, работавшей над изданием стихотворений и шуточных пьес Владимира Соловьева в «Библиотеке поэта» (Соловьев 1974). Так, например, он пишет 8 февраля 1968 г.: «В фонде (ЦГАЛИ) О. Н. Трубецкой есть интересн<ые> воспом<ина>ния» о Вл. Соловьеве, его смерти, также кое-что в ф<онде> Трубецких в ЦГАОР'е. В колл<екции> альбомов (ЦГАЛИ) есть также автографы Соловьева»¹⁴.

12 РО БГУ. Ф. 135. Ед. хр. 1401. Л. 2.

13 Сохранилась открытка, присланная Суперфином Лотману 29 ноября 1967 г. с указанной цитатой (РО БГУ. Ф. 135. Ед. хр. 1401. Л. 4 об.)

14 РО БГУ. Ф. 135. Ед. хр. 1401. Л. 7. Сохранились и другие присланные библиографические справки (Л. 5–6).

«Пороховой» сборник

В 1968 г. на кафедре готовились к изданию девятый том «Трудов по русской и славянской филологии» и сборник материалов очередной студенческой конференции. О них шла речь в переписке Б. Ф. Егорова с Ю. М. Лотманом: «Со студенческими „Тезисами“ (очень хорошие! Хвала Суперфину, который очеловечивается постепенно), конечно, Вас не забудем, ибо как можно. Но они еще не вышли — скоро будут» (Лотман 2018: 298). Однако позже Лотман сообщает Егорову «скверное»:

<...> по звонку из Москвы цензура задержала готовый тираж «Трудов». На него наложен запрет (стукнул кто-то или что — еще неизвестно). В тартуской цензуре сами не знают, почему. Пока пытаюсь выяснить, но очень хотел бы с Вами посоветоваться. Тем более, что студенты здесь сдали очень пороховой сборник, который уже печатается на ротапринтере <...>.

(Лотман 2018: 299)

«Пороховым» студенческим сборником Лотман называл «Материалы XXIII научной студенческой конференции. I. Humaniora», которые готовились в преддверии конференции, проходившей 20–23 марта. Приблизительно на две трети состав авторов и темы публикаций не совпадали с темами докладов, указанными в программе.

В архивах Г. Г. Суперфина и Н. В. Котрелева сохранились отдельные черновые и беловые страницы сборника. В первоначальном варианте содержания названо три раздела: «Поэтика», «История литературы», «Публикации и сообщения». Есть упоминание о том, что «в портфеле редколлегии находится статья Горбаневской о пространственных перемещениях в „Кюхле“ и публикация отрывков из „Елки у Ивановых“ Введенского (публикатор М. Мейлах)». На странице с выходными данными обозначено, что составитель сборника — Г. Суперфин, в состав редколлегии входят Лэени Алексеевна Аболдуева, Валерий Иванович Беззубов, Борис Михайлович Гаспаров, Ю. М. Лотман и З. Г. Минц (ответственный редактор). Корректоры – Нелли Давыдов-

на Мельц, Любовь Николаевна Киселева. Машинистка — Вера Ивановна Логинова.

Л. Н. Киселева рассказывала нам, что ее — студентку первого курса — впервые привлекли тогда к работе по редактированию и вычитыванию текста. До позднего вечера студенты сидели в комнате рядом с кафедрой (в письмах к Егорову Лотман упоминает об этом помещении как о кабинете семиотики, автор статьи помнит его под названием «кабинет Анн Мальц»), резали, замазывали, клеили. Суперфин руководил всеми работами и бурно реагировал на каждое неправильно сделанное исправление.

Вся кафедра принимала участие в работе над сборником. На выставке к 90-летию Ю. М. Лотмана была представлена записка Павла Семеновича Рейфмана по поводу статьи Якова Эммануиловича Голосовкера: «Можно печатать. Но обязательно (!!!) добавить к сноске редак<ионные> несколько слов о Голосовкере, времени написан<ия> стат<ьи>, кем предоставл<ена> и пр. П. С.» Экспонировалась также первая страница статьи Александра Парниса «Хлебников глазами природоведа», на которой рукой Лотмана было вписано заглавие «Стихотворение Хлебникова „Кузнечик“ глазами природоведа»¹⁵. По воспоминаниям Суперфина, когда в апреле 1968 г. в Тарту приехал Иосиф Бродский и все отправились на его выступление, он не пошел, а остался работать над сборником. «Кроме того, мне не нравилась его манера чтения», — добавил он¹⁶.

Сборник был сдан в печать 2 апреля 1968 г. На сохранившейся первой странице — рукой З. Г. Минц: «К печати готово. 2. IV. 68. Z. Mints», штамп типографии: «500 экз. 10.04.68», штамп тартуского цензурного комитета: «№ MBo4206 LUBATUD paljundamiseks. Tartu 11.04.1968» (разрешено к тиражированию, *эст.*), однако сборник так и не вышел. Суперфин объясняет это следующим образом:

15 См. материал А. Е. Парниса в наст. изд.

16 Личная беседа с автором статьи, февраль 2012 года.

По-видимому, одновременно с дачей разрешения последовало распоряжение отозвать разрешение. И сборник был отправлен кое-куда повыше.

(Из письма автору статьи от 26 апреля 2023 г.)

Вскоре, по-видимому, по доносу издание затянулось и в мае было прекращено. На мой запрос начальник Главлита из ЭССР Адамс А. М.¹⁷ ответил, что издание запрещено (?) «по решению директивных органов». Второй экземпляр Материалов я взял назад со стола тартуской цензорши. И вот спустя 55 лет нашлись куски припрятанного мной перед арестом этого второго экземпляра. На заглавном листе (где публикации, вызвавшие особенно обильное количество подчеркиваний) синим карандашом стоит виза «к. вх. 1061 с 17/V 68».

А сборник материалов был бы, если б вышел, событийным (много впервые публ. материалов Ахматовой, Пастернака, Мандельштама, Вл. Соловьева, Вернадского и т. д.).

(Из письма Суперфина Татьяне Кузьминичне Шор от 25 апреля 2023 г., пересланного автору статьи)

По отдельным страницам можно восстановить большую часть содержания сборника:

¹⁷ Арнольд Адамс (Arnold Adams; 1922–1994), после демобилизации из Советской армии, где вступил в КПСС, — политрук Машинно-тракторной станции в поселке Вяндра, затем — первый секретарь Отепяского райкома КПЭ; по окончании Высшей партийной школы (1958) — начальник Главлита ЭССР (1959–1983).

В. Брагинский, Об одном виде звуковой организации малайских заклинаний	83
Д. Годрова, Искусство проекции в произведениях Веры Лингатовой	89
С. Волков, О скрипичном концерте Альбана Берга	92
Т. Венцлова, Об одной характеристике поэтического текста	98
Р. Тименчик, О поэтике русского верлибра	100
Е. Рабинович, Жанр пира в древней и новой литературе	105
Ю. Круглов, О художественном времени и пространстве в свадебных причитаниях	113
М. Билинчис, Пространство и система персонажей в повестях М. М. Хераскова	118
А. Белоусов, К анализу пространственных отношений в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»	134
 ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ	 141
В. Мингалев, Предание об участии литовских князей в Куликовской битве и литературная традиция	143
Е. Добрушкин, «История Российская» В. Н. Татищева и русские летописи. Методика изучения	150
Е. Бешенковский, Ф. Эмин и А.-Л. Шлёцер. Происхождение одной историографической оценки	159
Е. Тоддес, О незаконченной поэме Пушкина «Тазит»	169
Л. Флейшман, О «среднем» читателе	182
Е. Рашковский, Запад и Восток в ранней историософии Вл. Соловьева (1874–1877)	191
Б. Тух, Об историческом романе русского символизма	201
Т. Сиска, «Ноор Ээсти» и русская литература	207
В. Гитин, К некоторым вопросам поэтики Пастернака 1920-ых гг.	211
Г. Шмаков, О некоторой особенности поэтики позднего Кузмина	215
Р. Тименчик, К характеристике поэтической темы позднего Кузмина	224

А. Альтшулер, «Багровый остров» М. А. Булгакова	230
И. Газер, Некоторые черты метода «Театрального романа» М. Булгакова	250
А. Якушкин, Из истории «Секции по изучению общественного движения в России 30-70-гг. XIX в.» Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев	251
В. Перельгин, Смысл IV редакции «Цусимы» А. С. Новикова-Прибоя	263
Е. Толстая, Творческий метод А. С. Грина	266

КНИГА ВТОРАЯ

Сообщения и публикации

Изучение творчества А. М. Горького в Тартуском Государственном университете, А. Мальц	267
Неопубликованное письмо Вл. Соловьева К. Леонтьеву, Е. Рашковский	269
Б. Г. Столпнер, [О Л. И. Шестове], Л. Чертков	276
Из мемуаров Н. И. Кареева, М. Рашковская	288
Из воспоминаний Е. К. Герцык, Г. Суперфин	296
Материалы к биографии М. Кузмина, Г. Шмаков	331
Письма О. Мандельштама В. И. Иванову, А. Морозов	343
Письма А. Ахматовой к В. Брюсову, Р. Тименчик	366
Стихотворение В. Хлебникова «Кузнечик» глазами природоведа, А. Парнис	372
Вячеслав Иванов — член Общества Любителей Российской словесности, Н. Котрелев ¹⁸	376
Из рукописного наследия Ильи Эренбурга, М. Левин	386
Из заметок. Ошибка Б. Л. Пастернака, Л. Флейшман	393

18 Статья была опубликована в 1993 г. со всеми замечаниями цензоров: см.: Котрелев 1993.

Из истории литературных взаимоотношений советских писателей, Г. Суперфин, Р. Тименчик	
I. Письмо Б. Л. Пастернака Ю. И. Юркуну	394
II. Письмо Б. Л. Пастернака В. Я. Брюсову	400
Материалы к творческой биографии Н. А. Заболоцкого	420
I. Н. А. Заболоцкий и «Объединение реального искусства», А. Александров	421
II. Н. Заболоцкий и Д. Хармс. Проблема обыденного и действительного, А. Кухаржовский	432
Даниил Хармс. Случаи, А. Александров	437
Я. Голосовкер, Имагиативный реализм у древних эллинов (Воображение и миф), В. Зелинский	454
Архивные фрагменты, I–III, Г. Суперфин	460
I. Русская научная интеллигенция накануне первой русской революции. В. И. Вернадский и С. Н. Трубецкой	461
II. Маяковский и Кузмин	475
III. Б. Л. Пастернак о «формальном методе»	485
Принятые сокращения	493
Список иллюстраций	495

По утверждению Натальи Юрьевны Образцовой, в сборнике точно был текст, написанный Лотманом и представленный редколлегии под другим именем. Среди авторов второй книги обращает на себя внимание имя А. Кухаржовского, машинопись статьи которого сохранилась в архиве Суперфина. В аффилиации указано «Эльва» — маленький дачный городок недалеко от Тарту, где семья Лотманов в те годы снимала дачу. Сам Суперфин осторожен в определении авторства: «Думаю, что это ЮрМих. Кухаржовский — это аллюзия на Мукаржовский»; «<...> нет сопоставления с опубликованными текстами», иных прямых доказательств, т. е. нет УБЕДИТЕЛЬНОСТИ. Интуитивно — да» (из писем автору статьи; конец апреля 2023 г.).

В архиве Суперфина сохранились отдельные страницы с подчеркиваниями синим карандашом, сделанными, возможно, цензором. Так в тексте публикации самого Суперфина в цитате из письма Б. М. Эйхен-

баума к Г. О. Винокуру подчеркнуто: «А. Гумилев когда-то соблазняя меня предложением возглавлять „акмеизм“. В публикации Марка Левина «Из рукописного наследия Ильи Эренбурга» во фрагменте: «Мы хотим только обратить внимание читателя на впервые публикуемые строки, в особенности на последние четыре. Обращенные к победителю-пролетарию, они предостерегают его от возможного перерождения» подчеркнуто последнее предложение. В другом фрагменте — «Стихотворение „За то, что губы мои черны от жажды...“, помеченное 1920 г., является одним из первых произведений писателя, где он ставит вопрос Веры и Верности <...>» — обведены синим карандашом последние два слова.

Сохранились и отдельные карточки с замечаниями на эстонском языке тартуского (?) цензора (?). Приводим в переводе: «Миниатюра Д. Хармса „Пушкин и Гоголь“ (можно оставить)»; «Речь Бальмонта 1920 (позже эмигрант)»; «Опубликовано за границей, и автор, и произведение не входят в сводный список»; «Миниатюры Хармса (анекдоты о Пушкине) можно оставить»; «Ницше (из письма Мандельштама В. Иванову)»; «Цитата из изданной за границей <книги> New York 1952 (в сводный список не входит)».

После ареста Суперфина в 1973 г. по его делу допрашивали нескольких преподавателей Тартуского университета, в том числе (3 и 4 января 1974 г.) Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц. Допрос вел старший следователь КГБ при СМ ЭССР капитан Пименов. На незафиксированный в протоколе вопрос про сборник Лотман отвечал:

Весной 1968 года (месяц не помню) студенческое научное общество подготовило сборник работ студентов. В подготовке сборника принимал участие и Суперфин. Через некоторое время после того, как сборник был направлен в Главлит, кто-то из студентов (кто, не помню), сообщил мне, что меня вызывают в Главлит, к цензору.

Когда я пришел в Главлит, то цензор (фамилии не помню) сказала мне, что она не может разрешить издание сборника, так как в нем имеются выдержки из писем Ахматовой к Гумилеву (или Гумилева к Ахматовой, точно не помню), опубликование кото-

рых было бы нежелательно (письма датированы 1914–1915 годом). В связи с ним цензор предложила мне исключить из сборника указанную переписку. Когда я сообщил об этом Суперфину, он отказался переделывать сборник и мы поссорились с ним по этому поводу. Точнее, ссоры в буквальном смысле не было, просто я предложил Суперфину переделать сборник, а он обиделся на меня. Таким образом сборник оказался незаконченным и в печать не вышел¹⁹.

Зара Григорьевна тоже была вызвана 4 января 1974 г., и отвечая на вопрос о сборнике, во многом брала вину на себя:

Работой по созданию сборника руководила я, Суперфин же осуществлял всю практическую работу по созданию сборника. Были ли его статьи в этом сборнике, точно не помню, но он в этот период занимался в архивах: возможно, готовил публикации. Главлит запретил издание сборника в связи с тем, что там имелись письма Гумилева к Ларисе Рейснер дореволюционного периода. По содержанию эти письма были интимного и философского характера и политически вредными не являлись, просто Главлит не хотел их публиковать, так как они были связаны с именем Гумилева. Когда моего мужа Лотмана вызвали в связи с этим в Главлит, то он по возвращении стал вместе со мной убеждать Суперфина изъять из сборника все материалы, касающиеся Гумилева. Суперфин обиделся на нас и не стал исключать эти материалы, в связи с чем сборник не вышел. Часть материалов сборника была впоследствии опубликована в других сборниках, а судьба материалов, которые не пропустил Главлит, мне неизвестна: их могли уничтожить или вернуть автору, которым был какой-то московский студент (фамилию не знаю)²⁰.

19 Дело 1973. Протокол допроса Ю. М. Лотмана. Лл. 221–221 об. Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источника.

20 Дело 1973. Протокол допроса З. Г. Минц. Лл. 234–234 об.

Когда мы попросили Суперфина прокомментировать показания Лотмана и Минц, он написал: «Что-то смутное о явлении в Тарту некоего москвича (?) гумилевоведа-коллекционера Андрея Станкевича. И его занятиях письмами Гумилева к Ларисе Рейснер в Ленинке»²¹. Но в сохранившихся листах с содержанием сборника нет упоминания имени А. Станкевича. Возможно, отголоском этой истории можно считать приписку Суперфина к его недатированному письму из Ленинграда: «Я узнавал в журнале „Русская лит<ература>ра“ насчет всяких индексальных фамилий, так вот, Гумилев как имя не запрещен, особенно это касается дореволюционного периода»²².

На данном этапе поиски материалов о сборнике в Эстонском национальном архиве среди документов Главлита 1968 г. не дали никаких результатов, однако мы намерены их продолжать.

«Отношения не складывались...»

<...> отношения учителя и ученика не складывались. Я не считал себя его учеником, было видно, что я его раздражаю. Да и на семинары я ходил, потому что другие семинары мне казались неинтересными.

(Суперфин 2020а)

В архиве Суперфина сохранилась записка, присланная Лотманом во время одного из заседаний семинара: «Тов. Суперфин! Я Вас сейчас удалю с семинара. Вы ужасно мешаете мне и докладчику. Если Вам все это не слишком интересно, то хоть потрудитесь скрывать свое отношение» (записка была переслана Р. Тименчику с припиской Суперфина: «Я не виноват, что сейчас я, наконец, овладел звуками живота. Пока только одна фонема, но уже могу порождать фонетич. слово»).

Как мы показали выше, Лотман, безусловно, ценил научные способности своего студента, как и его остроумие; см., например, письмо Б. А. Успенскому (июнь 1968 г.): «Посылаю Вам просимую зоосебеоти-

21 Письмо автору статьи от 26 апреля 2023 г.

22 РО БТУ. Ф. 135. Ед. хр. 1401. Л. 2.

ку, как называет злоязычный Гарик зоосемиотические статьи Себеока» (Лотман 1997: 492).

Но Лотман как заведующий кафедрой оказался во взаимоотношениях со студентом, для которого рутинный учебный процесс был труднопереносим. На допросе в 1974 г. он пытался представить Суперфина-студента с самой лучшей стороны:

В период обучения в университете успеваемость у Суперфина была очень хорошая, дисциплина — в пределах нормы, но были случаи опоздания на занятия. Лично у меня как у преподавателя общее впечатление о Суперфине как о студенте осталось положительное. Зачеты и экзамены по предмету, который я преподавал (русская литература до середины 19 века), Суперфин всегда сдавал хорошо. С политической стороны охарактеризовать Суперфина я не могу, так как мы никогда не беседовали с ним на политические темы. Политически вредных суждений я от него никогда не слышал. В работе студенческого научного общества он принимал самое активное участие: в 1965 году написал неплохую работу по русской литературе 12 века и в том же или следующем году (точно не помню) делал доклад на ту же тему на студенческой научной конференции. Охарактеризовать подробно поведение Суперфина вне Университета я не могу, так как не в курсе дела, но во всяком случае знаю, что каких-либо жалоб на кафедру русской литературы и в деканат факультета относительно поведения Суперфина вне Университета не поступало²³.

Далее Лотману предложили прокомментировать показания Суперфина на допросах 10 и 13 августа 1973 г., в которых он, по утверждению сотрудника КГБ, «раскаивался в грехах» времени тартуского студенчества и в том числе в том, что «преднамеренно игнорировал учебные

23 Дело 1973. Протокол допроса Ю. М. Лотмана. Лл. 220 об. – 221.

дисциплины, предусмотренные программой для историко-филологического факультета»²⁴. Лотман отвечал:

Суперфин, будучи умным и эрудированным человеком, с первых дней прихода в Университет начал претендовать на то, чтобы ему дали возможность заниматься тем, что представляет интерес для него и не посещать занятия, которые ему не нравятся. Лично я, как преподаватель, убеждал его, что не существует необязательных дисциплин, что для филолога все предметы, в том числе и история, которую он игнорировал, являются обязательными. Но он самовольно пропускал занятия по истории и иностранному языку, а также по латыни и эстонскому языку. Помню, что я ругал его за плохое знание иностранных языков, но это не дало результатов, так как Суперфин продолжал настаивать на том, что хочет заниматься теорией лингвистики²⁵.

Сам Суперфин позже вспоминал:

У Лотмана был друг Владимир Владимирович Пугачев (тогда профессор Горьковского университета), специалист по декабристскому движению. И однажды он сказал Лотману (при мне) фразу о том, что надо держать дистанцию между учениками и преподавателем. Мне показалось, что Юрий Михайлович внимательно к этому прислушался. И между ним и студентами незаметно появилась стена — по крайней мере, на несколько лет.

(Суперфин 2020а)

Взаимоотношения между Суперфином и Лотманом стали материалом для одного из сюжетов повести «Питомцы музыки» Ольги Сергеевны Неклюдовой, у которой Суперфин некоторое время работал

24 В вопросе капитана КГБ Пименова упоминались и другие «грехи» — «аполитичное заявление по национальному вопросу» на студенческом собрании 1968 г. и «протаскивание аполитичных материалов» в многотиражную газету Тартуского университета. (Дело 1973. Л. 221 об.)

25 Дело 1973. Протокол допроса Ю. М. Лотмана. Л. 222.

литературным секретарем после исключения из Тартуского университета и возвращения в Москву в 1970 г.

Исключение

1969-ый календарный год стал последним годом тартуского студенчества:

В какой-то момент меня и моих друзей очень сильно стали волновать общественные вопросы. По старой московской жизни я знал не только Наташу Горбаневскую, но и Алика Гинзбурга. И вот по зарубежному радио, которое в Тарту глушили меньше, чем в Москве, я вдруг услышал имена моих знакомых людей и даже друзей. Несколько раньше на моих рижских друзей Рому Тименчика, Лазаря Флейшмана, Борю Равдина очень повлияло дело Андрея Синявского, который читал им лекции в Риге и оказал на них огромное влияние. У Флейшмана с Синявским даже возникли дружеские, доверительные отношения.

В 1968 году после процесса над Гинзбургом, Галансковым, Лашковой и Добровольским я подписал письмо протеста против суда над этими людьми. Это стало неофициальной единственной причиной моего исключения из университета. Впрочем, я и так им тяготился: эпоха учебы кончилась раньше, чем должна была кончиться формально. Я слишком поздно поступил: в 21 год люди уже имеют диплом. И в самом начале 1970 года я вернулся в Москву.

(Суперфин 2020a)

Характерно, что в мемуарных текстах Суперфин не рассказывает подробно, что подписание «Письма ста семидесяти» стало поводом к «беседе воспитательного характера», прошедшей 17 января 1970 г. в деканате (видимо, по указанию из КГБ). Как свидетельствуют протоколы допросов преподавателей ТГУ по делу Суперфина, беседу проводили продекан филологического факультета, доцент кафедры истории ТГУ Линда Карловна Эрингсон, заведующий кафедрой русского языка

С. В. Смирнов и секретарь партийного бюро филологического факультета проректор по заочному обучению Вальтер Хаамер. На вопрос, зачем он поставил подпись под «Письмом ста семидесяти», Суперфин, отвечал, «что лично знал одного из осужденных — Галанского <sic> — и подписался сознательно. При этом добавил, что сам протест сыграет большую роль в историческом аспекте, так как может оказать влияние на воспитание мировоззрения будущего поколения»²⁶. Эти слова в пересказе С. В. Смирнова сохранили интонацию вызова: «Сделал это для истории, чтобы потомки знали, что были люди, которые боролись за правду»²⁷.

Кроме того, Суперфина спрашивали об его отношении к событиям в Чехословакии. Он отвечал, что «по этому вопросу имеет собственное мнение, которое заключалось в том, что он не осуждал действия реакционных элементов в Чехословакии»²⁸. В. Хаамер подтвердил, что на этой беседе Суперфин «не раскаялся в своих действиях и остался на прежних позициях»²⁹.

30 января 1970 г. в двух квартирах Лотманов прошел обыск по делу Натальи Горбаневской, бумаги с упоминанием имени Суперфина были изъяты среди прочих компрометирующих материалов (см. подробнее Кузовкина 2015).

Таким образом окончилось время тартуского студенчества, но Суперфин продолжал публиковаться в тартуских изданиях; с 1975 г. — только под псевдонимами (см.: Суперфин 1971; 1972а; 1972б, 1972в, 1973, 1975, 1982).

Следующий тартуский период (1980–1983) — тема отдельной публикации.

26 Дело 1973. Протокол допроса Л. К. Эрингсон. Л. 224.

27 Дело 1973. Протокол допроса С. В. Смирнова. Л. 232.

28 Дело 1973. Протокол допроса Л. К. Эрингсон. Л. 224 об.

29 Дело 1973. Протокол допроса В. Хаамера. Л. 227.

Литература

- Вольперт Л. И. (2008): Гарик Суперфин — студент ТГУ // ГАБРИЭ-ЛИАДА. К 65-летию Г. Г. Суперфина, сайт «Рутения», <https://www.ruthenia.ru/document/545657.htm> (2.05.2023)
- Котрелев Н. В. (1993): Иванов — член Общества любителей российской словесности (Вячеслав Иванов и советская цензура) // *Europa Orientalis: Studies and Researches on Eastern European countries*. Vol. 12. № 1. С. 323–335.
- Кузовкина Т. Д. (2015): Один день профессора Ю. М. Лотмана // *Новый мир*. № 3. С. 140–153.
- Леонтьев А. А., Суперфин Г. Г. (1964): Современное состояние разработки биографии и архивного наследия Е. Д. Поливанова // *Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистического наследия Е. Д. Поливанова: Материалы конференции*. Т. 1. Тезисы докладов и сообщений межвузовской лингвистической конференции 9–15 сент. 1964 г. Самарканд. С. 4–6.
- Лотман Ю. М. (1970): *Структура художественного текста*. М.: Искусство.
- Лотман Ю. М. (1994): *Беседы о русской культуре*. СПб.: Искусство–СПб.
- Лотман Ю. М. (1997): *Письма 1940–1993 / Составление, подг. текста, вступ. статья и коммент. Б. Ф. Егорова*. М.: Школа «Языки русской культуры».
- Лотман Ю. М. (2018): Ю. М. Лотман, З. Г. Минц – Б. Ф. Егоров. Переписка 1954–1993 / Подг. Б. Ф. Егорова и А. П. Дмитриева при участии Т. Д. Кузовкиной, Д. Э. Кузовкина и Н. В. Поселягина. СПб.: Полиграф.
- Мейлах М. Б. (2014): *Oberiutiana tartuensisa, или У истоков обэриутоведения: Тарту, 1965–1967* // *Лотмановский сборник 4 / Ред. Л. Н. Киселева, Т. Н. Степанищева*. М.: ОГИ. С. 627–644.
- Программа XXIV (1969) – Программа XXIV Научной студенческой конференции. 26 марта – 29 марта 1969 г. Тарту: ТГУ.
- Соловьев В. С. (1974): *Стихотворения и шуточные пьесы / Вступ. статья, сост. и примеч. З. Г. Минц*. Л.: Советский писатель.
- Суперфин Г. Г. (1966): *Русские тексты о кровосмесителях* // *Материалы XXI научной студенческой конференции*. Ч. 3. Тарту. С. 31–32.

- Суперфин Г. Г. (1967а): Судьба древнерусского сборника в условиях XVIII века // Материалы XXII научной студенческой конференции. Ч. 3. Тарту. С. 42–43.
- Суперфин Г. Г. (1967б): Жанровые и текстовые признаки мемуаров // Материалы XXII научной студенческой конференции. Ч. 3. Тарту. С. 127–133. — Совм. с А. Рогинским и др.
- Суперфин Г. Г. (1967в): Рукописное наследие Н. С. Трубецкого // Материалы XXII научной студенческой конференции. Ч. 3. Тарту. С. 179–182.
- Суперфин Г. Г. (1971): Б. Пастернак — критик формального метода // Труды по знаковым системам V. Тарту. С. 528–531.
- Суперфин Г. Г. (1972а): К истории неосуществленной постановки драмы А. Блока «Роза и Крест» // Блоковский сборник II. Тарту. С. 411–415. — Совм. с Р. Тименчиком.
- Суперфин Г. Г. (1972б): С. И. Бернштейн. Голос Блока // Там же. С. 454–525. — Публ. и примеч., совм. с А. Ивичем.
- Суперфин Г. Г. (1972в): Три заметки о Блоке // *Quinquegenario*. Сборник статей молодых филологов к 50-летию профессора Ю. М. Лотмана. Тарту. С. 202–208.
- Суперфин Г. Г. (1973): С. И. Бернштейн. Художественная структура стихотворения Блока «Пляски осенние» // Труды по знаковым системам VI. Тарту. С. 521–545. — Публ., совм. с А. Ивичем.
- Суперфин Г. Г. (1975): Об одном эпизоде биографии Блока // Тезисы I всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту. С. 177–178. — Подп.: М. Бронный, соавт. и подгот. к печ. Р. Тименчик.
- Суперфин Г. Г. (1982): Неизвестное письмо Гоголя // *Finitis duodecim lustris*: Сб. статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин. С. 109–116. — Подп.: Г. Г. Черныш.
- Суперфин Г. Г. (2020а): Габриэль Суперфин: «Во мне на всю жизнь застряла бацилла архивного поиска» / Записала Анна Красильщик // Арзамас. Журнал. 12 февраля 2020 г.; <https://arzamas.academy/mag/786-superfin> (12. 04.2023)
- Суперфин Г. Г. (2020б): Габриэль Суперфин: «Во мне на всю жизнь застряла бацилла архивного поиска» [Видеосюжет] / Съемка и мон-

таж Никиты Лычева // Арзамас. Журнал. 12 февраля 2020 г.; <https://arzamas.academy/mag/786-superfin> (12.04.2023)

- XXI Üliõpilaste (1966): XXI Üliõpilaste teaduslik konverents 31. märtsist – 3. aprillini 1966. Tartu: Tartu riiklik ülikool.
- XXII Üliõpilaste (1967): XXII Üliõpilaste teaduslik konverents. 30. märts – 2. aprill 1967. Tartu: Tartu riiklik ülikool.

Архивные фрагменты

Так должна была называться серия публикаций, подготовленная Суперфином полвека с лишним лет назад, света по сей день не увидевшая. Идея предложенного было научного жанра заключалась в схеме: никакого литературоведческого ля-ля-ля, только находка нового текста или факта в рукописном источнике и уповающий на исчерпание комментариев обо всех мало-мальски причастных к этому тексту или факту обстоятельствах и персонах. Мне этот жанр 11 люстров тому назад понравился, и столько же лет я пытался в нем подвизаться. Когда грянул юбилейный год и пришла пора воспеть в моем друге молчаливый призыв к плодотворной работе, поддерживающий бодрость и веру в лучшее будущее, я решил, что его письма ко мне, если отбросить переполняющие их упреки, подозрения, обиды ревные, худословие, роптание, ламентации, иеремиады и приличествующие частной переписке эскапады фамильярности по отношению ко все и вся — как выражались все тогда, «карнавализация», — да еще и если распутать их психомоторную нарратологию («твой стернально», подписал он одну открытку 1969 г.¹), — суть текст, заслуживший право назваться историческим источником по части исчезающей в тумане баснословной были русской филологии с ее каменными мостами через пруд да с лавками разных мелких товаров, нужных для крестьян, с ее большими надеждами и утраченными иллюзиями.

И тут бы эти грамоты тиснуть, посетовав мельком на утраченные — уничтоженные в моменты активности жареного петуха — письма конспиративного толка. Но детальное ознакомление с предметом показало, что годы оказались не властны над цветущей в этой эпи-

1 Как я понимаю, от Стерн, Лоренс — английский писатель XVIII века.

столярии неудобьсказуемостью, и остается радовать сегодняшнего читателя только распалаями воображение угловыми скобками. Чем и займемся. Надо ли напоминать, что в письмах фиксируются слухи, предположения, опасения, спешные догадки, стартовая недоверчивость, — все, чем жила изо дня в день сходящая со сцены среда (здесь места нет стыду), и надо ли напоминать, что не поддерживается пунктуацией, инверсией, другими подмигиваниями троп, как выражалась З. Г. Минц, именуемый «ирония», а еще чаще «автоирония», или что сами письма пишутся в моменты, когда адресант вздрагивал и трясся, загорался и гас, а за иные отрезки его существования они не отвечают. И надо ли упорствовать в напоминаниях и информировать о том, что в жанре скрещения мемуара с комментарием допустимы оценочные и эмоциональные эпитеты к аннотированным именам.

Мне могут сказать, что выписки отобраны так, чтобы подспудно высказать что-то вроде ильфовской фразы: «Все, что вы написали, пишете и еще только можете написать, уже давно написала Ольга Шапир, печатавшаяся в киевской синодальной типографии».

Ну, может быть. Пожалуй.

Март 66

Глубоко соболезуем тебе в связи с постигшей всех нас утратой. Не смог бы ты поэтому подготовить доклад о «Поэме без героя» и что-нибудь еще для мемориального вечера, который думаем организовать 31 числа перед сразу интимным днем рождения Рогинского².

Май 67

(на вырванном из конторской книги листе с колонтитилом «Наблюдение за состоянием и поведением больных в отделении»)

Как видишь, нашел место и, наконец, время, дабы тебе, гаду, не отвечающему мне, написать следующее письмо, потеряв совсем надежду получить от тебя хоть что-нибудь. Теперь я живу — в ин<ститу>те

2 Об этом докладе «Пространство и время в поэтическом мире Ахматовой» на XXI студенческой конференции в ТГУ вспоминал позднее один из слушателей (Котрелев 1968).

им. Бехтерева, изредка выпускают в город для встреч с Бяшей³ и с другими достопримечательными чужестранцами и туземцами, но сейчас в городе скука — все они, большая часть, по крайней мере, возможно, выпивает, в это время с тобой, мой дорогой друг Рома, если ты, как обычно у тебя получается, не изменил своих намерений под предлогом расширения диплома, который, как я слышал от Бяши, получившего письмо от Лазика⁴, у тебя стоит на месте и сохраняет свои размеры месячной давности, и остался в Риге. Ну, дай бог тебе счастья. Неделю в ожидании места в больнице носился по архивам: просмотрел почти весь фонд Н. В. Недоброво в П<ушкинском> Д<оме>; там его ранние дневники, где он весьма обстоятельно описывает свою первую любовь, кончившуюся женитьбой, затем свою детскую (гимназическую) дружбу с Борей Анрепом (вот еще одна связь проясняется). В этом же фонде всякие поэмы оного Анрепа, черновики статьи Недоброво об Ахматовой (попутно в фонде Л. Я. Гуревич я прочел его письма к ней, где говорится о подготовке этой статьи), в одном месте стоит пометка на полях: «А. А. не нравится»⁵. Читал его пьески, стишки, кажется, там больше ничего нет. В архиве Эрмитажа нашел личное дело Шилейко, Владислава Анна-Мария и т. д. Казимировича, где есть справка, выданная для проезда в Москву ему и Анне Андреевне Шилейко (небось, Н. Я. М. наврала тебе)⁶. В других местах (Ин>ститу>т народов Азии, в архиве АН ССР) я нашел также его фонды, но там нет Гильгамеша, зато есть очень «забавные» его стихи (для него самой постоянной темой является «я слово позабыл, что я хотел сказать...»), говорят, он на самом деле страдал к 25 годам афазией. Стихи 1914 года. Вполне веро-

3 Евгений Беньяминович Бешенковский (1940–2021) — прекрасный наш товарищ, незаурядный историк.

4 Историк литературы Лазарь Соломонович Флейшман, мой однокашник по Латвийскому университету.

5 Эту помету, удостоверяющую знакомство Ахматовой со знаменитой статьей Недоброво о ней еще в рукописи, Суперфин обнаружил в сноске к публикации М. Коор (1968: 289).

6 Весной 1967 г. я подробно расспрашивал Н. Я. Мандельштам под запись о всевозможных обстоятельствах биографии Ахматовой, Мандельштама и их окружения. Запись была уничтожена держателями бобины в преддверии обыска.

ятно, на мой взгляд, считать одно стихотворение, впоследствии проявившееся в вышеупомянутом ст<ихотворе>нии Манд<ельштама>. Нашел его отменные переводы из вавилонского эпоса, которые вполне можно было бы опубликовать. Наконец мне посчастливилось найти протоколы заседаний Лингвистической секции Неофилологической секции СПб. Ун<иверсите>та. Там выступления и Поливанова, и Якубинского, Щербы, Бодуэна и т. д. Всего этого хватило бы на блестящую работу или на неплохую публикацию. Там очень много, что привело впоследствии к ОПОЯЗу. Пытался читать в архивах, что, как мне кажется, близко по идеям к евразийству. В общем, им легко заниматься, поскольку я не знаю, устарело ли оно, верно ли оно, завершено и наглядно. По этому поводу читал всякие статьи Богораза о мутации русской культуры и т. д. Не знаю, передали ли тебе мою записку, где я писал о своих московских похождениях (новых находках Трубецкого и предложении Харджиева насчет Северянина⁷), что мною найдены письма и «исповедь» Д. Д. Самарина. Очень интересно: к тому же, наконец, найден мост между Трубецким и Пастернаком. Отнесись к этому серьезно, по-моему, я не вру.

27 мая 67

(на бланке читального зала отдела рукописей ГПБ)

Как тебе нравится: «Также кланяется и целует — Пильняк-Сакко и сообщает, что будет он привезен в Ленинград, о чем он просит сообщить А. А. Ахматовой, ради свидания с которой оный Пильняк, гл<авным> обр<азом>, и стремится в Северную Пальмиру» — приписка Б. Пильняка на письме Замятина Людм<иле> Ник<олаевне> Замятиной от 29-X-1929. ГПБ, ф. 292 (Замятин) № 12 л. 25 об. Вот тебе и документ. Верить посвящениям надо, не НЯМ'ам. Впрочем, я ничего не хочу сказать ни в том, ни в другом случае. Всякие другие мелкие — уже потом.

7 Николай Иванович Харджиев — пожалуй, самый авторитетный тогда для нас историк поэзии начала века — предложил моему корреспонденту стать помощником в комментариях к тому И. Северянина в «Библиотеке поэта».

Сейчас сижу у Бяши, которого нет. Страшно болит голова после архивов. Дочитал дневники Недоброво, что есть в ПД. Очень интересно (?) о его первой встрече с Блоком⁸. Но главное: о его (Недоброво) кадетской деятельности и т. п. Как ты знаешь, кадетство меня очень сильно сейчас интересует как подлинно культурный процесс. <...> Выписки из замятинских писем как-нибудь сообщу. Там много интересного, в том числе очень мягко и приятно об ААА. Хочу что-нибудь читать для души, но, к сожалению, ничего не находится. <...> Сейчас, после публички, зашел к вечно убегающей Никольской⁹, потом гулял до Сената с находившейся у Никольской Дуськой¹⁰. <...> Если ты мне не напишешь, то я перестану тебе сообщать информацию и остальное. Срок — 1–2 июня 1967 г.

16 августа 67

Я давно в Москве, все дни бесславны: тружусь в архивах и подумываю о кружках и салонах¹¹. Морозов не против¹².

20 октября 67

А вот мое ст<ихотворе>ние: Я вижу призрак коммунизма / В любом столпотвореньи масс. / Идет ли над могилой тризна, / Иль совершается намаз.

31 октября 67

П. Фор я снимаю копию, чтобы предъявлять информантам¹³.

8 Выписка из Амбарной книги была сдана мною в печать, когда автор был в заключении (см.: Бронный 1975).

9 Татьяна Львовна Никольская, энтузиастический историк авангарда.

10 Маргарита Вологодина, первая жена Алексея Хвостенко.

11 Один из бесчисленных проектов совместных работ: книга о кружках и салонах XX века по образцу книги С. Рейсера и М. Аронсона.

12 Предполагалось вовлечь незабвенного Александра Анатольевича Морозова, Сашу Морозова, биографа Мандельштама.

13 Групповая фотография участников встречи с французским поэтом Полем Фором в «Бродячей собаке» (1914) нашлась в фонде поэта Н. Рыковского в отделе рукописей Библиотеки Ленина.

2 ноября 67

Вчера также нанял АПН'овского фотографа, дабы переснять все фотографии из фонда Рыковского. «Бродячей Собаки» у меня будет собственный негатив и 3 экземпляра. Кстати, наверное, это фото опубликовано; во-вторых, мне кажется, что на переднем плане сидит никто иной как Николай Степанович.

Еще неделю назад, в воскресенье, был у Бриков. Ужас! <...> Не подумай, что это был знак к моему выгону, отнюдь. Ведь за тем меня пригласили к столу. Я с испугу назвался вегетарианцем. Пил только чай и нажимал на комфортабельные кнопки, чтобы раскрывались двери клозета, ванны и других прелестей, доставшихся от арагоновского быта.

Стала немного вспоминать. Я, правда, с трудом задавал немногочисленные вопросы. Стали читать «Амбарную книгу» (кстати, я завел еще одну — белого цвета по общественно-политической жизни начала века, назвав ее «Белой книгой»¹⁴), много резюмировала. Я, к сожалению, мало что помню. А — Бабенчиков¹⁵, этот гомосексуалист. Хи-хи-хи, бывал у нас, у нас их — хи-хи-хи — много бывало. Мы называли его — Бабнеебенчиков. А про Пастернака, узнав мнение Бабеля о нем, сказала: хи-хи, правильно, у него не болтался, а все время стоял¹⁶.

Между прочим, записала в мою Амб. книгу четверостишие Кузмина, повешенное над их диваном (экспромт)¹⁷. Все время удивлялась, почему Боря обидел Володю — ушел из Лефа.

14 Намек на «Белую книгу по делу А. Синявского и Ю. Даниэля» Александра Гинзбурга.

15 Искусствовед Михаил Васильевич Бабенчиков (1890–1957) оставил наброски воспоминаний о петербургской богеме 1910-х гг., в его альбоме обнаружился неизвестный экспромт Гумилева.

16 Фразу Бабеля о Пастернаке передал нам скульптор Илья Львович Слоним.

17 Из стих. «Атенаис» в «Занавешенных картинках»:

Мы нежности откроем школу,
Широкий заведем диван,
где все — полуюбовь и полу
обман.

18 ноября 67

Смотрю Шварсалонов потихоньку. Кроме дерптской переписки и писем Л. Недоброво (первое — по линии Сергея Шварсалона, кстати, как он кончил?)¹⁸, ничего интересного не обнаружил. Вчера в ИМЛИ смотрел опись Ал. Н. Толстого, но она сокращена более чем на половину. Там мало интересного, кое-что заказал на понедельник. Глянем. Тем более что мне пришло в голову доказать, что школа Карабаса-Барабаса есть пародия на Цех поэтов (второй?). Почему ты все время пишешь про прототипы «Карт<онного> домика»? Я полтора месяца назад предложил <Вадиму> Мулину написать про это курсовую, в надежде на очевидность и легкость темы. Эта история описана в «Годах странствий». <...>

Мне утвердили спецплан, но он весьма странен. Кстати, на форовской фотографии на первом плане слева не Б. Лившиц, не кажется? А близко от Фора пьяный Блок? (зачем он в «Собаке»?) С Северяниным мало что сдвинулось. Харджиев сейчас занят интригами вокруг Хлебникова. Трубецкой: надо готовить и сдавать на 1969 год. С Евг<ением> Бор<исовичем> еще не говорил, но обязательно это сделаю¹⁹. <...> В разделе публикаций про литературоведов надо Эйхенбаума дать (для этого дневники не очень нужны, все равно в ближайшее время никто их не получит)²⁰. Если у тебя есть возможность связаться с максимовцами²¹, то свяжись. Правда, я хочу быть в <Ленингра>де в декабре.

18 Пасынок Вяч. Иванова. Расстрелян в сентябре 1941 года.

19 С Евгением Борисовичем Пастернаком надо было говорить по поводу попавшегося мне в Публичке письма Пастернака Юрию Юркуну, которое мы собирались печатать. Мы прособирались до июля 1973 г., когда эта опция отменилась. Его напечатал Г. Г. Шамаков в США в 1977-м, потом Н. А. Богомолов в СССР в 1981 году.

20 Скопированные мной в ЦГАЛИ наброски докладов Б. М. Эйхенбаума об Ахматовой начала 1946 г. В облегченном виде они были вскоре напечатаны в ежегоднике «День поэзии». Дневники же Эйхенбаума в полном виде до сих пор не изданы. Все выписки об Ахматовой из них были мне впоследствии предоставлены покойным В. В. Нехотинным.

21 С участниками блоковского семинара Д. Е. Максимова в ЛГУ, я выступал там по инициативе В. Кривулина весной 1967 года.

Парнис²², которого позавчера видел, дал мне адрес Кобеко, вдовца Персиц (США). Напишу. Он хорошо был дружен с Лурье и Гл<ебовой>-Судейкиной.

1 января 68

Я уже начал готовить совместно с тобою письма Б. Л. П.<астерна>ка к Брюсову и Юркуну, помимо своей, и если хочешь, то совместной, к Медведеву²³. К Брюсову — я еще не сверял, но дополнит<ельный> материал начал подбирать — мною найдены в биб<лиоте>ке Вал<е-рия> Як<овлевича> дарственные книги с надписями, затем Евг<ений> Бор<исович> дал мне копировать пометки Б. Л. П. на полях сб<орника> Брюсова 1945 г. Открывается красивая, но совсем не проверенная штука: как тебе помнится, в посвящ<енном> юбилейном своем стихотв<орении> 1924 г. Брюсов сравнивается с Hamlet's father's shadow (ср. предпоследние строки предпоследней строфы и предыдущие и возможную реминисценцию «клятвы» Гамлета *тени* отца — здесь, очевидно, важно, что не отцу, ср. в ст<ихотворе>нии «как отца поздравить бы при той же обстановке...» в заключит<ельных> строках ст<ихотворе>ния). Как сюда притянуть (это и относится к названному мной «красивым» выше) ст<ихотворе>ние «Гамлет». И почему это надо? — Как будто, это точно не установлено, П вар<иант> «Гул затих» и т. п. писался тогда же, когда делались пометы на полях сб<орника> Брюсова 1945 г. Но «Гамлету» соответствует, скажем, «О знал бы я, что так бывает...» и другие ст<ихотворе>ния подобного рода. Как ты на это смотришь? Дополнительный комментарий я беру также на себя, но с твоей помощью: + дневн<иковая> запись о П<астерна>ке в 1922 г., которую ты выписал в ГБЛ²⁴. Давай аккуратно спишемся (я буду числа с 6-го в Москве) или съедемся. Письмо к Юркуну я сверил и восстановил окказиональные твои пропуски и, увы, не окказиональные погрешности в твоём воспроизведении. Текст письма ясен, хоть не всегда ясен

22 Об Александре Ефимовиче Парнисе, переписывавшемся со всем наличным составом свидетелей т. н. серебряного века, см. мою заметку: Тименчик 2023.

23 См.: Суперфин 1971.

24 Дневник Т. И. Игнатовой.

его смысл. Арбенину я-таки не застал, но напишу ей письмо с очень вежливой просьбой о содействии ее памяти и проч.²⁵ Когда познакомились ААА и БЛП, никто не знает из тех людей (кроме Харджиева, к которому еще я не обращался), которым я задавал этот вопрос.

Ну, а что же ты делаешь. Небось не для нас пишешь «Пушкин и ААА». А для нас? К фото Фора собираю материалы, но это протянется долго, как и другие многочисленные сборы по общей теме «Брод<ячей> собаки». <...> Итак, я возьму на себя смелость пробраться в дневник Кузмина и собр<ание> БЛП в ИМЛИ и сделать все необходимое для общей пользы.

Ты сообщи мне выходн<ые> данные статьи Ю. Сазоновой о Недоброво²⁶ (а если ты ее читал, то где и что там, напиши), я постараюсь попросить fotoreprint ее в США.

Итак, сборник наш²⁷ пока движется плавно, но очень медленно. Требуется хороший иллюстративный материал, *большие* публикации (возможно, будут «Елка у Ивановых» и «Старуха») и разумные статьи.

1 февраля 68

Я уже больше недели, а сколько это уже незаконно пропущенных лекций, корплю в связи со своими Архивн<ыми> фр<агментами> и нашими общими публикациями в госуд<арственных> хранилищах плохо исписанной и пожелтевшей бумаги, а ты помалкиваешь в своей рижской дырке (кстати, как с армией?) <...> Так, в М<оск>ве я перепроверил письмо к Брюсову. В этом же фонде нашел еще несколько писем Б. Л. П<астерна>ка к П. Н. Зайцеву, в Госиздат, рукопись стихотворного сборника с большим числом вариантов, отосланный Брюсову (м. б. это тот сб<орни>к, на который давал отрицат<ельную> рецензию Брюсов в 1920 г. (я ее вставляю в публикац<ию>), но вряд ли. Скорее всего это часть сб<орни>ка «Жажда в жар», лежавшего в Госиздате и переданного оттуда Брюсову 12/1-22, в связи с ссорой Б. Л. П<астерна-

25 К Ольге Николаевне Гильдебрандт-Арбениной (1897–1980) меня привел позднее Геннадий Шмаков.

26 См.: Сазонова-Слонимская 1954.

27 О запрещенном цензурой студенческом сборнике см.: Котрелев 1993: 325.

ка> с оной организацией (по поводу издания «Сестры») для какого-то (постараюсь выяснить точно) заграничного сб<орни>ка совр<еменной> русск<ой> поэзии («Жажда в жар» — С<естра> м<оя> ж<изнь> и Т<емы> и В<ариации> + Разн<ые> ст<ихотворе>ния). Некоторые подробности: Брюсов в рец<ензии> на С<естру> м<ою> ж<изнь>, очевидно, использует письмо к нему Пастернака насчет распространения ст<ихотворе>ний в списках. Сейчас проверяю свою гипотезу о Hamlet'e по верстке, которую мне дал Евг<ений> Борисович (издание «Искусства», которое, м. б., пойдет вновь в производство). Добиваюсь дневников Кузмина.

Теперь: Ахматова + Пастерн<ак>. Никто не знает, ни семейство, ни К. И. Чуковск<ий> (я у него вчера провел полдня, он никого не определил на фотографии, предложил комментир<овать> «Чукоккалу» ну и т. д.). Надежда только на Л. К. Чуковск<ую>, Н. И. Хард<живева> (у которого совсем не был ни разу, позор мне), П. Н. Лукницкий не находит соотв<етствующей> записи. Нашел еще ст<ихотворе>ние Гумилева (хочу также его опубликовать вместе с 4-мя в письме к В. И. Иванову, ты их видел, они страшно важны — ср. с ААА про Дездемону и т. д.). Кстати, адресат, указ<анный> Голлербахом «NN» в Нов<ой> русск<ой> кн<иге>, это, я в этом абсолютно уверен, — С. ф<он> Штейн — его письма передал в Г<осударственный> Лит<ературный> Муз<ей> Эрик. Вот где бы пригодился его дневничок²⁸.

Моя мысль об «Аполлоне» развивается, в связи с темой Гумилев + В. И. Иванов. Принципиально «Аполлон», который противоположен Дионису. Потом проверяю Заветы символизма со стихами Гумилева о трех ипостасях поэта, о мертвом слове и т. д. «Аполлон» — сначала журнал с попыткой «внепартийности» у Маковского и скрытая с ним вражда Гумилева, действовавшего через Зноско-Боро<вского>, инспирировавшего рец<ензию> Чулкова на «Весы». А потом спад, в который не вдаюсь.

28 В сохранившихся бумагах Эриха Федоровича Голлербаха записей о Сергее Штейне, на второй жене которого впоследствии женился Голлербах, как будто не обнаружено. Корректуру набранных, но отвергнутых «Новым миром» писем Ахматовой Штейну, подготовленных Эммой Герштейн, Гарик подарил мне незадолго до посадки.

(Вот заметка забавная из письма Г. В. Вернадского супруге (1911 г.): «Корнилов (Алекс<андр> Алекс<андрович>) очень интересно рассказывал, что Ростовцев (Мих<аил> Ив<анович>), Нестор Котляревский, Пешехонов (?) (? — принадле<жит> Вернад<скому>) и еще кто-то учредили «Общест<во> бродяч<ей> собаки». Собираются по ночам и ужинают, а вместо приветствия — лают». Вот сплетни академической среды!).

Остального, а это очень много, нарочно не пишу. Ты должен в нача<але> 20-х чисел быть в Тарту, где мы напечатаем работу на машинке. Иначе будут конфузы.

14 февраля 68

Н. И. Х<арджие>в сказал мне, что в Риге какой-то толстосум хотел издать всех ЛЕФ⁹овцев. Но вышел только Маяковский. Все осуществлялось через Винокура. Б. Л. П<астернак> и А. А. А<хматова>, д<олжно> б<ыть>, познакомились в начале 1922 года. Дневник М. А. К<узмина> смогу получить только по спец<иальному> разрешению и спец<иальному> допуску (4 форма). И то, якобы, в порядке исключения²⁹. А. А. А<хматова> и Экстер³⁰: Н. И. Х<арджие>в, разбирая оставшиеся от Ларионова и Гончаровой бумаги, нашел в них письмо ААА с под<писью> Анна (?) — Асе (он датирует это письмо 13–15 гг., т. е. участием Экстер в выставке Ларионова). Это письмо он отдал ААА, а где оно теперь, увы, известно негодьям, если они заинтересованы в этом. Насчет ст<ихотворе>ния Асеева³¹ Маяковский категорически потребовал от Коли: или я, или Ахматова.

В дополнение нашел кусочек выступления Б. Л. П<астернака> на юбилее Брюсова. А пометки на Брюсове 1945 г. — это, д<олжно>

29 Историю о том, как на мне закрыли доступ к дневникам М. А. Кузмина, см.: Тименчик 2021б: 229.

30 В подготовлявшейся нами публикации «Письма А. А. Ахматовой к В. Я. Брюсову» (Суперфин/Тименчик 1972а) содержалось раннее стихотворение Ахматовой, посвященное Александре Экстер.

31 Николай Асеев написал мадригал в альбом Ахматовой после их знакомства на вечере «Русского современника» 17 апреля 1924 г.: «Не враг я тебе, не враг...» (опубликовано впервые: Литературная Россия. 1966. 16 сент.).

б<ыть>, к статье о Блоке. Так что приезжай в Тарту для бесед и писания. Теперь там нет никого отвлекающего.

В М<оскв>е (в ин<ститу>те Курчатова) выст<авка> Филонова. Да, в 1915 г. Судейкин еще был женат на О. А. Глеб<овой>???

Целую, твой информатор и негр Г. Суперфин.

18 февраля 68

Я сейчас оказался в Таллине. Ездил для разговора с самым главным цензором. Действовал через посредство Белобровцева³². Но тот даже принять отказался, а я подготовил целый чемодан доказательств! Все зря! Он сказал Белобровцеву, что запрет осуществлен по приказу «директивных органов в Москве», а директивный орган — это идеологическая комиссия ЦК. Но глава цензоров намекнул, так, по кр<айней> мере, было понято, на возможность перелицовки и проч<их> крайних мер. Так что если ты увидишь свою и шмаковскую публикацию под одним названием, но разделенную на два разных авторских раздела (I — Шмаков, II — Тименчик), не удивляйся. Потом придется делать сб<орник> конференции, посвященной Брюсову и Маяковскому — «Скромная лепта». Вот таковы успехи. Светлан сидит здесь и кланяется, перевод «Золушки» кончен — на машинке³³.

Пиши мне на Тарту. В Москву я поеду не ранее конца недели. Как твоя армия?

Без даты, 68

(переданное с Сашей Белоусовым)

Ну, поскольку это письмо идет через интимные каналы, то сообщу тебе ряд (между нами!!!) подробностей. Уч. зап. (уже тираж) задержан цензурой по приказу из Москвы (вменяется, как будто, большое кол<ичес>тво упоминаний Гумилева в библ<иографии> ААА и воспом<инаниях> Кузьминой-Караваевой). Это повлекло за собою (а м. б.,

32 Виталий Иванович Белобровцев — журналист, переводчик, выпускник Тарту.

33 Светлан Андреевич Семененко (1938–2007) — превосходный поэт, переводчик, в том числе пьесы Пауля-Эрика Руммо «Игра в Золушку» (1968).

еще чьи-то наветы и общая болтовня, поблагодарим NN³⁴ за нее — в кругу издательской группы), цензурное прочтенье «Матер<иалов> конфер<енции>», которые еще не прочитаны, наверное, до середины, но уже тяжело смотрится на присутствие фамилий Пастернака и Ахматовой. Возможно, пошлют цензурн<ый> экз<емпляр> в Москву, а между тем из-за N сб<орник> стоит без движения, хотя сдан в ротапринт сразу же после моего возвращения из турне по Прибалтике. Но, дай Бог (письмо не почте, поэтому пишу с больш<ой> буквы!), все вдруг уладится. По Прибалтике маршировала в мое отсутствие Горбаневская, была ли она у вас? Теперь ее изображающий плакат висит на фронтоне ТГУ. В руках автомат, живот в положении и подпись: «Братский привет мужеств<енному> вьетн<амскому> нар<оду>» (вот видишь, как хорошо здесь аллегоризируют).

Некто девица со II к<урса> по рекоменд<ации> З. Г. <Минц> побывала в РО ГПБ, смотрела ахматовский ф<онд>. З. Г. говорит — талантливая девочка, нашла (sic!) письмо Цветаевой, конечно, прочую дребедень, подписанную засаленными фамилиями, а что точно, постараюсь на днях выяснить. <...> Теперь что ли моск<овские> новости?! Их немного. X сошелся с женой Y, ну а те концы не замкнуты. Что еще? Приезжай к 10-му, узнаешь значительно больше. X свидеться должен с Y в Москве на пустой кв<арти>ре Чудаковых (числа 10-го!!!).

В Москве у Гельперина³⁵ я сочинил лучшие свои рассказы. М. б., издадим совместн<ый> сб<орник> «Чем мы шутим»??

7 июля 68

(записка с оказией)

У меня дела так себе: хвост (п/эконом<ия>), сегодня узнал, что наш сб<орник> в ЦК (Эстонии?) и «контра», но окончательно все выяснится по приезду Лотмана, кот<ор>ый сейчас в Москве. Я в дурацком положении: слабоумен и проч. На днях еду в Москву на недели три, потом

34 Здесь некоторые имена мы заменяем криптонимами.

35 Ранний уход переводчика и литературоведа Юрия Моисеевича Гельперина (1942–1984) до сих пор остается одной из незаживающих ссадин. См. о нем: Тименчик/Тоддес/Чудакова 1986, а также Тименчик 2014: 551.

в 20-х числах в Ленинграде. (А м. б. раньше). Томас прислал ксерокопию (3 экз.) письма Блока³⁶. Я взял спецдопуск в архивы (дневник Кузмина и т. д.). У меня еще к тому же осложнения с Н. Я. М<андельшта>м. Кто это подстроил, я не знаю (из-за газетной публикации)³⁷.

17 июля 68

Сейчас иду в Музей МХАТа, завтра в Третьяковку. Вчера отдал Вале Непомнящему нашу с тобой публикацию писем Пастернака³⁸. Завтра выясню результаты. Готовлюсь (довольно пассивно) к Ленинграду; очень грустно и тяжело. Посмотрю Театр<альную> библиотеку насчет Блума, пока ничего не нашел. М. б., надо вскрыть материалы ТЕО? (Мейерхольд и др.). Кстати, кто занимается «Мейерхольд + Блок»?

В Москве дожди, атмосферное напряжение, страх. Сейчас читаю Котрелевский диплом. Скоро пойду смотреть живовск<ую> дочь (Маргарита)³⁹. <...> Странно, что ты задаешь вопросы про сб<орни>к. Я тебе передавал записку, где все мне известное сказано. В письмах больше распространяться не собираюсь, — удел NN. Старик, посоветуй, что взять мне курсовой? Я в замешательстве. <...>

30 июля 68

Изредка бегаю в архивы, но безуспешно. Во МХАТЕ только незначительный архив Добужинского; Лужского еще не дают (хранительница в отпуске). Письмо Добужинского (1921 г.) надо посмотреть в ИРЛИ (в ЦГАЛИ — 1916 года). В ЦГАЛИ я был 2 раза. Смотрел альбо-

36 Томас Венцлова прислал копию из фонда М. Добужинского. Это письмо с упоминанием таинственного тогда (да, в общем, и по сей день) режиссера рейнгардтовского типа Оскара Блума мы напечатали (Суперфин/Тименчик 1972б); с некоторыми добытыми за 45 лет нами обоими уточнениями я включил эту публикацию в свой сборник «Ангелы. Люди. Вещи» (Москва/Иерусалим, 2016).

37 О препринтной публикации в газете Тартуского университета части мандельштамовской публикации А. Морозова и В. Борисова в «Вопросах литературы» (см.: Мандельштам О. 1968).

38 Вопросы литературы.

39 Маргарита Викторовна Живова — итальянская лингвистка.

мы Рындиной с вырезками из газет, есть там шарж на Глеб<ову>-Судейк<ину> в роли Козлицы в «Козлоногих» Саца и шарж на портрет ААА Альтмана. Сейчас пойду во 2-й раз в ИМЛИ (ф. Замятина), но что это даст, малоизвестно, ничего не хотят давать. В Третьяк<овской> галер<ее> утверждают, что ф<онда> Сапунова у них нет (ошибка в указателе). У меня нет отнош<ения> в Бахруш<инский> музей, но если надо, то постараюсь (там много должно быть по Незлобинскому театру), в Моск<овский> архив после 1917 года не обращался (Пастерн<ак>, ТЕО). Кстати, если это не заблужд<ение> Черткова⁴⁰, который сейчас временно в Москве, письмо Б. Л. П<астернака> Юркуну есть также в ф<онде> Радловой. В Литмузее буду готовить публ<икацию> переводов Чаренца. Мои публ<икации> в Нов<ом> мире (правда, заказали еще рец<ензию> на Поливанова⁴¹, но вряд ли буду ее делать) и в ВОПЛЯХ не пошли. М. б., по приходе из отпуска Мариэтты попытаюсь протолкнуть в Записки отдела рукописей нашу (есть допол<ения>: «Близнец в тучах» — Брюсову — у Жени Левитина; С<естра> м<оя> ж<изнь> — Кузмину у Зильберштейна). Но в Нов<ом> мире просили твою публ<икацию> ААА> Брюсову. Пришли, второй раз прошу. Когда бываю у Юрки Гельп<ерина>, мало и неудачно графоманю. Борисов работает в комитете славистов (временно)⁴². Чертков вовсю носится по Москве, Сенька в Киеве, в общем, отдыхает. Когда же ты приедешь? Ответ незамедлительно, а тогда пойдем к Нолле-Коган⁴³ и проч.

17 августа 68

Сейчас уже перед самым Тарту начался только, хотя и небольшой, но зуд архивного порядка. Сейчас занимаюсь в арх<иве> Акад<е-

40 Леонид Натанович Чертков (1933–2000) — поэт, историк литературы, был своего рода лидером архивных раскопок начала века; из уже немалочисленной литературы о нем см., напр.: Вайсбанд 2018.

41 Наш герой ходил в поливановедах — см.: Леонтьев/Суперфин 1964.

42 О нашем никогда не забываемом друге Диме Борисове (1945–1997) см. хотя бы: Алхазова/Карельская 2017.

43 Надежда Александровна Нолле-Коган должна была быть свидетельницей тех обстоятельств, о которых говорилось в письме Блока к Добужинскому, но она уже умерла в 1966 г.

мии Наук> — Вернадский: мой Арх<ивный> фр<агмент> I расширяется до 10 печ<атных> листов, теперь уж он выходит со многими подпунктами. Я рад одной детали: мои предположения оказались истинными. Приятно. Немного смотрю в Третьяк<овской> гал<ерее>. Сапунова фонд интересен весьма специфически (черновики писем его к М. А. К<узмину>, М-ле Х (Люба), Мейерхольду). Больше ничего. В другом же ф<онде> нашел неизвестн<ую> статью Флоренского, а также установил неизв<естного> худ<ожника> в Арх<ивном> фр<агменте> II (Маяк<овский> + Кузм<ин>) — Нерадовский (как и предполагал).

23 сентября 68

Как тебе кажется, есть ли связь п<астерна>ковских «Нас мало...» и «Так начинают...», очевидно, написанных в одно время (не говоря о том, что очень и очень связаны даже внутри цикла) с Разговором Маяковского с солнцем. *Проверь и возрази!*

Так все дни почти всю часть их бездельничаю или сижу, слушая, как удается⁴⁴, чаще читаю газеты. Отличаюсь ли я от тебя?

11 октября 68

(записка с оказией — с моим телефоном 224628)

Ром! С цензурой все-таки ничего не понятно. Текстологич<еский> анализ мне показал, насколько это доказательно, не знаю, что рецензент был местный — пристальное чтение русско-эстонск<их> мест, подчеркивание имени Хлебникова и т. д. — все это говорит о малой компетенции г<осподина?> рецензента.

Но первый том может, очевидно, к ноябрю выйти.

Теперь: важно для общественной нашей жизни твою заметку о ТЮЗ'е⁴⁵, если ты сразу же напишешь или до вторника, чтобы пошла в след<ующий> номер. Старик, смешно уговаривать, что это важно. Пришли всего, что можешь, вплоть до юмору. Газета — на новых рельсах! Вперед к Чехословакии!

44 Первое письмо после ввода войск в Чехословакию.

45 С сентября 1968 г. по март 1991-го я служил завлитом в Рижском ТЮЗе.

Лазика умоляю простить меня за молчание, я очень хочу его видеть и поговорить с ним.

Сейчас единогласно защитился Беззубов. Очень длинная защита. Беззубов защищался от Плоткина и Родиной как мог⁴⁶.

Что же творится в Тарту, трудно описать. Ничего. Но и это неправда. Приезжай, многое обмозгуем. Наш кружок принимает, дай бог <sic!> форму Академич<еского> Союза по типу чешских или наших дореволюционных. Устав и т. п. Вот ты от чего отказался. Быть занесенным в списки по этому принципу, печатать и печатать у нас...

В Москве, говорят, правые победили левых⁴⁷. Я только наблюдаю отсутствие Суслова. Говорят, что экономич<еская> реформа гикнулась, ведь не зря чекисты на собраниях заявляют открыто, что мы проиграли соревнование с Западом. Я сейчас перевожу о ун<иверсите>тах из Scínteia, L'Unità и L'Humanité, а также Rudé právo.

24 мая 69

Забытый в пыльных пропилеях Солдат!⁴⁸ <...> каждый день пытаюсь ездить в РО ГПБ и ЦГИАЛ. <...> Ну вот: сегодня своеобразн<ый> юбилей — кончилась Амбарная книга. Завожу другую. В нее постара-

46 Валерий Иванович Беззубов (1929–1991) — сотрудник кафедры русской литературы ТГУ. Кандидатская диссертация «Леонид Андреев и русский реализм XX века» (рук. проф. Д. Е. Максимов); Лев Абрамович Плоткин (1905–1978), профессор кафедры советской литературы Ленинградского университета, Татьяна Михайловна Родина (1914–1989) — театровед, сотрудница Института истории искусств.

47 Чтобы напомнить — запись 12 ноября 1968 г.: «21 августа окончился целый период нашей жизни, период относительной либерализации, колебаний власти и выбора путей. Выбор сделан. Диктатура без диктатора сбросила все маски и без стеснения открыла забрало. Все „сдерживающие“ факторы, на которые еще недавно можно было надеяться, все месячные амплитуды потеплений и заморозков отпали. Надеяться больше не на что. <...> Надо вытравить в себе все субординационное честолюбие и жить только понятиями гражданской чести. Это единственный посох слепого» (Самойлов 2002: 40–41).

48 С ноября 1968 г. я год прослужил в армии (в своей Риге). Письмо из Ленинграда.

юсь (п<отому> ч<то> ф<онд?> не обработан) включить письма Недоброво, Анрепа и Скалдина жене Щербачева (В. А. Знаменской) и т. д.

В ЦГИАЛге смотрю не про общие темы, но в то же время = цензурные мат<ерия>лы (про «Гиперборей», журнал «Поэзия и проза» — царско-сельское издание), некто Виктор Иванов, вероятно, один из первых царскосельских симбиозов — 1905 г., по времени совпадающий с «Северной Речью», где впервые И. Ф. Анненский и Н. С. Гумилев. Сделал выписки про Конге, Юнгера и другого <...>. Смотрю про «Поэму без героя» и думаю, что вот «Некалендарный — настоящий...», м. б., здесь из Блока реминисценция (т. е. аллюзия) — предисловие к его сборнику статей. (см. А. Лурье к понятию музыки у Блока)⁴⁹.

Про Блюма в журналах достаточно, его статьи, где он заявляет (в 1922 г.) себя *антирейнгартовцем*. Но это не оформляю. <...> Как нас везде поджимают! у вас в Риге ничего? А в Праге - - - .

15 июня 69

Заказал в ПД письма Брюсова П. Б. Струве. Правда, ты же знаешь их нравы: захотят — не дадут. <...> С итальянско*й* портретной школой еще не все выяснил⁵⁰. Да, на днях зайду в «Русскую литературу», м. б., удастся пропихнуть мое и твое (Пастернака и Ахматову). «Пастернак и Кузмин» немного дополнил, равно и про Брюсова. Ну что еще? Трудно припомнить!

Да, «прости, старик, не могу»: так вот автор этих слов уже последовал по стопам new Mordovian жителей, правда, еще в предварилке за распространение кайфа. Даже в газетке местной про это пропечатано. Много людей ходят и ко многим также. Припишут ли ему еще что-нибудь, мне неизвестно⁵¹.

49 Возможно, имеется в виду фраза: «В этих понятиях нет полного музыкального совпадения с тем, о чем у меня идет речь» в предисловии ко второму изданию книги «Россия и интеллигенция».

50 Если это не какой-то шифр, то, возможно, речь идет о поиске живописных источников ахматовского стихотворения «Старый портрет».

51 Ефим Михайлович Славинский (1936–2019) славился в обеих столицах как донжуан. Галя Найман как-то спросила его: «Славка, почему тебя так жен-

30 июня 69

Да, что ты думаешь про Китса и Царское Село?⁵² Материалов я читаю много и переписываю тоже. <...> Составь, пожалуйста, картотечку про Северянина и пришли мне ее.

19 сентября 69

Вот письмо:

1. В комментарии о дебюте ААА, где, думаю, хорошо перечислить все источники, ввожу следующие: Н. Г. Чулкова (воспоминания) необязательно, если найдется письмо Г. И. Чулкова к Н. Г. Чулковой (ЦГАЛИ?) 1911 г., где он сообщает о якобы им открытой поэтессе; воспоминания С. Дымшиц-Толстой: «Помню в Париже приехавших молодую поэтессу А. А. А., тоненькую как тростиночка <...>» (далее — о Чулкове) (Государственный Русский Музей). Но, как видишь, это все — бяка. Может быть, найду что-нибудь в письмах Чулкова к Брюсову?

В Литмузее, думаю, вряд ли что-нибудь получится с ранними стихами...

щины любят?». Он ответил: «Потому что я их слушаю». Одной из ходячих новелл о нем была история о том, как рассказчик (не один) без телефонного звонка постучал в дверь его квартиры, из-за которой услышал: «Прости, старик, не могу». 5 июня «Вечерний Ленинград» сообщил в «Происшествиях» — «Расплата неминуема»: «На днях сотрудниками Управления внутренних дел Леноблгорисполкомов задержан Е. М. Славинский — человек без определенных занятий, на квартире которого собирались молодые люди для употребления наркотиков. Следственным управлением УВД Леноблгорисполкомов Е. М. Славинский привлечен к уголовной ответственности. Ведется расследование» (Дружинин 2016: 21–22). Э! Тут и я могу добавить, что в марте 1967 г. на квартире гр. Черткова Л. Н. и гр. Никольской Т. Л. он склонил пишущего эти строки и начинающего филолога Билинкиса М. Я. к употреблению наркотиков, дав им закурить папиросу с гашишом, а затем, заведя имевшийся в квартире музыкальный волчок, наблюдал, как они под то, что, не раздумывая, назвали музыкой сфер, безостановочно хохотали без причины, что являлось признаком известно чего.

52 Вопрос связан с переводом Василия Комаровского «Оды к греческой урне».

2. Альбом Жевержеева сообщает: л. 223: Японский писатель-драматург Уджак Акита («Уджак» — псевдоним «воробышек») и его ученик П. Наруму отметились в оном: 1927.12.29 в Ленинграде, также есть фото ААА + японцы + Пунин.

3. Опять-таки в утраченных письмах я тебе писал, что конспект твоей заметки из «Материялов» помещен во втором томе ААА: «память-эскимоска» и проч. Они с тобой согласны!⁵³

4. Выписку о Брюсове из Л. К. Чуковской не посылаю, она обширна и не автобиографична⁵⁴.

5. Шмаков⁵⁵ прислал мне копию посвящения Б. Л. Пастернака ААА на «Сестре» (собрание Рыбаковой). Итак, все они существуют (Кузмину — у Зильберштейна), кроме Юркуну.

6. Получил отрывок из воспоминаний Милашевского⁵⁶.

7. Для «Пастернак и Кузмин» нету: дневников последнего, разумного анализа в сопоставлении (кое-что про прозу указано Окутюрье в докладе на съезде славистов в Праге). Готовлю материал об «естественном праве» и Франциске в русской поэзии, начиная с символизма.

В комментарии пропущена одна заметка М. А. Кузмина о т. н. «дружественной критике» (Эренбург).

53 Моя заметка «К анализу „Поэмы без героя“ А. Ахматовой» (Тименчик 1967) была пересказана во втором томе американского собрания сочинений Ахматовой, но в цитате из кузминской книги «Форель разбивает лед» вместо «память — экономка» было напечатано «эскимоска».

54 В «Записках об Анне Ахматовой», которые тогда еще существовали только в рукописи, монолог Ахматовой был записан так: «Лично с ним я не была знакома, а стихов его не люблю и прозы тоже». В своей публикации писем Ахматовой к Брюсову мы повторили это утверждение, но встреча с Брюсовым у Ахматовой все же была. См.: Тименчик 2021а: 281–303.

55 Геннадий Григорьевич Шмаков (1940–1988) — переводчик, балетный критик, исследователь Михаила Кузмина.

56 Художник Владимир Алексеевич Милашевский (1893–1976) довольно щедро раздавал главы своих еще не напечатанных воспоминаний о Кузмине, Юркуне, Ахматовой, Глебовой-Судейкиной.

8. Читаю сейчас забавные письма В. В. Гофмана Шемшурину про п<е>т<е>рб<ургскую> богему, про Вяч. Иванова и др.⁵⁷

9. Кажется, сообщал тебе об альбоме и дневнике Фидлера, что касается 14 марта 1911 г. башни Вяч. Иванова; там говорится о еще непечатающихся молодых авторах. Ахм<атовой> (пикантная молодая дама, жена моего бывшего ленивого ученика (сейчас в Африке), О. М<андельштаме> (никаких подробностей) и М. Моравской («пищала, как семилетний ребенок»). Боком там проходят Кузмин, Ремизов, Верховский, Княжнин, Чулков, с кот<орым>, м. б., АА и пришла.

10. Нашел еще одно ст<ихотворе>ние, посвящ<енное> ААА: некоего С. Рафаловича (не обижайся на эпитет⁵⁸): «Расколотое зеркало». М. б., оно опубликовано в «Русск<ой> Мысли»?⁵⁹

11. В пуб<ликацию> о дебюте, м. б., вставить № 9 и еще попутно — упомянуть о курсах Раева, на которых она-таки не училась, а просто сдала документы. Там же можно уточнить про венчание. (Кстати, я посмотрел личное дело студента пб. ун<иверсите>та Пумпян-Пумпянского (ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 61407), виленского мещанина, рожд<енного> 17 янв<аря> 1891 г., Льва Мееровича, затем выкреста с 22 дек<абря> 1911 г., поступил в Ун<иверситет> в 1912 г.,⁶⁰ там есть куча дел и для комментариев и для проч<его> очень выгодных).

12. У Лени Черткова † мать, он приезжал сюда, но я его не видел.

13. Д. Борисов готовится в И<нститут> Истории СССР АН в аспирантуру. Девочка (Аня) очень хорошая⁶¹.

14. Не помню, посылал ли я свой старый уже экспромт «К ЭРИКЕ».

57 Впоследствии опубликованы тогда еще не знакомым нам А. В. Лавровым.

58 У меня тогда модное употребление этого определения к писателям, о которых пишущий не имел понятия, вызывало неумеренное раздражение.

59 Оно разрозненной единицей лежало в ОР ИРЛИ, напечатано впервые: Куранты. Тифлис. 1919. № 3/4.

60 Я писал заметку о Пумпянском для «Краткой лит. энциклопедии» (Т. 6. 1971. Стлб. 80).

61 Как говорит нам Википедия, Анна Карельская (в девичестве Борисова) (род. 1968), окончила романо-германское отделение филфака МГУ.

Что писать, как не стихи,
 Если есть машинка в доме,
 Все равно, как жить в Содоме
 И не знать, что есть грехи.

15. Вчера малость выпил, письмо по тому и по другим поводам не клеится.

Без даты, 69

Сн<оска> 11. {по дневникам Каблукова Мандельштам жаловался, что Гумилев — кот<оро>му отдан в безраздельное пользование лит<е-
 ратурный> отд<ел> «Ап<олло>на», — выбросил из № 4 (т. е. перевел на
 майский №) его стихи и вставил на их место ахматовские. Стихи, по
 словам ОМ, дерьмовые}.

Вот приблизит<ельная> запись из дневн<ика> Каблук<ова> от
 6 апреля (Н. С. Гум<илев> вернулся скорее всего в конце марта –
 2 апреля, т. е. в субботу, у него в Ц<арском> С<еле> был Кузмин, Ман-
 дельштам и т. д.).

Смотри, Рома, нужна ли эта сноска? (она несколько противоречит
 словам Маковского, или Мандельштам как обиженный валил на всех).

Ромка! Возможно в pendant дать: Мандельштам — Брюсов как ти-
 пологич<еское> сопоставление, как любил Брюсова, как передавал
 через Гиппиус, как Брюсову не понравились и т. п. <...> Я в Таллине
 написал несколько «Готических баллад», в т. ч. «Показания свидетеля
 на суде, где слушается дело об убийстве». Первая строфа:

— А у нас во дворе
 Живут вор на воре,
 Спекулянт на спекулянтке,
 И я, женатый на дворянке и т. п.

Затем есть баллада об убийце в магазине головных уборов:

У меня наган в руке,
 Средний палец на курке...

(перечисляются все виды головных уборов — в плане метонимии: шляпа, кепка и т. п. — но я забыл; много болел тяжело).

16 июня 70

Ну и намолол же я, да и ты хорош — как уедешь в провинцию, так черти тебя одержимым делают — какие письма Гумилева, Брюсова печатать, актись: «Kennst du das Land...»!!! Гофмана мат<ерия>лы всегда смотрю. Вчера наконец получил расе с пост<оаянной> пропиской. Зяму Пап<ерно>го за пародию в нерушимом блоке перевели на вторые роли⁶². <...> Извлеки из ленинградцев кое-что, ф. Щеголева (переписал ли ты шифр? Закажи из того же фонда м/ф Бодуэна о футуризме), смотрел ли ты Мотовиловых, родств<енников> ААА по матери, будем строчить про родословную?

62 Зиновий Самойлович Паперный (1919–1996) покинул ряды ВКП золотые за пародию на роман Кочетова «Чего же ты хочешь?», в котором, между прочим, антисоветчица учила делать то, чем занимались героини комментируемой переписки:

<...> тащить в коммунизм, скажем, Мандельштама, Цветаеву, Пастернака... Изучите повнимательней их тексты, проинтерпретируйте, прокомментируйте. Вот, мол, подлинная поэзия революции, вот, мол, поэзия, рожденная Октябрем! <...> Литературный портрет нужен? Портрет Цветаевой! Литературный радиотеатр? Андреева! Стихи на эстраду? Мандельштама! На сцену? Бабель! Все будто бы и на месте. А что, разве Леонид Андреев плох? Разве Цветаева не вернулась на родину и не писала патриотического? Разве Пастернак не был членом Союза советских писателей? А Бабель?..

(Кочетов 1969: 139)

Возможно, самым крамольным местом пародии был финал:

— Прости, отец, опять я к тебе, — сказал Феликс, входя. — Так как же все-таки — был тридцать седьмой год или нет? Не знаю, кому и верить.

— Не был, — ответил отец отечески ласково, — не был, сынок. Но будет...
(Паперный 2005: 333)

2 июля 70

Так вот — статья: компендиум из тебя и меня — V ред<акция>, 3 вар<иан>т, сдаю в изд<ательств>во. Мук с ней было много, а сколько еще углов осталось!!! 2 года срока для доделок, надеюсь, проведем не зря. Наметил забаву: ряд «свечи, портрет (= изображение женщины, resp. икона, атлас (= или т. п. материал)» см. в другом ст<ихотворе>-нии в «Четках»)»⁶³. Нашел забавные дополнения к теме «П<астерна>к и Брюсов» в личном архиве Буданцевых. Это целая история, очень смешная. А сам же я никак не устроюсь на работу. Да, завтра должен зайти в Литер<атурную> газету насчет наших публ<икаций> Блока. Кстати <...> — малопонятная история, азефовская (?)⁶⁴.

8 июля 70

Твой театр, со слов, м. б., М. Левитина⁶⁵, хвалил М. Филиппов, он, наверное, очень принужденный классического (?) типа актер, тесть же его, говорят, петь уже заканчивает⁶⁶. Примы из него не вышло. Жаль (pour mot rouge — пер<евод> с русск<ого>). Был у В. М. Камнетучного⁶⁷, 87 лет, чего ты хочешь от него (ср.: 1967 — И. П. Брихни-

63 Не реализованный по сей день план разбора «Старого портрета».

64 Самолетное дело — план захвата самолета с угонем в Швецию и попаданием в Израиль. 15 июня 1970 г., как только заговорщики были арестованы, в Риге начались обыски, именно в это время я позвонил одному из обыскиваемых, которому я должен был вернуть взятый накануне третий том эмигрантского Мандельштама, им полученный от одного из свежearестованных. Сдуру я назвал ласковому голосу, который сказал, что мой знакомый ненадолго вышел и что ему передать.

65 Режиссер и писатель Михаил Захарович Левитин, как-то был у нас в гостях в начале 1968 г., пытался вовлечь в веселый разговор стоявшего в нашей единственной комнате Суперфина, который перебирал какую-то папиросную бумагу, на что получил раздраженную гримасу: «Я работаю». Когда я вскоре стал завлитом, Миша показал мне свою первую пьесу, там эта сцена была воспроизведена.

66 Тестем первоклассного актера Михаила Филиппова был тогда Юрий Андропов, вполне допевшийся до примы как раз тогда, когда нашего хрониста выперли из отчества.

67 Владимир Михайлович Волькенштейн (1883–1974) — поэт, драматург; в апреле

чев⁶⁸)! Он очень кроткими глазами окинул меня и, уставясь в одну точку (приблизительно где-то рядом с моим подбородком — это на уровне его глаз!), очень (прости за повтор) стесняюсь, сказал: ЗА-БЫЛ! — с АА я был дружен — особенно в Ташкенте во время войны, а вот про Башню, про свой и с АА дебют забыл. Зато очень хорошо помнит, как его отец помог Ильичу в юридической практике, за что В. М. удостоился внимания со стороны Наденьки, по чьему настоянию также отпустили и папеньку. О своем двоюродном брате, муже Крандиевской — тоже мало что помнит. Поддержал я разговор о Бебутове, о Станиславском (он пишет о нем воспоминания). <...> Лишь об Оскаре Блюме: — О это был очень темный человек, поговаривали о его связях с «в-чëкающими». <...> А «нашу» горбатиуху в СРБ!⁶⁹ <...> А некий тезка Богатырева-рёгë'a хотел быть Чернышевским, а стал Черняховским⁷⁰.

7 августа 70

Сегодня в Литературку сдал «Блок в Следств<венной> комиссии»⁷¹, хотя ни на гран не верю в печать, правда, уже считаю копеечный приплод.

2 октября 70

Работал в ЦГА РСФСР в фонде ЛИТО — просмотреть успел крайне мало (к тому же очень тяжело — микрофильмы) — но все-таки хорошее письмо Пастернака 1920 г. и др. <...> Да, какой-то тип мне говорил,

1911 г. вместе с Ахматовой читал стихи в Обществе ревнителëй художественного слова.

68 О нашем визите к Ионе Брихничеву см.: Тименчик 2008: 9.

69 Спецпсихбольница, а не столица Российской империи. Наташу Горбаневскую из Бутырской тюрьмы отправили в апреле 1970 г. в Институт судебной психиатрии имени В. П. Сербского, где она получила диагноз «вялотекущая шизофрения».

70 Диссидент генерал Петр Григорьевич Григоренко с мая 1970 г. по сентябрь 1973 г. содержался в Черняховской специальной психиатрической больнице МВД.

71 См.: Суперфин 1970.

что есть поэма (?) у ААА «Черепки». Так ли?⁷² Несколько ст<ихотво-ре>ний я видел уже напечатанными, вероятно, из тех ее, которые за-поминались...⁷³ В (нашей) публикации никаких изменений еще не делал — у меня ни текста, ни желания сейчас что-то делать, т. е. же-лание-то есть⁷⁴ <...>. Сделал для тебя выписку из 2-го тома восп<оми-наний> некоей старушки, она пишет, со слов ААА, как та и, кажется, супруг старушки, О. Э. М<андельшта>м получили от извозчика урок (нет, вру, Ахматова говорила: извозчик и Вяч. Иванов)⁷⁵. Выписку из этого абсолютно нераспространенного и мало кому известного источ-ника я сделал.

В день своего рождения 18 сент<ября> я был на похоронах Юл<иа-на> Григ<орьевича Оксмана>. Чудаковы⁷⁶ удивлялись, почему нет Ла-зика, который прислал лишь телеграмму, а я не смог сказать, что он укатил развлекаться (?) в Вильнюс (avec toi)⁷⁷. Жир<мунский>, бывший там же, приглашал к себе в гости, говорил о статье в свой адрес, ко-торую ты странным образом заставляешь меня делать⁷⁸, да при этом общаться с недоступными мира сего — Ярцевой и Кацевой. Уж лучше

72 Цикл «Черепки» впервые был напечатан Л. К. Чуковской в сборнике «Памяти Анны Ахматовой» (Париж, 1974).

73 «Стансы» (ВРСХД. 1969. № 93. С. 15), «Немного географии» (ВРСХД. 1970. № 97. С. 136).

74 Фраза, которую Мастроянни говорит доктору в фильме Витторио де Сика «Вчера, сегодня, завтра» и которую любил цитировать наш друг Саша Гриба-нов.

75 «Вторая книга» Надежды Мандельштам: «Про Вячеслава Иванова Ман-дельштам рассказывал смешные штуки. В добавление к тому, что рассказа-ла Ахматова, я прибавлю еще одну: двое ехали на извозчике и читали стихи Иванова. Извозчик обернулся и сказал: „Ядовитая приятность“. Я уверена, что выдуманно все: извозчик, изречение и двое... На эту сказку я реагировала вопросом: „А кто заплатил извозчику?“ За такое изречение полагалось бы на шкалик» (Мандельштам Н. 1972: 95).

76 Александр Павлович (1938–2005) и Мариэтта Омаровна (1937–2021).

77 Мы с Л. С. Флейшманом ездили в Вильнюс для встречи с зарубежным колле-гой-славистом.

78 Я думал написать статью о юном поэте В. М. Жирмунском для фестшифта ему, отправляясь от его писем Вяч. Иванову. Он передал, что «лучше бы по мертвом». Впоследствии такую статью написал Саша Лавров.

самостоятельно писать «Мандельштам и Жирмунский в Тениш<евском> уч<илище>» (разумеется, название статьи содержит лишь название учебного заведения)⁷⁹.

На могиле же договорился с Зильберштейном зайти к нему, но до сих пор этого не сделал. Похороны были в юлиановском стиле (т. е. салонно-официальный, скажем, как президиум какого-то заседания с чаем). Выступали Макогоненко, Бялый, Пугачев, Балашов (от Литпамятников). Жир<мунско>го опекала Н. Б. Волкова⁸⁰, которая вообще старалась услышать все разговоры. <...> Юлиан же вообще отдал в ЦГАЛИ свой архив.

В ЦГАЛИ мудак, молодой N-N сдал архив Судейкина, кот<оры>й, не успел еще отъехать молодой бездельник в сопровождении зам. нач. ЦГАЛИ в Ленинград, уже стал достоянием с<пец>х<ранения>. Про Харджиева ты не понял элементарной вещи: я встретил Герштейн, к<о>тор>ая потребовала (??), чтобы все, что касается Ахм<атовой>, Хлебникова, непременно должно попадать к Ник<олаю> Ив <ановичу>, а то он обидится и проч.

1 ноября 70

Не было ни гроша — вдруг алтын: сегодня вторую эпистолу тебе пишу. Она касается моих сегодняшних бдений в Ленинке. Итак, Оскар Блюм печатался в «Эрмитаже» почти до конца июля 1922 г. (статейки о Мейерхольде с лизанием <...>, полемич<еская> на смерть Вахтангова (почтительно с признанием гениальности) и, если это не О. Брик, что вряд ли⁸¹, то «Театральный глоссарий»). Затем из этого ж<урнала> и его продолжения «Зрелища» он напрочь исчезает. Возможно, и исчез он, в середине 1922 г., спустя год, как кончилась его карьера режиссера (?). Всякую мелочь о нашем театре и проч<ее> я заносил на

79 Гарик собрал немало материалов по этой теме, не успел завершить публикацию до ареста. Эта работа потом была проделана А. Г. Мецем.

80 Наталия Борисовна Волкова (1924–2022) — директор ЦГАЛИ.

81 Таки ономимия инициалов привела к тому, что в библиографию Осипа Брика на некоторое время попали сочинения Оскара Блюма — в книге Анатолия Васильевича Валуженича (1936–2021) «О. М. Брик. Материалы к биографии» (1993).

карточку — приедешь — зыркнешь. <...> Кстати, ты видел ссылки на воспоминания Добужинского в книге о театрально-декоративном искусстве начала XX в.? <...> Привет от Кот-Рейли⁸². Просит черкнуть два слова.

15 ноября 70

Я договорился с Зенкевичем <...> на будущей неделе встретиться⁸³. <...> Написал Наталии письмо, ответит ли? Кстати, я давно заметил и забыл, что «Камень» — корреспондирует «Акмэ», по крайней мере камень реконструируется *akm (?)⁸⁴. Нет, это я просто так.

1 декабря 70

Из общих знакомых мало кого вижу, а если вижу, то крайне редко. Димуля соблюдает с Татьяной, которая <...> попала в заочную аспирантуру в Институт Истории Искусств, важные Noël тайны («Ура, в Россию скачет...») название этого рифмуется с тем, что скачет), а они блюдут близкую интимную тайну героев Noël'я. Кажется, Александр I, не Николай (I)?⁸⁵

82 Один из самых близких наших друзей, выдающийся литературовед Николай Всеволодович Котрелев (1941–2021).

83 Михаил Александрович Зенкевич прокомментировал по нашей просьбе список членов Цеха поэтов, найденный мной в бумагах М. Л. Лозинского.

84 Возможно, это отклик на прочитанную нами рукопись статьи Омри Ронена о подтекстах Мандельштама, которую нам дал Д. М. Сегал. Мне эта связь тоже была явственна потому, что по-латышски «камень» — akmens. Упоминаю потому, что и Мандельштам в детстве слышал латышскую речь.

85 Дима и Таня Борисовы дружили с Наташей Светловой и охраняли тайну ее романа с Александром Солженицыным. «Деспот» рифмовался кое-как с «развод» (с Н. Решетовской). Так я понял это место, если неверно — пусть Суперфин поправит.

«Воробышек», скакавший по эрмитажной крыше, как я бы назвал одну ленинградку⁸⁶ («хочешь, пятку почешу»⁸⁷), хочет истощать свой и так желудок малый, ибо зима. Никуда не смогла перебраться, ленива что ли? Все находится в своем здании, как это по-польски? Что еще хочешь? Не достаточно? «Я правду вам...»⁸⁸. <...> А что опереточные певцы и их чады? — «вкус Офелии к горькой...»⁸⁹. <...>

Отвлекаясь от глупостей, сообщаю, что на днях приступаю к Блоку и, простите, Блюму.

11 октября 71

Мне одна женщина сказала, что ААА жаловалась, что на ее свадьбу никто внимания не обратил — в тот день летал С. Уточкин, и все смотрели в небо. (Летчик с птичьей фамилией).

26 февраля 72

Про Стогова АА уверяла, что он «уж наверное Пушкина видел» и т. п. (ей про его восп<оминан>ия рассказал как будто Володя Корнилов), а я-то думал, что она скрывала — побаивалась заголубить свою родословную⁹⁰. Здесь находится один ахматовед, которого не

86 Стихотворение Натальи Горбаневской 1964 г.: «За рифмой не гонюсь, за славой не гонюсь, / ни за тобою, всех перепродажа, / ищи-свищи, скачу не оглянусь / — воробушком по крыше Эрмитажа. / Воробушком, ободранным в боях, / наперекор непробивному ветру, /по белому, нелепому по свету, / корабликом во вздыбленных морях». Речь, похоже, идет о голодовке в Бутырской тюрьме.

87 Сдвинутая цитата из стихотворения Мандельштама «Жизнь упала, как зарница...», относящаяся к случаю, когда адресат растирал заолодевшую на морозе стопу поэтессы-полонофилки.

88 Вероятно, сдвинутая цитата из слов П. М. Горича об А. А. Загорецком в комедии Грибоедова.

89 «Вкус Офелии к горькой руте» — из стихотворения Цветаевой «На назначенное свиданье»; Рута Исаковна Александрович, арестованная в Риге за сионистскую деятельность в октябре 1970 г., дальняя знакомая моих родителей, была какой-то родственницей легендарного тенора Михаила Александровича.

90 Дед Ахматовой Эразм Иванович Стогов (1797–1880) четыре года при Дубельте и Бенкендорфе служил в Отдельном корпусе жандармов.

видел еще. После того, как он издал книгу, он стал заниматься, якобы, Андр. Белым⁹¹.

В каком месте «Поэмы» про Модильяни? в какой редакции?⁹²

Я живу так ничего себе. Занимаюсь, работаю «на обществ<енных> началах» выверальщиком в «New World» (я забыл, чья это шутка⁹³). Смотрю всяческие дневники, но для твоих или наших совместных штудий ничего не нахожу⁹⁴. Засел за тырковские дневники (пока только про Белого)⁹⁵. Думаю начать тему «Блок на фронте» по материалам ЦГВИА. < ...> Наташу еще не видел⁹⁶.

7 сентября 72

Еще я тебе готовил сюрприз: в одном доме, у моей приятельницы, я на полке нашел «Вечер». Естественно, что редкость книги заставила заглянуть внутрь ее. Там оказалось невообразимое (очень аффектирующее слово, но оно не очень соответствует действительности): пометки и рукописные дополнения почерком, напоминающим ахматовский. Вот только сегодня я переговорил по телефону с хозяйкой (я видел «Вечер» в ее отсутствие), она сказала, что купила книгу в Ленинграде в 1920-х годах. А все пометы и дополнения интересны вот чем: галочки в оглавлении у названий корреспондируют включенным в «Четки» (к сожалению, я состав «Четок» знаю плохо по изданиям, а двухтомник, по счастью не изъятый у меня при обыске, соответствующих коммен-

91 Кейс Верхейл (Verheul) — голландский славист, писатель.

92 Строфу на полях «Решки» —

В черноватом Париж тумане,
И наверно, опять Модильяни
Незаметно бродил за мной...

— я выписал в ахматовском фонде в Публичке, где мне неофициально разрешила копаться хранильница Л. А. Мандрыкина.

93 Это камешек в адрес «Нового мира» Твардовского в упомянутом романе В. А. Кочетова — подразделение, которое занимается антисоветской идеологической диверсией, называется издательством «New World».

94 Речь идет о поиске материалов для «Красного колеса» Солженицына.

95 См. теперь: Канищева 2012.

96 Н. Е. Горбаневская была освобождена от лечения в спецпсихбольнице в феврале 1972 года.

тариев не дает. Стереотипен ли отбор стихов для «Четок» из «Вечера» по всем изданиям их или нет?, а вставка в «Сероглазого короля» соответствует тексту «Из шести книг»). А после последнего стихотворения сделано характерное **а а** и под этим: «Я и плакала и каялась...» (с разночтениями в орфографии противу «Из 6 книг»). Есть стертые места — короче говоря: 1) надо все-таки атрибутировать авторство; 2) поработать над пометами и определить дату их (м. б., 20-ые гг., а не 10-ые?), а вдруг хозяйка (племянница Евг. Аничкова⁹⁷) что-нибудь забыла, правда ее, кажется, выслали из Ленинграда в 1934-5 гг.? Этими годами и ограничивается приобретение книги. Дарительной надписи нет, поэтому м. б. предположить, что это личный, авторский, экземпляр? Вот и все про Ахматову; статья наша все не выходит, но редакторша предупредила, что типография какие-то ошибки сама натворила. Я писал бы и далее, но допросы, прошедший и предстоящий (ие?), с трудом преодолеваются психологически. Целую, приветы всем, Гарик.

P.S. Знаешь, как забавно, когда за дверью кабинета реализуется русская литература: щелкание пальцами! Я не забуду (м. б., рассказывал тебе раньше), как я шел по Публичке через отдел эстампов в ОР и делал пальцами щелчки — у меня есть такая дурная манера — и вдруг из сектора обработки выскочила седая женщина и закричала: прекратите! как вам не стыдно!⁹⁸ Боюсь, что от этой манеры я не смогу отучиться, как и от закусывания нижней губы (дай-то бог, если это рецессивные признаки, а не доминантные) — последнее я усвоил от покойного П. Н. Беркова <...>. Так вот: буду идти вместе с щелкающим и руками сзади вторить ему, подсюсюкивать. Еще что приходит на ум — это двойность положения следователя, уже в природе своей придающая раздвоенность его душе (при условии ее наличия — шутка): он и исповедальник, он и нарушающий тайну исповеди, отсюда: как можно про жалкого человека, который лишен всего, говорить, что он раскаялся,

97 Наталия Милюевна Аничкова (1896–1975) — выпускница Таганцевской гимназии, студентка романо-германского отделения Петроградского университета, политзаключенная, помощница-«невидимка» Солженицына.

98 Т. н. будка, когда конвоир предупреждает коллегу за углом, чтобы не встретились в коридоре заключенные по одному делу.

если он фактически одновременно служит двум не совместимым ролям в одном человеке, который, сидя по диагонали от тебя, тебя собеседует. Вот что приходит в мой жалкий ум. Еще раз — твой Гарик.

Здесь я оборву. Потом приходили письма, написанные сознательно измененными почерками — тренировка перед графологической экспертизой. Потом были общие, ко всем разом корреспондентам письма-энциклики из заключения и т. д. и т. д.

Общение с адресантом мне не раз дарило минуты безоговорочного счастья, так что я готов к любому суду и осуждению за разглашение тайны переписки.

Литература

- Алхазова М. Х., Карельская М. В. (сост.) (2017): Вадим Борисов. Статьи, документы, воспоминания. М.: Новое издательство.
- Бронный М. <Суперфин Г. Г. / Тименчик Р. Д.> (1975): Об одном эпизоде биографии Блока // Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту. С. 177–178.
- Вайсбанд Э. С. (2018): Путем зерна: Эпизод «реабилитации» В. Ходасевича в Советском Союзе (Л. Чертков и Краткая литературная энциклопедия) // Литературный факт. № 9. С. 67–78.
- Дружинин П. А. (2016): Идеология и филология. Т. 3: Дело Константина Азадовского. Документальное исследование. М.: Новое литературное обозрение.
- Канищева Н. И. (сост.) (2012): Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. Дневники. Письма. М.: РОССПЭН.
- Коор М. (1968): Материалы к библиографии А. А. Ахматовой (1911–1917) // Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение, XI. Тарту.
- Котрелев Н., студ. V курса филол. фак-та (1968): Поэзия и математика // Московский университет. № 15 (2453). 15 марта. С. 4.

- Котрелев Н. В. (1993): Иванов — член Общества любителей российской словесности (Вячеслав Иванов и советская цензура) // *Europa Orientalis*. № XII/1. С. 323–335.
- Кочетов В. А. (1969): Чего же ты хочешь? Роман. [Продолжение] // Октябрь. № 11. С. 107–172.
- Леонтьев А. А. / Суперфин Г. Г. (1964): Современное состояние разработки биографии и архивного наследия Е. Д. Поливанова // Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистического наследия Е. Д. Поливанова: Материалы конференции. Т. 1. Тезисы докладов и сообщений межвузовской лингвистической конференции 9–15 сент. 1964 г. Самарканд. С. 4–6.
- Мандельштам Н. Я. (1972): Вторая книга. Париж: YMCA-Press.
- Мандельштам О. Э. (1968): Записные книжки / Подг. текста А. Морозова и В. Борисова // Вопросы литературы. № 4. С. 180–204.
- Паперный З. С. (2005): Чего же ты хочешь? // Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950-е – 1980-е / Под общ. ред. В. В. Игрунова; сост. М. Ш. Барбакадзе. Т. 3. М.: Международный институт гуманитарно-политических исследований. С. 331–333.
- Сазонова-Слонимская Ю. Л. (1956): Николай Владимирович Недоброво // Новое русское слово. [Нью-Йорк]. 26 мая.
- Самойлов Д. С. (2002): Поденные записи. Т. 2. М.: Время.
- Суперфин Г. Г. (1970): Известный портрет Блока / Публ. рис. М. Миклашевского // Литературная газета. 19 авг.
- Суперфин Г. Г. (1971): Б. Пастернак — критик формального метода // Труды по знаковым системам. Вып. V. Тарту. С. 528–531.
- Суперфин Г. Г. / Тименчик Р. Д. (1972а): Письма А. А. Ахматовой к В. Я. Брюсову // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 33. М. С. 272–279.
- Суперфин Г. Г. / Тименчик Р. Д. (1972б): К истории неосуществленной постановки драмы А. Блока «Роза и Крест» // Блоковский сборник II. Тарту, 1972. С. 411–415.
- Тименчик Р. Д. (1967): К анализу «Поэмы без героя» А. Ахматовой // Поэтика. История литературы. Лингвистика: Материалы XXII научной студенческой конференции. Тарту: ТГУ. С. 121–123.

- Тименчик Р. Д. (2008): Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. М.; Иерусалим.
- Тименчик Р. Д. (2014): Последний поэт: Анна Ахматова в 1960-е годы. Т. 2. М.; Иерусалим.
- Тименчик Р. Д. (2021а): Записные книжки Ахматовой: Валерий Брюсов // Русский модернизм и его наследие. Коллективная монография в честь 70-летия Н. А. Богомолова / Сост. А. Сергеевой-Клятис и М. Эдельштейна. М.: Новое литературное обозрение. С. 281–303.
- Тименчик Р. Д. (2021б): Талан // Новое литературное обозрение. № 169. С. 226–229.
- Тименчик Р. Д. (2023): Александру Парнису – 85 // Знамя. № 4. С.213–214.
- Тименчик Р. Д., Тоддес Е. А., Чудакова М. О. (1986): Послесловие // Тыняновский сборник: Вторые тыняновские чтения. Рига. С. 168–170.

Мемуары, не сверенные с архивом: 1970–1983 (Москва — места вынужденного пребывания — Тарту)

Татьяна Чудотворцева (Котрелева): Я прихожу домой, в свою коммунальную квартиру, и у меня дома, за моим столом, сидит какая-то девица, мне неведомая, и на моей машинке стучит — как потом оказалось, это была Вера Лашкова. Она сидит, не поворачивается. Я говорю: я такая-то, Таня, а что вы делаете? Она мне говорит: не мешай, я печатаю «Хронику». Я поняла, что Суперфин ее прислал¹.

1 О своей работе над «Хроникой» Суперфин написал в воспоминаниях об Анатолии Якобсоне:

Весной 1970 года я предложил себя в качестве участника «Хроники», увидев, что № 13 (может быть, путаю номер) был очень плох. Я только что снова стал жить в Москве (после изгнания из Тарту) и, кажется, уже устроился на приличную работу в библиотеке Института русского языка. О желании участвовать в «Хронике» я сказал Вере Лашковой, с которой только что познакомился. Но сказал, что моя задача в проверке фактов и такого рода работе, уж точно не в писании. И 30 мая на могиле Пастернака Вера передала мне бумажки и сказала: «Делай». И уж никаких возражений не слышала. Что и как ужасно я писал, прекрасно я сознавал. С какими словами и кому я отдал мной сделанное (попутно я добавил материалы, помню, про цензуру), не помню. Думаю, той же Вере. Но уже где-то в середине лета встретил на ул. Герцена, напротив дома, где жила его мама, Тошу <Якобсона>. Прямо подошел к нему (мы были мало знакомы, см. его воспоминания) и как-то сразу возник разговор о «Хронике». Я уже знал, что он делает «Хронику». Прямо ему сказал, что это я писал (кажется) № 15. Я не помню Тошиных слов, наверное, это был фонтан проклятий. Но уж номер 16 (где-то в конце октября) я делал почти самостоятельно. И монтировал и т. п. Как мы работали вместе дальше, я уже не помню, но было взаимопонимание. Разумеется, — память подводит, — я не писал длинных текстов (например, о процессах самолетчиков, т. е. ничего такого, что требовало логики изложения и литературно-стилистических умений. И отвечал за фактическую сторону дела: поиски информации среди людей, москвичей и приехавших, в печатных

Сама эта его деятельность с «Хроникой» пробегала через наш Сивцев Вражек. Какие-то личности что-то заносили, передавали. Связан ли он был с Буковским, я не знаю. Мне кажется, да, потому что Буковский, который жил напротив нас, недалеко от Наташи Горбаневской, которая была тоже его и наша близкая подруга, время от времени приходил, сначала до лагеря, потом после лагеря. Я могу ошибиться, но мне кажется, что что-то он ему приносил.

Марина Поливанова: В 1970 году после 25-летнего срока, проведенного в одиночке, освобождился Борис Меньшагин, бывший в годы оккупации губернатором Смоленска, ключевой свидетель Катынского расстрела. Гарик узнал о его освобождении, сумел встретиться с ним, он и Вера Лашкова встречали его на вокзале, они переписывались до последних дней Меньшагина, благодаря Гарику были написаны и изданы его мемуары². Как человек вполне далекий от филологии, я была неве-

источниках (вплоть до газет районных сибирских регионов), искал самиздат для аннотирования и всякое такое. <...> В 1972 летом я почувствовал свою усталость от хроникальной работы. Но это иная история.

(Суперфин Г. Тоша [Из писем Г. Суперфина А. Зарецкому]. — <https://www.antho.net/library/yacobson/about/gabriel-superfin.html>)

- 2 Об освобождении Меньшагина в конце мая 1970 г. сообщала «Хроника текущих событий» в 17-м номере от 31 декабря 1970 года. «Историю публикаций воспоминаний Б. Г. Меньшагина» Александр Грибанов, расшифровавший кассеты с записями его мемуаров, начинает и завершает вкладом в эту публикацию Суперфина:

Имя Бориса Георгиевича Меньшагина я впервые услышал от Габриэля Суперфина скорей всего в 1970 г., когда Борис Георгиевич освобождился из Владимирской тюрьмы и его перевезли в инвалидный дом в поселке Княжья Губа в Мурманской области. Вкратце Суперфин описал мне его историю, и самым загадочным в этой истории показалась связь имени Меньшагина с названием Катынь. В 1943 г. он был бургомистром оккупированного Смоленска, немцы показали ему раскрытое захоронение польских офицеров. Таким образом, Меньшагин оказался одним из ключевых свидетелей в катынской истории. <...> Суперфин подготовил глубокий комментарий ко всему тексту. Кроме того, к основному тексту были добавлены дополнения по истории Катыни и по той роли, которую ка-

роятно впечатлена двумя Гарикиными находками-открытиями — этой и о «Романе с кокаином». И все это до эпохи интернета!

Ольга Розенблюм: Александр Борисович, Вы вместе с Гариком работали над «Дневниками» Эдуарда Кузнецова³?

Александр Грибанов: Гарик передал нам рукопись. Мы договорились, что будем вместе ее обрабатывать. Потом он исчез, и моя жена Ира сказала, что ждать больше не стоит, надо самим это делать. Она вместе со мной перевела все в машинопись, я эту машинопись передал Гарику, но с условием, что в самиздат она не пойдет, по крайней мере до тех пор, пока мы не будем уверены, что оригинал попал туда, куда он должен был попасть. Дальше началась какая-то возня: работа по передаче и переправке этого оригинала, а дальше все было так, как оно было дальше⁴.

тынская история сыграла в судьбе Бориса Георгиевича Меньшагина. Его приговорили к двадцати пяти годам тюремного заключения. Он отбыл их от звонка до звонка, первые шесть лет — на Лубянке, остальную часть срока — во Владимирской тюрьме. В 1988 г. книга, наконец, была опубликована: Меньшагин Борис Георгиевич, «Воспоминания. Смоленск... Катынь... Владимирская тюрьма» (Париж, YMCA Press, 1988).

(Грибанов А. История публикации воспоминаний Б. Г. Меньшагина: Режим доступа: <https://katynfiles.com/content/gribanov-menshagin.html>, дата размещения на сайте: 1 апреля 2008 г.).

- 3 Посвященные периоду следствия по «самолетному делу» (1970) «Дневники» Эдуарда Кузнецова, с начала 1971 г. находившегося в лагере, были изданы в 1973 г.: Кузнецов Э. Дневники. Paris: Les Editeurs Reunis, 1973. Ленинградское самолетное дело — попытка захвата пассажирского самолета 15 июня 1970 г. группой из 16 человек, намеревавшихся таким образом эмигрировать в Израиль. Организаторы планировавшегося угона самолета Эдуард Кузнецов и Марк Дымшиц были приговорены к расстрелу. 31 декабря 1970 г. смертный приговор был заменен 15 годами заключения.
- 4 История передачи «Дневников» Эдуарда Кузнецова из лагеря в Москву, хождения их по Москве, передачи их для публикации в Париж — сложная, запутанная история, в которой были задействованы разные люди, не всегда согласовывавшие друг с другом свои действия. Ценой этой несогласованно-

Рукопись было трудно читать: мелкий почерк, и все очень плотно. Но у моей жены было хорошее зрение, и она по большей части дневник и расшифровала.

Маша Слоним: Я помню, кажется, этот оригинал: очень мелко, бисерно так написано было.

Александр Грибанов: Сохранилось несколько записок — других, не из этой книги, а просто записок Кузнецова, и по ним видно, как тесно это было все сделано. Эти записки были на выставке в Берлине, посвященной самиздату, и вошли в такую книгу, альбом, которая называется «Самиздат»⁵.

Ирина Емельянова: А кто передал, Саша, «Дневники» Кузнецова, не помнишь?

Александр Грибанов: Я думаю, что это был Вадим <Козовой>, который передал это либо Жоржу Нива, либо Степану Татищеву⁶.

сти оказались обыски, допросы и сроки. Подготовка к публикации «Дневников» Кузнецова и комментарии, сделанные на полях сигнального экземпляра «Неподцензурной России» Питера Рэддуэя, легли в основу обвинения, предъявленного Габриэлю Суперфину.

5 Eichwede, Wolfgang (Hg.): Samizdat, Alternative Kultur in Zentral- und Osteuropa, Die 60er bis 80er Jahre (Dokumentationen zur Kultur und Gesellschaft im östlichen Europa). Bremen, 2000. — Одна из страниц дневника с пометой «1971» опубликована на с. 231 (экспонат 87).

6 Позволим себе процитировать Суперфина:

Дневник сильно, более, чем помогли, Грибановы. Я начал у них дома, я занялся чем-то другим (архивы), и они взяли и продолжили. <...> А пересылка дневника и сохранение — тут и Барабанов, и Жорж Нива. Рукопись — Жоржу. А он в 1979 — Кузнецову. А в 1997 я купил у Кузн<ецова> оригинал для архива. Никита Струве так и не смог <...> найти машинопись дневника (с которого был издан дневник по-русски). Другой экземпляр> машинописи отдан был Люсе Боннэр с просьбой не распространять, пока не выйдет в ИМКА по-русски. А она <...> переслала в Италию, где опубликовала Олсуфьева по-итал<ьянски>.

(Письмо Г. Суперфина к О. Розенблум от 20 января 2022 г.)

Ирина Емельянова: Да, Татищеву. А сам этот микроскопический «Дневник» ты получил от Гарика?

Александр Грибанов: Да. Тогда это произвело очень большое впечатление на меня.

Ольга Розенблюм: Вы были знакомы с Кузнецовым?

Маша Слоним: Кузнецов у меня ночевал незадолго до этой авантюры, но он ничего про свои планы не говорил, конечно. Может быть, Гарька с ним тогда и познакомился.

Александр Грибанов: Я с ним не был знаком. Я его видел мельком у Иры Емельяновой: праздновали какой-то Новый год.

Ирина Емельянова: Я же с ним познакомилась в грузовике, который вез нас в лагерь⁷. Но когда было это страшное самолетное дело, когда мы все собрались у Верховного Суда... Их же приговорили сначала к смертной казни, — его и пилота, летчика. Это был шок совершенный, мы не спали ни секунды с Вадимом, но это должно было быть подтверждено решением Верховного Суда. Когда была эта страшная ночь у Верховного Суда, там было очень много народу: и вот заменили сроком, 15 лет.

7 Эдуард Кузнецов впервые был арестован в 1961 г., Ирина Емельянова, арестованная в 1960 г., была освобождена в 1962 г.

Ольга Розенблюм: Мария Ильинична, «Неподцензурную Россию»⁸ Рэддуэя читали вместе с Гариком Вы?

Маша Слоним: Да-да. Но я отрицала всякое знание об этой книжке на допросе, а ему это вменяли.

Ольга Розенблюм: Зачем Гарик стал ее вычитывать?

Маша Слоним: По-моему, чисто академический его интерес⁹. У меня же была дома фотолаборатория: увеличитель, все что нужно. Я снимала и печатала какие-то вещи типа «Архипелаг ГУЛАГ», но я не помню, чтобы я снимала «Неподцензурную Россию». У нас в квартире она была примерно неделю. На обыске ее не изъяли, но Гарика предъявляли. Я не помню, почему ему ее предъявили, почему меня спрашивали про эту книгу. Я просто не знаю, что он с нею делал, честно говоря.

Александр Грибанов: Я могу внести некоторую ясность. Книга эта потом попала к Красину, и Красин ее на обыске выдал.

Ольга Розенблюм: Она была изъята у матери Красина.

Александр Грибанов: Они ее не нашли на обыске, Красин ее им выдал.

8 Reddaway, Peter (ed., trans., comm.): *Uncensored Russia: Protest and Dissident in the Soviet Union*. American Heritage Press, 1972.

9 Еще один фрагмент из письма Суперфина к Ольге Розенблюм (18 января 2022 г.):

Красин в показаниях 16.01.1973 сказал, что получил от корр<еспонден>та Ассош<ийтед> Пресс Роджера Леддингтона (Roger Leddington, 1944–? <...>), возможно, в ноябре 1971 г. эту книгу, чтобы показали тому, кто может прислать свои отзывы. Книгу оставил Красин у Якира. В книге были фотографии (по-моему, частично посылал их и я, кому ж? Наверное, к Никите Струве (через Барбанова?). Красин перенес исправления в свое письмо к Редд<вэю>. Внес исправления на отдельных листах. И это письмо не успел передать. Оно было изъято у Якира в янв. 1972.

Ольга Розенблюм: Если я правильно поняла Гарику, сигнальный экземпляр «Неподцензурной России» Красин получил с просьбой, чтобы кто-нибудь его вычитал.

Александр Даниэль: ...и ясно, к кому пошел Виктор: конечно же, к Гарику, к кому еще с этим заданием можно было пойти.

Георгий Левинтон: Обычная история с ним: Марина Журинская мне рассказывала, как искали, кто бы мог выполнить работу издательского редактора для книги, кажется, Шеворошкина (в «сердюченковской серии») про какой-то очень малоизвестный язык (скажем, карийский). В конце концов, поручили Гарику, он был еще студентом в Тарту. Его фамилия была на последней странице в числе издательских работников.

Маша Слоним: Я помню эти допросы, его же так терзали, еще до ареста. Его вызывали на допрос чуть ли не каждый день — по-моему, по делу Габая¹⁰. В общем, по «Хронике». И он приходил каждый раз после допроса ко мне в квартиру на Бутырский Вал и рассказывал, как это все было: «И что-то я забыл, а что ж потом было?..» Я в шутку как-то сказала: «Слушай, в следующий раз возьми магнитофончик...» (а у меня был небольшой магнитофон, редкость тогда). Буквально на следующий день, может, через день (по-моему, его тогда каждый день вызывали на допрос), ему сказали: «Так, Суперфин, магнитофон — на стол!» Так что прослушивали все время: не подслушивали, а прослушивали в режиме реального времени. Они все знали, а мы играли в казаки-разбойники, уходили от слежки, что-то такое печатали — самиздат и прочее.

¹⁰ Вероятно, речь идет о допросах по делу Якира-Красина, где обвинение строилось в том числе вокруг «Хроники текущих событий», важную роль в подготовке которой играл поэт Илья Габай, близкий друг обвиняемых.

Татьяна Чудотворцева (Котрелева): Перед арестом, когда Гарик понимал, что пахнет жареным, он отдал Коле несколько папок. (Относительно недавно Коля их выудил, когда разбирал свой архив, и ему передал, чем Суперфин был очень восторженно доволен.) Там же все было в такой последовательности: сначала Гарик, потом Исаич.

Маша Слоним: Он ужасно смелый был человек, при том что маленький и тщедушный; отчаянный, но сильный, очень сильный. То, как когда он уже сидел во Владимире...

Я ездила передавать передачи: в «Березке» покупала что-то, колбаса была копченая, очень питательная считалась. А там можно было два килограмма, что ли, передавать. У меня была какая-то даже сочувствующая Гарику приемщица, Клава, — она брала явно больше, чем можно было. И как-то в один прекрасный день она говорит мне: «Суперфин велел передать, что не нужно больше колбасу эту передавать, что она не советская, она — антисоветская». И я поняла, что он начал давать показания: он мне как-то передал, намекнул.

И когда он на суде от всего отказался — я была на этом суде...¹¹

Александр Грибанов: Эпизод с передачами Гарику в следственную тюрьму приходится на лето-осень 1973 года. Это был Орловский централ. Опись переданных продуктов полагалось делать по правилам Басе Григорьевне, но, пользуясь попустительством тетки, принимавшей передачи (Клава?), запись делали те, кто помогал Басе Григорьевне в дороге и в процессе передачи. Замысел был такой, что Гарик распознает наши почерки и тем самым поймет, кто из его друзей еще не арестован. Я проделал эту работу, кажется, дважды. Уже после суда Басе Григорьевне дали свидание с сыном. Пока она ждала Гарика в комнате для свиданий, ее стерегла та самая тетка. Бася затеяла с ней разговор и — не очень осторожно — спросила: как же Вы на такой работе мо-

¹¹ Маше Слоним принадлежит запись этого суда: Дело Суперфина // Литературные дела КГБ. Нью-Йорк: Хроника, 1976. С. 3–21.

жете? Клава с большим достоинством ответила: я и здесь могу людям добро делать! Бася имела все основания с ней не спорить.

Александр Даниэль: Вот мы разговариваем-разговариваем, и как-то все обходим одну щекотливую, может быть, «не очень юбилейную» тему — а мне кажется, что сам Гарик не очень был бы доволен, что мы ее обходим. Я имею в виду его арест в июле 1973-го по делу Вити Хаустова и все, что за ним последовало. На следствии Гарька первые несколько месяцев держался не самым лучшим образом, и все мы это знаем. Показания он в это время давал даже с избыточной, кажется, детальностью, о чем гебисты с удовольствием сообщали его московским знакомым: мол, этот ваш — «малая антисоветская энциклопедия» — полностью раскололся. Но поразительно другое: что примерно к середине следствия он откуда-то взял силы радикально изменить свою первоначальную позицию, отказался от своих показаний, послал следователей куда подальше и после этого вообще никаких показаний не давал. И на суде держался очень твердо, даже жестко; бывало даже мнение, что именно таким поведением он и заработал свои «пять плюс два», по тем временам очень приличный срок: гебисты сильно на него разозлились — вроде уже подсекли рыбку, а она взяла и сорвалась с крючка.

Это уникальная история, почти невозможная: ну, как если бы бильярдный шарик катился бы себе вниз по наклонной плоскости, а на середине пути сам собой остановился и покатился обратно вверх! Такого почти не бывает. Понимаете, если случаев слома в подобных ситуациях не так уж и мало, то случаи «самосклеивания», — в тюремной изоляции, вопреки чудовищному давлению следователей, без какой-либо посторонней помощи, — почти уникальны и заслуживают восхищения. Это куда поразительнее, чем «героическое поведение» с самого начала.

А допрашивал его начальник Орловского УКГБ, а перед этим старший следователь по особо важным делам Ленинградского УКГБ товарищ Сыщиков (честное слово, это его настоящая фамилия!), многие ленинградцы считают себя его «крестниками». Огромный лысый дядька устрашающего вида.

Ольга Розенблюм: Гарику перед арестом предлагали отъезд?

Александр Даниэль: Да-да, точно, я вспомнил! Он мне говорил, что очень на него давил в этом смысле Александр Исаевич: сказал, что надо ему отсюда уезжать, и даже дал ему 300 рублей на оформление документов. Это я в связи с комментарием к книжке «КГБ против Сахарова» уточнял у него. Там написано про Солженицына: снабжал Суперфина и поддерживал его финансово¹². Я спросил у Гарика: «Как тебя Солженицын поддерживал?» — «Один раз он дал мне 300 рублей, — говорит, — для того чтобы я оформил документы» (пошлины всякие). Я говорю: «И что?» А он: «А я их потратил!»

Ирина Емельянова: Солженицын на него давил, это он рассказывал.

Ольга Розенблюм: А почему?

Маша Слоним: Потому что все ждали, что его арестуют.

Ольга Розенблюм: Солженицын предлагал другим уезжать?

Мария Слоним: Не другим. Я думаю, Гарик — это через Наташу: Наташа тоже очень Гарику сочувствовала.

Александр Даниэль: Конечно. И главное — Екатерина Фердинандовна!¹³

Маша Слоним: Да-да-да-да, его все любили. Я думаю, это даже не сам Александр Исаевич, а Наташа больше заботилась.

12 Сообщение КГБ при Совете министров СССР в ЦК КПСС о встрече Сахарова с Солженицыным [08.09.1973] // Объект наблюдения. КГБ против Сахарова. М.: Corpus, 2023. С. 212.

13 Наталия Дмитриевна Солженицына (Светлова) и ее мать Екатерина Фердинандовна Светлова.

Ольга Розенблюм: Как сформировался Комитет защиты Суперфина?

Александр Даниэль: Что это за Комитет? Я даже не знаю.

Маша Слоним: Я тоже не знаю.

Ольга Розенблюм: Есть такая брошюра „To Defend Superfin“, изданная «Хроникой-пресс», в ней собраны материалы по делу Суперфина, опубликованные в первых девяти номерах «Хроники защиты прав в СССР».

Маша Слоним: А-а, чалидзевская. Чалидзе¹⁴ же в 1972 году остался: его лишили гражданства, они уехали с моей сестрой. Я думаю, это он организовал уже там, в Нью-Йорке.

Ольга Розенблюм: Это не ваша была инициатива, просьба?

Маша Слоним: Хотелось бы так думать, но Валера был очень активным поначалу: «Хроника-пресс» — это же его издание. Я думаю, что и без моей просьбы он мог.

Ольга Розенблюм: А про ваше с Андреем Твердохлебовым письмо в защиту Гарика помните?

Маша Слоним: Да-а-а, да, подписывали. Я, кстати, вылетела из университета: я там еще и экзамены не сдала, но письмо помогло —

14 Валерий Чалидзе (1938–2018) — один из трех основателей «Комитета прав человека» (1970), выехал в Америку с женой Верой Слоним для чтения лекций (1972) и был лишен гражданства. Основал издательство Khronika Press, в течение ряда лет издавал «Хронику защиты прав в СССР», выпускал на основе этих изданий, а также возобновившей работу «Хроники текущих событий» отдельные тематические брошюры. В одной из них были собраны материалы по делу Габриэля Суперфина: To Defend Superfin. New York: Khronika Press [б. г.].

они мне его показывали там, в деканате. Но это все было спонтанно, поэтому я думаю, что комитет в защиту Гарика сделал Валера, мы никаких комитетов, насколько я помню, не создавали: кому-то пришло в голову написать письмо — подписали...

Ольга Розенблюм: Вот другое письмо в защиту Гарика, 44 подписи: их собирали, когда уезжал Павел Литвинов? Он сказал, что на отвалной что-то подписывали.

Александр Грибанов: На одной из отвалных я был, но я начисто не помню, чтобы там собирали подписи.

Маша Слоним: На Фрунзенской¹⁵, да? Я тоже не могу вспомнить. Я не думаю, что это было вот так открыто, потому что такое количество народа всегда было на отвалных, и не все были прямо совсем близкими и надежными.

Георгий Левинтон: Тогда московская коллегия адвокатов запретила выезжать на процессы вне Москвы, поэтому адвоката для Орла пришлось искать в Ленинграде. Это поручили мне, адвоката мне посоветовала З. Н. Топорова, но, как оказалось, довольно плохого. Маша приехала заключать договор (с доверенностью от Баси Григорьевны), я ждал ее в коридоре юридической консультации, и меня чуть не побил Витя Файнберг, приняв за филера. Я периодически звонил или ей, или Борисовым с отчетами и вопросами, в один из таких звонков Маша, узнав, что я не видел «письма 44-х» (помню эту цифру, поскольку ее постоянно обыгрывали как «сорок четыре веселых чижика»), прочитала его мне. Но, как только она начала читать, нас разъединили, и она прочитала все письмо в пустоту, т. е. на запись.

Павел Литвинов: Я в это время уезжал, мне было не до этого, я ничего не сделал, кроме того что подписал письмо в защиту Гарика. Но когда

¹⁵ Речь идет о квартире родителей Павла Литвинова. Согласно 32-му номеру «Хроники текущих событий», Павел Литвинов уехал 18 марта 1974 года.

мы переехали и я выступал, я Гарика всегда упоминал, говоря о политзаключенных, — его недавно арестовали.

Я не знаю, знает ли Гарик эту историю. Был такой журналист американский Джерри Шехтер — он был в Москве, он был со всеми знаком, — и он на какой-то пресс-конференции поговорил с Киссинджером и сказал, что он сам выступает в защиту евреев, старается помочь им выехать; а есть политзаключенные, в их защиту никто не выступает, но у них есть представители в Америке. Киссинджер сказал: «Я хочу с ними познакомиться». И нас с Чалидзе позвали на тайный обед с Киссинджером, и Гриша <Фрейдин> был с нами, помогал Чалидзе с переводом¹⁶.

Мы говорили с Киссинджером и его женой. Я рассказал его жене (там все слушали) про Гарика. Я должен был создать трогательный образ — такой мальчик! — показать, что это — не профессиональный революционер. И потом мы рассказали про Буковского, чтобы были два героя: интеллигент, который боролся за свободу слова для всего мира, и революционер. Мы передали документы про Суперфина и про Буковского.

Александр Даниэль: А кто помнит, как Гарик из лагеря писал советы и инструкции по архивному поиску знакомым филологам?

Александр Грибанов: Какие-то я помню.

Ольга Розенблюм: А письмо его из лагеря о «рецензиях КГБ на произведения русской литературы», о том, как оцениваются найденные при обысках Цветаева, Булгаков, — не помните?

Александр Даниэль: Я помню, что были такие письма, но деталей не помню совершенно.

16 См. воспоминания Гриши Фрейдина в наст. изд.

Александр Грибанов: Я помню, что их перепечатывали — для того чтобы сразу раздать нескольким или многим людям: это я помню.

Борис Равдин: А эти письма были нелегальным путем доставлены в Москву?

Александр Грибанов: Легально. Нелегальное письмо я помню только одно, и оно пришло Наташе Червинской¹⁷, на ее адрес. Наташа передала это мне, а дальше уже я передал это всем остальным, потому что там речь шла о том, что нужно купить какие-то вещи. Маша покупала в «Березке», я помню; речь шла о том, что кому-то из охраны (дочка выходила замуж?) что-то надо было сделать в ответ на какие-то поправки со стороны данного охранника. Мы все это сделали.

Сергей Неклюдов: По поводу архива Гарик ко мне не обращался, поскольку я в этом смысле адресат некомпетентный и он мне это как-то прощает. Я только помню «письма для всех», длинные-длинные. Бася Григорьевна тогда давала читать их, открывая каждому только тот фрагмент, который предназначен был лично для него.

Гарик имел право писать только матери. Он писал такие длинные «письма для всех», потому что он писал все как бы Басе Григорьевне... И она знала, где там что, как-то угадывала, понимала, или, возможно, какие-то знаки были, потому что, когда я приезжал читать письмо к ней туда, в Теплый Стан¹⁸, оно уже было перепечатано, и она мне показывала: «Вот эта страница...», — показывала полстраницы, — «А дальше — это уже не вам». И она закрывала листом бумаги. Это делалось

17 Наталия Михайловна Червинская (Бешенковская; р. 1944) — режиссер-мультипликатор, художник-миниатюрист, живет в Нью-Йорке. Ее воспоминания в книге «Поэтка» о Наталье Горбаневской и общем круге см.: <https://document.wikireading.ru/39820>

18 «Теплый Стан», «Профсоюзная»: речь идет о квартире, куда Габриэль Суперфин переехал из комнаты в коммуналке на Бронной и где после его ареста остались его мать и тетка, Бася Григорьевна и Софья Григорьевна Позины. Освободившись из ссылки после смерти матери, Габриэль Суперфин не смог прописаться в эту квартиру и жил в Тарту.

исключительно потому, что он раз в какой-то период, даже не в месяц, по-моему, реже, мог написать одно письмо матери. Мы ему писали, это можно было...

Александр Даниэль: Два письма в месяц по режиму полагается, но если только он не сидел в это время в ПКТ¹⁹. И только родным.

Сергей Неклюдов: Да-да-да. Но от Ирки <Емельяновой> и от Сеньки <Рогинского> я получал открытки какие-то...

Ирина Емельянова: Тогда был другой режим: можно было писать сколько угодно писем, неограниченно. Это был режим, кажется, до конца 1962 года.

Александр Даниэль: Другой режим, да. Чуть более поздний период, вторая половина 1960-х: в лагерь — не ограничивали, из лагеря — 2 письма в месяц²⁰. А у Сеньки ведь общий режим был, да?

19 В разделе «Пермские лагеря» 36-го номера «Хроники текущих событий» было сообщение:

27 марта 1975г. Габриэль СУПЕРФИН (Хр. 32,33) на 4 месяца отправлен в ПКТ. По неуточненным сведениям, это произошло после того, как он в резкой форме отказался отвечать на вопросы приезжего следователя. Это уже его четвертое взыскание: в ноябре 1974 г. он был лишен свидания (оно было передвинуто с января на май; теперь состоится не раньше выхода из ПКТ), в декабре 1974 г. лишен «ларька», в январе 1975 г. получил 5 суток ШИЗО. Поводы для наказаний «Хронике» неизвестны. Впрочем, по отзывам заключенных, 35 л/п среди других политических зон выделяется полным произволом администрации.

(См. на странице соответствующего номера на сайте <http://hts.memo.ru/>)

В 37-м номере «Хроники текущих событий» сообщалось: «Вскоре после выхода из ПКТ решением суда от 5 августа во Владимирскую тюрьму до конца срока был определен СУПЕРФИН (35л/п). 1 сентября <1975 г.> он был отправлен из лагеря» (см. там же).

20 О количестве допустимых писем писал Ю. Даниэль в марте 1969 г.:

Дорогой мой друг, спасибо Вам за Ваше письмо, такое неожиданное и такое доброе. <...> Жаль, что Вы живете не в Москве. Во-первых, кое-что Вы знали бы из писем моей семье. (А теперь уже — даже не се-

Георгий Левинтон: Тем не менее Гарик и в этой ситуации пытался сводить людей, мне он написал с просьбой помочь какими-то советами Миколу Горбально, который пытался заниматься чем-то близким к моим интересам. Была еще интересная тема — письма, не пропущенные в лагерь. Я послал ему «20 сонетов к Марии Стюарт» — получил ответ, что это не письмо. Оттиск статьи Топорова и Мейлаха «Ахматова и Данте» отправили на перевод (статья была по-русски, но были цитаты на иных языках). Супер ехидно писал, что надо послать ему «Божественную комедию» (или, может быть, Гомера, точно не помню) и получить авторитетный перевод. Ю. М. Лотман, которому я показал это письмо, стал всерьез обсуждать эту перспективу.

Маша Слоним: Удивительно, конечно, КАК он в этом лагере выжил. Потом в Мюнхене, когда я к нему приехала, спросила его, а он: «Ты знаешь, это как утренние процедуры делать, как зубы чистить каждый день — скучно...»

Ирина Емельянова (*читает надпись на фотографии, сделанной в Тургае*): «Моя хата...»

Александр Грибанов: ...с краю.

мье, а только сыну). Во-вторых, Вы не обратились бы ко мне с этой простой просьбой — написать Вам. Моим москвичам уже хорошо известно, что мне разрешено лишь два письма в месяц, из которых одно идет сыну, а другое, разумеется, жене в Сибирь. Почему именно два, а не три или не одно — это для меня загадка. Очевидно, те, кто изобретает правила режима для таких, как я, «особо опасных государственных преступников», решили, что нас, «особо опасных», эмоции захлестывают лишь один раз в 15 дней, а те, которые в отличие от нас не на «строгом режиме», а на «общем» или «усиленном» — те много эмоциональнее нас и потому могут писать своим женам, детям и друзьям сколько душе угодно.

(Даниэль Ю. Письмо анонимному другу об условиях в мордовском лагере Потьма и об отказе властей дать разрешение на брак А. Гинзбурга и И. Жолковской, март 1969 г. // НИПЦ «Мемориал». Фонд 158. Архив Самиздата. Т. 1. №127. Л. 1)



Илл. 1

Габриэль Суперфин в ссылке. Собр. И. И. Емельяновой.

Марина Поливанова: Была такая история: Дима Борисов и Дима Шаховской поехали устраивать Гарика, потому что Гарик жил в каком-то ужасном месте, чуть ли не в подвале. Они привезли ему посылки — одежду, еду — и устроили его в лучший дом в Тургае²¹: это был дом не казахов, а украинцев, родителей Ольги, его будущей жены. И там он потом уже до конца ссылки жил.

Борис Равдин: Тургай... Не могу вспомнить, почему я не поехал вместе с Сеней в Тургай... Собирался ведь... Зато у меня сохранилось несколько писем оттуда, так сказать — «деловых». Я как-то работал в садово-парковом хозяйстве, Гарику в ссылке тоже пришлось заниматься чем-то похожим; и вот в его письмах появились «чужие» слова: «секатор», «универсальная отвертка»... Возникла пеня: в Тургае, мол,

21 Тургай (Торгай) — село в Костанайской области Казахстана, единственный населенный пункт Торгайского сельского округа. Село основано в 1845 г., первыми поселенцами были оренбургские казаки.

совершенно невозможно достать рашпили («нужны полукруглый, круглый, плоский»)...

И еще. На обратном пути от Гарика Сеня набросал мне из самолета (почтовый штемпель: Москва. 31.10.78):

Г. хорош. Конечно, не «совершенно прежний» — это ерунда.

Я по его записям насчитал у него 185 суток карцеров. Прибавь голодовки. Он вроде б весел, но все-таки новости даются не так легко ему. Пока что он занят только перепиской (10–12 в день получает и хочет всем ответить).

Все у него по полочкам, аккуратно, книга входящих-исходящих, словом, как у всякого «правильного» зэка. Мы много говорили о Владимире и о 73 г. День на третий (а не раньше ли?) он начал раздражаться и орать на меня. «Книгу не на место поставил», «С хозяевами не так пошутил» и проч.

Но это-то, кажется, прежнее. Все ж было очень хорошо.

<...>. Пишу где-то над Уралом.

Александр Даниэль: Сенька к нему поехал, до того как его посадили²².

Марина Поливанова: Слушайте, а вы помните тот потрясающий день рождения Гарика в 1979 г., когда его отпустили на две недели из ссылки, когда он добился отпуска и приехал в Москву на день рождения? Ира, ты точно была, и Саша был. Боря, вы приехали из Риги, Тименчики приехали из Риги. В квартире с тетей Соней, на Профсоюзной. Баси Григорьевны уже не было в живых, тетя Соня еще была.

Георгий Левинтон: Я там тоже был (приехал в Москву, когда узнал про его отпуск). Гарик, невзирая на мои протесты, увез с собой мои «Заветные сказки»²³, которые у него почти сразу конфисковали в Тур-

22 Арсений Рогинский был арестован 12 августа 1981 г., через год после освобождения Габриэля Суперфина, отбывал срок до 1985 года.

23 «Русские заветные сказки» А. Н. Афанасьева были впервые опубликованы в России в 1991 году.

гае. Он на несколько дней разминулся с Якобсоном, который приехал в Москву по дороге в Тбилиси (Гарик познакомился с ним еще в 1960-е годы). Тогда Кристина Поморска, жена Романа Осиповича, расспрашивала меня о Гарике, и мы одинаково провожали того и другого из Домодедова.

Александр Осповат: В сентябре 1979-го Гарик некоторое время стоял у нас на Пневой. Была заметна его настороженная приглядчивость и к чертам наружного быта (теперь все ходят в кожаных куртках), и к повадкам ряда знакомых (они меня встречают, как будто я освободился, а не приехал в отпуск из ссылки). Одним словом, принимал вид некоего пришельца.

Маша Слоним: Гуманные какие времена были...

Марина Поливанова: Нужно было обладать Гарикиными настойчивостью и знанием всех законов. Ты была далеко²⁴, а мы все были.

Борис Равдин: По-моему, на Бронной из книг, когда он сидел, были такие кубы сложены на полках и на полу и возвышались. Куда он их дел? В огромных количестве они должны были быть по его заявкам — «Книга почтой» и разные другие?

Георгий Левинтон: У него же еще была целая библиотека на кафедре в Тарту. А в лагерь ему посылали книги через «Книга почтой» (насколько я знаю, это как-то сумел Турчинский). Ну а уж в ссылку я сам ему привез «Письма» Трубецкого — экземпляр В. Н. Топорова.

Александр Даниэль: Борь, ну, ты же помнишь, когда он эмигрировал — он раздавал библиотеку свою.

Борис Равдин: Из лагерных, да?

24 Мария Слоним эмигрировала в 1974 г., жила сначала в США, затем в Англии.

Александр Даниэль: А я не знаю. Я думаю, он ее привез целиком в Москву...

Марина Поливанова: В Тартуском университете висело объявление, что запрещено в этот день приходить на вокзал, под угрозой исключения из университета. Единственный человек, кто пришел провожать его, — это Лена Яборова, младшая его коллега, в тот момент она училась в Тарту. Потом Лена поехала его в Москву провожать — она и осталась подружкой Гарика до сих пор. Потом он уезжал с Киевского вокзала: мы там все стоим на фотографии.

Александр Даниэль: Знаете, о чем я думаю сейчас? Может, вы со мной не согласитесь все, но мне кажется, что для Гарика участие в диссидентстве имело в значительной степени академический интерес. Как у социологов — включенное наблюдение, да? Он участвовал в этом, как будто в глубине себя это изучая.

Маша Слоним: Собирал архив.

Александр Даниэль: Да, но не знаю, в буквальном ли смысле...

Маша Слоним: «Хроника текущих событий» была таким архивом его.

Александр Даниэль: Да. А отношение тоже было его — ну, как бы сказать? — отстраненное. Я помню, как где-то в 1970–1971-м мы встретились, он говорит: «А пошли, — говорит, — к бесам». Имелось в виду — к Пете Якиру.

Марина Поливанова: Да-а, у меня такие воспоминания — про какое-то сборище Гарик сказал (только я совершенно не помню, кто там конкретно был, но точно какое-то диссидентское сборище): «Левон и Боренька, чудесные ребята!» — это из «Горе от ума», помните?

Александр Даниэль: Вот я и не знаю: есть у меня такое ощущение, что Гарик был и внутри этого дела, и немножечко вне — наблюдатель...



Илл. 2

Проводы Габриэля Суперфина на Киевском вокзале (Москва, 25 мая 1983 г.).

*Слева направо стоят: А. А. Морозов, Б. Б. Михайлов, неизв., Л. Г. Суперфин, Е. Т. Яборова, Н. В. Перцов, А. Б. Грибанов, А. Н. Журинский, М. М. Поливанова, М. Д. Тименчик, Г. Г. Суперфин, В. И. Кейдан, Г. М. Наринская, И. В. Одаховская (у нее на руках Вера Грибанова); сидит А. Е. Парнис.
Собр. М. М. Поливановой.*

Хроника дела Габриэля Суперфина¹

Сост. Алексей Макаров

1972

14 января*: на обыске у Петра Якира изъято неотправленное письмо Виктора Красина к Питеру Рэддуэю, содержащее список кем-то сделанных поправок к книге «Неподцензурная Россия» („Uncensored Russia“). Остался не отправлен и ее сигнальный экземпляр, который за месяц до того примерно на неделю брал у Красина Суперфин.

21 июня: арестован Петр Якир.

12 сентября: в ссылке арестован Виктор Красин.

1 Хроника дела Габриэля Суперфина и кампании в его защиту составлена на основе публикаций в «Хронике текущих событий», «Бюллетене „В“», «Хроники защиты прав в СССР» и «Вестей из СССР», а также материалов архива НИПЦ «Мемориал» (Ф. 101. Оп. 1. Д. 488в; Ф. 155. Суперфин Г.). Используются также следующие материалы: Зубарев Д. [Биография Г. Суперфина] // Габриэлиада. К 65-летию Г. Г. Суперфина (<https://www.ruthenia.ru/document/545599.html>); Суперфин Г. «Среди чекистов 20 процентов идиотов, а остальные просто циники». Беседа с Г. Моревым // <https://www.colta.ru/articles/dissidents/5070-gabriel-superfin-sredi-chevistov-20-protstentov-idiotov-a-ostalnye-prosto-tsiniki>, 20 октября 2014; Суперфин Г. «Во мне на всю жизнь застряла бацилла архивного поиска» // <https://arzamas.academy/mag/786-superfin>, 12 февраля 2020; Бремя молчания в Бремене. Беседа с Валерием Сандлером // <https://www.antho.net/library/yacobson/advertise/superfin-70-sandler.html>; Якобсон А. Совесть его привела... [Беседа с Майей Улановской] // <https://www.antho.net/library/yacobson/interview/garik-superfin.html>; Суперфин Г. Г. «Усердное внедрение в нас семиотики толкало меня к позитивизму». Беседа с С. Е. Эрлихом // Историческая экспертиза. 2021. № 1(26). С. 298–316. https://asc1e3a6f-914c-4de9-ab23-1dac1208aaf7.usfiles.com/ugd/2fab34_6b2754c7238c42798617f8a5040e7894.pdf.

Даты, помеченные звездочкой, добавлены к хронике Ольгой Розенблюм на основе страниц дела Габриэля Суперфина, которые он прислал ей в январе 2022 года.

Сентябрь: обыск у Суперфина (вероятно, по делу Якира-Красина).

22 ноября*: на обыске у матери Виктора Красина изъят сигнальный экземпляр книги «Неподцензурная Россия», содержащий чьи-то пометки на полях.

1973

16 января*: Красин на допросе показывает, что дал Суперфину сигнальный экземпляр книги «Неподцензурная Россия» Питера Рэддюза.

Февраль–март: многочисленные допросы Суперфина по делу Якира-Красина.

20 апреля*: почерковая экспертиза устанавливает, что ряд пометок в сигнальном экземпляре книги «Неподцензурная Россия» сделан рукой Суперфина.

Май: очная ставка с Виктором Красиным.

Июнь: в рамках дела Якира-Красина проводятся допросы Суперфина о «Хронике текущих событий», в издании которой он участвовал в 1970–1972 годах.

3 июля: Суперфин арестован в Москве во время допроса следователем КГБ Александровским². У Суперфина дома проведен обыск под руководством лейтенанта Ильина³. Вскоре Суперфин переведен в СИЗО г. Орла.

11 июля: американский ПЕН-центр направляет телеграмму Председателю Президиума Верховного Совета СССР Подгорному с обеспокоенностью арестом Суперфина.

12 июля: Валерий Чалидзе отправляет письмо находящемуся на пенсии А. И. Микояну, которого сменил Подгорный на должности Председателя Президиума Верховного Совета СССР. В письме Чалидзе напоминает Микояну, что Суперфин редактировал его мемуары. Сообщая об этом одному из корреспондентов, Чалидзе оценивает этот ход

2 Александровский Павел Иванович (1931–?) — следователь КГБ (Москва). Участвовал в следствии по делам Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа (ВСХСОН, 1967), Виктора Красина (1972–1973).

3 Ильин Олег Серафимович — сотрудник Орловского УКГБ, капитан. Участвовал также в следствии по делу Виктора Хаустова (1973).

как неожиданный и поэтому, возможно, способный принести результаты.

22 июля: Суперфин начинает давать показания.

[Июнь–июль]: Суперфин подвергнут судебно-психиатрической экспертизе, признан вменяемым.

23 августа: Александр Солженицын в интервью упоминает, что Суперфин помогал ему в его исследованиях.

24 августа: обыск у Владимира Долгого, которому предъявлена записка Суперфина с просьбой выдать экземпляр «Дневников» Эдуарда Кузнецова.

5 сентября: КГБ организует пресс-конференцию Петра Якира и Виктора Красина, которые осуждают правозащитную деятельность, в частности издание «Хроники текущих событий». В тот же день из СССР уезжает с семьей Анатолий Якобсон — один из редакторов «Хроники текущих событий», с которым Суперфин работал над ней в 1970–1972 годах. В этот же день Солженицын узнает о захвате рукописи «Архипелаг ГУЛАГ» и дает распоряжение начать публикацию за рубежом.

5 ноября: Суперфин на очередном допросе отказывается от всех своих показаний, данных ранее.

19–20 ноября: Елену Боннэр вызывают на допросы по делу Виктора Хаустова и Габриэля Суперфина. Следователь Сыщиков⁴ психологически давит, шантажирует ее судьбой Эдуарда Кузнецова, чьи дневники она передала за рубеж. Боннэр объявлена соучастницей, она отказывается давать показания и публикует заявление об этом.

28 ноября: Андрей Сахаров отправляет открытое письмо председателю КГБ Андропову по поводу допросов его жены Елены Боннэр.

4 Сыщиков Михаил Михайлович (1921–1991) — сотрудник КГБ. Начинал с работы в СМЕРШ, во второй половине 1940-х гг. работал в Украине и Закавказье. Начальник Следственного отдела УКГБ Ленинградской обл. (1963–1969), заместитель начальника УКГБ при СМ СССР по Орловской обл. (1969–1981). Участвовал в следствии по делам Дзигулина Мальсагова (1959, подследственный жаловался на плохое обращение), допрашивал Александра Гинзбурга (1960), участвовал также в следствии по делам группы «колокольчиков» (Ленинград, 1965), ВСХСОН (1967), Виктора Хаустова.

Декабрь: в США образован Комитет в защиту Суперфина. Декларацию об образовании Комитета подписали Липман Берс⁵, Роберт Бернштейн⁶, Виктор Эрлих⁷, Дональд Фэнгер⁸, Питер Гей⁹, Джек Х. Хекстер¹⁰, Октавио Пас¹¹, Мейер Шапиро¹², Винсент Скалли¹³, Роберт Пенн Уоррен¹⁴.

1974

Январь–февраль: по делу Суперфина проходят многочисленные допросы свидетелей.

4–6 марта: в Орловском областном суде проходит процесс по делу Виктора Хаустова, на который Суперфин вызван свидетелем. 5 марта он публично отказывается от показаний, данных на предварительном следствии.

14 марта: коллективное письмо (44 подписи) в защиту Суперфина.

-
- 5 Берс (Bers) Липман (1914–1993) — математик (США), профессор Колумбийского университета (1964–1984). Выступал в защиту советских диссидентов Ю. Шихановича, Л. Плюща и Г. Суперфина.
 - 6 Бернштейн (Bernstein) Роберт (1923–2019) — книгоиздатель (США), президент издательства Random House (1966–1989). Выступал в защиту советских диссидентов А. Амальрика, Г. Суперфина, А. Гинзбурга. Член-основатель и президент (1976–1998) Human Rights Watch.
 - 7 Эрлих (Erlich) Виктор (1914–2007) — славист (США), профессор Йельского университета.
 - 8 Фэнгер (Fanger) Дональд (р. 1929) — славист (США), Профессор Гарвардского университета (1968–1998).
 - 9 Гей (Gay) Питер (1923–2015) — историк (США), профессор Колумбийского университета (1962–1969), Йельского университета (1969–1993).
 - 10 Хекстер (Hexster) Джек Х. (1910–1996) — историк (США), профессор Йельского университета (1964–1978).
 - 11 Пас (Paz) Октавио (1914–1998) — профессор Гарвардского университета, впоследствии лауреат Нобелевской премии по литературе (1990).
 - 12 Шапиро (Shapiro) Мейер (1904–1996) — искусствовед (США), профессор Колумбийского университета.
 - 13 Скалли (Scully) Винсент (1920–2017) — профессор истории искусств Йельского университета.
 - 14 Уоррен (Warren) Роберт Пенн (1905–1989) — писатель (США), автор книги «Вся королевская рать».

15 марта: Суперфину вручено обвинительное заключение.

17 марта: письмо Андрея Твердохлебова к Подгорному с просьбой помиловать Суперфина.

18 марта: письмо Андрея Твердохлебова и Маши Слоним в Международную комиссию юристов с просьбой рекомендовать зарубежного адвоката для защиты Суперфина.

Конец марта: телеграмма Ассоциации американских издателей в защиту Суперфина на имя Подгорного.

25 апреля: Липман Берс, Виктор Эрлих и Винсент Скалли пишут Подгорному от имени Комитета защиты Суперфина.

12–14 мая: дело Суперфина рассматривает Орловский областной суд (судья Новиков¹⁵, прокурор Штейман¹⁶, адвокат Гуревич¹⁷). Прокурор, «учитывая слабое здоровье подсудимого», запрашивает 6 лет лагерей и 3 года ссылки. Суд приговаривает Суперфина к 5 годам лагеря строгого режима и 2 годам ссылки по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР «Антисоветская агитация и пропаганда». Суперфину инкриминируются перепечатка и передача на Запад «Дневников» Эдуарда Кузнецова, подготовка материалов для самиздатского правозащитного бюллетеня «Хроника текущих событий» и редактирование ее отдельных выпусков, передача материалов для журнала «Вестник РСХД» (в том числе собственной рецензии на трехтомник Осипа Мандельштама), редактирование книги Питера Рэддуэя «Неподцензурная Россия», распространение статьи Лешека Колаковского «Тезисы о надежде и безнадежности», подписание в 1968 г. письма в защиту Юрия Галанкова и Александра Гинзбурга.

27 мая: письмо Андрея Сахарова и Андрея Твердохлебова в защиту Суперфина.

15 Новиков Борис Иванович (р. 1925) — председатель Орловского областного суда (1972–1988). Председательствовал на процессах по делам Виктора Хаустова (1974) и Габриэля Суперфина (1974).

16 Штейман Лев Григорьевич (1924–1998) — прокурор следственного отдела прокуратуры Орловской области.

17 Гуревич А. В. — адвокат (Ленинград), защитник на процессах по делам Суперфина (1974), Г. М. Ушакова (1975), В. В. Михайлова (1979).

Лето: Машей Слоним составлена запись суда над Суперфином. Запись пущена в самиздат.

8 июля: члены американского ПЕН-центра выступают в защиту Суперфина.

9 июля: кассационное рассмотрение в Верховном суде РСФСР (под председательством судьи Шишкина¹⁸, прокурор — Зверев¹⁹). Интересы Суперфина представляет адвокат Лев Юдович²⁰.

Август: информация о деле Суперфина помещена в бюллетене „Amnesty International“.

31 августа: Суперфин прибывает в политический лагерь Пермь-35.

Осень: обращение 42-х американских деятелей в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой помиловать Суперфина, среди них — конгрессмены и университетские профессора.

Ноябрь: Суперфин лишен свидания, которое было запланировано на январь (передвинуто на май).

Декабрь: Суперфин лишен возможности совершать покупки в лагерьном ларьке.

10 декабря: в день прав человека 20 узников Перми-35 (в т. ч. и Суперфин) отправляют в Президиум Верховного Совета СССР заявление с требованием признания за ними статуса политзаключенных.

1975

Январь: Суперфин получает 5 суток ШИЗО.

Зима–весна: письмо Суперфина в редакцию «Хроники текущих событий» о «рецензиях» КГБ на произведения русской литературы.

18 Шишкин Борис Иванович — судья Верховного суда РСФСР в 1960-е–1990. Участник кассационных слушаний по делу В. И. Маркмана (1972), Я. Л. Ханциса (1972), К. А. Любарского (1973), Г. Г. Суперфина (1974), М. Х. Нашпица и Б. Л. Цитленка (1975), Ю. А. Шихановича (1984).

19 Прокурор Зверев участвовал в кассационных слушаниях по делам Г. Г. Суперфина (1974) и В. Н. Осипова (1975).

20 Юдович Лев Абрамович (1925–2018) — адвокат, защитник П. А. Адельгейма (1970), В. И. Маркмана на кассационных слушаниях (1972), К. А. Любарского (1972), П. И. Якира (1973), С. И. Григорьянца (1975), А. Н. Твердохлебова (1975–1976). Не был допущен к защите Суперфина на суде (участвовал в кассационных слушаниях). Эмигрировал (1977), жил в ФРГ.

27 марта: Суперфин на 4 месяца отправлен в ПКТ (помещение камерного типа).

18 апреля: арест Андрея Твердохлебова.

5 августа: по решению суда Суперфин направлен во Владимирскую тюрьму до конца срока.

1 сентября (или 9 сентября): Суперфин этапирован во Владимирскую тюрьму. Сокамерники Суперфина по Владимирской тюрьме (камера 4–21) в разное время — Владимир Буковский, Зорян Попадюк²¹, Виктор Анисимов²².

10 декабря: Суперфин упомянут в Нобелевской речи Андрея Сахарова.

1976

18 января: кончается срок строгого режима Суперфина.

19 января: Суперфин получает свидание с матерью.

21 января: из камеры Суперфина, пока он находился на прогулке, изъяты Библия, Молитвослов и три номера «Журнала Московской Патриархии».

21 Попадюк Зорян Володимирович (р. 1953) — студент филологического факультета Львовского университета (УССР); будучи школьником, организовал подпольный кружок УНОФ (Украинский национально-освободительный фронт) (1968); политзаключенный (1973–1980, ЖХ–385/19, 17а, 3–5, Владимирская тюрьма, участник акций протеста, в т. ч. один из инициаторов борьбы за статус политзаключенного; ссылка — 1980–1982, пос. Матросова, Магаданская обл., пос. Саралжин, Актюбинская обл., Казах. ССР; вновь арестован, обвинен в «антисоветской пропаганде», в т. ч. за высказывания по поводу Афганистана и польской «Солидарности», 1982–1987, ВС–389/36), освобожден досрочно в рамках горбачевской кампании по освобождению политзаключенных. Живет во Львове.

22 Анисимов Виктор Петрович (р. 1937) — неоднократно судим по общеуголовным обвинениям; инкриминировались «антисоветские» письма в центральные советские и партийные органы, в посольство США в Москве, «воззвания» и «обращения» (вместе с сокамерником); политзаключенный (первоначально обвинен в «клевете» на строй, затем в «антисоветской агитации») — 1972–1978, Владимирская тюрьма. В 1978 г. дал показания по делу Юрия Орлова, после чего Анисимову был объявлен бойкот.

22 января: Суперфин объявляет голодовку протеста (длилась 33 дня).

5 февраля: обращение Суперфина в издательство «Художественная литература» с просьбой официально подтвердить, что Библия является литературным памятником (см. илл. 1).

24 февраля – 5 марта: во время XXV съезда КПСС политзаключенные (в т. ч. Суперфин) проводят голодовку.

14–15 апреля: процесс Андрея Твердохлебова, среди инкриминируемого — подписание «письма 44-х» в защиту Суперфина. Твердохлебов приговорен к 5 годам ссылки.

26 мая: Суперфин на 3 месяца переведен на строгий режим.

23 сентября: Суперфин объявляет голодовку в связи с невыдачей книг со склада.

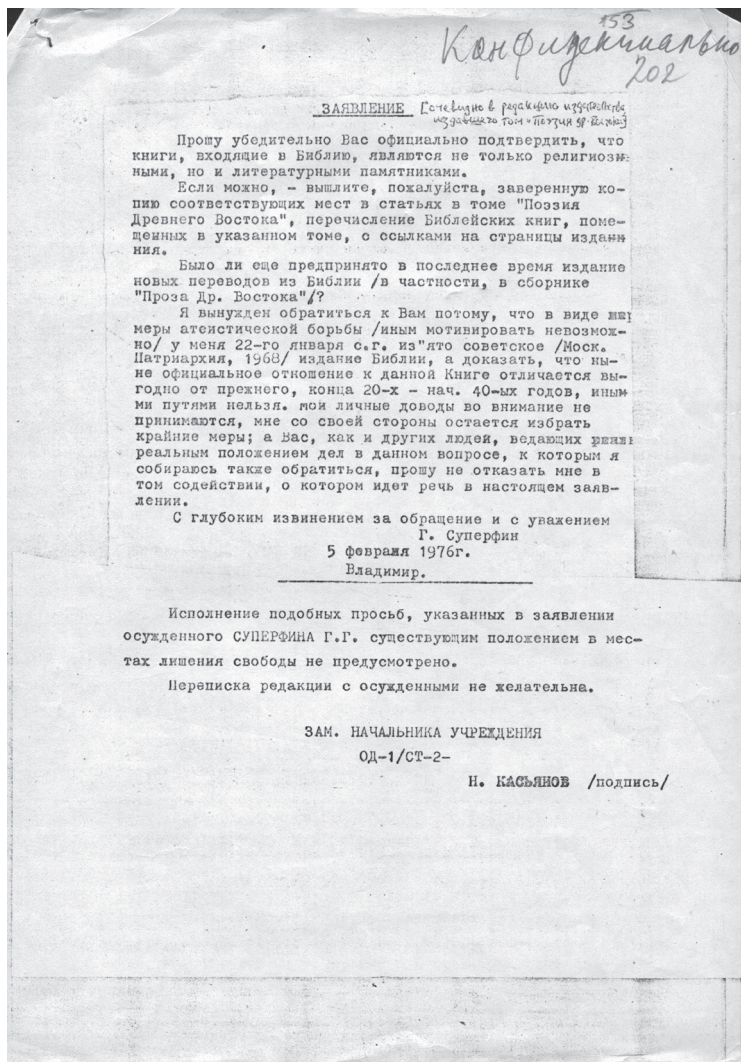
15 декабря: Суперфин попадает в больницу во Владимирской тюрьме.

Декабрь: Суперфин присоединяется к коллективному протесту против приговора С. А. Ковалеву (7 лет лишения свободы и 3 года ссылки). Протест, помимо 174 человек, находившихся на свободе, подписывают политссылные Сергей Мальчевский и Анатолий Марченко, а также 6 человек из Мордовского лагеря особого режима, 4 человека из мордовского женского лагеря, 4 человека из прочих мордовских лагерей, 18 человек из пермских лагерей и 17 человек из Владимирской тюрьмы.

25 декабря: Суперфин подписывает коллективное письмо политзаключенных к Московской Хельсинкской группе с предложением объявить 1977 год годом выполнения Хельсинкских соглашений.

Декабрь: Суперфин помещен в карцер на 10 суток за требование права самому читать ответы на отправляемые им жалобы.

Конец 1976: обращение Евгения Барабанова, Александра Гинзбурга и др. (12 чел.) к христианам мира с призывом добиться, чтобы Суперфину дали Библию.



Илл. 1

Обращение Габриэля Суперфина в издательство «Художественная литература».
Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 101. Оп. 1. Д. 488в. Л. 202.

1977

Январь: обращение лингвиста Игоря Мельчука «О положении Суперфина».

4 марта: Суперфин получает 12 суток карцера за межкамерную связь.

13 апреля: Суперфин получает 15 суток карцера за межкамерную связь.

26 мая: Суперфин получает 15 суток карцера за отказ брать руки за спину.

Сентябрь: угроза перевода на строгий режим.

Ноябрь: Суперфин получает 15 суток карцера.

1978

3 июля: Суперфин убывает в ссылку. Работает в поселке Тургай (Казахская ССР) ассенизатором, а затем — дворником (См. илл. 2).

1979

8 марта: в одном из частных писем Суперфин сообщает, что получил приглашение из Йельского университета от Виктора Эрлиха.

Лето: отобрано разрешение на поездку в Москву, т. к. Суперфин отказался участвовать в выборах.

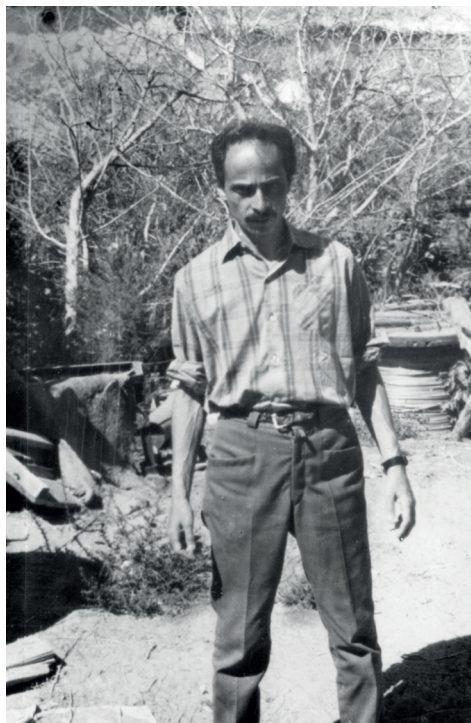
Осень: Суперфин получает разрешение на отпуск для поездки в Москву. Перед поездкой сотрудник КГБ Баранов²³ уговаривает его эмигрировать. Суперфин отказывается, однако получает отпуск: Баранов выражает надежду, что друзья уговорят Суперфина изменить свое решение.

1980

1 февраля: у Суперфина проведен обыск по делу № 46012/18-76 (дело «Хроники текущих событий»), изъяты, в частности, Библия и Коран.

24 апреля: Суперфин освобожден из ссылки.

23 Баранов Александр Владимирович (1928–1998) — зам. начальника 5-го управления КГБ по Москве и Московской области, начальник 1-го отдела 5-го управления (1960-е), начальник 9-го отдела 5-го управления (на 1980 г.). Занимался Суперфином и семьей А. Д. Сахарова.



Илл. 2

*Габриэль Суперфин в ссылке. Август 1978 г.
Архив НИИПЦ «Мемориал». Ф. 110.*

13 мая: Суперфин задержан в Москве, ему предписано в течение трех суток ее покинуть (уезжает в Тарту).

Начало июля: Суперфин поставлен под административный надзор.

Середина июля: Суперфин временно прописан в Тарту.

Сентябрь: сотрудник КГБ Баранов, ранее приезжавший к Суперфину в ссылку, приезжает в Тарту и предлагает ему стать «консультантом» в обмен на прописку в Москве. Суперфин отказывается. «Предупреждение» по Указу от 25 декабря 1972 г. «О применении орга-

нами государственной безопасности предостережения в качестве меры профилактического воздействия».

1981

20 марта: с Суперфина досрочно снят административный надзор.

1982

30 июня: этой датой обозначен последний вышедший в самиздате (64-й) выпуск «Хроники текущих событий».

Конец года: увольнение с работы и лишение прописки. Работы Суперфина в Тарту: продавец в газетном киоске, реставратор в Центральном историческом архиве Эстонии.

1983

Февраль или март: поездка в Москву, встреча с сотрудником КГБ Барановым. Предложения Баранова: написать покаянное письмо, эмигрировать или стать «консультантом» КГБ.

Весна: Суперфин пишет и относит в КГБ Тарту письмо, в котором говорит, что будет заниматься только научной деятельностью. Письмо отвергнуто.

25 мая: отъезд Суперфина в эмиграцию с Киевского вокзала в Москве.

1992

16 марта: Г. Г. Суперфин реабилитирован Прокуратурой Орловской области на основании ст. 3 п. А и ст. 5 п. А закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года.

Энн Комароми, Филипп Лекманов

О нескольких моментах западной кампании в защиту Габриэля Суперфина

Еще до ареста Г. Г. Суперфина в Москве 3 июля 1973 г. Валерий Чалидзе начал искать людей, готовых выступить в его защиту. Чалидзе написал Роману Якобсону, чье ответное письмо от 5 апреля 1973 г., отправленное из Гарвардского университета, содержало высокую оценку деятельности Суперфина: «Я знаю его и по работам и лично, люблю и ценю его как даровитого, бескорыстного и самоотверженного ученого, особенно архивного работника»¹.

Якобсон обещал обратиться в Массачусетский технологический институт, на факультет славистики Университета Индианы и, возможно, в Йельский университет с просьбой сделать приглашение для Суперфина, хотя и выразил сомнение относительно намерения Суперфина эмигрировать. Чалидзе ответил 25 апреля 1973 г., поблагодарив Якобсона за его великодушные усилия и отметив, что приглашения были бы ценны как сигнал советским властям, что Суперфин известен на Западе: направленные против него действия не пройдут незамеченными².

- 1 Их знакомство относится к лету 1966 г., когда Габриэль Суперфин водил Романа Якобсона и Петра Григорьевича Богатырева в рукописный отдел Ленинской библиотеки смотреть юношеские записи Трубецкого. Благодарим Сергея Неклюдова, уточнившего это у Гарика. См. публ. Т. Гланца в наст. изд.
- 2 О попытках помочь Гарику, прислав ему приглашение в Америку для чтения лекций, вспоминает Григорий Фрейдин, тогда — аспирант Калифорнийского университета в Беркли, убедивший руководство своей кафедры и деканат послать Гарику «приглашение прочитать курс лекций не то осенью 1972 г., не то весной 1973 г.» (см. публ. Г. Фрейдина в наст. изд.). О приглашении, отправленном уже после ареста Гарика, вспоминает и Лазарь Флейшман (см. «Мемуары, не сверенные с архивом: 1970–1983»).

В сообщениях западной прессы дело Суперфина регулярно упоминалось в соседстве с именами таких диссидентов, как Андрей Сахаров, Александр Солженицын, Андрей Амальрик, Анатолий Марченко³. Такая риторика подчеркивала системный характер советских репрессий, одновременно помогая связать имя Суперфина с громкими кампаниями травли, потенциально известными западному читателю. Так, вскоре после ареста Суперфина в июле 1973 г. Хедрик Смит, известный журналист, глава московского бюро „The New York Times“, упомянул его, используя уменьшительную форму «Гарик», в статье о втором сроке Андрея Амальрика:

Осуждение мистера Амальрика произошло на фоне непрекращающегося полицейского давления на диссидентов. В начале июля Гарик Суперфин, архивист и филолог в возрасте около тридцати лет, был арестован по делу против представителей интеллигенции, которых органы безопасности считали ответственными за публикацию «Хроники текущих событий», долгое время являвшейся ведущим журналом о диссидентской деятельности. В связи с давлением органов безопасности новые выпуски «Хроники» не появлялись с ноября прошлого года⁴.

(Smith 1973)

Правозащитный бюллетень «Хроника текущих событий» широко упоминался в новостях в связи с остановкой его выпуска в конце 1972 года. В сентябре 1973 г. Чалидзе опубликовал в „The New York Times“

3 См. следующие материалы, в которых процесс Суперфина упомянут в соседстве с одним из вышеназванных имен: Chalidze V. *New Sufferings Await Amalrik* // *New York Times*. 1973. July 11. P. 41; *Nobel Man Tells of KGB plot* // *The San Francisco Examiner*. 1973. August 28. P. 12; *Inmates Reportedly used as Torturers by Soviets* // *The Austin American Statesman*. 1975. July 5 (evening edition). P. 46.

4 Хедрик Смит позднее опубликовал ставшую популярной книгу „The Russians“ (1976), рассказывавшую о его опыте работы начальником Московского бюро в начале 1970-х. — Здесь и далее перевод англоязычных цитат наш. — Э. К., Ф. Л.

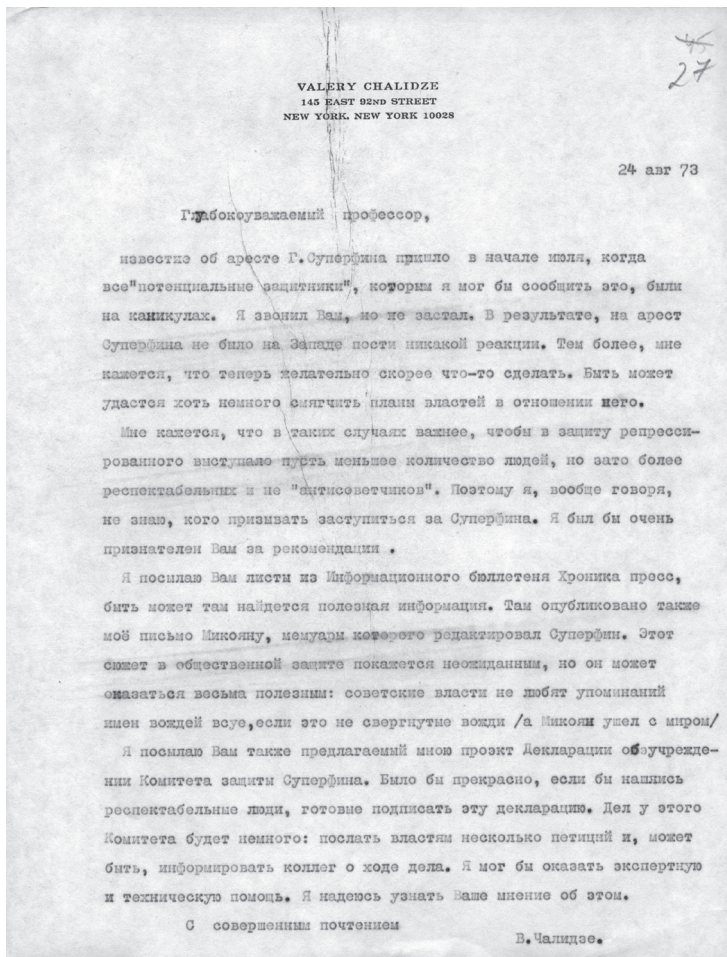
короткую статью об Андрее Сахарове и Петре Якире, в которой он также упомянул «литературоведа Габриэля Суперфина, помогавшего Солженицыну с поиском архивных материалов для его последнего романа „Август Четырнадцатого“». Чалидзе добавил, что «нынешняя ситуация в Москве вызывает опасения за судьбу всех, кто открыто участвовал в правозащитной деятельности в СССР» (Chalidze 1973).

Сам Солженицын упомянул Суперфина в интервью, появившемся в газете „Le Monde“ 29 августа 1973 г. и перепечатанном на английском языке в „The New York Review“ 4 октября. Некоторые ответы Солженицына были переданы журналистом в косвенной речи: «Солженицын упомянул о мерах, принятых против тех, кто помогал ему, назвав имя молодого литературоведа Габриэля Суперфина, арестованного 3 июля прошлого года. Он также напомнил о давлении на виолончелиста М. Ростроповича» (Solzhenitsyn 1973: 35)⁵. Имя Суперфина, таким образом, вновь оказалось для западного читателя в одном ряду с именами пострадавших от советских репрессий. Уже после этого интервью, в начале 1974 г., вызвавшая шок книга Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» и его высылка из СССР в феврале того же года стали широко обсуждаемой новостью.

Однако в своих ходатайствах защитники Суперфина стремились избежать возможных скандалов и обвинений в антисоветских взглядах. Это стремление было ярко выражено в усилиях Чалидзе по распространению информации и мобилизации сети поддержки. Чалидзе с самого начала выражал озабоченность по поводу положения и статуса защитников Суперфина. В письме от 24 августа 1973 г., адресованном «глубокоуважаемому профессору» (по всей видимости, Якобсону), Чалидзе так описал свое видение Комитета защиты Суперфина: «Мне кажется, что в таких случаях важнее, чтобы в защиту репрессирован-

5 Французский оригинал: „Alexandre Soljenitsyne fait état des sanctions qui ont été prises contre des personnes qui l'ont aidé — comme le jeune historien littéraire Gabriel Souperfine, arrêté le 3 juillet dernier. Il rappelle les pressions qui furent exercées sur le violoncelliste Mstislav Rostropovich, à l'époque où celui-ci l'hébergeait“ (Jacob 1973). Необычное написание имен нескольких человек, включая Суперфина (здесь: Souperfine), отражало французские правила транскрипции.

ного выступало пусть меньшее количество людей, но зато более респектабельных и не «антисоветчиков».



Илл. 1

Письмо В. Чалидзе Р. Якобсону (?). 24 августа 1973 г.
Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 101. Оп. 1. Д. 488в. Л. 27.

В декабре того же года, как сообщалось в № 5–6 «Хроники защиты прав в СССР» (ноябрь–декабрь 1973), был образован Комитет защиты Габриэля Суперфина, преследовавший «две цели: требовать от советских властей признания его основных прав и обратить внимание наших коллег на Западе на положение молодых интеллектуалов в Советском Союзе» (Хроника 1974: 60). Заявление использовало правозащитный дискурс и апеллировало к целям, провозглашенным самим советским государством:

Мы остро чувствуем необходимость протестовать против нарушений прав человека независимо от того, где эти права нарушены. Мы верим, что советское государство не останется безразличным к нашему мнению теперь, когда оно выступает за охранение и укрепление культурных связей с Западом.

(Там же: 60)

Под этим заявлением подписались Липман Берс (Колумбийский университет), Роберт Брустейн (Йель), Виктор Эрлих (Йель), Дональд Фангер (Гарвард), Питер Гей (Йель), Джек Х. Хекстер (Йель), Октавио Пас (Гарвард), Мейер Шапиро (Колумбийский университет), Винсент Скалли (Йель), Роберт Пенн Уоррен (Йель)⁶. Заявление Комитета было опубликовано в виде письма Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному в „The New York Review” 24 января 1974 года. В нем англоязычным читателям сообщалось:

3 июля 1973 г. в Москве был арестован молодой советский литературовед Габриэль Г. Суперфин, известный в стране и за рубежом как талантливый ученый. Он ожидает суда, предположительно по обвинению в антисоветской пропаганде. <...> Мы хотим подчеркнуть слабое здоровье Суперфина и отметить, что

6 См. публикацию А. Макарова в наст. изд.

условия, царящие в советских исправительно-трудовых лагерях, могут оказаться для него смертельными⁷.

Хотя ситуация была тревожной, аккуратно сформулированное заявление апеллировало к властям, выражая, в первую очередь, озабоченность в связи с проблемами Суперфина со здоровьем.

Объемная публикация, посвященная делу Суперфина, появилась в «Хронике защиты прав в СССР» (№ 8, март–апрель 1974 г.), совпадая по времени с судебным процессом над Суперфином. Она включала громкое заявление, датированное 14 марта 1974 г. и подписанное Евгением Барабановым, Валентиной Бердичевской и десятками других лиц. Заявление начиналось со ссылки на книгу Солженицына, которая незадолго до этого появилась с эффектом разорвавшейся бомбы: «Сегодня мир сотрясен ужасом „Архипелага ГУЛаг“. „Но это не повторится“, — обнадеживает себя благодушие. Нет, повторится и повторяется, ибо никуда не уходило» (Дело Суперфина 1974: 12).

Затем в заявлении описывалось выступление Суперфина в качестве свидетеля на процессе Виктора Хаустова в Орле. Еще одно включенное в этот номер заявление Андрея Твердохлебова и Марии Слоним, датированное 18 марта 1974 г., подытоживало известные на тот момент детали дела. Слоним и Твердохлебов обращали внимание на тот странный факт, что власти, по-видимому, планировали судить Суперфина не в том городе, где он был арестован и проживал и где велась предполагаемая преступная деятельность. Авторы письма перечисляли предполагаемые пункты обвинения: участие в издании «Хроники текущих событий», помощь в передаче на Запад известных «Дневников» Эдуарда Кузнецова и комментарии, оставленные на экземпляре книги Питера Реддудэя „Uncensored Russia“ (Reddaway 1972)⁸. Судебный процесс в Орле затруднял возможность наблюдения за заседаниями. Несмотря

7 В этой версии обращения состав комитета также включал Руфуса В. Мэтьюсона, тогда как имя Берса было опущено. Rufus W. Mathewson (1918 – 2 августа 1978) — профессор русского языка и литературы в Колумбийском университете, автор книги „The Positive Hero in Russian Literature“.

8 Книга составлена автором на основе первых номеров «Хроники текущих событий». Юлий Телесин написал предисловие.

на это, Твердохлебов и Слоним, уже обладавшие важной информацией, адресовали свое заявление в Международную комиссию юристов, прося ее предпринять незамедлительные действия для обеспечения Суперфина адвокатом в соответствии с просьбой его матери, чему до настоящего момента препятствовали советские власти (Там же: 10–12).

Копия заявления Твердохлебова и Слоним была отправлена в организацию „Amnesty International“, которая в своем отчете о нарушении права Суперфина на выбор адвоката процитировала «Хронику» Чалидзе: «Габриэлю Суперфину, московскому литературоведу <...> было отказано в выборе защитника» (Amnesty International 1975: 29). В августе 1974 г. бюллетень „Amnesty International“ поместил обращение к читателям по делу Габриэля Суперфина в разделе «Открытки для заключенных». Суперфин был охарактеризован как «молодой литературовед и архивист, который когда-то работал научным сотрудником у Александра Солженицына», излагались факты судебного процесса, состоявшегося в мае 1974 г.:

Ему предъявлено несколько обвинений по статье 70 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда»), в том числе участие в издании «Хроники текущих событий», отправка на Запад тюремного дневника Эдуарда Кузнецова и подписание письма в защиту писателей-диссидентов Александра Гинзбурга и Юрия Галанскова.

Не признавая себя виновным, мистер Суперфин заявил, что не откажется от своих действий, потому что «это означало бы отказ от части моей жизни». Он был осужден и приговорен к 5 годам лагерей строгого режима с последующими 2 годами ссылки. (Amnesty International 1974: 3)

В типично британской манере информационный бюллетень Amnesty International призывал своих читателей выразить свои требования вежливо: «Просим вас прислать написанные в уважительном тоне открытки с просьбой о его освобождении: Л. И. Брежневу, Генеральному секретарю Коммунистической партии СССР; а также

Подгорному Н.В., Председателю Верховного Совета. Адрес: Кремль, Москва, РСФСР, СССР».

Освещение процесса Суперфина на Западе, таким образом, отражает тот факт, что внимание западной общественности было приковано к громким именам и конфликтам. В то же время заметна убежденность правозащитников в том, что следование правилам и уважительная апелляция к советским властям должны были привести к лучшим результатам.

После суда над Суперфином освещение процесса в западной прессе значительно сократилось. Интересная информация о Суперфине появилась в отчете Amnesty International под названием «Досье об условиях во Владимирской тюрьме (СССР)», опубликованном в феврале 1977 года. «Досье» содержало абзац о Суперфине. В материале говорилось, что после отправки в пермский лагерный комплекс и участия в протестах заключенных летом 1975 г. Суперфин был переведен в печально известную Владимирскую тюрьму. В январе 1976 г. начальство тюрьмы «конфисковало его Библию, молитвенник и три номера религиозного журнала», после чего Суперфин объявил голодовку (Dossier 1977: 4)⁹. В сборнике статей «Владимирская тюрьма», составленном Владимиром Буковским и изданном в 1977 г. нью-йоркским издательством «Хроника», основанном Валерием Чалидзе, сообщалось, что Суперфин был «водворен в карцер <...> за „отказ добровольно выдать религиозную литературу“ (Библию)» (Буковский 1977: 31). Подробное описание этих событий находится в заметке «Русские православные заключенные: условия лагерного содержания», написанной политзаключенным Евгением Пашниным-Сперанским и опубликованной в четвертом номере журнала „Religion in Communist Lands“, вышедшем в октябре 1977 года. В своем тексте Пашнин-Сперанский отмечал, что религиозная литература была изъята у Суперфина 22 января 1976 г., в результате чего он в тот же день объявил многодневную голодовку,

9 Короткие заметки о голодовке Суперфина содержатся также в газетах „Daily Record“ (Morristown, New Jersey) и „Philadelphia Daily News“. См.: People in the News // Daily Record. 1976. February 8. P. 4; Soviet Hunger Strike // Philadelphia Daily News. 1976. February 25. P. 8.

длившуюся 35 дней, вплоть до 26 февраля. В ответ на многочисленные жалобы политзаключенных по поводу конфискации книг Суперфина советские власти ответили, что «тюремная администрация действовала в рамках закона» (Pashnin-Speransky 1977: 266).

В нашей заметке мы постарались наметить ключевые этапы западной кампании в защиту Суперфина. Благодаря усилиям многих людей, стремившихся предать процесс над ним широкой огласке, ход дела Суперфина достаточно подробно освещался в западной прессе, начиная с сообщений об аресте и заканчивая условиями его заключения¹⁰.

Литература

Буковский В. (сост.) (1977): Владимирская тюрьма. Сборник статей и документов. Нью-Йорк: Хроника.

Дело Суперфина (1974): Дело Суперфина // Хроника защиты прав в СССР. № 8. Март-апрель. Нью-Йорк: Хроника. С. 10–14.

Хроника (1974): Деятельность организации в области прав человека // Хроника защиты прав в СССР. № 5–6. Ноябрь-декабрь. Нью-Йорк: Хроника. С. 59–62.

Amnesty International (1974): Amnesty International Newsletter. Vol. IV, No. 8. August.

Amnesty International (1975): Prisoners of Conscience in the USSR: Their Treatment and Conditions. London: Amnesty International.

Chalidze V. (1973): Two Men: One Exhausted, One Threatened // The New York Times. September 7. P. 35.

Dossier (1977): A Dossier on Conditions in Vladimir Prison (USSR). London: Amnesty International.

10 В ходе работы над этим материалом нами были просмотрены документы из архива НИПЦ «Мемориал», материалы, опубликованные Amnesty International, и «Хроника защиты прав в СССР» (а также ее англоязычная версия „A Chronicle of Human Rights in the USSR“). Для поиска западных публикаций о процессе Суперфина мы также воспользовались такими электронными архивами прессы, как Proquest и Newspapers.com.

- Jacob A. (1973): Alexandre Soljenitsyne dénonce l'„étouffement de la pensée“ en U.R.S.S. // *Le Monde*. August 29. P. 4.
- Pashnin-Speransky Ye. (1977): Russian Orthodox Prisoners: Camp Conditions // *Religion in Communist Lands*. Vol. 5, No. 4. P. 264–266.
- Reddaway P. (1972): *Uncensored Russia: The Human Rights Movement in the Soviet Union*. London: Jonathan Cape.
- Smith H. (1973): Soviet [sic] is Said to Jail Dissident for Second Term // *The New York Times*. July 18. P. 6.
- Solzhenitsyn A. (1973): Not One Step Further: An Interview with Solzhenitsyn // *The New York Review*. October 4. P. 11–15.

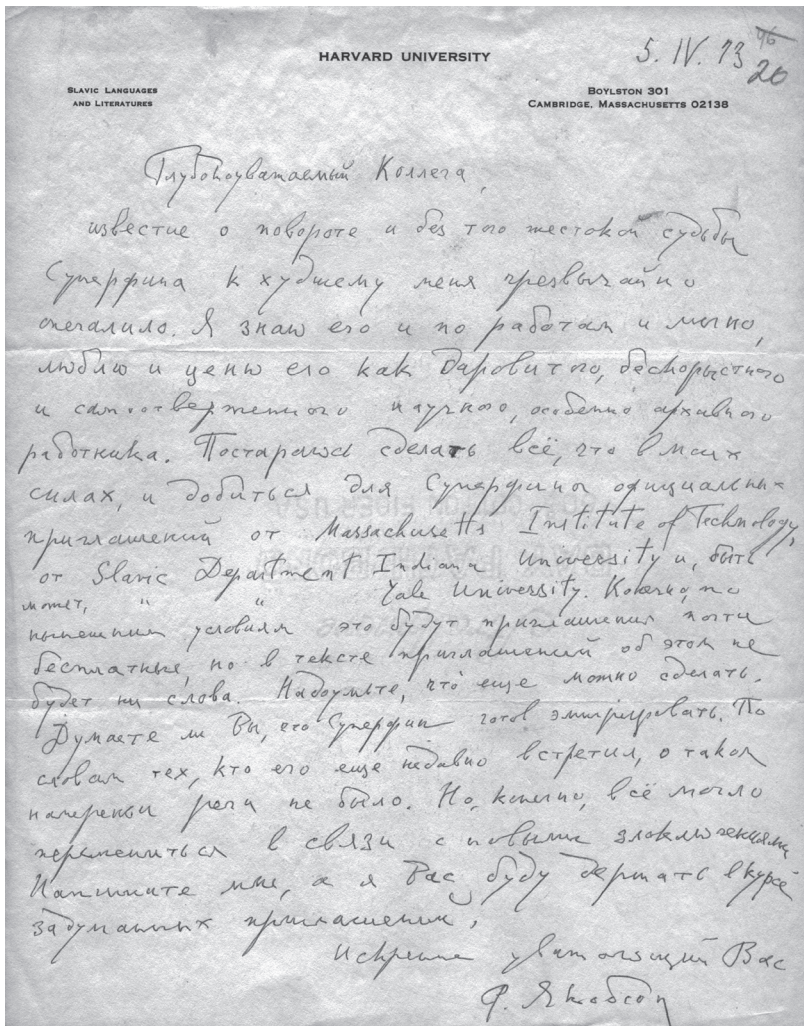
Томаш Гланц

Вторичное политическое поле Романа Якобсона и Габриэль Суперфин

Летом 1966 г. Якобсон познакомился с 22-летним Габриэлем Суперфином, с 1964 г. — студентом Тартуского университета. Их свел ровесник Суперфина, в дальнейшем один из крупнейших исследователей Мандельштама Юрий Фрейдин (1942–2021). Якобсона и Петра Богатырева Суперфин, хорошо знакомый с фондами Ленинской библиотеки, водил в рукописный отдел смотреть юношеские записи Трубецкого. Позже они встречались небольшой группой в кафе при гостинице «Метрополь», где ночевал Якобсон¹. Тот летом 1966 г. проводил типичные для его расписания гастроли по Восточной Европе: был в Москве, где принимал участие в 12-м международном психологическом конгрессе, участвовал в лингвистическом семинаре в Ленинграде, ездил в Тарту, встречался с представителями Тартуской семиотической школы во время летней конференции по знаковым системам, посещал Грузию (читал лекции в Тбилисском университете) и участвовал в семиотическом коллоквиуме в Польской академии наук (Казимеж). По случаю его семидесятилетия словацкий поэт и теоретик авангарда Ладислав Новомеский написал и опубликовал в Словакии эссе под названием «С авангардом и в авангарде» („S avantgardou a v avantgarde“ — Novomeský 1967).

Через шесть лет Якобсон помнил об этой встрече. В письме Валерию Чалидзе, советскому физику и правозащитнику, который в 1972 г. поехал в США читать лекции и был лишен советского гражданства, 5 апреля 1973 г., за три месяца до ареста Суперфина, Якобсон пишет:

1 За прояснение обстоятельств этой встречи благодарю Сергея Неклюдова, спросившего о ней у Габриэля Суперфина.



Илл. 1

Письмо Р. О. Яковсона В. Н. Чалидзе. 5 апреля 1973 г.
Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 101. Оп. 1. Д. 488в. Л. 20.

Глубокоуважаемый Коллега,
известие о повороте и без того жестокой судьбы Суперфина к худшему меня чрезвычайно опечалило. Я знаю его и по работам и лично, люблю и ценю его как даровитого, бескорыстного и самоотверженного научного, особенно архивного работника. Постараюсь сделать всё, что в моих силах, и добиться для Суперфина официальных приглашений от Massachusetts Institute of Technology, от Slavic Department Indiana University и, быть может, [Slavic Department] Yale University. Конечно, по нынешним условиям это будут приглашения почти бесплатные, но в тексте приглашений об этом не будет ни слова. Надоумьте, что еще можно сделать. Думаете ли Вы, что Суперфин готов эмигрировать? По словам тех, кто его еще недавно встретил, о таком намерении речи не было. Но, конечно, все могло перемениться в связи с новыми злоключениями. Напишите мне, а я Вас буду держать в курсе задуманных приглашений.

Искренне уважающий Вас

Роман Яacobсон²

Письма такого типа можно читать не только как отдельные случаи филологического быта, являющегося в то же время неотъемлемой частью теоретического дискурса, — его внешним полем, контекстом. Иногда бытовые или биографические данные пересекаются и с «субстратом» или, как минимум, со значимым фоном самого (в данном случае филологического) мышления. В любом случае они могут служить возможным поводом к размышлениям о методологии филологической работы в произведениях отдельных личностей и сообществ.

Филология с ее типом постановки вопросов, институциями и направлениями, достижениями в трудах отдельных авторов оказалась в XX в. крайне идеологизированной и политизированной. И Яacobсон, и

2 См. илл. 1. Этот документ, как и ответ Чалидзе (см. илл. 2 в конце статьи), был обнаружен Алексеем Макаровым и любезно предоставлен им в распоряжение составителей сборника. Благодарю за помощь с расшифровкой Ольгу Розенблюм.

Суперфин были непосредственными участниками именно этого политического измерения гуманитарных наук, хотя ни тот, ни другой никогда не писали на эксплицитно политические темы именно в научных работах.

Филология — как и любая дисциплина — существует также в режиме «политики дружбы» (ср. Derrida 1994): без личных отношений, разного рода социальных сетей, кружков, групповых интересов, гостеприимства, взаимной поддержки и борьбы за власть разного рода она немислима, хотя все эти аспекты не обязательно напрямую проявляются в результатах филологической деятельности. Каким же значением обладают политические позиции (не взгляды!) филолога?

Архив и канон

Цитируемый выше документ поступил к нам из архива. Архив как депозитарий знаний характерен тем, что в нем релевантно все, у чего есть любая, в том числе имплицитная, потенциальная ценность, будь то билет, пропуск, открытка, донос, эскиз научного труда или рукопись книги. К филологии можно подходить аналогично — без элитарной установки на готовые концепции и завершенные тексты, то есть на канон, а как к полю следов и материальных носителей разного рода, которые вдруг могут пригодиться — причем в самых разных, зачастую неожиданных целях. Важно, что эта «релевантность всего» не является невинной, или нейтральной, или объективной. Она существует в результате наших увлечений, предпочтений, желаний и страстей, ценностей и целей, решений, цензуры, страха, конвенций...³

Архивом можно пользоваться по-разному и по-разному соотносить его с филологической деятельностью. Так, Якобсон находит в архиве уникальный текст Николая Гоголя и подвергает его вместе с сотрудницей кафедры славянских языков и литератур Гарвардского университета Баярой Арутюновой (Манусевич) комплексному поэтологическому анализу, включая исследуемый текст в характеристику творчества Гоголя с использованием других метатекстов (найденный

3 Эта тема посвящена другая книга Деррида (Derrida 1995).

текст был листом из альбома), писем, дневника (Aroutunova/Jacobson 1972). Главной целью этого архивного исследования является определение приемов гоголевского письма, его «литературность» (поэтическая функция).

Существует и другой подход к архивным материалам, в центре которого стоит архив как космос или как поле, своего рода самоцель, в любом случае как целостное явление, независимо от того, для чего его возможно — потенциально — использовать. Такой подход олицетворяет Габриэль Суперфин, который познакомился с Якобсоном, показывая ему любопытные архивные материалы, касающиеся Трубецкого — одного из кумиров, а также критиков Якобсона.

Основой подхода Суперфина является архив, понимаемый не как структурированный набор отдельных документов или единиц хранения, а как потенциал, генерирующий бесконечное количество новых значений. Борис Равдин, историк русскоязычной культуры Латвии и член редакции легендарного журнала «Даугава», верно характеризовал подход Суперфина, каким он был еще в студенческие годы: «Он занимался филологией, и языкознанием, и общественным движением, и историей»⁴. Это установка сохранилась у Суперфина по сегодняшний день. Человек, который серьезно, эссенциально относится к архиву, не может специализироваться на какой-то частной, узкой области — и наоборот: ученый, который заинтересован в уникальных находках только для того, чтобы извлечь их из архива и практиковать на их основе свои теоретические амбиции, никогда не станет адептом настоящей «архивной лихорадки».

Политика формализма и семиотики

Когда формалисты настаивали на имманентном характере важнейших качеств художественного произведения, они, безусловно, атаковали таким образом и определенную политическую модель общества и власти, в которых существуют свои — с их точки зрения, несущественные — иерархии и система причинно-следственных связей, соот-

4 См. в наст. изд.: Мемуары, не сверенные с архивом: 1959–1970.

ветствующих, грубо говоря, позитивистскому или психологическому⁵ мировоззрению. Поэтому мышление формалистов закономерно считается революционным, хотя и не в первую очередь в политическом смысле: служба формалистов большевистской революции 1917 г. была весьма условной, и представители власти, главным образом Л. Д. Троцкий⁶ и Н. И. Бухарин⁷, признавали ее полемически, недолго и не в полной мере.

Аналогичный пример представляет собой семиотика — на первый взгляд, объективная наука об объективно существующих знаковых системах, но одновременно и, как минимум, косвенное политическое заявление, которое проповедует провокативную для советского времени установку гуманитарных наук на системность, эмансипирует ее из классового, или социального в марксистском духе, подхода, устанавливает ее связь с кибернетикой, западноевропейским структурализмом 1960-х гг. и т. д.

Якобсон считается одним из главных формалистов, хотя сам он говорил о формализме пренебрежительно: формализм казался ему недостаточно целостным и телеологическим (Якобсон 2011: 90). Суперфину, в свою очередь, вообще свойственно скептическое отношение

5 Надо помнить, что со времени публикации монографии Светликовой (2005) — или, точнее, не позже этой публикации — антипсихологизм формализма стал чуть ли не парадоксальным явлением. Автор в этой работе убедительно показала, насколько формализм, борющийся на уровне филологической идеологии против психологизма, одновременно во многих отношениях опирался на матрицы современной психологии.

6 См. статью Льва Троцкого «Формальная школа поэзии и марксизм» (Правда. 1923. 26 июля. № 166). Эта статья считается объявлением войны формализму со стороны советской власти. См. также: Троцкий 1924: 130–145.

7 См. речь Бухарина на Первом съезде советских писателей (Литературная газета. 1934. 30 августа). Якобсон в рецензии на библиографию работ о стихе Штокмара (Slavia. Vol. XIII. 1934) писал: «В своем докладе на первом всесоюзном съезде писателей Бухарин справедливо настаивал на огромной разнице между формализмом, который, поскольку он смешивал специфику искусства с его полной независимостью от всего жизненного общественного контекста, подлежит преодолению, и формальным анализом, который в высокой степени полезен, а сейчас, когда нам нужно „овладевать техникой“, повсюду абсолютно необходим» (Якобсон 1934: 417).

к спекулятивной теории, поскольку теория поступает селективно и наводит какой-то однозначный порядок, в то время как архив — это онтологический беспорядок. Архив антитеоретичен, он бесконечен и парадоксален, почти как сама жизнь. Можно предположить, что человека, который является экстенсией архива и его олицетворением, Якобсон не мог не полюбить, поскольку был сторонником многочисленных схем и научных определений, но одновременно в глубине души обожал непредсказуемость и парадоксальность. Поэзию Якобсон ценил за возможность генерирования в ее рамках совсем новых, небывалых смыслов из «архива» языка. Архив — это своеобразная поэзия гуманитарной науки. И нигде в филологии не случается так много неожиданных встреч, пересечений и сюрпризов, как в архиве. Якобсон, не будучи человеком большого политического мужества, был готов принять Другого. Он славился гостеприимством и щедрыми посылками книг в Восточную Европу. Однако письмо Якобсона о Суперфине представляется чем-то большим, чем формальный акт научной солидарности.

Вторичное политическое поле

Под «вторичным политическим полем» здесь понимается зона (воздействий и значений, которые по своему характеру являются политическими, но выступают таковыми не напрямую. Их политическая составляющая имплицитна. Поиск возможностей помощи советскому филологу, который может быть арестован по политическому делу, в переписке с одним из основоположников Комитета прав человека в СССР совсем не считать политическим действием нельзя. В то же время письмо это было частным, и от публичных действий в поддержку Суперфина Якобсон уклонился. Так, когда некоторые преподаватели американских университетов попытались помочь Суперфину и создали в декабре 1973 г. Комитет по защите Габриэля Суперфина, куда вошли, например, автор первой монографии о формализме Виктор Эрлих из Йельского университета, мексиканский поэт Октавио Пас, преподававший тогда в Гарвардском университете, американский искусствовед литовско-еврейского происхождения Мейер Шапиро из

Колумбийского университета и др., Якобсон в этот совет не вошел. Это особенно бросается в глаза, если учесть публичное поведение других фигур, как в СССР, так и за рубежом. В открытом письме для главной норвежской газеты „Aftenposten“ за Суперфина заступился Александр Солженицын, а Виктор Эрлих опубликовал в июне 1973 г. статью в защиту Суперфина в „The New York Review of Books“ (Khronika Press [1974]: 12). Письмо с требованием освободить Суперфина подписали в марте 1974 г. также и представители советской интеллигенции, которые не могли знать при этом, чем именно они рискуют: за пять лет до того некоторые подписанты во время «процесса четырех» (в том числе и Суперфин) не смогли продолжать учебу или лишились работы (Лидия Чуковская, поставившая подпись в защиту Суперфина, скоро по совокупности причин будет исключена из Союза писателей; трудно было оценить и степень риска для тех, кто в то время как раз готовился к эмиграции, — Александра Галича и Павла Литвинова). Отдельное письмо отправили в международные организации физики-правозащитники Андрей Сахаров и Андрей Твердохлебов (Там же: 11)⁸.

Тем самым письмо Якобсона представляется случаем вторичного политического действия. Другим таким случаем можно считать инициативу Якобсона по поводу вручения Нобелевской премии чешскому поэту Ярославу Сейферту. Как стало известно из мемуаров физика Франтишека Яноуха (Janouch 1995), друга Андрея Сахарова и основоположника Фонда Хартии 77 в Швеции, Якобсон годами настаивал на Нобелевской премии для Сейферта и многократно писал шведской академии письма стилем, граничащим с пародией, в которых настаивал на том, что Сейферт — самый главный поэт в Европе и, скорее всего, во всем мире.

Якобсон умер за два года до присвоения Сейферту Нобелевской премии (1984), которая стала первой и до сих пор последней Нобелевской премией для автора, пишущего по-чешски.

8 См. публикацию Э. Комароми и Ф. Лекманова в наст. изд.

Якобсон как *homo (a)politicus*?

Роман Якобсон был членом ряда лингвистических кружков, начиная с московского в 1910-е гг., и именитым корифеем структурализма в лингвистике и литературоведении, поначалу в рамках так называемой «пражской школы» (Пражский лингвистический кружок провел свое первое заседание в октябре 1926 г.). Начиная с 1940-х гг., он являлся видным представителем американской славистики сначала в Колумбийском, а затем в Гарвардском университетах.

Большую часть своей жизни Якобсон наряду с чисто научной деятельностью был вовлечен в разнообразные политические контексты. Уже летом 1918 г. в качестве члена Московской диалектологической комиссии он участвовал в работе Народного комиссариата иностранных дел по вопросу о границах между Россией и Украиной с лингвистической точки зрения. В Чехословакии до конца 1920-х гг. он являлся сотрудником советского представительства, интересовался идеологией евразийства, внимательно изучал язык политических лидеров — Ленина и первого чехословацкого президента, социолога Масарика, — исследовал влияние революции на язык. Во время Второй мировой войны он был секретным сотрудником чехословацкого министерства иностранных дел и написал антигерманский трактат, являющийся филологическим и историческим оправданием чешской ненависти в отношении к немцам. После войны Якобсон сформулировал идеологию сопоставительного изучения славянского мира для программного учебного пособия Гарвардского университета (Jakobson 1953). Начиная с середины 1950-х гг., он регулярно посещал в качестве американского слависта Восточную Европу, выступал в академическом контексте, но поддерживал отношения как с американским, так и с советским посольством (по крайней мере, в Праге) и являлся предметом пристального интереса со стороны органов государственной безопасности. Как именно к нему относился КГБ, трудно сказать, поскольку его архивы до сих пор закрыты.

Политический и политизированный формализм

Как известно, формализм и структурализм разрабатывали категории, имманентные художественному произведению, — такие как прием, литературность (поэтическая функция), сюжет, остранение, поэзия грамматики, литературная эволюция (не сводящаяся к отображению исторических событий) и т. п. Научная доктрина, борющаяся против контекстуального детерминизма в филологии как по возможности точной и имманентной науке, одновременно на протяжении всего своего существования становилась крайне политической и политизированной. Политической — поскольку целенаправленно преследовала разнообразные политические программы и цели: авангардистски-революционные, в некоторых случаях евразийские, политически-языковые, философские. И, конечно, научные доктрины становились политизированными, так как все время своего существования превращались в объект политической концептуализации, использования в разных целях или даже предмет преследования, цензуры, запретов, причем не только со стороны советского режима и социалистических диктатур во время холодной войны, когда формализм надолго стал синонимом ошибочной, нежелательной, ложной стратегии — не только в теории, но и в практике художественного творчества. Идеологическая интерпретация научных доктрин существовала, безусловно, и со стороны западной, плюралистической демократии: достаточно вспомнить обвинения, предъявленные Якобсону маккартистами в Колумбийском университете во второй половине 1940-х гг., или попытки воспрепятствовать его научной карьере в Чехословакии межвоенного периода из-за его сотрудничества с советскими органами и институтами.

Политизированным кажется в конечном итоге и игнорирование в Западной Европе после 1948 г. выдающихся работ 1920–30-х гг. друга и коллеги Якобсона Яна Мукаржовского — кроме прочего, в связи с тем, что тот стал лояльным исполнителем идеологических заказов на высоких академических постах коммунистической Чехословакии и избегал контактов с Якобсоном.

Другой коллега и пражский соратник Якобсона Рене Веллек, работавший с 1935 г. в Лондоне, а с конца 1930-х гг. в США, удостоился

совершенно другой судьбы, а его интеллектуальный труд — другой рецепции. В 1949 г., т. е. в самом начале холодной войны, он издал учебник по теории литературы, который стал в мире как минимум на полстолетия самой влиятельной книгой своего жанра. «Политика» формализма и «пражского» структурализма, включая их на самом деле далеко не однозначную связь, была в этой политически значимой и по стечению обстоятельств канонической публикации установлена, казалось, раз и навсегда.

Полисемия документов

Все эти, по большому счету, давно известные соображения ретроспективно кажутся обостренно бинарными. Временное или пространственное расстояние и потребность упорядочить факты и знания склонны в мышлении и на практике к селективному и упрощающему пониманию и толкованию. (Архивные) документы обладают в этом плане исключительно подрывной, субверсивной силой, возвращают нас к истокам толкований, ставят под сомнение, как правило, упрощающие или обобщающие схемы и теории. Документы сингулярны и расшатывают таким образом лодку наших предрассудков, проекций и ожиданий по поводу готовых истин. Понятно, что документы можно по-разному интерпретировать, что они могут быть поддельными и что пишутся или фабрикуются они так же, как фиктивные тексты: в определенном жанре, с определенной установкой писателя, с учетом предполагаемого реципиента, с определенной целью, которой они подчинены как формально, так и своим содержанием. Но тем не менее документ — это, как правило, интервенция в наши упорядоченные представления, своего рода мементо.

Архив — это бесконечное количество не только сюрпризов, но еще и возможностей потерять равновесие относительно собственных и чужих взглядов, разоблачить любую схематичную уверенность. Документы часто срабатывают как мины, которые взрывают все вокруг, независимо от того, с какой целью там оказались кто-то или что-то. Архивариус — менеджер сюрпризов и переоценок, который противостоит готовым правдам и непротиворечивым изложениям действительности.

Документы нарушают и трансформируют наше знание и наши истины. Архив, множество документов — это не только накопление познания, но и его динамичное и перформативное толкование и переосмысление. Документ часто отсылает к из ряда вон выходящей позиции, которую в дальнейшем надо учитывать и задним числом включать в наше понимание предмета, хотя оно может не только углублять или расширять до сих пор существующую картину, но и ставить ее под сомнение.

Гражданская функция

Суперфин, гений архивирования и участник советского диссидентского движения, всегда, кажется, понимал архив как явление, потенциально подрывающее любые идеологические системы и любой истеблишмент, — неважно, был ли он при этом студентом советского университета, сотрудником американского «Радио Свободная Европа» или архивариусом немецкого Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете.

Якобсон, который в определенный момент выразил в частном письме готовность поддержать преследуемого советской властью Суперфина приглашением в американский университет, пытался формировать филологический канон выстраиванием академических и социальных сетей поверх идеологических барьеров. Многие, в том числе его брат Сергей или Владимир Набоков, беспощадно критиковали Якобсона за его контакты с советской номенклатурой и компромиссы при коммуникации с ней.

Якобсон, несмотря на свою бурную общественную и академическую деятельность, членство в десятках научных организаций, комитетов и редакций, за немногочисленными исключениями избегал прямых политических заявлений, хотя ему не угрожали опасные последствия. С 1920 г. вплоть до своей смерти в 1982 г. Якобсон никогда не жил на территории СССР, у него было с 1937 г. чехословацкое, с 1940-го норвежское и с 1952-го американское гражданство. Несмотря на эту обеспеченность своего рода иммунитетом, он никогда публично не высказывал своего мнения по политическим вопросам, в том числе

по поводу преследования деятелей культуры, науки или диссидентского движения, которые стали жертвами политически мотивированных репрессий в восточной Европе. Этот факт можно толковать по-разному: как генетический страх человека, который был, кроме прочего, евреем, родившимся в России, как защитную реакцию на террор, который убил многих хорошо ему знакомых людей во время сталинизма и Холокоста, причем не только в СССР. Так, коллег Якобсона Альфреда Бема или Петра Савицкого, его крестного отца, агенты СМЕРШ арестовали в Праге; первый просто исчез навсегда, и до сих пор не удалось установить ни место, ни время его смерти, а второй отсидел в ГУЛАГе 10 лет. В позиции Якобсона можно видеть и прагматические аспекты: его желание иметь возможность путешествовать в советский блок, культивировать там свои довоенные контакты, быть привилегированным участником местных академических элит в области гуманитарных наук — что ему удавалось, начиная с середины 1950-х годов. Его последний визит в СССР состоялся осенью 1979 г., когда Якобсон участвовал в симпозиуме по проблемам бессознательного в Тбилиси.

Якобсон никогда публично не комментировал даже оккупацию Чехословакии в 1968 году. При этом речь шла о стране, которую он не только очень любил, как он многократно подчеркивал, но и считал своей второй родиной (больше, кажется, чем США, где он прожил в два раза дольше и где добился многочисленных успехов). Именно в Чехословакии во время пражской весны Якобсон постепенно становился признанным кумиром: в 1968-м и последний раз в 1969 г. он приезжал с визитами, получал награды и выступал с лекциями.

Якобсон и Солженицын

Одно из любопытных исключений политического «нейтралитета» Якобсона представляет собой Солженицын — автор, политические взгляды которого воспринимались весьма проблематично как в советских диссидентских и литературных кругах, так и в эмиграции. С этим автором был лично знаком и связан Габриэль Суперфин, оказывая ему своими архивно-филологическими разысканиями помощь,

пока Солженицын находился еще в СССР и работал над «Красным колесом» в начале 1970-х гг.

В 1972 г. Филип Рав (или Рахв), редактор, автор и рецензент журнала „Partizan Review“ и „The New York Review of Books“, взял у Якобсона интервью, в рамках которого тот сказал, негативно оценив, точнее проигнорировав всю русскую прозу XX века после экспериментальной «прозы поэтов» Белого, Сологуба и Пастернака:

Solzhenitsyn is the first *modern* Russian novelist, original and great. His books, and among them especially *August 1914*, exhibit the unprecedented creative alloy of a cosmic epos with tragic catharsis and latent homily. The ethos of life-long temporal distance amplifies all three constituents of this last novel, heightens its tension and novelty, and bewilders the sluggish reader.

(Jacobson 1973: 326)⁹

Дальше следует пассаж, посвященный полемической реакции на критику Солженицына в СССР и, главным образом, в США. Советской рецепции посвящено лишь несколько пренебрежительных слов, она названа «тупым и жестоким преследованием мелкими чиновниками-бюрократами» („the dull and cruel persecution of the writer by red-tape underlings in his homeland“ — Jakobson 1973: 326). Причиной такого обращения с великим писателем названо не политическое содержание его прозы, а его „greatness“, величие (явно имеется в виду стилистическое). Дальше следует критика «отвратительных придинок» („morbid cavil“ — *ibid.*) не названных конкретно американских критических отзывов¹⁰.

9 «Солженицын является первым современным русским романистом, оригинальным и великим. Его книги, и особенно „Август Четырнадцатого“, представляют собой беспрецедентный творческий сплав всеобъемлющей эпопеи (с трагическим катарсисом) и скрытой проповеди. Своеобразие онтологической временной перспективы расширяет все три составные части этого последнего романа, усиливает его напряженность и новизну и сбивает с толку ленивого читателя» (Якобсон 1999).

10 Якобсон явно намекает на статью Николая Ульянова «Загадка Солженицына» (Новое русское слово. 1.08.1971. — Благодарю Якова Клоца за эту информацию).

Симптоматично, что Jakobсон анализирует одного из главных политических писателей эпохи Брежнева, не обращая внимания на то, о чем тот написал свой роман. Говоря об авторе романа, ученый употребляет почти банальные характеристики, обычно используемые журналистами: «оригинальный», «великий». Дальше он характеризует его произведение с точки зрения жанра — всеобъемлющая эпопея с трагическим катарсисом, скрытая проповедь. И в адрес давней к тому моменту традиции формализма появляется комплимент по поводу деавтоматизации читательского ожидания и остранения: «<...> сбивает с толку ленивого читателя». Главный упор Jakobсон делает на абсурдные упреки, напечатанные в американской эмигрантской прессе, в том числе, что книга — советская мистификация.

Политика в понимании Jakobсона — это преимущественно академическая и поэтическая политика, архаисты против новаторов, новое языкознание и литературоведение против старого — в рамках филологического сообщества. В каких идеологических и политических условиях это сообщество работало в Восточной Европе и как с некоторыми его представителями обращались власти вне и внутри профессиональной среды, он публично не комментировал.

В гостях у Лотмана

Социально-политическую сдержанность Jakobсона можно сравнить с аналогичной позицией Юрия Михайловича Лотмана, с которым его познакомили во второй половине 1960-х годов. Лотман, в отличие от Jakobсона, находился в зоне риска внутри советской системы, возглавляя самый, пожалуй, свободный в плане университетской и публикационной деятельности проект на территории всего СССР, как минимум в области литературоведения и семиотического изучения культуры, так называемую тартускую школу с ее легендарными «Трудами по знаковым системам» — лабораторию советской семиотики, филологии и культурологии.

Лотман не понаслышке знал, что такое лавировать в условиях советского государства, и способствовал изучению всех тем, которые можно было продвинуть и которые вызвали интерес вольного тар-

туского сообщества — будь то тексты Павла Флоренского, Игоря Северянина, Михаила Бахтина, Владислава Ходасевича или обэриутов. При этом Лотман не разрывал консенсуальных отношений с истеблишментом и не нарушал тех границ, в которых возможно было существование уникального тартуского проекта, на протяжении тридцати лет обеспечивавшего субверсивное интеллектуальное становление мирового уровня огромному количеству личностей, из которых многие стали выдающимися.

Контекст тартуской (или московско-тартуской) школы всегда являлся политическим в силу своего относительно диссидентского характера на эстонской окраине советской империи. Этот ее статус многократно описывался как самими участниками исследовательской и преподавательской деятельности тартуской школы, так и гостями и внешними наблюдателями, как отечественными, так и заграничными. Не случайно именно в Тарту попадали такие политически активные личности, как Габриэль Суперфин, поэтесса и диссидентка Наталья Горбаневская, будущие правозащитники Арсений Рогинский и Никита Охотин. Этот политический контекст всегда присутствовал наряду с филологическим или гуманитарно-исследовательским, даже когда предметом изучения были теория стиха или типология падежей.

В случае французского структурализма Барта, Фуко, Альтюссера, Деррида или Леви-Стросса их вовлеченность в политический дискурс не вызывает ни малейшего сомнения. Восточноевропейский аналог, тем не менее, до сих пор, как в «охранную грамоту», упакован в защитный механизм аполитичности самими его протагонистами. Срок годности этого конструкта давно истек: первое (аполитичность) неверно, а второе (официальная политизированность) не существует уже несколько десятков лет — по крайней мере, в том виде, от которого надо было тогда защищаться.

Негативный облик официозной политики в области гуманитарных исследований поглотил политическое значение научного дискурса, а ее узурпирующий характер фактически дискредитировал политическое измерение вообще. Нечто похожее, кстати, можно наблюдать и в диссидентском движении, которое, действуя политически, называло себя правозащитным: «неполитическая политика», как сформулировал в

своем эссе «Сила бессильных» (1978) чешский драматург, а впоследствии президент Чехии, Вацлав Гавел.

Ни Иосиф Бродский, приезжавший в Тарту читать свои стихи, ни православный теоретик Павел Флоренский, труды которого публиковали в «Трудах по знаковым системам», ни структуралистский марксист Ян Мукаржовский, которого в Тарту собирались публиковать сразу в двух томах в переводе выдающегося богемиста и друга Лотмана Олега Малевича, не являлись частью какой-то определенной программы. Они все приглашались и привлекались в Тарту как представители или носители ценностей, которые можно было бы трактовать и политически, при всех различиях между отдельными личностями и их взглядами. Такой подход бросает новый свет на, казалось бы, хорошо известные явления и контексты.

Якобсон, Лотман и Суперфин

Якобсон был эксплицитно политичен, как правило, в частной сфере коммуникации, в разговорах, реже в переписке. По понятным причинам доступ исследователей к этой сфере его наследия весьма ограничен и методологически проблематичен, поскольку, в частности, свидетельства людей, которые с ним общались и оставили о своем общении свидетельство, нельзя проверить. Но иногда мы все-таки получаем относительно надежное представление о взглядах Якобсона, даже когда он их не публиковал. Так, например, из протоколов чехословацких органов государственной безопасности известно, что при пражской личной встрече с искусствоведом Индржихом Халупецким Якобсон в 1957 г. сказал, что считает местную интеллигенцию самой ужасной из всех, с которыми ему приходилось встречаться в советском блоке, так как она выступает не против режима и не за режим, а лишь послушно служит власти (доложил сам Халупецкий)¹¹.

11 Akce Bor, 21.10.1957. Archiv bezpečnostních složek, fond 305 (Ústředna Státní bezpečnosti Praha), sign. 305-740-2. О визитах Якобсона в Чехословакию в контексте деятельности органов госбезопасности см.: Dittmann 2017.

Вторая область, в которой Якобсон проявлял себя политически, — паратекстовая. Заявления такого типа мы находим, скорее, не в самих его текстах, вошедших со временем в девять томов его избранных сочинений, а в текстах околонучных, в первую очередь в его переписке, как частной, так и рабочей (что иногда может совпадать).

Подход Суперфина к проблеме разделения политической и научной сфер отличается от якобсоновского или лотмановского. В нем нет стратегически выстроенной стены между профессиональной областью и личными, гражданскими позициями. Эта стена была очень продуктивна для карьеры и советского подданного Лотмана, и гарвардского профессора Якобсона. Лотман, возможно, не грешил против правды, когда во время допросов 1974 г. после того, как Суперфина сначала исключили из университета (в 1969 г.), а позже арестовали (1973), сказал (соответственно протоколу): «С политической стороны охарактеризовать Суперфина я не могу, так как мы никогда не беседовали с ним на политические темы»¹². Хорошо знавший его Александр Даниэль, историк диссидентского движения и сын писателя Юлия Даниэля, характеризовал отношение Лотмана к диссидентам и диссидентскому движению как «доброжелательно-ироническое»¹³.

В отличие от Якобсона и Лотмана, Суперфин не отделял филологию от политической активности. Ретроспективно он говорил: «В какой-то момент меня и моих друзей очень сильно стали волновать общественные вопросы. <...> В 1968 году после процесса над Гинзбургом, Галансковым, Лашковой и Добровольским я подписал письмо протеста против суда над этими людьми»¹⁴. Еще во время суда он говорил о том, насколько его в молодости вдохновил В. И. Вернадский, сочетавший блистательную научную работу с политической деятельностью в Кадетской партии¹⁵. Суперфин готов был беседовать на политические темы в том числе со следователями во время допросов, формулируя при этом однозначные заявления политического характе-

12 См. статью Татьяны Кузовкиной в наст. изд.

13 См. в наст. изд.: Мемуары, не сверенные с архивом: 1959–1970.

14 См. статью Татьяны Кузовкиной в наст. изд.

15 Khronika Press [1974]: 10.

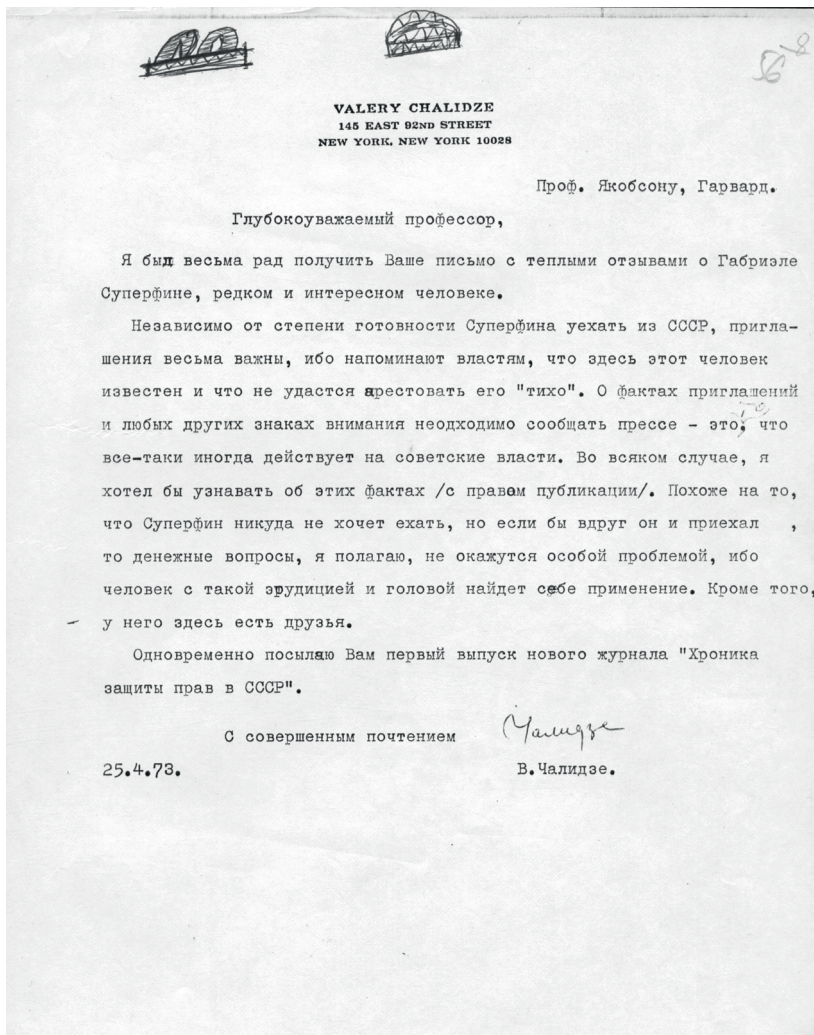
ра: «Суперфина спрашивали об его отношении к событиям в Чехословакии. Он отвечал, что „по этому вопросу имеет собственное мнение, которое заключалось в том, что он не осуждал действия реакционных элементов в Чехословакии“»¹⁶.

Лотман тоже не осуждал, но не должен был и не хотел, да в определенном смысле и не мог об этом публично говорить или писать. Он присутствовал при волне протестов в Тарту после советской оккупации Чехословакии поздним летом 1968 г., в Чехословакии у него к тому времени были уже несколько лет личные связи и близкие друзья (командировка в Прагу в 1967 г. была его первой заграничной поездкой). Не должен был и не хотел ничего говорить и американец Якобсон, который во время вторжения даже лично был в Чехословакии (и сразу же бежал в Вену). Однако письмо Чалидзе показывает, что политическое поле — пусть и вторичное — в его поступках было.

Несмотря на наличие или отсутствие прямых высказываний, которые всегда являются обусловленными и индивидуально, и контекстуально, случай письма Якобсона в защиту Суперфина недостаточно трактовать как мелкий полузабытый документ. Его ценность состоит не в том, что Якобсон хорошо относился к Суперфину и ценил его способности как исследователя. Гораздо важнее целый пучок вопросов, на которые нет готовых ответов, но которые, к сожалению, остаются злободневными и сегодня.

Насколько политичными являются академические занятия в сфере гуманитарных наук — особенно во время авторитарных режимов, цензуры и идеологических манипуляций? Является ли отсутствие артикулированной политической позиции политическим явлением? И насколько мы (должны быть) готовы переосмыслять собственные концепции истории и теории филологии на основе архивных материалов, заставляющих нас снова или по-другому задуматься над интеллектуальным наследием прошлого столетия, интригующим нас, однако, по сей день?

¹⁶ Там же.



Илл. 2

Письмо В. Н. Чалидзе Р. О. Якобсону. 25 апреля 1973 г.
Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 101. Оп. 1. Д. 488в. Л. 56.

Литература

- Светликова И. Ю. (2005): Истоки русского формализма. Традиция психологизма и формальная школа. М.: Новое литературное обозрение.
- Троцкий Л. Д. (1924): Литература и революция. М.: Государственное издательство.
- Якобсон Р. О. (1999): Заметки об «Августе Четырнадцатого» / Перевод с англ. Т. Т. Давыдовой // Литературное обозрение. № 1. С. 19.
- Якобсон Р. О. (2011): Формальная школа и современное русское литературоведение / Сост. Т. Гланц. М.: Языки славянской культуры.
- Aroutunova B.; Jakobson R. (1972): An unknown album page by Nikolaj Gogol // Harvard Library Bulletin XX (3), July. P. 236–254.
- Derrida J. (1994): Politique et amitié. Paris: Éditions Galilée.
- Derrida J. (1995): Mal d'archive: Une impression freudienne. Paris: Éditions Galilée.
- Dittmann R. (2017): Jakobsonova první poválečná návštěva Československa roku 1957 ve světle archivů StB // Bohemica Olomucensia 2/IX. S. 8–54.
- Jakobson R. (1953): The Kernel of Comparative Slavic Literature. Harvard Slavic Studies 1.
- Jacobson R. (1973): Note on *August 1914* // Aleksandr Solzhenitsyn: Critical Essays and Documentary Materials / Ed. by J. B. Dunlop et al. Belmont (Mass.): Nordland Publishing Company. P. 326–327.
- Jacobson R. (2014): [Review of M. P. Štockmar] // Jacobson R. Selected Writings IX. Uncollected Works, 1916–1943. Part II, 1934–1943 / Ed. by Jindřich Toman. Berlin; Boston: De Gruyter. P. 35–54.
- Janouch F. (1995): Šel básník chudě do světa. Nobelova cena pro Jaroslava Seiferta. Praha: Český spisovatel.
- Khronika Press [1974]: To Defend Superfin. New York: Khronika Press.
- Novomeský L. (1967): S avantgardou a v avantgarde (Poznámky pri sedemdesiatinách Romana Jakobsona) // Slovenská literatúra. Vol. 14, No. 1. P. 3–10.

Гриша Фрейдин

Обед и беседа с Генри Киссинджером осенью 1974 года

Я с Гариком знаком с 1961-62 г. благодаря моей сестре Марианне Фрейдин и ныне покойным Виктору Марковичу Живову и Александру Сумеркину. Гарик был старше меня, но в общении был прост и радушен. Мы подружились, несмотря на разницу в возрасте, что в юности имеет значение, и он стал одним из самых близких мне людей и отчасти наставником.

Вместе с ним я прошел путь от чтения потаенных книг (почему-то в голову приходят воспоминания Н. Валентинова «Встречи с Лениным» и издания УМСА в Париже), в чем он был моим Вергилием, знакомств и дружбы с художниками-неформалами (Эрик Булатов? Лианозовцы?) и вообще московской молодой и не очень молодой богемы (поэты Гена Айги, Наташа Горбаневская, «букинист» Саша Васильев, Алик Гинзбург), до самиздата, закрытой поэзии (Цветаева, Мандельштам, Пастернак), запрещенной политической литературы («Технология власти» Авторханова), пикетов у зданий, где судили диссидентов («процесс четырех» в 1968 г.), и подписания протестов. Когда вспоминаю юность, то кажется, что она во многом состояла из наших с Гариком бесконечных прогулок-разговоров по бульварам Москвы с обязательными зигзагами в букинистические магазины.

Как-то, еще до 1968 г., на Гоголевском бульваре зашел разговор о политике. Я по-обывательски отмахнулся — мол, скучное дело, а Гарик меня осадил и сказал очень серьезно: «Надо знать — пригодится, когда надо будет брать власть». Меня эта фраза ударила, как электрический шок. Я до сих пор помню и слова, и как они меня вывели из совкового ступора — заставили задуматься о зыбкости и рукотворности власти и навсегда изменили мой кругозор.

Я помню историю с поступлением Гарика в МГУ. Об этом тогда говорила «вся Москва», как и о просьбе В. В. Иванова к Лотману принять Гарика в Тарту. Со мной произошла аналогичная история. По моему сочинению, как сказал один экзаменатор (Милославский) пришедшей просить за меня моей начальнице по лингвистической лаборатории, где я работал тогда (Златоустова), было «видно, что писал нерусский». В Тарту я тогда не поехал. У меня уже была семья, и я так и остался без диплома до отъезда в Америку. Во время учебы Гарика в Тарту мы переписывались, но встречались редко и только во время его наездов в Москву. У Гарика сохранились кое-какие из моих писем. У меня, к сожалению, нет.

После Праги 1968 г. все обострилось, интеллигенция раскололась на правозащитников (я в их числе) и националистов разных этнических групп (сионисты, русские, украинцы, татары и дальше по списку...). Богемное наше бытие незаметно политизировалось. Крах Пражской весны под советскими танками показал, что время реформ кончилось и началась жестокая реакция, заставлявшая определяться. Я помню, как я вышел на работу утром 21 августа 1968 г. (уже объявили о вторжении), посмотрел на безразличный поток, вливающийся в метро на Белорусской, и сказал себе: это — конец, дальше так жить нельзя. Уверен, не я один. А те, кто вышел тогда на Красную площадь «за нашу и вашу свободу», принесли за всех нас непомерную жертву.

Я знал, что Наташа Горбаневская и Гарик редактировали «Хронику». Иногда, когда я заходил к моей бывшей жене Маше Слоним (кузине Павла Литвинова) на Бутырский вал, я заставал Гарика и Машу в облаках табачного дыма за печатанием экземпляров «Хроники». Знал я также, что Гарик в свое время собирал материалы для Солженицына и Роберта Конквеста. Последний, с которым я был неплохо знаком в Стэнфорде, это очень ценил.

У меня был хороший английский, я работал после школы лаборантом в МГУ. А с 1967 г. я перешел переводчиком-МНС'ом в Информэлектро, где по роду службы (мне был поручен американский электробизнес) имел свободный доступ к англоязычной прессе. Я тогда же начал печатать мои переводы рассказов Ивлиана Во. Помимо моего увлечения русской литературой и историей, у меня был большой ин-

терес к литературе и жизни в Англии и Америке, а это привело меня к знакомству и дружбе с американскими и английскими студентами, учеными и журналистами. Такие знакомства были характерны для моей среды.

Так осенью 1970-го я познакомился с моей будущей женой Викторией Боннелл, которая тогда была аспиранткой по политическим наукам Гарвардского университета и собирала материалы о рабочем движении в России. Мы поженились в мае 1971 года. Ей в мае отказались продлить визу, ее фактически выдворили из страны, несмотря на наши петиции к Подгорному, которые с азартом и юмором нам помогали составлять Валерий Чалидзе. Нас разлучили, но вдруг, к большому нашему удивлению, в сентябре меня отпустили к ней в США на постоянное жительство. На загранпаспорте стоял штамп: действителен до 31 февраля 1973 года. Полагаю, обошлось не без Киссинджера, который тогда вел переговоры с Брежневым, в том числе о «воссоединении семей», т. е. ослаблении фактического запрета на выезд из СССР. Мужей, как я помню, вообще не выпускали. Я оказался пробным камнем (у жены были связи в Вашингтоне). Пришлось три недели ждать американской визы. Я тогда очень опасался, что мной может заинтересоваться КГБ из-за моей дружбы с Гариком и Володей Тельниковым. Но обошлось, и Гарик был у меня на проводах в аэропорту 21 сентября 1971 года. В 1972 г., уже в Америке, я поступил в аспирантуру по славянской филологии в Калифорнийском университете в Беркли.

Я знал, что над Гариком собираются тучи. Казалось, пора было эмигрировать. Такое по израильскому вызову стало тогда возможным. Помню, в виде грубого намека я послал Гарику открытку с видом на бывшую тюрьму на острове Алькатрас. По-моему, он тогда принял это как злую шутку. Но мне удалось убедить заведующего нашей кафедрой профессора Хью МакЛэйна (Hugh McLean) послать Гарику приглашение прочитать курс лекций не то осенью 1972-го, не то весной 1973-го. Глеб Петрович Струве знал о Гарике через профессора Роберта П. Хьюза. Официальное письмо с приглашением от имени кафедры мы отправили, что было дальше, не помню: то ли оно до Гарика не дошло, то ли он не успел им воспользоваться до ареста. До сих пор, хотя мы и на

связи, мне не пришло в голову у него спросить и уточнить. Вскоре его арестовали, и пришло время заботиться о посылках в лагерь.

Еще в Москве я был знаком с главой бюро журнала «Тайм» Джеррольдом Шехтером (Jerrold Schecter), и мы возобновили наше знакомство летом 1972 года. Тогда Джерри пригласил меня работать над транскрибированием и переводом, вместе со Струобом Толботтом, второго тома воспоминаний Хрущева. На этот проект у нас ушло два года, точнее, два лета — одно в Вашингтоне в доме Шехтера и его коллеги, а второе — в Огайо под Кливлендом в имении родителей Струоба. Работали 24/7. Это был мой самый удивительный курс по русской истории. Джеррольд Шехтер, легенда среди журналистов в Вашингтоне и дорогой друг, ушел от нас недавно в возрасте 90 лет.

Я хорошо знал Валерия Чалидзе и его жену Веру в Москве, и мы с радостью возобновили нашу дружбу, когда я их встретил в аэропорту в Нью-Йорке в 1972 году. Не помню точно, но думаю, это было осенью 1972 года. Мы вторично увиделись через несколько дней в Вашингтоне, когда мы с Джерри пошли на пресс-конференцию Чалидзе в университете Джорджтаун. Чалидзе тогда заявил, что политзаключенных в СССР пытаются голодом, как припоминаю, 800 килокалорий в день. После этого выступления сотрудники посольства СССР изъяли у Чалидзе паспорт и вынудили его остаться в США.

Это было время (1972–74), когда горячо обсуждалась будущая поправка Джексона-Вэника, ограничивающая торговлю с СССР из-за запрета на выезд. За поправкой стояли правозащитники, политические деятели (тогда гражданские права были в моде у обеих партий) и еврейские организации. Все вместе сильно тормозило нормализацию отношений между двумя странами: хочешь детанта — отпусти «мой народ». Поправка мешала политике детанта, которую Киссинджер и Никсон начали проводить в начале 1970-х. Им казалась перспективной «либерализация СССР» через нормализацию отношений. Поправка стала камнем преткновения.

Джерри Шехтер, отчасти по должности (он был тогда дипломатическим корреспондентом «Тайм») дружил с Генри Киссинджером, играл с ним в теннис и, естественно, обсуждал насущные вопросы международной политики, в том числе и поправку Джексона-Вэника. Как-то

в это же время Строуб Толботт, которому отказали в аккредитации в Москве из-за мемуаров Хрущева, работал на «Тайм» в Вашингтоне. Он оказался в пуле корреспондентов, сопровождавших Киссинджера. Киссинджер только что прочитал Солженицына (?) и в процессе разговора со Строубом стал его расспрашивать о правозащитном движении.

Правозащитники для Киссинджера были одним из лоббистских факторов, которые он должен был принять во внимание при формулировке политики США в отношении СССР. Так возникла идея познакомиться его с представителями диссидентского движения. И Строуб, и Джерри были хорошо знакомы с Павлом Литвиновым, Валерием Чалидзе и, естественно, со мной (хотя я был периферийной фигурой по отношению к большой правозащитной политике, каковой был основанный Чалидзе в 1970 г. Комитет прав человека в СССР). Киссинджер принял предложение, и Джерри устроил обед-смотрины для Киссинджера. Точной даты я не помню, но переговоры в Конгрессе длились с 1973-го по 1974 г. и увенчались голосованием в начале 1975 года. Скорее всего, встреча состоялась в сентябре-октябре 1974 г., до того как были достигнуты основные договоренности между Конгрессом и Киссинджером и после суда над Гарриком (май 1974 г.).

Все это преамбула, необходимая для комментария к заметке Павла Литвинова¹.

На обед мы, конечно, явились заранее, и я помню, что был разговор-подготовка. Было решено просить за Суперфина и Буковского как за представителей двух полюсов правозащитного движения. Павел это хорошо запомнил. Наконец появилась охрана, на кухне они опробовали все, что наварила Леона Шехтер, а за ними, как мне казалось, в нимбе появился Генри Киссинджер с женой выше его на две головы.

За обедом, главным образом, обсуждалась поправка Джексона-Вэника и то, как она повлияет на ситуацию внутри СССР: либерализация режима или его ужесточение. Поправка явно была болезненной занозой для Киссинджера, поскольку она усложняла его политику де-

1 Воспоминания Павла Литвинова см. в «Мемуарах, не сверенных с архивом: 1970–1983».

танта. Казалось, что поправка неминуема. Помню, меня поразило, когда Киссинджер сказал: это мы принимаем закон, и мы же можем его отменить. Я впервые реально осознал, что законодательством занимаются люди, а не боги (или черти). Мне до этого не приходилось витать в таких сферах, где это само собой разумелось.

Не знаю, лоббировал ли Киссинджер за Гарика, когда ездил с очередным визитом в Москву. Гарик точно был в первоначальном списке. Но вошел ли он в окончательный, я не знаю. Джерри Шехтер говорил, что «Генри любит ставить на лошадей, у которых хороший шанс выиграть забег». Но за мою бывшую жену Машу Слоним и нашего сына Антона Киссинджер просил, и, благодаря ему, им удалось «воссоединиться с семьей» и выехать в Америку в 1974 году.

С тех пор прошли годы, мы изредка переписывались с Гариком, заново встретились на конференции в Бостоне уже в новом веке, а потом не раз в Париже. Опять гуляли по бульварам и заходили в книжные магазины. Было хорошо, как раньше.

Зорян Попадюк

Во Владимирской тюрьме

В ноябре 1975 г. меня привезли во Владимирскую тюрьму на три года, из Мордовии, из зоны 17-й. И в камере, куда меня привели, во втором корпусе, я застал Гарика. Я был очень изможденным и слабым, у меня сердце пошаливало сильно.

Что меня поразило с первых минут: я зашел в камеру и начал представляться, а Гарик меня остановил и дальше все мои данные на память сказал. Он архивист, у него все записано.

В лагере знали о его аресте и занятиях, его имя было на слуху.

Маленький, а курил какую-то самокрутку. Я посмотрел — эта самокрутка больше его. Через два дня Гарик бросил курить. Я решил, что, наверное, потому, что с сердцем у меня плохо.

В камере еще был Зиновий Антонюк¹, известный в Украине диссидент. Были Андрей Турик², Володя Балахонов³. 3-4 человека всегда

-
- 1 Антонюк Зиновий Павлович (1933–2020) — инженер-экономист (Киев); распространитель самиздата, в т. ч. журнала «Украинский вестник», с 1972 г. политзаключенный, участвовал в учреждении Дня политзаключенного и борьбе за статус политзаключенного, в 1979–1981 гг. отбывал ссылку в Иркутской области. В 1992–1996 гг. член Комиссии по восстановлению прав реабилитированных.
 - 2 Турик Андрей Маркович (1927–1980) — участник украинского национального движения, узник сталинских лагерей (1950–1956), политзаключенный (1957–1980). Умер в тюремной больнице, похоронен на лагерном кладбище.
 - 3 Балахонов Владимир Федорович (1935–1989) — переводчик, сотрудник секретариата Всемирной метеорологической организации при ООН (1969–1972), в 1972 г. решил не возвращаться в СССР, в том же году вернулся по ложному вызову от жены и был арестован. Политзаключенный с 1973 г. по 1985 г., несколько месяцев жил под надзором в Тарусе и был арестован повторно. В 1988 г., после освобождения, эмигрировал в Швейцарию.

было, кроме нас. А Буковского к нам привели в конце ноября 1976 г., мы были в десятой камере, временно нас перевели. Они знакомы были с Гариком по Москве. Мы сели чай пить, и Володя говорит: а помнишь — книжка такая-то, на какой странице было то-то? Гарик ему с ходу отвечает. Один такой вопрос, потом через несколько минут еще похожий. Гарик оскорбился: ты что, проверяешь меня? Володю забрали из нашей же камеры на обмен с Корваланом, тоже в декабре. Мы не знали ничего, на второй день выходим на прогулку — заключенные из других камер кричат: «Вы знаете, где ваш Буковский? Уже по радио интервью дает».

Владимирская тюрьма — режимная тюрьма. Прогулка один час в день, а все остальное время камерный режим. В камере человека 3-4, 5-6. Но я был в камере, где и 15 было.

В камере сидели те, кто отказывался работать — написали заявления, что они политзаключенные и на принудительный труд не согласны. Явочным порядком заключенные объявляли себя политзаключенными, отказывались от работы, их сажали в карцер периодически: с 4-го этажа, где мы были, опускали на нижний этаж в карцерное помещение, камера маленькая, 2 × 1,20 м. И в этом каменном мешке — карцер. Во Владимире не было такого понятия — «строгий режим», могло быть лишение права на письмо.

Во Владимире было два письма в месяц, и в лагере было два письма в месяц. Но во Владимире мы были на штрафном учете, мы не работали, у нас был режим — одно письмо в два месяца. Длину никто не ограничивал. Были и свидания: на полчаса, на сколько-то минут. Мне дали свидание с матерью, как раз когда Володя Буковский вышел, — и мать что-то хочет сказать о моем знакомом, тоже Володе, а те запретили сразу говорить о любом Володе.

В камере разговаривали все, никто на это не обращал внимания, свободно было в этом смысле. На первых порах мы много между собой спорили: разные моменты истории украинско-российских отношений. Но в целом камерная жизнь — это книжки.

Книжки — это было довольно просто. Во-первых, «Книга почтой». «Книжное обозрение» получали: газетка, все новенькое можно было купить. Из библиотеки тюремной книжки возили по коридору, книж-

ки меняли. Вижу как-то — книга на литовском языке: «Один день Ивана Денисовича». Я взял, держал около месяца, за это время сумел через «Книгу почтой» купить словарь, учебник литовского языка. Гарик знал эстонский язык, он получал газеты из Тарту, из Таллина, тоже на непонятном языке читал. Книжки, разговоры интересные, радиоточка с 7.00 до 22.00, еще так громко: все узнавали, что делается в Советском Союзе, все можно было угадать. Еще новости были от тех, кто ходил на свидания. Был случай в лагере 19-м — у одного из заключенных был радиоприемник, на котором можно было «Голос Америки» слушать.

У нас с Гариком была общая акция. У нас отобрали практически все книжки из камеры: было правило, что должно быть не больше пяти книг у каждого политзаключенного, и они провели этот обыск и забрали кучу книг. Мы тогда объявили голодную забастовку, то ли 17, то ли 16 дней голодали, и в один день открылись двери, и нам вывалили из мешков все наши книжки.

Каждый год 10 декабря, в день прав человека, зэки объявляли голодную забастовку с письмами протеста и обращением по каким-то адресам. 12 января, в годовщину арестов 1972 г. в Украине. В день создания Советского Союза.

Акции, когда заключенные подписывали общее письмо, как правило, начинались в лагере. Были люди, которые сразу подписывались. Мог человек заранее договориться, что в таких документах будет его подпись.

Был такой выходящий из ряда случаев. Пришел наш начальник отряда. Хотя какие там отряды во Владимире — он курировал камеру. Он начал говорить: Гарик, у тебя старая мать, а ты в акциях участвуешь. До того договорился, что тот чуть не попал, еще чуть-чуть — и начальник получил бы пощечину хорошую. Как-то обошлось, никто не наказывал.

Межкамерная связь выглядела очень просто. Все санузлы связаны между собой, и, когда спускали воду из унитаза, можно было еще кого-то услышать, если он в то же время это делал, и можно было поговорить. Такое было часто. У нас по соседству в камере, в 4-м корпусе,

был Юра Шухевич⁴ — мы с ним переговаривались очень часто, или через стенку стучали азбукой Морзе, там была щель от трубы, которую двигали, штукатурка осыпалась, дырочка образовывалась маленькая, через которую можно было говорить.

В верхнюю форточку просовывали то, что надо было написать, и на веревочке на нитке опускали свой текст, кто-то его ловил. Эти будни я изучал, а Гарик уже собаку съел.

Один раз мы были в камере, где было почти 15 человек, и пришло время отовариваться — раз в месяц в этот ларек можно было давать только те деньги, которые заработаны в лагере, там же что-то платили. Гарик: у меня нет заработанных денег, я на них купил книги, газеты, мне назад часть денег прислали, значит, они не из лагеря. Мы его подговаривали всей камерой, что это заработанные деньги. Открывается кормушка: у вас деньги заработанные? Он начинает объяснять долго, мы ему машем, что да, заработанные, но не получилось у него. Излишняя честность.

Мы были в общей сложности около трех лет вместе, но было время, когда я был отдельно. Из Владимира ушел последний я. За пару недель до того, как из Владимира всех должны были перевести в Чистополь, меня посадили в карцер. Кажется, Гарик уехал в ссылку из Чистопольской тюрьмы.

4 Шухевич Юрий-Богдан Романович (1933–2022) — сын главнокомандующего Украинской повстанческой армии Романа Шухевича (1907–1950); политзаключенный, провел в лагерях и тюрьмах около 30 лет. После освобождения — политик, один из активных участников создания Украинской межпартийной ассамблеи (позднее — Украинской национальной ассамблеи), ее председатель (1990–1994, 2005–2014), народный депутат Украины VIII созыва.

Мемуары, не сверенные с архивом: 1983–1994 (Мюнхен)

Беседа И. Кукуя и А. Шибаровой с Сюзанной Франк

Сюзанна Франк-Килнер — сотрудница отдела самиздата на радиостанции «Свобода» в Мюнхене (1973–1995). Закончила отделение славистики Лондонского университета. Супруга Василия Семеновича Франка (1920–1996), младшего сына философа С. Л. Франка. В доме Франков Г. Суперфин жил во время своей работы на радиостанции (1983–1994).

Беседа состоялась 2 февраля 2023 г. в доме С. Франк на Винкельмозерштрассе, 4.

Илья Кукуй: Сюзанна, Гарик появился в Мюнхене в 1983 году. То есть ты уже 10 лет работала на «Свободе» к тому времени?

Сюзанна Франк: Да, я пришла на радио в 1973-м.

Анна Шибарова: Расскажи, как это было.

С. Ф.: В 1972 году летом, еще студенткой, я работала на радиостанции «Свобода». У нас с Васей уже начинались отношения. Я жила в Лондоне у Васиной сестры Натальи¹, когда

¹ Наталья Семеновна Франк (по первому мужу Скорер, по второму Норман; 1912–1999) — дочь С. Л. Франка, преподаватель русского языка в Лондонском университете.

училась в SSEES — School of Slavonic and East-European Studies, — потому что ее муж Питер Норман был одним из моих преподавателей. Так мы познакомились с Васей. Потом Васин старший брат Виктор², один из старших комментаторов на радиостанции (у которого я за год до этого была чем-то вроде au-pair), помог мне устроиться на практику в Мюнхене. В том же году Виктор скончался, а я уехала работать переводчиком на пароход «Шота Руставели». Это был советский корабль, который возил иностранных туристов в Австралию. И я, уезжая, спросила, будет ли возможность, когда я вернусь, работать на радио. И они сказали: «Да-да, конечно, мы вам дадим работу».

И. К.: А когда Гарик появился, он для тебя уже был каким-то знакомым именем? Какое у тебя было о нем представление? Он же был не единственной человек, о котором ты сначала, наверное, что-то читала, слышала, имена были в бюллетенях «Материалов Самиздата». А потом эти люди, эмигрировав, приезжали сюда, и ты видела их лично.

С. Ф.: Моя работа была связана именно с политзаключенными. У нас был архив иностранной печати и источников про инакомыслие в Советском Союзе, и была картотека — кто когда арестован или осужден, где сидел, когда освобожден, если это происходило... Конечно, я знала про него.

И. К.: Его процесс проходил как раз в начале твоей работы на радиостанции. Это ведь 1974 год?

С. Ф.: Арестовали Гарика в 1973-м, а процесс был в 1974-м. С конца 1970-х многие бывшие зеки начали приезжать в Мюнхен: Буковский, Амальрик, Любарский. Буковский появился значительно раньше Гарика. Я помню, что он был обменен, как раз когда мы с Васей венчались,

2 Виктор Семенович Франк (1909–1972) — старший сын С. Л. Франка, радиожурналист, литературный критик. См.: Памяти Виктора Франка. 13.4.1909–2.9.1972. Лондон, 1974.

то есть в 1976-м. Когда потом в Мюнхене появился Гарик, мы с семьей были в отпуске. Я вернулась на работу в июле. И он уже бывал там, почти каждый день в нашем отделе. Галя Салова — это жена Любарского, которая работала у нас в отделе, — представила: «Вот это Гарик Суперфин». И я была очень удивлена. Такой маленький, молоденького вида, в коротких шортах, потому что жаркое лето было, худенький, с черными усами... Тут же предложил перейти на «ты», что меня тоже удивило. Через какое-то время я позвала его домой, вместе с Мартином Дьюхирстом³ — это английский ученый, который иногда у нас на радиостанции работал, из Глазго. Я их вместе пригласила: я знала Мартина и думала, что это будет легче как-то, потому что Гарик не очень ловко себя чувствовал в компании. Хотя я вряд ли знала это тогда... В общем, они пришли к нам вечером поужинать. Я помню, дети были маленькими, Нике вообще был только год. Вскоре Гарик должен был найти, где жить. И как-то так получилось, что мы предложили ему свободную комнату у нас, где раньше жила Васина мама. Гарик был доволен, и, в общем, так началась его мюнхенская жизнь.

Постепенно к нему начали приезжать друзья, сначала те, кто был уже за границей. Например, Маша Слоним с ее лордом — она ведь тогда стала леди Филлимор⁴. Они с Гариком были очень близки. В России Маша, по-моему, единственная, помимо мамы Гарика, была пропущена на суд. То, что она написала про суд, было опубликовано в «Хронике текущих событий»⁵. Потом приезжал Буковский. Я помню вечер, когда все собрались в нашей квартире, потому что у нас была очень большая гостиная. Кроме Буковского, пришли тогда и Кронид Любарский, и Егор Давыдов, они все сидели вместе во Владимирской тюрьме. Еще был Эдуард Кузнецов. Он был осужден за то, что планировал угон

3 Martin Dewhurst — историк, филолог, переводчик, преподаватель Университета Глазго (Шотландия). В 1970–1990 гг. в качестве специалиста по самиздату сотрудничал с радиостанцией «Свобода».

4 Мария Ильинична Слоним в 1983 г. вышла замуж за барона Роберта Филлимора.

5 Дело Суперфина // Литературные дела КГБ. Дела Суперфина, Хейфеца, Марамзина. В приложении: документы о советской цензуре. Под ред. В. Чалидзе. Нью-Йорк: Хроника, 1976. С. 3–21.

самолета. Лариса, его тогдашняя жена, тоже работала на радиостанции, диктором. Появлялись такие люди, как Виктор Файнберг⁶. Он недавно умер, 90 лет ему было.

Когда началась перестройка, начали приезжать люди из СССР. Первым, по-моему, появился Александр Чудаков (см. илл. 1)⁷. Насколько я помню, почему-то надо было молчать, что он тут. Его привели Рената Деринг и Игорь Смирнов⁸ и сказали, что лучше не рассказывать на радиостанции, что он приехал.

И. К.: Почему?

С. Ф.: Ну, еще не было такого свободного передвижения.

И. К.: Чтобы потом в трансляции на радио не прозвучало, что он здесь?

С. Ф.: Я думаю, да, потому что он приехал, наверное, в качестве ученого в университет, а не как потом люди приезжали — на радиостанцию выступать. Ну и мало ли что они думали, что может произойти. Жены его, Мариэтты, с ним тогда не было. Она приезжала, но потом. И меня тогда в Мюнхене не было. Гарик в наше отсутствие один жил, у него бывали всякие гости — на этой фотографии Осповат, например (см. илл. 2)⁹.

6 Здесь и далее см.: иллюстрации в приложении.

7 Виктор Исаакович Файнберг (1931–2023) — филолог, диссидент, участник демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 года.

8 Йоханна Рената Дёринг (р. 1944) — профессор Института славянской филологии при Мюнхенском Университете Людвиг-Максимилиана; Игорь Павлович Смирнов — профессор Констанцкого университета.

9 Примечание А. Л. Осповата: «В ноябре–декабре 89-го большей частью я обретался в доме семьи Франк и Гарика. Вечером 29-го ноября Лина по телефону из Москвы сообщила о смерти Натана Эйдельмана. (Он не раз предрекал, что, подобно героям своих книг — Карамзину и Лунину, — не доживет до бо.) Гарик почти сразу велел мне сочинить короткий текст, а сам, проявив отменную деловую хватку, договорился о внеплановом ночном эфире на „Свободе“. По дороге в Английский парк он сказал: „Услышишь одно тре-

И. К.: Но это уже здесь, в этом доме наверху.

С. Ф.: Да, фотографии почти все сделаны здесь. Мы переехали в 1986-м, в мае, и шла речь о том, будет Гарик с нами или нет. Было решено, что да, он может помочь как-то с оплатой кредита. У нас уже было двое детей.

А. Ш.: Они уже большие были? Когда они родились?

С. Ф.: Павлик родился в 1979-м, а Ника в 1982-м... Из друзей Гарика довольно рано приехали Неклюдов, Рогинские из Питера и Тименчики из Москвы (см. илл. 3-4).

И. К.: А приходили в дом в основном филологи? Потому что я вижу, что на фотографиях фактически исключительно литературоведы. Вот тут Охотин, например, а здесь Азадовский (см. илл. 5-6).

С. Ф.: К Гарикю приходили, конечно, люди из его круга. Бывали также Васины родственники, физики Франки из Москвы. Но почему-то фотографий нет... Люди иногда кучками приезжали. Вот на этой фотографии с Охотиным и Гариком — Вадим Борисов, он в то время, по-моему, был редактором в «Новом мире», Пастернаком занимался. Он погиб потом... (см. илл. 7). А на этой фотографии — Живов и его жена Маша Поливанова (см. илл. 8). К сожалению, нет фотографии сестры Гарика, Лилии, которая тоже гостила несколько дней. Бывали и знаменитые гости, такие как сын Пастернака Евгений, актер Алексей

бование — ни слова о политике⁶; в короткой беседе с руководящим чиновником радиостанции, который сидел той ночью на дежурном деле, я сразу выпалил: „Not a word about politics“, после чего был отпущен готовиться к передаче. Гарик и его коллеги сработали четко и с размахом. Формат предусматривал переключку трех городов: Мюнхен — Париж (Фатима Салказанова) — Москва (Юлий Крелин); разумеется, никто из троих не ведал, как и о чем будут говорить другие. Когда всё закончилось, я ожидал одобрительного слова, но Гарик не изменил себе: „тебе — тройка“. Потом, хохотнув, мой продюсер добавил: „По знакомству — четверка с минусом“ (письмо О. Розенблюм от 8 июля 2023 г.).

Баталов или Лотманы (см. илл. 9), хотя последние не жили у нас: Юрий Михайлович был приглашен университетом или получил стипендию Гумбольдта, и им дали квартиру на Каульбахштрассе в Швабинге. Когда Лотман заболел, Вася срочно отвез его к врачу и помогал ему¹⁰.

И. К.: Скажи, а обязанности Гарика на «Свободе» сразу определились? Или сначала было непонятно, чем он будет заниматься?

С. Ф.: Хороший вопрос... Ну, во-первых, у нас был постоянный отдел самиздата.

И. К.: Ты в нем и работала, собственно?

С. Ф.: Да. Сначала это был только один человек, замечательный американец Питер Дорнан¹¹. Потом я к нему присоединилась.

И. К.: А как выглядел этот отдел? Это была одна комната?

С. Ф.: Вначале это была одна комната с картотеками и металлическими filing cabinets, шкафами с документами. Потом мы получили вторую комнату. Позднее даже было три, когда Гарик был взят на работу.

А. Ш.: Это было в главном здании на Оттингенштрассе?

С. Ф.: Да. Тогда присоединились Марио Корти¹² и одна коллега, уже покойная, — тоже как бы секретарша, или ассистентка, как я. Потом пришли Галина Салова, тоже постоянно, и машинистка Римма. Я думаю, Гарик вначале был просто в статусе консультанта, но потом его довольно быстро оформили.

¹⁰ В мае 1989 г. у Ю. М. Лотмана во время пребывания в Мюнхене случился инсульт.

¹¹ Peter Dornan (1923–1999) — архивист, сотрудник радиостанции «Свобода» и руководитель отдела самиздата в 1968–1988 годах.

¹² Mario Corti (р. 1945) — с 1979 г. аналитик и редактор отдела самиздата на радиостанции «Свобода»; после ухода Питера Дорнана возглавил отдел.

А. Ш.: И как ты помнишь, в чем состояла его работа?

С. Ф.: Работал редактором.

И. К.: Редактором передач?

С. Ф.: Нет, рукописей. Мы издавали материалы самиздата и получали рукописи иногда в плохом состоянии, часто почти нечитабельные. Мы перепечатывали их, добавляли сноски для нашего бюллетеня, который потом тоже использовали для эфира, но также рассылали по всему миру, по Европе и в Америку. Гарик делал комментарий, мог расшифровать непонятное. И потом, просто потому что он был настолько образован, часто понимал сразу, о чем речь идет. Но были и сугубо политические вещи, обращения различных групп. Тогда их было много — Хельсинкские группы, инвалидные, рабочие и другие... Как это быстро забывается!

И. К.: То есть через вас публиковали различные обращения вроде открытых писем?

С. Ф.: Да, конечно. Еще приходило, хотя не так часто, то, что смогли из лагерей вывезти, так называемые ксивы.

А. Ш.: То есть вы это архивировали и переводили в машинопись? И Гарик занимался систематизацией?

С. Ф.: Он, и Марио, и Питер, наш начальник. Позже, после ухода на пенсию Питера, Марио стал главным.

И. К.: В каком это было году?

С. Ф.: Уже после начала перестройки, по-моему. Питер просто не поверил, что все это происходит, что вдруг все свободны. Он довольно скептически к этому относился.

И. К.: А ты помнишь, как проходили изменения на радиостанции в связи с тем, что радикальным образом изменилась вся ситуация? Ведь сначала перестройка выглядела как непонятная реформа с неизвестным будущим. Питер вот с сомнением на это смотрел... Но потом все начало раскручиваться очень быстро.

С. Ф.: Была большая эйфория все-таки, когда начали печатать всякое раньше запрещенное и освободились политзаключенные. Ну и когда начали приезжать в гости.

А. Ш.: А были какие-то разговоры о том, что меняется функция радио?

С. Ф.: Да, конечно. В 1995-м нас в Мюнхене закрыли, а частично перевели в Прагу уже до того. Нам сообщали об этом за год или даже за два, я точно это уже не помню. Нас, однако, уже до того уволили, потом, правда, через адвокатов восстановили.

А. Ш.: Вас — это тебя и Гарика?

С. Ф.: Почти всех.

А. Ш.: То есть отдел самиздата?

С. Ф.: Да. Тут надо еще сказать, что, когда Марио стал начальником и сменилось также начальство выше, которое, в общем, ничего не понимало в нашем деле или в Советском Союзе, Гарик и Марио поссорились. И Марио хотел его выгнать.

И. К.: Из-за чего именно?

С. Ф.: Ну, Гарик, конечно, не так уж сильно уважал Марио. Он ценил его за то, чем Марио занимался в России вначале¹³. Но вот как работник на радиостанции Марио был довольно ленив, а Гарик терпеть не мог лентяев, или, вернее, тех, кого такими считал. К тому же Марио очень важничал, что Гарика тоже не нравилось. Но я не помню, из-за чего точно все произошло. Очень глупо, это был тогда огромный скандал! Очень жаль. Но все было так давно и уже забыто.

И. К.: А как развивался этот скандал?

С. Ф.: Я тоже с Марио, к сожалению, поссорилась, потому что приняла сторону Гарика. Мы с Марио вообще дружили, особенно с его женой Эленой. Елена даже была у нас в гостях, когда у меня начались роды. В ту ночь она осталась с Павликом, когда мы с Васей поехали в клинику. Да, из-за чего все это было?.. Очень возможно, что Гарик сказал что-то некрасивое. (*Илье Кукую:*) Ты же знаешь, ты с ним работал, он нервный, абсолютно без терпения. То есть он замечательный человек, но с ним жить или работать было трудновато. (*Смеется.*) Auf die Dauer¹⁴, скажем. И он выругался в адрес одной женщины, которая работала в отделе журналов и которую Гарик не выносил. Сказал ей, чтобы она шла в жопу. (*Смеется.*) И она пожаловалась Марио, который тогда возглавлял наш отдел. Гарик оправдывался, что это не оскорбление, а просто так иногда говорят. Но было целое разбирательство с профсоюзом, Betriebsrat. Это первое было предупреждение. Что было во второй раз, именно с Марио, я не помню. Но вообще они просто не ладили. Да и сам Гарик, конечно, приходил и оставался, когда хотел, и занимался, чем хотел. Или подолгу сидел в столовой или в библиотеке, а не шел работать в отдел. Он же completely unmanageable¹⁵. И у него на фоне всей этой истории случился ужасный нервный срыв. Я помню, что мы поехали в северную Италию, где у Васиной сестры был домик,

13 Марио Корти в 1972–1975 гг. работал переводчиком в посольстве Италии в Москве и активно помогал в работе А. И. Солженицыну, в том числе по перевозу его библиотеки после эмиграции в 1974 году.

14 Длительное время (нем.)

15 Совершенно неуправляемый (англ.)

и решили, что надо взять Гарика с собой, чтобы он мог там немножко расслабиться. А пока нас не было, друзья типа Веры Тольц или Володи Тольца¹⁶ начали рассказывать людям уже вне радиостанции, что Гарика надо защищать.

А. Ш.: И эта история стала разрастаться?

С. Ф.: По-моему, было какое-то письмо в его защиту. Чуть ли не Сергей Ковалев написал. Или подписал, по крайней мере.

А. Ш.: Это же наверняка осталось где-то?

С. Ф. Я этого письма никогда не видела и даже не знаю, видел ли его Гарик. Но давление было достаточно сильным, и его оставили в покое. Но в третий раз его могли бы по закону действительно уволить, после двух предупреждений. И нас с ним отправили в ссылку в подвал здания, где открыли так называемый видеоархив, потому что в то время были сравнительно интересные программы по русскому телевидению. Это был 1992-й или 1993 год. Я была не очень счастлива, мягко говоря, потому что было тяжело, а Гарик почти все время отсутствовал, сидел в столовой или занимался своими делами.

А. Ш.: У него изменился круг обязанностей?

С. Ф.: Формально да. Но, в общем, его не трогали уже.

И. К.: А тебе кажется, что его не тронули, потому что у него были могущественные защитники, или все-таки понимали, что это незамеченный человек в своем роде? Было ли со стороны высокого и, может быть, не такого высокого руководства адекватное понимание, с кем они работают?

¹⁶ Вера Сергеевна Тольц (р. 1959) — историк, профессор Университета Манчестера (Англия), внучка Д. С. Лихачева; Владимир Соломонович Тольц — историк, журналист, сотрудник радиостанции «Свобода» в 1983–2014 годах.

С. Ф.: Ну, я уже сказала, что наверх пришел американец, который, видимо, вообще ничего не понимал.

И. К.: Это был директор радиостанции?

С. Ф.: Нет, директор исследовательского отдела, к которому мы формально тоже принадлежали. Тогда часто менялись директора. Я думаю, что им уже было все равно, потому что Гарика отстранили от нормальной работы, и радиостанцию скоро и так должны были закрыть.

А. Ш.: То есть его отлучили от архива?

С. Ф.: Да, послали в подвал на чисто техническую работу, которую он почти не делал. Он просто читал всё, все журналы, газеты, прессу, в общем, просматривал и читал.

И. К.: По твоему ощущению, это была просто история, связанная лично с вашим изгнанием, или вообще работа на радиостанции как-то начинала разваливаться? Получается, то, что имело раньше какое-то значение, теперь уже было не столь важным?

С. Ф.: До этого было и хорошее время. Например, до развала Архива самиздата, когда мы еще работали, приезжали люди из «Мемориала» — Жемкова, Даниэль, Беленкин, Рогинский (см. илл. 10). Это было связано с передачей всяких документов «Мемориалу», они взяли комплект наших «Материалов Самиздата», полностью. И, кажется, много другого тоже копировали. Гарик во всем этом был очень задействован.

И. К.: Значит, после вашей «ссылки» в подвал скоро объявили, что радио закрывается. Было понятно, что Гарик не поедет в Прагу?

С. Ф.: По-моему, речь об этом даже не шла, потому что Айхведе¹⁷ им уже заинтересовался для Бременского архива. Может быть, это благодаря Гасану <Гусейнову>¹⁸. Я не помню этот момент.

А. Ш.: Этот момент я, кстати, помню, потому что как раз в 1993-м я приехала в Мюнхен. Мы с Гариком тогда гуляли, и он говорил, что точно не едет в Прагу и что для него это не вариант.

И. К.: Почему?

А. Ш.: Он не объяснял, а я не спрашивала...

С. Ф.: В Прагу вообще сравнительно мало людей брали. Архив самиздата перевели в Европейский университет, который Сорос основал в Будапеште.

И. К.: А архивная деятельность Гарика на радиостанции каким-то образом происходила? Ведь нужно было все это где-то хранить, на какие-то средства покупать, каким-то образом систематизировать. Или это началось уже в Бремене, по твоему ощущению?

С. Ф.: Да нет, он уже здесь какие-то бумаги получал, постоянно навещал всяких старушек и собирал архивы сам по себе. Это же Гарик...

А. Ш.: А куда шло все то, что дома копилось?

С. Ф.: Он все это в Бремен отвез.

И. К.: То есть мюнхенская глава заканчивается 1995 годом?

¹⁷ Wolfgang Eichwede (р. 1942) — историк, славист, в 1982–2008 гг. директор Центра по изучению Восточной Европы при Бременском Университете (Германия).

¹⁸ См. публикацию Г. Гусейнова в наст. изд.

С. Ф.: Радио перевели в Прагу в 1995-м, но Гарик, по-моему, уже с 1994-го был в Бремене.

А. Ш.: Летом 1993-го он был еще тут. Мы гуляли, глазели на какие-то роскошные мюнхенские витрины, и он с большим интересом рассматривал всякие блестящие штучки и вспоминал, какие у вас были огромные зарплаты.

С. Ф.: Да. Идиотство это было, честно говоря, как они нам платили. Например, Вася был взят из Вены сюда — он был редактором отдела новостей, — и такие сотрудники получали так называемые housing, казенные квартиры. Наша большая квартира на Деннингерштрассе была казенная. И все оплачивалось, только за телефон надо было платить самим. Поэтому все служащие эмигранты были очень непрактичные. Я первая говорила, что надо свой дом обустраивать, на случай, если мы вдруг потеряем эту квартиру. И Вася постепенно начал поддерживать эту идею.

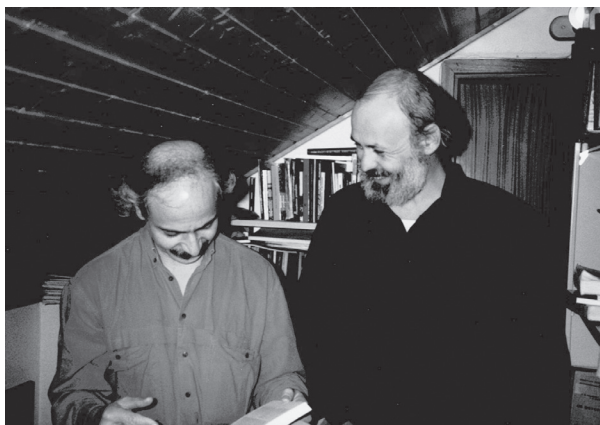
Гарик был важной частью нашей жизни и семьи тогда. Вначале его все любили, он был таким живчиком. Ему, вскоре после его приезда, исполнилось сорок лет как раз — сентябрь, 1983 год. Я вспоминаю, что мама моя сказала: «He reminds me of a little fawn»¹⁹. Он прекрасно занимался с моими детьми, когда они были маленькими (для них он был Gaga), и поддерживал меня, когда Вася скончался, приехал сразу из Бремена. Приехал также, когда Ника выступил в каком-то театре школьном, а потом на провода Павлика, когда тот уехал в университет в Англию.

Я всегда поражалась, сколько у него друзей. Но он сам настоящий Друг, и я его очень и очень люблю и желаю многая и благая лета!

¹⁹ Он напоминает мне олененка (англ.).

Иллюстрации**Илл. 1**

Здесь и далее слева направо: стоит *Й. Р. Дёринг*, сидят *С. Франк*, *А. П. Чудаков*, *И. П. Смирнов*, *О. Ханзен-Лёве*, *Г. Г. Суперфин*. — *Конец 1980-х.*

**Илл. 2**

Г. Г. Суперфин, *А. Л. Осоват*. — *Ноябрь 1989 г.*



Илл. 3

Г. Г. Суперфин, С. Ю. Неклюдов, С. Франк. — Лето 1988 г.



Илл. 4

*Вас. С. Франк, М. Д. Тименчик, Г. Г. Суперфин,
М. М. Поливанова. — Июль 1990 г.*



Илл. 5

Н. Г. Охотин, Г. Г. Суперфин. — Октябрь 1991 г.



Илл. 6

С. И. Азадовская, Г. Г. Суперфин, К. М. Азадовский. — Май 1990 г.



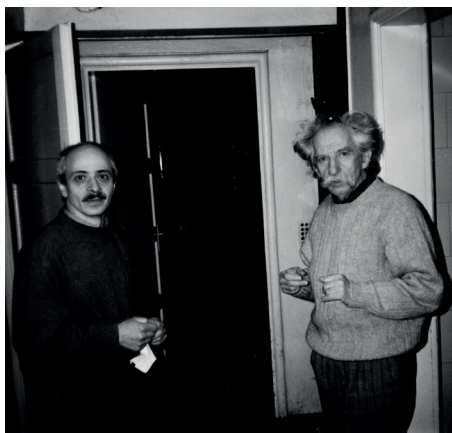
Илл. 7

Г. Г. Суперфин, В. М. Борисов, Н. Г. Охотин. — Октябрь 1991 г.



Илл. 8

Г. Г. Суперфин, М. К. Поливанова, В. М. Живов. — 1991 г.



Илл. 9

Г. Г. Суперфин, Ю. М. Лотман. — 1989 г.



Илл. 10

Г. Г. Суперфин, Р. Крууз, А. Б. Рогинский. — Начало 1990-х.

Гасан Гусейнов

О Суперфине, его прямоте и щедрости, смешливости и незаменимости

Мне трудно поверить, что Гарику Суперфину — 80 лет. Мы дружим с ним 33 года — с самого момента знакомства в 1990 году, в Мюнхене, в доме Василия Семеновича Франка и его семьи, частью которой был тогда и Гарик.

В те годы он еще работал на «Радио Свобода», а в 1995 г. директору Исследовательского центра Восточной Европы Вольфгангу Айхведе удалось заманить Суперфина в Бремен на низкооплачиваемую, но главную должность архивариуса. Мне довелось видеть Гарика в архивной работе и даже иногда помогать ему. Иной раз помощь состояла в том, чтобы честно не понимать чего-то, что Гарик понимает, но не всегда может доступно объяснить другим. В большинстве случаев этим другим и невдомек, что они не понимают чего-то важного, иногда — попросту главного в общем нашем деле. Но в этом так трудно сознаться самому себе. А Гарик — человек вспыльчивый. И если ты с претензией, то, понятное дело, тоже можешь вспыхнуть. И вот — посыпались искры. Не дотрагивайтесь до нейросети под высоким напряжением!

Из сидельцев, диссидентов 1960–1980-х только двое на моей памяти никогда не увиливали в разговоре от того, что на самом деле думают, — о деле или о собеседнике: Сергей Ковалев и Гарик. Сергей Адамович делал это совершенно обезоруживающе. Мы много общались, когда шла работа над немецким изданием его мемуаров. А однажды я увидел и услышал, как он старается сделать комплимент одной юной флейтистке-любительнице, с которой очень подружился во время долгого пребывания в больнице. Дело было в Сахаровском университете, на

летней школе в Баварии. Пятнадцатилетняя флейтистка наша совсем не готовилась к выступлению и сыграла, пусть и не сфальшивив, но без особого огонька. И вот Ковалев идет к ней навстречу с обычной своей улыбкой. Что он скажет? Неужели соврет и похвалит? Как бы не так:

— Какая длинная соната! — похвалил исполнительницу Ковалев.

Так и Гарик. Когда кончался мой пятилетний контракт в Бременском университете и стоял вопрос о превращении его в постоянный, Гарик честно сказал директору, что хотел бы, чтобы на мое место пришел человек с другими интересами, молодой архивист, которого можно было бы за оставшиеся ему до пенсии годы подготовить к будущим задачам. Суждение Гарика сыграло свою роль только наполовину: мой контракт не стали превращать в бессрочный, но и молодого архивиста в учение ему не дали. Был ли я в обиде? Нет, я хорошо понимал, что Гарик прав, да и мне полезно было поискать новых путей.

Тогда, в середине 1990-х, многим было и не видно, что очень скоро начнется новый виток чекистского реванша. В Бременском институте то и дело появлялись люди, от которых веяло старо-новым духом, несмотря на публичные заверения в демократичности в ельцинском, так сказать, духе. Филологическое чутье делало Гарика в моих глазах «канарейкой в шахте», птицей, предупреждающей о приближении невидимой газовой опасности. По мельчайшим особенностям словоупотребления он может предупредить такую опасность.

Еще одно качество — критическая дистанция по отношению к тем, для кого перестает существовать носитель чуждых идеологических взглядов или установок. Неважно, к какой группе относится человек, на всех он смотрит из глубины каталожного ящика, в который все должно лечь, из которого никакая цензура не смеет выкинуть имя, книгу, событие.

Конечно, и профессиональная деформация, куда без нее. Человек еще не помер, но имеет хорошие виды на это печальное дело. Тут как тут, даже глотая невидимые слезы, появится Гарик и спросит: что там с архивом-то? Не пропадет ли, неровен час? В начале нулевых мы должны были с ним поехать за архивами третьей волны во Францию и в Англию, я взял напрокат небольшой автобус. Но Гарика не пусти-

ли доктора, и он издалека руководил моей поездкой, сводил с удивительными людьми. Кого-то я знал и прежде, но как только звучало это имя — Суперфин! — раскрывалась еще какая-то дверца, вдруг возникало новое любопытство: «Как, столько лет проработали вместе и не разругались! Как это удивительно и мило...». Ирина Емельянова, Ольга Свинцова, Наталья Горбаневская, Владимир Марамзин, Игорь Голломшток...

Вот ему привозят чемодан с наследием русского священника из Мюнхена. У старика не осталось совсем никого, кто-то из прихожан просто переправил чемодан в Бремен, даже не заглянув в содержимое. Гарик раскрывает чемодан, в нем бумаги и тяжелый, даже тяжеленный, сверток. В облачение завернуто золото. Монеты, цепи, даже, кажется, небольшой слиток. Архивной ценности никакой. Сверток тут же упаковывается в коробку и отправляется обратно — в ту церковь, где когда-то служил покойник. «Чтобы никто не придумал, как оприходовать с пользой для дела!» А вот бумаги — письма, нансеновский паспорт, ветхие справки — бережно перебирает, размышляет.

Институт в Бремене тесно сотрудничал с московским «Мемориалом». Нелегко заниматься общим делом поверх границ и барьеров. Тогда, в середине 1990-х, трудно было предвидеть уничтожение всего через четверть века в Москве и в других городах РФ того, что только-только начало нарождаться...

Пусть поколение диссидентов, к которому принадлежит Габриэль Гаврилович Суперфин, проиграло в борьбе за новую Россию, а все-таки есть где-то впереди люди, которые возьмут реванш в другом измерении и, наверное, в другой среде, не испытывающей, как и он, никаких сантиментов по отношению к «грехам своей родины вечной».

Сейчас у Гарика наступает третья молодость. Не только благодаря чудесной жене Насте и сыну Андрею, который строит свою профессиональную жизнь не так уж далеко от отцовской траектории. А я ведь — один из немногих, кто был свидетелем первой встречи Гарика и Насти, во время которой молодая практикантка из Петербурга узнала от архивариуса бременского института неизвестные страницы истории собственной семьи. Копытце сатира оказалось стрелой Амура!

Не могу не сказать еще о двух важных чертах юбиляра. Первая — невообразимая щедрость. Щедрость на дары, невероятные подсказки, ценнейшие советы. И вторая — непредставимая для человека в солидных годах смешливость. Это не только чувство юмора. Дорогой Гарик, я ведь слышу, как ты, читая все это, хохочешь, что вот, мол, пишет человек в фестшрифт, а у самого некролог какой-то получается. Нет уж. С этим — потянем!

Завершить эти заметки хочу отрывком из публикации, которая готовится с давней уже подачи Гарика. В фонде Николая Глазкова он наткнулся на странную машинопись — самиздатскую поэму начала 1960-х гг., зашифрованную под сказ не то на балачке, не то на каком-то искусственном языке, насыщенном ставшими модными в середине нулевых годов нашего века эрративами.

По предположению Суперфина, текст поэмы попал в архив Глазкова как памятник самиздатской книжной графики. Николай Глазков — автор нескольких классических самиздатских текстов, которые и в силу их краткости, и в силу высоких содержательных достоинств заучивались наизусть. Но было у поэтической работы Глазкова и еще одно свойство. Совершенный в краткости, Глазков, придумавший само слово «самиздат», был автором целого стиля — иронического или абсурдного издательского совершенства в нищете.

Напечатанная по всем правилам конспирации, поэма закамouflирована под бред, под свинцовую пустыню. Вместе с тем эстетическое совершенство машинописи задает читателю загадку-задачку: «Расшифруй меня!»

Смесь нарочито искаженного русского литературного языка с балачкой — вариантом креольского украино-русского говора — без труда понятна и русскому, и украинцу, и сама по себе являлась ответом простого человека на обе политические линии Москвы по отношению к Киеву в середине XX века. Одна слабая линия была нацелена на постепенную коренизацию местных языков, а другая требовала безоговорочной русификации — как главного признака советизации.

Приверженность балачке для автора поэмы об Иване Ламавом — метод и спрятать поэму от слишком пристального внимания, и показать свою позицию, разыграть тот грандиозный исторический

спектакль, которым была для Ламавого и «Захарча» вся эпоха между 1904 и 1964 гг.

Автор поэмы «Иван Захарч Ламавой» представляется так:

Автор Сиго Сочинения Ф П Короленко
(онже) А П Каралев
Воронежская Об Ново Калитвянский
район сиго с Совета
Рожден в 1904 Году 7 марта.

Вот несколько тематически подобранных фрагментов (общий объем реконструированного текста — более 3000 строк; правописание сохранено):

<Крах «стольпинских реформ»:>

Пронислася Вс<т>ране Слава
Столыпин в Киеви Убить
Затянулася Рихворма
все пошло наоборот
Пошатнулос Государство
Зажурил Увес Народ
а голитьпа сибе собралас
впролит арском кабаке
и рисует сибе блага
ковыряясь втабаке

<1918 год: Троцкий, Сталин и Хрущев сплотились вокруг Ленина:>

а народ бигить толпою
вплоть добелого Кримля
вот свабоду получили
от сигото мудрица
тут и Троцкий горбоносый
итут Еська жужашвиль

и Никишка улаптишках
скабачка он кним прибыл
И другие оборванцы
усех точно ниучесть
Ех Страна Моя Родная
потиряла Свою Честь

<Покушение на Ленина Фанни Каплан:>

Вету пору мимо ходом
и Каплан сюда зашла
и как Сруською Душою
ниповерила она
Она видеда барбосов
вчомтут дело предстоит
иуслышала (Валодю)
что сичас он говорить
вету пору Нистирпела
как Есерка уборбе
Она вынула ливорвер
и направила втолпе
на (Владимера) сприцелом
но ниправильно взяла
нипопала иво всердце
тохо ухо извизла
исхватили тут Каплана
посадили утюрьму
осудили навсю жизнь
ей окончили судьбу

<Сталин ведет борьбу с Троцким после смерти Ленина:>

Троцкий вышел взял сидящих
потихоньку говорить
но Товарищи дворяне

чтоже будим Мы творить
Ленин умир мне оставил
Трон сидящих устола
а Жужашвили косо взглянул
Уходиты (сатана
Покидают зал сидящих
Красна Площадь вся Гримить
Жужашвили Микояну
он надухо Говорить
похаронимо Валодю
как построим Мавзолей
поддиржи миня ты милый
заживем Мы висилей
Микояну тут наруку
он припомнил свой шашлык
ик блинам то вить Московским
он никакто нипривык
И решили они вместе
из Зержинским говорить
какбы можно поскорее
Имто Троцкого изжить
Вот запели марш подохлом)
укладають в Мавзолей
а Жужашвили расходился
иму стало висилей
чтоже Троцкий мог изделать
поидеи миншовик
высылають из СеСеРа
получился сниво пшик
Вот уселся Жужашвили
нато кресло Ильича
кто нислуша иво слова
рубить прямо из плеча

Особый интерес представляют главы поэмы, в которых повествуется о сопротивлении режиму, о восстании в лагерях. Финал первой части резко контрастирует с исторической канвой поэмы:

Шлем проклятье растрельщикам злым
уково поднялася рука
Кто Страдаит Нивинно и Низаслужино
Иничуял Такого Конца
Ниприйдет Мать Сгорячей Молитвой
Долг Последний Убитым Отдать
Токо Лес Погрибальное Пенье
Будить Вечно Он Им Напивать
Сгор Вода Покатица Висною
Харашо Народимых Полях
Будить Сонце Сиять И Наднами
и Могилы Потонуть Вцвитах
Гдето Песьня Вдали Прозвучала
Что Пивала Родимая Мать
Холодеет Усталое Тело
Знать Нидолго Осталось Страдать.

Среди героев второй части поэмы — председатель НТС А. Р. Трушнович, сотрудник КГБ Н. Е. Хохлов, отказавшийся в 1954 г. убивать Георгия Околовича (в поэме — Акаловича), и другие. Возможно, в основу этой части поэмы, помимо личного опыта автора, легла книга Хохлова «Право на совесть», вышедшая в «Посеве» в 1957 году.

До 24 февраля 2022 г. казалось, что можно относительно спокойно исследовать этот материал, восстанавливать предполагаемый маршрут — сюжетный и персональный — героев и автора поэмы, попавшей в архив Глазкова и там обнаруженной Гариком Суперфином.

Но в трещины, образовавшиеся после начала большой войны, посыпались новые люди, судьбы, коробки с книгами и чемоданы с документами. Теперь все не так, как было в конце 1980-х – начале 1990-х. Наступает время очередной утраты большой документальной базы. Пауки-архивисты проверяют крепеж нейросети.

Жозефина фон Цитцевитц

Работа с оригиналом

Когда меня пригласили написать текст о моем знакомстве с Гариком — или о документах, которые я нашла или опубликовала с его помощью, — я очень долго не могла определиться. Потом я поняла, что самое простое было бы на этом месте опубликовать... всю мою диссертацию. Без содействия Гарика она была бы совсем другой, и, следовательно, мой профессиональный путь сложился бы иначе. Но почему-то эта идея не вызвала энтузиазма у составителей сборника.

Мне очень повезло, что я поступила в аспирантуру в 2000-е, когда нынешних технических возможностей еще не существовало. Разумеется, сегодня было бы намного легче написать диссертацию о пересечении религии и литературы в самиздатских кружках 1970–1980-х гг. уже потому, что многие периодические издания доступны онлайн. Именно они легли в основу моих исследований, поскольку они содержат не только литературные тексты (которые давно переизданы), но и сведения о неофициальной культурной жизни в городах СССР.

Как исследователь я, конечно, сторонница электронных библиотек и архивов — они упрощают работу, делают документы доступными для тех, кто не может попасть в архив, отменяют границы, работают во время глобальной пандемии и защищают хрупкие подлинники от физического распада и от рук погромщиков в полицейской форме. Преследование независимых организаций в нынешней России показывает, что последнее стало особенно важно.

Если бы я писала диссертацию сейчас, я бы могла это делать, сидя дома за компьютером. У меня вообще не было бы трудностей с поиском материалов. Но и вдохновения было бы мало — так что самые интересные материалы я бы вряд ли нашла. Если бы я писала диссертацию сейчас, я бы никогда не познакомилась с теми людьми, которые

стали моими друзьями, надеюсь, навсегда (и не только потому, что времена стали другими и правительство РФ ведет преступную войну в Украине и преследует собственных граждан). Более того, я бы никогда не познакомилась с Гариком — и не поняла бы, что такое архив, что «найти» можно только то, что не ищешь, и что работа в архиве — большая радость.

Архив Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете — своеобразный анахронизм. Или, по крайней мере, он мне тогда показался таким: крупный архив самиздата на русском языке, находящийся вне России! Будучи новоиспеченной аспиранткой, я проводила много времени в России, знакомилась с еще живыми деятелями неофициальной культуры и собирала материалы у частных лиц и в библиотеках «Мемориала» в Питере и в Москве. Но полные комплекты интересовавших меня журналов — в первую очередь журнала «37», который издавался в Питере в 1976–1981 гг., — ни у кого не сохранились. И мне говорили на каждом шагу, что мне необходимо обратиться в Бремен к «Гарикю», поскольку «у него, скорее всего, все это есть». Для меня отправление на полевое исследование в страну, в которой я родилась и выросла, тогда было разочарованием — ведь я учила русский язык и активно знакомилась с российскими коллегами для того, чтобы работать в России! А вдруг Бремен... Если бы, по крайней мере, Сан-Франциско! Ну, в Бремен так в Бремен.

Еще меня предупредили, что Гарик может быть строгим и даже суровым. Но единственное место, в котором проявлялась эта строгость, был сам архив, где я иногда ждала часами, пока журналы из хранения «акклиматизируются» для чтения. А еще я познакомилась с очаровательным, вежливым человеком, который мне очень много полезного рассказывал и про архив, и про самиздат и познакомил меня со своей женой Настей и с впечатляющим домашним архивом.

Именно в Бремене я не только увидела почти полный комплект «37», «Северной почты» и многих других изданий, а также личные фонды некоторых из моих героев, но и раз и навсегда научилась уважать подлинники документов. Да, можно ознакомиться с содержанием документа в электронном виде. Но оригинал — это больше, чем просто содержание. Оригинал уникален, у него свой характер. Между работой

с оригиналом — над которым работали, который хранили и передавали живые люди, иногда знакомые, — и с электронной копией разница, пожалуй, как между концертом и музыкой на компакт-диске или в ютьюбе. А еще работа в архиве (также как и посещение концерта!) подразумевает прямой человеческий контакт. Этот аспект нашей работы особенно ценен.

Хочется на этом месте просто поблагодарить Гарика за то, что он есть, что он настолько отзывчив, что он собрал такой важный архив, — и сумел собрать его вне путинской России.

Татьяна Никольская

Незавешенные картинки

Чтобы получить представление о прерывистой от переполненности информацией и эмоциями речи Гарика, нужно писать, как В. Б. Шкловский: «Фраза гоголевского героя доведена до судорожных попыток схватить воздух перед попыткой говорить».

Расхожая история — Гарика знакомят в компании со сценаристом Пашей Финном: «Знакомьтесь: Финн — Суперфин» — вспомнилась по случаю встречи с Гариком в редакции журнала «Звезда» в начале 2000-х. Из Америки приехали приятели Паши Финна Миша и Вика Беломлинские. Выставка Мишиных рисунков в журнале «Звезда». Вернисаж. Столпотворение. Щедрая Вика купила в Елисеевском магазине огромное количество маринованных миног. Змеерыбки плавают в больших блюдах, расставленных вдоль длинного стола. Трудно удержаться. Интерес к миногам заснял Захар Коловский. Через пару дней он показал фильм об открытии выставки. На экране жующие люди смотрят работы, ходят вокруг стола и незаметно, походя, запихивают в рот кусочки миног. Кроме Супера. Он пристроился на диване рядом с Мишей, который показывает кому-то папку с карандашными набросками. Гарик просит подарить то один, то другой рисунок архиву, в котором работает. Набросок, который особенно понравился Гарика, Миша не дарит, но пару других отдает. Гарик доволен. Через несколько минут мы сидим с ним в прохладном коридоре. Гарик ждет Сережу Дедулина. Мимо проходят многочисленные знакомые. Беседа похожа на пуантилистские мазки.

Другая встреча в Москве в 2010-е. По дороге на вокзал заезжаю поболтать с Котрелевыми на Арбат. Гарик у них остановился. Хочет повидаться, но задерживается в транспорте. Приезжает, когда я уже в пальто. Ни минуты не передохнув, едет провожать меня на Ленинград-

ский вокзал. Кто бы еще из друзей молодости это сделал? Затрудняюсь ответить. Да и в себе не уверена. На вокзале Гарик говорит, что давно не ел эклеров. Мы заходим в кафе на втором этаже. Пьем чай. Он ест эклер, а я корзиночку-тарт со свежей малиной. Сравниваем пирожные до и после перестройки.

Снова Москва. Восьмидесятые. Идем с Гариком от дома Пашкова к «Ударнику». У моста встречаем милиционера. Неожиданно Гарик спрашивает: «Скажите, пожалуйста, как пройти к набережной Ториса Мореца?» Милиционер без запинки отвечает. Супер довольно улыбается.

Еще раньше. Гарик сидит. Едем с Ирой Одаховской и Сашей Грибановым навещать Басю Григорьевну, маму Супера. Она распределяет зубные щетки среди политзаключенных. Дарит мне щетку. Отказываюсь — а вдруг заключенному не хватит? Гости уверяют, что хватит. Беру на память.

Несколько встреч в Ленинграде. После возвращения из ссылки. Уставший Супер прилег подремать на диванчик и подложил под голову мою большую фотографию работы грузинского фотохудожника Додика Давыдова. Фото наклеено на толстый картон. Рядом сидит Гаррик Левинтон. О чем беседуем, не помню.

Из шестидесятых. Гарик жил у Черепахи — дочери скандинависта Михаила Ивановича Стеблин-Каменского. Родители Черепахи на даче. Каждый вечер гости-джазисты из ленинградского диксиленда, друзья Хвоста. Пьют сухое вино, рассказывают анекдоты. Гарик с утра до вечера сидит в архивах. Возвращается усталый. Ничего не пьет. Однажды заходит ко мне и говорит: «Вот они действительно живут. А я?» Повел меня в кафе. Сам есть отказался. Брезговал общепитом. Пошли пешком от Кронверкского — тогда Максима Горького — на Елагин, к Черепахе. Там Гарик сказал, что голоден, и съел приготовленный Черепахой ужин.

Тарту, шестидесятые. Сижу на кафедре. Супер дал мне свою общую тетрадь, а в ней архивные выписки из писем Михаила Алексеевича Кузмина. Позволил переписывать. Так увлеклась, что, когда вошел Юрмих, не прореагировала. Гарик долго об этом вспоминал.

Еще в Тарту. Сидим после заседания конференции. Зара Григорьевна расспрашивает, кто чем собирается заниматься. Гарик говорит

дольше всех. Зара Григорьевна: у Гарика планы целого научно-исследовательского института. В Тарту, куда я ездила на конференции, Гарик меня все время подкармливал, как встретит, так и пригласит в студенческое кафе, разрисованное абстрактной живописью, на «карбонатус» — огромную свиную отбивную. Деньги на мой прокорм мог потратить из собранных на другие цели, а потом возместить.

Самая первая встреча в Москве, на Полянке, у Людмилы Ильиничны, мамы Алика Гинзбурга. Учусь на втором курсе ЛГУ, занимаюсь Вагиновым. Гарик предлагает приехать в Тарту и там рассказать в университете об обэриутах. Поездка состоялась в 1967 г. на студенческую конференцию, где я прочла доклад о Вагинове, а Миша Мейлах — о Введенском. Леня Чертков, мой муж, Супера уважал, хотя и любил над ним подтрунивать. Запомнила, что на вопрос Лени, какой женский тип нравится Гарик, тот ответил, что ему нравятся изможденные женщины, и подчеркнул — именно не худые, а изможденные.

Гарик — архивист по призванию. Однажды, уже в Петербурге, он зашел ко мне с тяжеленным заплечным мешком, даже не мешком, а чемоданом с подаренным кем-то архивом. Мы долго бродили по городу. Гарик ни разу не пожаловался — своя ноша не тянет, — а потом удивлялся, что на последний этаж трудно подниматься. Сердце.

Большое спасибо тебе, Гарик, что охотно делишься знаниями и что сохранил ужимки прежних лет.

На полях классики

Михаил Безродный

Три заметки на полях классики

1. О меткости

Герой повести Генриха Клаурена „Der Friedhof zu Wüstenbrück“, будучи вызван на дуэль, отказывается убивать противника, демонстрируя при этом сверхъестественно меткую стрельбу: «не целясь долго», попадает в пуговицу камзола, висящего в 26 шагах, и говорит свидетелям: «<...> и он, и вы все видели, что жизнь его была в моих руках» (Клаурен 1826: 216–217, 220). Ср. стрельбу Сильвио — «почти не целясь» — и его слова «Вы согласитесь, что, имея право выбрать оружие, жизнь его была в *моих руках*».

2. О беспокойстве

Двустиишие:

Нева металась, какъ больной
Въ своей постелѣ беспокойной

— приобрело в советских изданиях следующий вид:

Нева металась, как больной
В своей постеле беспокойной.

Уподобление речного русла ложу имеет романские и германские прецеденты¹, но свойство 'быть беспокойным' присуще все-таки не руслу и не постели, а течению и больному. Советские издатели попали в ловушку омонимии: слово *беспокойной* они сочли прилагательным женского рода в предложном падеже, а между тем это прилагательное мужского рода в именительном падеже, и по новой орфографии его следовало бы набирать с окончанием *-ый*:

Нева металась, как больной
В своей постеле беспокойный.

Иначе говоря, Нева металась подобно тому, как беспокойный больной мечется в своей постели. Эпитет оказывается не переадресованным другому объекту (ср. *Сновидений ложный рой* = рой ложных сновидений), а далеко отстоящим от собственного объекта (ср. *Он из Германии туманной / Привез учености плоды* = он привез из Германии плоды туманной учености²). Уподобление Невы *больному беспокойному*, т. е. пребывающему в бредовом состоянии³, предвосхищает безумие героя поэмы.

3. О редупликации

Фамилии Hobbs и Dobbs, наследуя редупликантам с начальным *h-* (вроде популярных с XV в. *hurly-burly*, *hiddy-giddy* и *hodge-podge*), соседствуют в юмористических перечнях⁴, а Гораций Смит делает их

1 Правда, автор «Записки о древней и новой России» находил эту кальку нежелательной: «<...> странно писать о ложе реки (le lit de la rivière) вместо *желобовины, русла*» (Карамзин 1871: 2327).

2 См.: Боровский 1980: 117–118; Гладкий 1985: С. 24–25; Коровин 2008: 105–106.

3 Напр.: «Может быть, Ваше Величество, изволите мне сказать, что я весьма беспокойный больной» (Переписка 1802: 126); «Рубах из флам<анд>ского полотна в рост человека с длинными рукавами для беспокойных больных <...>» (Табель 1830: 130); «<...> обыкновенно привязывают беспокойного больного крепко к кровати полотенцами и даже веревками» (Витт 1834: 39).

4 Напр.: „Fat Mr. Dabbs, the beautiful Miss Tibbs, / Jack Hance, Tom Rance, George Vance, and their three ribs; / Dick Styles, Joe Giles, Bob Dobbs, and Mr. Hobbs, /

рифмопарой: „A charming garden, Mrs. Dobbs, / For drying: — Ain't it, Mrs. Hobbs?“ (<Smith H.> 1823: 218). Этот диалог вполне мог попасться на глаза Вашингтону Ирвингу: в том же номере журнала была напечатана посвященная ему статья⁵. В следующем году свет увидел цикл его рассказов „The Italian Banditti“, в котором мистеру Гоббсу, торговцу льняными тканями, и мистеру Доббсу, зеленщику, отведена роль слушателей истории об ограблении их соотечественников, заставляющей их возмущаться в унисон: « — Осмелиться нападать на англичан! — сказал г. Гоббс. — И на такую фамилию, какова фамилия Попкинсов! — прибавил г. Доббс. — Эта почтенная фамилия должна бы требовать удовлетворения, — продолжал г. Гоббс. — Наш неаполитанский посланник должен бы был принести жалобу неаполитанскому правительству, — сказал г. Доббс. — Надобно бы было заставить его очистить землю от этих подлых злодеев, — прибавил г. Гоббс. — А если оно не даст удовлетворения, то должно объявить ему войну! — сказал г. Доббс» (Ирвинг 1825: 397–398; Ирвинг 1829: 52).

Не попалась ли эта парочка на глаза автору «Ревизора»?

Литература

- Боровский Я. М. (1980): Незамеченный гипербат у Пушкина: (К тексту стихотворения «Безверие») // Временник Пушкинской комиссии. 1977. Л.: Наука. С. 115–118.
- Витт Х. Я. (1834): О белой горячке, или мозговой горячке от пьянства. СПб.: Типография Отдельного корпуса внутренней стражи.
- Гладкий А. В. (1985): Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных системах общения. М.: Наука.
- Ирвинг В. (1825): Гостиница в Террачине: (Из «Рассказов путешественника») // Московский телеграф. Ч. 5, № 20. С. 393–405.

The two Miss Babses, and the three Miss Squabs“ (Jones 1807: 125); „And the ladies, having seen the noble Lords Jenkins, Wilkins, Wicks, Hicks, Hobbs, Dobbs, Brown, Jones, Johnson and Thomson, and the Marquis of Mile-end...“ (C. W. 1822: 168).

5 См.: S. n. 1823: 193–202.

- Ирвинг В. (1829): Гостиница в Террачине: (Из «Рассказов путешественника») // Повести и литературные отрывки. Ч. 4. М.: Университетская типография. С. 18–67.
- Карамзин Н. М. (1871): О древней и новой России в ее гражданском и политическом отношении // Русский архив. Т. 14, № 12. Стб 2225–2350.
- Клаурен Г. (1826): Поединок / Пер. Ал. // Сын отечества. Ч. 110, № 23–24. С. 193–229.
- Коровин В. И. (2008): Наблюдения над эпитетом в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Преподаватель. XXI век. № 1. С. 103–106.
- Переписка (1802): Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины Второй с г. Волтером / Пер. с фр. Ч. 1. СПб.: Императорская типография.
- Табель (1830): Табель о вещах, потребных для постоянных госпиталей: [Приложение к Уставу о неперемных военных госпиталях от 21.03.1828] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 3, отд. 2. СПб: Типография 2-го отделения собственной его императорского величества канцелярии. С. 130–138.
- C. W. (1822): Modern Manners // The Brighton Magazine. Vol. 1, no. 2. P. 66–172.
- Jones J. (1807): Pros and Cons, for Cupid and Hymen. London: M. Allen.
- [Smith H.] (1823): Mrs. Dobbs at Home // The New Monthly Magazine, and Literary Journal. Vol. 6, no. 33. P. 217–219.
- S. n. (1823): Mr. Irving // The New Monthly Magazine, and Literary Journal. Vol. 6, no. 33. P. 193–202.

Александр Соболев

Еще раз о происхождении дырочки в библиотечной карточке

В цеховом фольклоре конца 1980-х гг. вынесенная в заголовок тема служила символом максимально схоластического умственного упражнения — между тем, по прошествии лет она кажется не столь уж бессмысленной. И впрямь, если генеалогию библиографической науки мы безоговорочно исчисляем от Каллимаха, то не помешало бы и выяснить заодно имя того безвестного гения, который придумал пронзить стопку осьмушек бристольского картона металлическим штырем, чтобы обеспечить их сохранность — не только для противодействия варварству читателя, но и на случай непредвиденного выпадения каталожного ящика из слабеющих рук схеодографа. Наша нынешняя задача куда скромнее: ниже описывается частный случай одного биографического расследования, произведенного в Москве неизвестным лицом (или группой лиц) поздней весной и летом 1915 года.

Вероятно, каждый, кому, наподобие высокочтимого юбиляра, случилось работать с материалами полицейских архивов, бывал поражен изяществом их информационного устройства. С позиции сегодняшнего технически избалованного дня задача безымянных IT-специалистов полуторавековой давности кажется принципиально неразрешимой: организовать в отсутствии компьютеров, дактилоскопии (а до какого-то момента и фотографии) и полноценных путей сообщения работающую персональную базу данных, распределенную по семидесяти восьми губернским центрам. Однако этот невероятный исторический прототип типичного случая Big Data не только существовал, но и сравнительно успешно функционировал. Поскольку в 1917 г. полицейские архивы подверглись разграблению едва ли не в первую очередь (иные действующие лица спешили изъять себя из списка осведомителей;

другие, напротив, жаждали эти списки изучить), их материалы дошли до нас в ощутимо поврежденном виде, так что о работе живого организма мы можем судить лишь по его мумифицированным останкам. Здесь и далее нас прежде всего интересует политический сыск¹.

Основу базы данных составляла система индивидуальных досье: в Санкт-Петербурге главным информационным центром был «Особый отдел департамента полиции»; в Москве — «Отделение по охранению общественной безопасности и порядка»: именно в их фондах в ГАРФ сосредоточены наиболее полные персональные дела лиц, имевших несчастье привлечь к себе неблагосклонное внимание государства. Заводились они при самых разных okazиях — при задержании студентов на сходках, при обысках на подозрительных квартирах, при перлюстрации писем: достаточно было имяреку не вовремя оказаться в орбите уже известного полиции политически неблагонадежного лица, как на него возникало особое досье. Дальше начинала действовать система перекрестных запросов: о студенте запрашивался институт (что грозило ему известными мерами: при поступлении в университет, например, бралась расписка о неучастии в политических кружках), о выходе из другой губернии — соответствующее генерал-губернаторство, о местном уроженце — полицейский пристав и т. д. Дальше, если ничего предосудительного не выяснялось, тощая папка оставалась на архивной полке, служа лишь материалом для справок (которые, в свою очередь, требовались нередко: например, в обязательном порядке проверялась благонадежность будущих учителей). Напротив, если про субъекта выяснялось что-то подозрительное, то у него могли назначить обыск (результаты которого также подшивались в дело), за ним могли установить наружное наблюдение или отправить филеров опрашивать о нем дворника и соседей.

При этом, например, филеры по сложившейся практике обычно не знали подлинного имени своего «объекта» — неизвестно, во избежание утечек или просто по традиции. Обычно они придумывали им оперативные клички (порой не без остроумия) и отчитывались, используя только их. Естественно, где-то в глубинах департамента хра-

1 Предмету посвящена удачная монография (Перегудова 2013).

нилась картотека (или — менее вероятно — журнал) соответствий между кличками и фамилиями, но ныне он утрачен — и несколько тысяч жгуче интересных филерских отчетов остались по сути обезглавленными: мы не можем установить, за какими лицами были пущены соглядатаи. Есть, впрочем, и немалочисленные исключения: опознаны дневники наблюдений за П. Е. Щеголевым («Толстый»)², А. В. Румановым («Морской»; по названию улицы)³, Н. А. Бердяевым («Лохматый»)⁴, Б. М. Эйхенбаумом («Перинный»)⁵, В. М. Эйхенбаумом («Тамбовский»)⁶, Вл. Б. Шкловским («Бобровый»)⁷, И. В. Гессеном («Сырой»)⁸, Вяч. И. Ивановым («Таврический»)⁹, Е. О. Кириенко-Волошиной («Мужчина-Женщина»)¹⁰, А. О. Фондаминской («Музейная»)¹¹ и еще несколькими лицами.

Филеры добавляли в досье не только сведения о траекториях и знакомствах своих подопечных, но и делали их словесные портреты (что до появления фотографии было острой необходимостью). Так, Фондаминская — «лет 25-27, среднего роста, телосложения среднего, шатенка, интеллектка <sic> тип еврейский, лицо продолговатое чистое, глаза карие, нос выпуклоупушен <sic> вниз»¹²; поэт А. А. Лозина-Лозинский («Мудрый») — «Среднего роста и телосложения, хромой лет 25... 28 шатен, лицо продолговатое худое порядочный тонкий нос с маленькой горбинкой, усов бороды нет, одет черное пальто с барашковым воротом, черные брюки на голове поповская меховая шапка с бархатным

2 ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 4178.

3 ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 3051.

4 ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 303.

5 ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 4204.

6 ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 4205.

7 ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 4105.

8 ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 779

9 ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 1447 (напечатано: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/145594.html>).

10 ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 1683.

11 ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 3812.

12 Там же. Л. 3.

верхом и имеет пенсне светлое с стекл<ами> в зол<отой> опр<аве>»¹³ и т. д.

Бывали, впрочем, и гораздо более простодушные описания, приводящие на память классические строки («роста середнего, лицом чист, бороду бреет, глаза имеет карие, волосы русые, нос прямой»): так филер Гулячук, приставленный к Вяч. Иванову 28 декабря 1905 г. и немедленно его упустивший («наизвошике поехал по направлению Николаевскому занимения извошика был пушон из виду больше невидил»¹⁴) оставил такой его словесный портрет:

Лета: 40

Рост: Среднего

Телосложение: плотного

Волосы: Длинные бландин

Лицо: Чистое

Брови: Средние

Глаза: Серия

Нос: умерен

Борода: круглая

Усы: --

Походка: --

Особые приметы: нету

Одет: Черное пальто збарашковым воротником черния бруки черная барашкова шапка круглая¹⁵.

Описание чрезвычайно сложных горизонтальных информационных связей, служебных картотек (по большей части — но не полностью! — утраченных), реестров отобранных при обысках предметов (перевезенные в ЦГАОР, эти трофеи лежали в тюках чуть не до 1960-х гг. и только тогда составили отдельный фонд 1167), логики выполнения перекрестных запросов и других деталей работы этого механизма — дело далеко-

13 ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 2167. Л. 8 об.

14 ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 1447. Л. 1.

15 Там же. Л. 2.

го будущего. Пока же рассмотрим лишь один незначительный частный случай, на примере которого хорошо видны принципы информационного обеспечения сыскной работы. По сути, оставшийся анонимным полицейский чин демонстрирует нам (на что он, конечно, не рассчитывал) идеальный образец комментаторского труда, проясняя темные места доставшегося ему случайного текста. Это тем более любопытно, что... впрочем, обо всем по порядку.

Одной из важных составных частей большой правоохранительной машины были «черные кабинеты», то есть кабинеты перлюстрации входящей и исходящей почты¹⁶. Сам процесс отбора писем для просмотра состоял из смеси опыта и интуиции: из огромной массы текущей почты на основании лишь почерков и адресов (ну, может быть, еще и внешнего вида конвертов) отбирались две-три тысячи писем в день, которые в особых ящиках доставлялись непосредственно в «черный кабинет». Там при помощи специального прибора (что-то вроде постоянно кипящего электрического чайника с гипертрофированным носиком, из которого била струйка пара) письма распечатывались: чиновник, держа конверт над паром, орудовал длинной толстой булавкой. Легендарный перлюстратор, занимавшийся распечатыванием писем в Петербургском «черном кабинете», вскрывал тысячу писем за два часа; приоткрытые конверты он передавал своим коллегам (каждый из которых знал по несколько языков): те насквозь прочитывали письма, при необходимости делая выписки или снимая копии. Бывали и частные трудные случаи: например, послания, начертанные симпатическими чернилами, было нетрудно проявить — но тогда, естественно, адресат имел неопровержимые доказательства интереса полиции к собственной персоне. Иные конверты были оснащены сургучной печатью: ее копию изготавливали там же, на месте, так, что отличить подделку от оригинала было невозможно. Несмотря на гомерический объем работы, штат московского «черного кабинета» состоял лишь из семи человек: больше (двенадцать) было только в столице. Квалификация их (прежде всего, почерковедческая) была феноменальной. Один

16 Этой стороне полицейского быта посвящена превосходная работа В. С. Измозика, вышедшая уже вторым изданием (Измозик 2023).

из отставных сотрудников Петроградского отделения писал не без гордости:

Письма «по подозрению» вынимали из почты, руководствуясь местом подачи или назначения письма (из Женевы, Парижа, Брюсселя, Лондона, или в эти и другие города, где находились штаб-квартиры левых организаций), или, главным образом, по черком адреса. У разборщиков писем с течением времени вырабатывался удивительный «нюх» определять содержание письма по его наружному виду или по почерку адреса. Дело в том, что каждый класс людей, каждая специальность, принадлежность к секте, к партии и пр. кладут известный отпечаток на почерк данного лица.

Разница между мужским и женским, детским и взрослым, мужицким и интеллигентным почерками очевидна всякому, но кроме этого и аристократ пишет не тем почерком, что бюрократ; его почерк нервно крупный, остроконечный (в готическом стиле), тогда как почерк последнего круглый, уверенный и резкий; литераторы пишут бисерным и четким почерком; коммерсанты — каллиграфическим почерком; революционеры — неотделанным, почти ученическим почерком, а почерк анархистов отличается грубостью и несуразностью, напоминая почерк малограмотных людей тяжелого физического труда.

Среди разборщиков писем петроградского «Черного кабинета» были такие знатоки почерков, что зачастую они по одному адресу письма безошибочно определяли принадлежность его автора к шулерам, к фальшивомонетчикам, к каким-либо антиморальным сектантам, педерастам и пр. <...> Долголетние разборщики писем «черного кабинета» становились отличными графологами, определявшими по почерку весь духовный облик человека.

(Майский¹⁷ 1922: 10–11)

17 В. С. Измозик предполагает, что этот псевдоним принадлежит В. И. Кривошу. См.: Измозик 2023: 23.

Письмо, поступившее в московский «черный кабинет» 5 апреля 1915 г. (о чем свидетельствовал штамп на конверте) обязано было привлечь внимание перлюстратора — и потому, что оно было отправлено за границу (из Москвы в Цюрих), и из-за специфического женского интеллигентского почерка, которым был надписан конверт; если этого было бы мало, сыграли бы свою роль немецкие фамилии и автора, и адресата. Насколько известно, перлюстраторы в подавляющем большинстве случаев, сделав выписки или копии, запечатывали письмо обратно в конверт и отправляли его дальше — но здесь, вопреки обычной практике, они оставили оригинал письма вместе с копией в полицейском архиве. Вот это письмо:

30-го марта.

Сейчас, мой дорогой, пришло Ваше письмо от 18/5 марта с двумя швейцарскими бумагами. Удивилась, что ничего не знаю о Вашей телеграмме к отцу и пошла звонить ему по телефону; он телеграммы не получал. Ясное дело, что ее не пропустили. Здесь вовсе не так просто. Очень многое не дозволяется. Меня не допустят к н<емцам>. Я уже Вам писала, мой детеныш, что тут многое изменилось. А про мое чтение Вы прочли рассеянно: читала я раненым нашим. Настаивать на свидании с кем-нибудь из них (н<емцев>) не стоит: ничего не выйдет. Как-то просили меня в америк<анском> консульстве добиться свидания с графом Лукнером (из Берлина), но ничего не вышло. Теперь расскажу Вам как раз про Мейера Грефе. За него просили, чтобы облегчить его положение. Сандецкий именно потому что он значительная личность послал его в Сибирь. Но я завтра же примусь за дело. Думаю добиться, чтобы эти бумаги передать Елизавете Федоровне; у меня есть один ход для этого. Конечно если бы Марго была несколько иной, то она могла бы помочь, но я к ней даже обращаться не стану. Когда я ее звала один раз туда со мною, когда еще к ним допускали, то она под разными предложениями отклонила. Она трусит. (Вот и это в ней меня тоже огорчает).

31 <марта>. — Сегодня вечером съездила к мама, которая вернулась от Саши (днем я теперь обыкновенно сижу и переписываю Колины вещи, чтобы поскорее сдать в печать). А Коля отправился на репетиции Танеевской оратории на текст Хомякова и на все инструменты и голоса. Коля вернулся расстроенный и огорченный тем, что ни слова не мог сказать ему, а только молча пожал ему руку.

1-го апреля. — Сегодня мы были в концерте. Эта оратория какая-то вампука. Тысячу раз повторяется каждое слово на все голоса, потом все вместе и думаешь теперь пойдет дальше, ан нет. Начинается опять сначала, каждый голос отдельно начинает опять те же слова и опять по несколько раз и совсем при этом ни слова к музыке, ни музыка к словам не подходят. Кузевицкий в таком же экстазе как и от экстаза; вероятно потому что и тут раскрывается широкое поле действий. А известно, что «большому кораблю и плаванье большое», как говорит русская поговорка и вот сегодня он летел на всех парусах... и щеки надувал и рот раскрывал и кулаками потрясал и глазами вращал, так что все кругом трещало. По поводу порученного мне Вами дела я уже кое-что предприняла. Мне должны завтра дать ответ удастся ли передать эти бумаги Елизавете Федоровне. Пока они у меня. Сейчас очень устала, а завтра буду отвечать на Ваше письмо. Пока покойной ночи моя дорогая деточка!

3-го апреля. Вчера не писала Вам, мой дорогой, т. к. неожиданно пришли Лев Эд. с Ольгой Николаевной и так поздно просидели, что я еле выдержала и сегодня у меня так болела голова, что я пролежала день и даже принимала пирамидон. Звонил Булгаков: хочет послать Вам брошюру и не знает как. Я советовала спросить Киселева. Не знаю дошла ли моя заказная бандероль. 2 брошюры Ильина и одна Бородаевского. Сейчас лежу в постели и неудобно писать. Покойной ночи, мой дорогой, милый!

4-го апр<еля>. — Коля очень обрадовался и растрогался на умную девочку, которая удивлялась почему не все делаются швейцарцами. А Ваша мечта, если бы осуществилась — это самое идеальное, что только можно придумать. Тем более, что это

и нисколько не мешало бы свободной индивидуальной политической жизни каждой страны внутри себя, а только налагало бы известные рамки в общении с другими. Ну все равно, что кодекс светских приличий. Очень мила песенка с этим rumm и drum!

Ваше 27-е тоже получила и уже писала об этом. Тетя Маруся тоже получила. Ваша фотография не особенно понравилась посторонним (своим же всегда очевидно все нравится). Вера Васильевна Вульф даже возмутилась на нее.

Что Ядвига хочет с нами увидеться меня очень трогает, но ведь Колю конечно не выпустят. А почему Вы говорите только о ней. Разве Вы не поехали бы тоже туда?

Если бы Ваше поступление в кардиналы и переход в католичество дало народам мир, то с Богом! Тем более, что наряд уже готов и очень Вам пристал.

Да, уж если никто не ступит в бой с Белым, то все друзья право же имеют очень мало значения: как раз в важные моменты жизни и подать бы руку, но тут они обыкновенно ретируются. Но я воображаю, что это будет за книга. Как бы ему только не оскандалиться. У него право же ума хватает только на выкрики и один какой-нибудь выкрик может быть и умен и даже гениален, но в этой книге он наделает массу глупости и Вас не победит и антропософию оскандалит. Вот увидите. Помяните мое слово.

4-го же апреля, но 2 часа ночи.

Сейчас вернулись от Рахманиновых, где они разбирали (и Струве) новые вещи Гнесина и забраковали. Провели мило вечер. За столом много говорили о Катугаре, которого Коля и Гольденвейзер защищали, а Сергей Вас. напал. Но сегодня он был очень мил и уютен. Сейчас иду спать и говорю моей родной деточке покойной ночки.

Пиши, мой хороший.

Крепко, крепко обнимаю!

Очень тоскую!

Ваша Анюта.

Была сегодня Heimbach и я передала ей письмо. Ваши письма к ней тоже дошли.

О Мейере Грефе еще пока ничего не узнала. Завтра будет еще одна попытка¹⁸.

У нас есть заведомое преимущество перед полицейским, которому предстояло расшифровывать это письмо: мы хорошо знаем и отправителя, и получателя. Автор его — Анна Михайловна Метнер, урожденная Братенши (1877–1965). Она — дочь кременчугского мещанина Михаила Матвеевича Братенши и его жены Розалии Соломоновны¹⁹. Братенши-старший был зубным врачом и негодником: практику вел в Москве, а в Московской губернии ему принадлежал мыловаренный завод²⁰. Из их пятерых детей двое — младшая дочь Бина и средняя Анна — учились в консерватории. Сохранилось собственноручное прошение последней:

Желая поступить в Московскую консерваторию, чтобы получить полное музыкальное образование, и избирая для специального изучения скрипку у преподавателя г. Гржимали, покорнейше прошу принять меня в число учениц Консерватории. Принимая на себя обязанность соблюдать все правила, установленные для учащихся в Консерватории, имею честь представить следующие документы: метрическое свидетельство, свидетельство на звание домашней учительницы. Анна Братенши. 1895 августа 19 день. Жительство имею: Москва, Камергерский переулок дом баронессы Шепинг.

(Долинская 2020: 96)

18 ГАРФ. Ф. 63. Оп. 50. Ед. хр. 166. Л. 4–7 об. Далее бумаги из этой единицы хранения цитируются без ссылки.

19 Мы называем имя матери, исходя из официальных документов, напечатанных Е. Б. Долинской (Долинская 2020: 96). В современных исследованиях принято именовать ее Александрой Всеволодовной (как и в московских адресных книгах).

20 Сборник статистических сведений 1882: 98.

У нас нет никаких данных об обстоятельствах знакомства Анны Михайловны с семейством Метнеров: из братьев Метнеров двое (Александр и Николай) учились в Консерватории в те же годы, что и она — но вышла она замуж за третьего, Эмилия Карловича, недавнего выпускника юридического факультета Московского университета²¹. Венчание состоялось в одиннадцать часов утра 23 октября 1902 года²². Шаферами на свадьбе были Андрей Белый и Алексей Петровский (со стороны жениха) и двое братьев Братенши, Андрей и Алексей (со стороны невесты)²³. Сразу после венчания молодые уехали в Нижний Новгород, где Эмилий Карлович получил место цензора — так в нашем сюжете впервые возникает тема политической благонадежности. Два года спустя завяжется тяжелая драма, разобраться в психологических хитросплетениях которой под силу было только Карлу Густаву Юнгу (пациентом которого позже состоял Эмилий Карлович) и Магнусу Юнгрену (автору образцового жизнеописания последнего²⁴): Анна Михайловна оставила мужа и сделалась спутницей его брата Николая Карловича, знаменитого композитора и музыканта. Биографии всех их ныне тщательно описаны²⁵, а существенная часть документов опубликована, так что мы можем лишь кратко напомнить взаимную диспозицию на момент появления этого письма. В первых числах июля 1914 г. Эмилий Карлович, оставив собственную московскую квартиру (где они жили с братом и бывшей женой) отправляется через Крым в Австрию и Германию. В Дрездене Метнера застигло известие о начавшейся войне, заставившее его перебраться в Цюрих и со временем легализоваться в качестве швейцарского гражданина. Николай Карлович и Анна Михайловна еще на несколько лет остались в России, испытав на себе и попытки немецких погромов, и разруше-

21 Метнер окончил университет в 1899 г. (ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 307. Ед. хр. 507. Л. 2).

22 См.: Лавров/Мальмстад 2017: 15.

23 См.: Белый 2014: 920.

24 Юнгрен 2001.

25 См. (помимо названных выше): Долинская 1966; Апетян 1981; Васютинская 2014 и др.

ние привычного уклада²⁶. Хроника этого времени отчасти запечатлена в обширной переписке бывших супругов, хаотично распределенной между двумя архивохранилищами — отделом рукописей РГБ и отделом документов и личных архивов Российского национального музея музыки (Ф. 167 и Ф. 132 соответственно). Одной из реплик этого диалога и было письмо, легшее на стол анонимного перлюстратора в апрельский день 1915 года.

Поскольку его выбрали для дальнейшей разработки, первым делом с него была снята машинописная копия. Нельзя не отметить чрезвычайно высокую графологическую квалификацию машинистки (тогда говорили «ремингтонистки»): хотя почерк Анны Михайловны принадлежит к числу довольно малоразборчивых, все трудные места, особенно фамилии, прочитаны безупречно; более того, сходу была разгадана невинная конспирация — там, где она ограничивалась литерой «н», машинистка сразу набирала «н(емцев)». Дальше к делу приступил полицейский комментатор. На первом листе копии он сделал оттиск печати «Листки написаны» — очевидно, это было напоминанием о том, что сам оригинал — рукописный. Затем он стал помечать карандашными крестиками, подчеркиваниями и скобками имена, требующие комментария: «к отцу», «графом Лукнером», «Мейера Грефе», «Марго», «Саши», «Колины» — и так далее, до конца письма. Затем этот же (или другой?) чиновник записал бисерным почерком рядом с отдельными именами предварительные суждения. Так, рядом со словами «вернулась от Саши» было помечено «Алек. Метнер», над строкой со словами «никто не ступит в бой с Белым» написано «вероятно, это писатель Андрей Белый», рядом с фразой «сейчас вернулась от Рахманиновых» начертано «музыкальный критик, композитор», над словами «новые вещи Гнесина» значится «музыкант». Самый большой комментарий оставлен при фамилии «Мейер Грефе»: «вероятно, это известный немецкий монографист <?> и критик по искусству. Возможно, что он был здесь как военнопленный».

По этим просвещенным маргиналиям кажется, что оставлены они человеком, не прибегающим к специальным источникам, а лишь инте-

26 См.: Шагинян 1959: 496–511.

ресующимся — по долгу службы или личным склонностям — современным искусством и литературой. Но с исчерпанием этих случайных знаний пришло время для наведения специфически полицейских справок. Для них использовались типографские бланки следующего вида:

Запрос охранного отделения		
Преж. местожительство	Фамилия	
	Имя	
	Отчество	
	Лета и звание	
	Губерния	
Нов. местожител. и время прибытия	Уезд	
Преж. местожительство	Волость	
	Деревня	
	Вероисповедание	
	По какому документу прописан	
	Род занятий	
	Семейное положение	

Первый комментарий — к имени Веры Васильевны Вульф: про нее сообщалось, что ей 43 года, что жила она на Новинском бульваре, была в Тарусу; на обороте, с пометкой «агентурные сведения», было добавлено, что она — жена профессора Варшавского университета.

Второй — Рахманинов Сергей Васильевич, также 43 лет, потомственный дворянин. Жил в Сретенской части, выбыл в Тамбовскую губернию.

Третий — Александр Борисович Гольденвейзер, свободный художник, учитель музыки, житель Пречистенской части, в мае (NB — расследование начато в апреле) выбыл в Таврическую губернию. На обороте бланка занесены архивные шифры, вероятно, отсылающие к документам о нем в полицейском архиве: № 1441-902-исх. 2121-03 и № 1569-912-докл. 14/III-12.

Следующая серия разысканий зафиксирована уже не на печатных бланках, а на обычных листах, заполненных машинописью: по проставленным датам видно, насколько медленно крутятся шестеренки бюрократической машины (впрочем, вряд ли в воюющей стране это дело казалось первоочередным).

11 июля полицейскому надзирателю 2 участка Пречистенской части было отправлено предписание: «Выяснить негласно и донести ПОДРОБНО не состоит ли преподавательницей в Московской консерватории проживавшая в кв. 1, д. № 5, по Собачьей площадке Елена Фабиановна Гнесина».

Четыре дня спустя был получен ответ:

Справка

В доме № 5, Полетаева, по Собачьей площадке, в квартире № 1 проживает: Гнесина Елена Фобиановна <sic> 31 года, прав<славная>, окончившая курс Московской консерватории с званием свободного художника, проживает по бессрочной паспортной книжк<е> Пристава 2 участка Пречистенской части от 22 апреля 1897 года за № 88, прибыла 22 августа 1914 года из гор. Серпухова, и 26 мая с. г. выбыла на дачу ст. Люберцы.

Гнесина содержит музыкальную школу и больше нигде не служит.

15 июля 1915 года.

Очевидно, такой же запрос был направлен по поводу еще одного представителя семейства: самого запроса в деле нет, но ответ подшит:

Справка

В доме № 4, Юрасовской по Б. Николо-Песковскому пер. в квартире № 11, в 1914 году проживал:

Гнесин Григорий Фобианович <sic>, 30 лет, прав<ославный>, мещанин гор. Ростова н/Д холост, был прописан по паспорту выданному из Ростовского гор<одского> пол<ицейского> управ<ления> от 28 ноября 1913 года за № 8624, прибыл 6 марта 1914 года и 3 июня 1914 года выбыл не указав адреса. Жил он на средства родных, из расспроса домово́й администрации видно, что он нигде не служил, а брал уроки, а какие именно не известно.

15 июля 1915 года.

Отдельный комплекс документов посвящен непосредственно Анне Михайловне Метнер. 7 июля полицейскому надзирателю 1 участка Хамовнической части было направлено предписание «Выяснить негласно и донести ПОДРОБНО выписку из квартиры где проживает Анна Метнер в д. 12 по Саввинскому пер., выяснить ее девичью фамилию. Выписку на всех лиц живущих и выбывших». Через три дня был готов ответ:

В д. № 12 Кружевной фабрике Гивартовского по Савинскому пер. в кв. № 6 проживает

Метнер Анна Михайлова 36 л. жена Титуляр<ного> Совет<ника>, прописана по паспорту выдан<ному> Пристав<ом> 1 уч<астка> Хамов<нической> ч<асти> 21 янв. 1914 г. № 265. Прибыла из Калужской губ. имение Морозова 30 июня 1915 г.

Метнер Николай Карлов 36 л. Московский 2-й гильдии купеческий сын, свободный художник. Прибыл из Калужской губ. имене Морозовой 30 июня 1915 г. По сведению находится в любовной связи с А. М. Метнер, доводится ей диверь <sic>. В квартире проживает.

Метнер Ирина Александровна 14 л. учительница <sic> Московской Консерватории, дочь личного дворянина. Прибыла из Рязанской губ. с. Коврова 26 сентября 1914 г. Выбыла на ст. Тайницкая 3 июня 1915 г.

Муж Анны Михайловны Метнер Эмиль Карлов 41 г. прапорщик в отставке Коллеж<ский> Секрет<арь>. 4 июля 1914 г. выбыл за границу и по сию пору проживает за границей.

Установить девичью фамилию Анны Михайловны Метнер не представилось <sic>.

Полиц<ейский> Надзир<атель> Сошкин <?>.

10/VII,915 г.

Ведший дело чиновник (чью подпись мы так и не смогли расшифровать) остался недоволен надзирателем и вернул его донесение с резолюцией:

Обратно.

- 1) Прошу выяснить девичью фамилию Анны Метнер.
 - 2) Нет ли у Анны Метнер детей, если есть то их имена.
- 15/7.15 г.

Два дня спустя все тот же надзиратель рапортовал:

У Анне <sic> Михайловной <sic> Метнер детей нет, муж ее Метнер Эмиль Карлов находится за границей с 4 июля 1914 г. Фамилия девичья Анны Михайловны Метнер Братенш <sic>, она служила, т. е. помогала, находящихся беженцев <sic> в д. № 4 по Савинскому переулку при заведении некой Морозовой, а в настоящее время по сведению она ничем не занимается.

Тогда же, 7 июля, одновременно с первым запросом по ее поводу был направлен аналогичный по месту ее работы, в Пречистенскую часть:

Приставу 2-го участка Пречистенской части

Прошу распоряжения выяснить и сообщить Отделению в возможной скорости работала ли в лазарете имени Морозовой, помещающемся в д. № 1, по М. Афанасьевскому пер. Анна Метнер, какую она несла должность в лазарете.

Состоит ли она в нем в настоящее время и если уволилась, то когда и по какой причине.

За Начальника Отделения, Помощник, Ротмистр Знаменский.

Ответа на этот запрос в деле нет. Последний комплекс разысканий (из оставивших документальные свидетельства) был предпринят в связи с Мейером-Грефе — и тут неожиданно оказалось, что в этом сюжете замешано другое, сопоставимо могущественное ведомство. Тот неизвестный знаток, который первым размечал перехваченное письмо, был совершенно прав, предположив, что речь идет о знаменитом немецком искусствоведе, галеристе и прозаике Юлиусе Мейер-Грефе (1867–1935), чья монография «Импрессионисты» была к этому времени издана и в России (М., 1913). В 1915 г. он ушел добровольцем на Восточный фронт и вскоре попал в плен. Несколько лет спустя, уже освободившись и вернувшись в Германию, он описал свою русскую одиссею (Meier-Gräfe 1918). Поскольку к концу ее он знал из русских слов лишь Charascho и Dobre utro (позже к ним добавится Doswidanje. — Там же: 197, 207), не так-то просто опознать большую часть упоминаемых там городов и имен. Начинается она с лагеря военнопленных в Moskau-Ugrijskaja (вероятно, Угрешская), позже его переводят в Mokrow, im Wladimirschen Gouvernement (т. е. Покров Владимирской губернии), а оттуда — в Omsk и далее вглубь Сибири²⁷. В Москве ему помогает меценат Herr Somotschin (Meier-Gräfe 1918: 197–198, 200, 204, 207), по уве-

27 Занятно наблюдать, как его головокружительная топонимика живет своей жизнью в современных исследованиях: так, со ссылкой на его мемуары под-

рению сочувствующих — один из самых влиятельных людей Москвы (традиционно в нем опознают С. И. Щукина²⁸). Впрочем, несмотря на усилия влиятельного мецената и международного Красного Креста, Мейеру-Грефе все-таки приходится отправляться в Сибирь, откуда он будет освобожден в том же 1915 году²⁹.

Метнер писал о нем бывшей жене 5/18 марта 1915 г. (собственно, на это письмо она и отвечает):

Прежде всего о двух важных международных обстоятельствах. Об одном нужно сегодня телеграфировать папаше в кружева³⁰. Взят в плен знаменитый исследователь искусства Мейер-Грефе <sic>, которого судьба беспокоит не только его жену и его соотечественников, но и наших союзников — французов, о чем свидетельствует при сем прилагаемое письмо Бернара Бувье, который ссылается и на Ромэна Роллана. С этим письмом в руках потрудитесь подробно разузнать об участии Мейера-Грефе и если он в Москве и Вы сможете повидать его (т. к. Вас пускают к пленным и Вы даже читаете им вслух), то сообщите потом, как он выглядит и как себя чувствует³¹.

робно описывается быт военнопленных в *Надинске* (Шлейхер 2005: 83). Возможно (но не наверняка), сам мемуарист имел в виду Верхнеудинск.

28 Морозов и Щукин [1993]: 144–146.

29 Удивительно, насколько разные люди оказались замешаны в хлопоты о его судьбе. 2 марта 1915 г. (вероятно, по новому стилю) А. В. Луначарский писал Ромену Роллану: «Я сделаю все возможное, чтобы напасть на след г. Мейер-Грефе, чьи труды я хорошо знаю. Некоторые его книги переведены на русский язык. Я обращаюсь к двум писателям и одному московскому адвокату, которые предпримут все необходимые шаги» (Луначарский 1970: 470; оригинал по-французски). В ГАРФ хранится дело, посвященное его освобождению (Ф. 102. Оп. 73. Ч. 72. Ед. хр. 391).

30 Т. е. в контору Товарищества Московской Кружевной фабрики, совладельцем которой был К. К. Метнер.

31 РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 51. Л. 1 (черновой автограф). Бернар Бувье (1866–1941) — швейцарский филолог.

При первой серии полицейских запросов отдельный был отправлен и о нем:

7 июля 1915 г.

Штаб-офицеру для поручений при Московском Градоначальнике Полковнику Григорову.

Прошу сообщить Отделению выслан ли из гор. Москвы германский подданный Мейер-Грефе и в утвердительном случае когда и куда именно.

За Начальника Отделения, Помощник, Ротмистр Знаменский.

Ответа на этот запрос не было (или он не сохранился), но какие-то сведения все же поступили, поскольку следующее распоряжение направлялось уже в конкретную Мясницкую часть:

Выяснить негласно и донести ПОДРОБНО выписку из дома № 6, кв. 14 по М. Златоустовскому на всех Грефе, проживавших там в 1914 году, выяснить нет ли из них сына Мейера и в утвердительном случае не выслан ли он из Москвы как военно-обязанный, куда и когда.

Очевидно, что взят был ложный след, причем дважды ложный. В письме Анны Метнер говорилось «Сандецкий именно потому что он значительная личность послал его в Сибирь» (А. Г. Сандецкий — командующий войсками Московского военного округа). Но полицейский комментатор, не зная, что речь идет о военнопленном, стал разыскивать нужное лицо среди московских военнообязанных Грефе, причем и тут сделал ошибку: по адресу «Малый Златоустинский, 6» жил Иван Васильевич Греф (без «е» на конце), а единственный московский Грефе — Вильгельм Болеславович — квартировал на Тверском бульваре (занятно, что был он дантистом — дальняя рифма к профессии тестя братьев Метнеров). Неудивительно, что этот поиск быстро зашел в тупик: выяснилось, что Иван Васильевич Греф, во-первых, оказался Иоганном Вильгельмовичем, во-вторых, служил в магазине Дейбих,

в-третьих, был мобилизован в Крутицкие казармы, а в-четвертых, ни про какого Мейера там и не слышали.

К концу июля был готов результирующий отчет — он же реальный комментарий. О том, каким путем была добыта значительная часть вошедших туда сведений, мы не знаем, но результат не может не впечатлить — настолько тщательно и точно была проделана работа. 25 июля 1915 г. начальник Отделения по охранению общественной безопасности и порядка отправляет его в Департамент полиции по 6-му делопроизводству (из-за чрезвычайной склонности отделений департамента к слияниям и поглощениям мы не знаем точно, чем в этот момент занимается 6-е делопроизводство):

Представляя при сем копию совершенно секретного документа, полученного от Отдельного Корпуса Жандармов Подполковника Князя Туркистанова <sic>, доношу Департаменту Полиции, что лицами в нем упоминаемыми:

«Э. К. Метнер» — является Эмилий Карлович Метнер, 41 года, прапорщик в отставке, коллежский секретарь, Евангелическо-лютеранского вероисповедания, проживавший в гор. Москве в доме № 10/2, Товарищества Московской кружевной фабрики, по Саввинскому переулку, откуда он 4-го июля 1914 года отмечен выбывшим за границу и ранее по делам Отделения не проходивший.

«А. Метнер» — является жена чиновника Эмилия Карловича Метнер — Анна Михайловна Метнер. 36 лет, православного вероисповедания, проживающая в доме № 6/12, Товарищества Московской кружевной фабрики Гивартовского, по Саввинскому переулку, куда она прибыла 30-го июля сего года из имения Морозовой, в Калужской губернии, и ранее по делам Отделения не проходившая.

«Отцом» — вероятно является купец 2-ой гильдии Карл-Август-Вильгельм Метнер, 69 лет, проживавший в кв. 8, дома № 12, по Мало-Гнезниковскому пер., откуда он 2 мая сего года отмечен выбывшим в гор. Ялту.

«Мамой» — может являться жена Карла Метнера — Александра Вильяминовна Метнер, 71 года, проживающая в кв. 8, д. № 12, по М. Гнездииковскому пер.

«Сашей» может являться Александр Карлович Метнер, 37 лет, лютеранского вероисповедания, штатный преподаватель скрипичной игры в Синодальном училище церковного пения, свободный художник, учитель музыки, запасный кондуктор 2-го класса, из унтер-офицеров I-ой Московской Инженерной Дистанции, по делам Отделения не проходивший.

«Колей» является Николай Карлович Метнер, 36 лет, сын Московского 2-ой гильдии купца, свободный художник, проживающий в одной квартире с Анной Метнер, с которой он, по слухам, состоит в сожительстве и ранее по делам Отделения не проходивший. Николай Метнер прибыл 30-го июня сего года из имени Морозовой, Калужской губ.

«Верой Васильевной Вульф» может являться жена статского советника профессора Варшавского Университета Вера Васильевна Вульф, 43 лет, проживавшая в кв. 9, д. № 101, по Новинскому бульвару, где она была прописана по бессрочной паспортной книжке, выданной ей из Варшавского Университета от 16 мая 1903 г. за № 39. Вульф 16 мая сего года выбыла, отметившись в гор. Тарусу.

По агентурным сведениям Отделения Вера Вульф в 1907 году будто бы оказывала материальную помощь группе содействия Р.С.-Д.Р. Партии, функционировавшей в то время в Женеве.

«Рахманиновым» или «Сергеем Вас.» — является потомственный дворянин Сергей Васильевич Рахманинов, 43 л., проживавший в кв. 10, дома № 5, Ведомства учреждений Императрицы Марии, по Страстному бульвару, откуда 4-го мая сего года он выбыл в имение в Тамбовскую губернию и ранее по делам Отделения не проходивший.

«Гольденвейзером» — Александр Борисович Гольденвейзер, 39 лет, свободный художник, учитель Московского Сиротского Императора Николая I-го Института, титулярный советник,

проживавший в кв. 9, д. № 9, по Пречистенке, откуда он отмечен выбывшим на дачу в Таврическую губ.

Из дел Отделения видно, что Гольденвейзер в 1903 году проживал совместно с известной, по совершенно секретным сведениям Департамента Полиции, сестрой его Татьяной Борисовной Гольденвейзер, ведшей оживленные сношения с русскими революционерами эмигрировавшими за границу.

Дальнейшая разработка производится и по получении положительных данных донесу дополнительно.

Приложение: копия совершенно секретного документа.

Полковник Мартынов.

Необъяснимо, среди прочего, что в отчет не включены некоторые лица, упоминаемые в письме — при том, что, кажется, установить их личности труда не представляло (а иные и просто уже были установлены). Так, из него оказались изъяты брат и сестра Гнесины (хотя данные на них подшиты в ту же папку). Не прокомментированы граф Лукнер и таинственная Heimbach (впрочем, не можем опознать их и мы). Забыт Андрей Белый³². Ни слова не сказано про Марго, а между тем, это богатая и влиятельная Маргарита Кирилловна Морозова (1873–1958). Не опознаны «Лев Эд. с Ольгой Николаевной» (хотя при первичной разметке письма их имена подчеркнуты) — это пианист Лев Эдуардович Конюс (1871–1944) и его жена Ольга Николаевна Конюс (урожд. Ковалевская; 1890–1976). Пренебрегли музыкантом Георгием Львовичем Катгаром (1861–1926). Не понадобились философ Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944) и книговед Николай Петрович Киселев (1884–1965), не говоря уже про публициста Ивана Александровича Ильина (1883–1954) и поэта Валериана Валериановича Бородаевского (1874–1923). Более того, если мысленно встать на точку зрения жандарма 1915 г., несомненно перспективной покажется ниточка, ведущая к упомянутой «Ядвиге» — в действительности Хедвиг Фридрих, немецкой меценатке,

32 Конечно, для нас весь сюжет с ожидаемой его антиметнеровской книгой загадки не представляет.

подруге Э. К. Метнера, основному спонсору «Мусагета». Но нет: по неясным причинам все эти лица оказались проигнорированы.

Напротив, единственным персонажем, заинтересовавшим высшее начальство, оказался все тот же Мейер-Грефе: его единственного продолжали разыскивать после отправки основного отчета. 3 августа начальник Отдельного корпуса жандармов подполковник князь Туркистанов писал начальнику Московского Охранного Отделения:

Сообщаю Вашему Высокоблагородию, что ходатайство об облегчении положения представителя Красного Креста Мейер-Грефе, в смысле оставления его на жительство в г. Покрове и неотправления его в Омский округ, поступило в Штаб Округа 12-го февраля сего года от Американского Консула в Москве.

Установочных данных на Мейер-Грефе не имеется.

Вместе с ним препровождаю на распоряжение 5-ть заказных писем из Швейцарии (Цюрих), отправителем которых является Эмиль Метнер.

Очевидно, что таинственные рычаги, двинутые в попытке освободить немецкого искусствоведа из русского плена, оказались настолько могущественными, что исполнители готовы были читать невозможный метнеровский почерк в надежде отыскать там какие-нибудь сведения. Между тем, продолжались и более традиционные поиски: 12 августа был направлен запрос начальнику Владимирского Губернского Жандармского Управления: «Прошу сообщить, проживает ли в гор. Покров Мейер-Грефе, высланный в Омский округ и, в утвердительном случае, сообщите его полную установку».

Две недели спустя Владимирское губернское жандармское управление сообщало, что «Мейер-Грефе в гор. Покрове не проживает и не проживал и личность его никому из местных жителей неизвестна», что, между прочим, было неправдой: остается только предполагать, что местное управление не сообразило, что речь идет о военнопленном и не опросило соответствующие службы. В любом случае дело о перехваченном письме на этом было закончено и отправлено в архив приблизительно на сто восемь лет.

Литература

- Апетян З. А. (Сост.-ред.) (1981): Н. К. Метнер: Воспоминания. Статьи. Материалы. М.: Советский композитор.
- Белый А. (2014): Начало века. Берлинская редакция (1923) / Издание подготовил А. В. Лавров. СПб.: Наука.
- Васютинская Е. А. (2014): Н. К. Метнер. Личность, взгляды, стиль. СПб.: Композитор.
- Долинская Е. Б. (1966): Николай Метнер. М.: Музыка.
- Долинская Е. Б. (2020): Личное дело Николая Метнера // Музыкальная жизнь. 2020. № 1. С. 94–98.
- Измозик В. С. (2023): «Черные кабинеты». История российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. М.: Новое литературное обозрение.
- Лавров А. В.; Мальмстад Дж. (публ., комм.) (2017): Андрей Белый. Эмилий Метнер. Переписка. 1902–1915 / Подг. текста А. В. Лаврова, Дж. Малмстада и Т. В. Павловой. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение.
- Луначарский А. В. (1970): Письма к Ромену Роллану / Предисл. В. Е. Балахонова. Пер. с фр. М. И. Беляевой. Публ. И. А. Луначарской при участии Л. К. Кувановой // Литературное наследство. Т. 82: А. В. Луначарский. Неизданные материалы. М.: Наука.
- Майский С. (1922): Черный кабинет. Из воспоминаний бывшего цензора. Пг.: Былое.
- Сборник статистических сведений (1882): Сборник статистических сведений по Московской губернии. Т. III. Вып. IV. Отдел санитарный. М.
- Морозов и Щукин [1993]: Морозов и Щукин — русские коллекционеры. От Моне до Пикассо. [Кельн]: Дюмон.
- Перегудова З. И. (2013): Политический сыск России (1880–1917). 2-е изд. М.: РОССПЭН.
- Шагинян М. С. (1959): Семья Ульяновых. Очерки. Статьи. Воспоминания. М.: Гослитиздат.
- Шлейхер И. И. (2005): Военнопленные стран Четверного союза в Сибири: некоторые вопросы транспортировки и содержания в лагерях // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 6. Саратов. С. 78–90.

Юнгрен М. (2001): Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб.: Академический проект.

Meier-Gräfe J. (1918): Aus meiner russischen Gefangenschaft // Die neue Rundschau. Band 1. S. 177–239.

На полях гумилевского «Шатра»: записи Д. А. Ольдерогге

Предисловие и публикация А. В. Лаврова

Среди книг, хранящихся ныне в составе моей библиотеки, имеется сугубый раритет — первое издание сборника Н. Гумилева «Шатер: Стихи 1918 г.», вышедшее в свет в Севастополе во время непродолжительного пребывания там поэта в конце июня 1921 г. в количестве 1000 экземпляров (на обложке из оберточной бумаги фиолетового цвета значится: Н. Гумилев: Стихи. Издание Цеха поэтов, 1921). Книга перешла ко мне согласно завещательному распоряжению ее прежнего владельца Виктора Андрониковича Мануйлова (1903–1987), профессора кафедры русской литературы Ленинградского университета, крупнейшего филолога-лермонтоведа и поэта (см.: Миллер/Захаров 1984; Яковлева 2021), в юношеские годы получившего образование в Бакинском университете под руководством Вячеслава Иванова и в последующее время общавшегося с Максимилианом Волошиным, изучением и сохранением творческого наследия которого он интенсивно занимался на протяжении десятилетий; совместная работа над подготовкой тома критической прозы Волошина «Лики творчества» в серии «Литературные памятники» (1988) тесно сблизила меня с Виктором Андрониковичем в заключительную пору его жизни.

В мемуарах В. А. Мануйлов пишет о начале знакомства с молодыми поэтами, которым суждено было стать его близкими друзьями: «Лето 1926 года подарило мне встречи <...> с П. Н. Лукницким и В. А. Рождественским» (Мануйлов 1999: 80). Знакомство с Лукницким состоялось в Геленджике, курортном городке близ Новороссийска:

Несколько дней Лукницкий гостил у нас. Мы быстро подружились. Лукницкий оказался интереснейшим человеком. Он

обладал удивительной памятью, знал наизусть и охотно читал множество стихотворений не только современных поэтов, был очень общителен и легко сходиллся с людьми.

(Мануйлов 1999: 258)

Поэт, прозаик, мемуарист Павел Николаевич Лукницкий (1902–1973) был также широко известен как исследователь-энтузиаст, посвятивший себя изучению жизни и творчества Н. Гумилева, как постоянный собеседник А. Ахматовой, как собиратель историко-литературных материалов, касающихся, прежде всего, биографии двух упомянутых авторов (см.: Лукницкая 1990; Лукницкий 1991–1997; Лукницкий 2010; Павловский 2005). Книжка, поднесенная Мануйлову Лукницким в ознаменование их дружбы, отобразила профессиональную сторону интересов дарителя, — это было севастопольское издание «Шатра». На авантитуле сборника — надпись:

Виктору Мануйлову от всегда смятенного Павла Лукницкого, за общую любовь к Гумилеву, за то, что лето 1926 г. было теплым и хорошим, за Черное море.

Читайте «Шатер», и любите, как люблю его я.

П. Лукницкий

9. IX. 26. Новороссийск

В севастопольское издание «Шатра» входят 12 стихотворений, не менее половины из них отражают непосредственные впечатления, внесенные Гумилевым из его третьего африканского путешествия — экспедиции в Абиссинию от Музея антропологии и этнографии Российской академии наук (Кунсткамеры), предпринятой в 1913 г. в сопровождении Николая Леонидовича Сверчкова (1894–1919), сына сводной сестры Гумилева Александры Степановны Сверчковой, которому и посвящен «Шатер» («Памяти моего товарища в африканских странствиях Николая Леонидовича Сверчкова») (см.: Сенин 1996). Пароход «Гамбов», которым следовала экспедиция, отплыл из Одессы 10 апреля и прибыл на рейд Джибути (город-порт на юге Красного моря) 23 апреля, где Гумилев и Сверчков сошли на берег и начали

свои странствия по Абиссинии, продолжавшиеся более трех месяцев; отплыли тем же пароходом на родину из Александрии не позднее 3 сентября (наиболее полное и точное хронологическое описание всех перемещений Абиссинской экспедиции составлено Е. Е. Степановым; см.: Степанов 2019: 805–830).

Изобилие географических, этнографических, исторических сведений, упоминаемых в стихотворениях «Шатра», трудно адекватно воспринять читателю-европейцу, имеющему лишь самые общие представления об «экзотической» Эфиопии-Абиссинии, освоение которой путешественниками и учеными в гумилевскую пору только начиналось. В. А. Мануйлов являл собою пример такого читателя-неспециалиста, и он предоставил возможность прокомментировать сборник самому авторитетному отечественному ученому-африканисту, преподававшему, как и он, в Ленинградском университете. Это был Дмитрий Алексеевич Ольдерогге, один из основателей африканистики в СССР, многопрофильный исследователь (этнограф, историк, лингвист, музевед), впоследствии член-корреспондент АН СССР (с 1960 г.).

Д. А. Ольдерогге (1903–1987) родился в семье офицера, происходившего из лифляндских дворян, представителя знатного голштинского рода; жил в Петербурге с 1906 г., где закончил шесть классов Первого кадетского корпуса, а в 1925 г. — Петроградский университет (этнолого-лингвистическое отделение факультета общественных наук), после чего был назначен научным сотрудником 2-го разряда отдела Африки Академического музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры); находясь в 1927–1928 гг. в научной командировке в Германии, Нидерландах, Бельгии, получил высокопрофессиональную лингвистическую, этнографическую, музеведческую подготовку. В 1936–1940 гг. Ольдерогге был последовательно заместителем директора и директором Института антропологии и этнографии АН СССР; с 1946 г. на Восточном факультете Ленинградского университета — глава кафедры египтологии и африканистики (с 1950 г. — кафедры африканистики). В числе его трудов — «Язык хауса. Краткий очерк грамматики, хрестоматия и словарь» (1954), «Происхождение языка хауса» (1956), «Западный Судан в XV–XIX вв. Очерки по истории и истории культуры» (1960), «Эпиграфия: Избранные статьи» (1983), «История изучения африканских

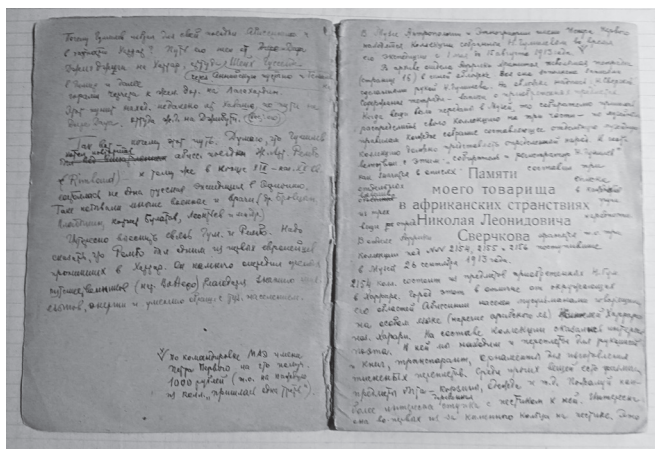
языков» (1990). Высочайший профессионализм сочетался в личности Д. А. Ольдерогге с глубоким осознанием причастности к традициям высокой культуры, с благородством и доброжелательностью в сфере общественной жизни, с безупречной линией поведения в годы сталинского террора и гонений на науку. Примечательно, что коллеги называли его ДАО: инициалы ученого каламбурно сочетались с основополагающей категорией китайской философии и культуры, означающей благой ход событий и человеческой жизни.

Комментарии Д. А. Ольдерогге к «Шатру» представлены в виде записей (многие — мелко-бисерным почерком с избытком сокращенных написаний), сделанных на полях и на свободных от текста пространствах листов этой малоформатной книжки. Они имеют предварительный, черновой характер, поскольку явно не предназначались для опубликования (внесены, видимо, не ранее 1945 г., поскольку в записях упоминается «последняя война», происходившая после 20-х гг. XX в.): при советской власти отдельные издания Гумилева между 1923 и 1988 гг. не появлялись. Однако, при всем информационном лаконизме и крайней сжатости формулировок, сообщаемые ученым сведения и попутные соображения имеют определенную ценность и помогают читателю в освоении реалий «Шатра».

Записи разделяются на общую часть, затрагивающую обстоятельства путешествия 1913 г. (маршрут, собранные коллекции) и комментаторские пояснения к отдельным строкам стихотворений «Красное Море», «Египет», «Сахара», «Судан», «Абессиния», «Галла». Указание на манящий для Гумилева пример Артюра Рембо, который в 1880 г. устроился неогонимом в торговую фирму «Вианне, Барде и К^о», занимавшуюся торговлей кофе, слоновой костью, кожей на территориях Адена и Африканского Рога, и провел в странствиях по Африке десять лет, напрашивалось само собою (для русского читателя оно дополнительно усиливалось благодаря знакомству с документальным повествованием Жана-Мари Карре «Жизнь и приключения Жана-Артура Рембо», вышедшим отдельным изданием в 1927 г.), но Д. А. Ольдерогге обращает внимание на конкретное сходство маршрутов Рембо и Гумилева по Абиссинии. Впервые в своих записях он характеризует и содержание абиссинских коллекций, переданных Гумилевым в Кунсткамеру 26 сен-

тября 1913 г. (подробное описание этих коллекций и осмысление их значения для науки дано в новейших работах: Давидсон 1992; Давидсон 2001).

Публикуемые ниже по автографам записи Д. А. Ольдерогге на страницах «Шатра» распределены по двум разделам. В разделе I воспроизводятся записи, предшествующие первому печатному тексту сборника («Вступление»), на с. 4–7 (Илл. 1). В разделе II даются записи комментаторского характера к стихотворениям «Красное Море», «Египет», «Сахара», «Судан», «Абессиния», «Галла» с указанием комментируемых строк поэтического текста (Гумилев 1921: 10–11, 14, 17–27). Записи раздела II были опубликованы в томе 4 Полного собрания сочинений Н. С. Гумилева в десяти томах, издававшегося Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, — в составе примечаний к упомянутым шести стихотворениям, с указанием, что эти записи цитируются «по копии комментариев, переданных В. А. Мануйловым в архив В. П. Петрановского» (Гумилев 2001: 242). Тексты записей в этом издании содержат множество неверных прочтений (главным образом ошибочных расшифровок имен и названий), а также пропуски слов и отличаются упрощенными текстологическими решениями.



Начальные страницы записей Д. А. Ольдерогге (Гумилев 1921: 4–5)

<I. Записи перед стихотворением «Вступление»>

Почему Гумилев избрал для своей поездки Абиссинию и в частности Харрар? Путь его шел от Джигджиги на Харрар, оттуда через Аннийскую пустыню и Генами на Шейх Гуссейн в Гимир и далее горами Черчера к жел<езной> дор<оге> на Лагахардин¹. Этот пункт наход<ит>ся< > недалеко от Хаваше (вост<очнее> его) по пути на Дире Дауа². Оттуда ж<елезная> д<орога> на Джибути³.

Так вот — почему этот путь. Думаю, что Гумилев хотел повторить абисс<инские> поездки Ж<ана> Арт<ура> Рембо (Rimbaud), к тому же в конце XIX — нач<але> XX вв. состоялась не одна русская экспедиция в Эфиопию. Там побывали многие военные и врачи (др. Бровцын, Владыкин, корнет Булатов, Леонтьев⁴ и мн. др.).

- 1 Маршрут экспедиции Гумилева состоял из следующих этапов (датировки — по старому стилю): Джибути — Дире Дауа (по железной дороге: 27 апреля — 1 мая); Дире Дауа — Харрар (1–3 мая); Харрар — Джигджига (120 км от Харрара) — Харрар (поход к сомалийскому племени Багаризаль: 23–30 мая); Харрар — Генами (4–11 июня); Генами — Шейх Гуссейн (11–26 июня); Шейх Гуссейн — Гинир (28–30 июня); Гинир — Логахардим, станция железной дороги (4–23 июля). Запись Гумилева: «всего 975 к<м>» — скорее всего, все пройденное путешественниками расстояние (Степанов 2019: 825). Поход из Харрара до Логахардима продолжался более 50 дней.
- 2 Ср. дневниковую запись Гумилева: «23 июля. Ст. ж. д. Логахардим, 217 верст от Дире-Дауа» (Степанов 2019: 826).
- 3 Ко времени экспедиции Гумилева поезда до станции Логахардим еще не ходили. До Дире-Дауа путешественники в течение трех дней шли пешком и добрались 27 или 28 июля, а 29 июля возвратились в Харрар (согласно записи Н. Л. Сверчкова, они 1 августа еще находились в Харраре). Из-за задержки ожидаемых из Академии Наук денег на обратный путь отплыть из Джибути удалось с трехнедельной задержкой, не ранее третьей декады августа (Степанов 2019: 827–829). Условно дни ожидания и денег, и парохода в Россию датируются 10–25 августа (Степанов 2019: 140).
- 4 Николай Петрович Бровцын (1865–?) — доктор медицины, старший ординатор Благовещенского отделенного усиленного лазарета лейб-гвардии конного полка; автор книги «Материалы для антропологии Эфиопии: Абиссинцы провинции Шоа» (СПб., 1909).

Интересно выяснить связь Гум<илева> и Рембо. Надо сказать, что Рембо был одним из первых европейцев, проникших в Харрар. Он намного опередил ученых путешественников (н<a>пр<имер> Bottego⁵) благодаря знанию туз<емных> языков, энергии и умению обращаться с туз<емным> населением.

В Музее Антропологии и Этнографии имени Петра Первого находятся коллекции, собранные Н. Гумилевым во время его экспедиции с 1 мая до 15 августа 1913 года по командировке МАЭ имени Петра Первого, на что получ<ена> 1000 рублей (т<аким> о<бразом> на каждую из колл<екций> «пришлась одна треть»).

В архиве отдела Африки хранится небольшая тетрадка (страниц 16) в синей обложке. Вся она заполнена записями, сделанными рукой Н. Гумилева. На обложке надпись: «Н. Сверчков». Содержание тетради — записи о приобретенных предметах. Когда вещи были переданы в Музей, то собирателю пришлось распределить свою коллекцию на три части — по музейным правилам каждое собрание, составляющее отдельную музейную коллекцию, должно представлять определенный народ. В соответствии с этим «собиратель и регистратор Н. Гумилев», как значится в описях, составил три отдельных списка, выделив в каждую из трех групп вещи опред<еленной> народности. В отделе Аф-

Борис Васильевич Владыкин (1866–?) — доктор медицины; автор доклада «К характеристике современного быта абиссинцев и их императора Менелика II» (СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1908).

Булатов — иеросхимонах Антоний (в миру Александр Ксаверьевич Булатович; 1870–1919) — офицер, ученый, исследователь Эфиопии, лидер религиозного движения «имяславцев»; с 1896 г. — член российской миссии Красного Креста в Эфиопии, доверенное лицо Менелика II. В апреле 1896 г. совершил пробег на верблюдах из Джибути в Харрар (350 верст за 3 суток и 18 часов). См.: Кацнельсон/Терехова 1975.

Николай Степанович Леонтьев (1862–1910) — отставной поручик лейб-гвардии уланского полка, организатор экспедиции в Эфиопию на собственные средства; Менеликом II назначен правителем Экваториальной провинции и возведен в сан дадъязмача; организатор абиссинской армии.

5 Витторио Боттего (1860–1897) — капитан артиллерии, итальянский путешественник, исследователь Африки (совершил две экспедиции в Эфиопию в 1892–1893 и 1895–1897 гг.)

рики хранятся т<аким> о<бразом> три коллекции под №№ 2154, 2155 и 2156, поступившие в Музей 26 сентября 1913 года.

2154<-я> колл<екция> состоит из предметов, приобретенных Н. Гум<илевым> в Харраре⁶. Город этот, в отличие от окружающих его областей Абиссинии, населен мусульманами, говорящими на особом языке (наречие арабского яз<ыка>). Жителей Харрара наз<ывают> харари. На составе коллекции сказались интересы поэта. В ней мы находим и переплеты для рукописей и книг, транспарант, орнаменты для изготовления тисненых переплетов. Среди прочих вещей есть различные предметы быта — корзины, одежда и т. д. Пожалуй, наиболее интересна деревянная ступка с пестиком к ней. Интересна она во-первых из-за каменного кольца на пестике. Это специальный этнографический, пожалуй археологический даже вопрос. О нем надо говорить специально, и вопрос этот вряд ли был известен поэту. Но назначение ступки заинтересовало его, и Н. Г. записал, что «это ступка для толчения листьев кустарника „кат“». Листья заменяют мусульманам опьяняющий напиток. В малых дозах «кат» действует как кокаин, вызывая нервное возбуждение. В ступке растирают листья до тех пор, пока не получают густую грязно-зеленую кашицу, кот<орую> едят ложкой. «В таком виде он действует гораздо сильнее, вызывая бессонницу, временный идиотизм и через несколько дней религиозные видения. Так его едят только „духовные лица и ученые“, и то периодически недели по две». «Кат» выделяется в садах под Харраром.

Колл<екция> № 2157⁷ состоит из предметов плем<ени> Сомали (сев<ерно>-зап<адная> ч<асть> Сомал<ийского> п<олуостр>ова). Она

6 Ср. составленную Гумилевым краткую опись этой коллекции:

«Опись 2154: „От кого — по командировке Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого. Время поступления — 26 сентября 1913 г. Собиратель — Н. Гумилев. Способ приобретения — покупка. Стоимость — тысяча рублей за всю коллекцию, на эту приходится треть. Местность — Харрарская возвышенность. Народ — харрари. Состав коллекции — предметы быта и культа. Документы — список собирателя. Число — № — № 36. Число предметов — 46. Регистратор — Н. Гумилев“ (Степанов 2019: 332).

7 Ср. краткую опись Гумилева: «Опись 2155. Местность названа: „северо-западная часть Сомалийского полуострова“. Число предметов — 48. Коллекция собрана во время недельного похода в Джиджигу в конце мая 1913 г. и частично

приобретена в Харраре у сомалийцев свиты сомалийского царька, приехавшего в город приветствовать турецкого консула. Значительную часть коллекции составляет оружие: щиты, стрелы, луки, колчаны. Гумилев сообщает, как стреляют из лука: «стрелу держат между согнутыми указательным и средним пальцами правой руки». О стрелах: «Отравленная стрела (фаллат). Стрелы отравляются специальными мастерами, которые живут в пустыне и скрывают не только секрет приготовления яда, но и самое свое ремесло, так как их презирают как людей, получивших свое знание от джина, злых духов».

Коллекция № 2156⁸ собрана на Харрарском плоскогорье — в Мета, Анния, Бали, Арусси среди народности Галла (коту и арусси), а также в Шейх-Гуссейне. Здесь также отразились интересы Гумилева — в коллекции представлены чернильницы, перья, доска для обучения Корану (Ўха). «Продавец был учитель Галла Коту и сам получил образование у сомали». Остальную часть коллекции составляют корзины, сосуды, украшения — серьги, кольца и т. д. Особенно интересен полный комплект принадлежностей ткацкого станка (из Беддану в Мете)⁹. Много лет спустя Музей приобрел у художницы Е. С. Кругликовой 4 картины (акварельных рисунка), полученных

куплена у людей из свиты того сомалийского вождя, который приехал в Харрар приветствовать турецкого консула» (Степанов 2019: 832).

- 8 Ср. краткую запись Гумилева: «Опись 2156. Местность — „Харрарское плоскогорье, Мета, Анния, Бали, Арусси“. Народ — галла (коту и арусси). Число предметов — 34. Регистратор — Н. Гумилев. Коллекция собрана у народов коту и арусси, принадлежащих к группе народов оромо, непосредственно во время похода в июне 1913 г.» (Степанов 2019: 832).
- 9 Когда в апреле 1986 г. в журнале «Огонек» появилась большая подборка стихотворений Гумилева, положившая начало массовому ажиотажу вокруг его имени, Д. А. Ольдерогге сообщил М. Б. Горнунгу о пробудившемся интересе к африканской коллекции: «<...> звонит мне Д. С. Лихачев, к нам в Пушкинский Дом <пришел> журналист, требовал записные книжки Гумилева. Ему под благовидным предлогом отказали (я посоветовал ответить, что ими занимается мой сотрудник-эфиопист, описывающий коллекцию Гумилева). А это действительно так. Гумилев привез из Эфиопии то, что никто не собирал вообще, — набор инструментов для тиснения по коже и переплеты кожаные, а мы приобрели недавно образцы бумаги местного производства, тушь, перья и описание всех приемов и правил начертания» (Чернецов 2003: 137).

ею от Гумилева и вывезенных им из Абиссинии в 1913 г. (коллекция № 5376)¹⁰.

<II. Комментарии к стихотворениям>

<«Красное Море»>

<Ст. «„Слава Богу свежо, надоела жара!“»>

Кр<асное> Море одно из самых жарких мест на всем земном шаре. На его берегу наход<ится> полюс жары.

<Ст. «От Суэца до Бабель-Мандеба звенит»>

Пролив, соединяющий Красное Море с Инд<ийским> ок<еаном>, лучше: Баб-эль-Мандеб, арабское назв<ание> означ<ает> «ворота плакальщиц».

<«Египет»>

<Ст. «Орошая Дамьетские скалы»>

Дамьетта — в эпоху крестовых походов крепость, кот<орую> оспаривали между собой христ<иане> и мусульм<ане>. Она была ключом к Египту. Теперь Д<амьетта> тихий городок: плоские кровли, глиняные дома из сырца. В XVIII веке он имел вдвое больше населения, чем теперь.

<Ст. «От веселых феллашских ребят»>

Феллахи — египетские крестьяне. По-арабски fellâh — крестьянин.

<«Сахара»>

<Ст. «Туарегов, что западной правят страной»>

Племена туарегов родственны по происх<ождению> и языку берберам, жителям Сев<ерной> Африки. Туареги населяют плоскогорья

¹⁰ Елизавета Сергеевна Кругликова (1865–1941) — художник-график, офортист, живописец, мастер силуэта (автор, среди прочих, силуэта Гумилева). Гумилев познакомился с нею в Париже в 1907 г. (см.: Лукницкий 2010: 123–124). Четыре абиссинских картины, привезенные Гумилевым из африканской поездки в начале 1911 г. и подаренные им Кругликовой, она продала в Музей антропологии и этнографии в 1936 г. (см.: Степанов 2019: 832).

центр<альной> части Сахары — Тибести, Аир. В их быте сохранилось много архаических черт — напр<имер> материнский родовой строй, употребление ливийского письма (навер<ное> еще во времена Массиниссы)¹¹. Быт туарегов, их обычаи, одежда очень своеобразны и привлека<ают> внимание путешественников>, см. напр<имер> Бенуа П. Атлантида¹².

<Ст. «На востоке не любят тиббусы»>

Тиббу или Теда — племена вост<очной> части Сахары. До наст<оящего> времени они почти не исследованы и лучшим описанием их быта остается Нахтигальевское Sahara und Sudan — составленное в сер<едине> XIX в.¹³

<Ст. «Их родную Тибести, Мурзук, Гадамес»>

М<урзук> и Г<адамес> города в сев<ерной> части Сахары в Триполитании или ит<альянской> Ливии. Тибести — плоскогорье в Цент<ральной> Сахаре, где живет одна из главных групп племен туарегов.

<Ст. «И дадут ему имя: Сахара»>

Все это стихотворение написано, очевидно, под впечатлением дов<ольно> известной теории о распростр<анении> пустыни. «Пустыня наступает» — вот неоднокр<атно> встреча<ющееся> в научных> журналах и книгах утверждение. Оно основывается на том, что в Сахаре найдены следы пребыв<ания> человека в местах давно уже непригод<ных> для жилья. Ряд римских городов, известных своей культурой, землед<елием>, оросит<ельными> каналами, торговлей и

11 Массинисса (ок. 240 – ок. 149 до н. э.) — первый царь Нумидии; римский союзник в битве при Заме во Второй Пунической войне.

12 Пьер Бенуа (Benoit; 1886–1962) — французский прозаик, путешественник по странам Востока. Среди его авантюрных романов широким успехом пользовалась «Атлантида» («L'Atlantide», 1919), в том числе и в русском переводе (1922).

13 «Сахара и Судан» — трехтомный труд «Saharâ und Sûdân» (Berlin; Leipzig. 1879–1889) немецкого исследователя Африки (в частности, района озера Чад — плоскогорья Тибести и Вадаи) Густава Нахтигала (Nachtigal; 1834–1885).

зданиями — теперь погребен под желтыми песками Сахары. Сравнительно недавно, например, были раскопаны руины столицы царства Гарамантов (исчезнувшего ливийского народа)¹⁴ — древней Гарамы — ныне оазис Джерма. Там найдены были глиняные изделия с клеймами римских фабрикантов. Изделия с такими же клеймами были найдены еще раньше на Рейне в римских городах прирейнской Германии. «Пустыня наступает» не только на север, но и на юг — в районы Северной Нигерии. Против ее наступления применяются различные меры — насаждение кустарников, особых видов трав, деревьев и т. п. Надо сказать, что в наступлении пустыни виноват прежде всего человек — невнимательным отношением к травяному покрову.

<<Судан>>

<Ст. «Крокодилей обтянуты кожей»>

Барабаны часто обтягивают кожей крокодила

<Ст. «А за ними сикоморы Дарфура, // Галереи — леса Кордофана // И спокойные воды Борну»>

Дарфур, Кордофан и Борну — страны Центрального и Восточного Судана. Некогда ряд самостоятельных султанатов с арабскими владыками и неграми — местным населением. До наших дней в этих странах сохранились остатки мусульманского средневековья: войны одеты в кольчуги, шлемы со щитами и копьями. Мусульманская архитектура городов Судана отличается от классического типа арабского зодчества: например, минареты имеют вид башен четырехугольных в основании, стены мечетей укреплены контрфорсами, которые оканчиваются наверху заостренными выступами, что придает этим зданиям весьма причудливый вид.

¹⁴ Гараманты — древний народ Сахары, упоминаемый Геродотом («История»; IV, 183), первобытные охотники и собиратели плодов; государство гарамантов возникло в конце II тысячелетия до н. э. (территориально: весь Фецдан, южные районы Триполитании, часть Марморики).

<Ст. «И зрочки их сверкают на солнце»>

Страшные следы торговли рабами — скелеты, брошенные в пустыне, и т. д. — описывает Нахтигаль (сер<едина> XIX в.). К нач<алу> XX в. торговля почти прекратилась. Основные пути кар<аванов> невольников шли из Судана через Сахару на Мурзук, Гат, Гадамес — к северу и на восток через Дарфур в Египет.

<Ст. «В драгоценных зеленых тюрбанах»>

Зеленый тюрбан. Правом носить головной убор зеленого цвета имеют <так!> лишь лица, побывавшие в хаджже, — т. е. посетившие гроб<ницу> Мухаммеда в Мекке. Хаджа — носит зеленую чалму.

<«Абессиния». I>

<Примеч. к заглавию>

Абессиния — вообще в русском яз<ыке> принято и на геогр<афи>ческих картах издавна установилось написание «Абиссиния». Однако более правильное написание с *e*. Его проводил в своих работах академик Б. А. Тураев, известный русский абиссиновед и историк Др<евне>го Востока¹⁵. Слово Абессиния от арабского *Набеṣ*. Офиц<иальное> назв<ание> страны Эфиопия (*Aitiyora*), греч. *Αἰθιοπία*.

<Ст. «Вековая обитель разбоя, Тигрэ»; «В плодоносной Амхаре и сеют и косят»>

Тигрэ и Амхара — области, где живет основное население Абиссинии — народности тигрэ и амхара; они-то и составляют то, что мы называем абессинцами. Т<игрэ> и А<мхара> говорят на семитских яз<ыках>, окружающие их и подвластные им племена и народы галла, сомали и др. — гов<орят> на хамитских языках.

15 Борис Александрович Тураев (1868–1920) — историк-антиковед, создатель отечественной школы истории Древнего Востока (Древнего Египта, Нубии); академик (с 1918 г.).

<Ст. «Королевской столицей взносился Гондар»>

Гондар — основан в XVII в. в области Амхара. Прежде был столицей Абиссинии.

<Ст. «Меж царицею Савской и ласковым львом»>

Сказание о Соломоне и царице Савской¹⁶ — очень популярно в Эфиопии. Негусы Абессинии ведут свое происхождение от Соломона. Посещение его царицей Савской любимый сюжет абессинских живописцев (в МАЭ есть серия картин такого содержания).

<Ст. «Мудрый слон Абессинии, Негус Негести»>

Негус Негести — по-эфиопски — царь царей, титул императора Эфиопии.

<Ст. «В каменистую Шоа свой трон перенес»>

Шоа — область к югу от Амхара — Менелик¹⁷ перенес свою столицу на юг, чтобы быть в центре своих владений, которые увеличились за счет земель галла, присоединенных им к своей империи.

<Ст. «Курят трубки и пьют опьяняющий тедж»>

Тедж — пиво (амхарский).

<Ст. «Харраритов, галла, сомали, данакилей»>

Харрар присоединен к Абиссинии в 1887 году.

Галла, сомали и данакиль — племена и народности Эфиопии, говорят на хамитских языках. Галла — земледельцы по преимуществу, по численности самая значительная часть населения страны. Сомали и данакиль — скотоводы, кочевники, населяющие степи и полупустыни Сомалийского полуострова и районы, прилегающие к Красному Морю около Джибути и севернее ее.

¹⁶ 3 Цар 10: 1–13.

¹⁷ Менелик II (1844–1913) — император (негус) Эфиопии с 1889 г., вел политику централизации государственного управления (с 1909 г. фактически не правил из-за болезни).

<Ст. «Людоедов и карликов в чаще лесов»>

В южн<ых> областях Эфиопии живут карликовые племена Доко.

<Ст. «Устелили дворец его шкурами львов»>

Львиная шкура — знак отличия, преимуществом носить ее во многих р<айо>нах Афр<ики> пользуется царь и его советники.

<<Абессиния». II>

<Ст. «Кто сто таллеров взял за больного верблюда»>

В Эфиопии обычной монетой явл<ялись> до недавнего времени талеры Марии Терезии¹⁸. Их чеканили до последней войны еще в 20-х гг. н<ашего> века даже на лондонском монетном дворе.

<Ст. «Сев на камне в тени, разбирает судья»>

Судьи разбирают дела обычно в тени большого дерева на площади в присутствии народа.

<Ст. «Павианы рычат среди кустов молочая»>

Молочай — придают характерный дух ландшафту Абисс<инии>.

<Ст. «За слоновую костью и золотом гор»>

В районе Уаллага, где находятся золотые россыпи, работала в нач<але> XX в. русская экспедиция¹⁹. Западные районы Эфиопии еще в нач<але> XX в. были мало известны. Оттуда поступало золото и слон<овая> кость.

<Ст. «Есть музей этнографии в городе этом»>

Имеется в виду Музей Антр<опологии> и Этногр<афии> Ак<адемии> Наук СССР, куда в 1913 г. поступили коллекции поэта. Он сам их

18 Мария Терезия (1717–1780) — австрийская эрцгерцогиня (с 1740) из династии Габсбургов; инициатор ряда административных и иных реформ, направленных к укреплению государства.

19 Первая русская Абиссинская экспедиция в золотоносную область Уаллага была предпринята под руководством горного инженера Николая Николаевича Курманова в 1904 году.

описал и зарегистрировал. Поездка его была финансирована Музеем. На приобретение коллекций Н. Г. получил от Музея 1000 рублей.

<«Галла»>

<Ст. «Сквозь Черчерские дикие горы»>

Путь Гумилева шел из Харрара на Шейх Гуссейн, оттуда через Черчер к жел<езной> дороге (вост<очнее> Хаваша). В этом стихотворении несомненны автобиографические черты.

<Ст. «Шейх-Гуссейн я увидел высокий»>

Шейх-Гуссейн, как и Харрар, — один из центров мусульманства, в восточной части Эфиопии. Гумилев был в Шейх-Гуссейне и привез оттуда коллекции.

Литература

- Гумилев Н. С. (1921): Шатер: Стихи 1918 г. Севастополь: Изд. Цеха поэтов.
- Гумилев Н. С. (2001): Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 4. Стихотворения. Поэмы (1918–1921). М.: Воскресенье.
- Павловский А. И. (отв. ред.) (2005): Н. Гумилев, А. Ахматова: по материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. СПб.: Наука.
- Давидсон А. Б. (1992): Муза странствий Николая Гумилева. М.: Наука.
- Давидсон А. Б. (2001): Николай Гумилев. Поэт, путешественник, воин. Смоленск: Русич.
- Кацнельсон И. С., Терехова Г. И. (1975): По неизвестным землям Эфиопии. М.: Наука.
- Лукницкая В. К. (1990): Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л.: Лениздат.
- Лукницкий П. Н. (1991–1997): Асумiана. Встречи с Анной Ахматовой. Т. I. 1924–25 гг. Paris. YMCA-Press; Т. II. 1926–1927. Париж; М.: YMCA-Press; Русский путь.
- Лукницкий П. Н. (2010): Труды и дни Н. С. Гумилева. СПб.: Наука.

- Мануйлов В. А. (1999): Записки счастливого человека: Воспоминания. Автобиографическая книга. Из неопубликованных стихов / Под ред. Н. Ф. Будановой. СПб.: Европейский Дом.
- Миллер О. В., Захаров В. А. (1984): Виктор Андроникович Мануйлов. К 80-летию со дня рождения. Указатель литературы. Темрюк.
- Чернецов С. Б. (отв. ред.) (2003): Д. А. Ольдерогге в письмах и воспоминаниях. СПб.: РИО МАЭ РАН.
- Сенин С. А. (1996): «Спутник странствий» Н. Гумилева (о Н. Л. Сверчкове) // Гумилевские чтения: Материалы международной конференции филологов-славистов. СПб.: Музей А. Ахматовой в Фонтанном Доме. С. 273–278.
- Степанов Е. Е. (2019): Летопись жизни Николая Гумилева на фоне его полного эпистолярного наследия. 1886–1921. В 3 т. Т. I. 1886–1913. М.: Азбуковник.
- Степанов Е. Е. (2022): Летопись жизни Николая Гумилева на фоне его полного эпистолярного наследия. 1886–1921. В 3 т. Т. III. Дополнения. Указатели. Летопись жизни в иллюстрациях. М.: Азбуковник.
- Яковлева М. А. (2012): Вспоминая счастливого человека. Виктор Андроникович Мануйлов. СПб.: СПб ГБУК МЦБС им. М. Ю. Лермонтова.

Александр Парнис

Наши «пылкие годы»

*Посвящается моим первым редакторам
Гарику Суперфину и Арсению Рогинскому¹*

1. Об одном (не)известном стихотворном автопортрете Хлебникова

Гарик, или Супер, как зовут его друзья, присутствует в моей жизни уже более 60 лет. Мы познакомились, если я верно помню, в начале 1960-х годов. Все эти годы мы часто встречались, а в последние он присутствует в ней, можно сказать, постоянно, вернее — присутствует его книжный дух. В моей однушке на окраине Москвы стоят по периметру его книжные стеллажи, которые попали ко мне после отъезда Гарика в 1983 г. в эмиграцию. Кроме стеллажей, у меня остались его книги, журналы, газетные вырезки, которые он никак не может забрать. Я общаюсь с ним, условно говоря, каждый день.

¹ Настоящий очерк о Хлебникове имеет трудную издательскую судьбу. Он был написан несколько лет назад по просьбе редактора-составителя С. В. Дедюлина для юбилейного сборника «Семь ли, семьдесят ли, семьсот...», посвященного 70-летию А. Б. Рогинского (1946–2017). К сожалению, книжное издание этого сборника не состоялось из-за кончины юбиляра (препринт см.: Дедюлин 2016: 20–31). По сообщению редактора, Рогинский успел познакомиться с моим очерком, который ему, кажется, понравился. С тех пор я неоднократно пытался опубликовать его в других изданиях, но они по разным причинам не были доведены до печати. Новая редакция очерка, публикуемая здесь, имеет «старое» посвящение двум друзьям-редакторам, которые в 1967 г. издали первый выпуск тезисов студенческих работ Тартуского университета. Приношу сердечную благодарность С. В. Дедюлину, который подвиг меня на создание этого очерка.

В один из моих приездов в Москву из Киева, где я тогда постоянно жил, мы познакомились в букинистическом магазине напротив Ленинки (его сейчас уже нет). Я спросил у продавца какую-то редкую книгу, и вдруг мне что-то ответил юноша, стоявший у прилавка недалеко от меня, но с другой стороны. Он назвался Гариком Суперфином. Я был уже наслышан о нем. Вскоре мы сблизились, главным образом на книжной почве, и стали переписываться, когда я возвращался в Киев. Он познакомил меня со своими приятелями-книжниками.

Хлебников назвал свои первые встречи с мэтром символизма Вяч. Ивановым «пылкими годами». Многолетнее общение, неукротимый стиль и беспокойный характер, а главное — уникальное архивное чутье Гарика оказали на меня большое влияние, хотя он младше меня на несколько лет.

Когда Гарик учился в Тартуском университете и стал вместе с Арсением Рогинским² редактировать сборник тезисов студенческой конференции (первый выпуск вышел в 1967 г.), он предложил мне написать что-нибудь о Хлебникове для следующего выпуска. В это время я уже разыскал в одном из подвалов в Баку «персидский» архив Р. П. Аби-ха, в котором оказались рукописи Хлебникова³. Я послал ему не тезисы, а две небольшие статьи о главе будетлян (Гарик был этим явно недоволен): одна — анализ раннего текста поэта, а другая — обзор материалов из найденного архива. Арсений Рогинский в это время уже перестал участвовать в редактировании сборника, работу по подготовке его к печати вел один Гарик. Однако второй выпуск сборника, который должен был выйти в 1968 г. и в котором должны были быть опубликованы эти статьи, был запрещен цензурой и издан не был.

Некоторое время назад Гарик сообщил мне, что у него сохранились мои ранние статьи (не полностью) и что на одной из них имеется отзыв Ю. М. Лотмана. Эти работы были моими первыми «литературными шагами», и я решил рассказать о них подробнее.

2 Последний раз я встретился с Рогинским даже не в Москве, а в Стокгольме на съезде славистов в июле 2010 г. Мы провели замечательный вечер втроем (к нам присоединился профессор Магнус Юнггрен), разговаривая обо всех и обо всем.

3 См. первую статью, посвященную этой теме: Парнис 1967.

Одна из статей была посвящена анализу стихотворения Хлебникова «Кузнечик», которое было впервые напечатано в скандально-знаменитом футуристическом сборнике «Пощечина общественному вкусу» (1912). К этому загадочному стихотворению я обратился еще в середине 1960-х годов. И даже моя дипломная работа была также посвящена этому шедевру поэта. Приведу текст стихотворения «Кузнечик»:

Крылышкуя золотописьмом
Тончайших жил,
Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер.
Пинь, пинь, пинь! — тарарахнул зинзивер.
О, лебедиво!
О, озари!
(СС-1: 104)⁴

Хлебников считал это стихотворение программным и написал о нем в литературной автобиографии «Свояси» (1919): «В „Кузнечике“, в „Бобэоби...“, в „О, рассмейтесь...“ были узлы будущего — малый выход бога огня и его веселый плеск» (там же: 8).

К стихотворению «Кузнечик» обращались не только исследователи, но и поэты, которые высоко его ценили — Александр Блок, Осип Мандельштам, Владимир Маяковский, Сергей Третьяков, Тихон Чурилин, Иосиф Бродский и другие.

Соратник и соавтор Хлебникова Алексей Крученых предложил такое остроумное толкование неологизма «крылышкуя», с которого начинается этот текст: «махая крылышками, хлебникуя — тоскуя по Хлебникову»⁵.

К сожалению, сохранилась только первая страница моей статьи, но зато на ней имеется отзыв Лотмана: «Читал Ю. Л.» и знаки «плюс»

4 Ссылки на третье издание Собрания сочинений Хлебникова в шести томах (Хлебников 2020) даются в тексте под сокращением СС и с указанием тома и страниц.

5 Тетрадь с неологизмами А. Крученых находится в моем распоряжении.

и «минус», обведенные кружком и важные для меня, а также правка, принадлежащая составителю-редактору сборника и мне (см. илл. 1). Эта находка позволяет не только уточнить хронологию, но и дает возможность реконструировать содержание утраченного текста.

Здесь необходимо отметить приоритет статьи — настоящая работа была фактически первой попыткой прочтения программного стихотворения «Кузнечик», сделанной мною еще в 1966–1967 годах. В ней мне удалось найти «биологический» ключ для интерпретации анализируемого текста⁶.

Через много лет в другой статье — «Об анаграмматических структурах в поэтике футуристов» (1999) — я вернулся к этому тексту и развил некоторые аспекты «биологического» кода, а также предложил новый мифопоэтический подход для прочтения «Кузнечика» (Парнис 1999).

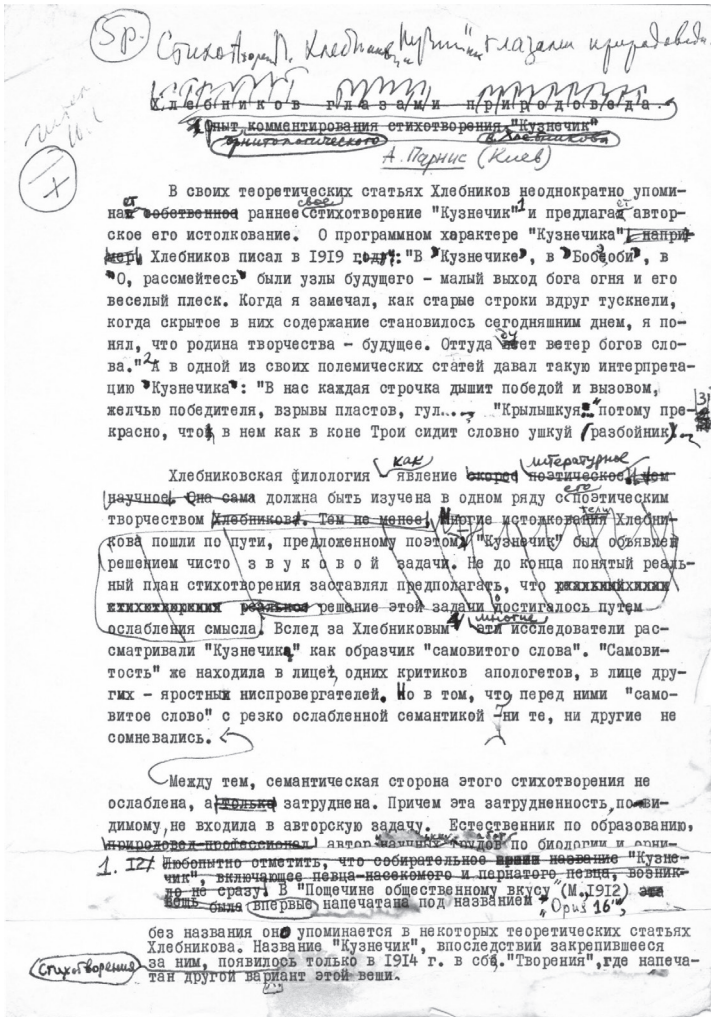
В конце 1960-х гг. я помогал В. Ф. Маркову, автору первой монографии о Хлебникове на английском языке, в работе над третьим томом репринтного («мюнхенского») издания собрания сочинений Хлебникова (1968–1972)⁷ и сообщил ему некоторые свои уточнения в связи с комментированием стихотворения «Кузнечик»⁸. Об этом шла речь в нашей переписке, которая сейчас опубликована⁹.

6 Моя «тартуская» статья о «Кузнечике» почему-то не была учтена в антологической работе об этом стихотворении Хлебникова (Россомахин 2004), в которой приведена библиография на эту тему, хотя автор, несомненно, знал о ней.

7 В преамбуле к библиографии Хлебникова Марков назвал меня соредактором 3-го тома (Хлебников 1972: XI). Здесь он привел ряд моих замечаний и уточнений к примечаниям отдельных текстов и дополнения к библиографии поэта.

8 «„Зинзивер“ — народное звукоподражательное название (в Поволжье) большой синицы» (там же: IX, см. также примеч. 10).

9 См.: Крусанов/Фиртич 2019: 251 (с датой 15 декабря 1968 г.), 259, 268, 283, 297.



Илл. 1

Первая страница статьи А. Е. Парниса о стихотворении Хлебникова «Кузнечик» с пометами Ю. М. Лотмана (1967). Собр. Г. Г. Суперфина.

Основные положения и ключ к правильному прочтению «Кузнечика» были уже найдены и сформулированы мною в статье 1967 г. для студенческого сборника. Ее название — «Хлебников глазами природоведа. Опыт комментирования стихотворения „Кузнечик“» — было претенциозным и не очень удачным. Редактор сборника предложил другое: «Стихотворение Хлебникова „Кузнечик“ глазами природоведа». Разумеется, термин «природовед» следовало бы дать в кавычках или просто опустить. Более точное и корректное название было мною дано в последней редакции этой работы, написанной для диплома, — «Заумь или природоведческая лексика?».

Для верного прочтения этого текста следует иметь в виду, что в нем имеется два семантических плана: реальный (биологический) и мифопоэтический. Хлебников обратил внимание на то, что в природе под одним и тем же наименованием «кузнечик» одновременно существуют два вида: насекомое и птица — большая синица (*Parus major* L.), которую в отдельных областях России называют также «кузнечиком» или «зинзивером»¹⁰. При описании мимолетной картины природы он дал стихотворению синтетическое заглавие — «Кузнечик». Текст закольцован: он начинается с обобщенного названия птицы и насекомого «кузнечик» и заканчивается символическим образом лебедя, причем его финал, данный в форме императива, становится высшей точкой в этом шестистишии: «О, лебедиво! О, озари!» Поэт не только выстроил в этом стихотворении зоологический иерархический ряд (кузнечик — большая синица / зинзивер — лебедь/лебедиво), но прежде всего описал в нем гармоническую картину природы.

Любопытно, что через несколько лет некоторые образы и мотивы из «Кузнечика» возникают в повести Хлебникова «Ка» (1915), но не в форме неологизмов, а в их узувальном значении:

Ка летел в синеве неба как *золотистое* облако, среди малиновых облачных гор, настойчиво *маша крылами*, затерянный в стае красных журавлей <...> как и они, и соединенный с пламене-

¹⁰ О народных названиях большой синицы — «кузнечик» и «зинзивер» — см.: Мензбир 1895: 823, 828; Успенский 1957: 56–59.

ющей зарей красными нитями, вихрями и волокнами. <...> Ка сложил *крылья* и, осыпанный с ног до головы утренней росой, опустился на землю. <...> Он отряхнулся и, как *озаренный* месяцем *лебедь*, ударил трижды по воздуху *крылами*. <...> Ка сел на злого, дикого, никогда не оскорбленного седяком *полосато-золотого* коня <...>. Но *золотистый* скакун <...>

(СС-5: 123; курсив мой — А. П.)

Впоследствии к анализу этого текста обращались многие исследователи. Среди них прежде всего следует отметить виртуозную статью Р. О. Якобсона «Подсознательные вербальные структуры в поэзии» (1970)¹¹, которая была посвящена лингвистическому анализу «Кузнечика» и выявлению в нем первой анаграммы (теория анаграмм Ф. де Соссюра была введена в научный обиход в середине 1960-х гг.). Затем о нем написал Д. Мицкевич (Mickiewicz 1984)¹², а через много лет Р. Вроон опубликовал отдельную работу об этом стихотворении, в которой он дал тщательный анализ текста и предложил новую его интерпретацию¹³.

Однако до сих пор в интерпретации «Кузнечика» даются неверные прочтения. Например, некоторые современные исследователи ошибочно толкуют некоторые словообразы при комментировании этого стихотворения¹⁴. Р. Дуганов и Е. Арензон в примечаниях к первому тому

11 Jakobson R. Subliminal Verbal Patterning in Poetry // Jakobson R.; Kawamoto S. (eds.): Studies in General and Oriental Linguistics. Tokyo: TEC Corporation, 1970. P. 302–308. См. рус. перевод Ю. А. Клейнера и Х. Барана в: Якобсон 2000.

12 Mickiewicz D. Semantic Functions in Zaum // Russian Literature. Vol. XV (IV), 1984. P. 414–426.

13 Vroon R. Velimir Khlebnikov's „Kuznechik“ and Art of Verbal Duplidity // Vroon R.; Malmstad J. (eds). Readings in Russian Modernism. To Honor Vladimir Fedorovich Markov. M.: Наука, 1993. С. 349–364. См. перевод этой статьи, сделанный А. Зориним и А. Россомахиним: Вроон Р. «Кузнечик» Велимира Хлебникова: искусство словесной двусмысленности // Интерпретация и авангард: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И. Е. Лощилова. Новосибирск: НГПУ, 2008. С. 11–25.

14 См., напр.: Стояновский М. Ю. Анализ стихотворения «Кузнечик» или небесспорные суждения по поводу // Начало. Сборник работ молодых ученых. М.:

последнего издания собрания сочинений Хлебникова (2020) продолжают утверждать, что «вер» (производное от «веры») якобы означает диалектное название «камыша», но ни в одном из славянских словарей это слово с таким значением обнаружить не удалось, а «зинзивер» — это якобы «синица, камышник, камышовый воробей» (СС-1: 460).

Эти ошибки кочуют из одного издания Хлебникова в другое. Они, вероятно, восходят к неверным примечаниям Н. Л. Степанова к стихотворению «Кузнечик» (СП-2: 303¹⁵; Хлебников 1960: 374). Эти ошибочные сведения, как выясняется, Степанов некритически заимствовал из ранней статьи Бурлюка «От лаборатории к улице (Эволюция футуризма)», напечатанной при жизни Хлебникова (Бурлюк 1920: 24).

Важно подчеркнуть, что слово «веры/вер» (род. п. мн. ч.), вероятно, имеет двойное значение:

1. как диалектное название одного из видов флоры или фауны, однако какого именно, установить пока не удастся, но отнюдь не «камыш» (ср. вариант данной строки в другой редакции «Кузнечика»: «много верхушек приречных вер»; СС-1: 397);

2. как традиционное «вера/вероучение» (или «религия») с аутентичным значением этого слова (ср. в письме Хлебникова к Вяч. Иванову от 10 июня 1909 г.: «<...> я пришел к формуле, что виды — дети вер и что веры — младенческие виды. <...> Отсюда недалеко до утверждения: виды потому виды, что их звери умели по-разному видеть божество (лик). Волнующие нас веры суть лишь более бледный отпечаток древле действовавших сил, создавших некогда виды» (СС-6: 411).

Хлебников неоднократно в своих статьях в 1913–1914 гг. возвращался к интерпретации «Кузнечика». Он предлагал различные варианты прочтения этого текста. В одной из них он утверждал, что в основе текста лежит «пятилучевой» звуковой принцип: «Установлено, что в них от точки до точки *5к, 5р, 5л, 5у*. Это закон свободно текущей самовитой речи. <...> Итак, самовитое слово имеет пятилучевое строение и звук

Наследие, 1998. С. 148–159; Пурин А. А. Смысл и заумь // Пурин А. А. Листья, цвет и ветка: О русской поэзии XX в. СПб.: Журнал «Звезда», 2010. С. 14–35.

15 Здесь и далее ссылки на Собрание произведений Хлебникова в пяти томах (Хлебников 1928–1933) даются в тексте как СП с указанием тома и страниц.

располагается между точками, на остове мысли, пятью осями, точно рука и морские звезды...» (СС-6: 255). В другой статье он писал, что в заглавном слове «крылышка» зашифровано скрытое слово «ушкой»: «„Крылышка...“ и т. д. потому прекрасно, что в нем, как в коне Трои, сидит слово „ушкой“ (разбойник). „Крылышка“, скрыл ушка деревянный конь» (там же: 203).

Р. О. Якобсон считал неологизм «крылышка» ключевым словом и писал, что поэт был очарован скрытой в деепричастии анаграммой и предложил следующую гипотезу: «На основании двойного прочтения „крылышка“ у Хлебникова можно предположить сложную парониматическую связь между „зинзивер“ и громовержцем *Зевсом*: /ЗИНЗИ-ВЕР/ — /ЗИВЕС/» (Якобсон 2000: 81–82).

Между тем, у Хлебникова была еще одна гипотеза толкования неологизма «крылышка». В конце 1960-х гг. среди неизданных бумаг Хлебникова, хранившихся у Н. Л. Степанова¹⁶, я обнаружил листок поэта, на котором были зафиксированы только четыре звукобуквы в следующей последовательности: *к, р, у, л* — и больше никаких записей на этом листке не было. Вне сомнения, на этом листке были обозначены звукобуквы, входящие в неологизм «крылышка» из анализируемого текста. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что эти звуки составляют полонизм «круль» (*król*) в значении «король». Здесь сам поэт намекает на то, что сочиненный им неологизм как бы имеет двойное значение: в нем имеется не только диалектное слово «ушкой» (разбойник), но и зашифрована скрытая межъязыковая анаграмма «крул/круль». Такая амбивалентность характерна для Хлебникова. В одной из статей он писал: «Слова особенно сильны, когда они имеют два смысла, когда они живые глаза для тайны, и через слюду обыденного смысла просвечивает их второй смысл» (СС-6: 396). Поэт неоднократно декларировал в ранних статьях расширение своего лексикона за счет заимствований из словарей славянских языков — польского, чешского, сербского, словенского, болгарского и других. Интересно, что Хлебников составил небольшой «Вступительный словарь односложных

16 В конце 1960-х гг. Степанов передал хранившиеся у него рукописи Хлебникова в РГАЛИ (Ф. 527).

слов» (1915), в котором слог «кра» ассоциативно связан со «словами-потомками» из русского, сербского и польского языков: «король, краль, круль» (1916; СС-6: 106).

Среди неизданных ранних рукописей поэта, которые относятся приблизительно ко времени создания «Кузнечика», имеются заготовки для создания языка, который Хлебников впоследствии назовет «звездным языком». Он подбирал слова, которые начинаются со слогов или звукосочетаний, несущих определенный смысл. Например: «*король* — корень, край; *крыша/край*, *кр* — быть острием / быть *королем* — крыть; *король* — кроющий от бед, крел, *круль*, корель, коруль» (курсив мой — А. П.)¹⁷.

В мифопоэтическом сознании Хлебникова титул «король» имел особую значимость. Он обыгрывал его в стихах — например, в «Печальной новости»:

Ныне в плену я у старцев злобных,
 Хотя я лишь кролик пугливый и дикий,
 А не король государства времен,
 Как зовут меня люди:
 Шаг небольшой, только «ик»,
 И упавшее «о», кольцо золотое,
 Что катится по полу.
 (Хлебников 1917)

Здесь реализация метафоры и игра со словами «король» и «кролик». Интересны в этой связи также дневниковые записи Хлебникова. Например, 24 октября 1915 г. он отметил: «Коронация микадо. Маяковский назвал меня королем русской поэзии» (СС-6: 104). Через некоторое время, 30 декабря того же года, он записал свой разговор с одной из сестер Будберг: «Инна Алекс<андровна>: „А, король есть, хотите я буду королевой?“» (там же: 506). А накануне нового 1916 года, который поэт встречал в петроградской квартире Бриков, он 31 декабря сде-

17 На эти заготовки, которые хранятся в РГАЛИ (Ф. 527. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 9 об.), любезно обратила мое внимание Н. Н. Перцова.

лал такую запись: «Осип Брик провозгласил тост за короля времени В. Хлебникова» (там же).

Здесь важно подчеркнуть, что выявление в неологизме «крылышка» межъязыковой анаграммы «круль» позволяет установить семантические и фонические связи между словами в тексте и определить ряд, который характеризует метонимический образ поэта, или короля поэзии:

кузнечик → крылышка → ушкуй → круль

В мировой и в русской традициях образы кузнечика и лебедя являются символами поэта — Пиндар, Анакреон, Эзоп, Джон Китс, Г. Р. Державин, В. А. Жуковский, Я. П. Полонский, Н. С. Гумилев, Н. А. Заболоцкий и другие. Хлебников, как выясняется, также отождествлял себя с кузнечиком. Это подтверждается его словами из письма к матери от 28 ноября 1908 г.: «В хоре кузнечиков моя нота звучит отдельно, но недостаточно сильно и, кажется, не будет дотянута до конца» (там же: 408). В эту традицию входят также и поэты-футуристы, которые выстраивают диалог вокруг темы кузнечика: В. Каменский, Е. Гуро и Хлебников. Гуро написала стихотворение «Звенят кузнечики» под воздействием текста Каменского «Звени день» (из «Садка судей», 1910) и напечатала его в своем сборнике «Осенний сон» (1912). Уже после выхода «Пощечины общественному вкусу», где впервые был опубликован «Кузнечик», Хлебников намекает на эту связь трех текстов в письме к Гуро от 12 января 1913 г.: «В „Кузнечиках“ <речь идет о стихотворении «Звенят кузнечики» — А. П.> звучит легкая насмешка над другой мелькающей жизнью, но тут дается ключ к пониманию ее и прощение ошибок и упрямства» (СС-6: 437)¹⁸. Ср. также в программном стихотворении «Гонимый кем — почем я знаю?..», напечатанном в том же сб. «Пощечина общественному вкусу»: «Одни прощали удалиться, / А те молили: озари» (ПОВ: 51).

Весь строй «Кузнечика» и прежде всего его финал («О, лебедиво! / О, озари!»), восходят, вероятно, к строкам А. С. Пушкина из «Евгения

18 На паронимастическую связь с Гуро обратил внимание А. Россомахин (см.: Россомахин 2004: 16–17).

Онегина»: «Весной, при кликах *лебединых* <...> / Являться муза стала мне <...> / Моя студенческая келья / Вдруг *озарилась*: муза в ней <...>», а также к строке из его стихотворения «Красавица»: «Все в ней гармония, все *диво*» (курсив мой — А. П.).

Таким образом, Хлебников в «Кузнечике» не только описал гармоническую картину в природе, но прежде всего создал в нем эмфатическую миниатюру о поэзии и поэте, в которой несомненно просматриваются черты автора текста. Стихотворение «Кузнечик» является, вне сомнения, одним из первых стихотворных **автопортретов** молодого Хлебникова.

2. В поисках утраченного архива

В биографии Велимира Хлебникова до сих пор существуют белые пятна, хотя сравнительно недавно вышла двумя изданиями большая монография о нем, написанная С. В. Старкиной¹⁹. Например, «Хлебников и Иран» — одна из примечательных и малоизученных тем позднего периода поэта. Она непосредственно связана с судьбой востоковеда-ираниста Р. П. Аби́ха (1901–1940). Автор этих строк, начиная с 1967 г., неоднократно обращался к настоящей теме и публиковал неизвестные тексты и материалы о «персидском» периоде Хлебникова. Прошло пятьдесят шесть лет, появились новые архивные документы о Гилянской революции²⁰, и я хочу вернуться к этой теме и подвести

19 Старкина С. В. Велимир Хлебников. Король Времени. СПб.: Вита Нова, 2005; Старкина С. В. Велимир Хлебников. М.: Молодая гвардия, 2007. Автор этой монографии о Хлебникове ничего не пишет в ней ни об Аби́хе, ни об его архиве.

20 Парнис А. Е. В. Хлебников в революционном Гиляне (Новые материалы) // Народы Азии и Африки. М.: Изд-во АН СССР, 1967. № 5. С. 156–164; Персиц М. А. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран 1920–1921 гг. М.: АИРО-XX, 1996; Генис В. Г. Красная Персия. Большевики в Гиляне. 1920–1921. Документальная хроника. М.: МНПИ, 2000; Генис В. Г. Рудольф Аби́х — историк Гилянской революции // Иранистика в России и иранисты. М.: Институт востоковедия РАН, 2001. С. 145–156; Персидский фронт мировой революции. Документы о советском вторжении в Гилян (1920–1921) / Сост. М. А. Персиц. М.: Квадрига, 2009. См. биографическую справку об

некоторые итоги. Здесь я впервые подробно расскажу о поисках и находке уникального архива Абиха.

В России, как говорил К. И. Чуковский, нужно жить долго. В начале 1966 г. мне удалось разыскать «персидский» архив Абиха, человека, который сыграл в жизни и в посмертной судьбе Хлебникова значительную роль. Архив находился в Баку в подвале одного из домов, где он пролежал более 30 лет. Хозяева этого подвала не подозревали, какие сокровища хранятся у них под дровами. Я даже не нашел его, а, выезжая из Москвы, как бы «вычислил» его. Поиск архива Абиха похож на настоящий детектив и требует отдельного рассказа.

Когда я начал искать этот архив, я знал о востоковеде Абихе крайне мало — только то, что он упоминается в одном из последних писем поэта и что он был участником похода Волжско-Каспийской флотилии в Северный Иран (Гилян) в 1920–1921 годах. Кроме того, он являлся автором комментариев к поэме «Труба Гуль-муллы» (в последней редакции — «Тиран без Тэ»), напечатанной в первом томе собрания произведений знаменитого пятитомника Хлебникова (1928–1933), а также прокомментировал ряд других стихотворений из «персидского» цикла поэта, включенных в третий том собрания (1930). Одно из стихотворений этого цикла, напечатанное в этом томе под ошибочным заглавием «Испаганский верблюд» (правильно — «С утробой медною...»), было непосредственно обращено к Абиху. Составитель и редактор первого собрания Хлебникова Н. Л. Степанов в предисловии к пятитомнику благодарил Абиха за помощь в работе над комментариями к «персидским» текстам поэта. В «Избранных стихотворениях» Хлебникова (1936) он перепечатал комментарии Абиха к этим текстам, но не мог упоминать фамилии комментатора, так как в это время тот был уже репрессирован.

Абихе: Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Подг. Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 10–11. См. также: Алексеев М. А.; Колпакиди А. И.; Кочик В. Я. Энциклопедия военной разведки. М.: Кучково поле, 2012. С. 34. Расстрельные списки. Москва 1935–1953. Донское кладбище (Донской крематорий) / Под ред. Л. С. Ереминой и А. Б. Рогинского. М.: Мемориал; Звенья, 2005. С. 5.

Кто же такой Рудольф Петрович Абиx?

В 1960-х гг. XX века в советской историографии ничего не писали о «гилянском» походе Волжско-Каспийской флотилии и о создании в Иране Гилянской советской республики. Это была «закрытая» тема, а почти все участники «персидского» похода в 1936–1937 гг. были репрессированы и погибли.

Я нигде не мог найти никаких сведений об Абиxе. Востоковеды, к которым я обращался, не могли ничего мне о нем сообщить. Впоследствии, когда в 1980-х гг. начали открываться архивы и стали появляться первые работы по истории внешней политики Советской России в 1920-х гг., когда была опубликована новая справочная литература, стало известно, что Абиx был не только активным участником Гилянской революции, но и был одним из первых ее историков.

Приведу краткие биографические сведения, выявленные мною из различных источников. Абиx родился в 1901 г. в Баку в семье обрусевших немцев. В 1918 г. он стал членом ВКП(б), в те же годы (1918–1919) учился в Астраханском университете на общественно-историческом факультете, а осенью 1919 г. был мобилизован в армию.

Флотилия под командованием Ф. Ф. Раскольникова вышла из Баку 17 мая 1920 г. и взяла курс на Энзели. Одной из главных задач было возвращение угнанных белогвардейцами кораблей Каспфлота. Эта флотилия, как писала Лариса Рейснер в одном из очерков, «кулаком, зашитым в броню, ударила по глухозапертой двери Востока» (Рейснер 1924: 118).

18 мая Раскольников поставил британцам, занявшим Энзели, ультиматум и указал срок, по истечении которого между советскими войсками с одной стороны и британцами и белогвардейцами с другой должны начаться боевые действия. Британцы не ответили на ультиматум. Началась Энзелийская операция, которая продолжалась всего несколько часов. Волжско-Каспийская флотилия вернула контроль над всеми кораблями. Однако советские войска уходить не собирались, они остались в Северном Иране еще на полтора года.

5 июня 1920 г. в городе Реште (столице провинции Гилян) была провозглашена Гилянская советская республика во главе с вождем дженгелийцев Мирзой Кучек-ханом, который первоначально сотрудничал с советской властью, но затем ситуация резко изменилась, и Кучек-хан

вместе с дженгелийцами ушел в леса. Гилянская республика просуществовала всего восемнадцать месяцев.

На самом деле это была очередная военная авантюра Советской республики, которая пыталась реализовать в Северном Иране идею мировой революции, «мирового пожара». Этой идеей увлеклись многие, в том числе и Хлебников, который весной 1921 г. оказался в Иране и провозгласил в одном из стихотворений: «Персия будет советской страной. Так говорит пророк!» (СП-5: 85).

Весь период Гилянской революции — от высадки советских войск 18 мая 1920 г. в порту Энзели и до их окончательного вывода 8 сентября 1921 г. — Абих провел в Северном Иране. Эту военную кампанию он проделал как сотрудник Политотдела Волжско-Каспийской флотилии, где занимал руководящие посты (см. илл. 2).

Абих вскоре стал председателем Политпросвета Персармии, участвовал в нескольких военных операциях и только в октябре 1921 г. вернулся в Баку. В Персии Абих неожиданным образом познакомился с Хлебниковым, который приехал в Северный Гилян 15 апреля 1921 г. и провел в этой стране три с половиной месяца²¹. Хлебников в неиздан-

21 Некоторое время назад в Астрахани была издана небольшая книжка профессора Ю. С. Чуйкова «Красный Иран (Петр Усачев, Рудольф Абих. Велимир Хлебников)», посвященная «персидскому» периоду поэта. Она вышла двумя изданиями (в 2008 и в 2010 гг.) Автор книги определяет ее жанр как «документальную повесть», основанную на «материалах, частично опубликованных, частично хранящихся в архивах». Она примечательна тем, что в «документальной повести» нет ни одной ссылки на источники, а если и есть «случайные» намеки на них, то Чуйков сделал это в самом тексте скрытно, чтобы читатель не смог догадаться, где находится тот или иной документ. Кроме того, он приводит различные документы, раскавычивает цитаты из чужих работ и выдает их за свои «открытия». В книге нет ни одного неизвестного ранее факта из биографии поэта, в ней преимущественно многочисленные ошибки и неточности. Например, Чуйков ошибочно утверждает, что «истоки знакомства Абиха и Хлебникова можно искать в Астрахани», и посвящает поискам доказательства этого неизвестного «факта» из биографии поэта несколько страниц. Между тем сам Абих свидетельствовал, что они познакомились лишь через три года после его учебы в Астрахани — в революционном Реште (см. подробнее об этом далее). Автор приводит также обширные цитаты из воспоминаний П. И. Усачева, не подозревая, что они уже

ных записях с точностью до минуты отметил момент, когда он увидел «синее чудо Персии»: «10 часов без 3 м<минут> 15 IV <1921> увидел берег Персии» (цит. по: Баран/Парнис 2003: 271).



Илл. 2

Р. П. Абих. Начальник общего отряда Политотдела Экспедиционного корпуса. Энзели. 1920. Фотография. Публикуется впервые. Собр. А. Е. Парниса.

Осенью 1921 г., после возвращения из Персии, Абих некоторое время работал в Баку, а затем во Владикавказе. В начале марта 1922 г. он приехал в Москву на учебу. Здесь он снова несколько раз встречался с Хлебниковым. Об одной из встреч поэта с Абихом вспоминал его друг художник П. В. Митурич (Митурич 1997: 45, 49, 50).

В 1922–1924 гг. Абих учился в Военной академии РККА на восточном отделении. После учебы он был на дипломатической работе в Иране и служил в военной разведке, впоследствии вернулся в Москву и некоторое время был ученым секретарем Института востоковедения

давно полностью опубликованы сотрудницей ГАО Н. Чумановой в «Отечественных архивах» (2004, № 4. С.74–77), а также цитировались в работе, написанной мной и Х. Бараном (Парнис/Баран 2008: 281).

имени Н. Н. Нариманова. После окончания института Абих стал профессиональным литератором, востоковедом-иранистом, служил в ряде советских издательств и журналов — «Новый Восток», «Новый мир», «Даешь», «Бригада художников» и др. Он неоднократно принимал участие в юбилейных изданиях персидских классиков Фирдоуси и Низами как редактор и составитель, а также опубликовал ряд статей по истории и культуре Ирана (см. илл. 3).



Илл. 3

Р. П. Абих в 1920–30-е гг. Фотография.

Публ. по: Генис 2000 (фотоклейка).

С конца 1920-х гг. Абих неоднократно подвергался репрессиям. Его три раза исключали, а затем снова восстанавливали в партии, последний раз — 15 января 1935 года. Через несколько дней, 24 января, в «Литературной газете» появилась заметка, подписанная инициалом «М.»

и разоблачающая его «двурушничество» (см. илл. 4)²². Заметка в газете об исключении из партии Абиха была откровенным доносом на него. Это было началом конца.



Илл. 4

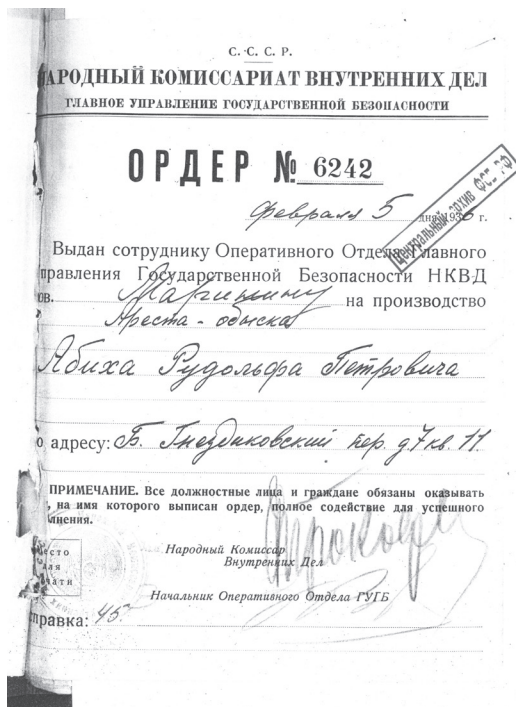
М. Двурешник Абих исключен из партии. Литературная газета.

24 января 1935

В 2006 г., через сорок лет после «бакинской» находки, я обратился в архив ФСБ с просьбой ознакомиться со следственным делом Абиха. С большим трудом мне удалось получить доступ: выяснилось, что у Абиха оказалось не одно, а два дела, но в них не было никаких материалов о Хлебникове, хотя в делах упоминались участники «персидского» похода. Приведенные здесь биографические сведения о Абихе

22 М. Двурешник Абих исключен из партии // Литературная газета. 1935. 24 января.

я почерпнул в основном из двух уголовных дел, находящихся в архиве ФСБ (NP-26554; NP-23313)²³ (см. илл. 5).



Илл. 5

Ордер № 6242 от 5 февраля 1936 г. на арест Р. П. Абиха.

Публикуется впервые. Архив ФСБ РФ.

Здесь следует остановиться на примечательном и парадоксальном факте из биографии Абиха. В 1931 г. он подготовил к печати как «редак-

23 См. подробнее об этом: Парнис А. Е. Неизвестные страницы хлебниковедения: Р. П. Абих и история его архива // Творчество Велимира Хлебникова и русская литература XX века: Поэтика, текстология, традиции: Материалы X Международных Хлебниковских чтений. Астрахань: АГУ, 2008. С. 216–220.

тор-конструктор» один из первых сборников статей о Феликсе Дзержинском, вышедший в издательстве «Соцэкгиз»²⁴ (Абих в то время был заместителем главного редактора этого издательства) (см. илл. 6). Этот сборник вышел с предисловием-некрологом «Дзержинский», написанным И. Сталиным и перепечатанным из газеты «Правда» (1926. №166. 22 июля). Буквально через пять лет после выхода этой книги зловещая организация, которую в свое время возглавлял герой книги, «слопала» ее редактора как «чушка своего поросенка» (А. Блок).



Илл. 6

Обложка сборника статей «Феликс Дзержинский».

Автор — редактор-конструктор Р. П. Абих. 1926–1931. М.: Соцэкгиз, 1931.

24 См.: Феликс Дзержинский. 1926–1931 / Редактор-конструктор Р. Абих; сост. А. Дубинская. М.: Соцэкгиз, 1931. На обороте титульного листа беспрецедентная наборная типографская помета: «работа произведена типографией в десять дней».

Еще в середине 1960-х гг. я обратился с вопросами об Абихе к первому биографу Хлебникова Н. Л. Степанову. Он сообщил, что не знал его близко и встречался с ним всего лишь несколько раз в середине 1920-х гг. во время работы над собранием произведений Хлебникова в свои редкие приезды из Ленинграда, где он работал в Институте истории искусств, в Москву. Степанов получил от него комментарии к поэме «Труба Гуль-муллы» и к «персидским» текстам преимущественно по почте. Другие материалы по этому периоду поступили от художника П. В. Митурича, последнего друга и душеприказчика поэта. Несколько неуверенно Степанов добавил, что у Абиха должны были быть какие-то рукописи Хлебникова.

Другой исследователь Хлебникова Н. И. Харджиев, к которому я обратился с этим же вопросом, отозвался об Абихе очень резко. По его словам, он был «темной личностью», авантюристом, бегал по разным редакциям и говорил, что якобы пишет книгу о Хлебникове и его пребывании в Иране. На самом же деле, как утверждал исследователь, Абих ничего не знал о поэте и никакой книги написать о нем не мог. У Харджиева была репутация предельно ревнивого человека, и я понял, что он просто уводит меня, начинающего литератора, в другую сторону. Это подтвердилось сравнительно недавно: в архиве Харджиева, уже после того, как он в 2011 г. был передан из Амстердама в Москву, я обнаружил два письма Абиха к Митуричу, посвященных Хлебникову, — в них имеется свидетельство, что Харджиев лично был знаком с Абихом и, конечно же, знал, что он работал над книгой о поэте.

Несмотря на негативную характеристику Абиха, которую дал ему Харджиев, я все же решил искать его архив и начал буквально с нуля. Прежде всего нужно было найти родственников и знакомых Абиха, а также участников «персидского» похода, оставшихся в живых.

Здесь нет возможности подробно рассказать об этом поиске, на который ушло много сил и времени. Больше года я искал родственников Абиха в разных городах, и этот поиск неожиданным образом увенчался успехом. Это был настоящий подарок судьбы.

Я разыскал нескольких лиц, которые были в Персии в 1920–1921 гг. и сообщили мне некоторые сведения о Хлебникове и об Абихе. Среди

лиц, найденных мною, был сын художника Мечислава Доброковского, друга поэта, который упоминался в его «Досках судьбы» и дневниковых записях. Когда я увидел имя сына художника в полученной мной адресной справке, у меня был шок. Его звали Велимиром — отец назвал его так в честь поэта. Однако Велимир Доброковский ничего не знал ни о Хлебникове, ни об Абихе. Сын художника давно отказался от «странного» имени «Велимир» и сменил его на «Владимир», а друзья называли его «Волька». Он сообщил мне, что его отец был репрессирован и погиб в 1938 г. (?), а также показал мне некоторые его работы — картины и рисунки, которые почему-то не висели на стенах, а лежали в диване. Между тем я узнал у него главное — жив друг его отца писатель А. Е. Костерин, с которым художник находился в Иране (см. илл. 7).



Илл. 7

*А. Е. Костерин — писатель-правозащитник.
Фотография. 1920-е. Публ. по: Генис 2000 (фотоклейка).*

Об этом замечательном человеке стоит рассказать отдельно²⁵. Найти его не составило особого труда — он жил в кооперативном доме писателей на Малой Грузинской улице, рядом с Белорусским вокзалом. Он был старым членом партии, участником гражданской войны, военным комиссаром Чечни. 6 мая 1938 г. Костерин был арестован как «социально-опасный элемент», несколько лет находился в лагере, затем в ссылке, а в 1953 г. вернулся в Москву. В 1955 г. он был реабилитирован.

Костерин был не только писателем, но и видным общественно-политическим деятелем, диссидентом: в 1960-х гг. он был одним из лидеров движения за реабилитацию народов Кавказа и Крыма. В 1962 г. Костерин опубликовал в «Новом мире» (№ 12) дневник своей дочери, погибшей в начале войны, — «Дневник Нины Костериной». Критика сравнивала этот дневник с известным «Дневником Анны Франк», который был переведен на многие языки мира и который в 1960 г. был издан у нас в переводе Р. Я. Райт-Ковалевой, и даже с «Дневником» художницы Марии Башкирцевой, который высоко ценил Хлебников.

В своем дневнике Нина Костерина — ей было всего двадцать лет, когда она погибла, — подробно рассказала об аресте отца, о своих страданиях и переживаниях, связанных с этим, и даже упомянула друга отца и Хлебникова «худогу» Доброковского и его картины. Перед уходом в партизаны она написала в дневнике завещание, которое заканчивалось такими словами: «У меня одна мысль в голове: может быть, я своим поступком спасу отца?» (Костерина 1962: 105). Можно представить себе состояние и переживания ее отца, когда он, вернувшись из лагеря живым, прочел эти слова дочери в ее завещании.

24 октября 1968 г. Костерин написал письмо в Политбюро ЦК КПСС, в котором поддержал Пражскую весну и сообщил о своем выходе из партии, приложив к письму партбилет. 30 октября он был исключен из Союза писателей СССР, а 10 ноября 1968 г. скончался.

Сразу после его смерти по «Радио Свобода» прозвучали слова его бывшего соседа по дому на улице Малой Грузинской, известного литературного критика Аркадия Белинкова:

25 См.: Кузовкин Г. В.; Зубарев Д. И. Костерин Алексей Евграфович // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 411–413.

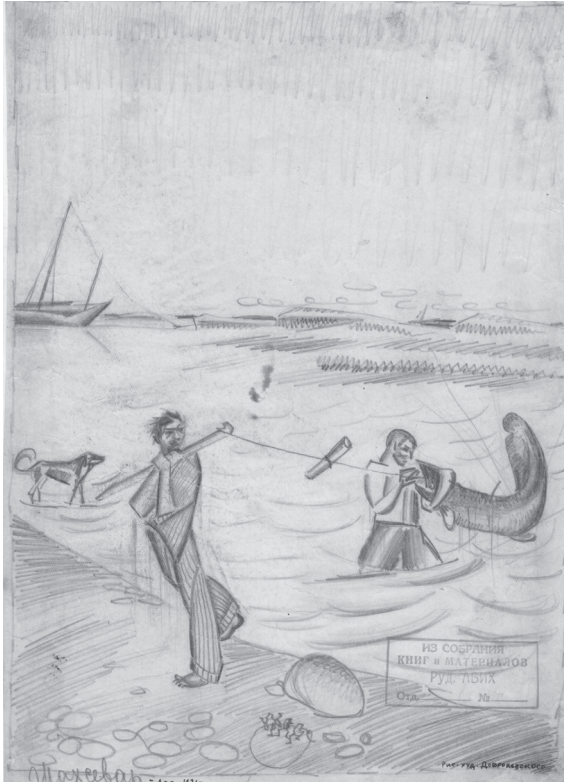
10 ноября в Москве в центре города был убит человек. <...> Имя убитого в Москве человека — Алексей Евграфович Костерин, писатель. Его убила шайка преступников, уже несколько десятилетий терроризирующая страну, убивающая людей и уничтожающая ее духовные ценности. Эта шайка называется — советская власть.

(Белинков 2008: 418)

Я был знаком с Костериным в последние два-три года его жизни. Его неоднократно исключали из партии и два раза из Союза писателей. В 1938 г. он был арестован. Писатель вышел на свободу тяжело больным, но не сломленным человеком. Известный диссидент генерал Петр Григоренко называл его своим учителем. Для меня прежде всего важно было то, что в 1920–1921 гг. Костерин находился в Северном Иране (Гиляне) и редактировал армейскую газету «Красный Иран», в которой напечатал несколько стихотворений Хлебникова. Он хорошо знал не только поэта, но также и Абиха. От него я узнал, что Абих в конце 1920-х – начале 1930-х гг. действительно работал над книгой о Хлебникове, собирал материалы о поэте «персидского» периода, заставил всех друзей и знакомых по этому походу, в том числе и самого Костерина, написать воспоминания о поэте. К сожалению, о дальнейшей судьбе Абиха и его архива²⁶ Костерин ничего не знал, так как вскоре сам был арестован. Я попросил Костерина еще раз написать воспоминания о Хлебникове. Он согласился выполнить мою просьбу и через некоторое время написал новые воспоминания о поэте, которые затем опубликовал в журнале «Москва» под названием «Русские дервиши» (1966, № 9). По свидетельству Костерина, в «персидский» период поэт особенно сблизился с художником Доброковским, что отражено в стихотворении Хлебникова «Иранская песня»: «Ходят двое чудаков / Да стреляют судаков» (СС-2: 199). Впоследствии, когда в найденном мною архиве

26 По свидетельству вдовы художника Р. Р. Фалька А. В. Щекин-Кротовой, какая-то часть архива Абиха (или материалов сборника, который он редактировал) после его ареста каким-то образом попала в Наркомпрос, но его дальнейшая судьба неизвестна (см.: Щекин-Кротова 2020: 29).

Абиха я обнаружил «ранние» воспоминания Костерина о Хлебникове, то сравнив их с поздним вариантом, написанном по моей просьбе, убедился в точности памяти мемуариста (см. илл. 8).



Илл. 8

М. Доброковский. Рисунок к строкам «Ходят двое чудаков / Да стреляют судаков» из стихотворения Хлебникова «Иранская песня». Шахсевар. Лето 1921.

Публикуется впервые. Собр. А. Е. Парниса.

Костерин сообщил мне довоенный адрес Абиха, где тот проживал с женой, — Большой Гнездниковский переулок, дом № 7, кв. 11, напротив знаменитого дома Нирнзее. Вскоре мне удалось найти и вдову Абиха — Нину Леопольдовну Левикову, которая после ссылки вернулась в Москву, пыталась прописаться в старой квартире, но ей этого не удалось сделать. Она поселилась в другой квартире на Старом Арбате. Меня связали с ней по телефону. От Левиковой я получил неожиданные сведения, которые еще раз подтвердили, что я нахожусь на верном пути. Когда я пришел к ней на следующий день после первого телефонного разговора, она мне сказала: «Из-за Вас я не спала всю ночь. И я вспомнила, что Рудольф мне написал из лагеря (тогда еще можно было переписываться) и попросил спасти все его бумаги, собранные им для книги о Хлебникове, а также материалы по истории Гилянской революции в Иране. Я понимала, что меня тоже могут арестовать, и за несколько дней до ареста отправила в посылках по почте все „хлебниковские“ и „гилянские“ бумаги его родственникам в Баку. С тех пор я ничего не знаю ни об этих бумагах, ни и о самих родственниках моего мужа».

Искать родственников Абиха было необычайно трудно. По справке, полученной мною в адресном бюро, выяснилось, что в Москве не было ни одного человека с фамилией Абих. Сложность поиска состояла в том, что во время войны многие этнические немцы старались каким-то образом поменять свои фамилии. Я запросил Баку, и мне прислали адрес какого-то человека, носящего фамилию Абих, но этот адрес оказался довоенным. Я упорно продолжал свои поиски. И тут мне помог случай. Кто-то из московских бакинцев сказал мне: «Напрасно Вы ищете родственников Абиха в Баку: по моим сведениям, его племянница живет в Москве, но под другой фамилией». Я узнал ее новую фамилию у Левиковой — Магда Сабурова — и побегал в адресную будку на Тургеневской площади, находившуюся недалеко от знаменитого дома на улице Кирова, 21²⁷, где я тогда жил (сколько раз

27 Ранее улица Кирова называлась Мясницкой. До революции на Мясницкой, 21 располагалось Московское училище живописи, ваяния и зодчества, а затем общежитие ВХУТЕМАСа.

я обращался в эту будку с надеждой найти каких-нибудь людей, связанных с Хлебниковым!). Через полчаса я уже имел адрес и телефон Сабуровой. Я позвонил ей и рассказал, почему я ее разыскиваю. Она сказала мне по телефону, что хорошо помнит, как до войны старшая сестра Абиха получила из Москвы от его жены какие-то посылки с бумагами, но они их сжигали, не рассматривая, — время было такое! Может, что-нибудь из бумаг и сохранилось, но она об этом ничего не знает. Мой первый телефонный звонок к племяннице случайно совпал с днем ее рождения. Чтобы немного себя и ее успокоить, я решил обрадовать именинницу и сказал ей: «Я хочу подарить Вам... тетю». Они обе, тетя и племянница, жили в Москве, но не подозревали об этом. Я сообщил Сабуровой телефон ее тети, и они были очень рады восстановить через много лет отношения.

Оказалось, что бакинские родственники Абиха живут в той же квартире, в которой они жили до войны, но у них другие фамилии, а главное — жива старшая сестра Абиха, Лидия Петровна Котляревская. Меня попросили не волновать ее, а дальнейшие поиски вести крайне деликатно. Как выяснилось, в бакинском доме не было мужчин. Нужно было разыскать кого-нибудь мужчину и попросить разобрать дрова в подвале, за которыми могли находиться архивные материалы. Время шло, я сидел в Москве и не знал, что мне делать: лететь ли в Баку (денег на самолет у меня, конечно, не было) или ждать, когда кто-нибудь, наконец, не придет и не разберет эти проклятые дрова, которые пролежали в подвале более тридцати лет. А главное, важно было понять, сохранилось ли что-нибудь в подвале из архива Абиха?

Время тянулось медленно. Из Баку доходили хорошие известия (я несколько раз звонил туда) — вроде бы что-то нашлось. Прошло более трех недель, и, наконец, в арбатской квартире Левиковой (она пригласила меня к себе — по закону жанра я должен был присутствовать при этом «историческом» событии!) мы вскрыли две посылки, присланные из Баку. Первое, что я вытащил из посылки, был полуистлевший и обгоревший с обеих сторон листок, исписанный мелким почерком. Это оказалась рукопись Хлебникова. Можно представить, в каком я был тогда состоянии...

Что же находилось в этих посылках?

Следует иметь в виду, что архив Абиха в силу известных обстоятельств не мог сохраниться полностью. Как сказала Сабурова, некоторые документы и бумаги, к сожалению, были сожжены.

Прежде всего следует сказать о сохранившихся автографах Хлебникова. Это тексты поэта, написанные его рукой на 42 листах. В посылках оказались:

1) беловая рукопись исторической поэмы без заглавия («Минин — нижегородец...»), которая впоследствии в другой редакции была включена в сверхповесть «Зангези» (1922) как «Плоскость XVIII» — 6 стр.;

2) беловая рукопись диптиха «С утробой медною...» (она в 1923 г. была опубликована в сборнике «Стихи», а затем перепечатана в 1931 г. в СП-3 с неточностями и под ошибочным заглавием — «Испаганский верблюд») — 5 стр.;

3) черновая редакция стихотворения «Новруз труда», опубликованного в газ. «Красный Иран» (1921, № 66, 5 мая) — 4 стр.;

4) беловая рукопись неизданной статьи «О строении времени» из цикла «Доски судьбы» — 17 стр.;

5) нотная тетрадь с выписками Хлебникова из книги Атрпета (С. Мубаяджяна) «Бабизм и бехаизм» (Тифлис, 1910) и различными заготовками — 10 стр. с заполненными оборотами;

6) копии договора Абиха на издание книги о Хлебникове с издательством «Федерация» (1929) и на пролонгацию с издательством «Госиздат» (1934) — 5 стр.

Все тексты Хлебникова, упомянутые в этом списке (кроме черновика «Новруз труда» и выписок из нотной тетради), ныне опубликованы.

Какие рукописи Хлебникова были утрачены, к сожалению, установить пока не удалось. Найденные рукописи и две заявки на книгу свидетельствуют о том, что в конце 1920 – начале 1930-х гг. работа Абиха над книгой «Хлебников в Персии. Урус-дервиш», название которой он затем изменил — «Хлебников и Тиран без Т» (так! — А. П.), была только на начальном этапе. По первоначальному замыслу (1929) предисловие к книге Абиха о Хлебникове должен был написать Маяковский²⁸.

28 Сохранились два договора Абиха с Госиздатом РСФСР от 29 мая 1929 г. и от 1 апреля 1930 г. на издание его книги «Хлебников в Персии» — РГАЛИ.

Здесь необходимо рассказать о взаимоотношениях Абиха с Маяковским. В 1928–1929 гг. Абих с художником М. Доброковским работал в журнале «Даешь». Он пригласил Маяковского сотрудничать в этом журнале, поэт напечатал в нем свои стихотворные лозунги, а сразу после его смерти Абих написал статью о нем²⁹ и участвовал в вечере его памяти в Политехническом музее 14 апреля 1933 г. (сохранилась афиша — в ГММ; см. илл. 9).



Илл. 9

Афиша двух вечеров памяти Маяковского в Политехническом музее
12, 14 апреля 1933 г. с участием Р. П. Абиха. ГММ.

Ф. бн. Оп. 2. Ед. хр. 56. (9 листов). Маяковский упоминается в первом договоре. В 1933–1934 гг. Абих пролонгировал этот договор. Из неизданной переписки О. М. Брика известно, что Абих продолжал бывать у Бриков в Гендриковом переулке и после смерти поэта.

- 29 Абих Р. Агитатор Маяковский // Литературная газета. 1930. № 16. 21 апреля. Ныне эти рукописи Маяковского хранятся в его архиве в РГАЛИ — Ф. 336. Оп. 5. Ед. хр. 73, 80. Фамилия Абиха и его тогдашней жены А. Дубинской значатся в списке посетителей выставки «XX лет работы Маяковского» — 1 февраля 1930 г. (под № 21, 22 — РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Ед. хр. 41. Л. 88).

В 1929 г. Абиx вошел в первую «Группу друзей Хлебникова», которая издавала литографированные сборники «Неизданный Хлебников» (вышло тридцать выпусков, шесть последних сохранились в виде машинописи) и которую возглавлял Крученых. Сохранился также текст открытого письма «Группы друзей» в «Литературную газету» или в «Известия» о собиpании неизданных рукописей Хлебникова для этих сборников. Среди подписавших настоящее письмо, кроме Абиxа, были — Маяковский, Крученых, Николай Асеев, Василий Каменский, Осип Брик, Юрий Олеша, Валентин Катаев и другие.³⁰ Любопытно, что в этом письме упоминается не найденная до сих пор повесть Хлебникова о Петре Великом (1917).

7 марта 1930 г. Абиx организовал вечер памяти Хлебникова в московском клубе писателей ФОСП. На нем выступили друзья поэта Маяковский, Каменский и Асеев. На следующий день, 8 марта, Каменский сообщал в письме Д. Д. Бурлюку в Нью-Йорк:

Вчера, 7 марта, в клубе писателей состоялся вечер Велимира Хлебникова. Выступили я, Маяковский, Асеев и артисты-чтецы... Переполнившая зал публика приняла вечер великолепно... Одного вечера для Велимира оказалось мало... Будет продолжение. Интерес к Хлебникову растет неимоверно...³¹

Второй вечер памяти поэта, о котором упоминает Каменский, состоялся 13 марта, и на нем выступил Абиx с докладом «Хлебников и Восток»³².

После выхода первых томов собрания произведений Хлебникова Абиx продолжал принимать участие в различных мероприятиях,

30 См. коллективное письмо писателей в редакцию «Литературной газеты» (?). — РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. Ед. хр. 174. Л. 3.

31 Color and Rhyme. New York. 1966. No. 60. P. 87.

32 См. анонсы: Литературная газета. 24 февраля 1930 (хроника); Литературная газета. № 9 (46). 3 марта (хроника); Вечерняя Москва. 1930, 7 марта (хроника); Литературная газета. 1930, 10 марта (хроника). К сожалению, текст доклада Абиxа Хлебников и Восток» не сохранился. См. также: Катанян В. / Катанян Г. 1999: 162.

связанных с именем главы бюджетян. Все это время он собирал документы и материалы для своей книги о «персидском» периоде Хлебникова, записывал свидетельства людей, знавших поэта во время пребывания в Персии, а также убеждал их самих написать воспоминания о нем. После смерти Маяковского Абиху пришлось думать не только о новом предисловии к книге о Хлебникове, но и поменять ее структуру и состав. Объем задуманной книги вырос от 5 до 15 листов. Абих разработал новый подробный план книги, включил в нее, кроме воспоминаний о Хлебникове, также различные фотоматериалы и его иконографию, связанные с этим периодом поэта. Однако работу над книгой о Хлебникове Абих не успел закончить: как сказано выше, его стали травить в печати. 16 февраля 1936 г. он был арестован, а 1 ноября 1940 г. расстрелян³³ (см. илл. 10).



Илл. 10

Фотографии Р. П. Абиха из следственного дела НКВД СССР (NP-26554). 1936.

Архив ФСБ РФ.

33 См. примеч. № 23.

Вернусь к архиву Аби́ха. В нем оказались, как я упоминал, также мемуары различных лиц, встречавшихся с Хлебниковым в Баку и в Персии. Почти все они были написаны по просьбе самого Аби́ха. Воспоминания члена Реввоенсовета Персармии К. Б. Томашевского «Апельсины в снегу» принадлежат к числу лучших мемуаров о поэте:

В Персию его <Хлебникова — А. П.> привело желание найти новые слова и звуки. Быть может, почувствовав в себе бродягу, он захотел бродить среди таких же, как он, молчаливых и созерцательных людей, мысленно поющих прекрасные песни. Лакомство наших гостей — апельсины и сабза — не были ему сладки. Его посохом была поэзия, и с этим посохом он прошел от Энзели до Тони-Кабуна³⁴.

(Томашевский 1985: 100–101)

Кроме того, в архиве находились воспоминания Доброковского (сохранилась только первая часть мемуаров), Костерина (первоначальный краткий вариант) и его первой жены Анны Михайловны, записи бесед с супругами Бережницкими, сотрудниками Политотдела, краткие воспоминания П. Журбы, машинописная копия воспоминаний О. Самородовой, полученная им от Н. Л. Степанова, сокращенный авторизованный вариант мемуаров Т. В. Толстой (Вечорки) (1924), а также неизданные до сих пор ценнейшие воспоминания персидского поэта-большевика и политработника А. Хесаби (впоследствии генерального секретаря ЦК Компартии Ирана), написанные на персидском языке и переведенные им самим на русский язык.

Увы, по злой иронии судьбы воспоминания самого Аби́ха не сохранились. Среди его бумаг удалось найти лишь подробный план этих воспоминаний, но, может быть, он и не успел их написать. К сожалению, не сохранились также мемуары о Хлебникове персидского поэта и члена Гилянского правительства А.-Г. Заррэ. Он выступил с воспо-

34 Воспоминания К. Б. Томашевского о Хлебникове были мною напечатаны в юбилейной подборке «Пророческая душа» (Литературное обозрение. 1985. № 12).

минаниями о встречах с Хлебниковым на втором его вечере, организованном Абигом и состоявшемся 13 марта 1930 года³⁵.

Среди уникальных печатных и иконографических материалов «персидского» периода Хлебникова, находившихся в архиве Абиха, следует назвать почти полный комплект редчайшей газеты «Красный Иран» на русском языке за полтора года (54 номера, в том числе и четыре номера газеты, в которых были напечатаны стихи поэта), ряд номеров газеты «Дженгель» на персидском языке, ряд брошюр, листовок и плакатов Доброковского, включая плакат «Кавэ-кузнец», мотив которого навеял одноименное стихотворение поэта. Следует назвать также большое количество фотографий, запечатлевших бойцов Персармии дженгелейцев, революционных отрядов персов и матросов. По этим фотографиям можно составить точный маршрут похода Персармии, восстановить хронологию событий и проследить передвижения поэта вместе с отрядом по Гилянской провинции. Кроме того, в этих посылках оказались подлинный рисунок Хлебникова (неизвестный портрет Абиха с авторской подписью) и несколько персидских пейзажей, нарисованных Доброковским. Под портретным наброском Абиха стоит подпись, сделанная рукой поэта, и дата: «19 V 21. В. Хлебни<ков>. Энзели»³⁶ (см. илл. 11).

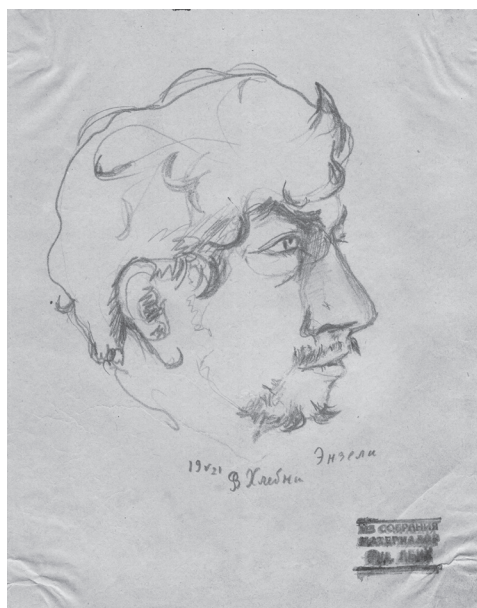
Любопытно, что в фонде Хлебникова в РГАЛИ находится еще один парный графический портрет Абиха работы Хлебникова, но с подписью, сделанной неизвестной рукой (П. В. Митурича?): «рис. Велимира Хлебникова». Однако у Харджиева появились серьезные сомнения в том, что автором этого портрета является Хлебников, и он сделал надпись на паспарту: «Это портрет Р. Абиха, нарисованный, вероятно, М. Доброковским. Н. Харджиев», но на этот раз исследователь ошибся³⁷ (см. илл. 12). Он повторил эту ошибку на своем экземпляре книги «Творения» Хлебникова (1986), в котором я напечатал этот портрет Абиха из РГАЛИ. В книге рядом с этим портретом он сделал с характерной

35 См.: Вечерняя Москва. 1930. № 59. 13 марта.

36 Этот портрет Абиха работы В. Хлебникова находится в моем собрании.

37 Портрет Р. П. Абиха, нарисованный Хлебниковым (с ошибочной атрибуцией Н. И. Харджиева, сделанный на паспарту), находится в РГАЛИ: Ф. 527. Оп. 1. Ед. хр. 198.

для него категоричностью следующую ироническую запись: «Под портретом рукой Митурича: „рис. Велимира Хлебникова“ (по „сообщению“ афериста Абиха?!). Особенно хорош галстук!»³⁸ Если сравнить два портрета Абиха, «ргалийский» и найденный, то становится очевидно, что стилистически они очень близки, и у меня нет никаких сомнений, что они нарисованы одной рукой — рукой Хлебникова. Это подтверждает и подпись поэта, сделанная на найденном парном портрете из архива Абиха.

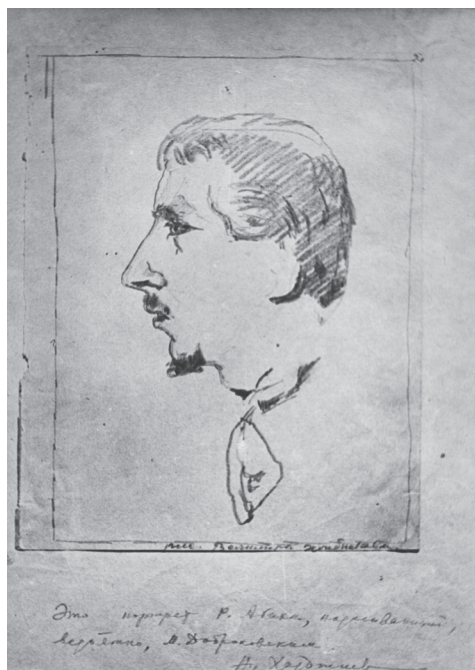


Илл. 11

В. Хлебников. Портрет Р. П. Абиха. Рисунок. Энзели. Май 1921.

Публикуется впервые. Собр. А. Е. Парниса.

³⁸ Экземпляр «Творений» с многочисленными пометами Харджиева хранится в музее Стеделейк (Амстердам).



Илл. 12

В. Хлебников. Портрет Р. П. Абиха. Май 1921. Рисунок. РГАЛИ.

Атрибуция А. Е. Парниса.

Важно также отметить, что в этих посылках находились и другие уникальные материалы и документы (подлинники и копии), посвященные истории Гилянской революции. Об их судьбе следует сказать отдельно.

Вскоре после этой находки перед вдовой Абиха, естественно, возник вопрос, как распорядиться новонайденным архивом мужа. Газеты «Красный Иран» и «Дженгель» она передала в газетный зал Библиотеки им. Ленина, а рукописи Хлебникова и материалы для книги о нем отдала для работы мне, и я увез их в Киев, где тогда жил. Вопрос

о судьбе другой части материалов и документов по истории Гилянской революции оставался открытым.

Через несколько месяцев Левикова неожиданно потребовала срочно вернуть ей часть архива Абиха, которая находилась у меня. Появились недоброжелатели (С. Н. Толстой и другие), которые объяснили ей, что незачем отдавать ценнейшие рукописи Хлебникова никому не известному «архивному юноше» в полное его распоряжение. Увы, мне пришлось вернуть рукописи поэта, найденные мною, а материалами для книги о Хлебникове вдова востоковеда не интересовалась и оставила их мне.

Левикова решила продать автографы Хлебникова и обратилась в отдел рукописей «Ленинки», но закупочная комиссия предложила ей крайне незначительную сумму, и она, обидевшись, забрала их назад. Я успел скопировать рукописи Хлебникова и продолжал работать над изучением оставшейся у меня части материалов из архива Абиха.

15 мая 1967 г. я выступил с докладом «Новое о пребывании В. Хлебникова в революционном Иране» в Институте народов Азии на юбилейной конференции, посвященной 50-летию Октябрьской революции³⁹. 16 мая на этой же конференции выступила сотрудница МГИМО Т. С. Короткова с докладом «Советско-иранские отношения в первые годы после Октябрьской революции (обзор архива Р. П. Абиха)». Левикова передала ей вторую часть архива Абиха, в которой находились материалы о Гилянской революции. В своем докладе Короткова сделала краткий и малоинформативный обзор уникальных документов и материалов из архива Абиха, в котором, по ее словам, находилось «много писем, листовок, копий и подлинников документов» (Парнис 1967: 225), а также себе позволила выпады против человека, нашедшего этот архив. Вскоре Короткова неожиданно заболела и умерла, так и не успев ничего написать об Абихе, а находившаяся у нее часть архива бесследно исчезла во второй раз.

Я продолжал работать над статьей о «персидском» периоде Хлебникова и об архиве Абиха и предложил ее (вместе с другой статьей о

39 Этот доклад лег в основу моей первой статьи об архиве Р. П. Абиха (Парнис 1967). См. также примеч. № 20.

стихотворении «Кузнечик») для второго выпуска студенческого сборника Тартуского университета. Она называлась «К проблеме „Хлебников и Персия“ (новые материалы)». Второй выпуск, как упоминалось выше, не вышел. Для этого же журнала я подготовил вторую большую статью с публикацией «исторической» поэмы и двух «персидских» стихотворений Хлебникова. Однако редакция журнала, несмотря на положительную рецензию (М. Занд), отклонила эту работу. Через некоторое время я предложил найденную поэму «Минин-нижегородец...» В. Ф. Маркову, и он ее напечатал в третьем томе «мюнхенского» собрания сочинений Хлебникова (Хлебников 1972: 532–538).

Впоследствии я публиковал и другие материалы из архива Абиha в различных изданиях: «ростинские» стихи Хлебникова, тексты которых привел в своих воспоминаниях Доброковский, рисунки и записи Хлебникова из неизданной нотной тетради, а также его большую статью «О строении времени» (две последние публикации подготовлены вместе с Х. Бараном).

В то же время я не забывал о рукописях Хлебникова из архива Абиha, которые я вернул его вдове, и продолжал интересоваться их дальнейшей судьбой. Еще во второй половине шестидесятых, приезжая из Киева в Москву, я часто заходил к Левиковой. На мои попытки приобрести у нее рукописи поэта (это был, конечно, блеф, денег у меня не было), она неизменно отвечала отказом и говорила, что она еще не решила, что будет с ними делать. В одно из посещений ее соседи по коммунальной квартире неожиданно мне сообщили, что Левикова умерла и все наследство перешло к ее племяннице (по второму мужу).

Я познакомился с этой племянницей и даже подружился с ней. Она была любезна со мной и доброжелательна и даже один раз предложила остановиться у нее на квартире на улице Веснина, а в соседней комнате находились рукописи Хлебникова, которые я когда-то нашел. На мои вопросы о дальнейшей судьбе этих рукописей она всегда отвечала: «Конечно, как только выясним, сколько рукописи стоят, мы, разумеется, вам их отдадим». В очередной мой визит к ней дверь мне открыл незнакомый человек и сказал, что племянница со всем семейством недавно эмигрировала в США. Я еще раз убедился, что ничего не следует откладывать в долгий ящик.

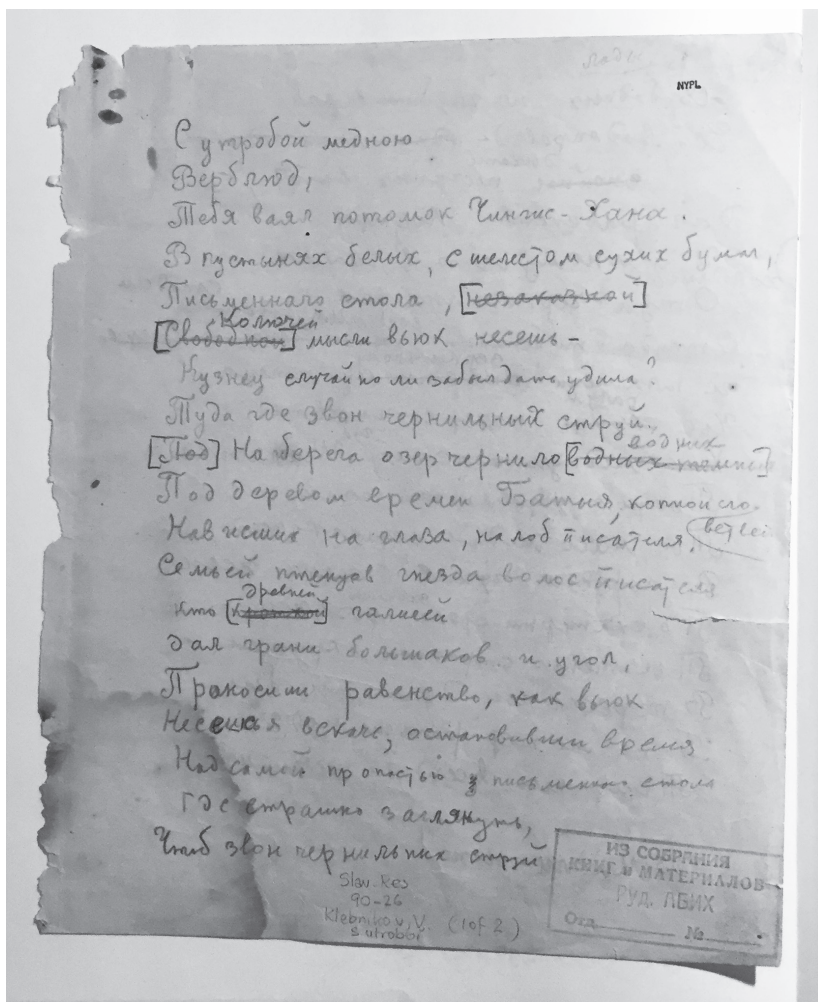
Тут, казалось бы, можно было ставить точку. Однако через много лет, в конце восьмидесятых, мне позвонил из США мой друг и соавтор Хенрик Баран и сообщил, что недавно кто-то предложил Нью-Йоркской публичной библиотеке приобрести рукописи Хлебникова. «Это подлинники или фальшаки? Откуда в Нью-Йорке рукописи Хлебникова?» — спрашивал он. Я, естественно, предположил, что это те самые «абиховские» рукописи Хлебникова, которые много лет назад странным образом исчезли из Москвы. После некоторых уточнений мы пришли к выводу, что предложенные рукописи — подлинники поэта из «бакинского» подвала. Все это подтвердилось, когда я увидел ксерокопии рукописей, которые прислал мой друг. Славянский отдел Нью-Йоркской публичной библиотеки приобрел эти рукописи Хлебникова, но сколько за них заплатила библиотека, конечно, я не знаю. Единственное, что мне известно, что к общей сумме, которую библиотека заплатила за эти рукописи, профессор Х. Баран добавил свои 500 долларов.

В 1989 г. я впервые прилетел в США на международную конференцию. В Нью-Йорке я сразу же пошел в славянский отдел Публичной библиотеки и через несколько минут в читальном зале снова держал в руках те самые «абиховские» рукописи Хлебникова, которые двадцать три года назад лежали у меня на письменном столе в Киеве. Ныне они переданы в рукописный отдел этой же библиотеки (MssColl 19049). Круг замкнулся.

Вернусь к автографу стихотворения Хлебникова «С утробой медною...» из архива Абиха, который я в 1967 г. тщательно изучал, и попытаюсь заново прочитать его.

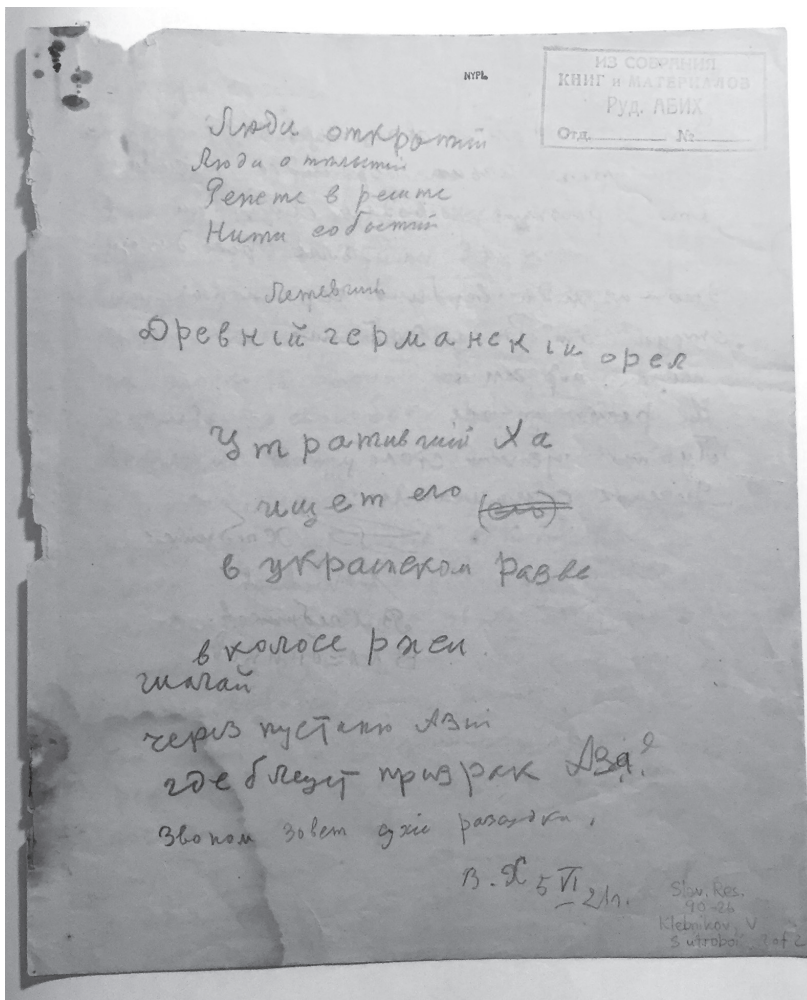
Рукопись этого стихотворения представляет собой белой автограф без заглавия, написанный на трех листах, вырванных из альбома (см. илл. 13–14). При анализе текста стало очевидным, что он состоит из двух частей и автокомментария (редкий случай у Хлебникова). На первой странице, вверху справа, недалеко от первой строки стихотворения полустертым карандашом написано слово «Лады», которое, вероятно, является первоначальным заглавием всего текста⁴⁰.

40 См.: СП-3: 132, 133, 379. См. также примеч. 43.



Илл. 13

Беловой автограф стихотворения Хлебникова «С утробой медною...»
 (5 июня 1921), л. 1. Рукописный отдел Нью-Йоркской публичной библиотеки.



Илл. 14

Беловой автограф стихотворения Хлебникова «С утробой медною...»
 (5 июня 1921), л. 3. Рукописный отдел Нью-Йоркской публичной библиотеки.

В этом диптихе автор описывает чернильницу, изображающую верблюда⁴¹ (см. илл. 15) и стоявшую на письменном столе его нового знакомого, фамилию которого он зашифровал и обыграл в самом тексте. Приведу автокомментарий, в котором дан ключ к правильному прочтению диптиха и расшифрована фамилия адресата текста — Абих:

Почерк писателя настраивает душу читателя на одно и то же число колебаний. Задача переносить груз чисел колебания из одной души в другую выпала <на> долю одного испаганского верблюда, когда он пески пустыни променял на плоскость стола, живое мясо <—> на медь, а свои бока расписал веселыми ханум, не боящимися держать в руках чаши с вином.

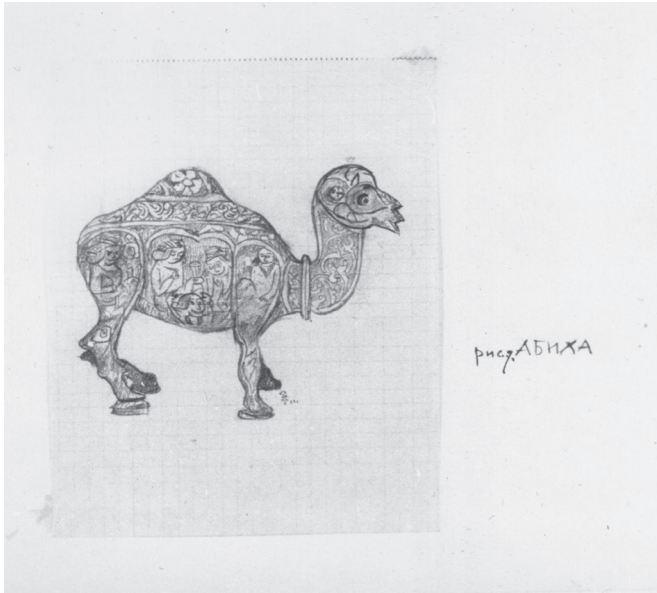
Итак, находясь у тов<арища> Абиха, верблюд обречен носить на горбах равенство основного душевного звука в душе писателя и <в> душ<е> чит<ателя>.

Аз — освобожденная личность, освобожден<ное> Я.

Хабих <—> по-германски орел. Орел хабих летит в страну Азии, построивш<ую> свободную личность, чего она до сих пор не сделала, а делали приморские народы (греки, англичане)⁴².

41 Рисунок самого Абиха, изображающий чернильницу-верблюда, находится сейчас в архивном фонде Хлебникова (РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. Ед. хр. 197). Все исследователи и комментаторы Хлебникова (Н. И. Харджиев, В. П. Григорьев, Р. В. Дуганов, Е. Р. Арензон и др.), писавшие об этом тексте, не могли тогда видеть автографа этого стихотворения, поэтому в их комментариях присутствуют самые разные интерпретации. В 1967 г. я опубликовал этот текст по автографу, который был в моем распоряжении (выправил его и восстановил правильное прочтение — Парнис 1967; Хлебников 2001), а затем автограф исчез на несколько десятилетий из научного обихода — никакого доступа к подлиннику быть не могло. Комментаторы второго собрания сочинений Хлебникова (Р. В. Дуганов, Е. Р. Арензон) всю информацию об этом тексте почерпнули из моей первой статьи об Абихе (1967), но почему-то «забыли» указать источник.

42 См. выправленный текст стихотворения «С утробой медною...» в моей первой статье об Абихе, а также в подготовленной мной книге: Хлебников 2001: 124–125, 626–627. Харджиев на своем экземпляре «Творений» (Музей Стед-



Илл. 15

Р. П. Абиx. Чернильница-верблюд. Рисунок. 1921. РГАЛИ.

В одном из найденных документов — подробном плане книги о Хлебникове — Абиx так описал это стихотворение: «Стихи в альбом автора (рукопись без названия) о медном изваянном верблюде и большаках-мореплывателях, с письменным комментарием Хлебникова к стихам»⁴³. Эта фраза подтверждает, что автограф диптиха ранее находился в несохранившемся альбоме Абиxа. В другой записи он снова вернулся к своему рассказу о знакомстве с поэтом и к истории

лийк, Амстердам) дал неверную транскрипцию строк из этого стихотворения, выправив мое гипотетическое чтение: «Кто, древний Галилей, / Дал грани большаков и угол?» (см. подробнее об этом далее).

43 Материалы к неизданной книге о Хлебникове, собранные Р. П. Абиxом, находятся в моем распоряжении.

создания этого текста: «Привел Доброковский. Сидел долго. Кажется, молчал. В одно из посещений написал о верблюде и *Хибе*» (курсив мой — А. П.)⁴⁴. Здесь *Хиба* — прозвище-перевертень Абиха, которым называли его друзья.

Обращение к чернильнице — тема, характерная для русской поэзии XIX–XX вв., а идея свободы и равенства была несомненно спровоцирована революционными событиями в Гиляне в 1920–1921 гг., свидетелем которых был Хлебников.

За два месяца до поездки в Персию Хлебников в письме к Маяковскому от 18 февраля 1921 г. упоминал чернильницу как главный атрибут-спутник деятельности писателя: «В чернильнице у писателя сухо, и муха не захлебнется от восторга, пустившись вплавать по этой чернильнице. Эта истина новой Большой Медведицей господствует над нашим временем» (СС-6: 481).

В финале первого стихотворения диптиха неожиданным образом возникает сложная межъязыковая конструкция, в которой зашифрована фамилия нового знакомого поэта (выделено автором), и на этом следует остановиться отдельно:

Летевший
Древний германский орел,
Утративший Ха,
Ищет его
В украинском разве,
В колосе ржи.
Шагай
Через пустыню Азии,
Где блещет призрак Аза,
Звоном зовет сухие рассудки⁴⁵.

44 Там же.

45 См. анализ этого стихотворения Хлебникова в моей первой работе об Абихе (Парнис 1967).

Хлебников предлагает несколько уровней прочтения этого финала. Здесь возникает сложный перифрастический образ Абиха, построенный на синтезе нескольких семантических, фонетических и межъязыковых уровней и на игре слов (из трех языков — русский, немецкий и украинский). Чтобы правильно прочесть весь текст, не нужно строить невероятных гипотез, нужно просто тщательно проанализировать его и подобрать к нему ключ. Между тем без автокомментария Хлебникова трудно было бы дешифровать весь диптих и правильно его интерпретировать. Поэт создал образ писателя, «сильный своей неожиданностью», по его собственной формулировке⁴⁶.

46 Неожиданное прочтение этого текста Хлебникова предлагает скандально знаменитый сайт *kaz.ru*, на котором выложена статья В. Я. Мордерер «Флегматический верблюд», в которой автор дает «новую» интерпретацию стихотворения «С утробой медною...». Я не обратил бы на нее внимания, если бы не тот факт, что много лет назад я познакомил Мордерер со своей первой статьёй об Абихе, а главное — дал ей ключи к прочтению этого герметического текста, о чем она почему-то «забыла» упомянуть. Автор статьи не различает двух терминов: посвящение текста адресату и обращение к нему. Анализируемое стихотворение не посвящено Абиху, как утверждает Мордерер, а обращено к нему (вернее — к его чернильнице), так как фамилия адресата зашифрована в тексте. В своей гипотезе она отвечает на якобы «главный» вопрос Хлебникова: «Кто древний Галилей...». По ее гипотезе, здесь имеется в виду знаменитый немецкий богослов и переводчик Библии Мартин Лютер, который «дал новое освещение отчизне Христа». Эта гипотеза могла бы иметь какое-то основание, если бы не одно обстоятельство: в автографе действительно написано «галилей» со строчной буквы и с окончанием -ей, но у Хлебникова здесь вне сомнения допущена *описка*. В первых публикациях этого текста (в сб. «Стихи» и в III томе СП) корректор или «переписчик» Абих поправил «ошибку» Хлебникова и дал имя с прописной буквы — «древний Галилей». При тщательном изучении автографа выясняется (см. фотографию этого фрагмента), что слово «древней» (не «древний») написано поверх зачеркнутого слова «кроткой», т. е. эти эпитеты даны в женском роде. Становится очевидно, что здесь речь идет не о великом итальянском ученом Галилео Галилее, как ошибочно считает Мордерер, а о провинции в Палестине — «древней», как написано в автографе, Галилее, которая находится, условно говоря (если смотреть по карте), в ее «углке». Таким образом, правильное чтение анализируемых строк: «Кто древней Галил<ее> / Дал грани большаков и угол». Упоминаемые здесь «большаки» — это большие

Для правильного прочтения финальной строфы первого стихотворения следует сделать некоторые уточнения. Хлебников построил финал на поэтической этимологии фамилии «Абих» в сочетании с теорией «звездного языка». Здесь у него не ошибка, а мотивированный сдвиг. Следует иметь в виду, что у поэта в автокомментарии «неточность»: не Хабих, а Хабихт (Habicht), и на самом деле этот термин означает не орла, а один из видов ястребов — ястреба-тетеревятника (*Accipiter gentilis*; ср. другой вид орла — «Habichtadler», т. е. «ястребинный орел»). Стоит подчеркнуть, что орел издает крик «ха», а ястреб вообще не кричит и не издает никаких звуков. Здесь Хлебников, орнитолог по первому образованию, не мог ошибиться. Этот сдвиг мотивирован и амбивалентен: для него прежде всего важно то, что словосочетание «германский орел» — геральдический знак Германии. Это подтверждается принципом Хлебникова, сформированным им в одной из ранних статей (1912–1913), в которой он говорит об «особой природе заглавного звука»: «Правящие роды имеют иногда общий родовой знак (лоб звуков) со своей страной, передовой звук общей породы: Германия, Габсбурги, Гогенцоллерны» (СП-5: 188).

В финале первого стихотворения Хлебников, вероятно, имеет в виду революционные события, произошедшие в Германии в ноябре 1918 г. — падение династии Гогенцоллернов (Hohenzollern), а также приезд немца Абиха 18 мая 1920 г. в революционный Гилян (Решт) (ср. в автокомментарии: «в страну Азии, построивш<ую> свободную личность», а также «революционную» формулу в поэме «Ладомир»: «Упало Гэ Германии / И русских Эр упало» — СС-3: 208). Следовательно, «летевший древний германский орел, утративший Ха» — это гигантская метафора революции, которая свершилась в Европе и которая «летит в страну Азии» в поисках свободы, т. е. в Иран.

Кроме того, здесь межъязыковая игра слов: в них подразумевается скрытый перевертень: украинское «разве» — это *xiba* (фамилия адре-

грунтованные дороги в древней Галилее и одновременно, по формулировке Абиха, намек на большевиков. «Писатель», на письменном столе которого стояла чернильница-верблюды, это, конечно же, не Мартин Лютер, а сам Абих. Хлебников в автокомментарии к диптиху многое объяснил, и здесь не нужно создавать никаких новых гипотез.

сата наоборот — Абиx; ср. реплику в «гоголевском» рассказе Хлебникова «Велик-день»: «Хиба я не знаю?»; СС-5: 78), а словосочетание «колос ржи» — это метафора «хлеба», причем последняя метафора «призрак Аза» означает «призрак свободы» (ср. в автокомментарии: «Аз — освобожденная личность»; а также заглавие поэмы «Азы из узы»).

В этом финале Хлебников мотивированно строит зашифрованную звуковую конструкцию из слов на «ха», включая схожие слова, заимствованные из разных языков, которые неожиданным образом выстраиваются в следующий межъязыковой фонетический ряд:

habicht — habich(t) — хиба — хлеб.

Не исключено, что в этом финале поэт намекает на образ хлеба, фонетически связанный с его фамилией. В «звездном языке» Хлебникова согласный начальный звук в словах означает: «Х — это «летящая точка, преграда на ее пути, и цель *летящей* точки за преградой. <...> Отсюда храбры, военная охрана человека. Крышей хором, хаты и *хибы* <от *хибары?* — А. П.> остановлены точки снега и дождя, и холода, и зверей; за кровлей хоронится человек» (СС-6: 116; курсив мой — А. П.). Кроме того, Хлебников отождествляет адресата с орлом, царь-птицей, которая не только высоко летит и видит дальше всех, а главное — по хлебниковской шкале ценностей — свободнее всех.

Таким образом, в финале первого стихотворения Хлебников построил сложную межъязыковую формулу, в которой выражена основная идея всего текста, — «орел Хабих летит в страну Азии» в поисках «призрака Аза», т. е. призрака свободы. Эта формула — метафора обрусевшего немца Абиxа, попавшего в революционную Персию (провинция Гилян) в поисках настоящей свободы (ср. «азади», которое означает на персидском языке — «свобода»).

Откуда у автора стихотворения такая сложная межъязыковая конструкция? Здесь следует иметь в виду, что Хлебников, начиная с юности, крайне отрицательно относился ко всему «немецкому», но во время Первой мировой войны и в последний послереволюционный период он стал толерантнее относиться к «немецам» и начал менять свое

отношение к немецкой традиции, а также к великим немецким поэтам, ученым и изобретателям.

Фамилию «Абих» Хлебников мог впервые услышать еще в 1903 г., когда участвовал в геологической экспедиции в Дагестане. Экспедиция работала в местах, где находился Боковой горный хребет, который называется «Абиховским» в честь немецкого ученого, основоположника геологического изучения Кавказа академика Германа Вильгельмовича Абиха (Otto Wilhelm Hermann von Abich, 1806–1886), почетного члена Санкт-Петербургской Академии наук. Кроме того, его именем назван один из минералов — *абихит*. Как известно, Хлебников в студенческие годы интересовался минералогией. Глава экспедиции, в которой участвовал Хлебников, П. В. Казанский, упоминает в своем отчете коллекцию окаменелостей академика Abich'a⁴⁷. Как выясняется, Хлебников был подготовлен к созданию этой многоуровневой конструкции. Любопытно, что в 1930-е гг. сам Абих отождествлял себя с «хлебниковским» орлом и взял себе псевдоним «Р. Орлов», которым он подписал несколько своих работ об Иране⁴⁸.

Итак, Хлебников во время пребывания в Персии написал стихотворение «С утробой медною...», обращенное к Абиху и к его чернильнице, а также нарисовал два графических портрета нового знакомого. Через несколько лет Абих как бы «в ответ» пытался написать книгу о поэте, с которым его свела судьба, и собрал ценнейшие материалы для нее, но, к большому сожалению, он этого не успел сделать. Один из исследователей Хлебникова В. П. Григорьев еще недавно утверждал, что «роль этого человека <Р. П. Абиха — А. П.> в судьбе автора <Хлебникова — А. П.> неясна» (Григорьев 2006: 314). Однако странная характеристика Абиха, сделанная Григорьевым, в высшей степени несправедлива и голословна.

Мужественное решение Абиха, находившегося в лагере, и его настойчивая идея спасти каким-то образом рукописи Хлебникова и

47 Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. 1903–1904. Казань, 1904. С. 5 (приложение, отд. паг.).

48 Восток. Сб. 2. Литература Ирана X–XV вв. М.-Л.: Academia, 1935 (введение Р. Орлова).

материалы и документы для книги о поэте, а также собранные им разного рода документы и артефакты, связанные с Гилянской революцией, и его дальнейшие действия в связи с этим (несохранившееся письмо к жене!) можно без преувеличения назвать подвигом. Находясь на краю пропасти, в одном шагу от смерти Абих (вне сомнения, он это понимал) думал не только о своей трагической судьбе, но прежде всего, как мы теперь знаем, о судьбе бесценных рукописей поэта, о своей ненаписанной книге о нем, а также о документах, относящихся к Гилянской революции. К счастью, рукописи поэта и «гилянские» документы и материалы большей частью удалось разыскать и спасти. Письмо Абиха к жене из лагеря накануне смерти, которое, к сожалению, не сохранилось, является поразительным жестом настоящего историка-профессионала. Необходимо подчеркнуть, что найденные рукописи и материалы о Хлебникове «персидского» периода, собранные Абихом, требуют нового взгляда на этот малоизученный период в творческой биографии поэта.

Прошло пятьдесят семь лет с той поры, когда я нашел и впервые напечатал материалы из «персидского» архива Абиха. Сейчас почти все тексты Хлебникова из его архива введены в научный обиход.

Теперь об Абихе известно многое, и его роль в судьбе поэта стала ясной: он был не только востоковедом и одним из первых исследователей Гилянской революции, но и одним из первых биографов Хлебникова.

Использованная литература

- Баран Х., Парнис А. Е. (2003): «Анабазис» Велимира Хлебникова: Заметки к теме // Евразийское пространство: Звук, слово, образ. М.: Языки славянской культуры. С. 267–299.
- Белинков А. В. (2008): Слово о Костерине // Белинков А. В., Белинкова Н. А. Распря с веком. (В два голоса). М.: Новое литературное обозрение. С. 418–421.
- Бурлюк Д. Д. (1920): От лаборатории к улице. (Эволюция футуризма) // Творчество. Владивосток. № 2. С. 22–25.

- Генис В. Г. (2000): Красная Персия. Большевики в Гиляне. 1920–1921. Документальная хроника. М.: МНПИ.
- Григорьев В. П. (2006): Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка. М.: Языки славянских культур.
- Дедюлин С. В. (ред.-сост.) (2016): Семь ли, семьдесят ли, семьсот... Сборник статей к 70-летию А. Б. Рогинского. Приложение к журналу «Другой Гид» [Париж; СПб.], 2016. № 1/3. — Препринт.
- Катанян В. А., Катанян Г. Д. (1999): Распечатанная бутылка. Нижний Новгород: Деком.
- Костерина Н. А. (1962): Дневник Нины Костериной // Новый мир. № 12. С. 31–105.
- Крусанов А. В., Фиртич Н. Г. (сост.) (2019): Владимир Федорович Марков: первооткрыватель и романтик. К 50-летию издания книги „Russian Futurism: A History“. Материалы и исследования. СПб.: Издательство общества «Аполлон».
- Мензбир М. А. (1895): Птицы России. Т. II. М.
- Митурич П. В. (1997): Записки сурового реалиста эпохи авангарда. М.: РА.
- Парнис А. Е. (1967): Хлебников в революционном Гиляне (Новые материалы) // Народы Азии и Африки. № 5. С. 156–164.
- Парнис А. Е. (1999): Об анаграмматических структурах в поэтике футуристов // Роман Якобсон. Тексты, документы, исследования / Отв. ред. Х. Баран, С. И. Гиндин. М.: РГГУ. С. 852–854.
- Парнис А. Е.; Баран Х. (2008): Неизвестная статья В. Хлебникова «О строении времени» (из архива Р. П. Абиha) // «Доски судьбы» Велимира Хлебникова: Текст и контексты / Сост. Н. И. Грицанчук, Н. С. Сироткин, В. В. Фещенко. М.: Три квадрата. С. 273–320.
- ПОВ: Пощечина общественному вкусу. М., 1913 [1912].
- Рейснер Л. М. (1924): Фронт. 1918–1919. М.: Красная новь.
- Россомахин А. А. (2004): Кузнечики Велимира Хлебникова. СПб.: Красный матрос.
- Томашевский К. Б. (1985): [Воспоминания о Велимире Хлебникове] // Литературное обозрение. № 12. С. 100–101.
- Успенский Л. В. (1957): Слово о словах (Очерки о языке). М.: Молодая гвардия.

- Хлебников В. В. (1917): Печальная новость // Временник I. М. [Харьков]. 1917. С. [5].
- Хлебников В. В. (1928–1933): Собрание произведений: В пяти томах / Под общ. ред. Ю. Н. Тынянова и Н. Л. Степанова. Л.: Издательство писателей в Ленинграде.
- Хлебников В. В. (1960): Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель.
- Хлебников В. В. (1972): Собрание сочинений. Т. 3. München: Wilhelm Fink Verlag. — Mit einem Vorwort, einer Bibliographie u. zahlreichen bisher in den Werkausgaben fehlenden Texten hrsg. v. Vladimir Markov. Nachdr. von Bd. 5 der Ausg. Leningrad 1928–1933.
- Хлебников В. В. (2001): Поэзия. Драматические произведения. Проза. Публицистика. Составление и комментарии А. Е. Парниса. М.: Слово/Slovo.
- Хлебников В. В. (2020): Собрание сочинений в шести томах / Под общ. ред. Р. В. Дуганова; сост., подг. текста и примеч. Р. В. Дуганова и Е. Р. Арензона. М.: Академический проект. — Третье изд.
- Щекин-Кротова А. В. (2020): Рядом с Фальком. М.: Фонд AVC Charity / АРТ Волхонка.
- Якобсон Р. О. (2000): Из статьи «Подсознательные вербальные структуры в поэзии» // Мир Велимира Хлебникова. Статьи и исследования / Под общ. ред. А. Е. Парниса. М.: Языки русской культуры. С. 78–82.

Глеб Морев

Новонайденный автограф О. Мандельштама

В 1970 г. двадцатисемилетний Габриэль Суперфин, скрывшийся по условиям времени под псевдонимом «Г. Дальний», писал в опубликованной парижским «Вестником РСХД» рецензии на американское Собрание сочинений Мандельштама:

В 1950–1960 гг. в центральных городах России появились люди, занимавшиеся поисками стихотворных и прозаических текстов Мандельштама, сопоставлением только что широко возникших списков «Воронежских тетрадей». Из их разобщенной и эклектичной работы научное мандельштамоведение и стало развиваться.

(Дальний 1970: 141)

Одним из оснований для развития мандельштамоведения и для становящейся на рубеже 1970-х гг. текстологии поэта явилась и работа Суперфина, без учета которой не обошлось ни одно последующее комментированное издание Мандельштама. На сегодняшний день можно констатировать, что завершен не только, как с нажимом первооткрывателя формулировал в 1970-м Суперфин, «первый этап в составлении корпуса текстов выдающегося русского классика» (Дальний 1970: 140), но и последующие — наследие Мандельштама собрано, издано и прокомментировано с необходимой полнотой. Остающиеся текстологические проблемы — мы имеем в виду, прежде всего, необходимость возвращения в основной корпус поэта уточненного текста «Стихов о Сталине» и принятие последней авторизованной «рудаковской» редакции «Стихов о неизвестном солдате» за основную (см.: Морев 2022) — носят пусть и принципиальный, но частный характер.

На этом фоне особенно ценно любое приращение текстологической базы наследия Мандельштама. В данном случае речь пойдет о стихотворении «Тетушка и Мирабо» — одной из двух «басен» (по жанровому определению, данному при публикации), напечатанных Мандельштамом в вечерних выпусках ленинградской «Красной газеты» в октябре 1925 года¹.

Эти стихи Мандельштама могут быть отнесены к разряду «шуточных», и публиковались они в повременной советской печати явно с целью заработка. «Прикладным» характером «басни» Мандельштама воспользовался Георгий Иванов, прочитавший текст в «Красной газете» и целиком перепечатавший его (с некоторыми неточностями) весной 1926 г. в парижской газете «Дни» в одном из своих мемуарных очерков — как доказательство поэтического упадка Мандельштама, выбравшего советскую литературу и, соответственно, сторону в конфликте уехавших и оставшихся в СССР (Иванов 1926: 3).

Парижская перепечатка Иванова долгое время служила единственным источником стихотворения Мандельштама² — советская же первопубликация оказалась прочно забыта. В первой в СССР публикации текста — в двухтомном собрании Мандельштама под редакцией П. М. Нерлера — текст «басни» дан по сохранившемуся в архиве А. Ивича (И. И. Бернштейна) списку Н. Я. Мандельштам, сделанному, очевидно, по памяти — текст содержит множество (начиная с названия) разночтений по сравнению с неизвестной на тот момент составителю первопубликацией³. Начиная с «Полного собрания сти-

1 Второй была басня «Извозчик и Дант», появившаяся спустя неделю после «Тетушки и Мирабо», 26 октября 1925 года. Помимо двух «басен», вечерняя «Красная» 16 октября опубликовала стихотворение «Вы с квадратными окошками...».

2 Именно по тексту «Дней» приводят текст Б. А. Филиппов и Г. П. Струве, ошибочно указывая в комментариях год публикации (1925): Мандельштам 1967: 149, 484.

3 Мандельштам 1990: 350. Н. Я. Мандельштам — как следует из одной из ее помет на списке стихотворения («Вечерняя [Красная газета] [19]24?»: Там же: 600) — не помнила времени публикации текста.

хотворений» Мандельштама под редакцией А. Г. Меца, вышедшего в 1995 г., текст воспроизводится по «Красной газете»⁴.

Аутентичность текста газетной первопубликации демонстрирует автограф «басни» Мандельштама, обнаруженный в бумагах Вс. Н. Петрова, находящихся ныне в распоряжении И. И. Галеева, который любезно предоставил нам часть из них для ознакомления (см. илл. 1). Как видим, за исключением пунктуации (к которой Мандельштам традиционно невнимателен в рукописях), текст совпадает с напечатанным «Красной газетой». Дополнительный интерес представляет сам факт нахождения автографа Мандельштама в архиве Вс. Н. Петрова.

В своих пометах на списке стихотворения Н. Я. Мандельштам указала, что текст писался совместно «с Бенном» — с Б. К. Лившицем, с которым Мандельштам общался и тесно сотрудничал (в связи с переводами иностранных авторов) во второй половине 1920-х годов. Вдова Лившица Екатерина Константиновна также сообщила П. М. Нерлеру, что стихотворение «написано вместе с Б. Лившицем» (Мандельштам 1990: 600).

В 1939–1940-м гг. Вс. Н. Петрова и Е. К. Лившиц связывали близкие отношения; после ареста Е. К. Лившиц 31 декабря 1940 г. часть ее вещей, включавшая и бумаги ее расстрелянного к этому времени мужа, оказалась у Петрова⁵. Очевидно, среди этих бумаг был и листок с автографом Мандельштама.

Стоит также заметить, что текст подписан Мандельштамом «единолично» — что ставит вопрос о степени участия Лившица в создании «басни».

4 Мандельштам 1995: 384, 670.

5 Об этом свидетельствует их опубликованная переписка. См.: Петров 2014; Лившиц 2021.

"Губина и Мирадо"
 Куца как губина моя для друга
 ардуца, сестра шурин, иже
 Бавраки, радиме и Мирадо акому
 мортва, рокока - всего те прескочу.
 Губина шурин вает Губа в розина
 Губина мислов на ашвом ^{дале}
 Губина он для востанов ^{рине}
 Огнотва голвот еше в розе ^{рече}
 к кол губина
 и розе ^{сатар}, губина губина
 Губина еше в губина губина
 "В губина губина губина ^{губина}
 губина
 Да губина губина, не губина
 губина
 Губина губина к губина
 губина
 Губина губина губина
 губина
 Работе, еше губина
 Мирадо
 Губина, губина, не
 Мирадо губина
 J. M. M. M.

Илл. 1

Литература

- Дальний Г. [Суперфин Г. Г.] (1970): По поводу трехтомного Собрания сочинений О. Мандельштама: Дополнения и уточнения // Вестник Русского студенческого христианского движения. № 97. С. 140–144.
- Иванов Г. В. (1926): Петербургские зимы // Дни. 4 апреля. С. 3.
- Лившиц Е. К. (2021): «Я черпаю силы только в нашей дружбе и вере в счастье»: Письма Екатерины Лившиц к Всеволоду Петрову (1940–1948) / Публ. и вводная статья И. И. Галеева // Знамя. № 3. С. 159–177.
- Мандельштам О. Э. (1967): Собрание сочинений: В 3-х т. Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Т. 1. Изд. 2-е, доп. [Вашингтон]: Международное литературное содружество.
- Мандельштам О. Э. (1990): Сочинения в двух томах / Сост. П. М. Нерлер. Т. 1. М.: Художественная литература.
- Мандельштам О. Э. (1995): Полное собрание стихотворений. Сост. А. Г. Мец. СПб.: Академический проект.
- Морев Г. А. (2022): «Стихи о Сталине» и «Стихи о неизвестном солдате» Мандельштама: Археографический контекст и восстановление текста // Новый мир. № 5. С. 164–178.
- Петров Вс. Н. (2014): «Мир для меня полон Вами»: Письма к Е. К. Лившиц / Публ., вступ. заметка и коммент. П. Л. Вахтиной // Знамя. № 12. С. 150–167.

Михаил Михеев, Лев Эрлих

**Письма Шолохова — жёнке,
или
Диалектная лексика в личной
(эпистолярной) жизни писателя**¹

[Из письма жене 13 мая 1928 г.]: «С книгой это такая колгота, что хуже и некуда! В корректорской просиживаю, правлю провинциализмы и проч. вещи местного значения».

[За эпиграфом — вопрос к читателю:] В какую сторону автор «правит» провинциализмы, редактируя роман? Видимо, исключает их, как диалектные слова, из текста², однако, как видим здесь, слово *Колгота* и многие другие употребляет в письме. Вольная подмена и художественное преобразование отдельных слов стали привычной шолоховской манерой письма. Возможно также, что это уже сложившаяся ранее, принятая писателем практика творчества, адресуемого не только жене, но также множеству читателей, с использованием и в прямой речи персонажей, и в самой речи авторской местных, диалектных выражений и словечек, придуманных на случай... (А может быть, эта манера тоже заимствована — у как будто *не читанного* им Ф. Крюкова?)

1 Авторы выражают благодарность Владимиру Ивановичу Беликову, Светлане Маратовне Евграфовой, Ирине Борисовне Качинской, Сергею Львовичу Николаеву и Александре Валерьевне Тер-Аванесовой, ознакомившимся с предварительным вариантом данной работы и внесшим в нее поправки, а также сотрудникам Отдела рукописей ИМЛИ, предоставившим оригиналы имеющихся в архиве писем Шолохова.

2 Ср. «морфологический» принцип написания слов вместо «фонетического», как в словах *Ильинич(ш)на*, *Пе(я)тра*, *бе(я)гёт* и т. п. (см.: Дворяшин 2018: 217).

Предыстория

В работе мы рассматриваем употребление различных стилистических экзотизмов — окказиональных, просторечных и диалектных слов (а также слов в переносном значении), — сравнивая их использование в письмах с употреблением в художественных текстах. При этом мы не стремимся видеть в эпистолярном жанре такой специфической *художественности*, как стихотворный размер или метр, свойственные авторам-поэтам, что делает Ю. Б. Орлицкий (Орлицкий 2018). Нам интересны вполне прозаические жанры и выражения — из произведений и писем Шолохова, хотя в них, конечно, при желании тоже можно отыскать определенные стихотворные размеры. Фрагменты писем интересны тем, что и в них различим, как нам кажется, авторский литературный прием, который условно можно считать сокращением дистанции между героем и читателем (или — между автором и адресатом). Или же можно назвать это попросту употреблением местных, диалектных слов, и не только в прямой речи персонажей, как традиционно делается для придания беллетристике достоверности документа, с воссозданием так называемого *кулера локаль* — чтобы приблизить описание к обстоятельствам места и времени происходящих в тексте событий, — а с применением подобных *экзо-слов* даже в самой авторской речи. По нашему мнению, это было неким *ноу-хау*, сначала — Федора Крюкова, а вслед за ним — и в гораздо большей степени — Михаила Шолохова (см.: Михеев/Эрлих 2023). Кстати, именно это, по-видимому, подвигло недоброжелателей последнего устами писателя-современника Федора Гладкова укорять Шолохова в том, что вся оригинальность его идиостиля сводилась якобы просто к (зло)употреблению донским жаргоном.

1. Письма к жене

22 письма М. А. Шолохова к супруге Марии Петровне Шолоховой (в девичестве Громославской), опубликованные почти 20 лет назад ныне покойным младшим сыном Михаилом Михайловичем, занимают в книге около 50 страниц (Шолохов М. М. 2004)³. Само написание их связано с периодами вынужденного расставания писателя с женой: во время отъездов по делам в Москву, как он сам пишет, «на заработки» (вначале с января по апрель 1924 г. они с женой вместе прожили в Москве, где Шолохов тщетно пытался устроиться на работу: «<...> поработал и укладчиком мостовых, и грузчиком на вокзале <...> брался за любую работу, чтобы получить возможность учиться в Москве». — Суркова 2016). Но и после он продолжал регулярно приезжать в столицу — уже для переговоров с издательствами: относительно печатания сначала отдельных «Донских рассказов», потом сборника «Лазоревая степь» (1926), затем — первых частей романа «Тихий Дон», попутно вновь делая попытки «поступить на службу»: тут уже имеется в виду работа Шолохова заведующим литературно-художественной частью «Журнала Крестьянской Молодежи» (ЖКМ) и предполагавшийся в связи с этим переезд семьи в Москву (Шолохов обсуждает его с женой в письмах)⁴. Судя по датам на письмах, интересующие нас поездки укладываются в следующие временные рамки:

1924 год: с января по май Шолохов жил в Москве с женой, сначала в Георгиевском переулке, потом на даче на Клязьме, в ноябре снова в Москве (2 письма, отправленных домой и 2 еще с дороги, с 9-го по 20 ноября);

3 Письма хранились у их адресата и были переданы перед смертью сыну: «Незадолго до смерти она отдала их мне. Совсем незадолго... Где-то хранила. Так прятала, я, например, и не знал» (Суркова 2016).

4 Хронология появления рассказов и начальных частей романа в печати: Сб. «Лазоревая степь» (М.: Новая Москва, 1926); сб. «О Колчаке, крапиве и прочем» (М.-Л.: ГИЗ, 1927); части 1–3 романа «Тихий Дон» — в журнале «Октябрь» (№ 1–4, 1928), а части 4–5 — с мая по октябрь 1928 г. (изд. «Московский рабочий»).

1925 год: знакомство Шолохова с московскими издателями журналов (ЖКМ, «Комсомолия») Н. Н. Тришиным, И. Н. Молчановым, А. С. Серафимовичем (1 письмо из Москвы от 15 декабря); к рождеству Шолохов вернулся в Каргинскую;

1926 год: 6 писем с 13 августа по 26 сентября — 5 из них из Москвы, а первое отправлено еще по дороге туда, с пересадочного пункта, села Михайловки (с сентября 1926 г., судя по Летописи жизни Шолохова (Кузнецова 2005)⁵, он должен был начать работать в ЖКМ);

1927 год: одно письмо, 13 апреля 1927 г., отправленное из Вёшек в станицу Букановскую (там жила семья Громославских, хотя Мария Петровна еще осенью 1926 г., согласно Летописи, перебралась в Вёшки, но пока муж ездил в Москву, она с их первенцем, Светланой, вернулась в дом родителей); еще 4 письма, с 8 сентября по 24 октября 1927 г., из которых три из Москвы и одно — опять с дороги, из Михайловки: писатель ездил в Москву с рукописью 1-й книги романа, в июне устроился заведующим литературным отделом журнала Гослитиздата и, видимо, проработал там около месяца, однако, узнав, что издательство печатать роман не будет, в конце сентября уволился, чтобы возвратиться на Дон и пробыть там до весны (см.: Тришин 1960). 24 октября был 1-й день работы Шолохова в ЖКМ⁶; осенью того же года с женой и дочерью Светланой они жили на Клязьме (Летопись);

1928 год (автор привез в Москву 2-ю книгу романа): 4 письма — с 23 апреля по 5 декабря; два из них отправлены из Москвы, а одно снова из Михайловки (здесь Шолохов задержался на два дня из-за отсутствия билетов на Москву; потом задержался и в самой Москве до конца мая). За этот год — весной и осенью — по меньшей мере дважды писатель ездил в Москву: 25 августа в письме Е. Г. Левицкой Шолохов обещал: «В сентябре приеду в Москву», и 6 ноября с рукописью 6-й части «Тихого Дона» он снова туда приехал; последнее в этом году письмо было им отправлено уже на обратном пути, из Ростова-на-Дону;

5 Далее в тексте как Летопись.

6 «Так Михаил Шолохов первый и последний раз в жизни получил штатную работу в редакции журнала» (Летопись. 1927. 13 окт.).

1929 год: 1 письмо из Москвы, от 23 марта (Шолохов привез автографы своих произведений в комиссию по разбору дела о плагиате)⁷. В конце октября он снова приезжает в Москву...

Во всех этих письмах нам интересно использование писателем диалектной и просторечно-сниженной, так или иначе искажаемой по отношению к литературной норме лексики. Шолохов прекрасно владел и пользовался ей, быть может, даже щеголял — умышленно, демонстративно и напоказ (а может быть, походя, привычно, само собой и без какой бы то ни было намеренности) — причем не только в художественных текстах, но и в самой что ни на есть бытовой сфере, при личной переписке. Чуть позднее этот процесс замедлится или притормозится: например, в последнем письме из нашей подборки (23 марта 1929 г.) подобная лексика напрочь отсутствует, что вызывает некоторое недоумение. Из-за чего это могло произойти? Первоначальное увлечение благополучно прошло? Если сравнить с другими эпистолярными источниками, а именно с перепиской с журналами или с кем-то из руководства издательств, например с А. А. Фадеевым, то в них употребление подобных слов практически отсутствует⁸.

7 Из-за конфликта в журнале «Октябрь» публикация «Тихого Дона» была прекращена, и Серафимович вышел из состава редакции. От автора требовали переработки романа, считая неверным описание верхнедонского восстания: автор «не сделал Григория большевиком», и развитие событий в XV, XVI и др. главах привело главного героя не к вступлению в Красную Армию, а к активному участию в Вешенском восстании (Летопись). См. также рассказ Шолохова К. И. Прием: «В середине марта 1929 года я привез в Москву все имевшиеся у меня автографы рассказов, первой и второй книг „Тихого Дона“, автограф примерно 3/4 третьей книги романа, черновик „Донщины“, наброски планов по каждой книге и много всевозможных заготовок. На другой день все эти автографы были вручены в правлении РАПП Александру Серафимовичу в присутствии всех членов экспертной комиссии» (Летопись. 1929).

8 В просмотренных письмах из архива ОР ИМЛИ встретились всего лишь два интересующих нас слова: *Живуха* и *Спаровать* — первое из письма в ФОСП 9 июля 1928 г. (Ф. 143. Оп. 1. Д. 7), второе — к Фадееву 3 октября 1929 г. (Ф. 143. Оп. 1. Д. 22). Последнее слово встретится нам и далее, а вот первое отсутствует в СРНГ, но в СЯШ его сопровождает помета «снижен. *Жизнь*». Подобные разговорные словечки, как увидим далее, весьма характерны как для жанра

Но почему то же происходит и в переписке с самым близким человеком, с женой? Может быть, автора на время отвлекли иные, более серьезные (просто «шкурные») вопросы, например, беспокойство из-за РАППовской проверки его рукописей? Однако потом, как увидим даже по письмам другим адресатам, диалектная лексика снова возвратится в письма Шолохова⁹.

Основная из давно известных конспирологических гипотез, которую мы хотели бы проверить, состоит в том, что Шолохов, будучи молодым начинающим автором, каким-то образом получил (возможно, через тестя, П. Я. Громославского) рукопись романа «Тихий Дон», написанного соседом тестя, или его одностаничником¹⁰, Федором Крюковым, который перед смертью от тифа во время *отступа* белой армии в 1920 г. якобы вынужден был оставить материалы своего недописанного романа на милость встретившегося ему Громославского¹¹.

непринужденного общения, так для прямой речи героев Шолохова (1 раз в ТД1 и 6 раз в ШбезТД1): — *Живем — хлеб жуем. Наша живуха известная* («Коловерть», остальные употребления в ТД и ПЦ). Однако у Крюкова этих конкретно слов не встречаем.

- 9 Вот пример намеренного «опросторечивания» официального письма (после 3 апреля 1927 г.), адресуемого в издательство «Московский рабочий»: «Я-то от Вас терпел не мало, во всяком разе не меньше». Выражение не встречалось ни в ТД1, ни в ШбезТД1, ни у Крюкова, хотя похожие выражения имеются: «В таком (этом) разе» и: «В выпитом (В пьяном) разе» — и у Шолохова, и у Крюкова они были, встречаясь, правда, только в речи персонажей (6 раз у Крюкова и 4 — у Шолохова).
- 10 П. Я. Громославский учился, согласно данным А. Ю. Чернова, в Усть-Медведицкой гимназии и был однокашником Крюкова (см.: https://nestoriana.wordpress.com/2019/03/03/smert_gromoslavakogo/). По более достоверному источнику, однако, Громославский учился в Усть-Медведицком епархиальном училище (это известно от внучки, старшей дочери Шолохова Светланы, — см.: <https://ok.ru/chigomany/topic/67368189375848>).
- 11 Громославский служил дьяконом в церкви и до 1915 г. трижды избирался старичным атаманом Букановской; венчание Шолохова и М. П. Громославской произошло 11 января 1924 г. в Кумылге (Биография).

Гапаксы — слова, не встретившиеся ранее ни в художественных текстах Крюкова, ни у Шолохова

Итак, мы будем сравнивать употребление слов в следующих текстовых массивах:

а) **Крюкова** (т. е. во всех текстах Ф. Крюкова) — это 719,6 тыс. слов, б) в **ТД₁** — это 216,0 тыс. слов.

в) в **ШбезТД₁** (во всех текстах Шолохова за отсечением спорной ТД₁) — это 522,5 тыс. слов.

Три нуля, следующие друг за другом в таблице ниже (через дефис) после каждого из приводимых слов, — это так называемые *гапаксы*: они не встретились нам нигде, кроме самих писем, — иначе говоря, у них нулевые частоты употребления в каждом из трех интересующих нас массивов, соответственно а), б) и в). Вот сами эти слова:

Дюженько — в слове можно видеть контаминацию слов *Дюже* и *Маленько*.

Лечба — по СРНГ: 1. Лечение. *Лѣчба*. Пинеж., Мезен. Арх., 1885; *Лечба́*. Слов. Акад. 1847 [с пометой «стар.».]. Холмог. Арх., 1907. Ветл. Костром. или 2. Лекарство; снадобье. *Лечба́*. Казаки-некрасовцы, 1969.

Малешко — по СРНГ: *Малѣшко* и *Малѣшко*, нареч. Немного, чуть-чуть. Шенк. Арх., Слов. Акад. 1927. Арх.; Кирил. Волог., 1896–1920. Ленингр., Ряз., Тул.

Марусенок — по-видимому, ласковое обращение к жене (у Крюкова встречаем только имя *Марусенька* в «Из дневников», 1902–1904).

Милота — по СРНГ: *Милота́*, Милый человек. *Иде ходил, милота?* Дон., 1929.

Надеждишка — видимо, авторский неологизм. В СРНГ нет, только: *Надѣженька*, Фольк. 1. Уменьш.-ласк. к 1. *Надѣжа* (в знач. надежда). Белозер. Новг.

Незадолгим (или *В незадолгом*) — нет ни у Даля, ни в СРНГ: очевидно, просто авторские упрощения, снижения наречного выражения *Незадолго до того* (или же контаминация с — *В скором времени*).

«Нишчий» (в письме — в кавычках) — в СРНГ нет: по-видимому, неологизм; возможно утрированное написание, с воспроизведением произношения слова *Нищий*.

Роднушок — в СРНГ: *Родну́шка*, 1. Родная мать. Тул., 1969; 2. Родня, родственник. Нижегород., Даль; 3. *Ласк*. В обращении дорогой, родимый. Даль; Нижнедев. Ворон, 1893; Волог. Слов. Акад. 1961 [разг].

Рыбьё (в СРНГ нет) — очевидно, собирательное для 'рыба, улов' (по аналогии с *зверьё*).

Светлый, *Светляк*, *Светлячок* — игровые производные от имени дочери, *Светлана*; но в ТД₁ и ШбезТД₁ — только *Светлячок*, для обозначения насекомого.

Цифры в скобках далее в таблицах фиксируют количество вхождений не диалектных или не просторечных, а нормативных литературных слов (они, как правило, указываются прямым шрифтом, не курсивом).

Табл. 1.

<i>Дюженько</i> 0-0-0	<i>Надеждишка</i> 0-0-0	(обцелуй всю до темячка от) <i>Пальчужанков</i>
<i>Дютем</i> [=детём] 0-0-0	<i>Незадолгим</i> / <i>в незадолгом</i> (незадолго)	0-0-0
<i>Лечба</i> 0-0-0	0(3)-0-0(5)	<i>Роднушок/-шочек</i> 0-0-0
<i>Малешко</i> 0-0-0	« <i>Нишчий</i> » 0-0-0	<i>Рыбьё</i> 0-0-0
<i>Марусенок</i> (=Маруська) 0(1)-0-0	<i>Особь статья</i> 0-0-0	<i>Светляк/Светлый/</i> <i>Светлячок</i> 0-0-0(6 ¹²)
<i>Милота</i> 0-0-0		

12 В ШбезТД₁ только применительно к насекомому.

Общие словечки у Шолохова и Крюкова

В следующей таблице — слова, которые, наоборот, встретились одновременно и в текстах Шолохова, и в текстах Крюкова (число перед словом указывает количество его употреблений в соответствующем массиве), — но и по ним невозможно распознать стиль кого-то конкретно из авторов.

Колготá, 1. Суета, возня; хлопоты, беспокойство; маета. Слов. Акад. 1911 [с пометой «обл.».]. Козл. Тамб., 1912. Калуж. Тул., Ряз., Куйбыш. Пенз. Саратов., Кубан. *Колготить*, Беспокоить, будоражить кого-либо, причинять хлопоты. Ряз. 1960–1963. *Колготиться*, 1. Суетиться, хлопотать, возиться. Дубен. Тул., 1933–1950. Калуж. Ряз., Влад., Костром., Куйбыш. Пенз. Кубан. 2. Волноваться, беспокоиться (часто без причины). Тамб., 1920–1949. Влад.; *Колготнд*, Беспокойно; хлопотно. Борисоглеб. Тамб., Сатин. Пенз., 1960. Ряз.

Днюем — *Дневать*; но у Крюкова слово в кавычках, как бы с отстранением: *Иногда останется она на праздник в поле «дневать», т. е. караулить оставленное имущество* («На тихом...»), а у Шолохова без них: *Ну что ж, переночуй, а дневать уж иди куда-нибудь* (ПЦ), как освоенное, более авторское слово.

Набрехать — у Крюкова в «Казачка» 1896, «Из дневника...» 1903, «Визитка...» 1919; у Шолохова: — *Набрехал, дьявол грызной!* (ТД-3-17¹³).

Побалакать — у Крюкова: *Кто по-турецки, ребята, знает, побалакать бы с ними...* («Около...» 1915); у Шолохова: *У полк прийдэшь — побалакай на цэй счет с козакамы* (ТД-3-23).

Пыхнуть — у Крюкова: *шумно пыхнул ноздрями* («Тишь» 1914); у Шолохова в ПЦ в словах Разметнова: — *На все четыре стороны хочешь пыхнуть?*

Сбрёхивать — по СРНГ: 1. Лаять время от времени (о собаке). 2. Временами, иногда врать. Даль; *Сбрёх* — Враль, лгун, обманщик. Даль; у Крюкова: *Пожалуй, и правда, коли не сбрехал?* — *сказал Ильич.* («На речке...» 1911); в ТД1 и ШбезТД1 *Брехать* — более 100 раз.

13 ТД — «Тихий Дон»; первая цифра после дефиса — номер части романа; вторая, через второй дефис, — номер главы.

Сшибить (в переносном значении) у Крюкова: *А oprичь хлеба, копейку сшибить на чем?* («В сугробах» 1917); у Шолохова: *...хватался за любое дело, лишь бы копейку лишнюю тебе где-нибудь сшибить...* (ПЦ).

Табл. 2¹⁴

(а) Весь Крюков	(б) ТД ₁	(в) ШбезТД ₁
55 <i>Гребень</i> (=холм, гора, вершина)	35 <i>Гребень</i>	30 <i>Гребень</i>
1 <i>Гребенской</i> — 58 ирм	1 <i>Гребнистый</i> (о волнах) — 158 ирм	4 <i>Гребенчатый</i> 2 <i>Гребнистый</i> 1 <i>Гребенской</i> — 61 ирм
2 «Днюем» / Дневать	1+2 Дневать/Пере-ть	6 Дневать
4+3 <i>Измываться/-ство</i>	4/0	4+3 (-ание)
1+1 <i>Колгота/Колготно</i>	0	1+1 <i>Колгота/Колготиться</i>
2 <i>Набрехать</i>	1	6
1 <i>Побалакать</i>	1	1
7 <i>Пыхнуть</i>	1	9
1 <i>Сбрехивать</i>	3	10
1(3) « <i>Скучился</i> » (=заскучал)	1(3)	3(13)

14 Курсивом помечены диалектные слова, прямым — литературные.

5 <i>Страм</i> (=срам, позор)	0	1 На страм
2 <i>Сиибить</i> (=добыть денег)	1	1
5 <i>Харч/харчи</i>	13 <i>Харч/харчи/-шки</i>	74 <i>Харч/харчи/-шки/ -ишков/харчевой/ похарчевитее</i>

Одно спорное словечко из ТД1

Третья таблица состоит из единственного случая, глагола *Вырешить*, аналог которого мы находим только в ТД1 (и в данном случае это не дает однозначного ответа, с чьим, собственно, идиостилем мы имеем дело: если это оригинальный текст Шолохова, то с его, если же «украденный» у Крюкова, то — с идиостилем последнего). Но уж коли оно в письме Шолохова, то — скорее всего, это *его* идиостиль?

Вырешить (причем как слово в авторской речи!): *многие больные вопросы между нами остались невырешенными* (ТД1); или: *о приезде в Новочеркасск делегации от Военно-революционного комитета для окончательного вырешения вопросов о власти* (ТД–5–9); а также: *Утром Григорий проснулся с нудным ощущением чего-то невырешенного*.

Табл. 3.

(а) Весь Крюков	(б) ТД1	Ф(в) ШбезТД1
0	2+1 [<i>Вырешить</i>] / <i>Невырешенный/ Вырешение</i>	0

Чертова дюжина неповторимых слов (от 12 до 14) у Шолохова — против только четырех у Крюкова

И, наконец, в следующей таблице — восемнадцать слов, по которым можно различить идиостиль обоих писателей.

Во-первых, слова, характерные для одного только Ш-идиолекта (они употреблялись в ШбезТД₁ и не употреблялись у Крюкова), — это наречие *Байдуже* (в форме *Байдуже*), *Девчонушка* (и то и другое в ШбезТД₁), глагол *Дотюпать* (1 употребление — в ШбезТД₁), уменьш.-ласкат. форма слова *Жененка*¹⁵, глаголы *Заскучить*, *Квохтать*, наречия *Наскорях* и *Налегках*, глагол *Степлиться*, существительное *Страма*, переименованное наречие-частица *Толечко*, игровое цитирование формы глагола «Упреждаю» (в кавычках), а также глагол *Прохарчить* в знач. 'протратить'.

Употреблялись ранее только в идиостиле Крюкова — словечко «Робитник», прилагательное *Икряный*, глагол *Харчиться* с тем же корнем *харч*, что у Шолохова, но употребленный в ином значении: 'питаться' (оно у Крюкова встречается девять раз во многих текстах: 1898, 1906, 1910, 1911, 1912, 1913 и 1915 гг.), и *Прохарчиться* — как 'прокормиться' (также в нескольких текстах, пятикратно). Как можно видеть, слова и значения одинаковых слов у Крюкова и Шолохова часто не совпадают.

Байдуже — в СРНГ: *Бáйдуже*, нареч. Все равно; безразлично, без внимания. Обоян. Курск., 1854; *Бáйдужа*. Мещов. Калуж., 1905–1921. Дон.; *Байдуже*. Саратов. Росл. Смол. Калуж. *Бáйдуже*. Ворон., 1850. У Шолохова: [Мать убеждает сына жениться]: *Гля-ко, у тебя вон по голове уже заморозки пошлись. Когда же надумаешь-то? Покеда белый станешь? Об матери и — бай дуже.* (ПЦ) — и там же: *сохнет всяк возле своего, а об чужих и — бай дуже.*

Девчонушка — у Крюкова нет, только литературная форма *Девчонка* 34 раза; у Шолохова она в ТД₁ — 4 раза, а в ШбезТД₁ — 12; хотя в

15 В письмах Шолохова, так же как и в текстах (2 в ТД₁ и 7 в ШбезТД₁), это слово в форме *Жененка*; у Крюкова — только в более «литературной» форме *Женка* (4 раза; также 1 раз в ТД₁ и дважды в ШбезТД₁).

ШбезТД1 дважды *Девчоночка* в песне: *Выходила девчоночка на крыльцо*, но также дважды в искомой форме (во внутренней речи Давыдова): *Каким тебя ветром ко мне несет и на что ты мне нужна, милая девчонушка?* (ПЦ).

Дотюпать — ср. по СРНГ: *Тюпать* — <...> 3. Идти частыми, мелкими шажками, семенить. Мосал. Калуж., 1905–1921. Одесск.

Жененка — очевидно, следует читать *Женёнка*: в СРНГ нет (но, по-видимому, и не должно быть, как регулярного диалектного соответствия «женушке»).

Заскучить — только в ШбезТД1: *По людям заскучила, а?* («Пастух»). По СРНГ: *Скучить*, 1. Несов. Скучать, тосковать без кого-, чего-л.; по кому-л. 3. Сов. Надоесть, прискучить, наскучить. Даль. *Скучить*. Пошех. Яросл., 1856; *Скучиться* — Соскучиться, затосковать. Новосибир., 1978. *Скучиться*. Ворон., 1893. Курск., Дон., Краснодар.: у Крюкова в песне: *Дюже скучился, стосковался я / По сударушке своей дорогой...* («На тихом...» 1898); также 1 раз и в ТД1: — *Ты чего так глядишь? Скучился, что ли?* (ТД–5–13); дважды в ТД2 и 1 раз в ПЦ.

Квохтать и *Клохтать* — Издавать короткие громкие звуки (о курах). Терск. Кубан. <...> Ворон., Дон.

Налегках — в СРНГ, нареч. Легко, без труда. Ряз., 1960–1963. В ТД дважды: *У некоторых имелось по две лошади: одна шла под седлом, а вторая, именуемая заводной, — налегках, сбоку всадника.* (ТД–8–16).

Наскорях — по СРНГ: Второпях, наспех, наскоро. Соликам. Перм. 1853. Ворон. Дон., Курск.; у Шолохова: *Обедали на скорях. Сало и казачья присяга, — откидное кислое молоко, привезенное из дому в сумке, — весь обед.* (ТД 1-9); трижды в ДР («Батраки», «Пастух», «Червоточина»); у Крюкова же — только литературное *Наскоро* (8 раз).

Степлиться — в СРНГ: *Стёплиться*, сов. 1. Согреться, нагреться (о жидкости). Шенк. Арх., 1852. Курск., Ворон.; *Несколько раз она выходила в кухню, пила противную теплившуюся воду и, преодолевая тошноту и головокружение, снова ложилась на полсть* (ТД 1-16).

Страм/Страма: у Крюкова слово только в мужском роде, *Страм*; у Шолохова — только в женском, *Страма* (за исключением единственно-го фразеологизма: *На страм*).

Упреждать — в ТД1: *...а я наперед упреждаю: примечу — запорю!*

Прохарчить: в ШбезГД1: ...на молоко все деньги прохарчил... (ТД-7-28).

«Робитник» — Шолохов так называет себя в письме: *Ваш «робитник»*, но в СРНГ слова нет, там лишь глагол *Робить*, 1. Работать, трудиться; выполнять тяжелую физическую работу (обычно о крестьянской работе) (в том числе Дон.). Слово — только в художественных текстах Крюкова, причем тоже в кавычках (в названии песни, которую собираются исполнить): *Ну, Поплавский, «Робитники духа»!*.. — *сказал он весело. И они запели* («Новые дни» 1907).

Икряный: По СРНГ, 1. Ранний лов рыбы, начинающийся со вскрытия вод и продолжающийся до конца мая. Астрах., 1840. Касп. 2. *Сазан икряный*. О толстом мужчине. Ейск. Кубан., 1898; 3. Богатый, имеющий много денег. Сев. Кавк. 1908. Поразительно, что это слово ни разу не встретилось у Шолохова, за исключением письма к жене (13 апреля 1927 г. — о пойманной и приготовленной рыбе, чебаке), у Крюкова же оно употребляется восемь раз, но, как правило, в другом значении: *Баржи, грузные, икряные, чуть заметно вздыхают боками, и лениво плещут их выцветшие флаги* («Пароход...» 1910); или: *телеграфист Леонтьич подает икряную пачку газет и писем посыльному Шкапе* («В глубоком...» 1915). Слово отсутствует как в ТД1, так и во всем остальном массиве Шолохова.

Похарчиться; *Прохарчить*; *Исхарчиться*, по СРНГ — околеть, издохнуть (о животном), пасть (Ряз., Ворон., Моск., Оренб.); а также с другим ударением: *Исхарчиться* — умереть (о насекомых — Ряз., Нижегород., или о человеке — Куйб.); у Крюкова — дважды: ...отец *Астафий исхарчился* («Товарищи» 1909); и о лошади: — *Ведь она исхарчится*. — «А сдохнет — другую дадут» («В углу» 1918); *Похарчиться*, по БТСДК — умереть (ст. Глазуновская), и по ВС: (Земл., Масл., Флн., Бкн., Глаз., Кар., Мох., Суб. и др.), и по СРНГ, *Похарчиться* — умереть, сдохнуть (о животных: Зарайс. Ряз., Дон. Колом. Моск., Тул., Оренб.); также: *Похарчить* — кормить к-л. некоторое время (Даль Волог.), *Похарчиться* — поест, покормиться (Ветлуж. Костром.); у Крюкова также 2 раза *Прохарчить* (=потратить деньги на еду): «В глубине» 1913, «Мельком» 1914; 1 раз *Прохарчиться* (=пропитаться) («В пустынных...» 1911), а в исходной форме *Похарчиться* 'умереть' 4 раза (в прямой

речи — как реакция на раздающиеся удары колокола): — *Похарчился кто-то, — говорит Семен Иваныч и соображает вслух, кто бы это мог быть, за кем стояла вероятная очередь умирать* («В благополучных...» 1912, также «Шаг на месте» 1907, «Офицерша» 1912 и «Тишь» 1914); у Шолохова самого слова нет, но с тем же корнем есть — как *харч, харчи, харчишки, харчевой (припас), похарчевитее: — Кабы похарчевитее нас кормили — с этой живухой до зимы не расстался бы* (все только о еде, а не о смерти: всего около 80 раз); есть и вариант *Прохарчиться*, в знач. 'протратить': *прохарчил деньги* (ТД 7-28); в совпадающем значении есть три употребления и у Крюкова: *Прохарчили 'проели, истратили'* («В глубине» 1913 и «Мельком» 1914).

Табл. 4.

(а) Весь Крюков	(б) ТД ₁	(в) ШбезТД ₁
0 <i>Байдуже/Байдюже</i>	0	2
0 <i>Девчонушка</i>	0	2
0 <i>Дотюпать (=дойти, добраться)</i>	0	1
0 <i>Жененка (=ласк. жена)</i>	2	7
0(7) <i>Заскучить (заскучать)</i>	0	1(6)
0 <i>Квохтать</i>	5 (за) <i>Квохтать</i> (перен.: о снарядах и о ч-ке) 3 <i>Клохтать</i>	2 (перен. ДР: о воде и о роженице)
0 <i>Налегках</i>	0	2

0(8+3) Наскоро / На скорую руку	1(11) Наскорях	3(18) На-скорях
0 Степлиться	1	5
0	5 Страма	6 Страма
7 Страм (=срам, позор)	0	1 На страм
4 Страмить/-ся / Пострамить	0	2 Страмить
3 Страмно	3 Страмно	1 Страмной
4 Страмота	1 Страмота	2 Страмота
3 Страмотно	0	3 Страмотно
6 Страмотить / Острамотить 1 Острамиться	0	4 Страмотить / Острамотить / Пострамотить
0(1) Толечко(Толечки)	1 Толечко	13(1)
0(1) «Упреждаю» (Упредить)	1(1) Упреждать/-ить	3(2)
0	0	1 Прохарчил (=потратил, истратил)
3 Прохарчить/-ся (=прокормить/-ся)	0	0
1 «Робитник»	0	0

9 <i>Икряный</i>	0	0
5 <i>Харчиться</i> (=питаться) 1 <i>Харчеваться</i> 4+2 <i>По-/Исхарчиться</i> (=умереть)	0	0

Предварительное заключение

На 42 экзослова из писем жене пришлось 14 гапаксов, 1 «ничейное» слово, встретившееся только в спорном ТД₁, и 11 общих для обоих идиолектов слов, так что, подводя итог только по различительным контекстам, получаем счет: 13 против 4 — в пользу Шолохова. Употребление лишь четырех слов из этого списка в активном лексиконе Крюкова — слов «*Робитник*» (в кавычках), *Икряный*, *Прохарчиться* (как прокормиться) и *Исхарчиться* (как умереть) — при отсутствии их в текстах Шолохова (т. е. как в ТД₁, так и в массиве ШбезТД₁) могло бы наводить на мысль о возможности заимствования Шолоховым из доставшегося в его руки прототекста. Однако этому противоречит употребление в той же самой переписке гораздо более солидного числа, от 12 до 14, слов из Ш-лексикона. На наш взгляд, это свидетельствует в пользу того, что и те и другие слова находились в 1926–1929 гг. в активном пользовании титульного автора ТД, и он вряд ли стал бы их намеренно педалировать в письмах жене (для создания впечатления у потомков о том, насколько отличным от Крюкова языком ему свойственно изъясняться?), и уж тем более не стал бы употреблять в письмах «не свойственные» ему слова, условно «из К-идиолекта». Счет 13:4 по экзословам в пользу Шолохова подтверждает, что четыре слова, заимствованные как будто из словаря «крюковского», следует считать появившимися в письмах случайно: просто потому, что на самом деле это их общий, и Крюкова, и Шолохова, диалект, из которого последний волен был свободно брать то, что ему казалось необходимым для выражения своей мысли. Остальные же слова из нашей таблицы — 14 слов с нулевыми частотами, гапаксами, в первой строке таблицы, не

использованные ни в одном из трех массивов, а также 11 слов, которые присутствуют одновременно во всех трех массивах, — можно отнести к «не участвовавшим» в устроенном нами соревновании или к участвовавшим в нем лишь пассивно¹⁶. По нашей версии выходит, что если бы Шолохов или кто-то из его «команды» действительно занимался умышленной фальсификацией прототекста романа, доставшегося от Крюкова, то должен был бы, в отличие от явно неприятного Шолохову «просиживания в корректорской» (ср. его слова из эпиграфа), не исключать из рукописи лишние «провинциализмы», а как будто наоборот — насаждать их в ней, вдумчиво заменяя каждое из «чуждых» местных словечек *крюковски-глазуновского* прототекста на свое, *шолоховски-вёшенское*, четыре же явных «чужака» из писем жене он должен был бы убрать, чтоб не «засветиться».

II. Письма к Е. Левицкой и Э. Цесарской

В 27 письмах уже к другому адресату, но также к женщине, Евгении Григорьевне Левицкой, существенно старше самого Шолохова, близкая дружба и переписка с которой продолжалась с 1928-го по 1955 г. и частично пересекалась по времени с перепиской с женой, встречаем подчас те же самые, что и в письмах к жене, но также некоторые иные диалектные и просторечные словечки. Впрочем, концентрация их там несколько ниже. То же, кстати, в еще большей (а точнее, в меньшей) степени можно сказать о третьем адресате писем Шолохова — первой исполнительнице роли Аксиньи из «Тихого Дона» в кино Эмме Цесарской¹⁷.

16 Более поздние из употреблявшихся автором экзотизмов (1975) *Неторопко* и *Посумеем* здесь мы уже не учитываем.

17 Экранизация, которую осуществляло «Союзкино» по первой книге романа «Тихий Дон» (сценарий и режиссура О. Преображенской и И. Правова).

Гапаксы в письмах к Левицкой

Если сравним рассмотренную выше наполненность 22 писем к жене (1924–1929) взятыми из диалекта мужа или образованными его фантазией экзословами с массивом писем к Евгении Григорьевне Левицкой, то в них концентрация экзослов несколько снизится. Прочитав здесь такое авторское посвящение ей, из инскрипта на томе «Тихого Дона», напечатанного в 1954 г.: «Дорогой Евгении Григорьевне с сыновней любовью». Она была тоже, безусловно, достаточно близким для автора человеком (хотя Шолохов буквально годился ей в сыновья): можно вспомнить неоднократные величания ее в его письмах — *мамуней, маманей, мамунушкой...* Писем к ней по количеству почти столько же (26), сколько и писем к жене, охват времени (1928–1939) несколько больше, хотя объем их несколько меньше (около 30 листов). Вот сами слова из них:

Бессвязь (извиняюсь за бессвязь) — в СРНГ нет: очевидно, это просторечный окказионализм автора — вместо *Бессвязность*.

«Зальюсь» на ту сторону Дона; ср. Заливаться, по СРНГ: Очень быстро бежать, побежать. Рыб. Ярослав., 1901. Ярослав., Тул., Терск., Кубан., Куйбыш.

Запогожилось: (в письме) *Запогожилось на зиму (бугры стали белые)*; ср. в СРНГ: *Запогодить*, 1. О наступлении ненастной погоды. *Запогодило на дворе, и выходу из дому нет*. Даль [без указ. места]. <...> Кубан., Оренб., Урал., Тюмен., Свердлов., Омск., Том. 2. О наступлении хорошей погоды. *Запогодило*. Кубан., 1902. Курск. [возможна контаминация или игра слов с *Запохожиться*: т. е. стало наконец похоже на зиму?]

Испадать: у Шолохова только *ниспадать*.

Накоротке 1. Вкратце, непространно, коротко. Даль [без указ. места]. 2. Настойчиво, неотвязно. Пинеж., Арх., 1974.

С немножким (просторечное упрощение вместо: *с небольшим*) — из письма: *План сева 30 % с немножким*; в СРНГ нет, только: *Немноженьки*, нареч. Фольк. (ср. выше с таким же гапаксом *Незадолгим*).

Помой: (простореч. вместо *Помои*) в СРНГ отсутствует в таком значении, только: *Помой* как Мытье, стирка: *Отдать белье в помой*. Пск., Осташк. Твер., 1855.

Порося: в СРНГ: Поросенок. Арх., 1873 Пск. Смол. Тамб. Кубан.

Приваркачить к письм[енному] столу; ср. в СРНГ: *Ворки*, мн. Боковые стенки телеги. В *ворках*, в знач. нареч. Наравне с краями (телеги). Клад., 1853. — или же ср. *Варки. Приварчить* и *Приворчить*, Принести, притащить (Ветл. Костром., 1933).

«*Тронутые*» не пишут [Ш цитирует слова жены, которая «трону-тым» называет его самого] — в СРНГ: *Тронуть*. Заболеть (о сердце). *У меня полнота стала, когда сердце тронула*. Дон., 1975.

Табл. 5

<i>Бессвязь</i> 0-0-0 <i>«Зальюсь»</i> 0-0-0 <i>Запожилось</i> 0-0-0 <i>Испадет (дробь зайцам)</i> 0-0-0	<i>Накоротке</i> 0-0-0 <i>с Немножким</i> 0-0-0 <i>Непротивленишко:</i> 0-0-0	<i>Помой (вылили)</i> 0-0-0 <i>Порося</i> 0-0-0 <i>Приваркачить</i> 0-0-0 <i>«Тронутые»</i> 0-0-0
---	---	--

Слова, употребительные у обоих — и у Шолохова, и у Крюкова

Заховать (в письме 1933 г., об умерших от голода): *не заховывают (мертвых), а сваливают в погреб*; в СРНГ: *Заховать* 1. Спрятать, запрятать что-либо. Курск., Дон., 1848; Брян., Тамб., Ворон., Терск., Кубан., 2. Похоронить покойника. Курск., 1848. Ворон., Южн., Тул., Пск., Новг., Зап.; у Крюкова: *Помрем — заховают, — сказал равнодушно слепой казак («К источнику...» 1904)*; у Шолохова: *Зараз же заховай у карман, шоб той же пидкулачник не сказав про тебе: «Дывысь, люди добри, ось як вас приихалы агитировать, з наганам!»* (ПЦ).

Изобличить (в кавычках, как и упоминавшееся ранее «упреждаю» в письмах жене, и тут также с иронией и отстранением): *Мне остается одно: «изобличить» Вас.*

По злобе: у Крюкова в «Мельком» 1911 и *Это все по злобе, господа судьбы, по злобе и по ненависти, ему хочется согнать нас с участка* («Процесс» 1912); у Шолохова — в ПЦ; *По злобе наговорено вам...* («Алешкино...»); «Двухмужняя».

Попрашивать: *Попрашивал (помощи)*: в СРНГ нет, только: *Попрошайть* 1) Несов. Просить милостыню, нищенствовать. Черепов Новг., 1893; 2) Сов. Попросить о чем-л. Нижнедев. Ворон., 1848 Курск., Орл., Костром. У Крюкова: *Турка попрашивает повода* («В сфере...» 1916); у Шолохова: *...вскоре от встречного ветра неподпоясанная рубаха Щукаря вздулась на спине пузырем, а он все попрашивал у жеребцов скорости и, морщаясь от боли в ноге, весело помахивал кнутом, кричал тонким голоском: «Родненькие мои, не теряй форсу!»* (ПЦ).

Похужеть: в СРНГ нет, только: *Похудеть*. Ряз., 1960–1963 Р. Урал. Бобр. Ворон., 1858 Новосиб. или *Похужать*, Курск., 1958; у Крюкова: *тут в скорости командир через воду приказал им плыть. А вода, говорит, вешиная, ледяная. Похужело.* («Старая левада» 1910); у Шолохова: *Иной раз терпишь-терпишь да и скажешь: «Жизня, жизня, когда ты похужеешь?...»* («Семейный человек»).

Рыбальить: в СРНГ нет, очевидно, производное от *Рыбалка*: вместо *порыбачить*.

Табл. 6

1	0(1) <i>Ажник</i> (<i>Ажно</i>) 1 <i>ipm</i>	15 <i>Ажник</i> — 66 <i>ipm!</i>	69(1) — 115 <i>ipm</i>
2	12 <i>Жизня</i> — (12 <i>ipm</i>)	16 (70 <i>ipm!</i>)	112 — (185 <i>ipm!</i>)
3	1 <i>Захватить/-овы-</i>	0	1
4	2 « <i>Изобличить</i> »	2	7

5	4-1-4 <i>Мамуня / мамунюшка / маманя (маманька)</i>	0-0-12	0-3-69(22)
6	5 <i>По злобе</i>	0	3
7	1 <i>Попрашивать</i>	0	1
8	1 <i>Похужеть</i>	0	1
9	11 <i>Рыбалить/Порыбалить</i>	15	1

При этом слова *Ажник* и *Жизня* автором как бы намеренно тиражируются (стадию ТД1 можно условно считать «промежуточной» между массивами текстов Крюкова и ШбезТД1): их частоты все время возрастают (1 — 66 — 115 ipm и 12 — 70 — 185 ipm, соответственно), причем первое из них увеличилось более чем в сотню раз, а второе — более чем десятикратно.

Слова, характерные для Крюкова

Зипуны добывать — в СРНГ, *Зипун*, 1. Верхняя одежда на меху или из меха. Красносл. Пенз., 1928. Дон.; <...> 3. Добыча. Дон., 1824. *зипуны (зипунов) доставать*. Отправляться за добычей небольшими партиями. Дон.; в нужном смысле только у Крюкова: *Не сборы ли в поход для добычи зипунов?..* («На тихом...» 1898).

Пестрядь — 2. Пестрая ткань. Перм., 1914. Костром., Прионеж. <...> *Пёстрядь*. Липец. Ворон., 1910; у Крюкова (о травах на луговом покое): *Зеленым морем, нарядным, ликующим, чуть тронутым узорною пестрядю цветов, дремали, нежились они в буйном блеске жарких дней* («В глубине» 1913, «Тишь» 1914); и еще 4 раза и как прилагательное *Пестряденный*.

Табл. 7

1	3(66) <i>Зипуны (добывать / доставать)</i>	0(17)	0(73)
2	2(4) <i>Пестрядь/-ный</i>	0	0

Сюда же можно было бы вставить еще и слово *Мамуня* (из Табл. 6), которое встретилось ранее только у Крюкова, но оно в группе однокоренных с *Мамунюшка* и *Маманя*, которые имелись и в текстах у Шолохова.

Слова Ш-идиостиля

Лихо (не включая в подсчет устойчивые выражения вроде *Почем фунт лиха*); по СРНГ: 4. Горе, печаль. Волог., 1914. Арх.; у Шолохова: *А ты, Арсений Андреевич, лихом не помни и не держи меня!..* («Двухмужняя») *Каким тебя лихом занесло?* (ТД–6–15).

Небывальщина: в СРНГ нет, есть только: *Небывальщинка* — уменьшительно-ласкательное. Небылица, сказка, выдумка; сплетня. Волог., 1902.

Паровать/Спаровать — в СРНГ: *Паровать*: несов., перех. 1. Соединять парами (людей). Даль [без указ, места]. Слов. Акад. 1959 [с пометой «обл.»]; у Шолохова: *(меня) Паруют с Пильняком; Давняя их паровала дружба.* (ТД1); *Всяка тварь паруется... Давай и мы грех поймеем?.. — сузив смеющиеся глаза, щекоча шею Аксинье усами, шептал казак* (ТД2); *«Черкнули пером и доразу спаровали с Деникиным, в помощники ему зачислили...».*

Турсучить: по СРНГ: 1. Трещать, дергать, трясти кого-либо. Дон., 1929. Дон. Волгогр. Краснодар. Юго-вост. Кубан.; у Шолохова: *потурсучив бороду* (ТД1); *Ветер турсучил в ограде привязанную к большому колоколу веревку* («Путь-дороженька»); *Расторопная весна уже турсучила Дон.* («Чужая кровь»).

Ухандокать (в письме к Левицкой в кавычках, с отстранением:) *Эти 2 месяца <...> «ухандокали» меня:* по СРНГ *Ухандокать*: 1. Лишить жизни, убить кого-либо. Бударин. Сталингр., 1958. Смол. Рост. Одесск.; и в ТД2: *А по глазам ихним б... вижу — они ухондокали!; Вот и Нагульнова, как видно, ухандокали.* (ПЦ).

(старый) *Шляхтич* (в шутку Шолохов так называет сына Левицкой Игоря за то, что тот носит усы); в тексте ТД и ПЦ то же слово — с несколько презрительным оттенком: *Толстый, почтенный шляхтич (пан управляющий) вставал с дрожек, разминая затекшие жирные ноги, и неизменно приветствовал «козаков» помахиваньем белого, с лакированным козырьком, картуза* (ТД 3-6); — *Слушай сюда, с... шляхтич! — грубо оборвал его Половцев* (ПЦ).

Табл. 8

1	0 <i>Лихом пахнут</i>	0	2
2	0 <i>Небывальщина</i>	1	1
3	0 <i>Паруют</i> (=объединяют)	1 <i>Паровать</i>	1(2) <i>Паровать (Спаровать)</i>
4	0 <i>Турсучить</i>	3	5
5	0 <i>Ухандакать</i>	0	2
6	0 <i>Шляхтич</i> (шуточн.)	0	2

Итоги подсчетов приблизительно повторяют общую картину того, что мы видели в письмах к жене: на 11 гапаксов приходится 9 слов общеупотребительных, а общий счет 6:2 в пользу слов исключительно Ш-идиостиля.

Письма к Э. Цесарской

К предыдущему можно добавить еще пятерку слов, встретившихся в письмах Шолохова к Эмме Цесарской, написанных с декабря 1930-го по июнь 1931 г. Во-первых, здесь уже встретившееся нам ранее у обоих слово *Жизня* (переносим данные из предыдущей таблицы), а также ранее встретившееся в письме к Левицкой и употреблявшееся только в массиве Крюкова слово *Пестрядь*. Но еще появляются в письмах новому адресату и новые слова, ранее не встречавшиеся в переписке ни с женой, ни с Левицкой, а характерные все-таки для Ш-идиостиля, — диалектное *Остобрыдло* и ласково-уменьшительное *Сердчишко*. И помимо них еще некий загадочный гапак *Переликнуться*.

Остобрыднуть: по СРНГ, Надоесть до крайности; осточертеть (с прим.: из Вешен. Дон., 1976).

Сердчишко: в ТД1 нет, только обычное *сердечко*, а в ТД2 и в ПЦ слово встречаем (явная примета Ш-идиостиля).

Переликнуться: в письме: *шибко радуемся переликнуться с тобой словом привета* [=обменяться?] (в СРНГ слова нет, из похожих только: *Ликоваться* 1. Фольк. Радоваться. Петрозав. Олон., Барсов. 2. Любезничать; миловаться. Онеж., 1885; ср. также (?): *Лукаться*. 2. *Лукнуться*. Минус., Канск. Енис., 1857. *Лукнуть* Угораздить, подтолкнуть, сделать что-либо вредное или ненужное. *Как это тебя нелегкая туда лукнула?* Ростов. Ярослав., 1902. Ярослав.

Табл. 9

1	12 <i>Жизня</i>	16	112
2	2(4) <i>Пестрядь</i>	0	0
3	0 <i>Остобрыдло</i>	1	1

4	0 <i>Сердчишко</i>	0(1) <i>Сердечко</i>	2(3)
5	0 <i>Переликнуться</i>	0	0

Окончательное заключение

В целом, можно считать, что в письмах к Цесарской повторяется то же, что в письмах к жене и к Левицкой. Шолохов пишет их единым стилем, обильно пересыпая речь экзословами, а поскольку идиомы его и Крюкова близки, то некоторые из этих словечек, ранее не встречавшиеся в текстах Шолохова, а знакомые нам только по массиву Крюкова, будто неожиданно «всплывают» на поверхность и прорываются сюда: в частности, так происходило ранее со словами «*Робитник*» и *Икряный* из писем к жене, а теперь то же произошло и со словом *Пестрядь* из письма к Левицкой и с выражением *добывать (доставать) зипуны*. Однако на фоне основной массы экзослов из этих писем, характерных большею частью именно для Шолохова (11+7+2=20), это число «чужих» сравнительно невелико.

III. Экзослова — в письмах к вождю

Для контраста показалось интересным привлечь к рассмотрению и массив из 14 шолоховских писем к Сталину (написанных с января 1933 г. по январь 1950 г., при том что их личные встречи происходили с декабря 1931 г. по август 1940 г.). Как это, может быть, ни покажется странным, но и в этих письмах экзослова составляют довольно внушительную группу — 18 единиц, среди которых, правда, нам уже совсем не встретились гапаксы, что, наверное, и неудивительно¹⁸. Практиче-

18 Если не считать таковыми ругательство *Блядина* (цитата из допроса Логачева следователем Марковичем), а также похожее на гапакс слово *Отпечаловать* — но оно все-таки уже встречалось однажды, в ОСР.

ски все слова ранее употреблялись чаще в текстах Ш-идиолекта, за исключением одного лишь *Чижолый* (оно — как раз чаще у Крюкова):

Деляна — в СРНГ: 1. Участок земли для обработки, застройки и т. п. или участок леса для вырубki; делянka. Нижегород. [?], Даль. Урал., 1930 и др.; в письме: *На затравевшей деляне...*

Затраветь — Покрыться травой. Пск., 1927. Урал. Слов. Акад. 1955 [с помет. «обл.».]. *Затравевший двор выложен росным серебром.* (ТД1-1); *...стонал над бурыми затравевшими могилами* (ТД 3-1); у Шолохова 6 раз в сочетании со словами: *двор, гумно, могилы, поместье, баз, след конского копыта*; и в «Слове о Родине»: *...к небольшому домику на окраине широкой затравевшей улицы.*

Затолачивать, по СРНГ — 1. Затапывать, вытапывать что-либо. Слов. Акад. 1847. *Скот затолочил хлеб.* Даль [без указа, места]. Дон., 1929; у Шолохова: *Откуда ни возьмись, забрел в хлеба табун скота: ископытили, в пахоть затолочили грузные колосья* (ТД 1-20); *Об чем раньше думал, когда жизнь мою молодую в прах затолочил?* (ТД 6-7).

Испятнить: *Его всего испятнили, как кобеля в драке: то ли крестов на нем больше, то ли рубцов.* (ТД 4-7); *Лицо Богатырева черной лапой испятнил гнев.* (ТД 6-52)

С ленцой; у Крюкова: *Но среди обидно беспечных, нерасчетливых, с большой ленцой русских мужичков все-таки чувствуется легче* («В нижнем...» 1912; «Тишь» 1914; «В сфере...» 1916); у Шолохова: *Степан работал с ленцой* (ТД 1-7); *С ленцой баба, спорченная* (ТД 2-3) и в ПЦ.

Озадки: Озадки — остающееся при веянии легкое, сорное зерно; у Крюкова: *Да какая пшеница? Озадки, а не зерно...* («Будни» 1911). *...у ных хозяев, какие нерадеи, семенное зерно от озадков не отличишь* (ПЦ).

Отпечаловать: в СРНГ — Вылечить, выходить (больного). Нижнеуд. Иркут., 1912. Казаки-некрасовцы. *Кое-как отлил ее водой, отпечаловал от смерти* (ОсР).

Просовы: по СРНГ — ямы на зимнем пути в распутицу, затянутые грязью и снегом; у Шолохова: *...черными просовами покрылась дорога* (ПЦ) и в ТД 6-48: *Командир 2-го батальона — упрямый латыш — не*

слушал доводов ротного, еле выручившего из глубокого просова свою застрявшую лошадь, командовал: «Вперед!»

Трошки: по СРНГ — 1. Немного, небольшое количество чего-л. Ряз., 1822. Медын. Калуж., Брян., Смол., Зап., Южн., Орл., Курск., Юго-зап., Дон., Казаки-некрасовцы.

Табл. 10

1	4/0 Деяна — 4 ірм	6/5 Деяна/-ка — 48 ірм	3/7 Деяна/-ка — 16 ірм
2	112(4) Дюже(й) — 119 ірм	(1)-33-(6/0) (по)Дюже(й/е) — 172 ірм!	(1)-200-(25/2) — 376 ірм
3	0 Затраветь	6 Затравеший — 26 ірм	4 Затравеший — 7 ірм
4	0 Затолочить	2/0 Затолочить — 9 ірм	2/2 Затолочить/-очь — 7 ірм
5	0 Испятнить	5 Испятнить/анн — 22 ірм	2 Испятнить/-анн- — 3 ірм
6	2(1) с Леницей/ Ленца	3(0) с Леницей — 13 ірм	1(0) с Леницей — 1,7 ірм
7	23 Нехай — 24 ірм	22 — 97 ірм	89 — 147 ірм
8	5 Нонешний — 5 ірм	7 Нонешний — 31 ірм!	23 Нонешний — 38 ірм!
9	2 Озадки — 2 ірм	0	4 Озадки — 7 ірм

10	0 <i>Отпечаловать</i>	0	1 <i>Отпечаловать</i> — 1,7 ірм
11	0 <i>Пашеничка</i>	1–4 ірм	6–10 ірм
12	1 <i>Подопревшая</i> (рожь) — 1 ірм	1 <i>Подопревшая</i> (солома) — 4 ірм	1 <i>Подопревшие</i> (травы) — 1,7 ірм
13	0	0	3 <i>Просовы</i> — 5 ірм
14	10 <i>Сымать</i> — 10 ірм	6(2) <i>Сымать/по-</i> — 35 ірм	24(8) <i>Сымать/по-</i> — 53 ірм
15	3 <i>Трошки</i> — 3 ірм	23–101 ірм	89 — 147 ірм
16	3 <i>Через то</i> — 3 ірм	1 <i>Через то</i> — 4 ірм	17 <i>Через то</i> — 28 ірм
17	14 <i>Чижолый</i> — 14 ірм	1 <i>Чижолый</i> — 4 ірм	3 <i>Чижолый</i> — 5 ірм
18	1 <i>Хочете</i> — 1 ірм	1 <i>Хочете</i> — 4 ірм	3 <i>Хочете</i> — 5 ірм

Для сравнения частоты слов *Дюже*; *Нехай* и *Трошки* (соотв. 796, 609 и 243 употреблений по всему НКРЯ на 374 449 975 слов: сюда же входят, конечно, и все тексты Шолохова, что дает — 2,13; 1,63 и 0,65 ірм). Эти слова можно рассматривать как своего рода маркеры Ш-стиля, и их частоты по сравнению с частотами Крюкова (уже значительно превышавшие средние по НКРЯ, соответственно 119, 23 и 14 ірм) еще последовательно увеличиваются — втрое, в шесть раз и более чем десятикратно (376, 147 и 147 ірм соответственно)! Конечно, употреблять в переписке со Сталиным такие всякому знакомые экзослова было гораздо «правильнее», нежели относительно редкие диалектизмы вроде *Колгота* (из писем жёнке) или *Жизня* и *Пестрядь* (из писем к Левицкой и Цесарской), ну, и тем более какой-нибудь малопонятный глагол *Переликнуться*...

Послесловие

Таким образом, конспирологическая версия «кражи» или же заимствования чужой рукописи, Шолоховым у Крюкова, представляется нам маловероятной.

Только вот, разве что, несколько странными могут показаться читателю следующие будто специально вброшенные в текст обмолвки, зафиксированные в письмах к Левицкой, — будто бы с целью подразнить сторонников версии плагиата:

Обстановка, к какой мне велено дописывать 3-ю книгу... [Странно, кем это было велено, если автор взялся писать роман сам, по своей воле, без всякого к тому принуждения? Тут имеется в виду, очевидно, травля его рапповцами, в обстановке которой дописывать книгу крайне трудно];

...в мае 7-ю часть прочтут и «мои хозяева»... [Опять-таки странно, почему здесь своих издателей Шолохов называет *хозяевами*, неужели условия, в которые его поставили, оказались столь невыносимы? Имеются в виду, очевидно, какие-то условия контракта, договора с издательством];

...возьмусь и dokonчу этот осточертевший мне и добрым людям «Т. Д.» [Наверное, можно понять автора, мучающегося с завершением многолетней и многострадальной эпопеи в своем письме 1939 г. к мамунюшке, Е. Г. Левицкой, но немного странно проявлять отчуждение от своего детища перед другим человеком, к тому же называя еще кого-то из посторонних, с явной иронией, — *добрыми людьми*. Может быть, под этим словом подразумевался Сталин?]

Используемые сокращения

- БТСДК — Большой толковый словарь донского казачества. М.: АСТ, 2003.
- ДР — «Донские рассказы» Шолохова
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка
- ОР ИМЛИ РАН — Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской Академии наук
- ОсР — «Они сражались за родину...» Шолохова
- ПЦ — «Поднятая целина» Шолохова
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–50. Л. (с 1991 г. СПб.): Наука, 1965–2017.
- СЯШ — Словарь языка Михаила Шолохова. М.: Азбуковник, 2005.
- ТД — «Тихий Дон» Шолохова (далее после первого тире — номер части, после второго — номер главы)
- ТД₁ — Первые 6 частей (последняя не полностью) «Тихого Дона», опубликованные до 1929 г.
- ТД₂ — части с середины 6-й по 8-ю «Тихого Дона», опубликованные после 1929 г.
- ФОСП — Федеральное Объединение Советских Писателей
- ШбезТД₁ — ТД₂ и все остальные тексты Шолохова
- ipm — items per million (количество вхождений на миллион)

Литература

- Биография — биография М. А. Шолохова на сайте <http://feb-web.ru/feb/sholokh/shl-abc/o.htm?cmd=o> (здесь и далее просм. 24.07.2023)
- Дворяшин Ю. А. (2018): Эпистолярный М. Шолохова как отражение истории изданий «Тихого Дона» // Текстологический Временник. Вопросы текстологии в источниковедении. Кн. 3. М.: ИМЛИ РАН. С. 215–225.
- Кузнецова Н. Т. (сост.) (2005): Михаил Шолохов: Летопись жизни и творчества (материалы к биографии). Хронологическая часть. М.: Галерея. — На сайте ФЭБ: <http://feb-web.ru/feb/sholokh/shl-abc/o.htm?cmd=o>

- Михеев М. Ю., Эрлих Л. И. (2018): Идиостилевой профиль и определение авторства текста по частотам служебных слов // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы, издательство ВИНТИ. № 2. С. 25–34.
- Михеев М. Ю., Эрлих Л. И. (2023): Можно ли употребление диалектных слов считать полноценным художественным приемом (или: Как обращаться в письмах к женщине, а как — к вождю?) // Сборник докладов, представленных на конференцию «Маргиналии–2023» в Арзамасе (22–24 сент.). https://ruslang.ru/sites/default/files/2023-04/marginalii2023_tezisy_v28042023.pdf (С. 89–91).
- Орлицкий Ю. Б. (2018): Художественное начало в письмах русских поэтов (от Пушкина до Пильняка) // Текстологический Временник. Вопросы текстологии в источниковедении. Кн. 3. М.: ИМЛИ РАН. С. 610–627.
- Суркова (2016): «Родная моя и милая...». Литературный сценарий документального фильма. <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=4611&level1=main&level2=articles>
- Тришин Н. Н. (1960): У истоков. К 55-летию М. А. Шолохова // Комсомольская правда. 22 мая. Воскресное приложение. <http://sholohov.lit-info.ru/sholohov/vospominaniya/trishin-u-istokov.htm>
- Шолохов М. М. (2004): Об отце: Очерки-воспоминания разных лет. М.: Советский писатель. С. 20–23, 79–124.

**Сплетения и разрывы:
Россия и Германия**

Константин Азадовский

О Григории Забежинском (из цикла «Русские рилькеанцы»)

Поэт, переводчик, литературный критик и журналист (адвокат по профессии) Григорий Борисович Забежинский (13.03.1879, Измаил – 28.06.1966, Париж) занимает в истории отечественной литературы скромное место. Два стихотворных сборника и несколько переводных книг — таков, собственно, весь писательский багаж Забежинского. Его имя отсутствует в широко известных словарях и справочниках, посвященных культуре Русского зарубежья (например, в книге Г. П. Струве «Русская литература в изгнании»¹), а в постсоветской России оно упоминается либо в трудах по русскому масонству², либо в связи с Клычковым и Есениным: Забежинский был знаком и с тем, и с другим и опубликовал (после 1945 г.) свои воспоминания о встречах с ними³.

Не получила до сих пор освещения и эмигрантская биография Забежинского, оказавшегося в начале 1920-х гг. в Берлине и продолжавшего заниматься адвокатской деятельностью. Мы находим его имя в списке членов Союза русской присяжной адвокатуры в Германии (январь 1933 г.)⁴, хотя участие его в работе этой организации было, судя по всему, не слишком заметным. Переехав в 1933 г. в Париж, он стал членом Объединения русских адвокатов во Франции⁵, но и здесь применял свои профессиональные навыки весьма ограниченно — главным

1 Роман Гуль, перечисляя писателей, чьи имена незаслуженно пропущены в этой книге, называет среди них и Забежинского (Гуль 1956).

2 См. биографическую справку: Серков 2001: 335.

3 Впервые: Забежинский 1952а; Забежинский 1960.

4 См.: Будницкий/Полян 2013: 333–334.

5 Там же: 309.

образом, видимо, лишь в общественных и благотворительных организациях, помогавших русским беженцам.

Забезинский не пользовался особой приязнью в эмигрантской литературной среде, о чем говорят отзывы современников, не всегда лестные⁶. Приведем мнение Р. Б. Гуля:

Он <Забезинский> был русский еврей, у него был на Пассауэрштрассе книжный магазин (назывался, кажется, «Универсальная библиотека»)⁷. Был он человек недалекий, писал бездарные стихи и рецензии, но любил играть роль «литератора».

(Гуль 2001: 99)

Справедлива ли такая оценка? Действительно ли Забезинский лишь «играл роль»? Или все-таки он оставил след в русской литературе?

О своих первых шагах на литературном поприще Забезинский сообщает в очерке о Сергее Клычкове:

Мы вместе с Клычковым начали печатать стихи в «Двухнедельнике Литературы и Искусства» в 1906 г. Ближе мы сошлись с Сережей, когда стали членами литературно-художественной группы, собиравшейся каждое воскресенье в студии скульпто-

6 См., например, письмо Г. В. Адамовича к И. В. Чиннову от 30 декабря 1954 г.: «О Забезинском же не стоит говорить, это сверх-, „фармацевт“, как выражались в „Бродячей собаке“. Вообще, сколько развелось нечисти и откуда она повылазила!» (Коростелев 2008: 26). Раздражение Адамовича было вызвано полемикой Забезинского со статьей В. Ф. Маркова «Мысли о русском футуризме» (1954). По той же причине Ю. К. Терапиано в письме к Маркову от 7 апреля 1955 г. назвал Забезинского «пошляком» (Там же: 251). См. также примеч. 70.

7 Ошибка мемуариста. На Пассауэрштрассе, 3 находились книгоиздательство, книжный магазин и склад «Культура», тогда как «Книжный салон» при Русском универсальном издательстве помещался на Мартин-Лютер-Штрассе, 96 (см.: Залевский/Голлербах 1998: 86–88).

ра Константина Федоровича Крахта на Пресне. Из поэтов, посещавших эту студию, вспоминаю Андрея Белого, «анархиста» Николая Русова, переводчика Бодлера — Эллиса, Бурнакина, Клычкова, Рубановича...

(Забежинский 1952а: 139)

Имена участников этой «группы» знакомы — в той или иной степени — историкам русского Серебряного века. Что же касается студии К. Ф. Крахта, то ни в мемуарах Андрея Белого, ни в новейшем жизнеописании московского скульптора (Матова 2019), ни в других источниках о Забежинском не упоминается.

«Двухнедельник литературы и искусства», в котором, по словам Забежинского, начинался его литературный путь⁸, выходил в Москве в феврале-марте 1907 г. (появилось всего три номера) под названием «Вестник О-ва „Самообразование“». Возникшее в ноябре 1906 г. в Замоскворечье, это «Общество» занималось в основном лекционной деятельностью, устройством спектаклей (силами своих членов) и проведением литературных вечеров. Его инициаторами, судя по сообщениям «Вестника», выступали Анатолий Бурнакин (он же — редактор двухнедельника) и Николай Русов.

В первых двух номерах «Вестника» Забежинский отсутствует, зато в третьем (мартовском) помещены два его стихотворения: «Цепи прочь» («Ты сверкала цветистой ракетой...») и «Красный поезд» («Поезд вьется кровавым зигзагом...»). Это, по-видимому, первая его публикация⁹. Оба стихотворения написаны начинающим автором, неумело и отчасти наивно выражающим свое восприятие современных событий, — бунтарство, разочарование, ощущение надвигающейся смерти («Красный поезд»).

В том же кругу молодых литераторов сложился и альманах «Белый камень» (1907), инициатором которого был опять-таки Бурнакин — цикл его стихотворений под одноименным названием открывает

8 Первым выступлением Клычкова в печати принято считать публикацию в московском журнале «На распутье» (1906. № 4).

9 Там же — прозаический «эскиз» С. Клычкова, озаглавленный «Бездомные».

издание. Помимо стихов, Бурнакин публикует в альманахе несколько рецензий и статей; одна из них посвящена творчеству скульптора С. Т. Коненкова, причастного к оформлению «Белого камня». В те годы Коненков дружил с Сергеем Клычковым, чье стихотворение «Красные крылья» также появилось в этом альманахе. Привлекает внимание и фамилия М. И. Чайковского (брата композитора), еще одного участника альманаха (стихи и публикация писем П. И. Чайковского к С. И. Танееву)¹⁰. И, наконец, — Н. Русов, автор статьи о художественном объединении «Голубая роза».

Забезинский, уже начавший в то время свою адвокатскую карьеру, был, безусловно, близок к этому московскому кружку. В альманахе «Белый камень» опубликовано три его стихотворения, навеянных удушливой общественной атмосферой первых послереволюционных лет и выдержанных в обычной модернистской стилистике того времени («Закат», «Мрак ненастный» и «Слиянье»). Там же — под его фамилией — напечатан прозаический фрагмент «Два дня»¹¹.

В 1908 г. Бурнакин осуществил второй выпуск «Белого камня», назвав его, однако, не «альманахом», а «художественным журналом». Среди его участников, наряду с Бурнакиным, Русовым и др., — И. Ф. Анненский и И. А. Бунин. Забезинский в этом выпуске отсутствует. Зато ему удается поместить два своих стихотворения в «Русской мысли»: «Там утонул в расплавленном металле...» и «Промчались пьяные вёсны...»¹². Можно предположить, что стихи Забезинского встретили одобрение у Ю. И. Айхенвальда, «опекавшего» в то время поэзию в «Русской мысли». Видимо, Забезинский в те годы уже пробовал свои силы и в художественном переводе. Его недатированная записка к поэту В. И. Стражеву (1879–1950), издававшему осенью 1907 г. в Москве журнал «Литературно-художественная неделя», косвенно подтверждает это предположение:

10 Объединенные общими устремлениями, Коненков, Клычков и М. Чайковский были в то время тесно связаны друг с другом.

11 Белый камень. Альманахи индивидуального искусства и индивидуальной мысли. Т. 1. М., [1907]. С. 25, 26, 46–48.

12 Русская мысль. 1908. № 4. С. 126; № 6. С. 166.

Многоуважаемый Виктор Иванович,

по совету Ю. И. Айхенвальда обращаюсь к Вам. Оставляю переводы с немецкого и оригинальные стихотворения. Хотел бы повидаться с Вами лично, так как желал бы выяснить, какие рукописи могут подойти.

Г. Забежинский¹³

Однако ни в «Литературно-художественной неделе», ни в других периодических изданиях, к которым Стражев был причастен в 1910-е гг. (например, в московском журнале «Северное сияние»), стихов или переводов Забежинского обнаружить не удалось.

В последующие годы Забежинский явно отходит от литературной жизни. Согласно московским справочникам, он служит в течение нескольких лет помощником присяжного поверенного Л. С. Биска¹⁴. Единственная его крупная публикация 1910-х гг. — четырехактная драма «На алтарь. Осень 1913»¹⁵. Где находился Забежинский в период войны и принимал ли участие в событиях 1917–1919 гг., — эти стороны его биографии не удалось документировать.

Обращает на себя внимание единственная публикация Забежинского в советской России — книжка «Тиберий Гракх» (М., 1919), изданная Госиздатом в серии «Кому пролетариат ставит памятники». Фигура римского народного трибуна и реформатора была, конечно, созвучна революционной эпохе, но не следует спешить с выводом о

13 РГАЛИ. Ф. 1647. Оп. 2. Ед. хр. 16.

14 Лев Соломонович Биск (1862–?) — дядя поэта Александра Биска (1883–1973), получившего известность своими переводами из Рильке. См.: Азадовский 2011: 373–401.

15 На эту пьесу появилось два скептических отклика. Первый — в газете «Московские ведомости» (1913. № 271, 24 нояб. / 7 дек. С. 3; подпись — Е. М.). «По идее, драма могла бы быть очень захватывающей и интересной, — говорится в этой рецензии. — Но что-то ложное, неверное сквозит в образе героини: доброта и подвиги не кажутся существом ее натуры, а напоминают вымученную и деланную рисовку». Другая заметка была напечатана в петербургском «Новом журнале для всех» (1913. № 12. С. 139; подпись — А. Н.).

«симпатиях» Забежинского к большевикам. Его авторство могло оказаться вынужденным, тем более что брошюра появилась под псевдонимом «Григорий Борский».

Данная статья не является биографическим очерком. Проследить весь жизненный путь Забежинского на основании данных, доступных в настоящее время (в частности, в интернете), — невозможно; требуются дополнительные и кропотливые архивные изыскания.

Кроме того, нас интересует в первую очередь литературный аспект.

В начале 1921 г. Забежинский достигает Берлина. Обстоятельства и маршрут его вынужденного бегства из России неизвестны, но о них позволительно судить по строкам одного из поздних стихотворений:

Это было в двадцатом, далеко и давно:
мы спаслись от Че-Ки и собак Мормилиции,
избежали приспешников батьки — Махно,
не поймали Петлюры хохлы круглолицые.
И вот на границе тогдашней Румынии,
в контрабандной трущобе у самой реки,
на грязном полу мне приснились пинии,
кипарисы, лазурь, пароход и пески¹⁶.

(Забежинский 1956: 19)

В апреле 1921 г., уже обосновавшись в Берлине, Забежинский (совместно с компаньонами) открывает «Русское универсальное издательство» („Russischer Universal-Verlag“; далее — РУИ), а при издательстве — «Книжный салон» („Russische Bücherstube“)¹⁷. Руководителями или управляющими (Geschäftsführer) РУИ в 1921–1924 гг. значатся (наряду с Забежинским) Александр Альперович, Владимир

16 Пятое из цикла коротких стихотворений, насыщенных автобиографическими реминисценциями, под общим названием «От терема к терему».

17 Первый адрес издательства: Иоахимсталерштрассе, 27 (впоследствии адрес неоднократно менялся); адрес «Книжного салона» в 1921–1922 г. — Мартин-Лютер-Штрассе, 29.

Гиршфельд, Михаил Кадиш, Михаил Розенталь и Адольф Хаймбергер¹⁸. В издательских делах Забежинскому помогает также его жена Роза Львовна (?–1956)¹⁹.

Один из обитателей русского Берлина в начале 1920-х гг., писатель Александр Бахрах вспоминает, что у этого салона было трое владельцев («в прошлом — московские юристы») и что их глава «носил ассирийскую бородку, придававшую ему литературную внешность» (Бахрах 1992: 341). Из контекста явствует, что «главой» был именно Забежинский.

Среди названных выше «управляющих» (большинство из них Забежинский, очевидно, знал еще по Москве) ближе других ему был, по-видимому, Михаил Павлович Кадиш (1886–1962), его коллега по адвокатскому цеху, журналист и переводчик немецкой прозы, публиковавшийся уже в 1907–1908 годах. Кадиш и Забежинский тесно сотрудничали в 1921–1923 гг., причем не только на литературно-издательской ниве. Оба состояли членами Союза русской присяжной адвокатуры в Германии²⁰, берлинского «Русского клуба»²¹ и, видимо, Союза русских издателей и книготорговцев в Германии, учрежденного в мае 1922 года.²²

Успешно существовавшее до 1924 г., РУИ выпустило за несколько лет десятки книг, весьма различных по своему содержанию и жанру. «Сильно работает „Универсальный Салон“, перешедший с маленьких книг на большие», — сообщил А. Ветлугин (В. И. Рынτζюн) 25 февраля 1922 г. Дону Аминадо²³. Как бы оправдывая свое название, издательство стремилось к широкому охвату мировой словесности, включая

18 См.: Beyer/Kratz/Werner 1987: 114; Залевский/Голлербах 1998: 86–88.

19 О Р. Л. Забежинской (урожд. Белкиной) известно, что она покинула Россию вместе с мужем «вскоре после большевицкого переворота» и делила с ним все радости и невзгоды эмигрантской жизни. В 1948 г. чета Забежинских переехала в США (см.: Новое русское слово. 1956. № 15760. 21 авг. С. 1).

20 См. список членов Союза в кн.: Будницкий/Полян 2013: 333–335.

21 В 1921 г. Кадиш был секретарем правления «Русского клуба» (см.: Серков 2001: 366).

22 Союз находился по тому же адресу, что и РУИ (Ранкештрассе, 34). Там же располагалось и русское издательство И. П. Ладыжникова.

23 Цит. по: Янгиров 2004: 550–551.

сочинения писателей-современников. (Наибольшую известность получит со временем издание есенинского «Пугачева», о чем Забежинский не раз вспоминал в послевоенные годы²⁴.)

Книги распределялись по сериям. Одна из них, под названием «Всемирный Пантеон», представляла в основном западную литературу. В этой серии издавались как мировые шедевры, так и современные авторы. При этом, охотно перепечатывая старые переводы, владельцы издательства публиковали и собственные. Так, в 1921 г. появились «Русские новеллы» Якоба Вассермана в переводе М. Кадиша.

Одним из первых выпусков «Всемирного Пантеона» была «Книга песен» Гейне, состоящая из переводов К. Д. Бальмонта, П. И. Вейнберга, Д. Д. Минаева, А. К. Толстого, А. Н. Плещеева, А. А. Фета и др., включая... самого Забежинского (15 стихотворений). В этой же серии были изданы в 1921–1922 гг. и две другие переведенные им книги. Первая среди них, озаглавленная «Из новой немецкой лирики» («Всемирный Пантеон», № 12–13), включала в себя стихотворения семнадцати современных немецких поэтов (от Детлева Лилиенкрона до Петера Гилле), в том числе — Стефана Георге, Г. фон Гофманстала и Рильке. В предисловии переводчика говорилось о принципах отбора и расположения стихов, подходе к переводческой работе, но прежде всего — о «взаимном переплете художественных влияний великих народов друг на друга» (Забежинский 1921: 5). «Я понимаю, — этими словами завершалось предисловие, — насколько ответственна принятая мною на себя задача, я отдаю себе отчет в некоторых несовершенствах ее выполнения, но если эта моя первая попытка, даже наряду со строгой критикой и градом заслуженных и незаслуженных упреков, вызовет интерес к вдохновившим меня источникам, я буду считать себя удовлетворенным, а мою задачу выполненной» (Там же: 8).

Книга создавалась, по-видимому, в течение нескольких лет. Забежинскому, несомненно, хотелось представить читателям лучшие

24 В письме к востоковеду-тюркологу В. П. Никитину (1885–1960) от 25 октября 1959 г. Забежинский писал, что именно он рекомендовал своим коллегам по «Русскому универсальному издательству» приобрести у Есенина эту поэму (Columbia University. Rare Books & Manuscript Library. Bakhmeteff Archive of Russian & East European Culture. V. P. Nikitin Papers).

образцы современной немецкой лирики. Его знакомство с поэтами, которых он переводил, нельзя назвать поверхностным. Помимо самих текстов, почерпнутых в авторских сборниках или антологиях, он обращался и к историко-литературным трудам. Его переводы — при всем своем литературном несовершенстве — выполнены старательно, «с чувством». Он пытался, по его собственному признанию, «уловить дух, настроение, ритм внутренний и внешний, богатство рифм и яркость слов» (Там же: 5). Об этих попытках «вчувствования» свидетельствуют краткие импрессионистические «характеристики», своего рода эскизные зарисовки, в которых воссоздается духовный облик того или другого немецкого поэта.

О Рильке сказано, например, следующее:

Его талант чуток как мимоза и бесконечно нежен.

Чувство мелодии и ритма изысканно.

Глубокая мистика, полное тайных предчувствий проникновение в душу человеческую и тайны природы, освещают его стихи загадочным блеском; его взор одухотворяет все окружающее и наполняет грезы трепетом жизни и яркостью красок. <...>

Рильке — мистический провидец, посещаемый образными снами; его поэзия как бы покрыта нежным налетом цветочной пыли.

(Там же: 89)

Забежинский включил в свой сборник четыре стихотворения Рильке: «Вигилия» (из книги «Жертвы ларам»), «Всадник» (из «Книги образов»), «Молитву к деве Марии» и «После молитвы» (из книги «Ранние стихотворения»). Выбор вызывает недоумение: непонятно, что общего нашел переводчик между этими стихотворениями из трех разных сборников.

Разумеется, эта «мини-антология» была для того времени не случайным изданием: русские обитатели Берлина 1920-х гг. могли составить по ней приблизительное, хотя и неполное представление о современных немецких поэтах. Впрочем, особого успеха эта книга не имела. Нам известен лишь отклик А. Г. Горнфельда, оценившего рабо-

ту Забежинского строго и даже безжалостно (в целом же достаточно объективно):

<...> Переводы г. Григория Забежинского никак нельзя назвать поэтичными; это сухой, бесцветный, не всегда благополучный в стилистическом отношении пересказ; если читатель поверит предисловию, где новые немецкие поэты охарактеризованы как блестящая плеяда лириков-философов, то, обратившись к переводам, он найдет здесь не «могучую силу Демеля, строгий стиль Георге, живописную мягкость ритмов Рильке»²⁵ и т. д., а печальную вереницу теней, однообразных и прежде всего пошловатых. <...> Русский поэтический стих стоит в наши дни слишком высоко, чтобы слабые упражнения в нем могли считаться литературой.

([Горнфельд] 1922)

Вторая книжка Забежинского в «Пантеоне» состояла из двух переведенных им драматических фрагментов раннего Гуго фон Гофманшталя: «Смерть Тициана» (1892) и «Идиллия» (1893)²⁶. Из текста на титульном листе явствовало, что издание «авторизовано» автором. А в своем предисловии, кратко излагая биографию Гофманшталя, переводчик — в свойственной ему лирической манере — стремился воссоздать внутренний облик австрийского поэта:

Чего только ни пережил этот юноша, еле достигший 20 лет? Святость и божественную красоту искусства давно отзвучавших эпох и бледность современности, мироощущения людей истинного творчества, настоящего искусства и пустоту умерших в атмосфере искусства костюмированных людей...

²⁵ Забежинский 1921: 5.

²⁶ Оба произведения были впервые опубликованы в журнале „Blätter für die Kunst“, основанном Стефаном Георге (к которому и посвящалась «Смерть Тициана»). Позднее, в 20-м столетии, обе вещи были опубликованы под одним переплетом в известной серии „Insel-Bücherei“; одним из таких изданий, видимо, и пользовался Забежинский.

<...>

Его ритм: мелодия и музыка.

Его настроение: меланхолия и торжественная грусть.

Тон раздумья, заглядыва́нья в прошлое, тон тихого поучения и поза многоиспытавшего, высокообразованного человека чувствуется в этом юноше <...>.

Культура стиха Гофмансталя прекрасна, язык изыскан даже там, где течет с такой четкой простотой, и только изредка встречается претенциозность наряду с влиянием стиля Георге.

(Гофмансталь 1921: 4–5, 7)

Третья книга Забежинского (в той же серии) отличалась от двух предыдущих. Под псевдонимом, которым он пользовался уже в 1919 г. (Григорий Борский), Забежинский издал «Песни Билитис» — лесбийские стихи, стилизованные под античность и представленные как «перевод с греческого» французским поэтом Пьером Луисом. Первое их издание (1894/1895), получившее широкий резонанс благодаря своей тематике и эротической окраске, было переведено на несколько языков (в том числе и русский). Стремясь обновить сюжет и привлечь к нему читательское внимание, Забежинский соединил на титульном листе три имени: П. Луиса, Рихарда Демеля, частично переложившего «Песни Билитис» на немецкий (1896), и некоего М. Гейма²⁷ — вымышленного Луисом немецкого археолога, якобы открывшего и описавшего жилище Билитис. Книга открывалась кратким «Посвящением», написанным Забежинским, а в ее конце была помещена «Библиография» с указанием первой публикации «Песен...», их переводов на немецкий, чешский и шведский языки и музыкальным переложением Клода Дебюсси (1898).

К оформлению книги Забежинский привлек графика и живописца С. А. Залшупина, выполнившего обложку, заставки, концовки и проч.

27 В этом имени Луис пытался, возможно, обыграть немецкое *geheim* (неизвестный, тайный).

В результате на свет появилось печатное издание, пользующееся до сих пор вниманием антикваров и библиофилов²⁸.

Переводчик явно не испытывал сомнений в отношении подлинности «Песен Билитис», да, видно, и не слишком задумывался об этом. Признаваясь в своем «преклонении» перед «деликатной» темой однополрой любви, он воспринимал это произведение эпохи *fin de siècle* как некий вакхический гимн, раскрывающий «вселенскую душу Эроса»:

Пусть эти строфы списаны с гробницы умершей 24 века тому назад Билитис, над ними витает могучее, опьяняющее дыхание вечно живой жизни. <...>

Песни Билитис — это лирический эпос, торжественно-спокойный, как ход времени, и в то же время страстный, как дыхание весны, это бесхитростный рассказ, звучащий наивной песней, но это и пенящийся бокал жизни, на дне которого распускается пуанцовая роза любви, всем близкая и всем понятная.

(Борский 1922: 5)

Перевод был выполнен с французского первоиздания; при этом Забежинский наверняка использовал и перевод Р. Демеля, и, возможно, другие источники, указанные в разделе «Библиография».

РУИ оказалось в целом успешным предприятием. Книги расходились быстро; некоторые печатались повторно. Спустя много лет, предлагая в «Новый журнал» свой перевод С.-Ж. Перса, Забежинский, между прочим, сообщал Р. Б. Гулю следующее:

<...> Обратите, пожалуйста, внимание Ваших коллег и на то, что в 1921–1923 годах Рус<ское> Унив<ерсальное> Изд<атель-

28 Нам известен экземпляр, хранящийся ныне в собрании нью-йоркского коллекционера Александра Рабиновича. На авантитуле издания — надпись: заключительные строки из стихотворения Гумилева «Девушке» (1911). По утверждению владельца, этот экземпляр принадлежал ранее Г. П. Струве (что подтверждается карандашной пометой под автографом) и был якобы подарен ему переводчиком. Однако почерк лица, сделавшего эту надпись, не позволяет идентифицировать его с Забежинским.

ство>, приобретенное потом Ладыжниковым, издало и распродало следующие мои стихотворные переводы:

«Из новой немецкой лирики» — 2 издания по 500 экз<емпляров>.

Авторизованный Гофмансталем пер<евод> двух его драматических отрывков в стихах: «Смерть Тициана», «Идиллия» — 3000 экз<емпляров>.

В «Книге песен» Г. Гейне включено 22 моих перевода.

Под псевдонимом Григорий Борский — иллюстрированное перевоплощение «Песни Билитис», три издания по 1000 экземпляров²⁹.

Доберлинский и берлинский периоды Забежинского были для него как поэта-переводчика «пробой сил». Работа над переводом стихов Гейне и других немецких поэтов помогла ему, думается, оценить свои творческие силы. Что касается Рильке, то в начале 1920-х гг. Забежинский, по-видимому, еще не был убежденным его поклонником. Его путь к Рильке только начинался.

В последующие годы Забежинский, насколько известно, не возобновляет попыток публиковаться и не принимает участия в литературной жизни русского Зарубежья. При этом его эмигрантская жизнь складывается в целом успешно. Он не бедствует, много путешествует (в одном из современных изданий сообщается, что он «некоторое время жил в Австралии»³⁰), часто отдыхает в Италии³¹. Благополучной

29 Письмо Г. Б. Забежинского Р. Б. Гулю от 25 октября 1959 г. (Beinecke Rare Books & Manuscripts Library. Yale University. Roman Gul' Papers).

30 См.: Крейд 1999: 102. Никаких свидетельств, подтверждающих этот факт, не обнаружено.

31 «Я лично четыре раза подолгу живал в Италии, — писал Забежинский в статье „Два мемуариста“ <о Эренбурге и Паустовском. — К.А.>. — <...> Я побывал во всех местах, начиная с курортов Лидо, Сан Ремо, Виареджио, Капри, в главных городах Италии» (Забежинский 1962).

представляется и его семейная ситуация: обе дочери вырастают, выходят замуж...

Нам неизвестна точная дата переезда Забежинского из Берлина в Париж; скорее всего, это произошло в начале 1930-х годов. В те же годы³² в Париж переселяется и М. П. Кадиш. Бывшие соратники по РУИ принимают участие в Объединении русских адвокатов во Франции (его возглавляет юрист и общественный деятель Б. Л. Гершун), принадлежат к одной и той же масонской ложе («Свободная Россия»)³³ и благотворительной организации «Очаг русских евреев-беженцев в Париже», созданной в 1936 году.

Участие Забежинского в масонской жизни довоенного Парижа было, судя по всему, весьма деятельным. «Посвященный» в 1935 г., он неоднократно выступал на собраниях с лекциями и докладами. Одно время значился казначеем ложи, был возведен во 2-ю и 3-ю степень, позднее (после войны) получил титул «досточтимого мастера»³⁴ и оставался членом «Свободной России» вплоть до конца 1940-х годов.

Состав этой ложи дает представление о парижском окружении Забежинского. Помимо адвокатов (Гершун, Кадиш и др.), в нее входили известные писатели-эмигранты (М. А. Алданов, Р. Б. Гуль, Дон Аминадо, М. А. Осоргин, Я. М. Цвибак (Андрей Седых), Саша Черный). Среди них Забежинскому был особенно близок Осоргин, один из идейных вдохновителей русского масонства. Их знакомство завязалось еще в берлинский период (1922–1923), но стало особенно тесным во второй половине 1930-х годов. «Собирались мы главным образом на его городской квартире, которая находилась за бульваром Монпарнас», — вспоминал Забежинский (1952). Общение с писателем, занимавшим столь видное место в литературной и общественной жизни русского Парижа, — значимая веха в биографии Забежинского.

Очевидно, именно Осоргин привлек Забежинского к «независимой» ложе «Северные братья», возникшей в 1938 г. при активном участии писателя. А. И. Серков сообщает, что 19 декабря 1938 г. Забе-

32 Сведения почерпнуты из Википедии.

33 Основана в 1931 г. как дочерняя мастерская ложи «Северная Звезда».

34 См.: Серков 2018: 122.

жинский, «член ложи Северные братья», выступал перед членами другой парижской ложи («Гамаюн») с докладом «Символизм в масонстве и искусстве» (см.: Серков 1997: 308).

В годы войны и немецкой оккупации Забежинской, по-видимому, не покидал Франции, оставаясь в «свободной зоне» на юге страны. Но уже летом 1945 г. мы застаем его в Париже — участником благотворительной работы в «Очаге» для еврейских беженцев, который возглавляет Гершун³⁵.

В послевоенный период Забежинский завершает крупнейший переводческий труд своей жизни, которому он, по его собственному утверждению, отдал 23 года³⁶, — «Часослов» Рильке. Чем пленил его именно этот сборник, навеянный русскими впечатлениями Рильке, он расскажет впоследствии таким образом:

Работая долгие годы над переводом стихов Рильке на русский язык, я естественно углублялся в их содержание и подолгу задерживался на их анализе. Подчас мне казалось, что его поэзия настолько родственна русскому языку, настолько присуща русской душе и оплодотворена русским мистицизмом, что лежащие предо мною сборники его стихов в прекрасном издании Insel-Verlag'a³⁷ принимали облик блестяще сделанных стихотворных переводов на немецкий язык каких-то старых затерянных рукописей непризнанного и непонятого русского поэта. В эти моменты мне казалось, что задача обратного перевоплощения и мои попытки восстановить эту якобы потерянную рукопись настолько слабы и беспомощны, что я на годы прерывал свою работу... Но через некоторое время я начинал вновь работать, беря

35 В августе 1945 г. Забежинский был избран в комитет «Очага» (см.: Новое русское слово. 1945. № 12156. 9 авг. С. 2).

36 Эту цифру Забежинский называет в своих статьях: Забежинский 1952в и 1968: 93.

37 Лейпцигское издательство „Insel“, принадлежавшее А. Киппенбергу, получив от Рильке авторские права, публиковало все произведения поэта, а после его смерти — письма, литературу о нем и т. д.. В «Инзеле» был впервые издан (1905), а затем неоднократно переиздавался «Часослов».

при этом самого Рильке «орудием», так же как русский монах, от имени которого поет и пророчествует Рильке в своем «Часо-слове», брал орудием Бога.

(Забезинский 1951)

Забезинский обосновывает здесь тезис, который станет со временем общим местом: о «русскости» немецкого поэта, о созвучности религиозной мистики Рильке «русской душе» и т. п.

Не желая обнаружить свою работу по частям, переводчик опубликовал ее сразу целиком (Забезинский 1947). Книга появилась в конце 1947 года. Название издательства на титуле не обозначено, указан лишь адрес парижской типографии „Rapide“, где она печаталась. Эта типография была хорошо известна русским парижанам; в 1920-е – 1950-е гг. в ней печатались десятки русских книг. Вероятно, имело значение и знакомство Забезинского с О. Г. Зелюком, одним из основателей русского издательского дела во Франции (также принадлежавшим к ложе «Свободная Россия») ³⁸.

К изданию приложили руку и знакомцы Забезинского: Георгий Адамович и Александр Бахрах. В письме последнего к Г. П. Струве от 8 мая 1978 г. читаем:

Случайно попался мне № Н<ового> Р<усского> С<лова> с Вашей статьей о Рильке ³⁹. Интересно, хоть и не газетно. Вы не упомянули, что был еще переводчик по фамилии Забезинский, на переводах которого я и Адамович ⁴⁰ в свое время какую-то толику заработали, но за этот пол-серебренника надолго возненавидели Рильке! ⁴¹

38 Орест Григорьевич Зелюк (1888–1950) владел, в частности, типографией «Франко-русская печать», в которой печаталась газета «Последние новости» (см.: Мнухин и др. 2008: 589).

39 Имеется в виду Струве 1978. Подробнее об этой статье см.: Азадовский 2017: 294–295.

40 Имеется в виду Г. В. Адамович.

41 Hoover Institution. Gleb Struve Papers. Box 75. No. 12.

Можно только догадываться, каким образом Бахрах и Адамович сумели «заработать» на переводе Забежинского.

Таким образом, в 1947 г. появился на свет первый полный русский перевод «Часослова» Рильке (к настоящему времени их существует не менее трех). Книга была построена так же, как и предыдущие издания Забежинского: она открывалась предисловием, озаглавленным «Жизнь, творчество и смерть поэта». Знакомый к тому времени не только с поэзией Рильке, но и с литературой о нем, Забежинский сообщает читателям основные сведения о жизни поэта, его духовном мире, восприятии России и, наконец, «Часослове». Вслед за Альбертом Зёргелем, известным историком немецкой литературы, он называет эту книгу «глубочайшим и прекраснейшим молитвенником двадцатого века» (Забежинский 1947: 12)⁴².

Предисловие (по жанру — лирическое эссе) страдает неполнотой. Так, упоминая о решающем в жизни Рильке событии (применительно к «Часослову»), Забежинский ограничивается краткой фразой: «Попал в 1899 году в Россию, душу которой старался понять и раскрыть» (Забежинский 1947: 3). Как и «характеристики» немецких поэтов в книге 1921 г., авторские оценки импрессионистичны, эмоциональны и подчас пафосны. «Сопереживание» явно преобладает над «осмыслением». При этом отдельные наблюдения Забежинского весьма точны и не вызывают возражений. Так, выделяя в стихах «Часослова» «часто повторяющийся лейтмотив» (Там же: 9), он пытается развернуть сопоставление русской и немецкой «тоски». О том, что именно «тоска» (*Sehnsucht*) является «главным чувством» его жизни, Рильке признавался в письме к А. Н. Бенуа от 28 июля 1901 г.⁴³, но Забежинский в то время не мог знать этого документа, впервые опубликованного в 1971 году.

В целом же, несмотря на увлеченность Забежинского поэзией Рильке, его предисловие к русскому «Часослову» передает не столько объективный смысл этого произведения, сколько то содержание, которое пытался вложить в него автор. Подход Забежинского субъективен и определяется в первую очередь тем восприятием России, которое про-

42 Эти слова заимствованы из книги: Soergel 1911: 690.

43 Рильке 1971: 175 (публ. и пер. К. М. Азадовского).

поведовал Рильке. Русофильство немецкого поэта созвучно, «конгениально» образу мыслей его переводчика. Эта приверженность «идее» сказалась, должно быть, и на качестве переводов, близких к тексту оригинала, но весьма несовершенных с литературной точки зрения, выполненных подчас неумело, с нарушением ритмики, строфики, размера; строгие и точные рифмы Рильке часто передаются ассонансами либо вообще отсутствуют. Местами перевод производит вообще беспомощное впечатление.

Стихи «Часослова» отнюдь не «перевоплощаются» под пером Забежинского, но представляют собой, скорее, подстрочный перевод или, если воспользоваться приведенным выше определением А. Г. Горнфельда, ритмизованный, хотя и близкий к оригинальному тексту «пересказ» стихов Рильке.

На появление русского «Часослова» незамедлительно откликнулся Георгий Адамович, по всей вероятности, причастный к изданию. Поблагодарив Забежинского за его «большой, кропотливый и любовный труд», он, тем не менее, отметил, что «перевод дословный и точный приводит его <Забежинского> иногда к насилию над русским языком». Но точность при переводе, добавляет Адамович, «все же предпочтительнее вольных поэтических красот с изрядной долей неизбежной отсебятины» (Адамович 1948).

Рецензия Адамовича примечательна не столько его отзывом о работе Забежинского, сколько пространным (но довольно точным по сути) рассуждением относительно «русскости» Рильке, что донныне воспринимается — как в России, так и на Западе — с безоглядным восторгом:

<...> Есть почти во всем, что написал Рильке <о России — К.А.>, что-то преувеличенное, порой вызывающее неловкость... Бывают преувеличения такие, как у Бальмонта или Маяковского, или хотя бы у той же Цветаевой, со склонностью к выкрикам, к патетическим позам, к тому, что кн<язы> Урусов, человек тончайшего вкуса, после выхода «Будем как Солнце» с грустью

определил как «гоготанье»⁴⁴. Но случается, что нажата с чрезмерным усердием и другая педаль — и в конце концов для прославления тишины, монастырского отречения и молчания нечего писать стихи. О молчании лучше всего молчать. Сопоставление Рильке с отдаленно родственным ему Блоком обнаруживает то, что может в его творчестве прийти русским не совсем по душе и что даже в образах и языке его смущает своей надуманностью. Естественно, что французы, сравнивая Рильке с Полем Валери, например, изумляются его бесплотности, его лучистой духовности. Но русская литература по этой части достаточно искушена и опыт имеет огромный. Не оценит ли она Рильке как поэта все-таки рассудочного и именно с рассудочных позиций возвеличивающего бытие вне-логическое, отрешенное от страстей, скорей, какое-то ангельское, чем человеческое? Вопрос остается пока без ответа, и ставлю я его лишь «в дискуссионном порядке», делясь давними своими сомнениями насчет Рильке. Бесспорно, это было замечательное явление в западной культуре, хотя <бы?> по контрасту с общим ее складом. Но остается ли Рильке столь же замечателен на фоне культуры русской?

(Адамович 1948)

Другой отзыв на «стихотворные перевоплощения» принадлежал критику и публицисту Вере Александровой⁴⁵; он появился с опозданием. Впрочем, поясняет автор, «поскольку речь идет о таком поэте,

44 Ошибка Адамовича. Отзыв А. И. Урусова (1843–1900) относится к книге Бальмонта «Горящие здания» (1900). 4 июля 1900 г. Урусов писал А. А. Андреевой: «Mania grandiosa, кроважадные гримасы. Искусство оттенков заменило какое-то гоготание» (см.: Урусов 1907: 384). Те же слова Урусова в статье Адамовича, посвященной 40-летию литературной деятельности Бальмонта, приводятся с точным указанием источника (см.: Адамович 1998: 368).

45 Вера Александровна Александрова (урожд. Мордвинова; в замуж. Шварц; 1895–1966) эмигрировала в 1922 году. Жила в Берлине (1922–1933), Париже (1933–1940), Нью-Йорке (с 1940 г.). Сотрудничала во многих русских эмигрантских изданиях. В 1952–1956 гг. — главный редактор Издательства имени Чехова (Нью-Йорк).

как Рильке, 2–3 года и не играют никакой роли» (Александрова 1950)⁴⁶. Рецензия открывается эпиграфом — двумя строчками из стихотворения Рильке в переводе Забежинского: «И никогда дороги не пустеют / От странников, стремящихся к тебе»⁴⁷. Полагая, что Забежинскому удалось «дать русское воплощение лирико-философской стихии Рильке», Александрова задается вопросом о соотношении «русского» и «европейского» в этом сборнике Рильке:

«Русского» в прямом смысле слова в «Часослове», как и во всем творчестве Рильке, немного. В «Часослове» встречаются упоминания русских городов — Казани, Троицко-Сергиевской лавры, Москвы и странников — «из Тифлиса и Ташкента»⁴⁸, терпеливыми и многотрудными дорогами богомольцев добредших до святынь Востока. Но там они больше похожи на «христиан» с повадками ислама...

(Александрова 1950)

Это рассуждение не лишено наблюдательности. Смущает лишь то, что рецензентка находит «русское» в «неожиданно вспыхивающих зарницах детской простоты» и «в особом ощущении целостной Европы» (Там же).

Подытоживая, можно сказать, что первый полный перевод «Часослова» не стал литературным событием. Видимо, и сам Забежинский не воспринимал свой труд как исключительно переводческий. Предложенные им русские «перевоплощения» не адекватны немецкому

46 Публикация Александровой объединяет в себе две рецензии: за отзывом о переводе Забежинского следует отклик на только что изданный стихотворный сборник Д. Кленовского «След жизни» (Франкфурт-на-Майне: Сполохи, 1950; предисл. Н. Берберовой).

47 Из стихотворения Рильке „Es wird nicht Ruhe in den Häusern, sei's...“ («Часослов», раздел «О паломничестве»).

48 Из стихотворения Рильке „Ein Pilgermorgen. Von den harten Lagern...“ («Часослов», раздел «О паломничестве»).

оригиналу; стремление «вчувствоваться», «проникнуть в душу»⁴⁹, в точности «передать смысл» и т. д. полностью заслонило для переводчика литературно-стилистические задачи. Тем не менее, в интересующем нас контексте русского рилькеанства XX в. «стихотворные перевоплощения» стихов «Часослова», выполненные Забежинским, безусловно, примечательное явление.

В преддверии своего 70-летнего юбилея Забежинский вместе с женой переселяется в США к дочери (видимо, около 1948 г.); его основным местом жительства становится Нью-Йорк. В 1955 г. он и жена получают американское гражданство.

Оказавшись в Америке, Забежинский постепенно возвращается к литературной деятельности, вновь прерванной, казалось, после появления «Часослова». Берлинские издания в РУИ, как и парижское издание «Часослова», обеспечили ему в эмигрантской среде репутацию поэта-переводчика, по крайней мере — переводчика Рильке. В апреле 1951 г. его приглашают на юбилейную конференцию, устроенную университетом Брэдли (штат Иллинойс) по случаю 75-летия со дня рождения Рильке. Забежинский живо откликнулся на приглашение, хотя и не смог принять участия в торжестве (из-за болезни жены)⁵⁰.

Оказавшись в Нью-Йорке, Забежинский проявляет интерес к литературной жизни русской эмиграции. Так, он участвует в вечерах «Кружка русских поэтов», возникшего в Нью-Йорке еще в довоенные годы. Один такой вечер с участием Забежинского состоялся 16 мая 1952 года. Вместе с ним выступали Лидия Алексеева, Ольга Анстей, Нонна

49 Ср. в «Посвящении» к «Песням Билитис»: «Вы, филологи, не пытайтесь сличать мои строфы с греческим подлинником, не ищите точности текстов и тождества ритмов. <...> Не блеском гробниц озаряется душа моя, она зачарована изумительным проникновением поэта в тайны женской души всех веков...» (Борский 1922: 3–4).

50 См.: Забежинский 1968: 93.

Белавина, Александр Биск, Георгий Голохвастов, Гизела Лахман, Борис Филиппов и другие поэты первой и второй «волн»⁵¹.

Именно в эти «американские» годы Забежинский решается — после многолетнего перерыва — опубликовать свои стихи⁵², которые, как видно, не прекращал писать и в эмиграции. В 1952 г. он выпускает в издательстве «Кремень»⁵³ свой первый стихотворный сборник, скромно озаглавленный «Стихи». Дата «1953», стоящая на титульном листе, ошибочна или же, возможно, намеренно искажена: книга вышла уже весной 1952 года. Во всяком случае, информируя читателей «Нового русского слова» о вечере «Кружка поэтов» 16 мая 1952 г., публицист и общественный деятель Г. А. Аронсон (1887–1968) сообщает, что Забежинский прочел «несколько стихотворений из его вышедшего сейчас сборника», и упоминает одно из них: «патетическое „Бронза“». Упоминается и прочитанное Забежинским стихотворение «Зеркало» («сложное, перегруженное образами»; Аронсон 1952а⁵⁴), не включенное в первый сборник⁵⁵.

В том же номере «Нового русского слова» появился и написанный Аронсоном отзыв на сборник в целом. Отмечая, что автор принадлежит к «брюсовской школе» («так и переносишься в лабораторию алхимиков поэзии из московского Скорпиона...»⁵⁶), Аронсон находил в стихах Забежинского и мысль, и чувство. «Но мысль тяжеловесна, об-

51 См.: Новое русское слово. 1952. № 14622. 9 мая. С. 3; № 14624. 11 мая. С. 5 (объявления о предстоящем вечере с перечнем участников).

52 За 1950-е гг. нами выявлена лишь одна публикация (Забежинский 1952б), представляющая собой перепечатку. Впервые это стихотворение было напечатано в московском журнале «Жизнь» (1914. № 1. С. 1).

53 О деятельности русского издательства под таким названием сведений не имеется; видимо, оно придумано самим Забежинским — по названию одного из стихотворений сборника.

54 Выступавший на этом вечере Александр Биск, отмечено в заметке Аронсона, «прочел совершенно замечательные переводы с немецкого из Райнер Мария Рильке — из „Часослова“...».

55 Опубликовано в: Забежинский 1956: 30–31.

56 Здесь и далее: [Аронсон] 1952б. Брюсов действительно принадлежал к числу тех поэтов, которых Забежинский хорошо знал и на которых ориентировался в своем оригинальном творчестве.

лечена в трудные метафоры, как в рыцарские доспехи, а чувство лишено непосредственности, того легкого дыхания — которое столь часто придает прелесть и убедительность стиху». Рецензент особо выделил стихотворение «Памяти Рильке»: «Начало — простое, интригующее <...> И вдруг риторический аккорд, почти срыв: Но если парус пантеизма Вой революций надувал...».

Уточним замечание рецензента. «Памяти Рильке» — не стихотворение, а цикл из девяти стихотворений, открывающий книгу. Полное название цикла: «Памяти Райнер Мариа Рильке. Диалог с тенью поэта». Цитируемые строки — из пятого стихотворения цикла («Ты — бегенец, каким был Гейне...»). Перед первым стихотворением цикла помещен Пролог: «Тебе, провидец вдохновенный, / мой робкий и любовный стих: / он — плод бесхитростного плена / у песен и молитв твоих» (Забежинский 1953: 33).

В сборнике упоминаются и другие немецкие поэты (Г. Гейне, Р. Шаукаль), однако тема Рильке — сквозная. Не ограничившись циклом «Памяти Рильке», Забежинский включил в этот сборник стихотворение «Девичья меланхолия» (с подзаголовком «На мотив Р. М. Рильке»), а также семистишие «Песня золотая», представляющее собою вольный перевод последних строк стихотворения Рильке „Liebeslied“ (1907).

Цикл стихов, обращенный к Рильке, носит исповедальный характер. Забежинский как бы поверяет любимому поэту свои интимные переживания, навеянные его творчеством, в первую очередь — «Часословом», и созданным в этой книге образом России. Стихи несовершенны; но, насквозь проникнутые реминисценциями из произведений Рильке, они все же трогают преданностью русского поэта его памяти.

Приводим полностью текст первого стихотворения:

В тиши глубинности и бдений,
в круговороте возрождений,
с тобой связался я навек,
и тень твоя в спешащем мире
легла медлительней и шире,
чем ночи тень на твердый снег.

Быть может, я до дна не понял
 «Элегий»⁵⁷ нежных глубину,
 зато дрожал в волнах гармонии,
 в «ЧАСЫ»⁵⁸ молитвенно нырнув.

Люблю звучащее молчанье
 и светлый призрак той печали,
 с которой гимны ты «молчишь»⁵⁹.
 Твой бог моим стал темным светом,
 Толстого⁶⁰ тень плыла при этом,
 как серый дым российских крыш.

И Царство Божие снаружи,
 и Бог, который с детской дружен⁶¹,
 и Царство Божие внутри...
 и собственности шаткий облик,
 и бог в лаптях, простой и добрый,
 и все ж... соборы, алтари...
 (Забезинский 1953: 34)

После выхода своего первого сборника Забезинский публикует несколько оригинальных стихотворений⁶² (и совсем не публикует новые

57 Имеются в виду «Дуинезские элегии» — цикл и одноименный сборник стихотворений Рильке (1922).

58 То есть в стихи «Часослова».

59 Парафраз первой строки стихотворения Рильке „Ich habe Hymnen, die ich schweige...“ («Часослов», раздел «О монашеской жизни»).

60 О Льве Толстом и встречах Рильке с ним (30 апреля 1899 г. — в Москве, 2 июня 1900 г. — в Ясной Поляне) можно узнать из дневников и писем поэта, опубликованных в 1930-е гг. в „Insel-Verlag“. Забезинский, очевидно, пользовался этими изданиями.

61 О божь, «живущем в детской», Рильке рассказал в своих „Geschichten vom lieben Gott“ («Истории о Господе Боге», 1900).

62 Публикации новых стихов Забезинского в русской периодике 1950-х гг. эпизодичны. В 1953 г. в «Новом журнале» (№ 35. С. 71) появляется его стихотворение «Дай мне силы и дай мне сроки...», которое Аронсон, разбирая этот

переводы). В 1956 г. в том же издательстве «Кремень»⁶³ он выпускает свою вторую книгу, содержащую стихи 1953–1956 гг., весьма отличную от первой и проникнутую трагическим ощущением близкого и неминуемого конца, о чем красноречиво говорят и заголовки отдельных стихотворений («Черная гостья», «В больнице», «Крематорий», «Ничто»). Размышляя о своей эмигрантской судьбе, поэт вспоминает и родную Москву, ставшую жертвой темных, безбожных сил:

Ужели худшее случилось со мной:
Я пережил и строй, и дух моей эпохи?
Василий не блажен и Спас не над стеной,
Где рдеют и страшат кремлевские сполохи...

Ужель и дряхлости позор переживу
И раздробятся в прах и памяти скрижали?
Исчезнет облик мой, что струи погружали
И в кроткую Москву, и в бурную Неву...
(Забежинский 1956: 11)

Упомянутый Рильке, как и других немецких поэтов, некогда вдохновлявших Забежинского, в этом сборнике не встречается.

В конце 1960 г. Забежинский ненадолго приезжает в США⁶⁴, но затем опять возвращается во Францию; живет у дочери под Парижем или на юге Франции — в Нижних Пиринеях. «<...> Сад нашей виллы, где проходит моя жизнь, — рассказывает он Р. Гулю 19 апреля 1962 г., —

выпуск журнала, назвал «молитвенно-философским» (Новое русское слово. 1954. № 15240. 17 янв. С. 8). См. также публикацию двух других стихотворений Забежинского: Ангел («В мою душу не смею я сразу войти...»); Э-эх! («Отплясала юность...») // Новое русское слово. 1956. № 15667. 20 мая. С. 8.

63 На титуле значится «Париж — Нью-Йорк»; книга печаталась в Париже, там же находился и «склад издания» (см.: Новое русское слово. 1956. № 15611. 25 марта. С. 3).

64 См.: Новое русское слово. 1960. № 17456. 24 дек. С. 3 (раздел «Хроника»).

буквально висит над океаном, и Биарриц виден мне как „на ладони“, вернее, как с птичьего полета»⁶⁵.

К художественному переводу Забежинский вновь обращается в 1960 г., пытаясь переложить на русский язык стихи Сен-Жон Перса (1887–1975). Об этой своей работе он сообщал Гулю 15 марта 1960 г.:

Я собрался было послать в Вашу редакцию мое труднейшее, а может быть, и ценнейшее произведение в области художественного перевода поэзии. Речь идет о «Хронике» Сэн-Жон Перса⁶⁶, изданной за месяц до получения этим поэтом Нобелевской премии по литературе за 1960 г.

Прозодия <sic!> этого поэта без комментариев мало понятна среднему читателю, мне поэтому пришлось проанализировать весь текст, комментируя по мере возможности все трудные места, что вместе со вступительной главой о жизни и творчестве лауреата занимает 24 страницы.

Сама «Хроника» в более или менее скромной переписке занимает всего 16 страниц, несмотря на то что в размашистом издании Галлимара ин октаво занимает 32 страницы. <...>

Мой выбор пал на «Хронику», которую и сам Перс ставит, наряду с последней редакцией «Анабаз'а»⁶⁷, венцом своего творчества⁶⁸.

Прежде чем отослать свою рукопись Гулю, Забежинский хотел выяснить, заинтересует ли его труд редакцию «Нового журнала» («Нет ли

65 Yale University. The Beinecke Rare Book and Manuscript Library. GEN MSS 90. Box 15.

66 «Хроника» („Chronique“), цикл стихотворений Сен-Жон Перса (в окончательной редакции — 1960).

67 «Анабазис» („Anabase“), эпическая поэма Сен-Жон Перса (1924). Переведена на русский язык Г. В. Адамовичем и Г. В. Ивановым (Париж: Я. Поволоцкий, 1925).

68 Yale University. The Beinecke Rare Book and Manuscript Library. GEN MSS 90. Box 15.

у них каких-либо предубеждений против лауреата или против его переводчика и комментатора)?⁶⁹).

«Предубеждения», однако, возникли — либо у самого Гуля, либо у других редакторов «Нового журнала» (Ю. П. Денике, Н. С. Тимашев). «Хроника» Сен-Жон Перса в переводе и с комментариями Забежинского осталась неопубликованной (нынешнее местонахождение рукописи неизвестно).

В течение последних пятнадцати лет своей жизни Забежинский постоянно сотрудничает в газетах «Новое русское слово» и «Русская мысль», журнале «Грани» и др., выступая преимущественно как литературный критик и обозреватель. Его газетно-журнальная публицистика этих лет затрагивает самые разные сюжеты. Он пишет о русской и советской литературе, о судьбах русских поэтов, о современных немецких, французских и американских писателях, о новых членах Французской академии и лауреатах Гонкуровской премии, о событиях западной и советской культурной жизни, об эстетике Чернышевского, философии А. Бергсона, о столетнем юбилее Киркегарда, о Томасе Манне, Стефане Цвейге и т. д. Печатные выступления Забежинского, не лишённые подчас полемической остроты или даже резкости, порождали и ответную реакцию. Так, сильное раздражение в эмигрантской литературной среде вызвал его критический отзыв об одной из статей В. Ф. Маркова⁷⁰.

Из статей и рецензий Забежинского, опубликованных в 1952–1966 гг., можно было бы составить объёмный том — в доказательство его активного участия в литературной жизни русской эмиграции послевоенной поры.

69 Там же.

70 Марков В. Ф. Мысли о русском футуризме // Новый журнал. 1954. № 38. С. 169–181. Статья Забежинского появилась под таким же названием (Новое русское слово. 1954. № 15562. 5 дек. С. 8). Отзывы об этой полемике см. в письмах к В. Ф. Маркову: Г. В. Адамовича от 30 декабря 1954 г. и Ю. К. Терапиано от 4 января и 7 апреля 1955 г. (см.: Коростелев 2008: 26, 251). См. также реплику за подписью «Аргус» (Новое русское слово. 1954. № 15566. 9 дек. С. 2).

Последняя статья Забежинского, написанная незадолго до смерти и отправленная в редакцию русского журнала «Современник»⁷¹, была опять-таки посвящена Рильке; германский поэт оставался его «вечным спутником». Автор не дождался публикации: статья появилась посмертно. Приводя основные биографические сведения о Рильке, Забежинский вновь концентрирует внимание на «кровной связи» Рильке с Россией, цитирует письма поэта (к Л. О. Пастернаку, Л. Андреас-Саломе и др.), высказывания его французских друзей (Морис Бетц, Поль Валери); упоминает и о письме к Борису Пастернаку (1926). Отталкиваясь от этих эпистолярных свидетельств и основываясь исключительно на стихах «Часослова», Забежинский повторяет свою заветную мысль о том, что Рильке, воспевающий «святую Русь», был «крепко привязан к России светлыми мистическими нитями» и что мироощущение немецкого поэта глубоко созвучно «русской душе» (Забежинский 1968: 93, 96). В этом Забежинский особенно близок к русскому философу С. Л. Франку, посвятившему Рильке несколько своих статей 1920-х годов⁷².

Упоминая о Франке завершается и эта статья Забежинского, закономерно венчающая его долгий и неровный литературный путь⁷³.

71 Забежинский 1968. На страницах этого издания Забежинский впервые выступил в 1962 г. (см.: Забежинский 1962).

72 Приведем одно из высказываний Франка:

В России Рильке полюбил, почувствовал родным себе именно то, что, по мысли Тютчева, «не поймет и не заметит гордый взор иноплемennyй»: это — то благословение Царя Небесного, которое разлито по ней и «тайно светит» в ее «смирненной наготе», ту интимную близость к Богу — укорененность в Нем, которая образует существо русской религиозности. <...> Рильке ощущал свое внутреннее сродство с славянским и в особенности с русским миром, в котором более живо и действенно-влиятельно сознание укорененности души и мира в первозданных глубинах бытия.

(Франк 1929: 3)

73 О смерти Забежинского сообщили редакциям «Русской мысли» и «Нового русского слова» Вера Брауде и Инна Бокур, дочери покойного. «В его лице, —

Литература

- Адамович Г. В. (1948): Литературные заметки // Русские новости (Париж). № 145. 12 марта. С. 4.
- Адамович Г. В. (1998): Собрание сочинений. Литературные беседы. «Звено» (1923–1926). Кн. 1. / Вступ. статья, сост. и примеч. О. А. Коростелева. СПб.: Алетейя.
- Азадовский К. М. (2011): Александр Биск — «наместник» Рильке в России // Азадовский К. М.: Рильке и Россия. Статьи и публикации. М.: Новое литературное обозрение. С. 373–401.
- Азадовский К. М. (2017): Русские рилькеанцы: Лев и Глеб Струве // Эткиндовские чтения VIII, IX: по материалам конференций «Там, внутри», 2015 г.; «Свое чужое слово», 2017 г. / Сост. В. Е. Багно, М. Е. Эткинд. М.: Центр имени Рудомино. С. 279–297.
- Александрова В. А. (1950): То, что не умирает // Новое русское слово (Нью-Йорк). № 13876. 23 апр. С. 8.
- Аронсон Г. А. (1952а): На вечере поэтов // Новое русское слово. № 14638. 25 мая. С. 4.
- [Аронсон] Г. А. (1952б): Стихи Григория Забежинского // Новое русское слово. № 14638. 25 мая. С. 8.
- Бахрах А. В. (1992): По памяти, по записям... II / Публ. Г. Д. Поляка // Новый журнал. № 189. С. 305–360.
- Борский Г. [Забежинский Г. Б.] (пер.) (1922): Песни Билитис. По М. Гейму, Пьеру Люису и Рихарду Демелю. Берлин: Русское универсальное издательство.
- Будницкий О. В. / Полян А. Л. (2013): Русско-еврейский Берлин (1920–1941). М.: Новое литературное обозрение.
- [Горнфельд А. Д.] (1922): [Рецензия на кн. «Из новой немецкой лирики. Переводы и характеристики Григория Забежинского»] // Летопись

говорилось о Забежинском в заметке «Нового русского слова», появившейся в день похорон, — русская эмиграция потеряла одного из выдающихся знатоков русской и иностранной поэзии» (М. Д. Б. 1966: 3; на первой странице того же номера — соболезнование родственникам покойного от семьи Эткингов).

- Дома литераторов. Литературно-исследовательский и критико-библиографический журнал. № 8/9. 25 февр. С. 10. — *Подпись: А. Г-д.*
- Гофмансталь Г. фон (1921): Смерть Тициана. Идиллия / Авториз. пер. и предисл. Г. Б. Забежинского. Берлин: Русское универсальное издательство.
- Гуль Р. Б. (1956): О книге Глеба Струве // Новое русское слово. № 15793. 23 сент. С. 8.
- Гуль Р. Б. (2001): Я унес Россию. Апология русской эмиграции. Т. III: Россия в Америке. М.: Б.С.Г.-Пресс.
- Забежинский Г. Б. (1921): Из новой немецкой лирики. Переводы и характеристики Григория Забежинского. Берлин: Русское универсальное издательство.
- Забежинский Г. Б. (1947): Жизнь и творчество Райнер Мария Рильке. Стихотворные перевоплощения Часослова. Париж.
- Забежинский Г. Б. (1951): О Райнер Мариа Рильке. (Размышления русского переводчика Рильке) // Новое русское слово. № 14241. 22 апр. С. 8.
- Забежинский Г. Б. (1952а): О Сергее Клычкове // Новый журнал. Кн. 29. Нью-Йорк. С. 139–146.
- Забежинский Г. Б. (1952б): Новый год («Каждый год как вспененный бокал...») // Новое русское слово. № 14495. 2 янв. С. 6.
- Забежинский Г. Б. (1952в): О Пастернаке // Новое русское слово. № 14757. 21 сент. С. 2.
- Забежинский Г. Б. (1952г): Жизнь и творчество М. А. Осоргина. К десятилетию со дня смерти // Новое русское слово. № 14771. 5 окт. С. 8.
- Забежинский Г. Б. (1953): Стихи. Нью-Йорк: Кремень.
- Забежинский Г. Б. (1956): Стихи. Книга вторая. Париж; Нью-Йорк: Кремень.
- Забежинский Г. Б. (1960): О творчестве и личности Сергея Есенина // Опыты. Литературно художественный и общественно-политический альманах. № 4. Мюнхен. С. 296–306.
- Забежинский Г. Б. (1962): Два мемуариста // Новое русское слово. № 18038. 29 июля. С. 8.

- Забежинский Г. Б. (1962): Вулканическая бунтарка: о М. Цветаевой // Современник. Журнал русской культуры и национальной мысли. Торонто. № 6. С. 57–67.
- Забежинский Г. Б. (1968): Райнер Мария Рильке и Россия // Современник. Журнал русской культуры и национальной мысли. Торонто. № 17/18. С. 93–99.
- Залевский В., Голлербах Е. А. (1998): Распространение русской печати в мире: 1918–1939. Справочник. СПб.: РНБ.
- Коростелев О. А. (сост., предисл., примеч.) (2008): «Жаль, что Вы далеко...». Письма Г. В. Адамовича И. В. Чиннову (1952–1972) // «Если чудо вообще возможно за границей...». Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь.
- Крейд В. П. (общ. ред.) (1999): Словарь поэтов Русского Зарубежья. СПб.: РХГИ.
- Матова М. А. (2019): Скульптор Константин Крахт (1868–1919) и Эпоха. Взгляд столетие спустя. М.: Внешторгиздат.
- М. Д. Б. <?> (1966) Памяти Г. Б. Забежинского // Новое русское слово. № 19470. 30 июня. С. 3.
- Мнухин Л. А. и др. (общ. ред.) (2008): Российское Зарубежье во Франции, 1919–2000. Биографический словарь. В 3 т. Т. 1: А–К / Под общей ред. Л. А. Мнухина, М. Б. Авриль, В. К. Лосской. — М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой.
- Рильке Р.-М. (1971): Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. М.: Искусство.
- Серков А. И. (1997): История русского масонства, 1845–1945. СПб.: Издательство имени Н. И. Новикова.
- Серков А. И. (2001): Русское масонство 1731–2000. Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН.
- Серков А. И. (2018): М. А. Осоргин и его масонское наследие. М.: Ганга.
- Струве Г. П. (1978): Об одном стихотворении Рильке (вместо рецензии) // Новое русское слово. № 24503. 26 февр. С. 5, 7.
- Урусов А. И. (1907): Князь Александр Иванович Урусов. Статьи его о театре, о литературе и об искусстве. Письма его. Воспоминания о

- нем: А. А. Андреевой, К. К. Арсеньева, К. Д. Бальмонта и др. М.:
Тип. И. Н. Холчев и К. Т. 2–3.
- Франк С. Л. (1929): Рильке и славянство // Россия и славянство. Париж.
№ 45. 5 окт. С. 3–4.
- Янгиров Р. М. (2004): Из истории русской зарубежной печати и кни-
гоиздательства 1920-х годов (По новым материалам) // Диаспора VI.
Новые материалы. Париж; СПб.: Athenaeum; Феникс. С. 525–590.
- Beyer Th. R.; Kratz G.; Werner X. (1987): Russische Autoren und Verlage in
Berlin nach dem Ersten Weltkrieg. Berliner Wissenschaftsverlag.
- Soergel A. (1911): Dichter und Dichtung der Zeit. Leipzig: A. Voigtländer Ver-
lag.

Рената фон Майдель

Сплетения и разрывы. К истории антропософского движения

В начале 1993 г., накануне моей архивной командировки в Москву, Гарик сообщил мне о том, что открылись фонды так называемого Особого архива СССР. Спустя несколько недель я начала изучать материалы входившего в этот архив фонда 1176 «Антропософское общество в Германии». Он состоял из 81 единицы хранения: переписка между управлением Германского общества и его членами и отделениями (содержащая, помимо прочего, дискуссии о том, как реагировать на требования и критику в национал-социалистическом государстве); отчеты об организации и финансах; заявления о вступлении и выходе из общества; тексты лекций. Эти материалы были привезены в Советский Союз в качестве трофеев во время или после Второй мировой войны¹. В 1999 г. Особый архив стал частью Российского государственного военного архива².

Казалось бы, кого в советской России могли заинтересовать эти материалы? Ответ на этот вопрос дает следующая записка, датированная 13 января 1950 г. и направленная заведующему архивом Б. И. Мусатову:

Начальнику Государственного Особого Архива, г. Мусатову

В одном из дел фонда «Антропософское Общество» („Anthroposophische Gesellschaft“) находятся списки его членов, прожива-

1 См.: Panwitz 2008; дополнительную информацию см.: <http://www.sonderarchiv.de> (здесь и далее просм. 1.4.2023).

2 Здесь теперь хранится и фонд 1176 (см.: Козлов/Кузеленков 2001: 50).

ющих в Ленинграде и Москве (списки датированы 1923–26 гг.), и переписка членов этого общества. Мне кажется, что списки должны быть пересланы в органы МГБ для того, чтобы выяснить, каким образом советские подданные, люди самого прогрессивного в мире государства, могли принадлежать к одной из самых реакционных организаций, центр которой находился в г. Штутгарте.

Научный сотрудник Стромилов
(РГВА. Ф. 1176. Ед. хр. 24а. Л. 12)

В 1923/24 и 1926 гг. переслать в Германию упоминаемые списки было отнюдь не просто. Как раз в 1923 г. Русское антропософское общество официально прекратило свое существование. Его члены в Москве и Петрограде продолжали встречаться и хотели оставаться участниками антропософского движения, но вынуждены были действовать все более осторожно. Письма, сопровождающие списки, позволяют понять, как выстраивались и разрушались связи оставшихся в России участников антропософского движения с Германией.

Из Антропософского общества в Германии списки были отправлены во Всеобщее антропософское общество в Дорнахе. В списки включены лица, чья антропософская биография хорошо изучена³, а также те, чьи занятия антропософией до сих пор не обращали (или мало обращали) на себя внимание.

В 1920-х и 1930-х гг. оставшиеся в России члены антропософских групп подвергались репрессиям⁴. Мне неизвестно, возымели ли списки из Особого архива какие-либо последствия для включенных в них лиц.

3 Биографические данные антропософов из немецкоязычных и других стран можно найти в von Plato 2003; см. также: <http://www.biographien.kulturimpuls.org/>. Биографические данные русских антропософов см. в: Жемчужникова 1988; Казачков/Стрижак 1993; Богомолов 1999; Чехов 2000; von Maydell 2005; Кавтарадзе 2013; Волошин 2015; Андрей Белый 2016; Obolęńska/Rzeczycka/Московская 2017; <http://bdn-steiner.ru/glossword/index.php/contents/1.xhtml> или: <http://predela.net/glossword/index.php/contents/1.xhtml>.

4 См.: Спивак 2006.

Публикуемые ниже материалы написаны в 1923–1924 гг. (№ 1–5) на немецком или являются переводами русских писем на немецкий, выполненные Хедвигой фон Драхенфельс для руководства Антропософского общества в Германии⁵. Ленинградские материалы за 1926 г. (№ 6–7) были привезены в Германию Алексеем Лебедевым во время командировки. Данных о том, кто передал в Штутгарт московский список за 1926 г. (№ 8), не имеется.

Имена собственные, включенные в списки, даны также кириллицей в исправленном написании; ошибки в их написании латиницей не исправляются. Курсивом выделены места, подчеркнутые автором машинописи, линейкой — подчеркнутые читателем.

1.

Frau Elisabeth Wassiljewa Petrograd. Angliskaja Nab. 74, Wohn. 5a
an Frau von Drachenfels

4. November 1923

<штамп:>

Anthrop. Ges. Eingegangen 19. Nov. 1923 beantw. 14.12.1923 durch H/Na

...Bei uns wird der Geist verfolgt. Es ist bei uns so schwer von ihm zu reden. Wer aber kann uns hindern im Geist zu *leben*, und somit auch ein wenig mit Ihnen allen zu leben? Daher ist auch unser eigentliches Herz ganz bei Ihnen in Deutschland...

Ich kann Ihnen nicht mit einemale die ganze Liste derjenigen Personen senden, die Anth...n sind, sondern ich werde sie Ihnen allmählich schicken. In diesem Brief nenne ich die *Alten*, deren Namen Ihnen bekannt sein müssen. In den nächsten Briefen nenne ich wieder welche, nun aber die Neuen.

5 Возможно, Хедвига фон Драхенфельс переслала копии и в Дорнах. Переводы дорнахских экземпляров двух из напечатанных здесь списков (№ 5 и 6) из архива Гетеанума были опубликованы (см.: Кавтарадзе 2013: 60–63). За копии этой публикации и дальнейшие консультации, как и за сверку архивных материалов, я благодарна Татьяне Стрижак и Сергею Казачкову.

Adressen sind sehr schwer anzugeben. Mag meine Adresse für alle dienen. Nun habe ich noch eine Bitte inbezug auf die Garanten-Frage. Wir alle bitten inständig, man möge ausser mir selber, die ich schon Garantin bin, noch einen zweiten bestätigen. Das bedeutet nicht, dass wir miteinander irgendwie uneins wären; wir leben sehr freundschaftlich; aber in jetziger Zeit erscheint uns das sicherer. Auch bin ich kränklich und will, sobald es möglich wird, ins Ausland reisen. Es handelt sich um unseren Freund, der schon seit dem Jahre 1912 mitarbeitet und Doktors Schüler ist. Seit langer Zeit leitet er die Einführungskurse und es kommen durch ihn mehr Menschen zu uns als durch mich. Einer seiner Schüler ist Koshevnikov <Борис Кожевников>, ihn können Sie um Auskunft fragen. Ebenso ist die Eurythmistin Maria Ssavitsch <Мария Савич / Marie Savitch> durch ihn zu uns gekommen. Und somit bitten wir alle man möge uns den zweiten Garanten, Boris Alexejevitsch Lehmann (Boris von Lehmann) bestätigen. Er lebt in derselben Wohnung, in der auch ich lebe. Wenn das geschieht, werde ich viel ruhiger sein. Denn bei uns war die Aufnahme neuer Menschen immer eine sehr sorgfältige und erschwerte. Wir geben uns mit jedem einzelnen anfangs viel Mühe, wollen wir doch die Anthroposophie schützen und bewahren.

Und dann noch eine Bitte: Schreiben Sie uns von dem Resultat des Kongresses im Dezember, — *was* eigentlich dort erarbeitet werden soll⁶.

Trifon G. Trapeznikov liegt eben schwer darnieder. Es soll irgendetwas sehr Ernstes mit dem Herzen sein. Hier sind die Namen unserer alten Freunde ausser Lehmann und mir selbst:

Brüllow, Lydia. — Wassiljew, Wsewolod. — Bertels, Eugen. — Flittner, Natalia. — Forsmann (Vorsmann?), Agnes. — Powalischin, Wladimir. — Domnazkaja, Sophia. — Domnazkaja, Glafira.

— Das sind alle. Die übrigen sind entweder tot, oder sie sind ins Ausland gereist; — oder sie sind ihre eigenen Wege gegangen...

(In demselben Brief meldet Frau Wassiljew den Tod von Maria Nikolajewna Döpp, die vor einigen Wochen gestorben sei.)

6 В Дорнахе 24.12.1923–1.1.1924 состоялась «Рождественское собрание», на котором Антропософское общество, основанное в 1912/13 г., было реорганизовано во Всеобщее антропософское общество.

<от руки:>

Für die Richtigkeit der Übersetzung

Hedwig v. Drachenfels

Stuttgart

15. Nov. 1923

(Машинопись // РГВА. Ф. 1176. Ед. хр. 24а. Лл. 6 – 6 об.)

2.

Frau Elisabeth Wassiljewa. Petersburg. Angliskaja Nab. 74, Wohn. 5a
an Frau von Drachenfels

15. November 1923

<Сбоку приписка: 2. Liste>

...Ich sende Ihnen heute wieder einige Namen, die Sie brauchen. Den ersten Namen habe ich im vorigen Brief zu nennen vergessen, es ist auch ein altes Mitglied. Die übrigen sind neue.

Lebedew, Alexei (altes Mitglied)

Lebedewa, Lydia. — Michin, Georgij. — Schuzky, Julian. — Schuzkaja, Antonia. — Richter Adele. — Ssolowiowa Galina. — Makridin, Nikolai. — Fechner, Eli. — Poljansky, Wladimir. — Poljanskaja, Adele. — Raphoff, Boris. — Raphoff, Natalia. In meinem nächsten Brief werde ich die letzten Namen senden. Wie Sie sehen bleibt Petersburg sich selbst treu und wir haben sehr viel deutsche Namen. Die deutsche Sprache kennen fast alle. Wenn manche sie auch nicht sprechen, so verstehen sie sie doch.

Die ganze Zeit über denke ich mit wehem Herzen an das arme Deutschland⁷. Schenke Gott Ihnen Kraft, wenn es ganz schwer werden wird. Dann werden Sie wohl auch den Doktor kaum mehr sehen können. Werden Sie zu Weihnachten nach Dornach reisen?..

7 Васильева имеет в виду, во-первых, гиперинфляцию в Германии, а во-вторых, сложную ситуацию для Антропософского движения после сожжения первого Гетеанума.

<от руки:> Für die Richtigkeit der Übersetzung
 Н. v. Drachenfels Stuttgart 22. Nov. 1922
 <штамп:> Anthr. Ges. Eingegangen 28. Dez. 1923

(Машинопись // РГВА. Ф. 1176. Ед. хр. 24а. Л. 4)

3.

Frau Elisabeth Iwanowna Wassiljewa. Pg. Angliskaja Nab. 74, Wohn. 5a

2. Dezember 1923

<штамп:> Anthr. Ges. Eingegangen 17. Dez. 1923 beantw. ... durch ...
 <Сбоку приписка: 3. Liste>

Ich sende Ihnen die letzten Sie interessierenden Namen.

Konradi, Wera. — Kaplun, Sophia. — Minekes, Sophia. — Cheifez, Lydia. — Doktor Iwaschenzew, Gleb. — Kwjatkowsky, Anatoliy. — Haase, Maria. — Meiring, Nadeshda. — Petrowskaja, Anna. —

Ferner wohnen außerhalb Peterburgs:

Schanjko, Boris, in Jekaterinodar, Ciskaukasien.

Dr. Dazkewitsch, Alexander, in Kisslowodsk, Nordkaukasus.

Gorodezkaja, Eugenie, in Irkutsk, Sibirien.

Das sind alle.

.....

An

die Schriftleitung der Anthr. Ges. i. D.

Wenn vom Büro der Anthropol. Ges. i. D. an unsere russischen Freunde geschrieben werden sollte, so bitte ich Sie *dringend* keine Briefbögen oder Umschläge mit Aufdruck zu benutzen. Und als Absender bitte ich den Namen irgend eines der Büroangestellten aussen auf den Umschlag mit seiner Privatadresse zu schreiben.

Durch Aufdruck u. offiziell bekannte Adressen bringen wir unsere Freunde direkt in Gefahr, da die Anthroposophische Gesellschaft in Russland von der Regierung verboten ist und unsere Freunde nur noch privatim arbeiten dürfen.

Selbstverständlich bitte ich auch den neuen Mitgliedern *keine* Mitglieds-karte auszustellen u. zu senden.

Mit freundlichem Gruss

<приписка чернилами:> Hedwig v. Drachenfels

Stuttgart 17. Dez. 1923

(Машинопись // РГВА. Ф. 1176. Ед. хр. 24а. Л. 5)

4.

Stuttgart, den 14. Dezember 1923. Champignystr. 17
Frau Elisabeth *Wassilijewa*, *Petersburg*. Englischer Kai 74
H/Ha

Liebe Frau *Wassilijewa*!

Es ist mir leider erst heute möglich, Ihren Brief vom 4. November an Frau von Drachenfels zu beantworten. Ich habe mit unseren hiesigen Freunden die Sache besprochen, über die Sie mit Bezug auf Herrn von Lehmann schreiben. Wir sind ganz mit Ihrem Vorschlag einverstanden und werden unser Verhältnis zu Herrn von Lehmann in Zukunft als das gleiche wie das zu Ihnen betrachten. Es freut uns immer sehr, von Ihnen zu hören. Sie selbst werden ja durch Frau von Drachenfels auch über die Verhältnisse bei uns auf dem Laufenden gehalten.

Mit herzlichen Grüßen an Sie alle,

Ihr

<от руки карандашом:> Stgt. 17.12.23

Sehr geehrte Frau von Drachenfels,

der vorstehende Brief wurde <нрзб> Dr. Unger lediglich aus Gründen äußerer Zweckmäßigkeit nicht unterschrieben und *nicht versandt*. Er bittet Sie, in geeigneter Form seinen Inhalt Frau W. mitzuteilen (vgl. uns. heutiges <нрзб>)

<штамп:> Anthroposophische Gesellschaft in Deutschland

<подпись:> Dr. Heyer

(Углеродная копия // РГВА. Ф. 1176. Ед. хр. 24а. Л. 3)

5.

<штамп:> Anthr. Ges. Eingegangen 31. Jan. 1924 beantw. ... durch ...
Stuttgart, 30. Jan. 1924

An das Zentralbüro der
Anthroposophischen Gesellschaft in Deutschland
Hier
zu Händen Herrn Doktor Heyer

Lieber Herr Doktor,

einliegend sende ich Ihnen die vollständige Liste der Freunde in Petersburg, die ich allmählich von dort erhalten habe. Eine Kopie habe ich an Herrn Dr. Günther Wachsmuth nach Dornach gesandt. Die Moskauer Liste fehlt noch.

Mit freundlichem Gruß

<подпись> Ihre Hedwig von Drachenfels

(Машинопись // РГВА. Ф. 1176. Ед. хр. 24а. Л. 7)

Stuttg. 30.1.1924

<штамп:> Anthr. Ges. Eingegangen 31. Jan. 1924 beantw. ... durch ...

Namen der Mitglieder der Anthroposophischen Gesellschaft in
Sankt Petersburg (Petrograd) Russland
Angliskaja Nab. 74, Wohn. 5a

Wassiljewa, Frau Elizaweta Iwanowna <Васильева, Елизавета>..... Garant
Lehmann, Boris Alexejewitsch <Леман, Борис>..... als Garant anerkannt
laut Brief von Dr. Unger an Frau Wassiljew vom 14. Dezember 1923.

Alte Mitglieder:

Gestorben:

Maria Nikolaevna Doerr <Мария Дегг>

Brüllow, Lydia <Брюллова, Лидия>. Seit 10 Jahren Mitglied. Vorher Mitglied der Theos. Gesellschaft⁸

Wassiljew, Wsewolod <Васильев, Всеволод>

Bertels, Ewgeniy (Eugen) <Бертельс, Евгений>

Flittner, Natalia <Флиттнер, Наталия>

Forsmann, Agnes <Форсман, Агнесса>, heisst vielleicht auch „Vorsmann“

Powalischin, Wladimir <Повалишин, Владимир>

Domnazkaja, Sophia <Домогацкая, София>

Domnazkaja, Glafira <Домогацкая, Глафира>

„Das sind alle. Die Uebrigen sind entweder gestorben, oder sie sind ins Ausland fortgefahren, oder sie sind der Bew<e>gung entfremdet.“

(Brief v. Fr. Wassiljewa an Fr. v. Drachenfels v. 4. Nov. 1923)

Neue Mitglieder:

<Сбоку приписка: Н. V. Drachenfels> Conradi, Wera <Конради, Вера>

Karlun, Sophia <Каплун, София>

Minekes, Sophia <Мейникес, София>

Cheifez, Lydia (oder Heifez) <Хейфец, Лидия>

Doktor Iwaschentzew, Gleb <Ивашенцев, Глеб>

8 Непонятно, относится дополнение к Дегг или к Васильеву.

Kwjatkowskiy, Anatoliy <Квятковский, Анатолий>
 Naase, Maria <Газе, Мария>
 Meiring, Nadeshda <Меринг, Надежда>
 Petrowskaja, Anna <Петровская, Анна>

Brief v. Fr. Wassiljewa an Fr. v. Drachenfels vom 2. Dez. 1923:
 „...Ich setze die für Sie notwendigen Namen fort. Den ersten habe ich voriges
 Mal zu nennen vergessen. Es ist auch ein alter Freund, die anderen sind neue:

Lebedew, Alexei <Лебедев, Алексей>
 Lebedewa, Lydia <Лебедева, Лидия>
 Michin, Georgiy <Михин, Георгий>
 Schuzkiy, Julian <Щуцкий, Юлиан>
 Schuzkaja, Antonina <Щуцкая, Антонина>
 Richter Adele <Рихтер, Адель>
 Ssolowjowa Galina <Соловьева, Галина>
 Makridin, Nikolai <Макридин, Николай>
 Fechner, Eli <Фехнер, Элли>
 Pomenskiy, Wladimir <Полянский, Владимир>
 Pomenskaja, Adele <Полянская, Адель>
 Raphoph, Boris <Рапгоф, Борис>
 Raphoph, Natalia <Рапгоф, Наталия>

...wie Sie sehen bleibt Petersburg sich selber treu: und darunter sind viele
 deutsche Namen. Deutsch können fast alle. Wenn sie auch nicht sprechen
 können, so verstehen sie doch deutsch.“

(Brief von Frau Wassiljewa an Fr. v. Drachenfels vom 15. November 1923)

<Сбоку приписка: Н. V. Drachenfels>
 Zum Petersburger Zweige zählen außerdem:
 Schanjko, Boris <Шанько, Борис> Jekatorinodar. Nord-Kaukasus
 Doktor Dazkewitsch, Alexander <Дашкевич, Александр> Kisslowodsk.
 Nord-Kaukasus
 Gorodezkaja, Eugenie <Городецкая, Евгения> Irkutsk. Sibirien
 (Brief von Frau Wassiljewa an Fr. v. Drachenfels vom 2. Dez. 1923)

Außerdem lebt ein Mitglied in Tiflis, Uliza Gudowitscha 15. Georgien. Kaukasus.

Frau Anna Petrowna Heydemann, geb. Opotschinina <Анна Петровна Гейдеман, урожд. Опочинина>

(Машинопись // РГВА. Ф. 1176. Ед. хр. 24а. Лл. 8–9)

6.

Stuttgart, 31. März 1926

<штамп:> Anthroposophische Gesellschaft Deutsche Landesgruppe
An den Vorstand der Anthroposophischen Gesellschaft
Dornach

Kürzlich besuchte mich unser Petersburger Mitglied, Herr *Lebedew*, der hier die Tagung mitgemacht hat und einige Zeit sich in Karlsruhe aufhalten wird. Er übergab mir die hier beiliegende Liste neu aufzunehmender Petersburger Mitglieder mit der Bitte, diese Liste dem Dornacher Vorstand zu übermitteln. Frau Wassiliew in Petersburg hat diese Mitglieder, für die sie die volle Garantie übernimmt, bereits provisorisch in die dortige Arbeitsgruppe aufgenommen und möchte gerne auf mündlichem Wege die Bestätigung der Aufnahme dieser Mitglieder durch den Dornacher Vorstand erhalten. Das kann durch Herrn Lebedew geschehen, den ich nach Erhalt einer entsprechenden Mitteilung vom Dornacher Vorstand persönlich von der Aufnahme verständigen werde.

Mit herzlichem Gruss

<подпись:> Jürgen von Grone

(Машинопись // РГВА. Ф. 1176. Ед. хр. 24а. Л. 1)

Stgt., 31.3.26

Liste

der in die Petersburger Gruppe aufzunehmenden Mitglieder

- 1) Walhard Paul <Вальдгард, Павел>
- 2) Gerassimow Alexey <Герасимов, Алексей>
- 3) Rogoschin Sergey <Рогожин, Сергей>
- 4) Distfeld Miliza <Дистфельд, Милица>
- 5) Marten Anna <Мартен, Анна>
- 6) Isenberg Albert <Изенберг, Альберт>
- 7) Lapping Paul <Лаппинг, Павел>
- 8) Gogis Helene <Гогис, Елена>
- 9) Hase Wera <Газе, Вера>
- 10) Gura Anna <Гура, Анна>
- 11) Tschumtschenko Tina <Чумаченко, Тина>
- 12) Schanjko Ekaterina <Шанько, Екатерина>
- 13) Sjatikov Sergey <Зетиллов, Сергей>
- 14) Nikitin Nikolaus <Никитин, Николай>
- 15) Bogoslowsky Witaly <Богославский, Виталий>
- 16) Joudin Sophia <Юдина, София>
- 17) „ Michael <Юдин, Михаил>
- 18) „ Helene <Юдина, Елена>
- 19) Piwowarow Simeon <Пивоваров, Семен>
- 20) Stratilatow Julia <Стратилатова, Юлия>
- 21) Spassowskaja Nelli <Спасовская, Нелли>
- 22) Kaisarianz Anna <Казарьянц, Анна>

(Автограф // РГВА. Ф. 1176. Ед. хр. 24а. Л. 10)

7.

Berlin 23/IV <1926>

Sehr geehrter Herr Doktor!

Es tut mir sehr leid, dass ich Sie in Stuttgart nicht sprechen konnte, da ich schon früher abreisen musste, als ich es mir dachte.

Aber Anfang Mai kommt nach Stuttgart Frau *Wassiliew*, — die ist jetzt in Berlin, — vielleicht könnten Sie auch mit ihr die Sache näher besprechen, und von ihr werde ich auch Bescheid wissen.

Bitte nehmen Sie in Empfang meine besten Grüße, und entschuldigen Sie mich bitte.

Hochachtungsvoll

Ihr A. Lebedew

(Автограф // РГВА. Ф. 1176. Ед. хр. 24а. Л. 2)

8.

Moskau 1926⁹

Lomonossov-Gruppe

1. Anissimof Wera <Анисимова, Вера>
2. Anissimof Julian <Анисимов, Юлиан>
3. Annenkof Olga <Анненкова, Ольга>
4. Aleksseef Anna <Алексеева, Анна>
5. Anufrief Nina <Ануфриева, Нина>
6. Balmont Katherine <Бальмонт, Екатерина>
7. Baranowitsch Marina <Баранович, Марина>
8. Baranzewitsch Konstantin <Баранцевич, Константин>
9. Bogoslawski Eugenija <Богословская, Евгения>
10. Bugaef Boris <Бугаев, Борис / Андрей Белый>
11. Bricef Anastassia <Брычёва, Анастасия>

9 Дата добавлена карандашом.

12. Dawidof Olga <Давыдова, Ольга>
13. Debossobr Julia <Дебособр/Казарина, Юлия>
14. Diatroptof Boris <Диатроптов, Борис>
15. Diatroptof Alexandra <Диатроптова, Александра>
16. Domagatski Glafira <Домогатская, Глафира>
17. Faworski Marie <Фаворская, Мария>
18. Fried Marie <Фрид, Мария>
19. Gleb-Koschanski Olga <Глеб-Кошанская, Ольга>
20. Gromof Wiktor <Громов, Виктор>
21. Hechtmann Marie <Гехтман, Мария>
22. Herz Georg <Герц, Георгий>
23. Herz Julia <Герц, Юлия>
24. Ikonnikof Magdalene <Иконникова, Магдалина>
25. Kalikin Lidija <Каликина, Лидия>
26. Kananof Soja <Кананова, Зоя>
27. Kezelmann Helene <Кезельман, Елена>
28. Kezelmann Serge <Кезельман, Сергей>
29. Kireewski Galina <Киреевская, Галина>
30. Kisselef Anna <Киселева, Анна>
31. Klimenkof Nadine <Клименкова, Надежда>
32. Krassilschik Ljubow <Красильщик, Любовь>
33. Kultaschef Lidija <Култашева, Лидия>
34. Kwarzef Marie <Кварцева, Мария>
35. Krasnuschkin Eugenija <Краснушкина, Евгения>
36. Lesche Wera <Леше, Вера>
37. Masel Lidija <Мазель, Лидия>
38. Maschkowzef Anna <Машковцева, Анна>
39. Maschkowzef Nikolas <Машковцев, Николай>
40. Maschkowzef Alexander <Машковцев, Александр>
41. Marssof Barbara <Марсова, Варвара>
42. Moisseef Natalie <Моисеева, Наталия>
43. Moisseef Woldemar <Моисеев, Владимир>
44. Muchin Georg <Михин, Георгий>
45. Nasarewski Galja <Назаревская, Галина>
46. Neweinof Helene <Невейнова, Елена>

47. Pawlof Alexander <Павлов, Александр>
48. Petrowski Alexis <Петровский, Алексей>
49. Poliektof Tatiana <Полиевктова, Татьяна>
50. Rein Marie <Рейн, Мария>
51. Sabaschnikof-Woloschin Margarete <Сабашникова/Волошина, Маргарита>
52. Sabaschnikof Alexis <Сабашников, Алексей>
53. Sajzef Peter <Зайцев, Петр>
54. Sisof Michael <Сизов, Михаил>
55. Spasski Helene <Спаская, Елена>
56. Spasski Serge <Спаский, Сергей>
57. Spasski Eugen <Спаский, Евгений>
58. Stoljarof Michael <Столяров, Михаил>
59. Stoljarof Wera <Столярова, Вера>
60. Schemtschuschnikof Nina <Жемчужникова, Нина>
61. Schemtschuschnikof Marie <Жемчужникова, Мария>
62. Schmerling Woldemar <Шмерлинг, Владимир>
63. Stockmar Anna <Штокмар, Анна>
64. Teger Marie <Тегер/Сизова/Викентьева, Мария>
65. Tatarinof Nadine <Татаринова, Надежда>
66. Tatarinof Woldemar <Татаринов, Владимир>
67. Трапесникof Trifon <Трапезников, Трифон> <добавлено карандашом:> ✕
68. Tschechhof Michael <Чехов, Михаил>
69. Tschernjawski Nikolas <Чернявский, Николай>
70. Tschassowitinof Darija <Часовитинова, Дарья>
71. Twerdof Margarete <Твердова, Маргарита>
72. Uittenhowen Alexander <Уйттенховен Александр>
73. Wassilief Claudia <Васильева/Бугаева, Клавдия>
74. Wassilief Peter <Васильев, Петр>
75. Welikanof Alexandra <Великанова, Александра>
76. Wladitschin Galina <Владычина, Галина>
77. Worobjef Irene <Воробьева, Ирина>

(Автограф // РГВА. Ф. 1176. Ед. хр. 24а. Лл. 11–13)

Литература

- Андрей Белый (2016): Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А. В. Лавров, Дж. Малмстад // Литературное наследство. Том 105. М.: Наука.
- Богомолов Н. А. (1999): Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М.: Новое литературное обозрение.
- Волошин М. А. (2015): Собрание сочинений. Том 11. Книга 2. Переписка с Маргаритой Сабашниковой. Книга 2. 1906–1924 / Сост. К. М. Азатовский, Р. П. Хрулева. М: Эллис Лак.
- Жемчужникова М. Н. (1988): Воспоминания о Московском Антропософском обществе (1917–1923 гг.) // Минувшее. Том 6. С. 7–53.
- Кавтарадзе Г. А. (2013): Об антропософах старшего поколения. СПб: Ключи.
- Казачков С. В.; Стрижак Т. Л. (1993): Примечание // Сабашникова М. В. Зеленая змея: История одной жизни. Москва: Энигма. С. 318–410.
- Козлов В. П.; Кузеленков В. Н. (ред.) (2001): Указатель фондов иностранного происхождения и Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР Российского государственного военного архива. М.: Российский государственный военный архив.
- Спивак М. Л. (2006): Андрей Белый — мистик и советский писатель. М.: Российский государственный гуманитарный университет.
- Чехов М. А. (2000): Лекции Рудольфа Штайнера о драматическом искусстве в изложении Михаила Чехова: Письма актера В. А. Громова / Мнемозина: Документы и факты из истории отечественного театра XX века: Исторический альманах / Вступит. статья В. В. Иванова, публ. С. В. Казачков, Т. Л. Стрижак. М.: Эдиториал УРСС. С. 5–143.
- von Maydell R. (2005): Vor dem Thore: Ein Vierteljahrhundert Anthroposophie in Russland. Bochum; Freiburg: Projekt Verlag.

-
- Oboleńska D.; Rzczyńska M.; Московская Д. (сост.) (2017): Антропософский архив Л. А. Новикова в собрании Отдела рукописей ИМЛИ РАН. Gdańsk; М.: Wydawnictwo uniwersytetu Gdańskiego.
- Panwitz S. (2008): Die Geschichte des Sonderarchivs Moskau // Deutsches Historisches Institut Moskau. Bulletin № 2. S. 11–20.
- von Plato B. (Hrsg.) (2003): Anthroposophie im 20. Jahrhundert. Ein Kulturimpuls in biografischen Porträts. Dornach: Goetheanum.

Йоханна Рената Дёринг

Мomentum для муз

1.

12 декабря 1964 г. Анна Ахматова получает премию *Etna Taormina* на Сицилии. После этого первого для нее за десятилетия путешествия за границу в записной книжке Анны Ахматовой появляется краткое упоминание о месте ее недавно пережитого торжества: «Срезневская: „Три дня в Таормине“. (О развалинах древнегреческого театра около Таормины.)» (Здесь и далее Суворова 1996: 611).

На первый взгляд, это не более чем лаконичная библиографическая ссылка. Однако обращению к путевому очерку О. М. Срезневской (1845–1930) предшествовала, казалось бы, не мотивированная контекстом заметка (как многие другие записи в записных книжках АА): «Узнать откуда: Не рыдай мене, мати, по гробе [сущу] зряще. (Узнала)» (Там же). Вслед за записью о Срезневской следовало продолжение размышлений Ахматовой «Об акмеизме» (Там же: 611–612).

В таком «случайном» переплетении трех мотивов (появление в Италии — Пьета — друзья-акмеисты), на мой взгляд, заключен своеобразный сгусток нескольких тем, экзистенциально и поэтологически значимый для Ахматовой. Во-первых, конечно, это воспоминание о ее собственном триумфальном путешествии на Сицилию; во-вторых, вероятно, предчувствие возможной внутренней связи между этим путешествием и поэмой «Реквием»; в-третьих — выражение верности акмеистскому началу, которое она разделяла со своими друзьями.

Поразительно, как внутреннюю согласованность этих трех замыслов прочувствовала австрийская поэтесса Ингеборг Бахман, присутствовавшая в качестве члена жюри на церемонии вручения премии в Таормине. «Это была не просто лекция. Это было религиозное посвя-

щение, — вспоминает о чтении Ахматовой стихотворений „Муза“ и „Мужество“ современник и очевидец Ганс Вернер Рихтер¹. — Когда она закончила, произошло нечто неожиданное для меня. Анна Ахматова сидела за длинным столом в центре, справа и слева от нее — председатели жюри, и вдруг позади нее встает Ингеборг Бахман и читает ей стихотворение, полное преклонения перед Анной Ахматовой. Это было поразительное для меня зрелище. Ахматова, высокая и статная, даже когда она сидит; ее крупное лицо, а за ней, прямо над ее головой, лицо Ингеборг Бахман — два лирика настолько разной выразительной силы, что они должны были быть совершенно чужими друг другу. Ингеборг читала не так, как обычно, — не заторможенно, сбивчиво и растерянно. Видимо, она долго готовила себя к этой минуте. И Анна Ахматова поблагодарила ее кивком головы. Это была милостивая, почти королевская благодарность»².

По словам Рихтера, Ингеборг Бахман впоследствии почти не отходила от Ахматовой³, он сравнивает обеих дам с поведением императрицы и фрейлины двора. Я хочу показать, однако, что эти почти сказочные отношения заслуживают более широкого прочтения. Под сгустком нескольких тем, о котором я писала выше, я имела в

1 Richter, Hans Werner (1908–1993) — инициатор создания „Gruppe 47“, самого значительного объединения немецких писателей после Второй мировой войны.

2 „Es war mehr als eine Vorlesung. Es war eine religiöse Andacht. Als sie geendet hatte, geschah etwas für mich Unerwartetes. Anna Achmatowa saß an einem langen Tisch in der Mitte, rechts und links von ihr die Vorsitzenden des Preisrichterkollegiums, und plötzlich stand Ingeborg Bachmann hinter ihr und las ein Gedicht auf sie vor, ein Gedicht der Verehrung für Anna Achmatowa. Es war ein erstaunlicher Anblick für mich. Die auch im Sitzen noch große und stattliche Achmatowa, ihr großflächiges Gesicht, und dahinter, unmittelbar über ihrem Kopf, das Gesicht der Ingeborg Bachmann, zwei Lyrikerinnen mit so unterschiedlicher Ausdruckskraft, die sich völlig wesensfremd sein mussten. Ingeborg las anders als sonst, nicht gehemmt, stockend, verwirrt. Sie hatte sich anscheinend lange auf diese Stunde vorbereitet. Und Anna Achmatowa bedankte sich mit einem Neigen des Kopfes. Es war ein gnädiges, fast majestätisches Danke“ (Richter 1986: 58f.). — Здесь и далее, кроме отдельно указанных случаев, перевод цитат И. Кукуя.

3 Ю. Данилевский (1998: 144) также приводит в своей статье цитаты из воспоминаний Рихтера.

виду то *уплотнение*, которое известный немецкий публицист и телеведущий Роджер Виллемсен назвал непереводаемым словом „Momentum“, более емким, чем русский или немецкий «момент». Хорошо известен его афоризм: «Поскольку мы не можем продлить жизнь, мы должны ее сгустить». Во встрече двух поэтесс разных культур и поколений становятся возможными высказывание и понимание, раскрытие себя, признание, преклонение. И, как мы увидим, дань памяти.

Мои размышления — об этой встрече, об этом *Momentum*.

2.

Появление Ингеборг Бахман перед (и в то же время за) Анной Ахматовой в Таормине впечатляет еще и потому, что несколькими месяцами ранее она перенесла тяжелейший психологический кризис. Кроме того, к этому времени она уже почти не писала стихов, а стихотворений с посвящением за всю свою жизнь написала всего шесть (одно из них для поэтессы Нелли Закс).

На чтении присутствовал еще один важный свидетель — Ханс Магнус Энценсбергер, долгое время друживший с Бахман. За год до того он посетил Москву с делегацией немецких писателей, а в 1966 г. начал свой собственный *русский роман* (см.: Enzensberger 2014) — недолгий брак с дочерью Маргариты Алигер и Александра Фадеева. Он, безусловно, знал, о чем и о ком писал в своей виньетке, посвященной Анне Ахматовой, причисляя ее к «мастерам по выживанию» (*Überlebenskünstler*; см.: Enzensberger 2018: 99–110), — как и в эссе об Ингеборг Бахман, несмотря на трагическую гибель той в огне (там же: 326–328). Тем самым я могу обозначить встречу русской и австрийской поэтесс как встречу двух мастеров по выживанию, двух муз — *Musen-Momentum*.

Та композиция действующих лиц, которая сложилась в Таормине благодаря Ингеборг Бахман (старая поэтесса — сама Бахман — Слово), вызывает у меня ассоциацию с определенным жанром русской иконы, известным как «Отечество» (см. илл. 1). В то же время Бахман словно обыгрывает вертикальное расположение старого и молодого: против ортодоксального, патриархального — женский, отвергаемый в право-

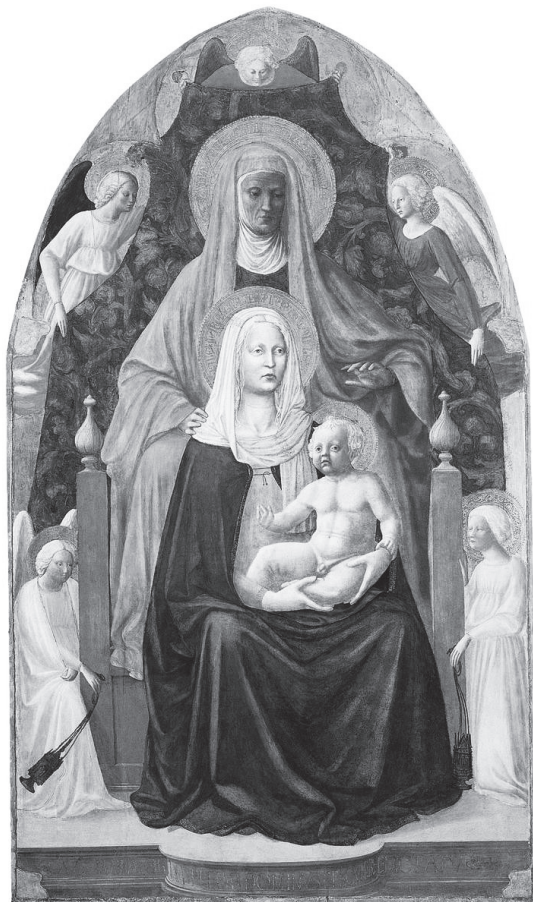
славии вариант с претензией на софиологическую Троицу, именуемый «Анна втроем» (нем. Anna Selbdritt), — как дань уважения Анне Андреевне Ахматовой.



Илл. 1

Троица. Россия, XVII в.⁴

4 Onasch/Schnieper 2007: 135. См. описание источника: «Бог-Отец держит на коленях детскую фигурку Спаса Эммануила, который, в свою очередь, держит



Илл. 2

Мазолино и Мазаччо. Анна в троем. 1424–1425.

Дерево, темпера. Уффици, Флоренция⁵

в руках в круглом медальоне изображение голубя, символ Святого Духа» (пер. с нем.).

5 Wikimedia Commons: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Masolino_008.jpg.
Здесь и далее просм. 23 августа 2023. — Й. Р. Д.

Ингеборг Бахман в своем иконографическом самопозиционировании, читая стихотворение за спиной старой поэтессы, переворачивает иерархический порядок раскладки иконы по возрастающей: старая — молодая — Слово. Но прежде всего она отдает дань уважения женской иконе Анны как Великой Матери в противовес мужскому варианту иконы «Отечество». Младший поэт помещает себя в нимб старшего — и, в удивительном жесте *aemulatio*, выходит за его пределы.

3.

Мотив *Selbdritt*, который, как мне кажется, вводит здесь Бахман, ставя себя за Ахматовой, чью поэтико-экзистенциальную истину она провозглашает в своем посвящении, уже использовался Паулем Целаном в 1961 г. после его цюрихской встречи с Нелли Закс в посвященных ей стихах „*Selbdritt, Selbviert*“ («Втроем, вчетвером») в сборнике стихов „*Die Niemandsrose*“⁶ (1964), посвященном памяти Осипа Мандельштама.

Нелли Закс посвящено стихотворение Ингеборг Бахман «Ее слова. Нелли Закс, другу, поэту, с почтением»⁷. Бахман прочитала его 29 октября 1961 г. на собрании „*Gruppe 47*“, где она также познакомилась с Энценсбергером. На встрече Пауля Целана и Нелли Закс в Цюрихе в день Вознесения 1960 г. со стороны Целана присутствовали его жена с маленьким сыном, со стороны Бахман — Макс Фриш.

В стихотворении Целана мотив отношений «втроем–вчетвером» звучит, напоминая румынские народные песни, почти в духе детской игры: «Где с одним, а где нас трое / полусвязан, полуволен» (Целан 2008: 111. — Пер. М. Белорусца). Ингеборг Бахман, напротив, три года спустя, после неудачи в любовной связи с Максом Фришем, угрожавшей ее существованию (и его отказа отпустить ее в новые отношения в качестве третьего лица, в софиологическую утопию любви), импли-

6 См. различные варианты перевода: «Роза для никого» (Целан 2001), «Роза-ничья» (Целан 2005), «Роза-Никому» (Целан 2008), «Роза никому» (Целан 2012).

7 „*Ihre Worte. Für Nelly Sachs, die Freundin, die Dichterin, in Verehrung*“ (1961). Русский перевод опубликован в подборке стихов Бахман под редакцией Е. Соколовой (Бахман 2000: 168).

цитно радикализирует мотив Анны Втроем в неумолимую парадигму исключительно феминистски ориентированного творчества.

4.

Приведу, наконец, стихотворение Ингеборг Бахман, посвященное Анне Ахматовой.

Ingeborg Bachmann

Wahrlich

für Anna Achmatowa

Wem es ein Wort nie verschlagen hat,
und ich sage es euch,
wer bloß sich zu helfen weiß
und mit den Worten –
dem ist nicht zu helfen.
Über den kurzen Weg nicht
und nicht über den langen.
Einen einzigen Satz haltbar zu machen,
auszuhalten in dem Bimbam von Worten.
Es schreibt diesen Satz keiner,
der nicht unterschreibt.

(Bachmann 1978: 166)

Ингеборг Бахман

Воистину

Анне Ахматовой

У кого слово ни разу не застревало
в горле,
говорю я вам,
кто лишь себе помогает
и лишь словами —
тому не поможешь.
Ни сразу не поможешь,
ни постепенно.
Выдержать одну единственную
фразу,
удержать ее в пустом перезвоне слов.
Эту фразу напишет лишь тот,
кто поставит под ней подпись.

(Подстрочник — И. Кукуй)

Стихотворение Ингеборг Бахман „Wahrlich“⁸, посвященное Ахматовой, было представлено немецкому читателю Хорстом Бинеком во «Франкфуртской антологии» (1979)⁹. Исключительно внимательно-

8 Русский перевод Е. Соколовой см.: Бахман 2000: 147. Название стихотворения является также названием сборника: «Воистину».

9 Первопубликация была по-итальянски: Bachmann I. In verità / Trad. di Giuseppe Scimone // L'Europa Letteraria, Artistica e Cinematografica. 1965. No. 33. P. 15. Horst Bienek (1930–1990), ученик Бертольда Брехта в театре «Berliner

ный анализ стихотворения был проделан Кристиной Гёльц (1964–2022), большим знатоком Ахматовой, в ее статье о молчании и речи в русской лирике XX века (Gölz 2005).

Вальтер Кошмаль (Koschmal 2015) рассмотрел стихотворение Бахман в своем эссе о Хансе Бауманне, противоречивом переводчике русской литературы с нацистским прошлым, которого издательство „Piper“ выбрало для переводов стихотворений Ахматовой (в том числе и «Реквиема») и о котором пойдет речь ниже. Анализ Р. Ю. Данилевского (1998) также указывает на Бауманна, которого Энценсбергер изображает как еще одного «мастера по выживанию» (Enzensberger 2018: 288–290) и в то же время называет одной из самых несимпатичных фигур. Данилевский, однако, не указывает имени переводчика, которого Бахман предложила издательству вместо Бауманна. Им был Пауль Целлан.

С учетом этого первую из трех цитат из «Записных книжек» Ахматовой можно прочесть как заметку на память: найти место в Библии к ее «Пьете», эпиграфу «Распятия», десятого из стихотворений «Реквиема»: «Не плачь обо мне, мать, когда я в могиле»¹⁰. «Реквием», как известно, сочетает в себе библейские мотивы с самыми актуальными современными политическими реалиями. Бахман в своем стихотворении также переплетает политическое с библейским жестом провозглашения — «Воистину».

Ensemble»; был арестован Штази в 1951 г. в восточном Берлине за шпионаж в пользу США, передан МГБ СССР, провел четыре года в системе ГУЛАГа (Воркута, Свердловск), освобожден в 1955 г. и депортирован в ФРГ. Брехт отказался защищать своего ученика; жена Брехта актриса Хелене Вайгель впоследствии предположила, что Бинек действительно был шпионом (см.: Urbach 2012: 261).

10 Отметим одну из форм икон, совмещающих мотив «Пьеты» с ахматовски-библейским «не рыдай мене мати» (см. илл. 3).



Илл. 3

*Икона «Не плачь обо мне, мати». Россия, XVII в.
Ikonen-Museum Recklinghausen / Jurgen Spiler [CC BY-NC-SA]¹¹*

5.

Три года спустя Бахман будет страстно защищать «Реквием» Ахматовой от выбранного издательством переводчика «с немецкой биографией» (то есть нацистским прошлым).

В 1967 году издательство „Piper“ готовило к выходу собрание стихотворений Анны Ахматовой, умершей за год до того. В качестве

¹¹ <https://westfalen.museum-digital.de/object/10236>

переводчика выбор издателя пал на Ханса Бауманна (1914–1988) — автора многочисленных стихов и песен, пользовавшихся популярностью в Гитлерюгенде, в том числе знаменитой песни «Дрожат одряхлевшие кости...» („Es zittern die morschen Knochen...“, 1932):

Es zittern die morschen Knochen
der Welt vor dem roten Krieg,
wir haben den Schrecken gebrochen,
für uns wars ein großer Sieg.
Wir werden weiter marschieren,
wenn alles in Scherben fällt —
und heute gehört uns Deutschland
Und morgen die ganze Welt. <...>
(Baumann 1933: 46)

Дрожат одряхлевшие кости
Земли перед боем святым.
Сомненья и робость отбросьте,
На приступ! И мы победим!
Нет цели светлей и желаннее!
Мы вдребезги мир разобьем!
Сегодня мы взяли Германию,
А завтра — всю Землю возьмем! <...>
(Пер. Л. Гинзбурга. — Гинзбург
1990: 236)

Выбор этого переводчика для «Реквиема» Ахматовой настолько шокирует Бахман, что она покидает «свое» издательство „Piper“ и не меняет решения даже после того, как владелец издательства Клаус Пипер соглашается на то, чтобы отозвать из продажи уже отпечатанные экземпляры книги Ахматовой с переводом Бауманна. Ее прощальное письмо к Пиперу (пока) не опубликовано, но мы можем быть благодарны Энценсбергеру за примечательную цитату из него: «Готовность мириться с плохим переводом *и немецкой биографией*, да еще за счет Ахматовой <...> мне совершенно непонятна»¹².

Поэтическая непримиримость, понимание того, что творчество — это еще и моральное обязательство, — вот что, на мой взгляд, выражает Ингеборг Бахман в последней строфе (которая, конечно, может

¹² „Die Bereitschaft, sich mit einer schlechten Übersetzung und *einem deutschen Lebenslauf und dies auf Kosten der Achmatowa*, abzufinden <...> ist mir schon unbegreiflich“; (Enzensberger 2018: 290, курсив мой. — *Й. Р. Д.*).

быть прочитана и иначе) своих стихов, посвященных Ахматовой: «Эту фразу напишет лишь тот, / кто поставит под ней подпись».

6.

В силу всего вышесказанного я читаю стихотворение-посвящение Ингеборг Бахман как многократную отсылку к «Мужеству» Ахматовой, к ее «Библейским стихам» — но также и к стихотворению «Муза», прочитанному Ахматовой в Таормине: ведь диктовка Музы, которую слышала Ингеборг Бахман, была диктовкой Ада:

Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?». Отвечает: «Я».
(Ахматова 1998: 403)

Чтение Ахматовой своих ранних стихов о Музе в Таормине было отнюдь не только данью уважения итальянскому поэту Данте: одновременно она чтит память своих умерших друзей, поэтов-акмеистов Николая Гумилева и Осипа Мандельштама. В уже цитировавшейся 21-й записной книжке за упомянутыми выше записями на следующем листе начинается длинная реминисценция «Об акмеизме (продолжение)» (Суворова 1996: 611–612).

Анна Ахматова воплотила в себе нерушимую верность своим ранним соратникам-поэтам по акмеизму — в Таормине она чтит их память, обращаясь к их общему поэту-акмеисту Данте.

Судя по всему, Ингеборг Бахман поняла и приняла этику этого поэтически-экзистенциального высказывания.

Эпилог

30 июля 1967 г. Пауль Целан пишет Ингеборг Бахман, с которой у него не было контакта с 1963 г., свое последнее письмо: «Вернувшись из Фрайбурга, я узнал от д-ра Унзельда три дня назад о деле Ахматовой и купил *Шпигель*. Большое тебе спасибо, что ты порекомендовала меня Пиперу в качестве переводчика русской поэтессы, чьи стихи я

знаю давно. Мандельштам был одним из ее самых верных поклонников»¹³.

Приведем в заключение слова Ханса Вернера Рихтера об Ингеборг Бахман: «Ни одна другая женщина не поражала ее так сильно и не внушала такого огромного восхищения, как Анна Ахматова»¹⁴.

Пер. с нем. — Илья Кукуй

Литература

- Ахматова А. А. (1998): Собрание сочинений в шести томах. Т. 1: Стихотворения 1904–1941. М.: Эллис Лак.
- Бахман И. (2000): Воистину. М.: Независимая газета.
- Гинзбург Л. В. (1990): Потусторонние встречи. М.: Новости.
- Данилевский Р. Ю. (1998): Ингеборг Бахман и Анна Ахматова (пересечение судеб) // Русская литература. № 1. С. 137–146.
- Суворова К. Н. (сост.) (1998): Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). Torino: Giulio Einaudi editore.
- Целан П. (2001): Стихотворения / Вольный пер. с нем. И. С. Гуревича. [М., б. и.]
- Целан П. (2005): Кристалл. Избранные стихи / Сост. и пер. Л. Жданко-Френкель. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим.
- Целан П. (2008): Стихотворения. Проза. Письма / Под общ. ред. М. Белорусца. М.: Ad Marginem.

13 „Durch Dr. Unseld erfuhr ich, aus Freiburg kommend, vor drei Tagen von der Achmatowa-Affäre; dann kaufte ich den Spiegel. Lass Dir herzlich danken dafür, dass Du mich bei Piper als Übersetzer der russischen Dichterin – deren Gedichte ich seit längerem kenne – empfohlen hast. Mandelstamm war einer ihrer treuesten Verehrer“ (Bachmann/Celan 2009: 159). Д-р Зигфрид Унзельд (1924–2002) с 1959 г. до своей смерти руководил издательством «Suhrkamp», в котором публиковались Целан и, после «дела Ахматовой», Бахман. В 31-м номере журнала «Шпигель» за 1967 год (с. 95–96) была опубликована редакционная статья «Перекрестие радуг» („Gekreuzte Regenbogen“) о «деле Ахматовой».

14 „Keine andere Frau hat sie so sehr in Erstaunen gesetzt und eine so große Bewunderung ausgelöst wie Anna Achmatowa.“ (Richter 1986: 59).

- Целан П. Говори и ты / Сост., пер. и комм. А. Глазовой. Нью-Йорк: Ailuros Publishing.
- Bachmann I. (1978): Werke I. München: Piper.
- Bachmann I.; Celan P. (2009): Herzzeit. Der Briefwechsel. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
- Bienek H. (1979): Ingeborg Bachmann. Wahrlich // Frankfurter Anthologie. Gedichte und Interpretationen. Band 4. Frankfurt a.M.: Insel. S. 197–200.
- Enzensberger H. M. (2014): Tumult. Berlin: Suhrkamp.
- Enzensberger H. M. (2018): Überlebenskünstler. 99 literarische Vignetten aus dem 20. Jahrhundert. Berlin: Suhrkamp.
- Gölz Ch. (2005): Vom Sprechen und Schweigen in der russischen Lyrik des 20. Jahrhunderts // Europäische Lyrik seit der Antike. 14 Vorlesungen. Hrsg. von Heinz Hillmann und Peter Hühn. Hamburg: Grill. S. 309–350.
- Koschmal W. (2015): Die Causa Baumann: ein Nazidichter als „Russlandverstehер“? // Zeitschrift für Slavische Philologie. Vol. 71 (2). S. 391–405.
- Onasch K.; Schnieper M. (2007): Ikonen. Faszination und Wirklichkeit. München: Bassermann.
- Richter H. W. (1986): Im Etablissement der Schmetterlinge. München; Wien: Hanser.
- Urbach T. (2012): Leben zwischen den Zeilen — Horst Bieneks Tagebücher // Horst Bienek: Ein Schriftsteller in den Extremen des 20. Jahrhunderts. Göttingen: Wallstein. S. 259–276.

Марина Бобрик

Узник и часовой: две надписи на русском языке из Бухенвальда ¹

Лагерное пространство периода сосуществования национал-социалистических и советских лагерей (1933–1945) включает в себе множество письменных текстов, созданных как заключенными (воображаемые меню и кулинарные рецепты; записки и письма; стенгазеты; литературные, научные, музыкальные, учебные тексты — записанные по памяти и своего сочинения; дневники; письма; надписи, граффити; завещания; эпитафии; хроники...) ², так и персоналом (надписи на воротах и постройках; плакаты и объявления; справки, отчеты, карточки, формуляры; книги, газеты; надписи на могилах; литературные, научные, музыкальные сочинения; дневники...).

Сохранность текстов, созданных заключенными, и в национал-социалистических, и в советских лагерях определяется запретом на письменную деятельность и вынос на волю написанного в Лагере ³. О большинстве названных типов текстов — как и о всей, замечу, устной словесности лагерников (пении песен, чтении стихов и молитв наизусть, переводах с голоса, анекдотах, пересказе ложных новостей,

1 Работа написана в рамках проекта „Textzeugnisse aus dem Lager in vier Sprachen“, финансируемого фондом „Bundesstiftung zur Aufarbeitung der SED-Diktatur“ (программа „Memory Work“, ведущая организация „Memorial Deutschland e. V.“).

2 Жесткой границы между этими сферами нет: определенные типы текстов — песни, научные работы, печать — могут создаваться заключенными по заказу администрации (или отдельных служащих Лагеря) и/или во взаимодействии с ними.

3 Прописная буква означает употребление термина в обобщенном значении, абстрагированном от различий между разными типами лагерей и конкретными лагерями.

слухов, снов, литературных и научных текстов, занятиях иностранными языками...) — мы узнаем из вторичных источников, в первую очередь мемуарных свидетельств или упоминаний в исторических документах, в частности материалах следственных дел. На фоне громадного массива несохранившегося особенно ценен каждый уцелевший и сохраняемый текст или его изображение (на рисунке или фотографии).

Ценность таких свидетельств не только в пополнении новыми деталями в целом как будто известной картины жизни Лагеря, но и, думается, в том, что эти свидетельства помогают восстановить его словесно-языковую ситуацию⁴. Почему это важно? Потому, полагаю, что, если Лагерь является моделью создавшего его общества, можно ожидать, что словесно-языковая ситуация Лагеря с отчетливостью негатива обнаруживает существенные свойства соответствующего общества.

Не случайно такие компактные образы Лагеря, как рассказ Ф. Кафки «В исправительной колонии» („In der Strafkolonie“, 1914) и пьеса В. Шаламова «Анна Ивановна» (1964), построены на типизации социально-речевых ролей внутри Лагеря. Если в пьесе Шаламова каждый персонаж — социально-речевая маска — характеризуется прежде всего тем, какие тексты и каким языком он читает и пишет, то в рассказе-притче Кафки сама машина смертельной пытки — средоточие лагерной системы — есть не что иное, как гротескная пишущая (по телу жертвы) машина. В понимании значимости «письменно-языкового» измерения Лагеря художественная интуиция Кафки и экзистенциальный опыт Шаламова сходятся.

Объем лагерной письменности разнится в зависимости от условий конкретного лагеря. На горе Эттерсберг она велика, ее составляют документы обоих лагерей на этом месте — концентрационного лагеря Бухенвальд (1937 – апрель 1945) и специального лагеря № 2 НКВД (август 1945 – 1950). На территории мемориального комплекса, в его экспозиции и архиве хранятся сотни сохранившихся письменных

4 Термином «словесно-языковая ситуация» хотелось бы охватить не только сферу письменного слова — к ней *mutatis mutandis* можно было бы применить термин Саймона Франклина «графосфера» (*graphosphere*) в смысле странства видимого слова (Franklin 2019), — но и устную словесность.

документов, среди них есть и эпиграфические. Для настоящей публикации я выбрала две надписи на русском языке. Относясь к одной (с точки зрения истории языка) эпохе, надписи эти различаются во многих отношениях: одна создана в национал-социалистическом, другая — в советском лагере; одна сделана заключенным, другая — часовым; одна — на миске для еды, другая — на потолке сторожевой вышки; разнятся они и содержанием, но обе сделаны советскими людьми. Мне стало интересно понять, что за люди эти два анонима, каково их высказывание и каким языком они его записывают. Рассказать о своих наблюдениях мне хочется прежде всего юбиляру, который годами деликатно старался направить мой интерес на язык советской эпохи и которому я глубоко благодарна за живейшее участие в моих занятиях.

Обе надписи публикуются впервые. Тексты приводятся буква в букву, строка в строку и сопровождаются комментарием.

1

Надпись на алюминиевой миске заключенного относится ко времени концентрационного лагеря. Текст выбит/продавлен печатными буквами русской кириллицы:

- 1 ИЩИ БЕРИ СВОЮ
- 2 НЕ ТРОНЬ МОЮ
- 3 ЦЫГАН

Так как знаков препинания нет, слово *цыган* в конце можно понять двояко: как обращение (к потенциальному вору) или как подпись (прозвище владельца миски). Основное высказывание, определяющее функцию надписи (запрет-предупреждение), в любом случае заключено в первых двух строках.

Императивы *ищи*, *бери*, *не тронь* обращены к тому, кто попытается присвоить добро пищущего.

Оберегаемый предмет в тексте не назван — ясно, что речь идет о том самом предмете, на котором написан текст. Форма женского рода

притяжательных местоимений (*свою, мою*) подразумевает, что опущено существительное *миска* (или какой-нибудь его синоним того же грамматического рода).

Императив *не тронь* ‘не трогай, не смей трогать’ в контексте надписи имеет скорее просторечно-фольклорный, чем архаизованно-поэтический оттенок, ср. в общеизвестной в 1940-е гг. песне «Калинка»:

Ты *не тронь мою* коровушку, / Не губи мою головушку.

С лингвистической точки зрения очень любопытна противопоставленная этому *не тронь* последовательность императивов *ищи бери*. Прямой объект *свою* является для них общим. Такое бессоюзное обозначение сложного (в два шага) действия напоминает характерные для разговорного языка так называемые двойные глаголы (*иди возьми, давай начинай, пойдём погуляем* и под.)⁵, в которых первый императив, с ослабленной лексической семантикой, частично грамматикализован⁶, а второй выступает как полнозначный и называет главное действие. Интонационно такие глагольные «танделы» являют собою единства и произносятся без паузы, а пишутся без запятой. Когда же знаков пунктуации нет, приходится учитывать возможность двоякого произнесения — как «тандел» (*ищи бери*) или как последовательность самостоятельных глаголов (*ищи, бери*). Произношение с паузой предполагает полнозначность глагола *искать* в современном основном значении: *ищи* [свою миску, если у тебя ее нет или ты ее потерял], *бери свою*. Если же перед нами глагольный «тандел», то глагол *искать* имеет скорее значение ‘хотеть, желать, стараться, пытаться’⁷ и выражает устремление к основному действию, названному глаголом *брать*. Зыбкая граница между этими возможностями едва ли поддается фиксации, а в данном случае не существенна для понимания текста.

5 См. о них: Weiss 2013; Вайс 2013.

6 Такое семантически «стертое» употребление называют также аналитическим, см. о нем: Молошная 1990.

7 С основным значением оно связано регулярным семантическим переходом; об этом переходе на материале истории русского языка в типологической перспективе см.: Кривко/Литвинцева 2018.

Возвращаясь к слову *цыган*: если иметь в виду стереотипную ассоциацию цыгана с воровством, то в этом контексте *цыган* можно понимать как ‘вор’⁸. Тогда приходится признать, что владелец в надписи не назван, подразумевается лишь, что владелец у миски есть. Поясняющий «перевод» был бы такой (в квадратные скобки заключаю поясняющие слова):

‘Ищи, бери свою [миску], [а] мою, [вор-]цыган, трогать не смей’

Более правдоподобным представляется, однако, считать слово *цыган* владельческой подписью автора. В пользу этой версии говорит несколько обстоятельств:

- Личную посуду заключенному важно держать при себе и тщательно оберегать от кражи⁹. В собрании музея Бухенвальда и в экспозиции мемориального комплекса немало владельческих надписей на разных языках, маркирующих миски, кружки, ложки именем владельца (см. также: Landau 2014: 7);
- Типологически надпись на посуде или ложке чаще содержит имя владельца, а бывает, что, кроме того, и имя писавшего (пример см. ниже);
- Неназывание адресата было бы симметрично неназыванию предмета;
- В пользу владельческой подписи говорит, наконец, и отдельное расположение слова *цыган* в 3-й строке (хотя место для него было бы и во 2-й).

По форме надпись представляет собой ритмизованную сентенцию фольклорного характера, ср. такого рода сентенции на тему «свое – чужое» в собрании В. И. Даля: *Чужого не желай, а своего не теряй. Чужо-*

8 Стереотипное плутовство цыгана лежит в основе фольклорного сюжета «мужик и цыган» (кто кого перехитрит); ср.: «...Нужно знать глубину вражды русского крестьянина к *цыгану-вору*» (Носович В. П. Заметки о русском суде по судебным уставам императора Александра II, 1929 г. — НКРЯ).

9 На фотографии заключенных на нарах, сделанной в апреле 1945 г. сразу после освобождения Бухенвальда американскими войсками, видно, как каждый держит при себе — в руке, под головой — свою миску (Knigge 2020: 136).

го не хватай, своего не бросай! Чужого не бери, своего не давай! Своего не забывай, а чужого не замай! (Даль 1862: 677). Отличие надписи от этих максим «народной мудрости» в том, что она содержит личное высказывание: неизвестный автор утверждает границу между личным «моим» и чужим «своим» потенциального вора.

Параллели такой надписи-предупреждению известны в древнерусской культуре. К числу самых ярких примеров относится новгородская археологическая находка 2006 г. — сделанная в XII в. надпись на донце или крышке берестяного туеса (берестяная грамота № 957). Центральную ее часть занимает угроза, или, скорее, формула проклятия; в начале же и в конце (в отличие от нашей надписи) названы имена владельца и писца:

Воибоудино лоукъньчо. Иже е укльдеть, да проклатъ боудеть. А Швьько шль¹⁰.

По свидетельству Бориса Унбегауна, бывшего заключенного Бухенвальда и автора важной работы о языке этого лагеря (Unbegaun 1947), образовательный уровень русских по языку советских заключенных (как правило, военнопленных) был в целом низкий — обстоятельство, благоприятствующее употреблению в письменном тексте разговорного языка, воспроизведению стереотипов массовой культуры и/или фольклорных элементов. Именно для выходца из крестьян или из низших социальных слоев города органична надпись фольклорного характера, как та, которую сделал анонимный советский заключенный Бухенвальда.

¹⁰ Перевод издателей: 'Войбудино луконце (= лукошко). Кто его «укльдет», да будет проклят. А писал Шевко' (Янин/Зализняк/Гиппиус 2015: 60–62). Слово *укльдеть*, встретившееся в этой берестяной грамоте впервые, представляет проблему; издатели БГ № 957 предполагают здесь форму до сих пор не засвидетельствованного глагола со значением 'заколдовать, заговорить', и тогда *укльдеть* значит 'заколдует'. Имя писца обозначает швеца, так что писал, по-видимому, тот, кто шил лукошко.

2

Другая надпись относится ко времени спецлагеря НКВД и сделана, вероятно, советским часовым во время вахты на восточной сторожевой вышке¹¹. На низком (на вытянутую руку) дощатом потолке небольшого отведенного часовому пространства размашистыми — частью печатными, частью письменными — буквами русской кириллицы острым металлическим предметом (ножом или, быть может, штыком) процерчен в одну строку следующий текст:

КТО НЕ ЗНАЕТ ОБЯЗНОСТЕЙ — НЕ ЧАСОВОЙ

Пропуск А и второго Н в слове *обязанностей* отражает разговорное аллегорное произношение: при внутреннем диктанте пишущий привычно «проглатывает» безударный редуцированный звук [ъ], орфографический контроль у него, очевидно, ослаблен. Звук [j] на конце слов *обязанностей* и *часовой* передан буквой И вместо Й, что может объясняться как нетвердостью руки (мелкая моторика при письме на грубой поверхности, к тому же над головой пишущего, затруднена), так и нетвердостью в орфографии.

Сентенцию, построенную по модели «кто не ... — (тот) не ...», естественно произнести с интонацией восклицания. Такая конструкция характерна для речи наставника — старшего по званию, начальствующего, учителя — по отношению к подчиненному, начинающему, ученику или группе наставляемых¹².

- 11 Восточная сторожевая вышка закрыта для посещения; комплекс надписей внутри вышки пока не изучен. Тем более я благодарна хранителю музея спецлагеря Юлии Ландау (Dr. Julia Landau) за возможность познакомиться с этим интереснейшим материалом.
- 12 Ср. несколько примеров такого рода из материалов НКРЯ: (прославленный специалист) Он говорил, что «**кто не умеет** лечить болезни ума, **тот не врач**» (Ю. В. Каннабих. История психиатрии, 1928); (опытный политик) **Кто** этого **не понял**, **тот — не социалист**, не пролетарский революционер (В. М. Молотов. Доклад на торжественном заседании в Большом театре 6 ноября 1937 года (1937) // «Литературная газета», 10.11.1937); в вариантной конструкции с начальной позицией предиката: (профессор — молодому

Надпись звучит как цитата из речи начальника караула, но пишет ее, по всей вероятности, часовой. Пишет, он, полагаю, то, что постоянно слышит от старшего по званию и что должен знать назубок¹³. Обязанности часового предписаны уставом; положения устава должны заучиваться наизусть, а знание их — проверяться старшим по званию. Так, в «Уставе гарнизонной службы Красной армии» (введенном 24 января 1941 г.) раздел о караульной службе и обязанностях караула заключается правилом: «До вступления в наряд личному составу караула предоставляется от 30 минут до 1 часа времени для подготовки к несению службы и для **проверки знаний им своих обязанностей**» (Устав 1941: 39. — *Выделение мое. М. Б.*).

Подготовка могла проходить устно, с голоса — для большей эффективности и/или по недостатку книжек устава.

Определив — по конструкции, интонации, содержанию — примерный источник, нельзя не задуматься о мотиве и функции такой надписи. Возможно, часовой (если пишет в самом деле он) пишет свою фразу в качестве памятки — себе и тем, кто его сменит на посту. Такая версия вызывает в воображении обязательного солдата, у которого и мысли другой в голове нет, как только о службе.

Нельзя, однако, упустить из виду, что в момент письма надпись становится высказыванием пишущего, и в данном случае замечательно, что он воспроизводит чужое, *предписанное* слово — как свое. Мне это напоминает пронзительный финал рассказа В. Шаламова «Сухим пайком» (1959), ту сцену, где крестьянский паренек Федя пишет из ла-

ученому) Д. Н. [Ушаков] часто мне говорил: «*Тот не лингвист*, кто ни разу не увлекался фонетикой» (А. А. Реформатский. Из «дебрей» памяти, 1960) // «Новый Мир», 2002); (опытный военный) У нас *тот не командир* полка, кто не идет впереди цепей (П. Н. Краснов. Ложь, 1938–1939).

13 Другое объяснение предложил (в устной беседе) М. В. Безродный: старший по караульной службе, сделав выговор часовому за какую-то оплошность, велел ему написать поучительную фразу в качестве памятки. Такое предположение представляется менее вероятным: типология наказаний текстом свидетельствует скорее в пользу многократного повторения «урока»; кроме того, старший чин вряд ли побуждал бы часового к порче имущества, а если все же имел в виду памятку, то позаботился бы об ее точном (грамотном) воспроизведении.

геря письмо матери. Пункт напряжения всего рассказа сосредоточен в последней его фразе и в выражении *одет по сезону*. В языке лагерной администрации эта формула заменяет собою всякое конкретное обозначение одежды и удивительно легко позволяет избежать любого уточнения, обойти любой недостаток в необходимейшем (теплом белье, носках, рукавицах). Федя знакомится с выражением *одет по сезону* в разговоре с другими заключенными; от одного из них он слышит и объяснение тому, зачем администрации нужна абстрактная формула вместо ясных слов. Услышанному Федя в тот же день находит личное применение: использует официальное клише в письме матери, по доброй воле предупреждая работу лагерного цензора — из косноязычия? простодушия? лояльности?..

Я заснул быстро, а в середине ночи проснулся и подошел к столу дежурного дневального. Там примостился Федя с листком бумаги в руке. Через его плечо я прочел написанное. «Мама, — писал Федя, — мама, я живу хорошо. Мама, я одет по сезону...»

(Шаламов 2004: 74)

Для человека с ослабленной рефлексией краткие сентенции и лозунги (как род пословиц) в особенности привлекательны в качестве полуфабриката речи и мысли, потому что создают ощущение структуры и ясности в формулировании действительности.

Прочитанные надписи во многом различаются, тем не менее авторы их некоторыми существенными чертами похожи: оба из крестьян или из нижних городских слоев, со школьным багажом образования, питающиеся скорее из устной речи. Как будто писал их один человек, последовательно оказавшийся в двух разных ролях — узника и часового.

Литература

- Вайс Д. (2013): Двойные глаголы в русской разговорной речи в зеркале Национального корпуса русского языка: формы императива множественного числа // Vel'mezova E. (ed.): Schweizerische Beiträge zum XV. Internationalen Slavistenkongress in Minsk, August 2013. Bern; Frankfurt: Peter Lang.
- Даль В. И. (1862): Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поветрий и проч. М.: Имп. Об-во истории и древностей российских при Моск. ун-те.
- Кривко Р. Н.; Литвинцева К. В. (2018): *ИСКАТЬ* → *СТАРАТЬСЯ*, *ХОТЕТЬ*: Конструкция, типология, источники // ЕВрика! Сборник статей о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной / Под ред. Д. А. Рыжовой и др. М.: Лабиринт. С. 275–289.
- Молошная Т. Н. (1990): К вопросу о так называемых аналитических формах императива в русском языке // Russian Linguistics. Bd. 14. S. 19–35.
- НКРЯ: Национальный корпус русского языка, www.ruscorpora.ru
- Устав (1941): Устав гарнизонной службы Красной армии. Чебоксары: Госиздат ЧАССР.
- Шаламов В. Т. (2004): Сочинения в 2-х т. Т. 1: Колымские рассказы. Екатеринбург: У-Фактория.
- Янин В. Л.; Зализняк А. А.; Гиппиус А. А. (2015): Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Т. 12. М.: Языки славянской культуры.
- Franklin S. (2019): The Russian Graphosphere, 1450–1850. Cambridge: Cambridge University Press.
- Knigge V. (Hg.) (2020): Buchenwald. Ausgrenzung und Gewalt. 1937 bis 1945: Begleitband zur Dauerausstellung in der Gedenkstätte Buchenwald. Göttingen: Wallstein Verlag.

-
- Landau J. F. (2014): Keramikfunde aus sowjetischen Speziallagern // Landau J.; Langeheine R. (Hg.): „An Gefäßen für das Essen gab es nichts“. Keramikfunde zur Geschichte der sowjetischen Speziallager Mühlberg und Buchenwald. Begleitband zur Wanderausstellung, Weimar.
- Unbegaun B. O. (1947): Les argots slaves des camps de concentration // *Mélanges* 1945. V. Études linguistiques. Publications de la faculté des lettres de l'Université de Strasbourg. Fascicule 108. Paris. P. 177–191.
- Weiss D. (2013): Russian double verbs in the 1st pl Imperative // *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 85. S. 165–175.

Анна Шибарова

«А я, как всегда, уцелел...»

Из семейного архива Натальи Струве

С западноберлинской художницей Натальей Струве я познакомилась, впервые оказавшись летом 1993 г. в Германии, в воссоединенном Берлине. Тем же летом познакомилась я и с Гариком Суперфином: наша встреча произошла в Мюнхене, откуда он в то время еще не успел переехать в Бремен. За прошедшие годы Наталья и Гарик не раз друг о друге слышали, но никогда не встречались. Давая мне разрешение на публикацию материалов о своей семье в юбилейном сборнике, Наталья Евгеньевна передала сердечный привет Габриэлю Гавриловичу. Эта публикация — результат наших с ней долгих разговоров, в которых незримо участвовал юбиляр, чей интерес к биографике всегда оказывал на меня удивительно вдохновляющее действие, а виртуозность в деле поиска служили и служат недостижимым эталоном профессионального мастерства.

Наталья Евгеньевна Струве родилась в 1937 г. в Казахстане, где ее отец и мать — Евгений Вильгельмович Струве (1912–2008) и Зоя Сергеевна Угрюмова (1912–1981) — находились в ссылке. Перед началом войны Наташа была привезена в Ленинград, осенью 1941 г. попала вместе с родителями в зону боевых действий под Новгородом, весной 1942 г. оказалась в Германии. Семья уцелела.

Тема семейной памяти занимает важное место в художественной работе Натальи Струве. Ее устные рассказы о детстве — это фрагментарные воспоминания, череда ярких картинок, выхваченных памятью из прошлого. Длинный коридор в квартире на Фонтанке, где живет бабушка; они с мамой и папой в незнакомых местах, бабушка остался в Ленинграде; война, все куда-то бегут; папу ранило, он в госпитале, зовет ее: «Туся, Туся...», Наташе страшно, она боится подойти к отцу; те-

перь их везут в другую страну; здесь нельзя говорить по-русски... «Мы бежали от Сталина к Гитлеру», — говорит Наталья. Перебравшись в рейх, семья перешла на немецкий язык. Евгений Вильгельмович, этнический немец, говорил на немецком как на родном, Зоя Сергеевна — до конца жизни с русским акцентом. Наталья Струве русский забыла. Утрату «материнского языка», *lingua materna*, она и сегодня, в свои 85 лет, воспринимает как болезненную потерю. Но это же и питает ее творчество.

Недавно Наталья доверила мне часть своего архива — подшитые в папку бумаги, связанные с историей их семьи: официальные документы, анкеты, письма разных лет, фотографии, пространное письмо отца с описанием его жизни, а также беглые заметки матери. Материалы позволяют реконструировать семейную биографию и проливают свет на устные воспоминания, которыми делилась со мной Наталья.

Семейная папка дает представление об истории «малой» семьи из четырех человек (младшая сестра Ирена родилась вскоре после приезда в Германию) и создает объем, помогающий поместить семейную биографию в контекст большой родовой семьи Струве. Для Натальи Евгеньевны нет ничего естественней, чем ощущать себя частью мощного, распространившегося на разные страны и континенты семейного дерева. Центральной точкой, которая хранит память о династии Струве, является Пулковская обсерватория. Основанная в 1839 г. на Пулковских холмах под Санкт-Петербургом Василием Яковлевичем Струве, эта «астрономическая столица мира» притягивала к себе многие последующие поколения Струве-астрономов. Именно Пулковская обсерватория стала одним из первых мест в СССР времен перестройки, которые вновь посетил Евгений Вильгельмович — не имевший отношения к астрономии, всю жизнь работавший инженером, — когда в 1989 г. отмечалось 150-летие со дня основания обсерватории и в Пулковско съехались Струве из разных стран. В тот год Наталья тоже ездила с отцом в Ленинград.

Документы из семейного архива дают возможность увидеть, как в пределах одной семьи реализуются различные жизненные траектории, прочерченные катастрофами XX века: бегство от Гражданской войны; эмиграция первой волны; высылки в Казахстан начала

1930-х гг.; переселение в Германию в качестве «фольксдойче» во время Второй мировой войны; жизнь в блокаде. После войны началось восстановление семейных связей. Оставшиеся и уехавшие начали осторожную переключку. Называли имена погибших. Оплакивали потери. Семья обменивалась весточками и жила дальше.

Мне хотелось бы свести некоторые документы из семейной папки в последовательный рассказ, включив в него прямую речь участников, которая звучит в их письмах и мемуарных заметках, представляющих собой, по счастливому выражению А. Герцена, «отражение истории в человеке, случайно попавшемся на ее дороге» («Былое и думы»). С разрешения Натальи публикую фрагменты из домашнего мемуара Евгения Вильгельмовича, который он написал в пожилом возрасте, находясь в больнице. Мемуар написан в виде письма дочерям, Наталье и Ирине. Кроме того, в рассказ включены фрагменты из заметок Зои Сергеевны и отрывки из писем двух представительниц старшего поколения — двоюродной бабушки Евгения Вильгельмовича, Елизаветы Христофоровны Струве, и его мачехи Лидии Яковлевны, урожд. Барковой. Последнее письмо написано по-русски, все остальные материалы переведены мною с немецкого.

В качестве пролога я привожу письмо, написанное астрономом Отто Людвиговичем Струве на бланке астрономической обсерватории Техасского университета. Оригинал по-английски, перевод на немецкий прилагался на отдельном клочке бумаги. Перевод на русский мой.

Пролог

Мак-Доналдская обсерватория Техасского университета,
Фронт-Дэвид, Техас
Совместное управление Чикагского и Техасского университетов

1 августа 1949

Для предъявления по месту требования

Настоящим письмом рекомендую господина Евгения Струве, уроженца России, чей отец был выдающимся инженером-железнодорожником в этой стране. Мне известно, что господин Струве-старший (кузен автора данного письма) умер в Советском Союзе от лишений, пережитых во время блокады Ленинграда; и что его сын Евгений покинул родину из-за жестоких преследований со стороны коммунистов. Сейчас он живет в Германии, где выполнил некоторые работы в области мостостроения.

Отто Струве (президент)

Итак, летом 1949 г. президент Американского астрономического общества Отто Людвигович Струве посылает Евгению Струве, своему двоюродному племяннику, живущему в Западной Германии, в недавно провозглашенной ФРГ, рекомендательное письмо. Оно должно помочь Евгению, если тот решит переехать в Америку. В этой краткой рекомендации он касается не столько профессиональных качеств младшего родственника, инженера-мостостроителя, сколько биографических обстоятельств, заставивших Е. Струве покинуть СССР: „<...> left the country of his birth because of the intolerable persecution of the communists“. О репрессиях Отто Людвигович знал не понаслышке, некоторые советские коллеги, с которыми он сотрудничал, сгинули вовремя Большого террора¹. Однако центральную часть письма автор

1 См.: Невская 1994; McCutcheon 1991.

посвящает другому родственнику, которого уже нет в живых: „It is my understanding that the elder Mr. Struve (a cousin of the present writer) died in the Soviet Union as the result of privations during the siege of Leningrad”. Таким образом, рекомендательное письмо содержит в себе нечто вроде некролога отцу Евгения Струве, погибшему в Ленинграде. Что нам известно об этих людях? Какие переплетения судеб стоят за этими строчками?

Астрономы и инженеры

Автор письма Отто Людвигович Струве — фигура более чем известная. Это один из крупнейших астрофизиков XX века, яркий представитель «звездной» династии Струве-астрономов. Его прадед, Василий Яковлевич, и дед, Отто Васильевич, были первыми директорами Пулковской обсерватории; его дядя, Герман Струве, в разные годы заведовал обсерваториями Кенигсберга, Берлина и Бранденбурга; его отец, Людвиг Струве, работал в Дерпте, позднее руководил университетской обсерваторией Харькова². Перебравшись в Америку, Отто Людвигович расширил семейную географию. Он возглавлял крупнейшие астрономические обсерватории США — Йеркскую, Макдональдскую (откуда и послано было в Германию рекомендательное письмо), Национальную радиоастрономическую. Отто Струве родился в 1897 г. в Харькове, умер в 1963 г. в Беркли.

Упомянутый в письме двоюродный брат, Струве-старший, известен лишь близкому кругу родственников и узкому кругу специалистов. Его звали Вильгельм Альфредович. В семейной папке я обнаружила экземпляр биографической справки, посвященной отцу Вильгельма, горному инженеру Альфреду Струве. Справку составила по архивным источникам и послала берлинским Струве главный хранитель музея Пулковской обсерватории Нина Яковлевна Московченко (1931–2016). Текст содержит информацию не только об Альфреде Струве, но и о его детях. Мы узнаем, что Вильгельм Альфредович «руководил строительством различных сооружений на железных дорогах и стал од-

2 См., напр.: Абалакин и др. [б. д.].

ним из пионеров железобетонного строительства»³. Родился в 1878 г. в Санкт-Петербурге, умер в 1942 г. в Ленинграде. Это дед Натальи.

Наконец, третье поколение, инженер Струве-младший — это Евгений Вильгельмович, отец Натальи. Он родился в 1912 г. в Харькове, умер в 2008 г. в Нижней Саксонии, в городе Брауншвейге. Домашние звали его Эней.

Харьковское соседство

Отто Струве был знаком с Вильгельмом и Эней по Харькову. Из обширной литературы, посвященной отцу и сыну, астрономам Людвигу и Отто Струве⁴, известно, что Людвиг переехал в Харьков из Дерпта в 1894 г., когда был избран профессором Харьковского университета. В 1897 году его жена, Елизавета Христофоровна Струве (урожд. Громан) родила первенца. Вопрос о выборе жизненного пути не стоял: мальчика назвали Отто в честь деда-астронома, отец с малых лет общал сына к семейному ремеслу, водил его в университетскую обсерваторию наблюдать за ночным звездным небом.

Все эти ключевые слова — Харьков, университет, обсерватория, профессор дядя Людвиг, его жена тетя Лизбет, четверо их детей, включая старшего Отто, который впоследствии станет знаменитым ученым, — всплывают в мемуаре Евгения Вильгельмовича, отца Натальи Струве. Из него мы узнаём, что обе семьи, астрономы и инженеры, были в Харькове на короткой ноге. Пока Вильгельм Альфредович занимался строительством, а Людвиг с Отто смотрели в телескоп, младшие дети из обеих семей жили своей детской жизнью. Евгений Вильгельмович пишет, что очень дружил с Элизабет — младшей сестрой Отто, которую домашние звали Улей. Первая мировая война разрушила это мирное существование и заставила Отто уехать из Харькова. Прервав учебу в Харьковском университете, куда он

3 Источники, указанные в справке: ПФА РАН. Ф. 703. Оп. 3. Д. 135 (Личное дело Э. А. Струве); Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 6. Л. 39; Ф. 155. Оп. 3. Д. 669. Л. 57–60; Ф. 334. Оп. 2. Д. 187; РГИА. Ф. 229. Оп. 19. Д. 3422.

4 См., напр.: Балышев 2008; Балишев 2021; Остерброк/Гурштейн 2001.

только что поступил, Отто Струве в 1916 г. поехал в Петроград учиться на артиллериста, а в 1917 г. был отправлен на фронт. Наверное, он не успел как следует разглядеть двоюродного племянника — в те годы Эня был еще совсем маленький. После окончания войны Отто вернулся в Харьков, но ненадолго. В 1919–1920 гг. будущему астроному снова пришлось воевать — на сей раз в качестве белого офицера, в составе Добровольческой армии⁵.

Гражданская война

Годы смуты и Гражданской войны не пощадили ни ту, ни другую семью. В своем мемуаре Евгений Вильгельмович вспоминает 1918–1919 гг.: «Харьков в эти два года занимали различные вооруженные формирования (красные, белые, голубые, зеленые, разные украинские казачьи банды и время от времени немцы). Иногда город за один день занимала то одна воюющая группа, то другая». Далее Евгений Вильгельмович перечисляет потери харьковских лет: «В ноябре 1919 года умерла от тифа моя мать. Заболели все трое — мама, брат Пауль и я. Вообще говоря, умереть должен был я, со мной уже попрощались, но вместо меня умерла мама, а я, как всегда, уцелел. Пауль был от рождения слабеньким, но благодаря тому, что наш отец и старший брат Альфред самоотверженно за ним ухаживали, Пауль пережил эту ужасную болезнь». Затем, рассказывает Евгений Вильгельмович, отец женился второй раз, но и мачеха прожила недолго, вскоре скончалась. «Самым тяжелым ударом для нашей семьи, особенно для отца, стала смерть моего брата Альфреда. Он был незаменимым помощником для отца, который весь день проводил на службе, возвращался домой поздним вечером и потом обсуждал с Фреди завтрашний день. От этого удара отец, мне кажется, не оправился до конца жизни»⁶.

Беды обрушились и на семью астрономов. В 1920 г. дядя Людвиг и тетя Лизбет потеряли, одного за другим, двоих младших детей — утонула, купаясь в море, девятилетняя Уля; умер от туберкулеза сем-

5 Одно из редких автовысказываний об этом факте см.: Struve 1959: 60.

6 Здесь и далее перевод с немецкого мой. — А. III.

надцатилетний Вернер. И, наконец, 4 ноября 1920 г. скоропостижно скончался сам Людвиг Струве. Внезапная смерть от сердечного приступа, настигшая астронома в Крыму, в зале заседаний Таврического университета, — после бегства из Харькова его пригласили заведовать кафедрой астрономии созданного в 1916 г. университета, — описана в биографической литературе⁷.

Отто Струве судьба берегла. В 1921 г. ему, вчерашнему белому офицеру, беженцу, эвакуированному из Крыма в Турцию, не знавшему ни слова по-английски, помогли перебраться в Америку. За дело взялась тетя Ева, сестра покойного Людвига. Мобилизовав все семейные связи в научном мире, она добилась того, что Отто Струве взяли на должность ассистента в Йеркскую обсерваторию Чикагского университета. Так начался его профессиональный путь. В 1924 г. Елизавета Христофоровна похоронила старшую дочь Ядвигу, тоже ставшую жертвой туберкулеза, и уехала к сыну в Америку. Так закончилось харьковское соседство.

Возвращение в Ленинград

Семья Вильгельма Альфредовича тем временем тоже покинула Харьков, раздираемый гражданской войной. Через Туапсе и Ростов-на-Дону (некоторое время В. А. Струве работал на Северо-Кавказской железной дороге) началось движение в сторону Ленинграда. Для Вильгельма Альфредовича это было возвращением в родной город⁸: там на Смоленском лютеранском кладбище лежал его отец Альфред Оттович Струве (1845–1916), там жили сестры. Эмилия Альфредовна работала в Пулковской обсерватории, Элла Альфредовна преподавала в школе немецкий язык.

⁷ См.: Балышев 2008: 47–49.

⁸ «В. А. Струве родился в СПб., учился в Петербургском университете, затем в институте инженеров путей сообщения. В 1904 году ему пришлось уехать за границу на лечение в санаториях Германии и Швейцарии, после возвращения в 1906 году он работал в Управлении железных дорог на юге России» (Московченко [б. д.]).

Петришуле

Первым в Ленинград отправили Энню. В 1926 г. он поступил в единую трудовую школу № 41 Центрального района, более известную как Петришуле, старейшее учебное заведение Петербурга. Евгений Вильгельмович пишет в своем мемуаре: «О времени учебы в Петришуле 1926–1930 у меня остались прекрасные воспоминания. Мы много играли в футбол и настольный теннис <...> В 1928 году нашу школу русифицировали, так что заканчивал я уже не немецкую Петришуле».

То, что Евгений Вильгельмович называет русификацией, было настоящим разгромом немецкой Петришуле: в 1928 г. началась кампания по борьбе с национализмом, и школу «преобразовали». Более десяти педагогов немецкого происхождения уволили, немецкое отделение школы закрыли. Евгений Струве значится в списке выпускников 1930 года. На фотографии⁹, опубликованной на сайте школы, его нет, зато во втором ряду сидит бывшая жена Троцкого, А. Л. Бронштейн, которую назначили завучем вместо уволенного историка А. Г. Вульфуса. Он проработал в Петришуле 25 лет¹⁰.

Упоминание о русификации — это единственный отголосок исторических событий в главе, посвященной Петришуле. Евгению Вильгельмовичу важнее рассказать дочерям о личном — о знакомстве с их будущей мамой, Зоей Сергеевной Угрюмовой. «Когда в 1926 году я поступил в Петришуле, мама там уже несколько лет училась. В Петришуле было шесть параллелей каждого класса, три немецкие и три русские. Разница между этими параллелями состояла в том, что в немецкой все предметы объяснялись по-немецки, а в русской — по-русски. Я поступил в шестой класс. Первая, четвертая и шестая параллели были немецкими, а вторая, третья и пятая — русскими. Когда в шестом классе я впервые увидел маму, я сразу в нее влюбился. Но она не обратила на меня внимания. В школе я не представлял из себя ничего выдающе-

9 См. сайт Петришуле: http://allpetrischule-spb.org/index.php?title=Закончившие_Петришуле_в_1930_году:_9-I_класс (здесь и далее дата просмотра: 16.06.2023).

10 Об этом см., напр., в работах по истории Петришуле Н. П. Ульянова, школьного приятеля Евгения Вильгельмовича: Ульянов 1998: 196–209.

гося: никаких почетных званий, успеваемость средняя, кроме разве что математики и географии. Там было много мальчиков, гораздо более интересных для девочки 14-15 лет. Кроме того, мы хоть и учились оба в немецкой параллели, но мама в 6.1, а я в 6.6. Я частенько ходил за девочкой Зоей по замерзшей Неве, она жила на Васильевском острове, а я у тети Эмми на Каменном. Позже она утверждала, что замечала меня, просто виду не подавала. Я бросил безнадежные ухаживания и обратился к другим девочкам, которые не игнорировали меня так старательно».

Эня уже оканчивал школу, когда отец наконец добрался до Ленинграда. В 1929 г. Вильгельм Альфредович уволился из Наркомата путей сообщения и перешел на службу в Ленинградское отделение треста «Энергострой». Теперь он занимался строительством электростанций. Окончив Петришуле, Эня пошел по стопам отца: поступил в Ленинградский институт инженеров путей сообщения. Вместе с отцом в Ленинград приехали младшие братья, Пауль и Вилли, и новая мачеха — отец женился на Лидии Яковлевне Барковой, которая раньше работала в семье гувернанткой. О «бабе Лиде» Наталья Струве и сегодня вспоминает с большой нежностью. Сперва все жили на Каменном острове, затем переехали на Фонтанку, дом 15, кв. 2.

Арест

Именно сюда, на Фонтанку, 4 апреля 1933 г. пришло с обыском ОГПУ. Точная дата обыска и ареста Евгения Вильгельмовича стала известна нам после того, как мы с Натальей запросили в управлении ФСБ по СПб и Ленинградской области материалы по уголовному делу родителей. Через несколько месяцев по почте пришел ответ. Нам прислали некоторое количество копий, которые подтверждают, что Евгений Вильгельмович и Зоя Сергеевна проходили по одному делу. Содержание дела в полном объеме станет понятно после того, как мы получим обвинительное заключение¹¹.

¹¹ Благодарю за указание Ирину Флиге.

Зою забрали первой. Она была тогда замужем за студентом Михаилом Прониным¹², жила на Васильевском острове. Из протокола допроса гр. Угрюмовой-Прониной З. С. от 25 февраля 1933 г.¹³: «<...> моя квартира в течение ряда лет была местом систематических сборищ враждебного к Сов. Власти круга лица из технической интеллигенции. Все разговоры, какие происходили в течение сборищ, в основном шли по линии рассказов и обсуждений жизни в свободных государствах. К числу таких государств относится Германия, где фашистская диктатура установила и принесла все возможности политического и технического прогресса». Зою Сергеевну обвинили как участницу фашистской группы: «заключить в концлагерь, сроком на пять (5) лет, считая срок с 25.02.33. Заключение в концлагерь заменить высылкой в Казахстан на тот же срок»¹⁴. Дело Евгения Вильгельмовича скопировано плохо и отрывочно, составить по этим копиям общую картину невозможно. Ясно лишь, что приговор он получил более мягкий: высылку в Казахстан на три года.

В своем мемуаре Евгений Вильгельмович не пишет об обыске, аресте и заключении. Ему хочется поскорей рассказать дочерям о трогательном и забавном эпизоде — как они с Зоей после выхода из тюрьмы неожиданно встретились и как ему, нетерпеливому Эне, пришлось проявить изрядное терпение. «Мы с мамой потеряли друг друга из поля зрения и только после ареста, слава богу, совершенно случайно встретились. Помните, мы вам рассказывали, как после этой случайной встречи я полтора часа ждал ее у портнихи, хотя она сказала, что через полчаса вернется? Представьте себе: если б я не был по уши в нее влюблен и не выдержал бы ожидания, которое продлилось в три раза дольше запланированного, то вас и на свете бы не было!»

12 Михаил Арсеньевич Пронин, студент ЛИИКС (Ленинградский институт инженеров коммунального строительства) упоминается в каталоге воспоминаний архива «Мемориала»: <https://memoirs.memo.ru/person/show/id/9699>.

13 Из фамилий, названных в протоколе, в базе «Открытый список», основанной на данных «Мемориала», удалось найти Федора Никитича Ободовского: [https://ru.openlist.wiki/Ободовский_Федор_Никитич_\(1908\)](https://ru.openlist.wiki/Ободовский_Федор_Никитич_(1908))

14 Из протокола слушания тройки ПП ОГПУ в ЛВО от 14 апреля 1933 года.

Зоя Сергеевна в своих заметках вспоминала о заключении и неожиданной встрече с бывшим соучеником так: «В 1933 году меня арестовали. ¼ года я провела в тюрьме. Но даже в этом заведении я не могла удержаться от шуточек в адрес своих охранников и поддразниваний работников НКВД. Как ни странно, я не была несчастна в одиночной камере. Обо многом успела передумать. У меня неистощимое воображение. Так как тюрьма была переполнена, ко мне два раза подсылали соседок. С обеими мы подружились и вели интересные разговоры. Три месяца прошли быстро, меня приговорили к 5 годам ссылки за преступления, которых я никогда, даже по советским меркам, не совершала. Поскольку я должна была закончить небольшую работу для профсоюза, мне разрешили на 9 дней задержаться в Ленинграде. И тут я встретила моего нынешнего мужа, бывшего соученика, который учился в параллельном классе. В школе мы были едва знакомы. Его в ту же самую ночь выпустили из тюрьмы и дали 3 года высылки в Алма-Ату. Он не занимался профсоюзной работой и должен был уехать из Ленинграда раньше. Мы договорились встретиться в Алма-Ате. Так и сделали. С тех пор мы вместе».

Высылка

Евгений Вильгельмович с гордостью вспоминает, что эта встреча в Алма-Ате стала возможна благодаря его хитроумию и находчивости. «30.04.33 я прибыл в Алма-Ату и пришел в контору местного НКВД, где занимались ссыльными. Меня послали к одному инженеру, тоже заключенному, но с правом выхода на волю. Он занимался технической оценкой неосвоенных местностей Казахстана. Это был добрый человек. Сказал мне, что завтра или послезавтра я отправлюсь в Семипалатинск, где буду работать на строительстве Максимо-Горьковского района. Получалось, что самое позднее 2 мая мне придется уехать из Алма-Аты — а маму можно было ожидать самое ранее к 7 мая. Как быть, чтобы эта прекрасная женщина осталась рядом со мной? В отчаянии я решил на ложь: сказал, что через неделю из Санкт-Петербурга приедет моя невеста, и спросил, пошлют ли ее тоже в Семипалатинск. Инженер, который, несмотря на свой статус

заклученного, пользовался доверием и мог принимать решения, сказал: „Мы поступим просто. Жена, невеста или подруга, это все равно. Пока она не приедет, оставайтесь в Алма-Ате и начинайте уже отсюда предварительные работы над проектом Максимо-Горьковского района. Потом поедете вместе с невестой в Семипалатинск“. Так мамина судьба была решена еще до приезда в Алма-Ату. Если бы я не подготовил дело, мама наверняка добилась бы того, чтобы ее оставили в Алма-Ате, наполовину европейском городе. Для молодой женщины двадцати одного года это не составило бы большого труда. Я со страхом ожидал маминого приезда, боясь, что она откажется от моего наглого требования и скажет, что она мне никакая не невеста и тому подобное. Хорошо же я буду выглядеть со своим враньем. Но это было совсем не в мамином духе — так подвести человека. Вечером я пришел на вокзал, чтобы ее встретить, и все рассказал. Она сказала, что пусть все остается как есть, хотя ей больше хотелось остаться в Алма-Ате, чем ехать в барачный Семипалатинск».

Зоя Сергеевна: «В Сибири нам пришлось терпеть голод и страшный холод. Друг без друга мы, наверное, не выжили бы. Вскоре после приезда власти послали нас в Семипалатинск. У нас не было мебели. Я поставила керосинку на доску, которая лежала на чемодане. Все это опрокинулось, горячее масло пролилось мне на ногу и руку. Я получила сильные ожоги, и в этом состоянии мы должны были ехать дальше в Западную Сибирь. Я лежала пластом. Прошли 3 месяца. Я не получала денег, а заработков моего мужа не хватало даже на самое необходимое. Мне пришлось продавать на рынке последнюю одежду. Затем нас отправили дальше в Сибирь, я еще не могла ходить. Мы приехали в поселение русских казаков на Иртыше, которое было связано с внешним миром только 5 месяцев в году. Зимой все дороги были занесены снегом. Там нам пришлось даже познакомиться с волками. Летом жара до +50 градусов, зимой мороз до -50. 14 марта 1936 года родился наш первый сын. Он прожил только 9 месяцев. После его смерти мой муж поехал в Ленинград, заканчивать учебу».

Евгений Вильгельмович: «Барак, в который нас определили, состоял из четырех помещений, одно из них досталось нам. Это была комната площадью примерно 4×5 метров, где стояли каркасы двух

кроватей, без матраса, стол и два стула. Дорогу из Алма-Аты мы оплачивали из своего кармана, она стоила примерно столько же, сколько дорога из Петербурга до Алма-Аты. Расстояние от нашего барака до проектного бюро составляло 3-4 километра. Это расстояние нам приходилось преодолевать пешком каждое утро и каждый вечер. Вначале, пока мы не обзавелись хозяйством, жилищные условия были не самые лучшие — но мы оба были влюблены и счастливы — в то время, кажется, и мама тоже — пока не произошел несчастный случай». Далее Евгений Вильгельмович описывает тот же эпизод, как Зоя обожглась. О смерти первого ребенка, Фредди (14.03.1936 – 9.12.1936), он тоже вспоминает с горечью. Но в целом интонация главы, посвященной высылке, бодрая и деловитая. Евгений Вильгельмович описывает повседневную жизнь, много пишет о своей работе. Маршрут перемещений семьи в 1933–1937 гг., судя по его мемуару, складывался следующим образом: Семипалатинск — поселок Купино (между Новосибирском и Омском) — районный центр Качири в Павлодарском районе (ныне село Теренколь) — село Щербакты — Павлодар.

В главе много бытовых деталей и почти нет «политики». Лишь когда повествование доходит до 1937 г., за рассказом начинается проглядывать крупный план: «Нам повезло, что я уехал из Павлодара, поскольку в середине 1937 года к маме пришли из НКВД, чтобы меня арестовать. В 1937 году в Советском Союзе началась большая волна арестов. Маму спросили, где я нахожусь, — и я помню, какой ответ на этот вопрос она дала: „Понятия не имею, где этот разбойник гуляет, попробуйте-ка его отыскать. Оставил меня тут вот с этим“ — и она показала на свой живот...» Как бы то ни было, повторного ареста семья Струве счастливо избежала. 3 октября 1937 г. в Павлодаре родилась их дочь Наталья.

Освобождение

Евгений Вильгельмович в тот момент был уже в Ленинграде. Он вспоминает, как летом 1938 г. его послали от института строить участок железной дороги Караганда–Магнитогорск. В августе он тайком заглянул в Павлодар, повидаться с женой и познакомиться с почти го-

довой дочкой. Окончательно Зоя Сергеевна вернулась из Казахстана в сентябре 1939 года. Она пишет: «После 6½ лет, проведенных в Азии, я наконец смогла вернуться в Ленинград. Дорога длилась 9 дней. 3 октября 1939 года я с двухлетней Наташей вернулась в родной город. Но радость была преждевременной. В Ленинграде мне жить не разрешили. Мне были запрещены 20 крупных городов. И, наверное, гораздо больше, ведь даже в таком маленьком городке, как Вишера, в 160 километрах от Ленинграда¹⁵, меня отказывались прописывать. Я скиталась как Агасфер, от одного места к другому». Как пишет Евгений Вильгельмович, Зоя то и дело нелегально ездил в Ленинград, останавливаясь на Васильевском острове, у матери. В феврале 1940 г. Зоя и Эня расписались. В марте того же года Эня закончил Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта и получил диплом.

Начало войны

День 22 июня 1941 г. застал молодую семью в Ленинграде. Евгений Вильгельмович вспоминает, что речь Молотова они слушали вместе. После этого Зоя сразу же уехала с Наташей по месту прописки¹⁶ — Эня проводил их на вокзал. Каждые две недели, продолжает Евгений Вильгельмович, он ездил по выходным к жене и дочери в область — привезти продуктов, которые в Ленинграде еще можно было добыть, отстояв вдвоем с братом Паулем очередь. Затем возвращался на Фонтанку к отцу, братьям и мачехе. Евгений Вильгельмович пишет,

15 В этом месте мемуары супругов не совпадают. Евгений Вильгельмович пишет, что Зою с Наташей все-таки прописали в Малой Вишере. Впрочем, далее он называет в качестве места, где они поселились, Волхов. Поскольку он не уточняет, что имеется в виду — поселок или город, — возникают трудности с определением места жительства. Но похоже, речь шла все-таки не о городе Волхов, а о об одном из поселков с этим названием. Подробнее об этом в следующей главе.

16 См. приказ начальника гарнизона Ленинграда «Об обеспечении общественного порядка и государственной безопасности в г. Ленинграде» от 27 июня 1941 г., согласно которому запрещался въезд в Ленинград без специального разрешения лицам, не прописанным в городе: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/265931>

что они с Паулем каждый день ожидали повестки. Но, «вероятно, поскольку мы оба были записаны в паспортах немцами», повестка так и не пришла. В воскресенье 17 августа 1941 г. Эня вышел из квартиры на Фонтанке, чтобы в очередной раз съездить к жене и дочери. Вернуться в Ленинград он уже не смог. Приближающийся фронт отрезал семью от города.

На линии фронта

В этой главе мемуара Евгений Вильгельмович вспоминает, как они с Зоей и четырехлетней Наташей мечутся вдоль линии фронта и как встречаются с немцами. Вначале семья хотела вернуться в Ленинград: «Мы опасались, что, если я из-за своего отсутствия не явлюсь по повестке, меня объявят дезертиром, и из-за меня пострадает отец и его близкие». Далее он называет причины, помешавшие возвращению: железнодорожное сообщение прервано, поезда идут только до станции Чудово, а туда идти семь километров. Они уже двинулись было в путь, но тут разразилась сильнейшая гроза, они долго пережидали в каком-то амбаре...

Где все это происходило? Сличая описание Евгения Вильгельмовича с картой нынешней Новгородской (тогда Ленинградской) области, могу предположить, что Струве находились в Чудовском районе, рядом с железнодорожной платформой Волхов, недалеко от места впадения в Волхов реки Полисть. Сегодня там расположен поселок Волхов Мост (бывшая Соснинская пристань). Осенью-зимой 1941 г. линия фронта проходила совсем близко.

В критический момент, пишет Евгений Вильгельмович, решение приняла Зоя: «Тут мама проявила энергию. Спокойно сказала мне: „Делай что хочешь. Я возвращаюсь в Волхов, буду пытаться спасти моего ребенка“. Мы двинулись назад. (Отойти успели уже достаточно далеко.) Наконец добрались до притока реки Волхов. Волхов представлял собой полуостров, нужно было пересечь приток, чтобы попасть в деревню. Там был только один наплавной мост, который был разобран. Поэтому добраться туда мы могли лишь на лодке, привязанной к краю наплавного моста. Лодка протекала. Мы сели в нее, и я попытал-

ся с помощью багра переправиться через приток — он был чуть шире, чем наш Окер¹⁷. Все это время мама вычерпывала воду, натекавшую в лодку. Когда мы с большим трудом достигли берега, лодка вдруг повернулась — я был никудышный лоцман — и стала дрейфовать в сторону огромного Волхова. Я в отчаянии выпрыгнул из лодки, вода доходила мне до подбородка, но мне удалось, сам не знаю как, вытащить лодку на берег. Продукты, которые мы уложили в наволочки и привязали к спинам, все промокли. Позже мы их высушили и использовали. Мама тут же побежала с Наташей к нашему дому, растопила русскую печь и уложила Наташу в тепло. Потом она помогла мне втащить в дом все, что мы привезли. Мы поели и улеглись на печь. Наташа крепко заснула между нами».

Далее семья остается в той же деревне, никуда не уходит. И вскоре появляются немцы. «Из старого дома мы переехали в другой, получше. Там было вдоволь яиц и молока. Мама доила коров, которые бродили с полным выменем, потому что доить их было некому. Все население разбежалось. Люди не ждали от немцев ничего хорошего, никто не хотел попасться им в руки. Я резал кур, так что еды нам хватало. На следующее утро я увидел на железнодорожной насыпи головной отряд (группу СС) немецких войск. Ими командовал молоденький офицер. Я подошел к нему и заговорил по-немецки. Он схватил меня за грудки: „Почему ты говоришь по-немецки?“ Ему было от силы 20, мне — 29 лет. Я описал ему наше положение, он не поверил, потребовал, чтобы я показал ему маму и Наташу. Увидев маму, тут же растаял. Мама заварила чаю, сделала яичницу, мы его покормили. Уходя, он был сама любезность. На следующий день появились регулярные войска вермахта, в том числе очень приятный офицер, примерно моего возраста. Он приказал нам взять с собой беженцев из Новгорода, которые выжидают в дальнем конце Волхова, и отправиться в уже занятые, более безопасные места. Он дал мне лошадь и повозку, так что Наташе не пришлось идти пешком. В сопровождении новгородских беженцев мы двинулись на запад. Наташа опять заболела, и мы остановились в Тюттицах, где задержались до моего ранения. Лошадь и повозку мы

17 Река в Нижней Саксонии, протекающая через Брауншвейг.

отдали беженцам. Больше я их не видел. Как они добрались до Новгорода и добрались ли вообще, не знаю».

В этом отрывке видна двойная оптика. С одной стороны, зафиксирован взгляд «населения»: немцы — враги, от которых нельзя ждать ничего хорошего; с другой стороны, взгляд свидетеля и очевидца, симпатизирующего немцам: это молодые приятные люди, которые гуманно ведут себя на занятых территориях. Они проявляют заботу о семье случайно встреченного немца, помогают беженцам вернуться в покинутые жилища. (В эти дни, во второй половине августа 1941 г., советская армия уже отступила из Новгорода, в город вошли немцы.) Таким образом, хотя Евгений Вильгельмович нигде не пишет прямо о том, что Струве ждали прихода немцев, описание не оставляет сомнений: немцев Эня и Зоя восприняли не как врагов, а как своих. Эта лояльность не выражена эксплицитно, она прочитывается между строк, о ней говорят факты, которые сообщает автор. Далее он рассказывает, что в Тютцах был зачислен в вермахт и стал работать переводчиком. Должен ли он был доказывать свою лояльность нацистскому режиму? Этих подробностей Евгений Вильгельмович не сообщает.

«Деревня Тютцы и гражданское население были в подчинении у немецкого команданта Хеннена. Бургомистр (староста) деревни тоже был фольксдойчем и хорошо говорил по-немецки. Но господин Хеннен назначил меня своим переводчиком. По причине немецкой национальности меня зачислили в вермахт, и отношение ко мне было как к солдату, что оказалось большим счастьем после того, как меня ранило». Обстоятельств своего ранения Евгений Вильгельмович не уточняет, лишь вспоминает, что, пока он был в госпитале, исполнять переводческие обязанности взялась Зоя. «После моего ранения мама стала переводить за меня. Тут пригодились и ее знания французского языка, благодаря которым она могла объясниться с солдатами Голубой дивизии». Добровольцы испанской Голубой дивизии (исп. División Azul,

нем. Blaue Division), как известно, воевали в это время на стороне вермахта¹⁸. Некоторое время испанцы действительно стояли в Тютцах¹⁹.

О времени после ранения Евгений Вильгельмович пишет так: «В Тютцах я оставался вплоть до 15 декабря 1941 года, до моего ранения. Затем меня перевезли в соседнюю деревню Березовка. Там меня оперировали испанские врачи. После этого отправили на главный перевязочный пункт в Новгороде. Там царили ужасные условия: тяжелораненные, и я в том числе, лежали на полу большого грязного помещения, полного вшей и клопов. За испанцами ухаживали испанские врачи. О немцах, в том числе обо мне, хлопотал немецкий пастор. Он добился того, чтобы меня перевезли в немецкий госпиталь в Шлейевичи».

Что касается названий «Березовка» и «Шлейевичи», то тут память, очевидно, подвела автора. В трех километрах от Тютц расположено село Подберезье — там стояли испанцы²⁰, и, возможно, именно в Подберезье состоялась операция, которую проводил испанский врач. Эпизод в госпитале — папу ранило, он зовет ее, она его не узнает — впечатался в память Натальи. А вот где находился «немецкий госпиталь», пока не известно. Населенного пункта с названием Шлейевичи (в оригинале: Schlejewitschi) не существует. Рабочая гипотеза: возможно, госпиталь находился в селе Славковичи в Псковской области. Там раненый оставался до конца января 1941 г., пока его не перевезли в

18 См., напр.: «В начале октября 1941 года первые испанские подразделения прибыли на Волхов и озеро Ильмень. Они заняли позиции севернее и южнее Новгорода, где приняли участие в наступлении октября-ноября 1941 г., форсировав Волхов» (Бэйда / Нуньес Сейшас 2021: 40).

19 Например, деревня упоминается в воспоминаниях одной из жительниц (Ковалев 2015: 21)

20 «По обе стороны Ленинградского шоссе, по направлению к столице, был расположен ряд сел. И очень трудно провести границу, где начинается одно и заканчивается другое. Наконец после доброго часа езды прибыли в село Подберезье или, как испанцы его окрестили, Побереха. <...> в самом Подберезье мы не должны засиживаться. Это, как говорил бригада, наша штаб-квартира; нам же надлежит рыскать по окрестностям, вылавливая партизан и агентов Совета» (Бэйда / Нуньес Сейшас 2021: 140–141).

другой госпиталь, в городе Дно, тоже в Псковской области. Эту версию предстоит проверить.

«Назад в рейх»

И, наконец, ключевой эпизод. Пока Эня лежит в госпитале, Зою вызывают и предлагают «вернуться» в Германию. «Однажды маму вызвали в контору вермахта по переселению²¹ и спросили, не хотим ли мы вернуться назад в рейх²². Что значит вернуться назад? Мы никогда не бывали в рейхе. Мама тут же ответила согласием. Она пришла и с гордостью рассказала о наших новых возможностях. И что я сделал? Осыпал ее упреками. „Что я буду делать в Германии? Моей инженерной квалификации там точно не хватит“. Маму не смутили мои сомнения. Обиженная моими упреками, она ответила: „Ничего, ты как-нибудь справишься“».

В целом о «военной» главе можно сказать следующее. Она выделяется на фоне прочих заметным нарушением логических связей. В тексте много противоречий и умолчаний, которые автор не пытается устранить или объяснить. Евгений Вильгельмович пишет, что местные жители бежали, опасаясь наступления немцев, — и не объясняет, почему они с Зоей не последовали за ними. Упоминает о дурной репутации наступающей армии — но изображает реальных немцев достойными людьми. Перечисляет обстоятельства, не позволившие им вернуться в город, — и не упоминает крайне существенной детали: Зое нельзя в Ленинград. Если она вернется, ее арестуют. Сообщает, что его приняли в вермахт и относились к нему как к солдату, потому и лечили в госпитале — но не уточняет, как это случилось и что для этого потребовалось. Евгений Вильгельмович обращается к близким, он не старается обработать и причесать текст. Эта непричесанность, противоречивость мемуара, на мой взгляд, и составляет его особую

21 В оригинале „Umsiedlungsstelle“.

22 В оригинале „Zurück ins Reich“. Это выражение имело программное значение: имелся в виду целый комплекс мероприятий по переселению этнических немцев, фольксдойче, в Германию. Об этом см., напр.: Leniger 2006.

ценность. Автор, уже очень пожилой человек, пишет из дальней перспективы и знает, что все кончится благополучно — семья выберется из пекла, уцелеет, начнет новую жизнь в ФРГ. Но эта дальняя перспектива почти нигде не заявлена, отец словно заново погружает себя и своих читательниц, дочерей, в самую гущу событий, где в каждой точке открыт весь пучок возможностей. Такое письмо передает лихорадочное состояние человека, который еще не знает, что будет дальше. Он бежит, выбирая между двух зол. Ему нужно выжить, спасти себя и семью.

Столь же противоречивы и пассажи, где автор пытается выйти на уровень обобщений: «В то время мы еще верили в победу Германии, лишь немногие, по-настоящему посвященные люди, понимали, что войну не выиграть. Но люди верили в то, что, когда Германия перестанет быть опасной, Запад нанесет удар по другой диктатуре — советской; что в России начнется другая жизнь, более свободная и вольготная. В это верил и я, когда осыпал Зою упреками. Мы не могли вернуться в Советский Союз. Нас тут же поставят к стенке и расстреляют. Что будет с нашей Наташей? Мама, как всегда, была права. Она куда лучше умела предвидеть будущее».

В Риге²³

Евгений Вильгельмович пишет, что их втроем перевезли сначала в Дно, а затем, с военного аэродрома Гривочки, в Ригу: «Время до середины марта <1942 г.> мы провели в Дно²⁴, откуда „Ju 52“ перевез нас в военный госпиталь в Риге. Нам дали комнату на троих. Там меня держали до выздоровления, после чего выписали. Мы получили квартиру, обставленную мебелью, но кишачую вшами и клопами. Как у нас хватало денег на жизнь, остается маминым секретом. Я получил немного денег от вермахта и искал работу в немецких конторах. Однажды к

23 Благодарю за консультации Яну Макарову, независимого исследователя из Риги.

24 15 декабря 1941 года Евгений Струве был ранен; в Дно действительно находился военный лазарет.

нам пришел курьер и вызвал меня в управление СС, отвечающее за переселение этнических немцев. Я предстал перед офицером вооруженных сил СС. Он был приятен и дружелюбен. Рядом с ним сидел некий господин Мерц, представитель компании „Рейхswerке Герман Геринг“. Мне задали вопрос, откуда я, чем занимался и каковы мои планы. „Прежде всего, я хочу найти работу и начать зарабатывать деньги“, — ответил я. „За этим мы вас сюда и вызвали“, — был ответ. Мне предложили поехать в Германию и работать недалеко от Брауншвейга — ни о каком Брауншвейге я тогда не имел ни малейшего понятия — на заводах Рейхswerке. Я сразу же согласился. Через два дня документы и билеты были готовы — на этот раз нам не пришлось оплачивать все самим²⁵. Нам выдали деньги, на которые мы через Варшаву, Берлин и Халле отправились в Германию, в лагерь для переселенцев в Бад-Лаутерберге».

Так советский инженер Евгений Струве стал сотрудником одного из ведущих предприятий военно-промышленного комплекса Германии — «Рейхswerке Герман Гёринг» по добыче угля и железной руды.²⁶

Тетя Ева

Итак, очень скоро семья за казенный счет отправилась в путь. Оказавшись в Берлине, они воспользовались возможностью заглянуть в район Штеглиц, на Груневальдштрассе 6а, где жила тетя Ева, — та самая, что двадцать лет назад хлопотала об устройстве своего племянника, астронома Отто. Сейчас она с неменьшим энтузиазмом принялась помогать инженеру Эне и его семье.

²⁵ Имеется в виду прежний ссыльный опыт.

²⁶ Об истории концерна, основанного в 1937 г. по инициативе Г. Геринга для подготовки к войне, см., напр.: Wysocki (1992).

Натурализация

В июне 1942 г. они прибыли в лагерь для переселенцев в Бад-Лаутерберге. На фотографии — обритый ребенок с настороженным взглядом волчка. Это Наташа. Время в лагере она вспоминает как самое несчастное время жизни. Вокруг все чужое. Родители перешли на немецкий язык.

Об их натурализации Евгений Вильгельмович пишет так: «10 апреля 1943 года нас вызвали в Литцманштадт (Лодзь) для решения вопроса гражданства²⁷. Когда мы туда прибыли, несколько офицеров SS подвергли нас осмотру. „Вам раздеваться не нужно, по вам и так видно, что вы ариец“. Маме, несмотря на девятый месяц беременности, пришлось раздеться до нижней сорочки. Во мне все кипело, но я боялся что-то сказать. Мама тем временем меня успокаивала. Затем ей разрешили одеться. Зачем нужно было это оголение, мы так и не поняли. Если бы речь шла о мужчине, это еще можно было бы понять, но женщина? Нам разрешили ехать домой. Получили ли мы гражданство, нам так и не сказали».

Через неделю, 18 апреля 1943 г., родилась Ирена. Вскоре они получили свидетельство о гражданстве, а кроме того, Евгению пришла повестка. Как пострадавшего от ранения его призывали в резервные войска вермахта. Однако предприятие «Рейхсверке Герман Гёринг» выдало ему бронь как незаменимому специалисту, и воевать Евгению Вильгельмовичу не пришлось.

Безработный

Работа на «Рейхсверке» продлилась до конца 1948 года. К тому времени уже полным ходом шел демонтаж предприятия, начатый британскими оккупационными властями. Незадолго до Рождества

27 С осени 1940 г. в Литцманштадте (Лодзи) находилось ведомство по делам фольксдойче, Einwandererzentrale. Вопросы, связанные с гражданством, решались в этом ведомстве после прохождения комиссии, которую и описывает автор мемуара.

1948-го — поворотного года, когда в Западной Германии провели денежную реформу, стимулировавшую переход на новые экономические рельсы, — Евгений получил уведомление, что «ввиду реорганизации предприятия, последовавшей за денежной реформой», трудовой договор с ним расторгается²⁸. Для человека из рода Струве, с их культом труда, трудно представить себе большее унижение, чем остаться без работы²⁹. Евгений попытался было открыть свое инженерное бюро, но дело не пошло. Пришлось заполнять анкеты на бирже занятости. Они сохранились в семейном архиве, равно как и многочисленные автобиографии, переписанные от руки: «Я, Ойген Струве...». Обращает на себя внимание осторожность формулировок, которые автор, он же герой этих жизнеописаний, выбирает для рассказа о резких поворотах судьбы. О ссылке в Казахстан: «<...> в 1933 году мне пришлось прервать учебу <...>»; о переселении в рейх: «<...> в 1942 году состоялся мой переезд в Германию <...>». Послевоенная реальность в побежденной стране не располагала к откровенности. Канцелярский язык помогал ретушировать сложное прошлое.

Рекомендация американца

В какой-то момент Струве задумались об эмиграции в США и обратились к знаменитому «Отто-американцу». В добывании рекомендации приняла живейшее участие тетя Ева. Письма из Америки долго ждали, и наконец оно пришло (см. Пролог). Нужно понимать, что Отто Струве писал о родственнике, которого он если и помнил по Харькову, то совсем еще малышом, маленьким ребенком. О профессиональных достижениях Евгения как инженера Отто Людвигович мало что знал и вряд ли мог в этом разобраться. В своей рекомендации он сделал упор на биографических обстоятельствах — аресте и ссылке, — не уточняя деталей. И конечно, Отто Людвигович не мог не вспомнить о двоюрод-

²⁸ Это письмо есть в семейной папке.

²⁹ «Мы Струве не можем жить в радости без постоянного труда, ибо с ранней молодости на себе убедились в том, что труд есть полезнейшая и наилучшая отрада человеческой жизни», — наставлял сына Василия основатель династии Яков Струве. Цит. по: Балышев 2008: 6.

ном брате, оставшемся в Ленинграде. Но Евгению рекомендация «американца» не понравилась, показалась бессодержательной отпиской. Наталья вспоминает, как ребенком просила о чуде: пусть папа найдет работу. Помогло экономическое чудо, работа нашлась. Они остались в ФРГ.

Письмо из Америки

В семейном архиве сохранилось еще одно письмо, пришедшее из Америки. Оно датировано 15 марта 1947 г., отправлено из Йеркской обсерватории. На конверте стоит штамп британской военной цензуры. Письмо написано по-немецки, карандашом. Написала его Елизавета Христофоровна, мать Отто Струве. Сын в это время уже был директором обсерватории, в которую его четверть века назад взяли на скромную должность ассистента. Тетя Лизбет писала: «Тетя Ева давеча упомянула, что вы не имеете от ваших никаких известий, и мне пришлось передать ей все те грустные новости, какие мы узнали из письма, полученного в марте 1946 года. Я думала, вы все это уже знаете. Привожу интересующий Тебя фрагмент письма». Далее Елизавета Христофоровна переходит на русский, цитируя фрагмент из письма родственника (возможно, своего сына Отто): «Во время блокады умер твой племянник и мой дорогой двоюродный брат В. А. Струве и два его старших сына. Его жена Л. Я. Струве и его младший сын остались в живых. Умерла также Э<лла> А<льфредовна> Струве, сестра же Эм<илия> А<льфредовна> Струве была эвакуирована в Алма-Ату, где работает по специальности».

В скорбном перечне умерших есть ошибка. Двое сыновей Вильгельма Альфредовича — Эня и Вилли — остались живы. Умер средний сын Пауль. О блокадной смерти Пауля и самого Вильгельма Альфредовича повествует другое семейное письмо.

Письмо из Ленинграда

Это письмо написано через 20 лет и 2 дня после объявления войны, оно датировано 24 июня 1961 года. Его писала та самая «баба Лида», мачеха Эни, о которой до сих пор с теплым чувством вспоминает Наталья. Письмо находится в семейной папке, то есть оно дошло из Ленинграда до Брауншвейга, где жили в то время Евгений и Зоя Струве. (Наталья вспоминает, что корреспонденция шла через Швецию.) Лидия Яковлевна подробно описывала, что происходило с семьей после того, как Эня уехал к жене и дочери, и они потеряли с ними связь. Несмотря на временную дистанцию, сохранены все детали; сильно и страшно действуют внезапные переходы из прошедшего времени в настоящее. Дистанция в эти моменты резко сокращается, мы становимся очевидцами сцены. Из письма мы узнаём, что происходило в смертную блокадную зиму и первую блокадную весну в квартире 2 на Фонтанке 15 — там, куда в 1933 г. приходило ОГПУ и откуда Эня вышел 17 августа 1941 г., чтобы ехать к Зое и Наташе.

Небольшие необходимые пояснения: папа — это Вильгельм Альфредович, отец Эни; тетя Элла — Элла Альфредовна, сестра Вильгельма; Пувочка — Пауль, средний сын Вильгельма Альфредовича; В. — Вилли, его младший сын; Тусенька и Ирочка — Наталья и Ирена, дочери Эни; малыш Оли — Оливер, Наташин сын. Письмо написано по-русски. Орфография и пунктуация даются без изменений. Текст привожу с сокращениями. В будущем хотелось бы опубликовать это печальное свидетельство целиком, чтобы оно вошло в корпус блокадных текстов.

24/VI 61 Написала как умела, все от чистого сердца.

Дорогие мои Зоя и Эня!

Прежде всего сердечно Вас благодарю за то внимание, которое Вы ко мне проявляете. Кофточка, которую Вы мне прислали — чудесная и мне как раз, я о такой именно мечтала. Ваши деньги помогли мне расплатиться с долгами, а также теперь я отремонтирую свою комнату, кот<орая> очень запущена, я купила уже обои. Так-

же огромное спасибо за деньги, которые явились для меня очень большой поддержкой, спасибо Вам, что не забыли меня. Как странно в этот день понедельник 19/VI и накануне в воскресенье я была у папы на кладбище и сажала цветы, маргаритки и анютины глазки, и очень много плакала и жаловалась ему на свое одиночество. <...>

Теперь я, пользуясь возможностью, напишу Вам о нашей жизни, после того как Ты Энечка нас оставил. 17 августа 1941 г. ты поехал к Зое, мы очень сильно переживали твое отсутствие, на 5-ый день мы решили, что Вас никого нет в живых, с этих пор у папы частенько бывали сердечные припадки, он очень часто плакал вспоминая о всех Вас. Пувочка в это время окончил институт и стал готовиться к защите диплома, потом его направили на оборонные работы 25 км каждый день, а продуктов у нас становилось все меньше и меньше... Пувочка на глазах худеет и бледнеет... Приходит однажды тетя Элла, приводит с собой свою собаку «Тэфи» сибирскую лайку и со слезами умоляет поменять наших двух кошек на Тэфи, чтобы убить и скушать, забирает в мешок кошек и уходит, а на другой день наши (когда я ушла из дома) освеживали собаку и мне пришлось ее зажарить на ее собственном жиру и так наши продержались еще 10 дней. Я есть собаку да еще знакомую не могла. <...>

Наступило папино рождение 6 дек<абря> 41 г., у нас еще были сухари, кофе и скудный паек, который нам выдавали. Тетя Элла в этот день принесла 2 кошачьи лапки красиво украшенные бумагой, как будто — телятина, В. принес из училища несколько банок консервов и папиросы, подозрительно посмотрел на кошачьи лапки и не стал есть, я съела кусочек — очень, очень сухая телятина, не чета собачины. 10/X 41 г. В. с училищем эвакуируется в Астрахань. Теперь мы остались втроем без света, без воды и в середине декабря слёг папа. Пувочка выглядел ужасно, я насильно повела его в больницу и ему немедленно выдали бюллетень. Т<аким> о<бразом> у меня появилось двое лежащих больных. Кабинет мы закрыли и все трое поместились в столовой. У нас в столовой была маленькая чугунка из которой я готовила и обогревала нас, пока ее топи-

ла. Мы жили одни, нас никто не навещал. Дров у нас не было но были вещи (в кухне буфет, табуреты, стулья и т. д. кот<орые> я пилкой распиливала и колола на мелкие щепки. Воды не было мы все ходили на Неву с ведрами и несли домой воду. Продукты которые я приносила Папа и Пува делили и взвешивали на наших маленьких весах, и хитростью старались подсунуть мне лишний кусочек хлеба. Наступил канун нового 42 года. Становилось жить все хуже и хуже. В канун нового года у меня оставалось очень мало сухарей, несколько мороженных картошек и случайно я нашла залежавшуюся бутылку шампанского, каждый из нас в эту ночь чокаясь выразил желание. Папа сказал, что с удовольствием поел бы хорошей горячей картошки, Пувочка мечтал о пирожном «буше», у меня же было желание съесть франц<узскую> булку с сыром и конечно горячие пожелания о скорейшем окончании войны. Наступил январь 42 г. В конце января мы получили телеграмму от В. где он писал, что отчислен из училища за национальность. В Ленинграде к нам его не пустили и он отправился к одному из своих товарищей в Башкирии. Товарищи и друзья собрали ему небольшую сумму денег и он кое-как пробавлялся. Это был второй ужасный удар для нас и для папы в особенности. Во время бомбежки и обстрела, мы бежали из наших комнат и прятались в ванне, к счастью в нашу квартиру не попало ни одного снаряда. Когда утром я уходила в очередь, наши оставались с грелками у ног и рук и терпеливо ожидали моего возвращения. По утрам вся наша лестница и двор были полны трупами, буквально по трупам приходилось выходить на улицу. Брала я с собой вещи, которые на рынке старалась обменять на продукты. Так на свое кольцо я получила 200 гр. хлеба, 1 кг конины. Я б. ч.³⁰ продавала свои вещи. Если ты помнишь у нас на парадной лестнице жил доктор Барский, так он за 4 концентрата ячневой каши взял с меня дюжину столовых серебряных ложек и т. д. Но были дни когда ничего не удавалось обменять, я теряла самообладание и приходила в полное отчаяние, моля Бога о смерти и только сознание долга перед своими заставляло меня бороться. В

30 Наверное, имеется в виду «без числа».

феврале умирает тетя Элла, в марте моя тетя и тетя Клара. Однажды в марте м<еся>це пришел гражданин с фронта, ему кто-то сказал что у нас есть часы. Он предложил нам банку америк<анского> лярда, мы отдали часы и после его ухода вскрыли банку, там оказалась вместо жира какая-то гадость, при всем нашем голоде, нам пришлось выбросить эту гадость. В конце марта 42 г. к нам пришел Яковенко, ты его помнишь это Лялин муж, он ведь и раньше был известен как нечестный человек, но нам и в голову не могло прийти что он может обокрасть своих близких... И так он забрал самые ценные вещи: папины золотые часы, всё серебро, папин бостонский костюм, новые ботинки, все мои ценные вещи и сказал, что на них принесет нам продуктов на 20 000 рублей. Конечно мы не видели ни продуктов, ни вещей. Однажды когда я к ним пришла, мне открыл двери один инженер, кот <орый> жил в их квартире и сказал мне. Не ходите зря, все уже продано и съедено. Пувочка пролежав 3 мес<яца>, лишился зарплаты и был переведен на пенсию в 160 р<ублей>. Папа имел столько же. <...> Накануне 7 апреля, я вернулась домой раньше обыкновенного, мы поели и я стала им читать роман «Вешние воды» Тургенева. Эта книга и сейчас лежит передо мной и они с удовольствием слушали, вдруг Пувочка мне говорит: помнишь мама, когда мы были маленькими, как хорошо было, но теперь я наверное не поправлюсь и не встану. В этот день мы улеглись раньше обыкновенного, в 7 ч<асов> у<тра> 7-го апреля я вышла из дома раньше обыкновенного, в 8 ч<асов> я вернулась в 12 ч<асов> д<ня> стала растапливать чугунок, поставила кофе и спросила Пувочку, как он себя чувствует, он был закрыт с головой и ничего мне не ответил. Я спрашиваю папу, почему П. не отвечает, папа говорит: и на меня он сердится и не хочет говорить со мной. Тогда я подхожу к П. открываю одеяло и вижу, что он шевелит губами и в глазах стоят крупные слёзы. Я говорю папе: встань и прости с П. он умирает. Я помогла папе встать, он подошел к П, поцеловал его и тут же упал и потерял сознание, я с одной женщиной подняли его и положили на кровать. П. впрыснули камфору, положили грелки к рукам и ногам, но через 2 часа П. не приходя в сознание тихо скончался. 3 дня П. лежал в детской на

столе. (В то время трупы не разлагались т. к. у них не было жиру, папа после смерти также лежал 10 дней дома). На третий день папа окончательно пришел в себя и громко спросил где Пува? Я сказала, что он лежит в детской, тогда папа заплакал и сказал, чтобы немедленно его убрать т. к. его уже нет. Я зашила Пувочку в пикейное одеяло и дворник на тележке свез его на Волково кладбище в общую могилу. Я не могла оставить папу³¹. Этот третий ужасный удар очень сильно подточил папино здоровье и он много дней лежал в полной прострации, кушал машинально ни на что не реагировал, даже на уколы, которые ему делали каждый день. К маю м<еся>цу папа стал постепенно поправляться, особенно ему стало лучше, когда мы получили телеграмму от В. что временно он поселился у Влади в Алма-Ата он как-то повеселел и теперь уже определенно стал поправляться, погода стояла чудесная налеты стали реже, с продуктами стало легче, папа стал не такой печальный и очень ласков со мной 13/V 42 г. папа мне говорит: давай-ка завтра 14/V откроем спальню и переберемся туда, будет повеселее (он уже начал немного вставать), а сегодня ляжем пораньше, а завтра не ходи никуда. Легли мы в 10 ч<асов> в<ечера>, а в 2 ч<аса> я проснулась от каких-то странных звуков, я вскочила, зажгла лампу, подошла к постели папы, он уже был в агонии, несмотря на принятые меры около 6 ч<асов> утра 14 мая, папа скончался, П. он пережил на месяц и 7 дней. Папа лежал дома 10 дней, я с ним говорила как с живым. Я совсем застыла ни единая слеза не скатилась из моих глаз, в блокаду так было со многими м<ожет> б<ыть> это окаменелое состояние меня спасло. Через 10 дней мне с трудом удалось достать человека, который сделал гроб и мне удалось похоронить его «по-человечески» на Волковом кладбище, поставили ему раковину и хороший железный крест. На этом заканчивается и самая страшная часть наших испытаний. В нашей квартире никого. Проститься с папой пришла моя сестра, Пушкарева Е. И. (Н. И. Пушкарев умер раньше папы). Трое посторонних людей помогли поставить гроб на тачку и мы двинулись в путь, все дошли до угла Фонтанки

31 Это предложение приписано сверху.

и Невского, дальше никто не пошел т. к. все были очень слабы в последний путь проводила папу я одна. <...>

Эничка, посылаю тебе папины черные часы, но к сожалению в них лопнула пружинка, а у нас нет такой, м<ожет> б<ыть> ты вставишь ее. Гл<авным> обр<азом> это просто на память о папе, еще малышу Оли посылаю наш городской автобус, у Вас наверное таких нет!? Девочкам же Тусиньке и Ирочке не знаю что и послать, у Вас наверное всё есть. Посылаю Вам также папу с тремя сыновьями и мою фото, снятую для паспорта 3 г<ода> тому назад, сейчас я совсем дряхлая. Не судите меня за мое длинное письмо, но мне так хотелось поделиться с Вами своими воспоминаниями. <...>

Литература

- Абалакин В. К. и др. [б. д.]: Династия астрономов из рода Струве. http://www.gaoran.ru/personal/chubey/struve_dyn.pdf (16.06.2023).
- Балышев М. А. (2008): Отто Людвигович Струве. 1897–1963. М.: Наука.
- Бэйда О.; Нуньес Сейшас Ш. (ред.) (2021): Испанская грусть. Голубая дивизия и поход в Россию. 1941–1942: воспоминания В. И. Ковалевского. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Ковалев Б. Н. (2015): Воспоминания мирного русского населения о военнотружущих «Голубой дивизии» (1941–1943 гг.) // Вестник Новгородского государственного университета. № 87. Ч. 2. С. 20–23.
- Московченко Н. Я. [б. д.]: Альфред Оттович Струве и его дети. [Биогр. справка.] — Не опубл.
- Невская Н. И. (1994): Забытые страницы истории Пулковской обсерватории // Репрессированная наука. Вып. 2. СПб.: Наука. С. 140–144.
- Остерброк Д.; Гурштейн А. А. (2001): Последний из могикиан: Отто Людвигович Струве // Российская научная эмиграция. Двадцать портретов. М: Эдиториал УРСС. С. 11–27.
- Ульянов Н. П. (1998): Судьбы учителей Петришуле (20–30-е годы XX в.) // Немцы в России: люди и судьбы. СПб.: Дмитрий Булакин. С. 196–209.

Балишев М. А. (2021): Астроном Людвіг Оттович Струве (1858–1920): Наукова біографія // Наука та наукознавство. № 3. С. 76–102.

Leniger M. (2006): Nationalsozialistische Volkstumsarbeit und Umsiedlungspolitik 1933–1945. Berlin: Frank & Timme.

McCutcheon R. A. (1991): The 1936–1937 Purge of Soviet Astronomers // Slavic Review. Vol. 50, No. 1. P. 100–117.

Struve O. (1959): A Footnote to History // Science. New Series. Vol. 129. P. 60.

Wysocki G. (1992): Arbeit für den Krieg. Herrschaftsmechanismen in der Rüstungsindustrie des „Dritten Reiches“. Arbeitseinsatz, Sozialpolitik und staatspolizeiliche Repression bei den Reichswerken „Hermann Göring“ im Salzgitter-Gebiet 1937/38 bis 1945. Braunschweig: Steinweg.

Источники из семейного архива Н. Е. Струве

Рекомендательное письмо астрофизика О. Струве 1 авг. 1949 г.

Биографическая справка «Альфред Оттович Струве и его дети», составленная Н. Я. Московченко

Воспоминания Е. В. Струве, написанные им в 2000 г. для дочерей

Заметки З. С. Угрюмовой, б. д.

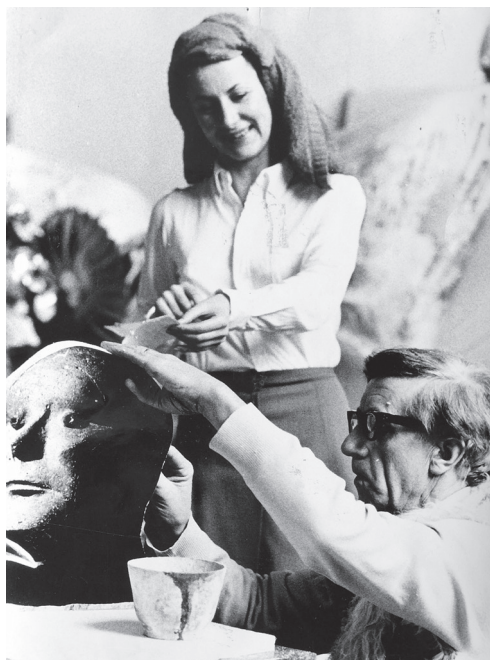
Копии из архивного уголовного дела в отношении Е. В. Струве и З. С. Угрюмовой, присланные Н. Е. Струве в Берлин из управления ФСБ по СПб и Ленинградской области

Письмо Е. Х. Струве от 15 марта 1947 г., адресованное Е. В. Струве

Письмо Л. Я. Струве, уржд. Барковой от 24 июня 1961 г., адресованное Е. В. Струве и З. С. Струве (Угрюмовой)

Все фотографии публикуются с разрешения наследников и правообладателей.

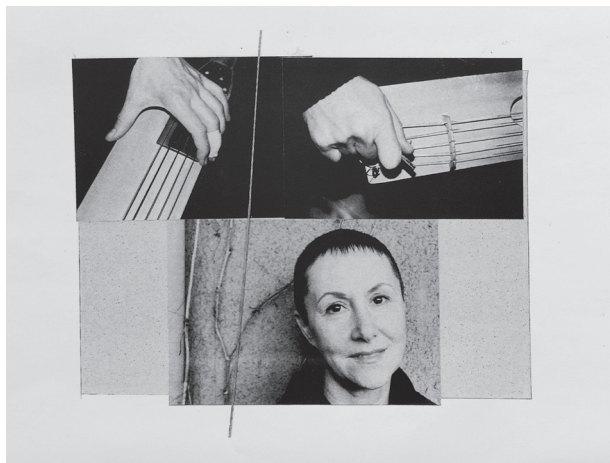
Иллюстрации



Илл. 1

Скульптор Б. Хайлигер лепит голову актера Э. Шредера,
Н. Струве читает «Эндишпиль» С. Беккета.
Берлин, ок. 1973 г.

© Deidi von Schaewen



Илл. 2

Н. Е. Струве. Берлин, 1982 г.



Илл. 3

Е. В. и Н. Е. Струве. Брауншвейг, 2008 г.

THE W. J. McDONALD OBSERVATORY
OF
THE UNIVERSITY OF TEXAS
FORT DAVIS, TEXAS

OPERATED JOINTLY BY
THE UNIVERSITY OF CHICAGO AND
THE UNIVERSITY OF TEXAS

August 1, 1949.

To Whom It May Concern;

This is to introduce Mr. Eugene Struve, who was born in Russia, and whose father was a distinguished engineer and railroad executive in that country. It is my understanding that the elder Mr. Struve (a cousin of the present writer) died in the Soviet Union as the result of privations during the siege of Leningrad; and that his son, Eugene, left the country of his birth because of the intolerable persecution of the communists. He is now living in Germany and has done some work in the field of bridge construction.



Otto Struve
(Chairman)

Demjenigen, den es angehen könnte :

Dieses ist eine Empfehlung für Herrn Eugen Struve, der in Russland geboren ist, und dessen Vater ein hervorragender Ingenieur und Eisenbahner in jenem Lande war. Es ist mir bekannt, dass der ältere Herr Struve (Vetter des Schreibenden dieser Zeilen) an den Folgen der Entbehrungen während der Belagerung von Leningrad in der Sowjet-Union gestorben ist, und dass sein Sohn, Eugen, sein Heimatland verlassen hat wegen der unerträglichen Verfolgung durch die Kommunisten. Er lebt gegenwärtig in Deutschland und hat dort auf dem Gebiete des Brückenbaues gearbeitet.

Otto Struve
(Präsident, resp. Vorsitzender)

Илл. 4

Рекомендательное письмо О. Л. Струве от 1 августа 1949 г.



Илл. 5

В. А. Струве. Швейцария, Ароза, 1906 г.



Илл. 6

Дети астронома Л. О. Струве. Сидят Вернер, Элизабет, Ядвига,
стоит Отто Струве. Харьков, 1910-е гг.



Илл. 7

*Дети инженера В. А. Струве. Сидят Евгений и Пауль,
стоит Вилли Струве. Ленинград, конец 1920-х гг.*



Илл. 8

З. С. Угрюмова. Ленинград, незадолго до высылки в Казахстан.



Илл. 9

3. С. Угрюмова и Е. В. Струве в селе Качиры. 1935/1936 г.



Илл. 10

*Бритая девочка справа от женщины с младенцем на руках — пятилетняя
Н. Е. Струве в лагере для беженцев в Бад-Лаутерберге. 1942 г.*



Илл. 11

*З. С. Струве (Угрюмова) с дочерью Натальей вскоре после прибытия в Германию.
Ок. 1942 г.*



Илл. 12

*Н. Е. Струве, З. С. Струве (Угрюмова), И. Е. Струве, Е. В. Струве, Оливер.
Брауншвейг, 1960 г.*



Илл. 13

Л. Я. Струве (Баркова) с дочерью В. В. Струве. Ленинград, конец 1960-х гг.



ОФИЦИАЛЬНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО
о присвоении имени
малой планеты

Институт теоретической астрономии
Российской Академии наук (ИТА РАН),
возглавляющий в России работы по изучению и каталогизации
малых планет Солнечной Системы,
от имени Международного Астрономического Союза (МАС)
настоящим свидетельствует,
что малая планета,
зарегистрированная в международном каталоге малых планет
под № 768 и имевшая ранее предварительное обозначение 1913 SZ,
получила имя

STRUVEANA

в честь

**Фридриха Георга Вильгельма Струве, Отто Вильгельма
Струве и Германа Струве**

Официальное сообщение МАС

(768) Struveana = 1913 SZ
Discovered 1913 Oct. 4 by G. Neujmin
at Simeis.

In honor of Friedrich Georg Wilhelm
Struve (1793-1864), Otto Wilhelm Struve
(1819-1905), directors of the Observatory
at Pulkovo and famous for their studies in
double stars, and Hermann Struve (1854-
1920), director of the Königsberg and
Berlin Observatories.

Observatoire Central Nicolas Poulkovo
Circulaire XV, 1916.

Обоснование названия на русском языке

Малая планета 768 Струвеана
открыта 4 октября 1913 г.
Г.Н.Неуйминым в Симеизе.

Названа в честь Фридриха Георга
Вильгельма Струве (1793-1864), Отто
Вильгельма Струве (1819-1905),
директоров Пулковской обсерватории,
известных по их исследованиям
двойных звезд, и Германа Струве (1854-
1920), директора Кенигсбергской и
Берлинской обсерваторий.

Санкт-Петербург
17 ноября 1994 г.



Директор ИТА РАН

А. Г. Сокольский

Илл. 14

Официальное свидетельство о присвоении имени Struveana малой планете.
Санкт-Петербург, 17 ноября 1994 г.

(Вне)литературный быт

Илья Кукуй

Очерки народной жизни: из практики советского адвоката

Публикуемый ниже очерк «Поселок Луза Кировской области» принадлежит перу моего деда, юриста Владимира Яковлевича Ионаса (1900–1988). В 1941 г. Ионас ушел на Ленинградский фронт ополченцем¹; после ранения в январе 1942 г. и семимесячного пребывания в госпитале он был демобилизован и поехал к семье — жене и двум сыновьям, которые с февраля 1942 г. жили в эвакуации в городе Лальске Кировской области². Младший сын Виктор в августе 1942 г. — по-видимому, еще до приезда отца — умер от туберкулезного менингита. Сначала Ионас работал в Лальске учителем немецкого языка в средней школе³, а затем, до возвращения в Ленинград в 1944 г., адвокатом в поселке

-
- 1 Его «психологический очерк» «1941 год. Военная хроника» (1942), как и другие произведения (авто)биографического и философского характера, в настоящее время готовятся к публикации.
 - 2 Статус города Лальск потерял еще в 1927 г., однако, по-видимому, в начале 1940-х все еще воспринимался как город: Ионас именует его исключительно так.
 - 3 В 1908–1917 гг. Ионас учился в немецкой St. Katharinen-Schule в Петербурге/Петрограде. В конце 1917 г. класс, в котором учился Ионас, принял участие во всеобщей забастовке государственных служащих против узурпации власти большевиками, не вышел на занятия и был распущен; ученики были приняты обратно под условием обязательства не участвовать в политической деятельности. Ионас вместе с пятью другими учениками не подписал это обязательство и был отчислен; весной 1918 г. он окончил петроградскую гимназию К. И. Мая. См.: Ионас В. Я. Немецкая школа / Подгот. текста, коммент. Н. В. Скворцовой // История Петербурга. 2006. № 1. С. 75–79; № 2. С. 27–35; № 3. С. 32–35.

Луза. К этому времени — 1943–1944 гг. — и относятся публикуемые заметки.

Юристом Ионас стал отчасти вынужденно. В 1918 г. после окончания гимназии он поступил на историко-филологический факультет, а в 1919 г. перевелся на философское отделение, где учился в семинаре Н. О. Лосского. После слияния юридического, историко-филологического и восточного факультетов в факультет общественных наук и фактического свертывания философского образования Ионас учился на правовом отделении нового факультета, которое окончил в 1924 году. Вступив в Ленинградскую губернскую коллегия защитников в 1925 г., Ионас работал юрисконсультom в различных советских учреждениях, с 1931 г. — в текстильной промышленности. Войну он встретил в должности начальника претензионно-правового отдела Прядильно-ниточного комбината им. С. М. Кирова.

Всю свою сознательную и профессиональную жизнь Ионас, принадлежа по происхождению к ассимилированной еврейской интеллигенции, провел в Ленинграде. По долгу службы он, безусловно, сталкивался с «простыми» людьми, не входившими в его круг, однако о народной жизни имел, скорее всего, весьма отдаленное представление⁴. Недолгое пребывание на фронте, лечение в госпитале и особенно двухгодичное пребывание в Лузе, очевидно, существенно расширили его кругозор в этом отношении. Очерк «Поселок Луза Кировской области» дает нам возможность ознакомиться с результатами этого своеобразного «хождения в народ».

Позиция рассказчика во многом близка тургеневскому охотнику: это включенный в действие наблюдатель, оценивающий происходя-

4 Редкие упоминания о «встречах с народом» в записках Ионаса носят краткий и достаточно стереотипный характер: человек из народа, как правило, наивен, необразован, беден, добр, но обладает естественной мудростью, достойной восхищения. Примечателен короткий анекдот «Шофер такси»: «Разговорившись однажды с шофером такси на „философские“ темы о взаимоотношениях людей в нашем обществе, я спросил его: „Как вы думаете, кого у нас больше — хороших или плохих людей?“ Не задумываясь, он ответил: „Конечно, хороших, иначе бы мы с вами давно висели на фонарях“» (Семейный архив).

щее одновременно критически и пассивно. Наблюдатель отмечает как курьезные («Самолюбивый вор», «Начальник милиции»), так и трагические моменты, свидетелем которых он был и о которых слышал по рассказам («Голод» и особенно последний, незаглавленный очерк). Он с осуждением относится к коррумпированным и бездушным представителям власти («Судья Алферов», «Судья Павлычев»), в то же время отдавая себе отчет, что сам принадлежит к числу таких представителей. Основные причины пассивности рассказчика — готовность к компромиссу ради выживания своей семьи и любопытство, для удовлетворения которого Ионас — юрист и правоведа — готов даже нарушить закон («Судья Павлычев»). Ведущий нравственный мотив его (бездействия) я бы описал как контролируруемую эмпатию: рассказчик испытывает нескрываемое и сильное сочувствие к жертвам обстоятельств и делает все, что считает для себя возможным для облегчения их участи — а именно, исполняет свою работу адвоката. Сомнений в возможности и моральной оправданности исполнения этой роли у рассказчика нет, а успешная работа приносит ему и моральное, и профессиональное удовлетворение, что заметно в его характеристике судьи Павлычева: «<...> около половины его приговоров отменялись кассационным судом по моим жалобам, что создало мне популярность среди населения района и умножило мою практику». Следует отметить, что в своей деятельности Ионас, судя по его текстам и воспоминаниям современников, был безукоризненно честен — в том смысле, что не скрывал своего мнения, поступал сообразно совести и не делал из этого секрета. Как он уцелел, пройдя невредимым сквозь все мясорубки, приготовленные ему эпохой, понять невозможно, особенно учитывая его национальность, социальное происхождение (сын владельца аптеки) и род занятий.

Возможным ответом на этот вопрос, относящимся, впрочем, больше к сфере высшей логики, чем исторических обстоятельств, может служить траектория духовных поисков Ионаса. Будучи человеком с ярко выраженной философской направленностью, острым чувством собственного несовершенства и жаждой обретения смысла существования себя самого и всей Вселенной, Ионас пришел к достаточно оригинальному и не менее странному мировоззрению, совмещающе-

му в себе толстовство, философский идеализм, пантеизм и марксизм. В краткой автобиографии, составленной для сдачи в Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) в 1975 г., Ионас указывает: «Мое мировоззрение сформировалось под влиянием (называю главных учителей) Л. Толстого, Канта, эллинов, Гёте, Спинозы и отчасти К. Маркса (в 1951 г. окончил Университет марксизма-ленинизма)»⁵. Вера в советский проект, в целом сохранявшаяся в Ионасе до конца его жизни, была вызвана примерно теми же причинами, что у А. Блока и Б. Пастернака (разумеется, при полной несопоставимости литературного дарования⁶): неприязнь к «старому миру», острое ощущение человеческого несовершенства (прежде всего себя лично) и утопическая надежда на преодоление этого несовершенства в «новом человеке». Мощнейшее идеалистическое начало и выстроенная за многие годы мировоззренческая система позволяли Ионасу относиться ко всему окружающему как к отдельным несовершенствам, в борьбе с которыми и заключается роль человека, принимающего посильное участие в процессе усовершенствования жизни и мироздания. Советский проект являлся в глазах Ионаса существенной частью этого совершенствования. То, что Ионас, оставаясь беспартийным, всю жизнь проработал в отрасли⁷, которая, как могло бы показаться, менее всего должна была способствовать вере в советскую идею, возможно, придало его исключительной силе самоубеждения внешние рамки, позволяя, при наличии морального компаса,

5 РО ИРЛИ. Разряд I, оп. 11.

6 Ионасу принадлежат два машинописных сборника стихов («Самопознания совершенствуя плоды», 1980; «В поисках истины», 1982), драматические сцены „Nigrinus“, драматическая поэма «Фауст против Мефистофеля», сборник афоризмов и ряд других сочинений (все неопубл.).

7 После войны Ионас продолжил работу юрисконсультom; в 1954 г. защитил кандидатскую, затем, уже после выхода на пенсию, в 1968 г., докторскую диссертацию в области авторского права, опубликовал две монографии («Критерий творчества в авторском праве и судебной практике», 1963; «Произведение творчества в гражданском праве», 1972), работал профессором-консультантом в Центральном институте повышения квалификации руководящих работников и специалистов народного хозяйства в области патентной работы (ЦИПК).

совершать добро в дозволенных судьбой и обстоятельствами пределах и не совершать зла — по крайней мере того, которое совершали многие его коллеги.

Представляется важным, что эти заметки были написаны спустя значительное время, в начале 1980-х гг., как и многие другие (авто)биографические произведения Ионаса. В 1970–1980-е гг. судьба подарила ему счастье личного и эпистолярного общения с А. И. Цветаевой и Т. Ю. Хмельницкой⁸. Не исключено, что дружеское отношение столь значительных в интеллектуальном и духовном плане корреспондентов, их высокая оценка его литературного творчества и интерес к его духовным поискам⁹ укрепили Ионаса в его уже сложившемся к тому времени решении сформировать свой личный и литературный архив и трудиться над его пополнением и устройством в государственное хранилище¹⁰. Работа над очерками позволила ему придать своим воспоминаниям оформленные очертания и восстановить облик людей, с которыми ему приходилось встречаться. Эти очерки лишены идеологической составляющей — скорее всего, не в силу внутренней цензуры, а потому, что основа мировоззрения автора лежала прежде всего в этической сфере. «Поселок Луза Кировской области» — небольшое по охвату географическое пространство народной жизни, в которое оказался заброшен герой-повествователь, «столичный» юрист и интеллигент. В какой степени он выдержал это испытание и мог ли он зане-

8 См.: Цветаева А. И., Ионас В. Я. Переписка (1972–1988). Павлодар: Сытин, 2023; «Всегда с радостным нетерпением жду Ваших писем...» Переписка Т. Ю. Хмельницкой и В. Я. Ионаса. 1981–1988 // Звезда. № 8–9. (В печати.)

9 В переписке с Цветаевой политические убеждения Ионаса не затрагиваются: можно предположить, что Ионас предвидел возможную реакцию Цветаевой и предпочитал не касаться опасной темы. То же можно сказать о переписке с Хмельницкой. «Мую систему взглядов Т<амара> Юр<сьевна> не разделяет, но относится к ней с вниманием и интересом, сходясь со мною в том, что касается назначения человека на земле. Наши расхождения лежат в области социальных идеалов», — отмечал Ионас в письме Е. Ф. Куниной от 13 мая 1985 г. (Семейный архив).

10 Архивные фонды В. Я. Ионаса были сформированы в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки Ленинграда (ныне РНБ, Санкт-Петербург; фонд 1257) и Рукописном отделе ИРЛИ (см. примеч. 4).

сти себе это время в актив — решать читателю. Не исключено, правда, что этот вопрос волнует лишь меня в силу родственных связей с пишущим — в конечном счете, этот очерк о небольшом советском поселке в военное время и о роли власти и закона в жизни людей дает повод и для других размышлений.

Владимир Ионас

Поселок Луза Кировской области

1. Судья Алферов

Петр Иванович Алферов, судья Лальского района Кировской области, знал, что в Лальске живет юрист, работавший ранее адвокатом. Штатный адвокат в Лальске Жуков заболел, и Алферов обратился ко мне с просьбой заменить его и принять участие в выездной сессии суда для рассмотрения гражданских и уголовных дел на периферии района километрах в шестидесяти от Лальска. Шел 1943-й год, моя семья голодала, поездка обещала мне доход, и я согласился. Мы сели в телегу, Алферов взял вожжи, и лошади тронули. По дороге Алферов, бывший под мухой, вполголоса что-то бормотал себе под нос, из доходивших до меня фраз можно было понять, что на него подан донос по начальству с обвинениями в каких-то грехах, в частности, в том, что он ведет нетрезвый образ жизни. Дело, видимо, было не только в этом, так как я знал по слухам, что Петр Иванович берет взятки, причем берет с обеих сторон — истца и ответчика, решая дело в пользу той стороны, которая оказалась щедрее. В середине пути, съезжая с крутого спуска к реке, Алферов не справился с управлением лошадей, и она понесла. Телега заскакала по неровностям дороги, мой возница растерялся, хотя был опытен в этих делах, телега, казалось, вот-вот выбросит нас на дорогу, однако нам удалось въехать на мост без аварийных происшествий.

«Вот что, — сказал мне вдруг Петр Иванович, когда мы стали приближаться к месту назначения. — Имей в виду, что Жуков делился со мной, отдавая мне половину того, что ему принесли крестьяне. На таких условиях будем работать и мы с тобой». Я понимал, что крестьяне будут расплачиваться со мной не деньгами, а натурой: маслом,

яйцами и пр. Мне не приходилось долго думать над ответом. Моя семья голодала, как я уже сказал, одного сына я уже потерял за год до этого, и я согласился.

Вот, в сущности, все, что я знаю об Алферове, и пишу об этом для того, чтобы оставить след о провинциальном правосудии того времени и о том, как жизнь в условиях голода толкала меня на компромиссы.

2. Судья Павлычев

В железнодорожном поселке Лузе Кировской области, где я жил с эвакуированной семьей в 1943–44 гг., был народный суд, и при нем юридическая консультация с одной штатной единицей, доставшейся мне после адвоката Жукова. В суд приехал для работы судья Павлычев, до этого — ломовой извозчик, прошедший обучение на шестимесячных юридических курсах. Так как свободного жилья для него в Лузе не оказалось, он остановился у меня, располагавшего одной просторной комнатой. На следующий день после первой ночевки мы с женой скрупулезно собирали вшей, оказавшихся на его постели.

Павлычев чем-то напоминал мне судью из «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле. Он был не дюже грамотен и, чтобы не засиживаться в совещательной комнате при составлении приговоров, писал их до судебного заседания, ничего не меняя в них после окончания судебного следствия, какие бы изменения оно ни внесло в обвинительное заключение. Даже показания свидетелей, занесенные секретарем в протокол судебного заседания, хотя бы они противоречили обвинению, не могли повлиять на приговор. Он выходил из совещательной комнаты после 15-минутного совещания и читал текст приговора, на составление которого опытный судья не мог бы потратить менее 40-50 минут, наивно полагая, что присутствующие не заметят обмана. Зато около половины его приговоров отменялись кассационным судом по моим жалобам, что создало мне популярность среди населения района и умножило мою практику.

Как-то мне пришлось защищать крестьянского парня за преступление (не помню какое), угрожавшее ему тремя годами лишения

свободы. Он принес мне угощение для судьи — водку, колбасу и еще что-то — и просил меня передать судье. В 1943 г. эти раритеты дорого стоили. Полулитровая бутылка водки, например, стоила на рынке 400 рублей. Я сказал своему подзащитному, что исполнить его просьбу не могу, пусть сам говорит с судьей. Парень ушел и через некоторое время вернулся со словами: «Судья сказал, отнеси адвокату, я живу у него». Мне следовало пресечь этот подкуп судьи, но меня так разоблало любопытство узнать, как поступит судья, что я в нарушение этики разрешил парню угощение поставить на стол. Пришел Павлычев. За нашим столом сидел подсудимый, а на столе были вещественные доказательства его намерения. Я налил Павлычеву раз-другой водки и подсудимому тоже, затем стал угощать Павлычева дарами подсудимого, и он вместе со своей жертвой поужинал у меня. На следующий день он осудил виновного к трем годам лишения свободы — максимум, предусмотренный статьей уголовного кодекса. Выслушав приговор, подсудимый, державший в руке шапку, с размаху ударил ею об пол и ничего, кроме досадного «эх», не смог сказать.

В другой раз мне пришлось защищать директора небольшого местного предприятия, обвинявшегося в том, что он разбазаривал фондируемые товары, преподнося их представителям местной власти и других инстанций. Кабинет Павлычева от канцелярии, где я помещался, был отделен тонкой неоштукатуренной перегородкой, позволявшей слышать каждое слово разговаривающих. В кабинет судьи вошел сотрудник завода, директор которого обвинялся, позвонил по телефону на завод и попросил принести ему две пачки табаку, который тоже был в большой цене тогда. Табак принесли в кабинет судьи. Я защищал директора, которому Павлычев отмерил полностью предусмотренное законом наказание.

Рассказ о судье Павлычеве я хочу закончить выдержкой из его приговора по делу о хулиганстве в местном клубе: «Подсудимые вытащили колхозницу из зала в коридор и учинили нецензурность, загнув ей платье».

3. Голод

Случай этот произошел в железнодорожном поселке Луза Кировской области в 1943 году. В поселке проживала эвакуированная рабочая семья: отец, мать и двое детей дошкольного возраста. Семья голодала. Те из эвакуированных ленинградцев, у кого были «лишние» носильные вещи, меняли их на пищевые продукты (их хватало ненадолго). У семьи рабочего ничего не было, кроме детей и продуктовых карточек, а на маленький заработок, да еще в голодное время, не проживешь. Дети плакали, прося есть, по ночам отец не мог спать, так как голодный плач детей терзал его душу, а мысль лихорадочно и безнадежно билась над тем, как накормить детей.

Дойдя до отчаяния, отец вышел однажды ночью из дому с неопределенным намерением что-то предпринять. Проходя мимо чьего-то сарая, он услышал, по его выражению, что «где-то что-то шебаршит», вошел в сарай: там была коза — неопытный преступник тут же зарезал ее и поволок домой, оставляя за собой кровавый след, приведший милицию на следующий день к его дому. Он был предан суду. Мне, единственному адвокату в районе, была поручена защита. В зале суда собрались солдатики, вдовы и еще ожидающие вдовства. Потерпевшая семья была из числа солдатских, с детьми. Обездоленная мать семейства тоже была в зале, если залом можно назвать одну из комнат небольшого одноэтажного дома, в котором располагался суд. Защищать вора приходилось осторожно, чтобы солдатики не учинили над тобой самосуда.

Я начал речь. Обращаясь к собравшимся и обрисовав состояние подсудимого перед совершением преступления, я, не оправдывая его, просил каждого из присутствующих заглянуть в себя, вспомнить свою жизнь и спросить себя, возьмется ли он первым бросить камень в преступника. «Так ты что же, — прервал мою речь судья Павлычев, — ты оправдываешь воровство?»

Зал ответил гулом голосов, смысл которого трудно было понять.

После вынесения сурового приговора осужденный, находившийся под стражей, был немедленно уведен под конвоем милиционеров, не

успев проститься с голодными детьми, теперь, в сущности говоря, осиротевшими в дополнение ко всем их несчастьям.

4. Самолюбивый вор

В суде Лузы слушалось дело бывшего кладовщика завода, оборовавшего кладовую. Незадолго до кражи он был уволен и мстил заводу. Сторож, дежуривший ночью у кладовой, не сразу заметил взлома двери, а когда заметил, фигура взломщика уже быстро удалялась от места преступления. Сторож стал кричать, преследуя преступника: «Стой, стрелять буду», так показал он на допросе, но догнать взломщика ему не удалось. Определить в темноте личность его он не мог. На месте преступления осталась перчатка, видимо, оброненная вором. Это была спецперчатка для предохранения от повреждения рук при работе. Незадолго до увольнения кладовщику были выданы такие перчатки, но косвенной улики было недостаточно для признания виновности обвиняемого, требовалась хотя бы одна бесспорная улика, и он же сам случайно предоставил ее следователю.

На дознании была сделана очная ставка между сторожем и кладовщиком. «Как же ты отрицаешь свою вину, — спрашивал его сторож, — если я тебя видел, когда ты убежал с места преступления?» «Это был не я», — отвечал вор, понимая свою защищенность отсутствием прямых доказательств его вины. «Но ведь я кричал тебе: стой, стрелять буду!» И тут случилось неожиданное. Раздраженный воспоминанием вор запальчиво возразил: «Нет, ты кричал: „Стой, бандит, стрелять буду“».

Таким образом, самолюбивый вор дополнил следствие недостающей уликой.

5. Начальник милиции

Начальник милиции поселка Лузы, небольшого роста, был сильный и смелый человек. Услышав однажды выстрелы в поселке, он вышел на рекогносцировку и увидел шедшего по железнодорожному полотну дюжего молодца, который стрелял из револьвера в воздух. Он был

нетрезв. Блюститель порядка осторожно подкрался к нему сзади и обхватил его руками, пытаясь обезоружить. Тот оказал сопротивление и так как был сильнее своего врага, то и убил бы смельчака, если бы последний, опытный в приемах борьбы, не выбил из его рук оружие. Овладев револьвером, милиционер задержал преступника и доставил его в милицию. Позднее я читал в протоколе дознания следующие строки:

«Задержанный имел при себе левольвер бровник, который сопротивлялся, пытаясь выстрелить».

6.

С Брызгаловым, членом Кировской областной коллегии защитников, а до того — Новгородской областной коллегии, я познакомился в Кирове, где нам предстояло принять участие в каких-то — не помню уже — судебных делах. Он рассказал мне о некоторых казусах из своей адвокатской практики в Кировской области, из которых помню два.

Ему было поручено защищать мать-людоедку, убившую своего 14-летнего сына и застигнутую на том, что она варила студень из его головы. Это произошло в таком захолустье Кировской области, где наблюдались случаи бытового людоедства. Когда Брызгалов спросил преступницу, как же она могла решиться на это злодеяние, та, ковыряя пальцем нос, ответила: «Я его родила, могу его и съести».

Второй казус был такой. Один из крестьян той же местности, желая отомстить своему врагу, с помощью жены и дочери-школьницы связал жертву и положил в муравейник. Потерпевшего извлекли оттуда в бессознательном состоянии, начиненного муравьями, забравшимися во все ходы, куда они могли проникнуть.

На суде жену, помогавшую мужу в совершении казни, спросили, почему она не отказалась от участия в совершении преступления. В ответ женщина повернулась к судьям спиной и подняла до самой шеи платье, показав синюю от побоев спину.

Вызу ЭССР

15.VIII.1982

Из переписки Фриды Вигдоровой и Глеба Семенова. 1964–1965

Публ. Н. Г. Охотина и Л. Г. Семеновой

Публикуя здесь несколько разрозненных листков из переписки Фриды Абрамовны Вигдоровой (1915–1965, далее Ф. А.) и Глеба Сергеевича Семенова (1918–1982, далее Г. С.), мы не надеемся детально восстановить фабулу той напряженной, хотя и недолгой дружбы, которая их связывала. Мы можем лишь наметить зыбкий ее пунктир.

Знакомство их надо отнести, вероятно, к самому концу 1950-х гг., но где они встретились, в Ленинграде или в Комарове (Ф. А. часто приезжала из Москвы), кто их познакомил — Эткинды, Серманы, Наталья Долинина или Тамара Хмельницкая, — спросить уже не у кого. Круг был общий, воззрения — близкие, труднее было не повстречаться.

Дальнейшее сближение, видимо, было спровоцировано «делом Бродского», которое потребовало от рыхлого интеллигентского сообщества консолидации и, более того, коллективной активности — публичной и негласной. И, хотя судьба Бродского — и осуждение его, и освобождение — окончательно решалась не на цеховом уровне, солидарная борьба десятков людей за его свободу принесла свои плоды. Как ни странно, итоги этой борьбы не свелись к возвращению поэта из ссылки: может быть, более важным результатом были та внутренняя свобода и взаимное доверие, которые объединили «освободителей».

Вокруг Фриды (это имя не нуждалось ни в отчестве, ни в фамилии) с ее уникальной открытостью, как вокруг сердечника, собиралась вся энергия общественной защиты: Ф. А. была на виду — связывала людей, свидетельствовала, будила, не давала делу уйти в зону молчания. Г. С., будучи мастером тех «невесомых интегральных ходов, именуемых хлопотами», о которых писал Мандельштам в «Четвертой прозе», действовал (наряду с другими) скорее в тени, поставляя информацию

из «гадюшника» Союза писателей и нащупывая там слабые места. Так начались их постоянные личные встречи — при наездах Ф. А. в Ленинград и нередких визитах Г. С. в Москву (сюда в 1961 г. переехала его жена, а чуть позднее — сын) — и переписка, от которой осталось, увы, немногое.

С середины 1964-го Г. С. бывал в столице все чаще и чаще, его переезд был уже решен, но расставание с Ленинградом по многим причинам давалось ему нелегко — в немалой степени оттого, что в Москве у него почти не было друзей. Ф. А. оказалась для Г. С. едва ли ни единственной дружеской душой в пустоте чужого города. И, может быть, потому ее скорая болезнь и смерть были так травматичны для новоявленного москвича.

Когда мы начинали готовить эту публикацию, Александра Раскина, дочь Ф. А., писала дочери Г. С.:

Знаю, что мама встречалась с Г. С. дома у Елены Сергеевны <Вентцель>* , когда я там еще не жила, и у себя дома, когда, наоборот, я там (с мамой) уже не жила. Так что я их вместе не помню.

Но я помню Г. С. на маминых похоронах. Из Ленинграда приехали только самые близкие: Серманы, Эткинд, Нина Дьяконова, Наташа Долинина — и вот оказалось, что среди самых близких — Глеб Семенов. И в ЦДЛ на гражданской панихиде было очень много народа, но на кладбище, как водится, поехали толь-

* Елена Сергеевна Вентцель (1907–2002), в девичестве Долгинцева, — известный математик, автор учебников по теории вероятностей. Позднее — известная писательница, писавшая под «математическим» псевдонимом «И. Грекова», автор повестей «Дамский мастер» (1963), «На испытаниях» (1967), «Маленький Гарусов» (1970), «Кафедра» (1978) и др. Со времен школьной юности ближайшая подруга критика Тамары Юрьевны Хмельницкой (1906–1997). Именно через Хмельницкую летом 1960 г. в Комарове произошло знакомство Е. С. Вентцель с Ф. А. Вигдоровой, которое переросло в близкую дружбу, а затем и в родство (дочь Ф. А. Александра Раскина вышла замуж за сына Е. С. математика Александра Вентцеля).

ко близкие. И вот Глеб Сергеевич поехал. И сказал надгробное слово. И прочел стихи...

Вот все, что я могу припомнить о том, что связывало маму с Г. С.: общие друзья, общее умонастроение, взаимная симпатия, поэзия как часть жизни, и еще, что объединяло их — это забота о молодых, о птенцах, стремление защищать и опекать их.

(Письмо к Л. Г. Семеновой от 2 апреля 2018 г. *)

Стихи, которые читал Г. С. на похоронах Фриды, — восьмистишие, написанное еще в мае 1965-го:

Претерпеваем радости вседневно,
нас тешит суета, знобит успех.
И к небу вознесенные деревья —
как тихие молитвы обо всех.

О нас, дружок, с тобой — наверно, яшень,
о ком-то — липа и о ком-то — клен.
И Богу кажется, что мир прекрасен
и племенем высоким населен.

(Семенов 2004: 376)

Эта напрасная попытка заранее примириться со смертью сменилась — после расставания — смятением, ощущением катастрофы:

Памяти Фриды

Не горечь, не горесть, не горе —
Душе не сказаться никак.
Обрывки афиш на заборе
И дождь. И при входе сквозняк.

* Личный архив адресата.

Каким же он кажется нищим,
Тобой покидаемый мир,
С бредущими мокрым кладбищем
Владельцами теплых квартир!

Стекают осенние лица,
И, тычась в изгиб рукава,
Душа — угловая жилица —
Роптать получает права.

Сестру снаряжая в дорогу,
Своих не касаясь обид,
Душа обращается к Богу
Гражданских поверх панихид.

Что наших речей безысходней?
Поплачем над бездной земной,
О Господи! Будь с ней сегодня!
Ей так непривычно одной!
(Собр. А. А. Раскиной)*

Посылая первый вариант этих стихов, Г. С. писал Т. Ю. Хмельницкой:

Смерть Фриды — действительно воспринимаю как начало вселенского сквозняка. Я ведь почти не плакал, ибо это не горе, а некое крушение, и разные уровни скорби на похоронах — меня коробили мало: каждый горюет в ту меру, на которую способен. Для меня эта несправедливость (боже, какое общественное слово!) — явление апокалиптическое: бог уже иначе не мог, ему надо было дать людям понять, что надеяться не на что. Его жестокость — отчаянное свидетельство, что он есть, и посмей

* Окончательную редакцию стихотворения «Памяти Фриды» см.: Семенов 2004: 348–349.

только не поверить! По-моему, это понял Копелев, а может быть, я просто очень хотел найти сомышленника: это не просто смерть замечательного человека, а предупреждение всем нам — «я есмь». После этого можно быть только бескомпромиссным, только такие выживут, а другим, кто понимает это — и жить не стоит. Нельзя понимать это и — жить!

(Письмо от 17 августа 1965 г.)^{*}

И пояснял в следующем письме:

<...> сохрани меня бог от «жестоккого библейского Бога»! Нет, мой бог, наш бог — именно с маленькой буквы, он незримо разлит <sic> по нам, как по сосудам, и, вместе с тем, он един, ибо каким-то образом «наши» сосуды сообщающиеся. Но, хотя мы его как будто носили в себе и помним о нем, мы иногда о нем забываем, существуем как бы без него, святотатствуем, погрязаем во вседневье. И уход Фриды — его нам жестокое (ибо менее жестоких вещей большинство из нас не понимает!) напоминание: «есть я, не можете быть без меня, во всем сообразуйтесь со мной; я выбрал невиннейшую жертву, чтобы вы поняли (как понимают от встряски!), что без меня вы — ничто!» — Только кажется мне, что многие все равно не поняли. Я хоть понял, и то хорошо! И очень как-то сразу стало трудно, невыносимо..

(Письмо от 31 августа 1965 г.)

Подобное чувствовали тогда многие.

Смерть Фриды — лучшего человека на земле (я не знаю никого с таким даром добра и умения забыть себя для другого) — эта смерть оставила угрожающее зияние и страх за тех, кто еще

* Здесь и далее: Семенов/Хмельницкая 2014: 151–156

жив, за «нас», за то человеческое тепло и проникновение, которое еще держит в мире, не дает окостенеть и остыть.

(Письмо Т. Ю. Хмельницкой от 10 августа 1965 г.)*

1.

Ф. А. Вигдорова — Г. С. Семенову

[1-я пол. февраля 1964 (?). Москва] ¹ **

Дорогой Глеб Сергеевич, мне звонил Маршак², сказал, что разговаривал с Полевым³ и толковал ему, что надо печатать молодых талантливых ленинградцев. Полевой ответил, что, если Маршак составит подборку и напишет маленькое предисловие, он, Полевой, все это напечатает в «Юности». Я обещала С<амуилу> Я<ковлеви>чу, что свяжусь с Вами и попрошу Вас ему помочь (он боится утонуть в обилии материала)⁴.

Пожалуйста, помогите ему — позвоните, или напишите. 20-го он уезжает в Барвиху. Лучше бы связаться с ним сейчас.

Жму Вашу руку.

ФВ

2.

Г. С. Семенов — Ф. А. Вигдоровой⁵

4 мая 1964. [Ленинград]

Дорогая Фрида!

Все весьма неважно не только у вас⁶, но и у нас, хотя и по нашим, чисто ленинградским линиям. Наш <?>⁷ обращался (или собирается обратиться) к тому же А<лекс>ею Ивановичу с просьбой напечатать статью против И<осифа> и его защитников⁸. А в Союзе 13-го будет общее собрание (с молодежью), на котором будет доклад Шумилова⁹.

* Семенов/Хмельницкая 2014: 149.

** Здесь и далее см. комментарий в конце текста.

Этого, между прочим, тоже коснется. Самое страшное — непосредственная реакция молодежи, усугубленная расколом среди них.

Как Вы знаете, было заседание Комиссии с решением довести до сведения секретариата невозможность работать с Воеводиным¹⁰. Перед праздником на дому у Прокофьева Гранин сделал это, потребовав в ультимативной форме прямого снятия. Гнев длился 2 часа, после чего было сказано: «Да, В<оеводин> не годится, но снимать я его не буду, это будет выглядеть как уступка». Расстались в ссоре, причем был приведен пример предательства Каменева и Зиновьева в трудную для Ленина минуту¹¹. На следующее утро П<рокофьев> позвонил Г<ранину>: «Ты, кажется, когда-то высказывал мнение, что комиссии вообще не надо. Так давай расформируем ее, работу с молодыми отдадим соответствующим секциям, а В<оеводина> переведем на другую работу». Гр<анин> обрадовался, ибо страшно хочет избавиться от этой мороки. Правда, он сказал, что предварительно должно состояться принципиальное осуждение В<оеводина> на секретариате и пусть пройдет Бюро Обкома по молодым (на днях будет), а там можно и так...¹²

Отвечаю на Ваши вопросы¹³.

Сослаться на разговор Фимы с Румянцевым¹⁴ М<аршак> и Чуковский¹⁵ могут, тем более что он был при свидетелях. Подобную версию слышал и <?> от Горелова¹⁶, которому так говорил Гранин.

Но — говорить с Рюриковым он будет хорошо, считая, что И<осиф> хороший переводчик и его надо печатать¹⁷. При разговоре (вчера) присутствовал В. Фролов¹⁸, он считает, что все это возмутительно (в отношении И<осифа>), и что того скоро отпустят.

«Шествие» было написано в 61 году¹⁹.

Крепко жму Вашу руку. До встречи.

Г.

Что касается эпиграмм(ы), то это похоже на легенду, их никто, даже из друзей, не знает. Говорят, что это скорее Дудина, чем его!²⁰

3.

Г. С. Семенов — Ф. А. Вигдоровой²¹

28 января 1965. [Москва]

Фрида, дорогая, милая, друг мой! Как я рад, что Вам лучше уже по крайней мере настолько, что можно Вам писать. Наверно, ведь только в эти недели окружающие Вас люди — близкие и стоящие поодаль — поняли, что Вы значите для них! Можно не видеть вас каждодневно, но знать, что Вы есть, и от этого становиться выше и чище, мерять себя Вами. Не знаю, кто дотянется, таких, наверное, нет, но разве не гордо хоть примериваться?! Я горжусь даже тем, что могу писать Вам сейчас... (читайте, когда будут силы)²².

Все это как-то ужасно мелко, но Вам, вероятно, интересно узнать, что происходило 14-го в Л<енингра>де²³. Кое-чего нет, наверное, ни в письмах обеих ленинградских Наташ²⁴, ни в словах Ел<ены> Серг<е-евны> Вентцель, которой я позвонил сразу по приезде.

1. Партгруппа перед началом собрания. После оглашения списка партбюро берет слово О. Ф. Берггольц²⁵: «В правление мы выдвигали людей творчески одаренных, перспективных. Считаю, что тов. Чепуров²⁶ таковым не является. Даю отвод». Проголосовали — лес рук. Этак легонечко-легонечко боднула.

2. Там же с большой речью выступил Куклин (средний поэт дудинской ориентации)²⁷. Крыл Прокопа по трем пунктам: общественное, человеческое, творческое. Аргументированно. В частности: «я как член комиссии при книготорге был свидетелем того, как 4 последних издания Пр<окофьева> подверглись уценке, т. к. они не расходились. Думаю, что это плохой пример, как надо писать». Кончил словами: «уходите, уходите, Вы засиделись, кроме зла от Вас ждать нечего». Отвод Куклина партгруппа не поддержала, Пр<окофьев> в списке остался.

3. Партгруппу прервали, решив продолжить ее в перерыве между утренним и вечерним заседаниями. Почти все ораторы утреннего заседания (начиная с Панича²⁸) так или иначе клевали Пр<окофьева>, и он в 6 ч. вечера, на продолжении партгруппы, дал себе самоотвод: «Прошу снять мою кандидатуру в связи с преклонным возрастом и ухудшением здоровья»²⁹.

4. Началось вечернее заседание. Очень резко против Пр<окофьева> выступали Грудинина, Гранин, Долинина. Грудинина опять протаскивала реакционную идейку о необходимости выдвигать рабочих поэтов. Говорила потом на всю катушку о Пр<окофьеве>. Гранин говорил о плохих стихах Прокофьева и о том, что не должно быть «главного писателя»³⁰. Долинина: «Пр<окофьев> ничего не понял. Но это не только его вина, а всех нас. Как можно было допустить, чтобы четыре года Чепуров лизал ему уже не знаю что!». Прокоп — из президиума (перебивая): «Нет уж, Наталья Григорьевна, я прошу Вас не трогать моего друга. В меня Вы можете кидать камнями сколько угодно, а его оставьте»³¹. В заключение выступил <Богданов> (секр<етарь> обкома)³². Ни словом не упомянул о Пр<окофьеве>, как будто все идет как надо. Сказал о тенденциозном подборе авторов одиннадцатого номера «Юности»: Борисова, Битов, Кушнер, Соснора, Горбовский — «хорошие имена, но почему только они»³³. Назвал «самым объективным из всех звучавших здесь» слова Грудининой о Бродском, но счел нужным расшифровать «смысл протеста ген<енерального> прокурора»: не реабилитация, а немедленное амнистирование согласно письма группы литераторов, «не помню уже кто его подписал, но, кажется, там есть и тов. Грудинина»³⁴. Да, вначале он сказал: «Что же касается дела товарища Бродского...» В зале зашумели (всяко) — он не поправился.

5. От заключительного слова Пр<окофьев> отказался. Перешли к выборам. Карп³⁵ поднял руку и спросил: «Каким способом мы будем голосовать: по большинству или по 50 %?» Сартаков³⁶ прочел принятую пленумом правления СП РСФСР инструкцию, что на предсъездовских собраниях голосовать надо тайно, и избранными считаются все получившие 50 %. Карп: «А как же будет, если пятидесятипроцентников будет больше, чем намечено? Особенно — делегатов на съезд?»³⁷ Заминка! Этого в инструкции не предусмотрели — очевидно, весь расчет был на то, что добавлений не будет. А тут их было много: вместо 37 человек, намеченных в правление, после всех самоотводов оказалось 53; вместо 52 делегатов — 65. Добавлены (по памяти): Меттер, Ахматова³⁸, Эткин, Грудинина, Нинов, <?>, Адмони, Долинина, Македонов, Линецкая, Мочалов, Соснора, Дар, Борисова, Пантелеев, Володин, Томин, Голявкин, Рыхтеу³⁹. Сменились 4 председателя собрания. Сартаков пы-

тался в самом начале закрыть список. Выступила Панова: «Позвольте, Сергей Венедиктович! Вы, что же, хотите, чтобы собрание опять жило чьим-то разумом. Ведь за это же критиковали здесь стиль работы бывшего секретариата. А Вы опять хотите, чтобы нам было стыдно, как стыдно было на вашем съезде, когда мы, как овцы, вынуждены были голосовать в 58 году по типографски-отпечатанным заранее спискам кандидатов в российское правление?⁴⁰ Не будет этого!..» И все это — с инфарктной багровостью. В общем, голосовать мы стали около двух часов ночи. Результатов я не знаю (утром уехал)⁴¹.

6. Забавный эпизод. Во время выдвижения своих кандидатов либералами и интеллигенцией одному черносотенцу (здесь их называют «чужедами»⁴²) стало завидно, и он выдвинул некоего Выходцева (пушкинодомца, зав<едающего> каф<едрой> Советской лит<ерату>ры, чужеда тоже)⁴³. А тот — член партии. Его обсуждают, а он самоотвода себе не дает, хочет в правление. Его напрямик спрашивают: «Как же, Вы — коммунист, а самоотвода не даете?» А он, с места: «Не понимаю вопроса». Тогда кто-то (<?>) говорит: «Я даю тов. Выходцеву отвод: в правлении не нужны коммунисты, которые не подчиняются партийной дисциплине». Проголосовали — лес рук и все рады.

7. А Воеводиных — ни младшего, ни старшего⁴⁴ — на собрании не было: младший — в больнице, лечится от пьянства, старший — за несколько дней до этого на заседании бюро секции *прозы* подрался (буквально) с Даром — за то, что тот посмел сказать ему, что в нетрезвом виде на бюро приходиться не следует. Его дело будет разбираться в партбюро. О младшем говорилось с трибуны — думается, его песенка спета⁴⁵.

Вот — «доносье»⁴⁶ о наших ленинградских бурях. Хотя я уже вроде и не ленинградец⁴⁷. Проголосовал (да и предложил двух-трех кандидатов) — и сюда. С контейнером. Сейчас собираю полки, расставляю книжки. Выхожу из дому, главным образом, затем, чтобы закидывать удочки насчет работы (привык, да и денег маловато). Сегодня был в «Юности»: рассматривают меня на предмет зава поэзией — их, видите ли, устраивает, что я приезжий и ни к какой группировке

здешней пристать не успел. А то, неровен час, подамся в референты СП РСФСР — там прочат полную смену начальства⁴⁸. По малости — пишу.

Очень о Вас тоскует Наташа⁴⁹, от нее всяческие приветы и пожелания. Живем дружно.

Обнимаю вас, Фрилочка! Не сердитесь за столь нудное послание и, разумеется, не отвечайте.

Глеб

4.

Ф. А. Вигдорова — Г. С. Семенову

8 мая 1965 года. [Москва]. Больница

Дорогой Глеб, хотя Вы упорно не писали своего обратного адреса (из деликатности, понимаю), но я отыскала его! И пишу!

И хотя друзей не благодарят⁵⁰, но — спасибо.

Я четвертый месяц в больнице. Короткая передышка в Переделкине после трех месяцев (день в день), и снова больница⁵¹.

Между Переделкинским и новым заточением меня сводили в кино, где Наташа <Охотина> нанесла мне поцелуй. А тот концерт Шостаковича в Малом зале⁵² был последний перед больницей и операцией.

Лечат меня заморским лекарством, после которого хочется спать и категорически неохота глядеть на белый свет. Мысли не ворочаются. Память выключена. Ни думать, ни вспоминать, ни надеяться. И вот, мне принесли 70 страничек Ваших стихов⁵³. И на отдельных страницах — прощальные стансы⁵⁴, «Двое»⁵⁵ и «так вот оно — спасение души»⁵⁶. И я их читала. И перечитывала, и снова читала. Я как будто пришла в себя после обморока⁵⁷. Очень хорошие стихи. Очень я была им рада.

А вообще — жаловаться грех. Потому, что всем вокруг гораздо хуже: люди ночи напролет кричат от сумасшедшей боли.

Спасибо Вам за добрые слова в Ваших письмах и в надписи на книжке стихов⁵⁸. Я знаю, что Вы говорите их искренно, однако знаю и другое, что я их не заслужила. Потому, что ничего, кроме прямой

своей журналистской работы, не делала. И слова, которыми друзья одарили меня ко дню рождения, даже напугали меня⁵⁹.

Что же за время такое, когда...⁶⁰

Крепко жму Вашу руку, Наташу и Никиту⁶¹ целую, Вас тоже целую.
Ф.

5.

Ф. А. Вигдорова — Г. С. Семенову⁶²

20 мая 1965. [Москва]

Дорогой Глеб, у меня была Елена Сергеевна <Вентцель>, она принесла мне Ваш перевод Рытхеу⁶³. Спасибо. Но я вспомнила о Вас не поэтому, и адрес раздобыла, не прочитав его на Вашем конверте.

То мое письмо — самостоятельное. И написано оно было потому, что я про Вас думала и читала Ваши стихи. Очень хорошие.

А я все еще в больнице...⁶⁴

Крепко жму Вашу руку, привет Наташе.

Ф.

Примечания

Письма Ф. А. Вигдоровой печатаются по оригиналам, сохранившимся в домашнем архиве Г. С. Семенова. Письма Г. С. — по машинописным копиям, хранящимся в архиве НИПЦ «Мемориал» (ф. 104, папка «Дело Бродского»).

Оригиналы писем Г. С. предположительно хранятся в архиве семьи Чуковских. После смерти Ф. А. все ее материалы по делу Бродского, среди которых были и письма Г. С., были переданы Лидии Корнеевне Чуковской (см.: Чуковская 2000: I, 421). Вероятно, в конце 1970-х гг. часть этих документов была скопирована для публикации в тамиздатском историческом альманахе «Память», но из-за ареста главного редактора альманаха А. Б. Рогинского (1981) в печати эти материалы так и не появились (в примечаниях мы используем и некоторые дру-

гие документы из этой подборки). Впоследствии уцелевшие бумаги из портфеля «Памяти» были переданы в архив «Мемориала» (об истории издания см.: Память 2017).

При копировании писем Семенова машинистке, видимо, не удалось прочесть некоторые фамилии, и на их месте были оставлены большие пробелы, которые, к сожалению, за редким исключением невозможно заполнить без ознакомления с оригиналами. Эти купюры мы обозначаем <?>; в угловых скобках даются также восстановленные купюры и сокращения.

За идею публикации и постоянную заботу о ее осуществлении искренне благодарим О. М. Розенблюм. Пользуемся также случаем выразить глубокую признательность А. А. Раскиной за любезное разрешение опубликовать письма Ф. А. и за воспоминания, которыми она поделилась с нами. И, наконец, большое спасибо за помощь сотруднику архива НИПЦ «Мемориал» А. А. Макарову.

1. Письмо не датировано. Наиболее вероятно, что написано оно в феврале 1964 г.: в санаторий «Барвиха» Маршак уехал в конце февраля, март и апрель провел в Барвихе и вернулся домой в Москву к майским праздникам (см. также примеч. № 4).

2. Самуил Яковлевич Маршак (1887–1964) был в это время членом редколлегии журнала «Юность». О Глебе Семенове, тогда еще Дегене, он знал с 1920-х гг., поскольку мать последнего, Наталия Георгиевна Семенова-Волотова (1896–1982) была в 1923–1924 гг. секретарем редакции детских журналов «Воробей» и «Новый Робинзон», которые возглавлял Маршак (см.: Волотова 1988). Позднее Маршак, судя по всему, посуживал за литературной карьерой Г. С. (см.: Маршак 1972: 200).

3. Борис Николаевич Полевой (1908–1981) — с 1961 г. главный редактор журнала «Юность».

4. Г. С., напротив, прекрасно ориентировался в материале, поскольку долгие годы (с послевоенного времени) вел в Ленинграде различные литературные объединения, самыми известными из кото-

рых были студия при Дворце пионеров (1947–1950), ЛИТО Горного института (1953–1957), ЛИТО при ДК им. Первой пятилетки (1958–1964). Кроме того, он неоднократно входил в Комиссию по делам молодых писателей при ленинградском отделении Союза писателей РСФСР (далее — ЛО СП), был редактором альманаха «Молодой Ленинград» и т. д. Большая подборка стихов молодых ленинградских поэтов, в основном учеников Г. С., появилась в 11-м номере «Юности» за 1964 г., уже после смерти Маршака (4 июня) и без его предисловия. См. также примеч. № 33.

5. Часть второго абзаца этого письма напечатана (видимо, по оригиналу) в примечаниях к кн.: Чуковская 1997: 416 (примеч. 142).

6. В этот же день, 4 мая 1964 г., Чуковская посылает письмо И. С. Черноуцану, заведующему сектором литературы отдела культуры ЦК КПСС, к которому она и Ф. А. обращались еще до суда над Бродским, 9 декабря 1963 года. К письму она прилагает копию записи суда, сделанной Ф. А. На следующий день, 5 мая, в «Русской мысли» в Париже будет опубликована «Справка о деле Бродского», переданная, как предположил Владимир Орлов, Александром Гинзбургом (см.: Розенблюм 2018: 267). Как следует из пометки на хранящейся в архиве «Мемориала» копии письма, запись была послана также Р. А. Руденко, К. А. Федину, Н. Р. Миронову, А. А. Суркову: хлопоты были в самом разгаре, с рассказа об их неудачах и начинается письмо. Первая публикация самой записи суда на русском языке состоялась через год в альманахе «Воздушные пути» (см.: [Вигдорова Ф.] 1965). В этой публикации запись названа стенографической; о том, что стенографией Ф. А. не владела и запись ее стенограммой не является, см.: Вигдорова Е. / Раскина 2017: 263.

7. Вероятно, имеется в виду первый секретарь ленинградской писательской организации Александр Андреевич Прокофьев (1900–1971), занимавший агрессивную позицию по отношению к Бродскому и его защитникам.

8. Алексей Иванович Аджубей (1924–1993) — зять Н. С. Хрущева, в 1959–1964 гг. главный редактор газеты «Известия». Ф. А. во время своих журналистских расследований неоднократно обращалась к Аджубею за помощью. Так же она поступила и в случае Бродского. Через месяц с небольшим после высылки Бродского в письме к Чуковской от 20 апреля 1964 г. она пишет (не называя, правда, имен тех, кто вел все эти переговоры) о задействованных рычагах: о состоявшемся разговоре с Н. П. Бажаном, об ожидании возвращения Б. С. Рюрикова из командировки и о том, что «все материалы уже на столе у Алексея Ивановича Аджубея» (НИПЦ «Мемориал», ф. 104).

9. На встрече писателей с представителями ленинградского Управления КГБ, которая состоялась 14 мая 1964 г., присутствовали 80 человек, среди которых было немало представителей либеральной фракции ЛО СП (список 68 писателей см.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 971. Оп. 11. Д. 5. Л. 29 об. – 30; собрание не протоколировалось). Василий Тимофеевич Шумилов (1924–1996) — в 1954–1957 гг. первый секретарь Ленинградского обкома ВЛКСМ, затем 1-й секретарь Выборгского горкома КПСС; в 1959–1969 гг. начальник Управления КГБ по Ленинграду и Ленинградской области, с 10 декабря 1964 г. — генерал-майор. Лично курировал писательские дела: так, в 1960 г. руководил следствием по делу прозаика К. В. Косцинского (Успенского), а после осуждения последнего к лагерному сроку по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде» выступал на правлении ЛО СП с разоблачением его вражеской деятельности (см.: Косцинский 1978: 28). Судя по всему, кампания против Бродского также была организована под непосредственным руководством Шумилова (см.: Эдельман 2007: 164).

10. Евгений Всеволодович Воеводин (1928–1981) — ленинградский прозаик, очеркист. С 1963 г. — референт ЛО СП, секретарь Комиссии по работе с молодыми писателями (сменил на этой позиции Г. С.), избранным председателем которой был прозаик Даниил Александрович Гранин (1919–2017). Воеводин представил в суд уничижительную характеристику творчества Бродского (справка не была согласована ни с членами комиссии, ни с ее председателем), свидетельствовал про-

тив Бродского и на самом процессе. История со справкой послужила поводом к ее обсуждению на заседании секретариата ЛО СП 26 марта 1964 г., где в очередной раз осуждались выступившие на суде защитники Бродского (В. Г. Адмони, Н. И. Грудинина, Е. Г. Эткинд), но рассматривались и неправомерные действия Воеводина: несмотря на протест Гранина (в какой-то мере показной), секретариат поддержал Воеводина, признав, что тот действовал в рамках решения секретариата от 17 декабря 1963 г. Через несколько дней после заседания секретариата члены комиссии по работе с молодыми писателями выразили нежелание работать с Воеводиным; конфликты последнего с комиссией происходили и в апреле 1964 г. Однако своей должности Воеводин окончательно лишился лишь в январе 1965 г. в связи с перевыборами правления ЛО СП. Подробнее см.: Эткинд 2001: 113–115; Золотоносов 2013: 625–631, 646–647, 671–677.

11. Прокофьев имел в виду известный эпизод из сталинской версии истории ВКП(б), касающийся подготовки октябрьского восстания 1917 г.: «Каменев и Зиновьев раскрыли перед врагами решение ЦК о восстании, об организации восстания в ближайшее время. Это была измена. <...> Предупрежденные предателями враги революции тотчас же стали принимать меры к тому, чтобы предупредить восстание и разгромить руководящий штаб революции — партию большевиков» (Краткий курс 1938: 58).

12. Комиссия по работе с молодыми писателями ЛО СП так и не была расформирована.

13. Были заданы эти вопросы устно, через посредника или в несохранившемся письме, выяснить в настоящее время нет возможности.

14. Фима — Ефим Григорьевич Эткинд (1918–1999), переводчик и филолог, свидетель защиты (и de facto общественный защитник) на процессе Бродского, автор документально-публицистической книги «Процесс Иосифа Бродского», написанной в эмиграции (Лондон, 1988). Никанор Михайлович Румянцев (1918–1978) — в 1961–1978 гг.

председатель Народного суда Дзержинского района г. Ленинграда. Свой разговор с Румянцевым, состоявшийся 22 апреля 1964 г. (см. письмо Эткинды Вигдоровой от 5 мая 1964 г. — НИПЦ «Мемориал», ф. 104) Эткинд изложил позже, не называя имени собеседника: «Я пытался разъяснить ему, что человека, который пишет и переводит стихи, нельзя считать тунейдцем лишь по той единственной причине, что он не состоит членом Союза писателей. Председатель суда слушал внимательно, молча кивал головой, а потом дал мне понять, что тунейдство — обвинение скорее формальное, и что против Бродского есть другой материал. Говорил он загадочно, напуская туман, так что можно было подумать, что Иосиф Бродский — террорист, но, желая его спасти от смертной казни или пожизненного заключения, гуманный ленинградский суд решил обвинить его по сравнительно неопасной для него статье, не предусматривающей слишком сурового наказания. — Да, против Бродского есть другой материал, — многозначительно и зловеще сказал судья. <...> Он полистал дело и, вынув какой-то лист, пододвинул его мне. Я увидел не вполне пристойную и очень злую эпиграмму на Александра Прокофьева. — И много у вас такого материала? — спросил я. Судья рассердился: — Не понимаю вашего иронического тона. — Эту эпиграмму я знаю давно. Ее сочинил другой автор, к Бродскому она отношения не имеет. (Это была эпиграмма вполне законопослушного поэта Михаила Дудина, ныне Героя Социалистического Труда, — он один из столпов советского „истеблишмента“). — У нас другие данные, — строго сказал судья и не выразил охоты продолжать разговор» (Эткинд 1988: 59). В декабре 1963 г. Румянцев принимал участие в совещании по делу Бродского, прошедшем в Дзержинском райкоме КПСС, и именно он должен был принять дело к рассмотрению в суде; лишь 18 февраля 1964 г., в самый день первого судебного заседания, Румянцев передал его судье Савельевой, как следует из его объяснительной записки от 16 ноября 1964 г., хранящейся в надзорном деле (Эдельман 2007: 157, 166). В материалах о процессе Бродского имя Румянцева упоминается также в связи с адресованными ему заявлениями и ходатайствами А. И. Бродского (Гордин 2010: 45), С. Я. Маршака и К. И. Чуковского (Чуковская 1997: 388).

15. В машинописи инициал обозначен буквой Г. Вероятно, ошибка возникла при перепечатке (в почерке Г. С. заглавные 'Ч' и 'Г' различить затруднительно). Об участии Маршака и Чуковского (1882–1969) в деле Бродского подробно см.: Чуковская 1997 (по указ.).

16. Анатолий Ефимович Горелов (1904–1991), ленинградский критик, литературовед. Был репрессирован в 1937 и 1949 гг., в 1957 г. подвергнут проработке за поддержку романа В. Д. Дудинцева «Не хлебом единым» и антисталинских стихов О. Ф. Берггольц (подробнее об этом см.: Золотоносов 2013, по указ.).

17. Борис Сергеевич Рюриков (1909–1969) — партийный функционер, в 1953–1955 гг. главный редактор «Литературной газеты»; в 1963–1969 гг. главный редактор журнала «Иностранная литература». Кто именно должен был говорить с Рюриковым о Бродском, из письма не очень понятно.

18. Видимо, Владимир Васильевич Фролов (1917–1994) — театральный критик, знакомый с Б. Рюриковым еще по работе в «Литературной газете» (1953–1955).

19. «Шествие» — «Поэма-мистерия в двух частях-актах и в 42 главах-сценах», написанная Бродским в октябре-ноябре 1961 г. и широко разошедшаяся в списках. Впервые опубликована в 1965 году.

20. Речь, очевидно, идет об эпиграмме на А. А. Прокофьева, которая приписывалась Бродскому, но на самом деле была написана либо соперником Прокофьева поэтом Михаилом Александровичем Дудиным (1916–1993) (см. выше примеч. № 14), либо Брониславом Адольфовичем Кежуном (1914–1984), поэтом-сатириком из круга Прокофьева: «Ну, что сказать про нашего Прокопа? / Большой талант, но вдвое больше жопа» (Эпиграммы 1988: 94). «Организаторы травли решили заручиться поддержкой Александра Прокофьева, первого секретаря правления Ленинградской писательской организации. Речь все же шла о поэте, и без санкции Прокофьева арестовать Бродского не решались.

И тут тоже пустили в ход очередную фальсификацию — Прокофьеву показали очень обидную эпиграмму на него, написанную якобы Бродским. Он совершенно взбесился и одобрил любые действия. Между тем я могу поручиться, что никаких эпиграмм Иосиф на Александра Андреевича не писал. Прокофьев, честно говоря, интересовал его весьма мало» (Гордин 2010: 45). Скорей всего, ввел Прокофьева в заблуждение (и вполне сознательно) Е. В. Воеводин, который в своей справке для суда и на самом процессе упоминал «пасквили» Бродского, содержащие «площадные слова» (Золотоносов 2013: 646, 674).

21. Некоторые фрагменты этого письма в цитатах и пересказе напечатаны (видимо, по оригиналу) в примечаниях к кн.: Чуковская 1997: 437–438 (примеч. 186).

22. С начала 1965 г. Ф. А. находилась на лечении в Городской клинической больнице № 64 им. В. В. Виноградова (Москва, ул. Вавилова, д. 61, Первое хирургическое отделение, палата № 69). Ср. письмо Семенова Т. Ю. Хмельницкой от 18 января 1965 г.: «Наверно, Вы знаете об операции и очень тревожном состоянии Фриды. Позвонив в первый по приезде вечер Ел<ене> Серг<еевне> <Вентцель>, я допустил ужасную бестактность, — спросил, как чувствуют себя Сашки (я ничего не знал ни об операции, ни о бессменных дежурствах). Несколько смягчил Ел<ену> Серг<еевну> рассказом о словах Богданова на нашем собрании — в удобную минуту это будет передано Фриде. Пожалуй, эта тревога окрашивает все человеческие отношения вокруг. Все остальное как-то меркнет. Врач говорит (от Савичей), что показательней всего будут первые две-три недели» (Семенов/Хмельницкая 2014: 80). Савичи — переводчик-испанист Овадий Герцевич Савич (1896–1967) и его жена Алыгута (Аля) Яковлевна, урожд. Мазэ (1904–1991), — близкие друзья Ф. А. и ее мужа, писателя А. Б. Раскина (1914–1971). Памяти О. Г. Савича Г. С. посвятил стихотворение «Отрешеннее день ото дня...» и «Балладу о силе духа» (Семенов 2004: 362–363).

23. 14–15 января 1965 г. происходило отчетно-перевыборное собрание ЛО СП, которому предшествовало заседание партийной ячейки

отделения, где выдвигались кандидатуры в новое правление. Наиболее подробно события этих дней изложены — на основе архивных документов — в кн.: Золотоносов 2013: 610–613, 633–636. Также см.: Шнейдерман 1998: 197–199. Стенограмму общего собрания см.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 1. Д. 499. Л. 1–267.

24. Имеются в виду Н. И. Грудина и Н. Г. Долинина. Наталья Ильинична Грудина (1918–1999) — ленинградский поэт, переводчик. Руководила поэтическим кружком в Ленинградском Дворце пионеров. После того как она в 1964 г. выступила в защиту Бродского, ее освободили от «работы с детьми и юношеством» и много лет не печатали. Наталья Григорьевна Долинина (1928–1979) — филолог, педагог, писательница и драматург; автор увлекательных литературоведческих книг для школьников и воспоминаний о своем отце, Г. А. Гуковском. В 1963–1965 гг. выступала в защиту Бродского. Была дружна с Г. С. В его библиотеке сохранились экземпляры книг Долининой с шутливыми дарственными надписями. Например, книгу «Прочитаем „Онегина“ вместе» (Л., 1968) Долинина подписала следующим образом: «Дорогому Глебу с нежностью и вечным страхом перед его зловредностью. 2/II–68 г. Н.», а книгу «По страницам „Войны и мира“» (Л., 1973) так: «Глебушке на предмет а) чтения в новой квартире, б) списывания сочинений всеми детьми. Наталья. 16 июня 1973 года».

25. Ольга Федоровна Берггольц (1910–1975) — ленинградский поэт и журналист. В декабре 1938 г. была арестована по обвинению в контрреволюционной деятельности; в июле 1939-го из-под следствия освобождена. В 1946 г. выступила в защиту Ахматовой и Зощенко. К сожалению, во фрагментарных ее дневниках 1963–1965 гг. события вокруг осуждения Бродского и смены ленинградского руководства СП не отразились. Слова Берггольц и другие выступления на заседании партгруппы Г. С. передает с чужих слов: сам он членом партии не был. Ни стенограмма, ни официальный протокол этого заседания в документах парторганизации ЛО СП (ЦГАИПД, ф. Р2960) не обнаружены — либо выступления не записывались, либо стенограмма была позднее изъята.

26. Анатолий Николаевич Чепуров (1922–1990) — ленинградский поэт, в это время — секретарь правления ЛО СП, в результате перевыборов временно лишился высокой позиции. Со временем Чепуров вернулся на командные высоты: с 1975-го по 1989 г. он оставался первым секретарем ленинградской писательской организации. Справедливости ради отметим, что после смерти Г. С. в 1982 г. Чепуров старался помогать его семье.

27. Лев Валерианович Куклин (1931–2004) — поэт, драматург. В школьные годы посещал литературную студию при ленинградском Дворце пионеров, которую вел Г. С.

28. Михаил Семенович Панич (1903–1990) — ленинградский прозаик, член партбюро ЛО СП РСФСР. В своем выступлении на общем собрании Панич, в частности, отмечал: «Прокофьев в штывы встречал всякое стремление поднять этот разговор, но отнюдь не в штывы встретил то обстоятельство, что молодой Воеводин явился в народный суд для того, чтобы своими показаниями и фиктивными справками помочь отправить поэта в тюрьму (а я смею утверждать, что именно настоящего поэта, потому что я верю рекомендациям глубоко уважаемых мною людей, так как Эткинд и Адмони, которые говорят, что Бродский — это поэт)» (цит. по: Золотоносов 2013: 633).

29. Отставка Прокофьева была результатом длительной интриги Гранина и Дудина, поддержанной, с одной стороны, обкомом партии (на волне отречения от хрущевского политического наследия), а с другой — либеральной фракцией ленинградских писателей, недовольных прокофьевским самодурством и его позицией в «деле Бродского» (о некоторых подробностях интриги см.: Золотоносов 2013: 611–612, 634–635). Хотя в дальнейшем Прокофьев получал ордена и почетные звания (Герой Социалистического Труда, 1970), его административная карьера на этом закончилась.

30. Слова Гранина о «главном писателе» явным образом апеллировали к советским политическим реалиям: недавнее снятие «волюн-

тариста» Хрущева и переход власти к «коллективному руководству» легко проецировались на ситуацию в ЛО СП (ср.: «Как заявляли участники прений, в недостатках во многом повинен секретариат правления, деятельность которого страдала однобокостью. Ей не хватало также духа коллективности в руководстве» — «Ленинградская правда» от 16 января 1965 г.; цит. по: Золотоносов 2013: 311).

31. Ср. в стенограмме заседания: «ДОЛИНИНА. Я не хочу кидать камня в Александра Андреевича Прокофьева. Я хочу спросить: как хороший поэт и настоящий человек очутился в положении, которое вызывает сочувствие и жалость? Мы видели, что Чепуров лижет... не скажу что, и мы молчали. ПРОКОФЬЕВ. Хочу заступиться за Чепурова. Критикуйте, сколько хотите меня, но не трогайте моих друзей. ДОЛИНИНА. <...> Он вам не друг, Александр Андреевич, он вам враг» (цит. по: Золотоносов 2013: 611). Публикатор усматривает тут отсылку к известной эпиграмме Дудина: «Был мудак на всю Европу / Анатолий Чепуров! / Полизал Прокопу жопу — / Стал талантлив и здоров!» (Золотоносов 2013: 633); другой вариант последней строчки — «И вознесся — будь здоров!» (Эпиграммы 1988: 96).

32. Георгий Александрович Богданов (1906 – не ранее 1985) — в 1950–1954 г. директор Ленинградского инженерно-экономического института им. В. М. Молотова, с 1955 г. — на партийной работе, заведующий отделом науки и культуры Ленинградского обкома КПСС, с июля 1963 г. — заведующий идеологическим отделом Ленинградского промышленного обкома КПСС, с 15 декабря 1964 г. — секретарь Ленинградского обкома КПСС по идеологической работе; с апреля 1968 г. на пенсии (до 1972 г. работал в Институте истории партии Ленинградского обкома КПСС).

33. Судя по официальному протоколу собрания, Г. А. Богданов не высказывался о «тенденциозном подборе авторов» «ленинградского» номера «Юности» (1964, № 11), ограничившись мягкой критикой помещенной там статьи В. И. Соловьева «Младая песня невских берегов», где благожелательно разбиралось творчество Агеева, Горбовского,

Кушнера, Борисовой и Сосноры: партийный чиновник лишь попенял автору статьи за слишком ограниченный выбор молодых поэтических имен (ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 1. Д. 499. Л. 208). В самом же номере журнала, приуроченном к 47-й годовщине Октября, наряду с письмами С. М. Кирова, стихами А. А. Прокофьева, позитивными очерками из газеты «Смена», были напечатаны материалы, далекие от социалистического оптимизма. Полный трагического напряжения поэтический цикл Берггольц, повесть Андрея Битова «Такое долгое детство» и большая подборка стихов молодых ленинградских поэтов задавали совершенно иную тональность, ничуть не оппозиционную, но определенно независимую. Среди авторов этого раздела явно преобладали участники или, по крайней мере, посетители тех ЛИТО, которыми в разное время руководил Г. С.: Леонид Агеев, Дмитрий Бобышев, Александр Городницкий, Григорий Глозман, Глеб Горбовский, Татьяна Галушко, Нина Королева, Александр Кушнер, Герман Плисецкий, Марина Рачко, Олег Тарутин, Вадим Халупович, Александр Шкляринский (в эту обойму не попадают только Майя Борисова, Надежда Полякова и Александр Рытов — поэты предыдущего поколения). Видимо, Г. С. и был основным поставщиком литературного материала для поэтического раздела (см. письмо № 1). Показательно также, что в номере помещен отзыв Е. К. Клепиковой на сборник Г. С. «Отпуск в сентябре», вышедший в Ленинграде осенью 1964 года.

34. Ср. в стенограмме: «БОГДАНОВ. <...> Но т. Грудинина не все сказала так, как нужно было сказать. Дело не только в том, что полтора года назад Бродский пытался свершить акт измены Родине, захватить военный самолет и улететь. Дело в том, что Бродский и после этого вел неправильный образ жизни. И правильно т. Грудинина говорила, что если бы взялись за него по-настоящему, то, может быть, не допустили бы его до тунеядства. <...> Действительно, генеральный прокурор сейчас вынес протест, но я вам скажу, какой протест. Генеральный прокурор считает возможным досрочно освободить Бродского в связи с тем, что сейчас он ведет себя хорошо и в связи с тем, что его берут на поруки известные писатели, в том числе тт. Грудинина и Чуковский, но не реабилитировать!» (цит. по: Золотоносов 2013: 612).

Незадолго до общего собрания ЛО СП, а именно 5 января 1965 г., первый заместитель Генерального прокурора СССР М. П. Маляров внес в Ленинградский городской суд протест по делу Бродского, в котором предлагалось сократить срок ссылки поэта до одного года и отменить частное определение в адрес его защитников. Выступление Богданова, с одной стороны, учитывало изменившуюся ситуацию и подавало сочувствующим Бродскому определенные надежды, а с другой, подчеркивало его политическую неблагонадежность. Буквально через день городской суд (несомненно, под давлением обкома) отклонил прокурорский протест, и процесс освобождения опального поэта затянулся до сентября 1965 г. (см.: Освобождение 2000; Эдельман 2007: 164–167; Лосев 2008: 122–126).

35. Поэзь Меерович Карп (род. в 1925) — переводчик, поэт, блестящий критик и эссеист, историк балета. Был в дружеских отношениях с Г. С.

36. Сергей Венедиктович Сартаков (1908–2005) — в 1958–1966 гг. заместитель председателя правления СП РСФСР, председатель Литфонда СП РСФСР. Лауреат Государственной премии СССР (1970), Герой Социалистического Труда (1984).

37. Одновременно с перевыборами правления ЛО СП проходили выборы делегатов от Ленинграда на 2-й Съезд писателей РСФСР, который состоялся 3–7 марта 1965 года.

38. Кандидатуру Ахматовой в правление и в число делегатов на съезд писателей выдвинул сам Г. С.; за нее проголосовали 208 чел., против – 52 чел. (Семенов/Хмельницкая 2014: 90, 92; ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 1. Д. 499. Л. 406., 238). О реакции Ахматовой на избрание и об ее участии в съезде см.: Тименчик 2014: I, 416–422; II, 532–540.

39. Подробные сведения о выдвижении кандидатов в правление и ревизионную комиссию ЛО СП, а также делегатов на 2-й съезд писателей РСФСР см.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 1. Д. 499. Л. 227–265. Результаты

голосования см.: Там же. Л. 4–6 об. См. также: Золотоносов 2013: 613; Семенов/Хмельницкая 2014: 91.

Израиль Моисеевич Меттер (1909–1996) — прозаик, драматург, сценарист. На погромном собрании писателей в Ленинграде в мае 1954 г., посвященном травле М. М. Зощенко (с участием Константина Симонова), был среди немногих, аплодировавших опальному писателю. Избран в правление (за — 142 голоса, против — 123).

Александр Алексеевич Нинов (1931–1998) — литературовед. В 1963–1968 гг. — заведующий редакцией серии «Библиотека поэта», в 1970–1991 гг. работал в Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии, в 1991–1998 гг. — главный редактор журнала «Всемирное слово». В правление не прошел (за — 118, против — 147).

Владимир Григорьевич Адмони (1909–1993) — лингвист, германист, переводчик и поэт. Преподавал в Государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена, где заведовал кафедрой германской филологии. В 1960-х гг. возглавлял бюро секции художественного перевода при ЛО СП. В феврале 1964 г. на судебном заседании по делу Бродского выступил в его защиту, дав высокую оценку ему как поэту и переводчику, за что подвергся жестокой проработке со стороны руководства СП и «писательской общественности». Избран в правление (за — 156 голосов, против — 109).

Адриан Владимирович Македонов (1909–1994) — критик, литературовед, ученый-геолог. В 1937 г. был арестован, получил 8 лет исправительно-трудовых лагерей; освобожден в 1946 г. после вмешательства своего друга А. Т. Твардовского. В 1960 г. переехал в Ленинград. Избран в правление (за — 158, против — 107).

Эльга Львовна Линецкая, урожд. Фельдман (1909–1997) — переводчик, педагог, филолог. В 1933 г. была арестована, осуждена условно, жила в ссылке с мужем и смогла вернуться в Ленинград лишь в 1946 г. С 1954 г. вела переводческий семинар в Доме писателей. Была среди близких друзей Г. С. В правление не прошла (за — 130, против — 135).

Лев Всеволодович Мочалов (1928–2019) — искусствовед, поэт, близкий друг Г. С. с начала 1950-х годов. Выдвинут делегатом на съезд, избран с правом совещательного голоса.

Виктор Александрович Соснора (1936–2019) — поэт, прозаик, драматург. В 1960-х гг. — участник ЛИТО под руководством Г. С. при ДК им. Первой пятилетки. Не прошел (за — 118, против — 147).

Давид Яковлевич Дар (наст. фамилия Ривкин, 1910–1980) — писатель, руководитель ЛИТО «Голос юности» при ДК Профтехобразования и ряда других литературных объединений. Муж писательницы В. Ф. Пановой (см. примеч. 40), близкий друг Г. С. В 1977 г. эмигрировал в Израиль. Избран в правление (за — 168, против — 97).

Маяя Ивановна Борисова (1932–1996) — ленинградский поэт, прозаик, переводчик; много писала для детей. В 1950-х гг. работала в Абакане и Красноярске, в 1960-х вернулась в Ленинград. В 1990 г. выпустила книгу «То время — эти голоса. Ленинград. Поэты „оттепели“, куда, в частности, вошли стихи поэтов, в разное время прошедших через ЛИТО под руководством Г. С. Избрана в ревизионную комиссию (за — 245, против — 20).

Леонид Пантелеев (Алексей Иванович Еремеев, 1908–1987) — прозаик, автор «Республики ШКИД» (вместе с Г. Г. Белых) и других известных детских книг. Избран в правление (за — 204, против — 61).

Александр Моисеевич Володин (Лившиц, 1919–2001) — драматург, сценарист, поэт, прозаик. Избран в правление (за — 180, против — 85).

Юрий Геннадиевич Томин (наст. фамилия Кокош, 1929–1997) — детский писатель и фантаст, автор повести-сказки «Шел по городу волшебник...» (1963) и др. произведений. Выдвинут делегатом на съезд, кандидатура отведена.

Виктор Владимирович Голявкин (1929–2001) — детский писатель, художник, книжный график, автор сборников детских рассказов и повестей «Тетрадки под дождем» (1959), «Мой добрый папа» (1964), «Привет вам, птицы» (1969) и мн. др. Одновременно в самиздате (например, в «Синтаксисе» А. Гинзбурга) распространялись его рассказы для взрослых. В правление не прошел (за — 119, против — 146).

Юрий Сергеевич Рытхэу (1930–2008) — чукотский и русский писатель, автор повестей, рассказов и стихов о Чукотке. Жил в Ленинграде, в 1970–1980-х гг. был одним из секретарей правления ЛО СП. Г. С. переводил некоторые его произведения (см. примеч. № 63). Избран в ревизионную комиссию (за — 257, против — 8).

40. Вера Федоровна Панова (1905–1973) — прозаик, автор многочисленных романов и повестей, трижды лауреат Сталинской премии. В связи с делом Бродского Панова занимала достаточно осторожную позицию, хотя ее муж Д. Я. Дар и сын Б. Б. Вахтин были среди активных защитников поэта. В своем выступлении Панова упоминает выборы в правление Союза писателей РСФСР на 1-м (учредительном) съезде этой организации (07–13 декабря 1958).

41. Выше Г. С. перечисляет своих единомышленников, представителей «либеральной» фракции, выдвинутых в руководящие органы ЛО СП (см. примеч. № 39), однако в состав правления попали и многие писатели более консервативной политической ориентации, например П. И. Капица (146/119), А. Е. Решетов (143/122), Г. К. Холопов (162/103), О. Н. Шестинский (141/124) и др. Полный состав избранного правления (46 человек) см.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 1. Д. 499. Л. 2–2 об.; Литературная Россия. 1965. 12 февр. На заседании нового правления 19 января 1965 г. первым секретарем правления был избран М. А. Дудин, вторым — Д. А. Гранин.

42. «Чужеед» — очевидно, ошибка машинистки; правильно — «гужеед». В литературном жаргоне 1960-х этот термин применялся к писателям националистической ориентации (изначально — уничижительное прозвище деревенских извозчиков-«ванек», приезжавших в столицы на промысел).

43. Петр Созонтович Выходцев (1923–1994) — литературовед и критик, близкий к «русской партии» в руководстве КПСС, член Союза писателей СССР. В 1953–1962 и 1969–1986 гг. — старший научный сотрудник Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). В 1962–1974 гг. преподавал в Ленинградском университете, был доцентом, профессором и заведующим кафедрой советской литературы. В 1974–1986 гг. — старший научный сотрудник ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом); в этот период дважды избирался секретарем парторганизации института. С сер. 1980-х гг. — активный участник национально-патриотического движения, в начале 1990-х руководил Ленинградской областной

писательской организацией «Содружество». В правление ЛО СП был выдвинут Н. Ф. Григорьевым, кандидатура снята с голосования после отвода С. М. Бытового (Там же. Л. 238, 246–247).

44. Всеволод Петрович Воеводин (1907–1973) — писатель, отец Евгения Воеводина (см. примеч. № 10). Семенову приписывается эпиграмма (1963; приписывалась также М. А. Дудину): «Дорогая родина, / Чувствуешь ли зуд? / Оба Воеводина / По тебе ползут» (Эпиграммы 1988: 75). Другой вариант эпigramмы, сохранившийся в рукописях Г. С., воспроизведен в кн.: Семенов/Хмельницкая 2014: 206.

45. Кроме Панича (см. примеч. № 28), с критикой Воеводина-младшего выступали Долинина и Македонов (см.: Золотонос 2013: 633).

46. В машинописной копии письма — «доносы». Написание «доносье» появляется при публикации фрагмента в примечаниях к дневникам Чуковской. Поскольку эта публикация осуществлялась, скорее всего, по оригиналу, мы восстанавливаем здесь шуточный термин, любимый Г. С. («работал в жанре доносье»).

47. Осенью 1964 г. Г. С. окончательно перебирается в Москву, где с 1962 г. бывал лишь наездами: в 1961 г. в Москву из Ленинграда переехали его жена, Н. В. Охотина (см. примеч. № 49), а в 1963-м — их сын (см. примеч. № 61).

48. К апрелю 1965 г. стало ясно, что работу в «Юности» Г. С. получить не удастся, и ему пришлось устроиться референтом в Союз писателей РСФСР.

49. Имеется в виду Наталья Вениаминовна Охотина (1927–1999), вторая жена Г. С., лингвист, специалист по африканским языкам.

50. Отсылка к стихотворению Г. С. «Друзей не благодарят...» (Семенов 2004: 286).

51. В книге «Памяти Фриды» Чуковская подробно описывает, как 14 января 1965 г. она и близкие Вигдоровой ждали в больнице результатов ее операции и как потом скрывали от нее диагноз (рак поджелудочной железы), как доставали «заморское» лекарство (по просьбе Льва Копелева этим занимался Генрих Белль — см.: Фатыхова 2017: 39).

52. Авторский концерт Д. Д. Шостаковича прошел 20 ноября 1964 г. в Малом зале Московской консерватории. Состоялось первое исполнение квартетов № 9 ми-бемоль мажор и 10 ля-бемоль мажор (ор. 117 и 118); концерт был повторен в том же зале 14 декабря 1964 г. (см.: Баласанян 2005: 62). Г. С. тоже намеревался быть на премьере (см.: Семенов/Хмельницкая 2014: 53).

53. Список неопубликованных стихов Г. С., вероятно, передал в больницу кто-то из его близких друзей. Ср. его письмо к Т. Ю. Хмельницкой от 11 мая 1965 г.: «А „баловать“ меня, очевидно, необходимо: без этого уже не пойдут стихи. И хотя я был крайне удивлен, когда Фрида мне написала, что получила мои стихи на 70 страницах, — все же это было приятно. Если это через Вас, то, пожалуй, только не нужно было посылать „Двое“ и т. п. И стихи, увы, не существуют сами по себе!» (Семенов/Хмельницкая 2014: 118).

54. Имеется в виду стихотворение «Мы обменялись городами...», посвященное поэту Герману Борисовичу Плисецкому (1931–1992). Приводится в письме Г. С. к Т. Ю. Хмельницкой от 6 декабря 1964 г. (Семенов/Хмельницкая 2014: 69). Впоследствии получило название «Другу» и стало первым стихотворением цикла «Три послания на Неву» (Семенов 2004: 330–331). Поэтическую переписку Г. С. и Плисецкого см.: Семенова 2020.

55. Имеется в виду стихотворение «Не плачь ты, о слышишь, не плачь ты!..», адресованное поэтессе Елене Андреевне Кумпан (1938–2013), будущей жене Г. С. Первоначальный вариант — тот, который читала и Ф. А., — приводится в письме Г. С. к Т. Ю. Хмельницкой от 26 ноября 1964 г. (Семенов/Хмельницкая 2014: 61–62). В окончательном

варианте стихотворение получило название «Стансы» и с эпиграфом из стихотворения Кумпан — «...А кроме этой родины, дружок, что ты еще имеешь за душу?..» — вошло в цикл «Чудо в толпе. 1958–1967» (см.: Семенов 2004: 311).

56. Стихотворение «Так вот оно — спасение души!..» посвящено Г. Б. Плисецкому (см.: Семенов 2004: 327).

57. Комплиментарная аллюзия на стихи Пастернака «Всю ночь читал я твой завет / И как от обморока ожил» («Рассвет», 1947, опубли. в 1956 г.).

58. Имеется в виду небольшой поэтический сборник, вышедший из печати в сентябре 1964 г.: Семенов Г. С. Отпуск в сентябре. М.; Л.: Советский писатель, 1964.

59. За два месяца до написания этого письма Вигдоровой исполнилось 50 лет (она родилась 3 [16] марта 1915 г.). «Свое 50-летие Ф. А. отмечала в Переделкине, на даче у Т. И. и Вяч. Вс. Ивановых, нижний этаж которой в это время снимали у них Ф. А. с мужем А. Б. Раскиным, а также Л. З. Копелев и его жена Р. Д. Орлова. Описание этого дня рождения дает Л. К. Чуковская в своей книге „Памяти Фриды“, глава „Гюгополис“ [Чуковская 2000: I, 391–392]» (Вигдорова Е. / Раскина 2017: 412).

60. Вероятно, отдаленная реминисценция строчек: «Самое страшное, это когда / Стихи начинают сбываться!» из стихотворения Г. С. «Глухо у нас во дворе в декабре...» (Семенов 2004: 282). Стихи могли быть включены в подборку, которую читала Ф. А. в больнице (впервые опубликованы лишь в 1990 г.).

61. Никита Глебович Охотин (род. в 1949 г.) — сын Г. С., впоследствии филолог, архивист, активист общества «Мемориал».

62. Почтовая карточка.

63. Имеется в виду незадолго до того вышедшая детская книжка: Рытхэу Ю. С. Медвежий компот. [Стихи. Для дошкольного возраста] / Авторизованный перевод с чукотского Г. Семенова. М.: Малыш, 1965.

64. После юбилейного дня рождения, о котором шла речь в предыдущем письме (см. примеч. № 59), «Ф. А. два месяца чувствовала себя неплохо, но потом началось ухудшение. В мае ее снова положили в больницу и провели повторный курс химиотерапии. На этот раз „за-морское лекарство“ не подействовало. Ф. А. выписалась из больницы домой, и еще некоторое время работала над своей последней повестью „Учитель“. В июле она слегла. Ф. А. умерла 7 августа 1965 г.» (Вигдорова Е. / Раскина 2017: 412).

Литература

- Баласанян К. С. (2005): К истории исполнения камерной музыки Д. Д. Шостаковича. По дневникам В. Борисовского // Дмитрий Шостакович. Исследования и материалы. Вып. 1. М.: DСH. С. 45–66.
- Вигдорова Е. И., Раскина А. А. (сост.) (2017): Фрида Вигдорова. Право записывать [Сборник]. М.: АСТ.
- [Вигдорова Ф. А.] (1965): Стенографический отчет процесса Иосифа Бродского // Воздушные пути. Альманах. Вып. IV. Нью-Йорк, 1965. С. 279–303. — В конце публикации прим.: «Записала Ф. В.».
- Волотова Н. [Семенова Н. Г.] (1988): Как создавался «Робинзон» // «Я думал, чувствовал, я жил». Воспоминания о Маршаке. М.: Советский писатель. С. 188–196.
- Гордин Я. А. (2010): Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел. О судьбе Иосифа Бродского. М.: Время.
- Золотоносов М. Н. (2013): Гадюшник. Ленинградская писательская организация: избранные стенограммы с комментариями. М.: Новое литературное обозрение.
- Косцинский К. В. (1978): В тени большого дома. Воспоминания / Сост. и подг. текста Е. Гессен. Tenaflu (N. J.): Эрмитаж.

- Краткий курс (1938): История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Лосев Л. В. (2008): Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия.
- Память (2017): Исторический сборник «Память». Исследования и материалы / Сост. и коммент. Б. Мартин, А. Свешникова. М.: Новое литературное обозрение.
- Маршак С. Я. (1972): Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. М.: Художественная литература.
- Освобождение (2000): Освобождение. [Документы о пересмотре «дела о тунеядстве» Иосифа Бродского] / Публ. Н. Г. Охотина // Звезда. № 5. С. 67–75.
- Розенблюм О. М. (2018): О «литературности», «документализме» и «юридическом языке» записей суда над Бродским. Обсуждение доклада Ольги Розенблюм «Записать суд над Бродским — как и для кого?» в Международном Мемориале 21 июня 2017 г. // Аста Samizdatica. Вып. IV. М.: ГПИИБ России; Международный Мемориал. С. 249–278.
- Семенов Г. С. (2004): Стихотворения и поэмы / Сост., вступ. ст. и примеч. Е. А. Кумпан. СПб.: Академический проект.
- Семенов Г. С., Хмельницкая Т. Ю. (2014): «Говорить друг с другом, как с собой...». Переписка 1960–1970-х годов / Сост. и примеч. Л. Г. Семенов. СПб.: Изд-во журнала «Звезда».
- Семенова Л. Г. (сост.) (2020): Герман Плисецкий // Глеб-гвардии Семеновский полк. Вспоминая Глеба Семенова. Кн. 1. СПб.: Геликон-Плюс. С. 385–401.
- Тименчик Р. Д. (2014): Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы. Изд. 2-е, исправленное и расширенное. Т. I–II. М.: Мосты культуры / Гешарим.
- Фатыхова Н. (сост.) (2017): Генрих Белль, Лев Копелев. Переписка. 1962–1982. М.: Libra.
- Чуковская Л. К. (1997): Записки об Анне Ахматовой. Т. 3. 1963–1966 / Сост. и примеч. Е. Ц. Чуковской и Ж. О. Хавкиной. М.: Согласие.

-
- Чуковская Л. К. (2000): Сочинения: в 2 т. Т. 1. Воспоминания. М.: Гудьял-Пресс.
- Шнейдерман Э. М. (1998): Круги на воде (Свидетели защиты на суде над Иосифом Бродским перед судом ЛО Союза писателей РСФСР) // Звезда. № 5. С. 184–199.
- Эдельман О. В. (2007): Процесс Иосифа Бродского // Новый мир. № 1. С. 152–167.
- Эпиграммы (1988): 323 эпиграммы / Сост. Е. Г. Эткинда. Paris: Syntaxis.
- Эткинд Е. Г. (1988): Процесс Иосифа Бродского. London: Overseas Publications Interchange Ltd.
- Эткинд Е. Г. (2001): Записки незаговорщика. Барселонская проза. СПб.: Академический проект.

Ольга Розенблюм

Общественный, народный, метафорический? Суд над Иосифом Бродским в записи Фриды Вигдоровой

Эта статья представляет собой комментарий к четырем неполным страницам блокнота, в котором Фрида Вигдорова конспектировала происходившее на суде над Иосифом Бродским 13 марта 1964 года. При расшифровке записи эти четыре страницы превратились примерно в одну страницу печатного текста — сегодня хорошо известного¹.

Вопросы, которые эта запись вызывала — сначала у участников событий, затем у исследователей — касались, прежде всего, полноты записи, а следовательно и ее достоверности², вопросы последних лет касались другого аспекта, с предыдущим тесно связанного, — соотношения языков права и этики в записи Вигдоровой³. Этой теме — «литературности», «документализму» и «юридическому языку» двух записей одного заседания суда 13 марта 1964 г. — была посвящена дискуссия в «Международном Мемориале», позже опубликованная ([Розенблюм] 2018а), — однако без самого доклада, ее спровоцировавшего.

1 В этой работе запись цитируется по первой русскоязычной публикации в альманахе «Воздушные пути»: Вигдорова 1965. Комментируя запись Вигдоровой, мы опираемся здесь, прежде всего, на следующие публикации о деле Бродского: Эткин 1988, Освобождение 2000, Эдельман 2007, Гордин 2010, Золотоносов 2013.

2 См., напр., беседу о записи Вигдоровой Бродского и Соломона Волкова: «Там, может быть, одна шестая процесса» (Волков 1998: 74). О том, что запись не является стенограммой, см.: Раскина 2017: 263.

3 Близкой теме, но рассмотренной на другом материале (на материале статей Вигдоровой), посвящена статья Ребекки Райх (Reich 2022).

Сегодня, возвращаясь к той работе⁴, мы хотели бы не доказывать абсолютное отсутствие внимания к языку права со стороны защитников Бродского, — тема нашего тогдашнего доклада, — но сконцентрироваться на тех языках, с помощью которых Вигдорова апеллировала к этике.

Заседание суда 13 марта Вигдорова записывала в блокноте и в «тетради для записи слов», в какие в начальной школе вносили словарные слова; Александра Раскина помнит, что именно такие тетрабочки и любила ее мама. Записывать Вигдорова, однако, начала не в этой тетрабочке⁵, к началу заседания совершенно чистой, а в уже отчасти заполненном блокноте сидевшей рядом Натальи Долининой, полагая, вероятно, что чистых 22 страничек блокнота Долининой ей хватит.

Вигдорова не собиралась записывать все — поскольку результатом ее записей должен был быть газетный очерк⁶. Получив в «Литературной газете» командировку в Ленинград с запретом использовать ее именно для записи суда над Бродским (Вигдорова 1964б), она все же пришла на суд именно с этой целью — поскольку других инструментов, кроме создания и публикации очерка, у нее не было; очерк же предполагает, что автор, во-первых, отбирает для него самое важное, а во-вторых — это важное комментирует, дает свой, авторский, голос, абсолютно ясно выражающий его позицию.

Второе заседание суда записывала не только Вигдорова. Химик Юрий Варшавский, до того как его вывели из зала за многозначительное покашливание, успел записать очень многое. Переведа сделанный в зале суда конспект в запись, сам конспект он хранить не стал. Рукопись с итоговым текстом не предназначалась для распространения,

4 Основные положения того доклада, однако, вполне реконструируемы по тезисам, предворяющим публикацию, и по нашим ответам на вопросы, опубликованным внутри общей дискуссии.

5 Эта тетрабочка хранится в архиве Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете.

6 Очерки Вигдоровой, публиковавшиеся в «Известиях», «Комсомольской правде», той же «Литературной газете», были по объему примерно в 4 раза меньше записи двух заседаний судов над Бродским.

она хранилась дома⁷, читали ее только ближайшие друзья (сохранились их пометки), в 1998 г. с небольшими исправлениями ее опубликовал Яков Гордин, затем она была передана в архив Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете (Варшавский 1998)⁸.

Существенно, что слово, не свойственное Вигдоровой, но употребленное ею в письме к редактору «Литературной газеты» А. Б. Чаковскому при посылке ему записи 16 марта 1964 г., Варшавский выбирает совершенно сознательно: «протокол» — поскольку, как он говорил в 2014 г., его задачей было именно максимально точно зафиксировать все сказанное в зале, для себя и для истории. У Вигдоровой же были вполне прагматическая задача — досрочное освобождение Бродского — и опыт журналиста, приучивший ее сходу отбирать то, что создаст очерк.

Медленно читая самые первые страницы записи в блокноте, мы постараемся здесь сделать предположения о том, как защитники Бродского планировали это заседание — в той части, где это от них зависело, — и с помощью каких ключевых слов и тем Вигдорова выстраивала запись.

Статус суда: общественный или народный?

Вот первые строчки конспекта:

Суд над тунеядцем Бр.
у вас много
возм-стей раб. пост.
Я до сих пор незнаком
с делом

7 Личная беседа автора статьи с Ю. С. Варшавским 18 апреля 2014 года.

8 Поскольку при публикации была произведена минимальная правка (исправлен год рождения Бродского и т. п.), здесь разбирается не опубликованный вариант, но архивный подлинник, в дальнейшем обозначаемый: Варшавский 1964б.

Стихи на стр. таких-то 143, 141,
155, 200, 234 мне не принадле
жат. К 1958 году — записи: прошу
их к ~~записи~~ делу не принадлежатьобщать
(Вигдорова 1964а: 15)

Фонтанка, 22, зал Клуба строителей. 13 марта 1964 года.

Заключение экспертизы гласит: В наличии психопатические черты характера, но трудоспособен. Поэтому могут быть применены меры административного порядка.

Идущих на суд встречает объявление: *Суд над тунеядцем Бродским*. Большой зал Клуба строителей полон народа.

— Встать! Суд идет!

Судья Савельева спрашивает у Бродского, какие у него есть ходатайства к суду. Выясняется, что ни перед первым, ни перед вторым он не был ознакомлен с делом. Судья объявляет перерыв. Бродского уведут для того, чтобы он смог ознакомиться с делом. Через некоторое время его приводят, и он говорит, что стихи на страницах 141, 143, 155, 200, 234 (*перечисляет*) ему не принадлежат. Кроме того, просит не приобщать к делу дневник, который он вел в 1956 году, то-есть тогда, когда ему было 16 лет. Защитница присоединяется к этой просьбе.

(Вигдорова 1965: 282–283)

Первая записанная Вигдоровой в блокнот фраза — объявление, признавшее Бродского тунеядцем еще до судебного разбирательства вопроса, тунеядец ли он. Расшифровывая конспект, перед этой фразой Вигдорова дала адрес, где заседал суд, дату: необходимые формальности, среди которых, однако, не было главной — статуса заседания, который действительно был долго неясен и уже хотя бы поэтому нуждался в прояснении.

К началу судебного процесса, к 18 февраля, пришедшие на суд его не понимали. Юрий Варшавский сразу после первого заседания за-

писал для памяти: «В субботу или воскресенье стало известно, что во вторник, 18.2, он предстанет перед судом. Какой это будет суд — официальный (т. е. народный) или общественный — не было ясно» (Варшавский 1964а: 1)⁹.

Неясно было, где будет суд — на набережной Фонтанки, 22, в клубе ремстройконторы № 15, или в зале Дзержинского районного суда на ул. Восстания, 38. На Фонтанке, 22 Варшавскому сказали, что суд «отложен на неопределенное время» (Варшавский 1964а: 1), он тем не менее пошел на ул. Восстания, где и состоялось заседание. Перед его началом Наталья Долинина пыталась успокоить толпившихся в вестибюле: «Судья поговорит с ним и, вероятно, отсутит» (Варшавский 1964а: 1). Очевидно, что и для переживавших за подсудимого ровесников Бродского, и для более информированных людей из круга Вигдоровой, Эткинды и Долининой ко времени начала первого заседания суда статус его ясен не был. Неясным он оставался и после окончания недолгого заседания: он явно не был судом общественности, поскольку проходил в здании суда и в помещении, где общественность поместиться не могла бы¹⁰, но по форме на народный суд он тоже не походил: после заседания сумевший пройти на него Евгений Клячкин пересказывал, что происходило за закрытыми дверями, — «Адвокат не выступала. Свидетели не допрашивались» (Варшавский 1964а: 3).

К чему, к какому сценарию готовились Вигдорова, Эткинд, Грудина? У них был тот же выбор, что и у следивших за делом ровесников Бродского, и варианты между ними обсуждались самые разные, но в целом их прогнозы были мрачнее, поскольку мрачнее был опыт их поколения. 2 декабря 1963 г., через несколько дней после выхода фельетона «Окололитературный трутень», Лидия Чуковская записала в дневнике: «Кончается статья угрожающе: „Такому, как Бродский, не место в Ленинграде“. Знаем мы это „не место“. Десятилетиями оно

9 С этой записью, хранившейся у него дома, Юрий Сергеевич Варшавский разрешил мне ознакомиться во время нашего разговора 18 апреля 2014 года.

10 По оценкам Юрия Варшавского, на лестнице, перед закрытой дверью, за которой шло заседание, было около ста человек; милиционеры говорили им разойтись, т. к. внутри есть и родственники, и «общественность» (Варшавский 1964а: 2).

означало одно место: лагерь» (Чуковская 1997: 114). Меж тем, по воспоминаниям Якова Гордина, ни Бродский, ни он сам фельетон как однозначную угрозу не оценивали:

«<...> до фельетона вообще не было особых опасений, честно говоря. Ну, Лернер Осю вызывал. Ну, вызывал. Ну, кто такой Лернер? Подумаешь, фигура. Мы же не знали всей подоплеки этого дела — что уже разработана некая программа. А после фельетона, сразу после фельетона, тоже как-то мысли о том, что это может кончиться арестом, не было. Ну да, человека ошельмовали, что там будет дальше, не очень понятно. Как я догадываюсь, постепенно только появлялось ощущение настоящей опасности. Потому что сначала и Иосиф достаточно легкомысленно к этому отнесся. <...> А тут-то, собственно говоря, что, какие обвинения? Что он мало работает? Ну это опровергаемо. Не помню, чтобы это хоть раз прозвучало. Это казалось абсолютной околесицей, и, повторяю, казалось, что это можно при некоторой энергии развернуть обратно. Фельетон, не будут печатать, поставят клеймо — с этим ничего не сделать. Но то, что посадят, — это все-таки... Тем более как-то немножко забылось, что он уже дважды попадал в руки этим ребятам.

— Это тогда не было для вас опасением?

— Это не связывалось. Вот как-то странным образом не связывалось. Ну да, ну, задержали, пожурили, отпустили. Это вообще, насколько я помню, не воспринималось как политический процесс. <...> Мне трудно сейчас воссоздать психологический контекст. Но одно точно совершенно — такой поворот сюжета был совершенно неожиданен. Никак не рассчитывали на тот суд, который произошел в реальности, поскольку это было настолько абсурдно и чудовищно. Чувствовали себя гораздо увереннее. Даже после первого суда, этого коротенького, — и то казалось, что все это не до конца серьезно. Хотя уже, конечно, было ощущение большой опасности.

— Было ощущение, что это что-то первое, из ряда вон выходящее, что есть какая-то специальная?..

— Конечно, конечно. Вот этот суд, большой суд, конечно, очень многое для нас прояснил. Потому что было такое легкомыслие — а что они могут с нами сделать? А что угодно, как выяснилось.

(Личная беседа автора статьи с Я. А. Гординым 28 сентября 2011 года.)

О том, что первая версия суда была — суд общественный, пишет в своих воспоминаниях Наталья Долинина¹¹, и подтверждения мы находим в документах надзорного дела в ГАРФе:

...Слушали письмо прокурора Дзержинского р-на.

т. Лернер зачитывает письмо прокурора Дзержинского района о И. Бродском, с требованием предать его общественному суду.
<...>

т. Лернер просит Секретариат выделить 4–6 человек писателей для участия в Общественном суде.

Выступали т.т. Прокофьев, Браун, Капица, Дмитриевской <Дмитревский>, Чепуров, Кукушкин, Азаров, Абрамкин, Брыкин, Федоренко, Гранин, Шейкин, Новиков, Подзелинский, Ходза, Шестинский и
единогласно ПОСТАНОВИЛИ:

11 «Первый этап — в декабре — был связан с намерением Лернера организовать над Бродским общественный суд на заводе „Электросила“. Сначала он, видимо, хотел устроить такой суд в Доме писателей. Но Прокофьев, хотя и выдал Лернеру бумагу, свидетельствующую, что Бродский не является поэтом и не имеет никакого отношения к Союзу писателей, все-таки не захотел разрешить суд в своем помещении. Тогда Лернер обратился на „Электросилу“. <...> Суд на „Электросиле“, насколько мне помнится, намечался в конце декабря. Предотвратить его казалось невозможным. <...> Суд на „Электросиле“ не состоялся для меня совершенно неожиданно. Его удалось отменить главному конструктору Ленинградского Металлического завода Г. С. Щеголеву» (Долинина 1965: 5–6).

В категорической форме согласиться с мнением прокурора о предании общественному суду И. Бродского.

<...> 4. Поручить выступить на общественном суде <sic!> т.т. Н. Л. Брауна, В. В. Торопыгина, А. П. Эльяшевича и О. Н. Шестинского. Просить суд включить в состав президиума суда О. Н. Шестинского¹².

Можно предположить, что суд общественности над Бродским не состоялся (в том числе) потому, что на нем могли бы выступить и литераторы, не согласные с осуждением Бродского, — а они уже с декабря 1963 г. писали письма в различные инстанции и явно собирались продолжать защиту; формально они тоже были общественностью, чье мнение надо было бы учитывать.

Вполне понимая, что в поле нашего внимания попадают только отдельные части айсберга и что весь спектр обсуждений и ожиданий мы здесь не восстановили, приведем такую цитату:

Когда я заикнулась было, что, если суд состоится, Фрида непременно приедет, всё запишет и выступит со статьей в газете, — Ардов закричал на меня:

— Вы не знаете, о чем говорите! Если будет общественный суд — мальчика оттуда на носилках вынесут! Писать можно только до суда и совсем не в газету.

(Чуковская 1997: 126)

Общественного суда защитники Бродского боялись, но чего они ожидали от суда, на котором есть судья и адвокат? Большой справедливости? Возможности повлиять на процесс — с помощью двух рычагов: выступить на нем в качестве свидетелей защиты (Эткинд, Грудина, Адмони) и записать его, опубликовать как очерк (Виг-

12 Выписка из протокола № 19 заседания Секретариата и членов Партбюро Ленинградского Отделения Союза Писателей РСФСР от 17 декабря 1963 г. // ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 99616. Л. 7. Номер заседания изменен от руки, добавлено: «21 в подлиннике».

дорова)? У Вигдоровой был опыт успешного изменения траектории запланированной травли писателя¹³ и траекторий людей, далеких от литературы, она писала уже когда-то — правда, на волне первых хрущевских лет — и о заседании суда (Вигдорова 2017/1955), и об осужденных, уже отбывающих наказание, к которым можно было бы проявить снисхождение (Вигдорова 2017/1959); речь в этих случаях шла именно о молодых людях. Предположим, что защитники Бродского круга Вигдоровой ориентировались на сценарий общественного суда, не только в том смысле, что он казался страшнее, но и в содержательном плане — предполагая, что на суде народном выступления от имени общественности тоже будут, а значит, они там тоже смогут выступить от имени общественности — литературной, — и что, привнеся в среду не-коллег свой достаточно высокий общественный статус, они смогут повернуть ход событий.

С точки зрения юриста, тогдашняя судебная практика действительно оставляла участникам судебных процессов, выступавших от лица общественности, простор для непонимания статуса заседания и необоснованного оптимизма:

По форме процесс над Бродским больше всего похож на то, что мы сегодня назвали бы делом об административном правонарушении. Еще не было единого Кодекса об административных правонарушениях, он появится только 20 лет спустя, в 1984 году, но неуголовные правонарушения существовали в различных законах и указах Президиума Верховного Совета. По одному из таких указов и судили Бродского. Хотя, сокращая Бродскому срок ссылки, Верховный суд РСФСР сослался на Уголовно-процессуальный кодекс, процесс был неуголовный, и нормы УПК были применены, скорее всего, по аналогии: в 1960-х годах еще

13 Вигдорова записывала обсуждение романа Дудинцева «Не хлебом единым» в ЦДЛ, когда защитникам романа, благодаря председателю Вс. Иванову, удалось столько хорошего сказать о романе, что оппоненты его не выступили или смягчили свои высказывания, а запланированная Вс. Кочетовым разгромная статья в «Литературной газете» с описанием этого обсуждения уже не могла состояться (Розенблюм 2018б).

не было не только единого законодательства об административных правонарушениях, но и норм о производстве по таким делам и общих положений о наказаниях.

(Коротеев 2018: 280)

Второе заседание суда — а, может быть, фактически и первое, поскольку предыдущее было «беседой» без выступлений иных, помимо судьи, обязательных участников судебного процесса, — состоялось уже именно в зале той самой конторы, где, как предполагал за месяц до того Варшавский, пройдет суд общественности. Суд этот, однако, общественным не был: «Протокол выездного заседания Дзержинского народного суда по делу И. А. Бродского, обвиненного в тунеядстве» (Варшавский 1964б: 1), — так озаглавил Варшавский сделанную им запись¹⁴. Это был народный суд, но выездное его заседание, то есть такое, при котором могла присутствовать общественность: примерно половину зала и занимала специально привезенная на суд общественность, еще половину — люди, пришедшие поддержать Бродского.

Итак, Вигдорова не стала давать в записи статус суда (народный? общественный?), превратив его сразу в абстрактный, метафорический («Суд над...», «Встать! Суд идет!»). Она упомянула заключение экспертизы, отсутствующее у Варшавского и, напротив, очень кратко пересказала то, что у Варшавского занимает около 6 рукописных страниц: уже эта первая запись в блокноте позволяет нам сказать, что Вигдорова не собиралась создавать протокол, а отбирала для записи нужное.

Что именно она опустила? Что не подходило — для ее будущей статьи, про которую было неясно, в какой степени она возможна, и для посылки записи в инстанции?

Судья спрашивает Бродского, был ли осуществлен труд по договорам, какова общая сумма вознаграждений и за какой период: «220 или 230 рублей» (Варшавский 1964б: 3). Эта запись Варшавского показывает: защитники Бродского не обсуждали заранее с адвокатом стратегию

14 Номера листов здесь указываются не в соответствии с нумерацией, сделанной самим Варшавским, но начиная с титульного листа, который он оставил пронумерованным.

защиты на суде. Еще в конце 1980-х гг. адвокат Топорова, по воспоминаниям ее внучки, сожалела о том, что во время суда она не знала, что переиздания увеличивают гонорарные выплаты, — она могла бы тогда утверждать, что Бродский зарабатывал достаточно, чтобы обвинение в тунеядстве оказалось несостоятельным:

Все эти люди, помощники добровольные, вроде Вигдоровой, еще каких-то людей из писательской среды, не подсказали вообще ей про гонорары за переиздания. Эта знаменитая история про то, что он живет на 40 копеек в день¹⁵, — но штука была не в этом. Стихи, которые он переводил, несколько раз переиздавались. А за переиздания переводчику тоже платили гонорар. Меньше, но доплачивали. То есть эта сумма, на которую он жил, если бы бабушке подсказали литературные деятели, что это происходит вот так, автоматически увеличилась бы на треть, по крайней мере. Не 40 копеек, а 60. <...> Но все галдели скорее, что это ужасно, ужасно. А собственно делу никто толком не помог.

(Личная беседа автора статьи с А. В. Топоровой, 3 июня 2014 г.)

В чем суть дела и, соответственно, суть защиты для адвоката Топоровой? Это вполне конкретный, без всяких абстракций и символов, вопрос: сколько зарабатывает подсудимый, соответствует ли его заработок прожиточному минимуму? Если соответствует — значит, он не тунеядец, обвинение несостоятельно.

Для Вигдоровой и ее постоянного друга-корреспондента Эткинда, который, вероятно, и договаривался с двумя другими свидетелями защиты, Натальей Грудининой и Владимиром Адмони, о том, что и как они будут говорить на суде, вопрос о сути дела тоже сначала был вполне конкретен — это был вопрос о практике переводческой работы. Тем не менее, этот конкретный вопрос был связан с другими, для юриста Зои Топоровой уже совершенно абстрактными: «Как Вы поймете, дело не только в Бродском, а в том глубоком неуважении к интеллигенции и литературному труду, которые такие судьи воспитывают у людей.

15 Этот эпизод в записи см.: Вигдорова 1965: 284.

Дело в чудовищном беззаконии, которое я наблюдала» (Вигдорова 1964б), — эти слова Вигдорова написала Чаковскому через три дня после суда при посылке ему уже готовой записи: за эти три дня, а скорее, за то время, что длилось заседание суда, Вигдорова переформулировала суть происходящего. Оказалось, что защитники Бродского отстаивали ценности, а не только свидетельствовали о практике, т. е. отчасти выполняли задачу, которую нужно было бы решать — на общественном суде. Отстаивать ценности — защищать литературу — она и призывала редактора «Литературной газеты», оставляя за ним возможность решение изменить и очерк ее опубликовать.

Запись Варшавского сохранила для нас такую деталь: решение о выступлении Адмони было принято в последний момент¹⁶, а изначально в качестве свидетелей были утверждены Грудина и Эткинд — мало, но все же знавшие Бродского. Пригласив Адмони, защитники Бродского (те, кто постоянно по телефону, по переписке обсуждал стратегии защиты — Эткинд, Семенов, Грудина, Долина) повторили, в сущности, ход, который был основным для стороны обвинения: допрашивать не тех, кто знает лично Бродского и его переводы, а тех, кто может говорить вообще о сути вопроса — либо с позиций личного опыта, либо в качестве представителей общественности. Свидетельства об абсолютно конкретной практике и ее ценностях связаны друг с другом через описание образа жизни переводчика. То, что свидетельствующим придется балансировать между этими двумя видами свидетельства, было понятно им с самого начала, еще во время подготовки суда. Однако свидетельство об образе жизни и ценностях именно во время суда стало для защиты особенно важной задачей. Задача Вигдоровой — умевшей быть абсолютно конкретной, четкой и способной разговаривать с чиновниками на их языке, — во время суда изменилась именно так.

16 «Нет ли каких-либо ходатайств у адвоката?» (Варшавский 1964б: 3): адвокат просит приобщить к делу и обозреть документы, подтверждающие обширность и признанность переводческой работы Бродского (Варшавский 1964б: 4), и «допросить в качестве свидетеля профессора Адмони» (Варшавский 1964б: 3–4).

Редактура и сокращения: причины

Итак, очерк Вигдоровой должен был сразу направлять читателя к сути дела (суд — неправый!) и не должен был, особенно в самом начале, невыгодно представлять Бродского¹⁷. Какие еще были причины, заставлявшие Вигдорову исключать тот или иной фрагмент из записи?

Разбирается поступившее «ходатайство штаба народной дружины об участии в процессе т. Сорокина в качестве общественного обвинителя». Бродский возражает («Потому что на протяжении последних трех месяцев дружина ведет себя по отношению ко мне совершенно неподобающим образом»), «адвокат поддерживает ходатайство Бродского» (Варшавский 1964б: 5). Вероятно, этот фрагмент Вигдорова не включила в запись, избегая упоминания дружины как институции реальной общественности.

«Суд совещается на месте»: удовлетворяются все ходатайства всех сторон, кроме приобщения к делу «одного почтового перевода, относительно которого не ясно, кому и за что переводятся деньги, и отзыва от секции переводчиков, не оформленного официально» (Варшавский 1964б: 5). Этот фрагмент отсылал к Эткинду, который составил отзыв от секции переводчиков, зная настроение бюро секции и находя в нем поддержку. Столкновение двух документов и людей, за ними стоявших, Вигдорова, однако, описывать не стала — но дала позже показания Воеводина о том, что свой отзыв от имени секции переводчиков он не согласовал с самой секцией (Вигдорова 1965: 296).

После перерыва Вигдорова опять не включает невыгодный для Бродского эпизод — уход из геологической партии¹⁸. Юрий Варшав-

17 Вместе с невыгодным, однако, пропало и выгодное. См. запись Варшавского: работал по договорам, на момент задержания договор был, с сентября 1962 г. выполнил 4 работы по договорам и 1 по трудовому соглашению, были выполнены также работы без договора; с материалами дела не ознакомился, т. к. не знал, что имеет на это право, адвокат не подсказала, потому что ни в камере предварительного заключения, ни в больнице «не имел возможности встретиться с адвокатом» (Варшавский 1964б: 2–5).

18 «Судья разъясняет Бродскому и Сорокину их права <...>» (Варшавский 1964б: 6), в том числе право обращаться с ходатайствами; Сорокин обращается с

ский продолжает последовательно отражать сам ход процесса: защитница возражает против ходатайства Сорокина, «против приобщения к делу письма начальника геологической партии, так как неясно, кем оно подписано, кому адресовано и как оказалось в редакции газеты» (Варшавский 1964б: 6)¹⁹.

Выводы, которые можно сделать из приведенных здесь примеров: Вигдорова не подчеркивает нарушения именно со стороны судьи и смягчает сказанное Бродским, как видно будет в том числе по ее последующим записям на этом суде — превращая его из активного участника процесса, каким он, делающий одно ходатайство за другим,

ходатайством, Бродский обращается с ходатайством. Ходатайство Бродского есть и у Вигдоровой: изъять из дела не принадлежащие ему стихи и дневник 1958 г., который он вел до 16 лет. А вот ходатайства Сорокина — «<...> приобщить к делу письмо начальника геологической партии, работая в которой Бродский вел себя недостойно и ~~которую он~~ из которой он сбежал до окончания полевого сезона» (Варшавский 1964б: 6) — в записи Вигдоровой нет. Даже и в блокноте Вигдорова не стала записывать то, что не включила бы в итоговый текст — история ухода Бродского из геологической партии была для него невыигрышной: «<...> он из экспедиции уехал тогда, что, действительно, был не лучший вариант, скажем прямо. Как человек довольно долго работавший в геологии, я могу сказать, что это был уникальный случай все-таки, потому что геолог остался без коллектора, а по закону человек не имеет права один ходить в маршруты, это грубое нарушение. Я не знаю, как они вышли из положения, но то, что начальница потом Иосифу этого не простила, и это звучало потом на суде, — это было вполне понятно, это было некрасиво // Личная беседа автора статьи с Я. А. Гординым 28 сентября 2011 г.

- 19 Тут запись Варшавского позволяет увидеть уже некоторое нарушение принципов судопроизводства, а именно принципа равенства сторон: посовещавшись, суд принимает решение «письмо из геологической партии к делу не приобщать, а обозреть» (Варшавский 1964б: 7) — меж тем как отзыв секции переводчиков и к обозрению принят не был. Последнее ходатайство перед тем, как суд совещается, — Бродского: «<...> вызвать автора этого письма в качестве свидетеля, если письмо будет приобщено к делу», чтобы он, Бродский, мог задать ему вопросы (Варшавский 1964б: 6). Поскольку было принято промежуточное решение — письмо обозреть, но не приобщать, — ходатайство Бродского удовлетворено не было.

предстает у Варшавского, в жертву (ср.: «просьба» вместо «ходатайства»: «Защитница присоединяется к этой просьбе») ²⁰.

— В части так называемых его стихов
учесть
в части <добавлено: личной> тетради нет надобности
их изымать.

Тяглый } заседатели
Лебедева }

Сорокин — общ. обвинитель.
<следующая страница>
~~Заклю~~ Он не был ознакомлен с
делом.

из дзерж. милиции

«Не занимается общ. полезным
трудом, ведет паразитич. образ
жизни».

В перерывах не работал. Но он же работал!
(Вигдорова 1964а: 15–16)

Судья: В части так называемых его стихов учтем, а в части его личной тетради, изымать ее нет надобности. Гражданин Бродский, с 1956 года вы переменяли 13 мест работы. Вы работали на заводе год, а потом полгода не работали. Летом были в геологической партии, а потом 4 месяца не работали... (*перечисляет места работы и следовавшие затем перерывы*). Объясните суду,

²⁰ Отметим попутно пример невнимания защитников Бродского к языку права: никто из читавших запись Вигдоровой в первые дни не обратил внимание, что в коротенькой, восстановленной по памяти записи первого суда выступает «защитник», а в записи второго — «адвокат», и что «защитница», следовательно, — это уж и вовсе третий вариант.

почему вы в перерывах не работали и вели паразитический образ жизни?

(Вигдорова 1965: 283)

Вигдорова снова не дает эпизод, указывающий на наличие процессуальных нарушений²¹, и снова опускает указание на инстанцию, с которой лучше не спорить, — на милицию²² — и не указывает на нарушения, относящиеся к самой милиции²³; фрагмент же, который кажется ей безопасным, она дает почти дословно. Здесь и определяются тема, ракурс будущего возможного очерка: низкий статус литературы для судьи, заседателей, общественного обвинителя, высокий статус литературы для Бродского и его защитников. Основная тема определила и ключевые слова.

21 Затем судья объявляет состав суда.

Адвокат: Что, свидетели не удаляются из зала суда?

Судья: Характер дела этого не требует.

(Варшавский 1964б: 7)

Ср. также более поздний эпизод:

Адвокат: Вы утверждаете, что в документах дела отражены не все полученные вами суммы...

Судья: Этот вопрос уже обсуждался. Отклоняю вопрос.

(Варшавский 1964б: 15)

22 «Судья оглашает заключение Районного отдела милиции», — записывает Варшавский (Варшавский 1964б: 7), Вигдорова же старается обойти этот момент, и фрагмент «из дзерж.<инской> милиции» (милиции Дзержинского района, где жил Бродский) в итоговой версии записи просто вложен в уста судье, без ссылки на милицию.

23 Из другой части записи:

Адвокат вносит ходатайство о проверке размеров аванса и гонорара по договорам и об установлении точной суммы полученных Бродским денег. Напоминает, что ~~решение~~ определение суда от 18.02.64 г., предписывавшее милиции выяснить эту сумму, выполнено не было.

Сорокин: Документов в деле и так хватает.

Судья: Отклоняет ходатайство адвоката.

(Варшавский 1964б: 15–16)

Ключевые слова

Я в перерывах занимался
 тем, чем занимаюсь сей-
 час — пишу стихи.
 — Что полезного в том,
 что вы ~~полез~~ часто
 меняли место работы?
 — Я менял работу потому,
 что я хотел больше знать
 <следующая страница>.
~~В перерывах не работал~~
~~Если не станет ясно,~~
~~что писать стихи —~~
~~— это работа — ничего~~
~~хорошего не будет.~~
 О жизни и людях.

(Вигдорова 1964а: 16–17)

Бродский: Я в перерывах работал. Я занимался тем, чем занимаюсь и сейчас: я писал стихи.

Судья: Значит, вы писали свои так называемые стихи? А что полезного в том, что вы часто меняли место работы?

Бродский: Я начал работать с 15 лет. Мне всё было интересно. Я менял работу потому, что хотел как можно больше знать о жизни и людях.

(Вигдорова 1965: 283)

Подчеркнутые для самой себя слова отражают то, как видела Вигдорова самую суть происходящего: это суд над поэтом за то, что он пишет стихи, а не работает. Поэтому к исходной записи в блокноте она добавляет слово «работал»: «Я <...> занимался тем, чем <...>» — формулировка не про работу, нужно добавить ключевое слово, потому что — ремарка самой себе — иначе «ничего хорошего не будет». Сказал это слово Бродский или не сказал, Вигдорова его вносит, имея в

виду адресата своего текста: разговор идет на уровне ключевых слов, которые должны быть понятны и постоянным читателям Вигдоровой, и генеральному прокурору СССР Руденко, и другим высоким инстанциям, которым она писала после суда и которые должны были увидеть в этой записи аргументы для пересмотра дела.

Еще из ключевых слов: «так называемые» («так называемые» стихи в блокноте Вигдоровой отсутствует, но в записи есть), Вигдорова делает их маркером хамства судьи.

Бродский начал работать в 15 лет: этот добавленный Вигдоровой в записи фрагмент — тоже работа с ключевыми словами и образами: ключевыми для лексикона соцреализма (рабочая молодежь). Хамство судьи, однако, — тоже устойчивое клише соцреализма 1950-х (зарвавшийся чиновник).

Каким должен был быть человек, ему противостоящий?

— Что вы сделали полезного для родины?

— Я писал стихи. Это моя работа. Я убежден, что каждое слово мною написанное сослужит службу всем многим поколениям людей.

<следующая страница>

— Мы называем ваши стихи «так называемые» потому, что иного понятия о них у нас нет

<рисунок: вероятно, шлагбаум>

(Вигдорова 1964а: 16–17)

Судья: А что вы сделали полезного для родины?

Бродский: Я писал стихи. Это моя работа. Я убежден... я верю, что то, что я написал, сослужит людям службу и не только сейчас, но и будущим поколениям.

Голос из публики: Подумаешь! Воображает!

Другой голос: Он поэт. Он должен так думать.

Судья: Значит, вы думаете, что ваши так называемые стихи приносят людям пользу?

Бродский: А почему вы говорите про стихи «так называемые»?

Судья: Мы называем ваши стихи «так называемые» потому, что иного понятия о них у нас нет.

(Вигдорова 1965: 283)

Фраза, записанная Вигдоровой в блокноте, звучала слишком гордо, и Вигдорова ее изменила. Она убрала «каждое слово», убрала «многие поколения»: читателя записи не должно было раздражать то, что, как Вигдорова хорошо понимала, раздражало даже защитников Бродского²⁴. Ср. у Юрия Варшавского:

Судья: Так в чем же все-таки, на ваш взгляд, состоит польза, которую вы приносите обществу? В ваших так называемых «стихах», или еще в чем-нибудь?

Бродский: В моей работе, в моих стихах. Все, что написано о них в деле — бездоказательная хула или ложь.

Судья: Как вы понимаете свою трудовую деятельность?

24 Наталья Долинина так запомнила первое свое впечатление от Бродского в декабре 1963 года:

Я видела его очень мало, минут десять, и мне он решительно не понравился: был развязан, самоуверен, надут. Тем не менее я твердо решила участвовать в его защите — не только потому, что его делом занялась Фрида, за которой я бы пошла куда угодно, но и потому, что мне самой была глубоко отвратительна статья «Окололитературный трутень» и те действия, которые начались после неё.

Впрочем, не после, а до...

(Долинина 1965: 1)

Бродский: Я убежден, что каждое слово, мной сказанное или написанное, принесет пользу — духовную, культурную — людям, живущим в этой стране.

(Варшавский 1964б: 8–9)²⁵

В версии Варшавского ответ Бродского завершается словами: «Кстати, я прошу не применять по отношению к моим стихам слова „так называемые“. Это звучит оскорбительно» (Варшавский 1964б: 9): не вопрос судьбе, как у Вигдоровой, а достойный ответ. Сравнение записей вновь показывает: там, где Вигдорова представляет Бродского жертвой, Варшавский изображает его человеком, знающим себе цену и достойно себя защищающим²⁶. И. Б. Комарова, сидевшая во время суда прямо за Вигдоровой, запомнила его таким:

Он сидел спиной к залу, лицом к суду. Его можно было видеть, когда он поднимался. Когда он поднимался, он поворачивался вполоборота к залу, вполоборота к суду. Он не стоял спиной к залу, он сидел только спиной к залу. Он держался очень достойно. Он всегда держался очень достойно.

(Личная беседа автора статьи с И. Б. Комаровой, конец апреля 2012 года)

У Вигдоровой Бродский — и жертва, и поэт, говорящий от имени литературы. «Он поэт», — утверждает кто-то из публики (читатель записи, держащий в руках ее полную версию, вместе с первой частью

25 «С семнадцати лет я пишу стихи. Это мое главное дело вне зависимости от их публикации или общественного признания. Все, что я делал, я делал к славе моей Родины. Со временем взгляд на мое творчество и мое поведение переменится» (Варшавский 1964б: 8).

26 Возможно, что различия в восприятии поведения Бродского на суде были связаны с упоминавшейся выше разницей оценок ситуации в целом у представителей разных поколений, но кроме того: для Вигдоровой Бродский — мальчик, на которого пошел каток и которого нужно из-под этого катка вытащить, для Варшавского он — человек, вполне способный сам за себя постоять.

(Вигдорова 1965: 280), помнит записанное там: «от Бога»), он «воображает», — считает другой представитель публики, в приведенном выше коротком отрывке записи Вигдоровой поддержанный судьей. Если мы будем комментировать содержащиеся здесь узнаваемые образы-клише (наличие которых отличает запись Вигдоровой от записи Варшавского), то увидим, что соцреализм теснейшим образом переплетается с темами русской классики: Бродский у Вигдоровой — то ли жертва произвола, то ли поэт, говорящий от Бога, но столкнувшийся с толпой²⁷, то ли представитель той части общественности, которая тоже есть и тоже общественность, — поскольку есть ведь и свидетели защиты, и «другой голос», отвечающий «голосу из публики».

Пушкинские коннотации здесь совершенно очевидны, и вопрос, естественно возникающий сегодня, тоже очевиден: почему эта система образов, сегодня стойко закрепленная за школьной программой по литературе, была существенна для людей лет пятидесяти? А она была существенна.

Первый ответ, напрашивающийся: Вигдорова (как и Долинина) преподавала в школе и писала о школе.

Второй ответ, тоже очевидный: Вигдорова отражает в записи оптику Ахматовой, о новых стихах и высказываниях которой она годами узнавала от Лидии Чуковской, — оптику непрерывавшейся традиции русской классики, эстафеты, лиры; теперь Ахматова передала Бродскому, а он самым достойным образом принял. Возвращаясь снова к вопросу о разности оптик защитников Бродского разных поколений, отметим, что у них, столь различно воспринимавших степень своей незащищенности перед государством (отпустят или посадят? подсудимый — жертва, лишенная субъектности, или человек, обладающим своим голосом и своей волей?), ассоциации из классики оказались схожими — благодаря Ахматовой, значимой для тех и для других.

На третий день после приговора Бродскому, только что вернувшись из Ленинграда, Вигдорова послала Чуковской уже завершенную ею

27 Именно стихотворение «Поэт и толпа» цитирует Ефим Эткинд, представляя себе на месте Бродского Пушкина (Эткинд 1988: 69).

запись суда. К записи она приложила стихотворение Александра Кушнера:

Уснешь с прикушенной губой
Средь горьких жуликов и пьяниц.
Заплачет горько над тобой
Овидий, первый туняец.
Ему все снился виноград
Вдали Италии родимой.
А ты что видишь? Ленинград
В его зиме неотразимой.
Когда на набережной снег
Летит, врываясь на Литейный,
Спиною к ветру человек
Встает у лавки бакалейной.
Тогда приходит новый стих,
Ему нет равного по силе.
И нет защитников таких,
Чтоб эту точность защитили.
Такая жгучая тоска,
Что ей положена по праву
Вагона жесткая доска,
Опережающая славу²⁸.

«Средь горьких жуликов и пьяниц» едет в ссылку «туняец» Бродский: он не им равноположен, но Овидию. Упомянув Овидия, Кушнер отсылает к «Цыганам» и сравнивает Бродского с Пушкиным, написавшим не только «Цыган», но и «Погасло дневное светило...». Образ поэта, сосланного царем (рассказ старого цыгана: «Царем когда-то сослан был / Полудня житель к нам в изгнание»), как и в целом пушкинское противопоставление «поэт и царь», даны Кушнером вполне отчетливо: да, Бродский — в ряду классиков, идущих от Овидия. Между Овидием

28 Благодарю Александру Раскину за возможность ознакомиться с этим неопубликованным письмом и приложенными к нему стихами.

и Бродским — Ахматова, ответившая Пушкину и Лермонтову их размером, четырехстопным ямбом²⁹:

Так вот судьба твоих сынов,
О Рим, о громкая держава!
Певец любви, певец богов,
Скажи мне: что такое слава?
(Пушкин 1977: 157)

Кто знает, что такое слава!
Какой ценой купил он право,
Возможность или благодать
Над всем так мудро и лукаво
Шутить, таинственно молчать
И ногу ножкой называть?..
(Ахматова 1965: 302)

Вигдоровой не нужно было стихотворение Кушнера, чтобы сопоставить Бродского с Пушкиным, но, какими бы глазами она ни читала строки молодого еще поэта, писавшего, что «нет защитников таких, чтоб эту точность», точность стиха, «защитили» (читай: адвокат Топо-

29 Ср. «Смерть поэта»: «<...> Не мог щадить он нашей славы <...>» (Лермонтов 1948: 18). Именно «славой» завершает Кушнер свое стихотворение, написанное четырехстопным ямбом и отсылающее не только к Пушкину, Лермонтову и Ахматовой, но в первую очередь — к самому Бродскому, к «Рождественскому романсу», написанному тем же размером. К «Рождественскому романсу», где повторяется и повторяется — то есть длится и длится — движение «в тоске необъяснимой», которое, может быть, и выведет к «свету и славе», если этот маятник («жизнь») когда-нибудь качнется «вправо», — но пока он качнулся «влево» (Бродский 2019: 113–114). Да, отвечает Кушнер Бродскому, маятник затем качнется вправо, к славе. Потому что при столкновении со стихией, в момент сильного удара — можно было бы сказать «удара судьбы», но он здесь изображен вполне физически, это удар ветра, которому человек противостоит, — это пассивное, защитное действие претворяется у поэта в действие, обладающее огромной силой: «Тогда приходит новый стих, / Ему нет равного по силе».

рова, свидетели Грудинина, Эткинд, Адмони и приехавшая их записывать писательница Вигдорова), она, видимо, уважала право Кушнера и право Бродского видеть себя наследниками не только Ахматовой, но и вообще русской классики. Усилила ли она пушкинские коннотации в своей записи, прочитав Кушнера, или они уже там были именно в том виде, в котором мы их знаем» — очевидно, что в первые дни после суда это ассоциация, совершенно напрашивающаяся. Такой же она, скорее всего, была в этот момент и для Бродского³⁰.

Но есть и третий ответ на вопрос о причинах коннотаций из классики в записи Вигдоровой, близкий предыдущему: Пастернак как классик, равный Ахматовой, которого ни Чуковская, ни Вигдорова на общемосковском собрании писателей 31 октября 1958 г. не защищали,

30 25 марта 1964 года, меньше чем через две недели после суда, не зная стихотворения Кушнера, Бродский в архангельской пересыльной тюрьме пишет об изгнании — как Пушкин, сосланный Александром I, написал «Погасло дневное светило...»: «Сжимающий пайку изгнанья / в обнимку с гремучим замком, / прибыв на места умиранья, / опять шевелю языком». «Изгнанье», дань романтическому изображению себя как поэта-изгнанника, оказывается рядом с «пайкой», «гремучим» замком, «шевелю языком», да еще и рядом с «местами умиранья», — это уже не ссылка на юг, не Кишинев с Овидием, не «...С милого севера в сторону южную» (Лермонтов 1948: 62) — это Мандельштам, умерший во Владивостоке на пересыльном пункте: это «гремучая доблесть грядущих веков» и «...Губ шевелящихся отнять вы не могли» (Мандельштам 2009: 156, 199). Поэтому и стихотворение о «сиянии русского ямба» написано трехсложным размером: «Сияние русского ямба / упорней — и жарче огня, / как самая лучшая лампа, / в ночи освещает меня. / Перо поднимаю насилию, / и сердце пугливо стучит. / Но тень за спиной на Россию, / как птица на рощу, кричит, / да гордое эхо рассеян / засело по грудь в белизну. / Лишь ненависть с Юга на Север / спешит, обгоняя весну»: Мандельштам и Лермонтов не вернулись, и он, Бродский, тоже может не вернуться, пугливо стучащее сердце — не метафора, а медицина. Он продолжатель традиции русской классики, к которой относятся и писавшие ямбом, и Мандельштам, и эта традиция его освещает в переносном смысле, как в буквальном это делает — свеча, которая скоро догорит: «<...> от смерти подобье свечи / собой закрываю упрямо, / как самой последней стеной. / И это великое пламя / колблется вместе со мной» (Бродский 2019: 298–299).

хотя обе переживали собственное неучастие³¹. Соположение процессов Бродского и Пастернака не приходило тогда в голову, вспоминает Яков Гордин³², — но для Вигдоровой это была именно актуальная ассоциация. Возвращаясь к тому, с чего мы начали: Вигдорова представила этот суд как метафору, показала «суд над поэтом» — над этим, молодым, и над поэтами старшего поколения, репрессированными, из которых Ахматова осталась к 1964 году одна.

Соединение в одном тексте ключевых для классики и соцреализма слов можно рассматривать как обращение к разным адресатам. «Поэт и толпа» — это к своим, поскольку запись Вигдорова в первые дни раздавала щедро, не имея при этом в виду ни отправлять ее за границу, ни пускать ее в самиздат. Недобросовестный чиновник — это к Руденко, который может исправить несправедливость как вышестоящая инстанция³³. Это было хорошо узнаваемое клише середины 1950-х: плоха не система, плох конкретный недобросовестный чиновник (см. «Оттепель» Эрэнбурга 1954 г., «Не хлебом единым» Дудинцева 1956 г., «Карнавальную ночь» Рязанова 1956 г.), которое Вигдоровой было хорошо знакомо: она записывала обсуждение и «Оттепели» (14 июня 1954)³⁴, и «Не хлебом единым» (22 октября 1956, см.: [Вигдорова] 1956).

Именно запись обсуждения в ЦДЛ «Не хлебом единым», точнее запись прозвучавшей там речи Паустовского, предлагала соположение классики и соцреализма: у нас был бы расцвет культуры, сказал он, если бы бюрократы не уничтожили тех, кто создавал эту культуру.

Еще одна «точка пересечения» классики и соцреализма: классика в произведениях соцреализма стала безопасной зоной для описания ре-

31 Чуковская 2010: 208. Вигдорова, по воспоминаниям А. А. Раскиной, на вопрос, почему она не выступала на том собрании, ответила дочкам: «Вас с папой пожалела» (письмо к О. Розенблюм 2 августа 2023 г.).

32 Личная беседа автора статьи с Я. А. Гординым 28 сентября 2011 года.

33 В соответствии с этой схемой дело Бродского и завершилось его досрочным возвращением в Ленинград уже после смерти Вигдоровой, заоблачной инстанцией оказался Первый заместитель Генерального прокурора СССР Руденко Михаил Маляров (Эдельман 2007).

34 Благодарю Г. Суперфина, обратившего мое внимание на эту публикацию: Bérard 2006.

прессий, предложив рассматривать их как «вечную тему» и предложив сравнения, уводившие от сегодняшнего дня³⁵.

Но коль скоро апелляция к классике означала переход к «вечным темам», репрессии тоже оказались «вечной темой». Что и было увидено в записи некоторыми ее тогдашними читателями. Так, Елена Арманд отправила запись Вигдоровой Твардовскому, задав ему следующие вопросы:

Но скажите, до каких же пор Россия будет ссылать своих поэтов? И нынче не на юг и не в свое имение, а совсем напротив. <...> Это не пушкинские времена: после того, как мы считали жертвы на сотни тысяч и миллионы, не огрубели ли настолько, что судьба одного поэта для нас суший пустяк?

(Арманд 1965)

Твардовский ушел от ответа на этот вопрос, сообщив Елене Арманд, что с записью Вигдоровой он знаком.

35 См., напр., роман Георгия Гулиа «Пока вращается Земля...» (1962), где заключенный, вернувшийся с Колымы, сравнивается с графом Монте-Кристо.

Литература

- Ахматова А. А. (1965): Бег времени: Стихотворения. 1909–1965. М.–Л.: Советский писатель.
- Бродский И. А. (2019): Иосиф Бродский. Стихотворения и поэмы: В 2-х томах. Т. 2. Вступ ст., сост., подг. текста, примеч. Л. Лосева. СПб.: Лениздат.
- Варшавский Ю. С. (1998): Варшавский Ю. Протокол выездного заседания Дзержинского народного суда по делу И. А. Бродского, обвиненного в тунеядстве // Иосиф Бродский: творчество, личность, судьба. Итоги трех конференций. СПб: Звезда. С. 274–282.
- [Вигдорова Ф. А.] (1965): Стенографический отчет процесса Иосифа Бродского // Воздушные пути. Альманах. Вып. IV. Нью-Йорк. С. 279–303. — В конце публикации прим.: «Записала Ф. В.».
- Вигдорова Ф. А. (2017/1955): Дело Бориса Журавлева // Вигдорова Ф. А. Право записывать / Сост. и комм. Е. И. Вигдоровой и А. А. Раскиной. М.: АСТ. С. 88–100.
- Вигдорова Ф. А. (2017/1959): Кем вы ему приходиться? // Вигдорова Ф. А. Право записывать / Сост. и комм. Е. И. Вигдоровой и А. А. Раскиной. М.: АСТ. С. 28–36.
- Волков С. М. (1998): Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Независимая газета.
- Гордин Я. А. (2010): Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел. О судьбе Иосифа Бродского. М.: Время.
- Золотоносов М. Н. (2013): Гадюшник. Ленинградская писательская организация: избранные стенограммы с комментариями. М.: Новое литературное обозрение.
- Коротеев К. Н. (2018): «Дайте срок без приговора!»: записи Фриды Вигдоровой в контексте юридической практики в Российской Федерации 1960-х и 2010-х гг. // Acta Samizdatica. Вып. 4. М.: ГПИБ России, Международный Мемориал. С. 279–284.
- Лермонтов М. Ю. (1948): Полное собрание сочинений. Т. 1. Стихотворения. М.; Л.: ОГИЗ; Государственное издательство художественной литературы.

- Мандельштам О. М. (2009): Полное собрание сочинений и писем. В трех томах. Том первый / Сост., подг. текста и комм. А. Г. Меца. М.: Прогресс-Плеяда.
- Морев Г. А. (2020): Поэт и Царь: Из истории русской культурной мифологии (Мандельштам, Пастернак, Бродский). М.: Новое издательство.
- Освобождение (2000): Освобождение. [Документы о пересмотре «дела о туеядстве» Иосифа Бродского] / Публ. Н. Г. Охотина // Звезда. № 5. С. 67–75.
- Пушкин А. С. (1977): Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. / Текст проверен и примеч. сост. Б. В. Томашевским. 4-е изд. Л.: Наука.
- Раскина А. А. (2017): Фрида Вигдорова и дело Бродского: мифы и реальность // Вигдорова Ф. А. Право записывать / Сост. и комм. Е. И. Вигдоровой и А. А. Раскиной. М.: АСТ. С. 258–280.
- [Розенблюм О. М.] (2018а): О «литературности», «документализме» и «юридическом языке» записей суда над Бродским (стенограмма обсуждения доклада О. Розенблюм) // Acta Samizdatica. Вып. 4. М.: ГПИБ России, Международный Мемориал. С. 249–278.
- Розенблюм О. М. (2018б): Создать публицистику в настоящем смысле слова (1956): запись обсуждения романа В. Дудинцева как газетный отчет и документ самиздата // Acta Samizdatica. Вып. 4. М.: ГПИБ России, Международный Мемориал. С. 91–139.
- Чуковская Л. К. (2010): Борис Пастернак // Чуковская Л. К. Из дневника. Воспоминания. М.: Время. С. 165–224.
- Чуковская Л. К. (1997): Записки об Анне Ахматовой. В 3 т. Т. 3. М.: Со-гласие.
- Эдельман О. В. (2007): Процесс Иосифа Бродского // Новый мир. № 1. С. 152–167.
- Эткинд Е. Г. (1988): Процесс Иосифа Бродского. London: Overseas Publications Interchange Ltd.
- Bérard E. (2006): Débat sur Le Dégel d'Ehrenbourg à l'Union des écrivains soviétiques // La Revue russe. No 28. P. 59–68.
- Reich R. (2022): Words on Trial: Morality and Legality in Frida Vigdorova's Journalism // Slavic Review. Vol. 81/Issue 2. P. 349–369.

Архивные материалы

- Арманд Е. Д. (1965): [Письмо А. Твардовскому]. Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 155. Арманд Е.
- Варшавский Ю. С. (1964а): [Рукопись воспоминаний о заседании суда над Бродским 18 февраля 1964 г.]. Личный архив автора воспоминаний.
- Варшавский Ю. С. (1964б): Протокол выездного заседания Дзержинского народного суда по делу И. А. Бродского, обвиненного в тунеядстве. Forschungsstelle Osteuropa. Фонд 30.36 (1–3). Варшавский Ю. С.
- Вигдорова Ф. А. (1964а): [Блокнот Натальи Долининой с записями, сделанными ее рукой и рукой Фриды Вигдоровой. Записи Фриды Вигдоровой]. Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 155. Вигдорова Ф.
- Вигдорова Ф. А. (1964б): В редакцию «Литературной газеты». Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 104.
- [Вигдорова Ф. А.] (1956): [Запись речи К. Паустовского на обсуждении романа Дудинцева «Не хлебом единым»] // Московский литературный музей-центр К. Г. Паустовского. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 78-81; Там же. Ед. хр. 161.
- Долинина Н. Г. (1965): Долинина Н. Г. <Неоконченные воспоминания>. Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 104.

Интервью

- Личная беседа автора статьи с Я. А. Гординым 28 сентября 2011 года.
- Личная беседа автора статьи с И. Б. Комаровой, конец апреля 2012 года. [Запись восстановлена по конспекту.]
- Личная беседа автора статьи с Ю. С. Варшавским, 18 апреля 2014 года [Запись восстановлена по конспекту.]
- Личная беседа автора статьи с А. В. Топоровой, 3 июня 2014 года.

Московский ипподром середины 1960-х ¹

Беседа О. Розенблюм с Павлом Литвиновым

Я был очень... — может быть, и остаюсь в какой-то степени, но был в большей степени — ...таким подростком. С одной стороны, очень импульсивным и бесстрашным: я все время что-то пробовал. С другой стороны, очень глубоко неуверенным в себе психологически. Я все время бросался в какие-то вещи, которые не додумывал до конца. В чем моя удача — что в какой-то момент мне все это надоело, и тут арестовали Алика <Гинзбурга>, я познакомился с Ларой <Богораз> — и вдруг нашел смысл жизни. Можно сказать, что до этого просто искал себя. «Искал себя» — это банальщина, примитивный уровень, но правда: я не знал, что я хочу делать.

Моя семья — все ученые. Не крупные, но ученые. И мама, и папа. Папа — инженер, изобретатель, ученый, летчик. Мама — ученый-биолог². И оба со степенями, не докторскими, а кандидатскими. И самые близкие друзья семьи — все физики или что-нибудь в этом роде. Самый мне близкий человек из старшего поколения, которого я очень любил и уважал, — Миша Левин³, он был физик, довольно крупный.

Я не знал, что делать, а жизнь непрерывно наполнялась сложностями, которые не нужны. Я женился — мне еще 18 лет не было, завел

1 Этой публикацией я хотела бы сказать Гарику спасибо за совет спросить Павла Литвинова о московском ипподроме и за все другие советы, дождавшиеся и не дождавшиеся осуществления. — О. Р.

2 Михаил Максимович Литвинов (1917–2006) — выпускник мехмата МГУ, кандидат технических наук, сын наркома иностранных дел СССР. Флора Павловна Литвинова (1918–2020) — кандидат биологических наук.

3 Михаил Львович Левин (1921–1992) — один из основателей школы радиофизики в Горьком, друг А. Д. Сахарова.

ребенка — мне было 20. Я жил с родителями жены, Наташи Барденштейн, в Подлипках. Они все работали у Королева, вот в этих самых «почтовых ящиках» (Королев тогда назывался Калининград). Оттуда я ездил в университет, потом я думал уйти из университета, начать работать в «ящике». Ухудшались отношения с родителями жены: в тесной двухкомнатной квартире две семьи, ребенок. И я оттуда ушел. Зарабатывать, чтобы помогать семье, я, конечно, толком не мог: я все время давал уроки, разгружал овощи на вокзалах, но денег всегда было недостаточно. А к тому же были другие интересы: и выпивка, и университетские друзья.

Меня, с одной стороны, много что интересовало, с другой — я ни на чем остановиться не мог. Была ошибка пойти учиться на физику (хотя меня физика интересовала), потому что физиком надо быть хорошим. Или, по крайней мере, нужно любить ее до полного... ну как и многие профессии... до полного самоотречения, чтобы она была самым главным в жизни. А этого не было. И среди всего прочего не хватало денег.

Я пытался в университете играть в карты. Чтобы зарабатывать. Якобы. Ну, конечно, заработать этим, может быть, и возможно, но надо иметь другой характер. Хотя я играл хорошо — был я импульсивный, я мог несколько раз сыграть и выиграть, а потом проиграть. И на этом фоне я познакомился с парой ребят, которые ходили на ипподром.

Со мной учился такой парень — Володя Бакатанов, он сказал, что у него лучший друг — наездник на ипподроме. Мы познакомились. Миша Фингеров — замечательный, очень интересный человек⁴. Без всякого образования: он не кончил школу, из совсем простой деревенской семьи, его отец, который не жил с ними, был моряком даль-

4 В 1998 г., к 60-летию Фингерова (1938–2007) журнал «Огонек» сообщил: «На счету Михаила Самуиловича Фингерова, мастера-наездника международного класса:

— 26 международных призов,

— 3 приза Мира,

— всесоюзный рекорд,

— самый высокий процент побед среди наездников страны».

(Огонек. 1998. № 30 (июль). С. 23)

него плаванья. Коммунальная квартира на Арбате. Миша играл на ипподроме, а потом стал наездником, причем наездником очень высокого класса, одним из лучших был к тому времени.

У нас образовался круг — он и моя небольшая университетская компания, кто-то из нас играл на ипподроме, кто-то нет. Много выпивали. Не было денег, я проигрывал то, что было. Ушел в академический отпуск из университета. В общем, была полная неопределенность и ненаправленность жизни. Все нравилось, все было интересно, я ходил в какие-то литературные компании — но не было сосредоточенности. Я любил читать книги, любил выпивать, были какие-то романы, но ничто из этого не имело смысла. И был ипподром.

Что такое был ипподром: это был оставшийся уголок буржуазной Москвы, с какими-то ассоциациями... Ты чувствовал, что среди всего советского есть менее унылое место: вот люди чисто капиталистического склада, они хотят выиграть деньги. Люди приходили туда, пили водку, в буфете продавалась черная икра, или красная. Толпа отличалась от той, что была в театре. В кинотеатре вообще люди не вместе. Ипподром похож на стадион, но на стадионе не играли, на стадионе болели. А здесь спорт, но люди действительно пытались заработать. Это было интересно атмосферно, это место было уникально.

Периодически официально запрещали игру. Но коннозаводство было популярно, потому что был жив Буденный и была легенда гражданской войны: кавалерия, конница, Бабель... Все это как-то было смешано. Были конные заводы, в 1960-е еще считалось, что лошади имели военное значение, они еще употреблялись широко в сельском хозяйстве, и получалось так, что никогда не хватало денег у Советского Союза, и они скрепя сердце понимали, как легко с помощью этих тототшиников, игроков на ипподроме, заткнуть дырки и сохранить конные заводы — и эту промышленность, и конницу, вот эту российскую гордость. Буденный лично лоббировал, чтобы не запрещали игру на ипподроме, так что мы должны быть этому усатому человеку благодарны за то, что он сохранил, по крайней мере на то время, какой-то кусок буржуазной Москвы. Он приходил на дерби, все его видели, с усами стоял, в полной маршальской форме, хлопал, когда выигрывали. Это была такая связь советской истории и буржуазной игры.

И ты стоял и смотрел, выбирал лошадь и ставил на нее. Ставки делались в кассах, и потом все обсуждали: «Если бы он не вышел, а этот специально не поехал...» «Не поехал» — это значит, что он нарочно лошадь удержал, чтобы она не выигрывала. «Этот жулик, а этот честный... Вот в следующий раз... Я сделал ошибку: если бы я поставил на эту лошадь, то...» А после того, если у кого-то оставались деньги, мы шли в закусочную, чебуречную. Забыл, какое у нее было название настоящее, но она была прямо напротив гостиницы «Советская». Мы ее прозвали «Антисоветской».

Ходили всякие полужулики, жучки, которые говорили: «Слушай, я был на такой-то конюшне, слышал, что этот вот парень, такой-то наездник, подготовил лошадь. Никто не думал, что она может так быстро бежать, а ее засекли секундомером, тайком, во время тренировки, и она на ней сейчас выиграет». А у тебя в кармане 20 рублей, ты ставишь эти 20 рублей. Скорее всего, она не выигрывает, но если она выигрывает, то этот парень к тебе подходит: «Давай». И ты ему даешь половину выигрыша.

<Сумма> зависит от того, сколько ты поставил и насколько трудно было угадать эту лошадь, потому что всегда есть какой-то фаворит, который с наибольшей вероятностью выиграет, и, как правило, он выигрывает. Но там бывало жульничество: этому фавориту давали деньги, чтобы он не выиграл, и выигрывал кто-то другой, и нужно было угадать и просмотреть людей, которых ты знаешь или думаешь, что ты знаешь, которые делают ставки в пользу настоящего победителя. Если ты успеешь с ними поставить — можешь выиграть много денег. Один раз я вместе с компанией назанимал много денег...

Да, еще была неприятная вещь, что я все время занимал деньги, чтобы играть. А потом их очень трудно было отдавать. А когда выигрывали — выигрывали немного, и, как правило, эти деньги пропивали, или как-то они иначе легко расходились. Я знал людей, которые играли так, чтобы только выиграть, и не проигрывали много, но это не был мой характер.

А один раз я выиграл 500 рублей. И это были огромные деньги. Моя зарплата была, ассистентом в МИТХТ, Институте тонкой химической технологии, — 105 рублей в месяц. Рублей 200 я отдал Мише

Фингерову, который выиграл этот заезд неожиданно для большинства. Сорвали довольно большой куш, потому что никто практически на него не играл, потому что не верили, что он сумеет выиграть на этой лошади. Где-то что-то пропили, и что-то немножко осталось, и что-то немножко я отдал Наташе, 50 рублей лишних в месяц было, большие деньги в нашей семье.

Был какой-то период, когда я ходил на ипподром по будням, когда там не было заездов, и смотрел лошадей, и пытался угадать, какая из них неожиданно может выиграть. У меня был секундомер, и я засекал, смотрел. А они старались утаить настоящие способности лошади, поэтому в присутствии посторонних они ее слишком сильно не разгоняли. Но если ты вдруг засек какой-то участок, где они не заметили, то ты узнаешь, на что она способна. А если она способна, то вероятность того, что она неожиданно попытается выиграть, увеличивается.

Читал... Был журнал такой — «Коневодство и конный спорт». Это было хобби, которое в какой-то период занимало мою жизнь, поскольку я человек страстный-престрастный, которому что-то если нравится, то очень интенсивно. И, конечно, моих родителей это беспокоило. Они все время старались с этим бороться, но бороться было невозможно, к тому же у нас почти не было отношений. Сперва я жил в Подлипках, потом я вернулся домой, но приходил поздно ночью, спал, когда они уходили на работу. Были очень плохие отношения с родителями. <Я> был такой немножко недоразвитый, недоросший, несложившийся человек.

К какому-то моменту мне стало уже неинтересно играть, мне было скучно. На самом деле, в любой игре и любом деле, в котором я доходил до какой-то степени, — мне вдруг становилось жалко: а чего я на это буду время терять? Богатым я все равно от этого не стану. А страсти такой, чтобы я всю жизнь прожил и стал таким игроком, как у Достоевского, — не было. Мне стало скучно. И я это бросил.

Серьезно думал сменить профессию, куда-то перейти учиться, но в то время реально такой возможности не было, к тому же, если бы я ушел из университета полностью, меня бы забрали в армию, что мне тоже не нравилось. И я решил, что я закончу физфак, получу диплом, начну работать и посмотрю, что буду делать дальше. Думал о каких-то

занятиях литературой вроде перевода с английского на русский какой-нибудь научной фантастики. У меня был такой приятель, Женя Цветков⁵, он со мной учился на физфаке. Он стал профессиональным переводчиком, а потом писателем научной фантастики (потом он стал какие-то сонники, толкования сновидений писать). Был какой-то полулитературный, полунаучный круг.

И в это время я подружился с Аликом <Гинзбургом> опять (я уже был знаком с ним несколько лет). Он отдал мне «Белую книгу», которую я отвез, два экземпляра, моей бывшей жене Наташе в Подлипки. А экземпляр самого плохого качества Алик отнес в КГБ. И потом я пришел к Алику и попал на обыск. Я не знал, что там обыск, я просто заходил к Алику довольно часто. Я остался на обыске, и после обыска мы вдвоем с Аликом взяли такси и поехали на Ленинский проспект⁶, и я познакомился с Ларой и Толей <Марченко>. И вот сочетание этого обыска и знакомства с Ларой и Толей полностью дало фокус моей дальнейшей жизни.

Ипподром и «Белая книга»

— *Получается, что до 1966 года Вы ходите еще на ипподром?*

— Да, хожу иногда. Страстное увлечение кончилось уже где-то в 1965 году. Я по инерции ходил, но я уже сдавал недосданные экзамены, какие-то лабораторные, пытался начать интересоваться физикой... Меня взяли в Институт физики атмосферы писать диплом, и там я даже довольно понравился академику Обухову. Он мне намекал, что если бы я продолжал заниматься тем, чем я начал заниматься для диплома, то он бы мог меня принять в аспирантуру. Было пересечение

5 Евгений Петрович Цветков (р. 1940) — геофизик и писатель-фантаст. Сотрудник Института физики Земли АН СССР, после эмиграции в Израиль — профессор в институте им. Вейцмана.

6 17 января 1967 г. были проведены обыски у Веры Лашковой, Юрия Галанскова, Александра Гинзбурга и Алексея Добровольского, через несколько дней они были арестованы. Александр Гинзбург был арестован последним, 23 января.

трех жизней — жизни, связанной с ипподромом, окончанием моей учебы, и с Аликом Гинзбургом и с Юрой Галансковым в это время я общался тоже. Ничего особенного не было — и вдруг все сфокусировалось этим днем. Видимо, я был уже к этому готов. Потому что уже на следующий день...

На меня колоссальное впечатление произвела Лара. Толя тоже, но Толя больше биографией, а Лара своим лицом... Я увидел человека такого внутреннего фокуса, и благородства, и ума, что я понял: вот это мое, вот с этими людьми я хочу быть. Не могу сказать, что все сразу изменилось в один момент, но сердечно... это был прямо конкретный день.

Обыск у Алика — это было мое первое настоящее столкновение с КГБ: я увидел, как они приходят, как они роются в книжках. Вот коммунальная квартира, вернее комнатка в коммунальной квартире (ремонт был в квартире, поэтому была одна маленькая комнатка). Набитая книгами. И вот в эту комнату приходит капитан Смелов такой, с очень смешной фамилией. Он был следователем по делу Майи Улановской в 1950-е годы⁷. Этот самый капитан Смелов приходит с понятиями и еще с кем-то. Набивается полностью комната, нам говорят, что мы не можем уходить, ну, мы только рады были остаться. И я несколько часов в этой комнате сижу, и они находят что-то, спрашивают, что это, кого...

Когда я шел к Алику, я встретил на улице идущего от Алика и возвращающегося домой Юру Галанскова. Он принес Алику законченный экземпляр «Феникса». Но я этого не знал. Только когда я пришел на обыск, они изъяли этот «Феникс», и потом Алик объяснил, что, после того как последняя закладка была закончена и они склеили отпечатанный полный экземпляр «Феникса», Юрка принес его Алику — и тут пришли с обыском. Теперь очевидно, что они следили и ждали, чтобы у Алика оказался «Феникс», потому что очень было важно сделать дело совместным, Алика и Юрки.

7 Майя Александровна Улановская (1932–2020) — участница антисталинского «Союза борьбы за дело революции», была арестована в феврале 1951 года. После освобождения — жена Анатолия Якобсона.

Они не хотели, чтобы была отдельно «Белая книга». Удар был именно в сторону Алика, но «Белая книга» — это дело Синявского и Даниэля, и все остальные литературные дела: писатели, члены Союза писателей, подписывали письма, им эта серия не нравилась. А тут был Юра, горячий страстный революционер, антисоветчик, очень милый, обаятельный человек. Он составил «Феникс», а в «Фениксе» были откровенно антисоветские вещи, «Откровения В. Вольского». Им было важно говорить, и все дело строили так, что Гинзбург и Галансков вместе делали «Феникс» и «Белую книгу». Вместе с Добровольским, который дал показания, они стали агентами НТС. НТС им прислал деньги, которые Юра пытался обменять. Или, может быть, приехал из Ленинграда какой-то человек, <который> был знаком с какими-то валютчиками, его валютчики эти обманули. В общем, им важно было, чтобы НТС, «Белая книга», «Феникс», получение валюты были вместе, чтобы легче всего было замазать. Но для того чтобы доказать связь хоть какую-то...

Алик и Юра были не дураки, они шли как бы отдельно. Алик занимался «Белой книгой», хотя Юрка ему помогал и делал большую часть работы — просто потому, что он был человек более энергичный. А Юра собирал и перепечатывал «Феникс». Вера Лашкова перепечатывала «Белую книгу». Они ждали, когда Юра принесет книгу к Алику. Они пришли сразу, как только «Феникс» пришел к Алику, чтобы в его доме и забрать. И когда Юра принес «Феникс» к Алику и возвращался домой, я его встретил. Мы пять минут поговорили. Это последний раз, когда я его видел в жизни.

— *Как-то были связаны друг с другом люди, бывшие на ипподроме, занимавшиеся «Белой книгой»? Это какое-то сообщество, какой-то круг?*

— Нет, никакого круга. Миша Фингеров — выдающийся по-своему человек. Его жена Леля Александровская⁸ помогала Марье <Розано-

8 Ольга Андреевна Александровская (р. 1933) — доктор географических наук, главный научный сотрудник отдела истории наук о Земле ИИЕТ РАН.

вой», помогала с «Белой книгой» — не с составлением, а с перепечатками, копиями. Она работала в Институте истории естествознания и техники Академии наук, и у нее был хороший знакомый — мальчик, который заведовал «ЭРОЙ» (слова «ксерокс» еще не было, вот было слово «ЭРА», это казалось такой вершиной техники, таким чудом). Там была специальная комната на замке, ты сам не мог ходить делать копии, а должен был принести экземпляр того, что тебе нужно скопировать, с визой начальника лаборатории. И тогда этот мальчик перепечатает и выдаст тебе обратно. Но, конечно, были всякие способы сделать копии для себя, и Леля Александровская взяла и через своего приятеля напечатала на «ЭРЕ» эти штуки, уже не машинописно, а именно копия на «ЭРЕ».

Алику Гинзбургу — из НТС, не НТС — кто-то привез целую пачку (мне тоже потом привозили) западных газет о деле Синявского и Даниэля. Это было еще в 1965-м году, после ареста Синявского и Даниэля, когда Алик начал работать — частично до суда, частично после суда над Синявским и Даниэлем. Масса иностранных газет, а у меня была компания друзей, которые знали немножко языки и зарабатывали тем, что переводили патенты для Института патентов, я их всех включил в переводы статей из западной прессы.

— Как это все воспринималось?

— Все понимали, у меня других друзей не было. В основном английский, но знали и французский, кто-то итальянский. Миша Лебедев, Володя Рокитянский. Кто-то был еще третий. Ну и я. И Алик мне дал вырезки из газет, которые ему привезли, мы их перевели на русский язык, отдали кому-то, кто их перепечатал на машинке, а потом Леля Александровская в своем институте напечатала, сделала копию.

Миша, наездник на ипподроме, женился на интеллектуалке такой, докторе наук. Они оба очень необычные люди. Она блестящий ученый. Она написала штук сорок книг, она специалист по истории естествознания, она про декабристов писала, потому что декабристы описывали растения и животных в Сибири. Она ездила в экспедиции в разные районы, и в отпуск поехал наездник молодой с ипподрома, на пять лет

ее моложе, такой простой мальчик, этот Миша Фингеров, и вдруг вот любовь. Действительно всю жизнь прожили вместе, пока он не умер. Я его ввел в нашу компанию университетскую. А уже потом он стал активистом, даже помощником официальным Сергея Юшенкова (меня с ним познакомили незадолго до его смерти, в один из первых моих приездов из Америки).

А что такое круг участников ипподрома? Это определенный психологический характер, он описан в литературе. Не считая Достоевского, на Западе миллион книг. Я таким не был. У меня были элементы этого, но я довольно легко от этого отказался. А были вокруг люди, которые не могли не играть. Был такой у меня приятель Костя Некрасов, блестящий математик, экономист, в ЦЭМИ работал⁹. Он умел играть и даже выигрывать, он действительно видел на шаг вперед.

Была компания, которая частично пересекалась с моими друзьями университетскими, каким-то кривым путем через Мишу Фингерова и его жену пересекалась с Аликом Гинзбургом. А мама моя очень волновалась по поводу ипподрома. Она рассказывала, что позвонила Алику Гинзбургу, и Алик Гинзбург меня вовлек в «Белую книгу» и поэтому отвлек от игры на бегах. Сене <Рогинскому> эта история безумно понравилась. Благодаря ему она приобрела жизнь, которой у нее иначе бы не было. Я об этом ничего не знал, но «строк печальных не смываю».

Беседа с Павлом Литвиновым 26 июля 2019 г.

⁹ В ЦЭМИ работали несколько друзей и знакомых Павла Литвинова, в том числе Виктор Красин.

Сабина Хэнсен

Лианозово в Бремене

1990-е годы стали временем, когда советская андеграундная культура в немецкоязычном пространстве оказалась открыта для более широкой публики.

В это время мы готовили издание «Лианозово: Стихи и картины из Москвы. С аудиокассетой и коллекцией фотографий»¹. Этот медиа-пакет, в который, помимо двуязычной книги, входили кассета с записями авторского чтения стихов и небольшая подборка фотооткрыток, посвященных истории поэтической группы, служил и каталогом для выставки графических работ из собрания Всеволода Некрасова в Германии.

Выставка проходила в двух местах: в художественном музее Бохума (27 июня – 26 июля 1992 г., Kunstmuseum Bochum) и в «Шпаркассе» в Бремене (3–28 августа 1992 г., Sparkasse Bremen). Кроме того, с выставкой и выпуском «лианозовского» издания было связано турне по Германии трех «лианозовских» поэтов: Игоря Холина, Генриха Сапгира и Всеволода Некрасова. Гастроли сопровождались выступлениями в ряде городов. В Бремене во время совместных чтений „3 OST + 2 WEST“ произошла историческая встреча «лианозовцев» с немецкоязычными поэтами-конкретистами Францем Моном и Герхардом Рюмом.

Во время поездки в Бремен лианозовские поэты установили тесный контакт с русским архивом Исследовательского центра Восточной Ев-

1 Günter Hirt & Sascha Wonders (ed): Lianosowo, Gedichte und Bilder aus Moskau. Mit Tonkassette und Fotosammlung. München: Edition S Press, 1992. — Электронная публикация этого издания: https://vtoraya-literatura.com/publ_3401.html

ропы, собирательскую деятельность и коммуникативную атмосферу которого тогда определял Габриэль Суперфин.



Илл. 1

И. С. Холин, Г. В. Сапгир, А. И. Журавлева, В. Н. Некрасов. Бохум, 1992 г.

Своим личным обаянием и приверженностью к культуре самиздата Суперфин смог убедить лианозовцев передать ряд материалов из их наследия в Бременский архив.

Этой идеей особенно увлекся Игорь Холин и, в конце концов, решил передать весь свой архив в Бремен. Договор был оформлен в 1998 г. во время последнего визита Игоря Холина в Бремен — по случаю открытия нашей выставки «Препринтиум. Московские книги из самиздата»² в музее современного искусства «Везербург» (в то время — Neues Museum Weserburg Bremen). Выставка сопровождалась

² Günter Hirt & Sascha Wonders (ed): Präprintium. Moskauer Bücher aus dem Samizdat. Mit Multimedia CD. Bremen: Edition Temmen, 1998.

небольшим симпозиумом, в котором принимали участие поэты и художники, слависты и искусствоведы.

Передачей своего архива Холин надеялся дать молодым отечественным исследователям ту возможность, которая была у него, — путешествовать из России в Германию, в Европу.

С Игорем Холиным нас связывал и особый технический интерес. Когда готовился сборник „Lianosowo“, Холин показал нам свои звукозаписи квартирных поэтических чтений, которыми он начал заниматься очень рано — в 1960-е и 1970-е годы. Он разрешил нам включить звукозаписи Евгения Кропивницкого и Яна Сатуновского в наш медиа-пакет. Мы сами их не могли записать: когда мы приехали в Москву, их уже не было в живых.

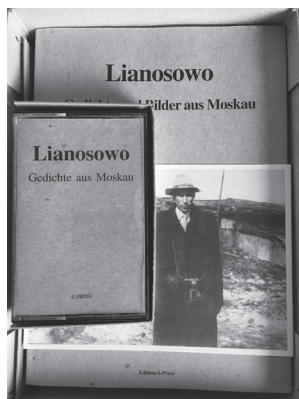
Весь корпус аудиозаписей, который включает в себя, например, и редкие записи Эдуарда Лимонова и Юрия Мамлеева, — теперь он является частью фондов Холина в Бремене, — дает уникальный обзор культуры чтения в неофициальной среде. Особенно ценной, рукописной частью бременских фондов являются дневник и личные записки Холина³. В дополнение к этому автобиографическому корпусу я в 1996 г. записала с Игорем Холиным био-интервью, публикуемое ниже⁴.

В рамках своей долголетней видеодокументации московской литературно-художественной среды я предложила Холину сделать с ним видеозапись, и он рассказывал о своей жизни перед видеокамерой. Вокруг него сложились самые разные легенды: Холин — беспризорный ребенок, Холин — офицер, тяжело раненный на Второй мировой вой-

3 На основе рукописей, которые лежат в Бремене, была издана следующая книга: Холин И. С минусом единица. Повесть, дневник, записки. Вологда: Библиотека московского концептуализма Германа Титова, 2020. См.: https://imwerden.de/pdf/kholin_s_minusom_edinitsa_2020_izd.pdf.

4 Эта видеозапись была показана на Московской выставке «Холин и Сапгир. На правах рукописи» в Музее современного искусства «Гараж» (20 мая – 17 августа 2017 г.; кураторы Саша Обухова и Екатерина Лазарева). По этому случаю была осуществлена и русская расшифровка видеозаписи, которая вместе с английским переводом и комментариями Валерия Леденева публиковалась впервые в электронном виде в отделении «Исследования» на вебсайте музея «Гараж»: <https://russianartarchive.net/ru/research/cholin>.

не, Холин — поэт, ставший таковым во время караульных дежурств на сторожевой вышке в подмосковском лагере, Холин — автор стихов о барачном мире Лианозова.



Илл. 2

*«Лианозово. Стихи и картины из Москвы» (см. примеч. 1).
На фото — И. С. Холин.*

В названии «Био-Интер-Вью» (написано через дефис) выражен сознательный сдвиг от био-интервью Сергея Третьякова в сторону пост-авангарда. Самоуверенный взгляд вперед в утопическом проекте исторического авангарда заменяется сложной ретроспективой взгляда на жизнь человека в двадцатом веке. Важно, что при этом рассказ о жизни стимулировался определенным медиа-setting, основанным на интерфейсе с видеокамерой⁵.

5 См. также издание, вышедшее к столетию Холина в небольшом немецком издательстве „Aspei“ в Бохуме: Igor Cholin: Bio-Inter-View. Eine Videoaufzeichnung von Sabine Hänsgen (= CHOLIN 100. Werkauswahl, Teil 3, mit DVD), Bochum: Edition Aspei, 2020. В этом экспериментальном издании опубликован vimeo-линк с кодом для просмотра видеозаписи: <https://vimeo.com/438246858>. Код: CHLN100. Текст «Био-Интер-Вью» публ. по этому изд.

Игорь Холин: Био-Интер-Вью

Видеозапись Сабины Хэнсген

— Я не любитель вспоминать, что было когда-то. Во-первых, не знаю, как в жизни других людей, но в моей жизни плохого было больше, чем хорошего. Я даже часто думаю: а было ли хорошее вообще? Когда вспоминаешь прошедшие времена, это, безусловно, травма. Во-вторых, едва ли хоть один человек найдется, который про себя может рассказать все. Мне кажется, даже Жан-Жак Руссо в своей «Исповеди» едва ли сказал о своих болезненных вопросах, о которых ему не хотелось, чтобы знала публика. Рассказ о моей жизни будет не очень длинным.

Лучше всего начинать со дня рождения. Конечно, этот день я не помню. Но какие-то запутанные вещи своего существования я знаю, и о них расскажу.

Моя мать — москвичка. Ну, москвичка относительная: она жила в деревне под Истрой. Там Новоиерусалимский монастырь. Люди, жившие там, занимались портняжным делом. Шили пальто, Москву обшивали. В те времена было так: одна деревня только сапоги шила. Какая-то — только пальто. Другая — брюки, пиджаки и так далее. Это были высочайшие мастера. Артисты, аристократы заказывали у них вещи. И моя мать была белошвейкой, шила белье. И, видимо, потом переехала в Москву и вышла здесь замуж. Я — ее четвертый ребенок. Не хочу компрометировать маму, но все дети у нее были от разных мужчин. С ее предыдущим мужем они были официально обвенчаны, а с моим отцом — нет. Я был записан на мужа предыдущего, которого в 1918 году расстреляли. (Как вы знаете, я родился в 1920-м.) Что-то утверждать сложно, потому что сёстры у меня были такие врушки, что ни одному слову нельзя верить. Например, Катя мне рассказывала, что мой отец по фамилии не Холин, а Львов. Он откуда-то из-под Самары, может, у него имение там было. Я так и не смог выяснить. Он служил

в царской армии. Дослужился до чина полковника, а после большевистского переворота перешел на сторону Красной армии и служил в запасном полку в Орле, где я, вероятно, и родился, и в младенчестве был привезен в Москву. Почему? Потому что у матери было три дочери и я четвертый. Меня взяли на усыновление какие-то люди. Скорее всего, купеческого звания: у них было много предметов, которые это подтверждали. Платья с кринолинами на китовом усе и другие такие вещи. Детей у них не было, и они взяли меня. Потом моя приемная мать, видимо, разошлась со своим мужем, который пил горькую, и осталась одна. К тому же у нее родился свой ребенок. И меня сплавил в детский дом.

Это было под Москвой, в Малаховке. Не знаю, наверное, у меня с психикой было что-то не вполне нормальное, потому что я все время убегал. Убегу, меня поймают. Я беспризорничал, бродяжничал. Меня отдали в детский дом в 1927 году, мне было семь лет. Откуда эта тяга убежать?! Я побывал в разных детских домах. Последний, так называемая *трудовая детская колония*, был под Рязанью, в Солотче. Это бывший монастырь, в котором создали детский дом для несовершеннолетних. Я никакого преступления не совершал, и большинство детей там никаких преступлений не совершали, но считались *трудными* детьми. Этот монастырь на меня произвел колоссальное впечатление. Может быть, это явилось впоследствии толчком к творчеству. Представьте: дети 8-9 лет, а все стены, потолки комнат расписаны религиозными сюжетами. Мне особенно запомнился сюжет, где Иоанну Крестителю отрубает голову. Очень реалистично: вот держат голову, и из нее каплет кровь. Сценами Страшного суда и всего остального были расписаны стены. И мы на это смотрели, и наши души трепетали. Наступил 1932 год, всеобщий голод, который отразился и на таких детских учреждениях. Нас не кормили. Может быть, какие-то продукты и присылались из Рязани, но они, вероятно, разворовывались воспитательским составом. Поэтому мы воровали в ближайших деревнях. Я не знаю: как я выжил? Мороз, 25-30 градусов, одежонка легкая, драное пальтишко, и вот мы шастаем по деревням. Деревни горят, кругом пожары. Почему так получается? Если война — появляется огромное количество вшей. Если голод — пожары, пожары, деревни горящие.

На ребенка 10-12 лет это производило впечатление ужаса. Потом, в 1933 году, появился у нас директор, я даже фамилию помню — Лазаренко. Он сумел быстро наладить дело. Получил землю в райисполкоме, мы обрабатывали землю, выращивали пшеницу, картошку, репу. Нас понемногу стали кормить. Он даже завел жеребца, при помощи которого осеменял деревенских кобыл, и за это брал деньги. И это тоже одно из зрелищ: приводили кобылу, а мы собирались и глазели.

И так протекала жизнь приблизительно до 1934 года. Потом меня, уже в 14 лет, отправили под Москву, в Крюково, на стекольный завод. Мне ужасно не понравилось работать. Я убежал оттуда в Крым. И там бродяжничал: где украдешь, где что-то дадут. В Харькове меня подобрали и взяли в военное училище, в музыкальную команду. Музыка я немного учился раньше, в колонии. Директор купил нам музыкальные инструменты, и все дети бросились учиться, всем хотелось играть, а меня не взяли, потому что у меня был плохой слух. Но через некоторое время дети уже не хотели играть, а я хотел. Капельмейстер меня все-таки взял, и я чему-то научился.

В Харьковском военном училище в музыкальной команде нас было несколько детей от 14 до 16 лет. А потом с 1937 года началась трудовая деятельность. Я оказался в Новороссийске на электростанции — сначала учеником, потом помощником машиниста. В 1940 году меня отправили в армию. Но музыка и тут меня спасла: мы приехали в полк, и тамошний капельмейстер спросил: «Кто на чем может играть?» Нас было несколько новобранцев — три из Новороссийска. Мы играли в самодеятельном оркестре и даже подрабатывали — на похоронах и свадьбах. Мы заявили, что мы музыканты, и нас взяли в музыкантский взвод, где я служил до 1941 года. Не помню точно, какой это был месяц, но перед самой войной. Атмосфера была напряженная. Чувствовалось, что что-то должно произойти. Мы, конечно, не знали — что. И моя задача была отсюда смыться обязательно. Но из армии удирать нельзя: могут и расстрелять. Поэтому, когда пришла разнарядка в военное училище, я сам попросился, и меня направили в Гомельское пехотное училище, где меня и застала война. Я училище не окончил. В том же 1941 году нас направили на фронт под Москву. Под Дмитровом я был впервые ранен. Меня отправили в госпиталь.

Оттуда я попал в запасной полк, где сдал экстренные курсы на младшего лейтенанта, стал офицером. В 1942 году я был тяжело ранен на Дону и после госпиталя продолжал воевать до самого конца, до 1945 года. Там, где я был, 9 мая еще шли бои: в Чехословакии это было, под городом Оломоуц. Наш полк остановился под Прагой.

После войны меня направили работать в райвоенкомат, чтобы обучать допризывников. Но это была Западная Украина, и там бандеровцы были, армия бандеровская, которая вела такую же войну, как сейчас идет в Чечне. Они жили в горах, местное население их поддерживало. Это не были *банды*, как их называли в то время. Это была такая распространенная организация. Вот райком партии, а у них — свой райком. В 1946 году я участвовал в официальных выборах и могу сказать, что это были совершенно фиктивные выборы, потому что я, как член избирательной комиссии, ездил по деревням на броневике с автоматчиками. И вот заходишь в дом, и гражданину ничего не остается, как голосовать *как надо*. Конечно, западные украинцы не хотели советской власти! Убивали. У нас райвоенком хоть и остался жив, но пуля попала ему в позвоночник, и он лишился ног. Я, увидев это, решил во что бы то ни стало из армии уйти. И мне удалось это сделать.

Тут я хочу рассказать одну историю — может, это смешной эпизод, может, грустный. Я уже оформляю документы, чтобы уехать из города Корец Ровенской области, где я служил. Вдруг является военный из войск МВД: «Я хочу с вами поговорить». Я говорю: «Ну, пожалуйста». Мы зашли в какой-то кабинет, и он мне излагает: «Не хотите ли вы перейти во внутренние войска?» Я говорю: «А что же вы мне за должность предлагаете?» Он говорит: «Мы можем вам предложить должность секретаря военного трибунала и коменданта трибунала».

Вы знаете, что такое комендант трибунала? Это главный палач. Он исполняет смертные приговоры. Я знал, что такое комендант. Я даже рассказ написал в книге «Заброшенный угол», где расстреливают командира батальона. И как раз командовал этим расстрелом комендант трибунала. Расстрел этот был чудовищный, потому что его никак не могли убить. С десятков, наверное, пуль в него попало, а он жив. Этот комендант к нему подскочил и из пистолета стреляет ему в висок, но пистолет отказывает, не стреляет. Так тогда эти, из команды комен-

данта, схватили его за ноги, поволокли и бросили в могилу, в яму, вырытую для этой цели. Вот видите, чего я был свидетелем! Наши лакировочные фильмы, героизм, вообще все такое... Гнали людей на убой! И из этого надо исходить, думая о прошлой войне, а не из каких-то героических поступков. Хотя на той войне ни один человек не мог доказать, что он поступил геройски. Война была массированная: авиация, артиллерия, танки — какой там героизм? Смешно даже говорить об этом.

Ну, в общем, дослужился я до чина капитана и уволился. После этого я скажу о главном, что вас интересует. Как я начал писать? Писать я начал поздно, в 1949 году. Мне было 30 лет.

За административное, пустяковое преступление мне вlepили два года лагерей. В лагере я встретил знакомого, с которым служил в армии. Он был начальником учета распределения заключенных. Он увидел мою фамилию и немедленно вызвал к себе. Мы не могли с ним обниматься, целоваться, само собой разумеется. Но он меня устроил в самоохрану. Самоохрана — это когда охранников набирают из числа заключенных, дают винтовку, отправляют на вышку караулить тех же самых заключенных. Но жили мы за зоной, не в зоне, и имели возможность передвигаться — это не считалось нарушением. Мне очень много приходилось стоять на вышке. Нас, самоохранников, эксплуатировали как хотели, бывало, по 18 часов стояли на вышке, без смены. И вот я, стоя на вышке, стал сочинять стихи. Это была полнейшая чепуха, естественно. Я уже даже не помню, что это было такое. Но я возомнил о себе, но все-таки подумал, что нужно что-то узнать. И я решил сходить в близлежащую деревню — село Виноградово, где была библиотека. Придя в библиотеку, я сразу заявил: «А у вас есть Александр Блок?» Библиотекарша на меня посмотрела странно (потом выяснилось, что книги Блока на руки не выдавали). Но она сказала: «А вы что, пишете стихи?» Я, с некоторым апломбом: «Да, пишу стихи». Она говорит: «А у меня муж художник и тоже пишет стихи. Приходите к нам».

Это была Ольга Ананьевна Потапова, жена Евгения Леонидовича Кропивницкого, известного сейчас художника. Она тоже замечательная художница. В один из свободных дней мы с приятелем, который

тоже писал стихи, пошли. Это было недалеко, через Дмитровское шоссе перейти — в поселок Долгопрудное. Там они жили. Мы были ошарашены — оказалось, что Евгений Леонидович жил в комнатке метров восемь квадратных. И не один: кроме него, еще дочь с ребенком, жена и бабушка. В такой маленькой комнатухе с печуркой, которая топилась дровами. Я думаю, эти условия были даже хуже, чем в лагере. Мы поговорили, он поинтересовался, что мы, как, чего. Я прочитал ему стихи, и мой приятель тоже прочитал стихи. Эти стихи были очень плохими, но он был прекрасным педагогом и этого не показал нам. А сказал: «Ну конечно, пишите, пишите, я думаю, что у вас все получится». И я стал ходить к Евгению Леонидовичу, а приятель мой больше не пошел. Видимо, ему показалось, что это очень бедно для художника — жить так плохо. А я стал ходить и «прилепился». Мне Евгений Леонидович много рассказывал о Генрихе Вениаминовиче Сапгире, который в то время служил в армии, показывал его стихи, ему отсылал мои стихи. Поэтому, когда Сапгир уже приехал, мы уже были хорошими знакомыми, даже друзьями. В это же время дочь Евгения Леонидовича Валя Кропивницкая разошлась со своим мужем-инженером и вышла замуж за приехавшего к ним Оскара Рабина, бывшего ученика Евгения Леонидовича по Дворцу пионеров Ленинградского района, куда, собственно, Генрих Сапгир тоже ходил. Оскар приехал и женился на Вале. Организовалась небольшая группа: три поэта и два художника, ведь Евгений Леонидович был и поэтом, и художником. И с этого все началось. Потом Оскар получил в Лианозове комнату, поскольку он в то время работал на железной дороге десятником. И культурный центр из Долгопрудного (хотя мы продолжали ездить к Евгению Леонидовичу) переместился в Лианозово.

Но я согласен с Всеволодом Некрасовым, что вся жизнь начиналась у Евгения Леонидовича, а потом перекочевала к Оскару Рабину, хотя Евгений Леонидович продолжал играть очень большую роль. Мы не знали, что делается в Москве. Была наша небольшая группа, и все. Лев, сын Евгения Леонидовича, вернулся из лагерей, где провел 10 лет. Это долгий рассказ. Его осудили на десять лет просто за «будь здоров». Никакой вины, ничего не было. И вот он вернулся, потом вернулся Борис Свешников, с которым они вместе сидели, потом вернулся Аркадий

Штейнберг, с которым они вместе сидели. Видите, как круг все расширяется, у этих людей были свои знакомые, поэтому образовалась культурная группа, культурный слой. Но еще большее значение имело то, что Евгений Леонидович преподавал во Дворцах пионеров живопись для ребят, которые ходили в изокружок. Он встретил одного своего ученика, Юрия Васильева, который уже был художником, членом МОСХ, но был «левым художником».

Мы пришли к Васильеву, увидели его работы, и они сильно на нас повлияли, и на Оскара, который в то время писал еще реалистические вещи. И на Льва тоже. Сейчас многие будут отрицать это, но я склонен все-таки думать так. У Юрия Васильева были свои знакомые: Наталья Егоршина, Николай Андронов. И благодаря этому кругу, который все расширялся и расширялся, мы побывали и у старых художников: у Александра Тышлера, у вдовы Александра Осмеркина, у родственников Артура Фонвизина смотрели его работы. И, в общем, встали на какие-то совершенно новые позиции благодаря этому общению. Сами понимаете, это все было неофициальное искусство: к тому времени Васильева уже из МОСХа выгнали за его «художества». Но в 1959 году все-таки прошла первая выставка «левых художников» в Центральном доме литераторов, и для нас она тоже явилась откровением. Так же, как и Элий Белютин, с которым мы познакомились. Он вел большую студию. Это был человек удивительный, интересный. Он держал до четырехсот учеников, и они такую деятельность развернули, что даже снимали пароход, плыли по Волге, чтобы рисовать пейзажи. Почему я заговорил о Белютине? Это была вторая выставка «левых художников», а «белютинцами» были многие: Борис Жутовский и другие, много художников, и сам Белютин был замечательным художником. В общем, таким образом дела пошли. Начались выставки в квартирах, в мастерских. Познакомились с Ильей Кабаковым, Владимиром Янкилевским, Олегом Васильевым. Круг знакомых все расширялся. И наконец наступило время, когда «вся Москва» знала нас и мы всех знали. Я имею в виду, конечно, людей искусства. В 1959 году на выставке в ЦДЛ мы встретили художника Ивана Бруни, и он познакомил нас с только что назначенным главным редактором издательства «Малыш».

Мы с Генрихом Сапгиром стали писать для детей стихи, за что нам платили деньги. Я до 1974 года писал стихи для детей, потом бросил. Жизнь была тяжелая, денег было очень мало. Если мы собирались, то наскребали какую-то мелочь, покупали пару четвертинок водки, бутылки две вина, картошки и селедку. И хоть это было прекрасно, но бедность — она видна. Вообще, у нас только единицы жили богато — или дети богатых родителей, или те, кто получали от государства большие зарплаты, вроде Михалкова, Маркова. Все они сейчас, конечно, притворяются, что были такими хорошими, такими демократами, что дальше некуда. А на самом деле все было не так. Только когда у художников картины стали покупать иностранцы, тогда дела пошли лучше. У нас стихи иностранцы не покупали, поэтому нам приходилось выискивать разные пути, чтобы заработать какие-то деньги. Мы с Генрихом Сапгиром зарабатывали творчеством для детей.

— *У вас были и другие профессии, вы работали официантом...*

— Когда я вернулся из лагеря, то поступил работать официантом в «Метрополь». Это была очень доходная работа, чаевых иногда накапливалось по 10-15 рублей. Для тех времен, когда научный сотрудник получал 110 рублей, это были большие деньги. Я в то время жил неплохо, хотя комнатка была в бараке — мы жили там втроем с моей первой женой, с дочерью Людой в небольшой комнате, метров 8-9. Если сопоставить с тем, как жил Евгений Леонидович, где было пять человек, то мы вроде бы шикарно жили. В 1957-м или 1958 году я ушел и стал заниматься только литературной работой. Сначала было очень туго и плохо, но потом стало немного лучше.

— *Может быть, расскажете про общую атмосферу 1960-х годов?*

— Мне тогда не очень нравилась атмосфера. У меня было очень много знакомых диссидентов: Андрей Амальрик, главный диссидент, Александр Гинзбург, Павел Литвинов и другие. Я относился к ним с большой симпатией. Но что-то меня в них раздражало. Теперь, осмысливая те времена, я думаю, что они боялись — ареста, за ними все вре-

мя следили, и жили они с оглядкой. Подозрения у них стали возникать не только к властям, но даже и к своим хорошим знакомым. Приходит человек к Гинзбургу, а он думает: «Не стукач ли пришел?» Понимаете? Вот такая была тогда атмосфера. Хотя в отношении искусства того времени могу сказать — это был невероятный подъем духа. И повторится ли это, не знаю. Только вот, может быть, Владимир Сорокин или Виктор Ерофеев, которые равняются на то время, еще несколько человек. А тогда был очень большой подъем. Люди жили только искусством, потому что были бедны.

1996

*Илл. 1**И. С. Холин во время видеоинтервью.*

P. S.

Юбилей — радость прежде всего для друзей и близких именинника: наконец-то есть неоспоримый повод для признаний в любви и возможности вручить то, что всегда так хотелось подарить. Виновник торжества понимает, что ему не отвертеться; он с вежливой улыбкой принимает подарки и терпеливо выслушивает панегирики. Раздаются крики «ура!», шампанское льется рекой. Наутро жизнь начинается снова.

Дорогой Гарик! Что касается подарков, то тебе действительно не отвертеться. Эта книга собрала приношения твоих многолетних друзей и коллег, и все мы питаем надежду, что тебе будет любопытно — хотя бы потому, что любопытства тебе не занимать и к каждой предложенной теме тебе наверняка будет что добавить. Все авторы и авторки знали, что у них будет хотя бы один внимательный и заинтересованный читатель. Поэтому эту книгу было очень радостно делать, спасибо тебе за эту возможность.

Но! (Ведь всегда есть «но».) Работая с воспоминаниями, личными обращениями и прочими биографическими нарративами твоих друзей и коллег, мы испытывали чувство собственного острого непрофессионализма — оттого, что главный, очевидный ход сделать нельзя: написать тебе, переспросить, уточнить.

Мы, конечно, попытались выйти из положения, назвав сказанные о тебе слова «Мемуары, не сверенные с архивом». Но мы отчетливо понимаем, что на полях этих «Мемуаров...» появится множество твоих помет, совершенно со всем сказанным не согласных. Поэтому мы оставляем вслед за этим неловким объяснением достаточно места, чтобы ты мог все записать, и обязуемся найти возможность опубликовать твои исправления и замечания — если ты, конечно, этого захочешь.

Спасибо всем друзьям, которые под разными предложениями узнавали у тебя то и это: благодаря им удалось избежать хотя бы части ошибок. Спасибо тем, кто прислал статьи и кто хотел их прислать, но по уважительным причинам не успел (достаточно сказать, что публикации ждет еще как минимум статья о писях сиротки Хаси). Может быть, эти материалы войдут в гипотетическое «2-е изд., испр. и доп.»?

Мы просим прощения у тех, кто мог бы быть в этом сборнике, но, к сожалению, отсутствует.

В последний момент мы поняли, что в книгу не вошло главное: мотивировка заголовка. Александр Грибанов вспоминал, как С. Г. Позина провидчески говорила: «Ох, Гарик, быть тебе в каталожке!» В каталожке ты уже был, к каталогу теперь добавится еще одна карточка. Скажи при случае, какое испытание вынести легче.

*Твои недостойные ученики —
Ольга Розенблюм, Илья Кукуй*

